Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

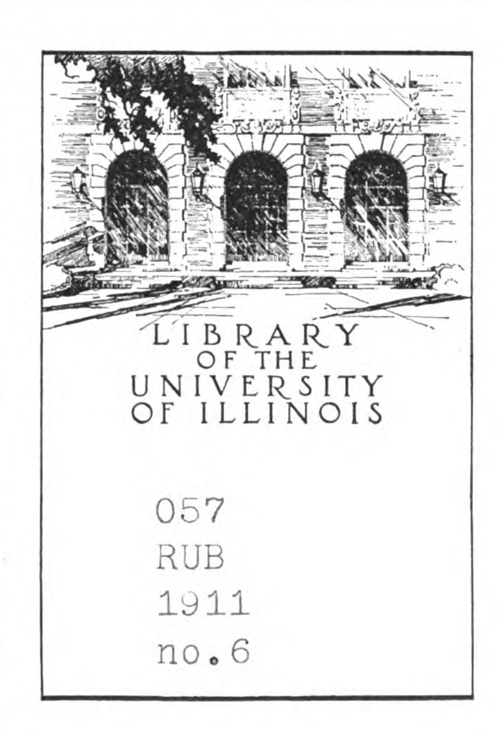
ІЮНЬ. 1911.

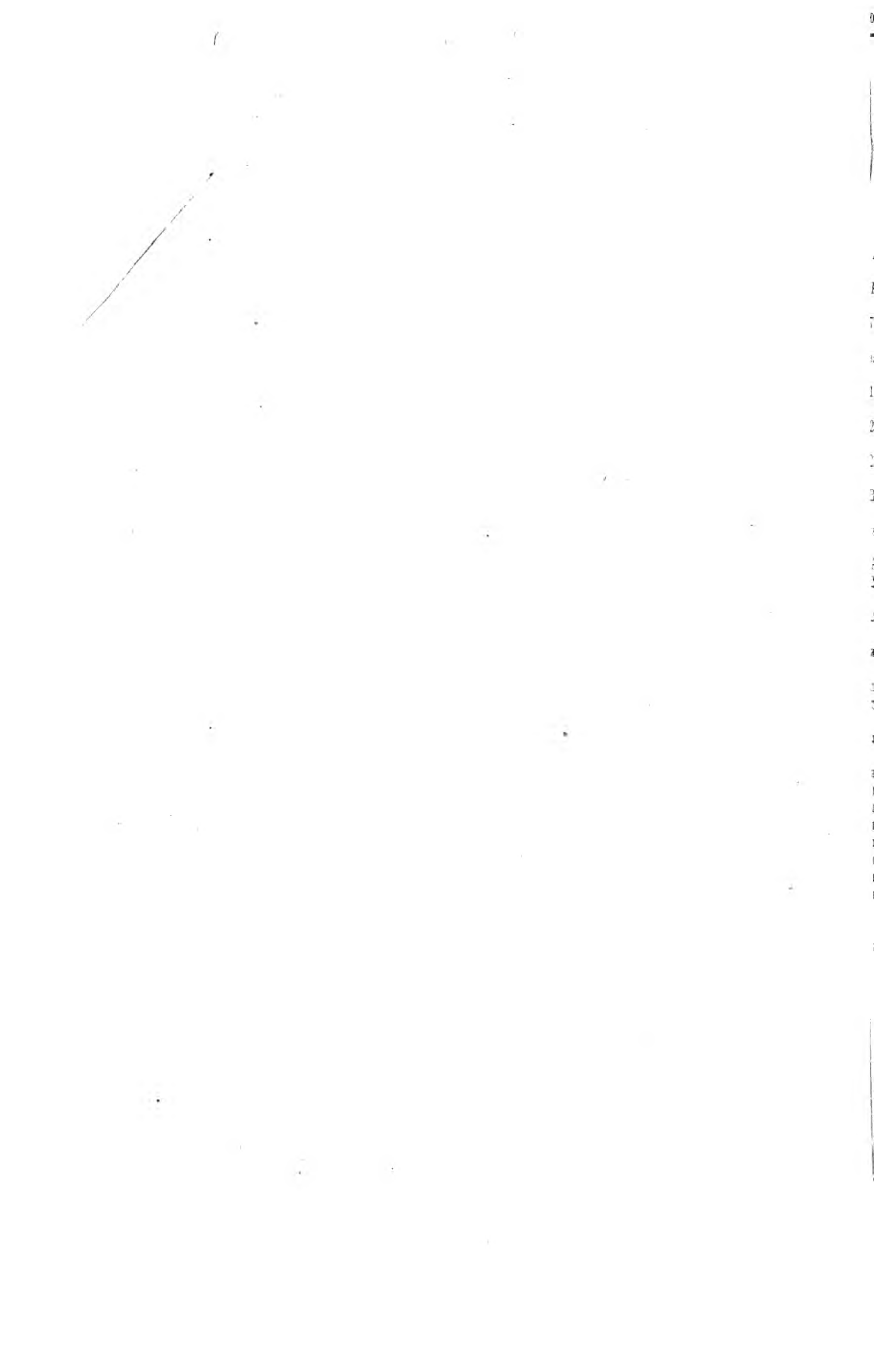
РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 6.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ГОДЪ. Продолженіе. . . . . В. Муйжеля.
2. КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО 1846—47 гг. Окончаніе . . . В. Семевскаго.
3. СПУТНИКИ . . . . Ѳ. Крюкова.
4. СУДЪ ПОБѢДИТЕЛЕЙ. . . . . . . С—ъ.
5. КАРТИНКА. . . . . Г. Б.
6. НОВѢЙШІЙ ИСТОЧНИКЪ КОММУНАЛЬНЫХЪ и ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДОХОДОВЪ . . . . І. Кулишера.
7. НОВЫЙ МАКІАВЕЛЛИ. Романъ. Продолженіе . . . . Г. Д. Уэльса.
8. РУССКАЯ КНИГА о ФРАНЦУЗСКИХЪ РАБОЧИХЪ въ ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Окончаніе . . . . . . Н. Карѣева.
9. ИЗЪ АНГЛІИ. . . . . Діонео.
10. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ. Н. Русанова.
11. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. . А. Петрищева.
12. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПАРЛАМЕНТЪ (Письмо изъ Китая) . . . . М—на.
13. НОВЫЯ КНИГИ.
14. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.
15. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
ДЛЯ ЛИЦЪ СТРАДАЮЩИХЪ
Неврастеніей, половымъ безсиліемъ, старческой дряхлостью, истеріей, невралгіями, малокровіемъ, чахоткой, сифилисомъ, послѣдствіями ртутнаго леченія, сердечными болѣзнями (ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіеніе, перебои, міокардитъ), артеріосклерозомъ, алкоголизмомъ, спинной сухоткой, параличами, слабостью отъ перенесенныхъ болѣзней, переутомленіемъ и проч.
Въ продажѣ появилось множество малоцѣнныхъ и вредныхъ для здоровья подражаній нашему СПЕРМИНУ, предлагаем. подъ разными на СПЕРМИНЪ похожими названіями, причемъ, для введенія больныхъ въ заблужденіе, подражатели приводятъ въ своихъ рекламахъ наблюденія врачей надъ нашимъ СПЕРМИНОМЪ-ПЕЛЯ, приписывая таковыя своимъ подражаніямъ. Въ виду этого мы считаемъ своимъ долгомъ предостеречь лицъ, пользующихся Сперминомъ, отъ подобныхъ средствъ. Всѣ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія выдающихся ученыхъ и врачей надъ благотворнымъ дѣйствіемъ СПЕРМИНА произведены исключительно надъ нашимъ СПЕРМИНОМЪ-ПЕЛЯ, а поэтому просимъ при покупкѣ обращать вниманіе на названіе
СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ
и на нашу фирму, т. к. всѣ другіе препараты суть не что иное, какъ плохія поддѣлки СПЕРМИНА-ПЕЛЯ, по дѣйствію ничего общаго съ нимъ не имѣющія. Единственнымъ настоящимъ Сперминомъ является СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ, флакон. 3 руб.
Желающимъ высылается безвозмездно богатая литература о Сперминѣ.
ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и С-вья.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.—С.-Петербургъ, В. О., 7 лин. 18.
БОЛЬНЫМЪ.

СПИНОДЕРЖАТЕЛИ,
выпрямляющіе фигуру
МАРКУСЪ ЗАКСЪ СПБ., Литейный, 45.

ВЪ ВѢДѢНІИ МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

2-й годъ.

СПБ. Политехническіе Курсы

2-й годъ.

Т-ва Профессоровъ и Преподавателей. Разъѣзжая, 40, тел. 142—19.

Учреждены профессорами Технологическаго Института **Г. Ф. Деппомъ, М. Г. Евангуловымъ** и **Н. М. Холмогоровымъ**, б. попечителемъ Рижскаго Учебнаго округа **Д. М. Левшинымъ** и Инспекторомъ СПБ. Общ. Народн. Университетовъ **Н. Д. Порановымъ**.

Отдѣленія: **Механическое, Электротехническое, Строительное** и **Коммерческо экономическое**. Открытъ пріемъ на I и II курсы. Приним. лица обоего пола съ низш. образов. цензомъ. Оборудованы лабораторіи: химическая и электротехническая; кабинеты: физическій и товаровѣдѣнія. Помѣщеніе расширяется Слушателямъ предост. возможн. работать въ мастерскихъ. Высш. Учебн. Завед. Пріемъ прошеній и выдача справокъ ежедневно отъ 12—2 ч. дня, кромѣ праздниковъ. Подробн. просп. и прогр. высыл. за десять 2-хъ коп. марокъ.

ІЮНЬ. 1911.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1911.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1. **Годъ.** *В. Муйжеля.* Продолженіе . . . . . . 9— 38
2. **Кирилло-Меѳодіевское общество 1846—47 г.** *В. Семевскаго.* Окончаніе . . . . 39— 67
3. **Спутники.** *Ѳ. Крюкова* . . . . 68—105
4. **Судъ побѣдителей.** *С—ъ.* . . . . 106—141
5. **Картинка.** Т. *Б* . . . . 142—152
6. **Новѣйшій источникъ коммунальныхъ и государственныхъ доходовъ.** *I. Кулишера* . . . . 153—178
7. **Новый Макіавелли.** Романъ. *Г. Д. Уэльса.* Переводъ съ англійскаго *Э. К. Пименовой.* Продолженіе. 179—208

8. **Русская книга о французскихъ рабочихъ въ эпоху великой революціи.** *Н. Карѣева.* Окончаніе . . . 1— 24
9. **Изъ Англіи.** *Діонео* . . . . 24— 55
10. **Обозрѣніе иностранной жизни.** Португальскіе выборы.—Проектъ избирательной реформы въ Италіи.—Борьба клерикализма и свободной мысли за бельгійскую школу.—Конституція Эльзаса-Лотарингіи въ Германскомъ парламентѣ. *Н. Русанова* . 56— 83
11. **Хроника внутренней жизни:** 1. Окончаніе законодательной сессіи. Новости церковной политики.—2. Сотрудничество одесской профессуры съ одесскими факторшами.—3. Благотворители новой формаціи.—4. Доходныя статьи благотворителей. Случай изъ практики белебеевскаго земства.—5. Благотворители и Вонлярлярскіе. Спекулятивный патріотизмъ.—6. Благотворительность и издательство. Благотвореніе и притоны.—Одинъ изъ моментовъ въ процессѣ Рейнбота . . . .
12. **Предварительный парламентъ** (Письмо изъ Китая) *М—на* . . . . 119—143

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

13. **Новыя книги:**
Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповникъ».—Л. Ѳ. Достоевская. Больныя дѣвушки.—Борисъ Садовскій. Узоръ чугунный.—Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго.—В. Герье. Французская революція.—Великая реформа. 19 февраля 1861—1911 гг.—Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы.—Сергѣй Булгаковъ. Два града.—М. Л. Усовъ. Евреи въ арміи.—Д-ръ Х. Столлъ. Что необходимо знать каждому мальчику.—Хавкина.— Л. Б. Библіотеки, ихъ организація и техника.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . 144—166
14. **Отчетъ конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.**
15. Объявленія.

ГОДЪ.

VI.

Какъ большинство мужиковъ, Сергѣй говѣлъ на страстной недѣлѣ. Каждое утро отправлялся онъ на погостъ, отстаивалъ тамъ обѣдню и возвращался домой усталымъ и соннымъ отъ долгой ходьбы подъ солнцемъ. Въ понедѣльникъ онъ ходилъ два раза, къ обѣднѣ и вечернѣ, а въ среду долженъ былъ исповѣдаться.

Вся недѣля превратилась въ стояніе въ церкви, полной народа, то темной и таинственной отъ мерцающихъ лампадъ и свѣчей вечеромъ, когда глухой голосъ священника звучалъ далекимъ и чуждымъ подъ тонувшимъ во тьмѣ куполомъ, то странно свѣтлой днемъ, въ косыхъ лучахъ солнца, дробившихся въ позолотѣ иконъ и затоплявшихъ собою слабые, желтые огоньки...

Исповѣдниковъ было много, длинный хвостъ тянулся по всей церкви отъ старенькой ширмочки, за которой усталый до послѣдней степени отецъ Нилъ монотонно отпускалъ мужицкіе грѣхи...

Съ самаго утра и до поздняго вечера толпился народъ возлѣ церкви, присаживаясь на ступенькахъ паперти, говорилъ негромкими голосами, и опять тянулся въ церковь, въ сонномъ равнодушіи ожидая очереди.

Въ среду Сергѣй пришелъ чуть свѣтъ, думая занять очередь поближе, но народъ уже стоялъ въ гулкой, холодной церкви, какъ будто большинство ночевало здѣсь. У ограды бивакомъ расположились пріѣхавшіе изъ дальнихъ деревень; лошади лѣниво по утреннему жевали темное, слежавшееся сѣно, ребята спали на телѣгахъ, завернутые въ тряпье и полушубки.

Сергѣй подумалъ о томъ, какъ они, должно быть, мерзли въ холодную ночь. По утрамъ еще держали заморозки, хотя весна была на рѣдкость ранняя и дружная. Они простужались, кашляли, но родители или не могли ихъ оставить дома

или не хотѣли, и они жили тутъ чуть не всю страстную недѣлю, бѣгая днемъ по селу, забѣгая въ церковь, какъ въ свою избу, а ночью корчились отъ холода и скулили подъ грудой полушубковъ, какъ озябшіе щенята...

Сергѣй долго ждалъ очереди. Не смотря на то, что священникъ исповѣдывалъ съ той быстротой, которая дается только скучной, надоѣвшей профессіей, народу было такъ много, что раньше вечера нельзя было и думать объ исповѣди. По мѣрѣ того, какъ шло время, исповѣдниковъ приходило все больше и больше, словно всѣ откладывали обязательный обрядъ до послѣдняго времени.

Уже давно отошла обѣдня, Сергѣй раза три выходилъ изъ церкви, бродилъ по селу, выходилъ къ рѣкѣ, гдѣ толпились живой переливающейся кучей ребята, ожидавшіе, что ледъ вотъ-вотъ тронется, опять шелъ въ церковь и ждалъ, тихо переговариваясь и вздыхая, не столько отъ сокрушенія грѣховнаго, сколько отъ скуки. Наконецъ, подъ вечеръ, уже передъ вечерней, онъ вступилъ за завѣтную ширму.

Опершись одной рукой на аналой, съ усталымъ, блѣднымъ лицомъ, такимъ желтымъ и прозрачнымъ въ невѣрномъ свѣтѣ уходящаго дня, какъ будто оно было сдѣлано изъ воска, встрѣтилъ его священникъ.

Онъ молча посмотрѣлъ на парня, вздохнулъ и съ выраженіемъ тягостной необходимости спросилъ:

— Подумалъ ли о грѣхахъ своихъ? Ты, кажется, Сергѣй Даниловъ со Столбухина?

— Да, батюшка...

— Такъ, такъ... Ну такъ вотъ...

Онъ началъ спрашивать скучнымъ, усталымъ голосомъ, вздыхая и поглядывая по сторонамъ, вертя въ рукѣ конецъ эпитрахили.

— Еще чего не запомнишь ли? Не злобился ли на кого, сердца не держишь ли?

Сергѣй подумалъ, стоитъ или не стоитъ говорить о томъ, что готовитъ онъ въ деревнѣ, и рѣшилъ, что не стоитъ. Все одно попъ не пойметъ, станетъ говорить напротивъ, а можетъ еще и подскажетъ кому изъ прокофьевой шайки, а Богъ и такъ знаетъ...

Исповѣдь была необходимой обязанностью, которую почему-то надо выполнять каждый годъ передъ Пасхой. Въ ней не было ничего, что служило хоть бы отдаленнымъ намекомъ на таинство, такъ все было обыкновенно въ ней и мало связано съ той настоящей жизнью, что представлялась важной. Просто на просто надо было отбыть скучную обязанность, мало даже относящуюся къ той настоящей вѣрѣ,

что подымалась порою въ душѣ... Она была необходима, эта вѣра, безъ нея охватила бы полная безпомощность и заброшенность, но таилась она гдѣ-то не здѣсь, передъ усталымъ священникомъ, говорящимъ обычныя, надоѣвшія ему слова, о которыхъ онъ самъ не думалъ; можетъ быть, она осталась тамъ, въ поляхъ, подъ яркимъ зовущимъ солнцемъ, росла и крѣпла вмѣстѣ съ зернами, что бухнутъ и растворяются, выпуская блѣдный, слабый ростокъ...

Попъ помолчалъ, опустилъ глаза и подумалъ.

— Надо бы тебѣ кое-что сказать, не все ладно-то вѣдь и у тебя,—проговорилъ онъ,—да... Тамъ много еще ждетъ-то?

— Есть народъ...

— Охъ, Господи... Ну, такъ такъ: стань на колѣни... такъ.. голову склони... Нынѣ отпущаеши раба твоего,—забормоталъ онъ скоро и непонятно...

Положивъ на деревянную тарелку гривенникъ и взявъ съ нея сдачи пятачекъ, Сергѣй вышелъ изъ-за ширмы съ неяснымъ чувствомъ недоумѣнія и досады: пробылъ, почитай, цѣлый день на ногахъ, такъ что пятки болятъ, словно его кто поколотилъ по нимъ палкой, а для чего на самомъ-то дѣлѣ?..

Ему хотѣлось ѣсть и, не смотря на то, что по обычаю ѣсть отъ исповѣди до причастія нельзя, онъ зашелъ въ лавочку на сельской площади купить хлѣба.

Онъ не сталъ дожидаться вечерни, сразу пошелъ домой; вечеръ уже былъ, солнце готовилось опуститься и длинныя тѣни протянулись по дорогѣ. Очень хороши были эти весенніе вечера со своимъ бодрящимъ холодомъ, особой свѣжестью проникавшимъ все тѣло. Такъ пріятно было итти по дорогѣ, темнѣющей первыми сумерками, послѣ долгаго стоянія въ полутемной церкви. Легко и странно было на душѣ, какъ въ сладкомъ забытьи представлялись всѣ неурядицы деревенскія, далекія и чуждыя отъ того спокойствія, которымъ былъ проникнутъ и пологій скатъ дороги, и высокое недосягаемое небо и красный закатъ, тихо пылавшій послѣднимъ огнемъ.

— Эхъ, сидѣть бы мнѣ на землѣ, да не путаться во всѣ дѣла эти,—съ сожалѣніемъ подумалъ Сергѣй,—только безпокойство одно...

Это было очень странно, какъ онъ, которому нѣтъ никакой выгоды отъ всѣхъ этихъ передѣловъ, отъ вражды и свары, что поднялась въ деревнѣ, какъ онъ очутился въ самой серединѣ воюющихъ сторонъ.

Но тотчасъ же онъ подумалъ о продажѣ, о томъ, какъ приходилъ къ нему старый Ельниковъ, соблазняя землей и богатствомъ, о томъ, какъ разрушается эта самая деревня

послѣ того, какъ первый мужикъ вылѣзетъ изъ нея, и злость взяла его, долгая мужицкая злость, накопленная не только всѣми этими дѣлами, а шедшая отъ самаго рожденія, злость бѣдности, безпомощности, несправедливости, что давила съ перваго дня жизни...

— Ахъ народъ, вотъ народъ,—глухо думалъ онъ, шагая по твердой, какъ лѣтняя, дорогѣ, — прямо волки, а не люди...

Онъ злился на то, что сдѣлали эти волки съ Алексѣемъ, что сдѣлаютъ они почти со всѣми мужиками деревенскими, а въ сущности гдѣ-то въ глубинѣ души зрѣла и копилась обида на то, что вся его личная жизнь должна пойти прахомъ, столкнувшись съ Прокофіемъ...

Дома его ждала баня. Топила съ утра Дунька, носила воду, нарубила дровъ и Сергѣю пріятно было думать, что ему ни съ чѣмъ не надо возиться, а все будетъ готовое.

Такъ какъ на всю деревню было только три бани, то обычно топили ихъ сообща, кто носилъ воду, кто доставлялъ дровъ. Но въ этотъ разъ Даниловы готовили баню только для себя и Дунька возилась съ утра съ ней, уставъ къ вечеру.

Какъ прежде она не хотѣла итти за Ваньку Прокофьева замужъ, такъ потомъ, свыкнувшись съ этой мыслью, она уже не могла отказаться отъ нея. То, что случилось въ деревнѣ во время продажи, выяснившееся отношеніе богатѣевъ во главѣ съ Прокофіемъ къ Сергѣю и всѣмъ собиравшимся у него, дѣлало ея свадьбу гадательной настолько, что она сама почти перестала вѣрить въ нее.

Отъ этого она злилась на Сергѣя, на мать, заставлявшую ее раньше соглашаться, и въ Даниловой избѣ со дня продажи наступило то напряженное молчаніе, которое дѣлаетъ жизнь изо дня въ день почти невыносимой.

Старуха кряхтѣла, медленно ползая по избѣ, согнутая, словно она постарѣла за это время на десять лѣтъ, ворчала, но вслухъ почти ничего не говорила, Дунька рвала и метала, что бы ее ни заставляли дѣлать, а Луша оглядывалась растерянно, словно ждала, что вотъ-вотъ случится что-то, что разрушитъ всю жизнь.

А Сергѣй ходилъ задумчивый и молчаливый, дома говорилъ только необходимое и было страшно почему то распрашивать его. Не праздникомъ великимъ надвигалась Пасха, а темной зловѣщей угрозой.

Въ банѣ Сергѣй мылся съ Дмитріемъ Прокофьевымъ. Онъ пришелъ какъ будто по дѣлу, но въ сущности для того, чтобы Дмитрій предложилъ ему пойти съ нимъ мыться. Дмитрій не могъ, какъ другіе хозяева, участвовать въ топкѣ

дровами и поэтому не могъ пользоваться баней. Кромѣ того благодаря ссорѣ съ отцомъ, на него косо смотрѣли всѣ, кто былъ побогаче и находившіеся въ зависимости отъ крутого старика. А всѣ бани были у большинства такихъ—у Ларіона лавошника, дѣда Федора Романыча и только одна стояла на ободворкѣ Собакиныхъ.

Отъ грязи ребята Дмитрія болѣли, на тѣлѣ ихъ выступала какая-то короста, а голова покрывалась твердой коркой, въ которой волоса слиплись плотнымъ войлокомъ.

Больно смотрѣть было на этихъ заморенныхъ тощихъ ребятъ, смотрѣвшихъ воспаленнымъ жаднымъ взглядомъ провалившихся глазъ, одѣтыхъ въ какія-то отребья, наверченныя кучей на худыхъ истощенныхъ тѣлахъ. Какъ старики, выбирались они на солнышко, садились гдѣ-нибудь на завалинкѣ, не играли, мало двигались и только поглядывали кругомъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто просыпались отъ холода зимней спячки.

Сергѣю жалко было ихъ больше, чѣмъ самого Дмитрія и его искалѣченной жены, время отъ времени онъ, скрываясь отъ домашнихъ, таскалъ въ одинокую избу муки или чего случится, не смотря на то, что хлѣбъ уже давно покупали у Ларіона. Дмитрій принималъ это какъ милость, отъ которой его коробило, и каждый разъ говорилъ объ отцѣ и о своемъ счетѣ, что ведетъ онъ односельчанамъ. По существу онъ былъ мужикъ гордый, выросшій въ сознаніи, что ихъ домъ самый богатый, что къ нимъ всѣ приходятъ за помощью, а жизнь такъ перевернулась, что самому приходится чуть что не побираться...

Когда мылись, Дмитрій первое время молчалъ. Похоже было, что онъ сердится на что-то или думаетъ сосредоточенно о чемъ-то. И только потомъ онъ немного разговорился, сталъ смѣяться по своему обыкновенію надъ мужиками, передавать различные слухи, похожіе на сплетни.

Нищета испортила его, онъ сталъ какъ-то угодливо относиться ко всякому, съ кѣмъ говорилъ, хотя не показывалъ этого явно. Просто онъ подыскивалъ для каждаго, о чемъ говорить съ нимъ, словно стараясь быть нужнымъ...

— Что наше мужичье, только разговоръ одинъ,—говорилъ онъ, обдаваясь горячей водой и стараясь расходовать ея какъ можно меньше,—болтаютъ, болтаютъ, а сами...

— Что жъ сами?—спрашивалъ Сергѣй.

— Да что—припугни ихъ, всѣ въ стороны полетятъ, какъ цыплята отъ вороны... Ты думаешь, они и вправду всѣ такъ стоятъ, какъ говорятъ?

— Чтожъ имъ врать-то, чай не маленькіе...

— А то, что сейчасъ ты, а завтра батька мой гукнетъ на нихъ, только перья отъ нихъ полетятъ.

Онъ посмотрѣлъ на Сергѣя, усмѣхнулся и какъ-то предупреждающе нагнулся къ нему:

— Смотри ты, Серега, не сносить тебѣ головы съ нашимъ мужичьемъ; на своей шкурѣ, братъ, испыталъ это... Въ самый часъ, гляди, и откажутся—я, молъ, не я, знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю...

— Брось, что ты говоришъ, подумай самъ, чай не мое только дѣло, да моего-то, пожалуй, и нѣтъ совсѣмъ, не за себя стою...

— А вотъ гляди, было бы сказано... Можетъ, и совралъ что, тебѣ виднѣе.

Сергѣй подумалъ.

— Не можетъ этого быть,—твердо сказалъ онъ, мотнувъ головой,—не такіе люди... Что жъ, Авузинъ подастся? Либо Шерстобитъ? Либо Калининъ Иванъ?

— На счетъ Авузина не скажу, а что Калининъ... Да и Шерстобитъ тоже, одна цѣна всѣмъ... А ты думаешь, Лешка Мироновъ въ кусты не полѣзетъ?

— Этотъ-то не полѣзетъ, гораздъ самого прижало...

— За то и полѣзетъ, что прижало. Не знаешь еще ты нашего брата, какъ прижметъ когда, такъ и не на то полѣзешь, х-х-а-а...

Онъ усмѣхнулся—длинной и темной усмѣшкой—и сталъ одѣваться. Сергѣй замѣтилъ эту усмѣшку и ему стало не хорошо.

— „Тогда къ чему же все?—съ недоумѣніемъ подумалъ онъ, еще не будучи въ силахъ поймать того, что пробудила въ немъ эта усмѣшка,—не зачѣмъ все, въ пустую“...

Но это было не то. Что-то другое напомнила ему усмѣшка Дмитрія, словно забытое что-то, такое, о чемъ онъ забылъ думать—и теперь вдругъ вспомнилъ.

Этотъ разговоръ не давалъ ему покоя долго. Непрестанно вспоминалъ онъ слова Дмитрія, его странную усмѣшку, и съ этихъ поръ сталъ смотрѣть на своихъ мужиковъ съ тайнымъ вопросомъ.

Говорилъ съ какимъ-нибудь Панкратомъ Дудовымъ и глядѣлъ въ темные непонятные глаза, а смутное подозрѣніе шевелилось въ душѣ... Теменъ другой человѣкъ, говоритъ, смотритъ, блеститъ глазами, а что у него на душѣ—вѣкъ не поймешь... И вдругъ правъ Дмитрій, вдругъ дѣйствительно полѣзутъ кто куда въ самый трудный часъ, оставятъ его одного и будетъ онъ какъ дуракъ хлопать глазами...

Спросятъ:

— Да ты-то что ерепенишься, тебѣ-то польза какая?

И сказать нечего—пользы самому никакой, стоялъ за мужиковъ, а они гдѣ?..

Въ Чистый четвергъ Сергѣй причащался.

Онъ проснулся еще до свѣта, разбуженный бряканьемъ желѣзныхъ ведеръ. Дунька, вмѣстѣ съ Лушей, смѣясь придушеннымъ смѣхомъ, очевидно боясь разбудить его и мать, о чемъ-то шептались и какъ видно было—спорили.

— Врешь, съ первоначалу надо по воду итти, потомъ крыльцы...—шептала Луша, а Дунька махала рукой и, закрывая ротъ рукой, хохотала.

— Чего ты, дура?—такъ же смѣясь, спрашивала Луша.

— Да какъ же—гадать-гадать, а сами и не знаемъ, какъ гадать...—отвѣчала Дунька.

— „Гадаютъ,—съ улыбкой подумалъ Сергѣй и притворился спящимъ,—тоже думаютъ“...

Онъ вспомнилъ, какъ въ дѣтствѣ самъ гадалъ—ставилъ сухую вѣточку златоцвѣта и ждалъ, что на утро она расцвѣтетъ...

— „Пущай гадаютъ,—подумалъ онъ съ той же внутренней улыбкой,—такое дѣло ихъ“...

Дѣвушки вышли на улицу. Утро только что проснулось и солнца не было еще, блѣдное небо смотрѣло свѣтлой, молочной глубиной, а въ землѣ еще была ночь—такъ сумрачна и тяжела была ея влажная грудь. Свѣжесть утренняя охватывала холодкомъ, отъ котораго дѣвушки ежились послѣ теплой избы, но мороза не было—на рѣдкость теплая весна была въ томъ году.

Онѣ пошли за водой, распустивъ волоса и расчесывая ихъ гребнемъ, какъ слышали это отъ матери—въ чистый четвергъ надо такъ дѣлать, тогда ростъ волосамъ будетъ, сами смѣясь надъ этой примѣтой, на половину уже не вѣря ей и продѣлывая все это только по тому, что это было забавно и весело.

Потомъ ходили по ступенямъ крыльца, приговаривая имена своихъ поклонниковъ, и Луша смѣшила тѣмъ, что называла все самыхъ неудачливыхъ парней, иногда подростковъ, надъ которыми всѣ смѣялись.

— А мнѣ еще Захара бы пастуха приворожить—и молодъ, и пригожъ, лучше всѣхъ...—говорила она, стараясь быть серьезной, чтобы еще больше разсмѣшить Дуню, и, не выдержавъ, смѣялась сама,—али еще Авузина Тита... Акуратъ подъ ростъ будетъ...

Сергѣй слушалъ все это—крыльцо было какъ разъ за стѣной, у которой онъ лежалъ, и новое чувство особой трогательности и любви къ Лушѣ, этой обиженной судьбой

сестренкѣ, не теряющей, не смотря на свой горбъ, веселости и особой легкости духа, охватило его страннымъ волненіемъ. Казалось—что могло быть въ жизни этой дѣвушки? Только обида непрестанная при видѣ счастья и радости другихъ, а она смѣется, старается смѣшить угрюмую за послѣдніе дни Дуньку, старается хоть чѣмъ-нибудь заслонить, хоть на минуту темное будущее передъ ней, то будущее, отъ котораго сама вздыхала часто...

Зашевелилась на печи мать—тоже вспомнила, что чистый четвергъ сегодня, много въ этотъ день надо сдѣлать...

Пошла въ сѣни, не мывшись и не крестясь, долго копалась тамъ съ ящиками, въ которыхъ была разсада. Надо бы было помочь старухѣ нести тяжелые ящики, но нельзя было, потому что должна была сдѣлать она все сама и такъ, чтобы другіе не мѣшались не въ свое дѣло...

До солнца высадила она разсаду, копаясь стынущими руками въ холодной землѣ, потомъ на серединѣ двора распоясалась и, сложивъ поясъ кружкомъ, стала звать куръ... И, когда торопливой толпой сбѣжались онѣ вмѣстѣ съ пестрымъ огромнымъ пѣтухомъ, насыпала въ отграниченный поясомъ кругъ зерна и кормила имъ птицу, пришептывая что-то сухими губами...

Сергѣй уже всталъ въ это время и вышелъ на дворъ мыться къ привѣшенному у столбика крыльца рукомойнику. Увидѣвъ мать возлѣ куръ, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Чтожъ, ко двору приманиваешь, чтобъ не заблудили куда?..

Старуха посмотрѣла на него исподлобья, очевидно недовольная его смѣхомъ.

— Вамъ бы все надсмѣшки строить, только и знаете,— пробормотала она,—нѣтъ того, чтобы заботливость имѣть...

— А чтожъ—такъ замѣчаешь—помогаетъ?—по прежнему смѣясь, спросилъ Сергѣй.

— Вамъ теперь все одно, вы и въ Бога перестали вѣрить... Сегодня къ причастію идешь, а самъ зубы скалишь...

Большой день чистый четвергъ, много хозяйкѣ заботливой надо сдѣлать въ это время—не успѣла откормить куръ старуха, какъ, набравъ въ рѣшето послѣдняго, уже совсѣмъ просочившагося снѣга, уцѣлѣвшаго въ самомъ углу огорода въ канавѣ, пошла обходить избу, начиная съ подъизбицы до чердака... Дѣлала все это она съ полной вѣрой, недовольная тѣмъ, что дѣти смѣются надъ нею, какъ надъ всѣми этими примѣтами, покорные новой жизни, которой она не знала и не хотѣла понять. Богъ ихъ знаетъ, какіе-то чудные они пошли, все имъ смѣхъ, нѣтъ того, чтобы жить, какъ отъ стариковъ заказано, все умнѣе хотятъ быть...

Обходя избу со снѣгомъ въ рѣшетѣ и твердо вѣруя, что отъ этого не станутъ вестись блохи въ домѣ, она съ особой старческой грустью впервые поняла, что она уже не нужна своимъ дѣтямъ... Все казалось, что еще маленькіе они, что надо ихъ наставлять и смотрѣть за ними, а вышло такъ, что они уже выросли и смѣются надъ старой бабой, вмѣстѣ со старыми примѣтами ея...

— Охъ пора, пора уже,—шептала она, качая трясущейся головой, съ выбившимися изъ-подъ темнаго повоя сѣдыми волосами,—пора уже...

Она не говорила, чтó пора, но смиренно склонялась передъ этимъ словомъ, полнымъ глубокаго и темнаго значенія. И примиренность эта, такъ же, какъ внезапное сознаніе своей ненужности въ жизни дѣтей, выдавливала на старые глаза мутныя слезы.

— Пора, пора,—твердила она, бродя по двору и отъискивая спрятанный сыномъ деготь,—стара стала,—можетъ, глупа стала, кто ихъ знаетъ?..

Деготь оказался въ клѣти. Она вытащила мазницу и потащила ее къ воротамъ.

Дунька съ Лушей пришли, стали на крыльцѣ вмѣстѣ съ Сергѣемъ и съ улыбкой, перешептываясь, смотрѣли на мать.

Старуха обошла ворота въ калитку и стала мазать дегтемъ наружную сторону подворотни. Палка съ наверченной на ней вымазанной въ дегтѣ паклей шуршала по доскѣ клала жирныя пятна чернаго дегтя, какіе-то кресты и кружки которые выводила невѣрная, старческая рука.

— Отъ худой порчи бережется,—съ трогательной, немного жалкой улыбкой шептала Луша,—чтобъ отъ коровъ молока не вызывали...

Она взглянула блестящими влажными глазами на Сергѣя и Дуню.

— Стара стала,—отозвался Сергѣй.

— Не надо смѣяться, зачѣмъ смѣешься,—умоляюще взглядывая на него, зашептала Луша,—ну, чтожъ такое, ну и стара...

Ей было жаль мать—надъ ней смѣялись они, а она ничего не хотѣла худого, дѣлала, какъ научили ее ея мать или бабка, какъ дѣлали въ старину... Это отжило, осталось только въ такихъ древнихъ старухахъ, имъ уже только смѣшно, а она вѣритъ, дѣлаетъ какъ лучше—не надо надъ ней смѣяться...

Какъ только день разстоялся, явились парни. Пришло трое—Мишка Авузинъ, Егоръ Никитьевъ и Степка Ларіоновъ. Въ Чистый четвергъ они ходили по всѣмъ избамъ со-

бирать деньги на качель къ Пасхѣ. Это была своего рода повинность, возложенная на нихъ всѣмъ молодымъ населеніемъ Столбухина, собирали съ дѣвушекъ по гривеннику, съ парней по двадцать копеекъ и на эти собранные три-четыре рубля покупали лѣсъ для качель.

Такъ завелось съ очень давняго времени, обычай держался со старины и никто не протестовалъ противъ этихъ поборовъ.

— Чтожъ, качель-то какая будетъ, можетъ давать не стоитъ?—смѣялся Сергѣй, доставая деньги за себя и Лушу,— если простая, такъ Богъ съ ней...

— Кузнецъ сулился перекидную съ ящикомъ срубить, давай, давай, нечего....

— То-то, что всего доходу отъ этого только кузнецу,— бормотала старуха, — сорокъ копеекъ, малыя это деньги, чтоль...

Она какъ-то разучилась совсѣмъ говорить, бормотала себѣ подъ носъ, не обращая вниманія на то, слушаютъ ее или нѣтъ, что-то ворчала про себя, какъ-будто недовольная всегда, но вслухъ почти не бранилась, не смотрѣла даже ни на кого, бродила по избѣ и по двору, уставившись въ землю, словно обдумывая или припоминая что-то, чего не могла вспомнить.

— Ничего, матушка, алибо не сбѣдняемъ,—ласково отвѣтилъ Сергѣй — ему жаль почему-то все было матери, какой-то безпомощной представлялась она ему теперь, послѣ утра.

— Сбѣдняемъ, сбѣдняемъ...—тихо, ни на кого не глядя, говорила старуха, ползая по избѣ, точно отъискивая что-то, но ничего не нашла и сѣла въ уголокъ.

Дунька долго торговалась съ парнями, выговаривала, какія должны быть качели, а парни смѣялись и обѣщали обить деревянный ящикъ для нея кумачемъ.

— Вамъ бы только зубы скалить, а послѣ деньги небось пропьете, намъ ничего не дадите,—сердилась Дунька.

— А это ужъ какъ водится, мы качели ставить, вы качаться, а послѣ намъ праздникъ...

— Добро-бъ вы то качели ставили, а то и того не умѣете, все Василій съ Митькой Прокофьевымъ заработаютъ съ васъ, безпутевыхъ...

Парни, дѣйствительно, не умѣли ставить качелей, единственный знавшій плотничье ремесло былъ Сергѣй, но онъ былъ на особомъ положеніи—не то парня, не то мужика, и ему не пристало заниматься такими глупостями.

Ставили качель всегда мужики—главнымъ образомъ кузнецъ Василій Семеновъ, причемъ безбожно надували пар-

ней, говорили, что лѣсу нѣтъ, достать трудно, что онъ стоитъ втридорога, и устраивали такую экономію, послѣ которой кузнецъ пьянствовалъ вплоть до свѣтлаго дня.

Уже Сергѣй съ матерью и Лушей вышелъ за деревню, направляясь въ церковь, когда его догналъ кузнецъ. Онъ бѣжалъ, словно случилось что-то необыкновенное, махалъ руками и кричалъ такъ, что слышно было за версту.

— Что такое, чего ты?—спросилъ Сергѣй, когда кузнецъ догналъ ихъ и остановился, запыхавшись.

— Серега, другъ, выручи Бога для, — заговорилъ кузнецъ, едва переводя духъ, — такое дѣло, что окромя тебя не къ кому сунуться... Дай коня за лѣсомъ съѣздить, качели эти самые...

— Тьфу, Господи, напугалъ какъ, я думала горитъ что, не дай Богъ,—отплюнулась старуха, двинувшись впередъ,—озорники, истинный Господь, озорники...

— Чего тебя-то такъ подобрало?—усмѣхнулся Сергѣй.

— Какъ чего — Господи, ужли жъ не знаешь? Чай пользы-то сколько взять можно...—удивился кузнецъ...

— Все одно вѣдь пропьешь...

— А такъ вѣдь куда жъ еще то? Чудакъ ты человѣкъ, извѣстно пропью... Такъ можно что ль?

— Скажи тамъ Дунькѣ, пусть дастъ...

— Да я и самъ возьму, ты только позволь!

— Только не гоняй, гляди, а то вѣкъ больше не дамъ...

— Что ты, мнѣ только кругъ своей кузницы обернуться...—онъ захохоталъ хитро и Сергѣй догадался: лѣсъ былъ гдѣнибудь спрятанъ у кузнеца, ему надо было только показать, что онъ ѣздилъ за нимъ, чтобы содрать больше съ парней.

— Жулье вы всѣ, братцы,—засмѣялся Сергѣй, махнувъ рукой,—только и знаете другъ друга обманывать...

— Самъ знаешь, какъ пользу-то упускать?

Мать уже далеко ушла впередъ — такая старенькая, сгорбленная—шагала себѣ по чистой твердой тропинкѣ, въ новомъ темномъ платочкѣ, въ чистомъ салопѣ, по старинному сшитомъ почти до земли, опрятная и вся какая-то по особенному чистенькая, какъ бываютъ чистенькими только глубокія старушки.

— А вѣдь не долго ей скрипѣть...—проговорилъ Сергѣй, поглядывая, какъ шла, глядя по обыкновенію въ землю, мать, словно думала большую, послѣднюю думу, —гляди, скоро ей...

Луша посмотрѣла на него и глаза ея стали сразу влажными и блестящими.

— Не нужно, не говори такъ, что ты, словно самъ этого хочешь...

Она очень любила мать, пожалуй, больше всѣхъ дѣтей старухиныхъ—можетъ быть, оттого, что и мать любила ее больше всѣхъ, словно извиняясь этой любовью за то, что родила ее горбатой.

— Хотѣть тутъ нечего, а сама видишь... Вотъ ничего она не дѣлаетъ, кажись, и не говоритъ, почитай, ничего, а помри она—какъ безъ нея будешь?..

Онъ подумалъ о томъ, какъ будетъ все безъ нея—и ему вдругъ до боли стало жаль эту старушку, которую онъ почти не замѣчалъ, живя съ ней бокъ-о-бокъ. Съ особымъ невѣдомымъ ему до сихъ поръ чувствомъ нѣжности смотрѣлъ онъ на хмурое, сложившееся вѣчными складками лицо, высовывающееся изъ подъ платка. Такая старая, такая старая и не замѣтно этого было совсѣмъ до сихъ поръ какъ-то... А ужъ совсѣмъ старая...

За дорогу къ погосту старуха сильно устала. Она стала дышать какъ-то особенно коротко, вспотѣла такъ, что потъ катился по темному лицу крупными тяжелыми каплями, и, не доходя до церкви, присѣла отъ изнеможенія возлѣ какого-то дома на лавочкѣ.

— Устала, матушка?—ласково спросилъ Сергѣй,—не ходить бы тебѣ...

— Либо коня запрягли бы,—поддержала Луша.

— Коня гонять еще...—недовольно отозвалась старуха,—скажешь тоже...

Она какъ-будто сердилась на что-то — на дѣтей или свою усталость внезапную—и не хотѣла говорить.

Въ эти дни сѣрая, колыхающаяся, потная, душная крестьянская толпа почти жила въ церкви. Исповѣдники, причащающіеся, богомольцы изъ дальнихъ деревень наполняли ее, толкались, когда не было службы, сидѣли въ притворѣ, наполняя высокіе своды гудящимъ шопотомъ. Дѣти сновали подъ ногами, смѣялись и играли, получая отовсюду тумаки и подзатыльники, разсматривали страшные образа и, улучивъ минуту, когда на нихъ никто не смотрѣлъ, раскачивали висячія паникадила, на великую досаду церковнаго сторожа Бутика. Онъ былъ глухъ, старый Бутикъ, такъ что ему надо было кричать въ самое ухо, нюхалъ табакъ такой крѣпкій, что имъ пропахло все его тѣло, одежда и всѣ предметы, которые онъ бралъ въ руки. Часто дьяконъ, слѣдовавшій во время службы за Бутикомъ, несущимъ впереди въ длинномъ подсвѣчникѣ свѣчу на середину церкви, передъ тѣмъ, какъ начать чтеніе, вертѣлъ носомъ и смотрѣлъ на окошко въ куполѣ, собираясь чихнуть. У этого Бутика останавливалась

всегда старуха Данилиха. Она съ дѣтскихъ лѣтъ была дружна съ его женой, тоже насквозь пропахшей запахомъ крѣпкаго мужнинаго табаку, хотя сама его не нюхала и бранила за это мужа, и по привычкѣ говорившей такъ громко, какъ-будто всѣ были глухими.

Старуха Данилова, не смотря на усталость, немного оправившись у Бутихи, тотчасъ же пошла въ церковь. Ей непремѣнно хотѣлось присутствовать при причастіи сына. Никакіе уговоры не могли ее удержать, она поплелась въ своемъ тепломъ тяжеломъ салопчикѣ, влѣзла въ самую гущу и, пробившись въ передніе ряды, остановилась тамъ съ замкнутымъ и торжественнымъ лицомъ. Потъ лилъ съ нея, старыя ноги дрожали отъ усталости, временами дыханіе какъ будто останавливалось совсѣмъ и тогда казалось, что вотъ-вотъ она упадетъ, но она все стояла съ упорствомъ упрямой старухи, рѣшившей во что бы то ни стало сдѣлать по своему.

Ее толкали, потому что причащающіеся пробивались впередъ къ образамъ, ставили свѣчи и клали земные поклоны. Лавина тоненькихъ дешевыхъ свѣчей катилась черезъ нее— то и дѣло по плечу стучалъ кто-нибудь осторожно и сзади высовывалась желтая свѣчечка и сиплый шопотъ просилъ:

— Владычицѣ Казанской то поставь Бога для...

Передъ приходомъ она подала поминовеніе и просфору за здравіе причащающагося. И, когда дьяконъ вышелъ на амвонъ и торопливо, невнятно сталъ перечислять умершихъ, она напрягла все вниманіе, чтобъ услышать знакомыя имена.

— ... рабъ Божіихъ Никиты, Саввы, Анкудина, Петра, паки Петра...—бормоталъ глухимъ басомъ дьяконъ, не переводя духа, потомъ пріостанавливался на моментъ, набиралъ воздуху и опять читалъ:

— ... Иліи, Іакова, Митрофана, Алексія, Федора...

И, когда она уловила въ этомъ торопливомъ потокѣ давно исчезнувшихъ людей имя мужа и племянника, погибшаго на войнѣ,—стало какъ будто легче стоять и усталость отступила, словно расплылась въ трепетныхъ огонькахъ, теплящихся передъ образами.

Подъ конецъ обѣдни священникъ вызвалъ:

— Причащающіеся, подойдите...

И сразу всѣ зашевелились, затолкались, и одинъ за другимъ стали выходить мужики и бабы. Бабы передъ тѣмъ, какъ стать передъ алтаремъ, сняли платки, оправили волосы и оглянулись на толпу. Старуха придвинулась ближе, ища сына, но глаза плохо видѣли, слезились отъ кадильнаго дыма и ей показалось, что его нѣтъ. Тогда она заволновалась, метнулась въ сторону и оглянулась безпомощно, гото-

вая одновременно разсердиться и заплакать, какъ вдругъ увидѣла Сергѣя стоящаго прямо передъ ней. Онъ стоялъ, равнодушно поглядывая по сторонамъ, ожидая, когда священникъ станетъ читать молитву, съ такимъ лицомъ, какъ будто ему было скучно.

Священникъ оглянулъ выстроившихся въ рядъ причастниковъ, усталымъ движеніемъ поправилъ волосы, и строгимъ медленнымъ голосомъ зачиталъ:

— Вѣрую, Господи, и исповѣдаю, яко ты еси во истину Христосъ...

— Вѣ-у-у-у... и-и-и... у-у-у... о-о-о... с-с-с-с...—въ разбродъ и несогласно загудѣла толпа, наполняя церковь смутнымъ и громкимъ гуломъ, похожимъ на жужжанье какихъ-то огромныхъ жуковъ...

— Мо-лю-ся убо те-бѣ... по-ми-луй мя и про-сти ми прегрѣ-ше-нія мо-и... раздѣльно читалъ священникъ и причастники гудѣли за нимъ:

— у-у-у... с-с... а-а-а... о-о-о... и-и-и... а-а...

„— Господи... Господи...—молилась тоской безмолвной старая Данилиха,—не попусти, не оставь, Господи... Становой... Народъ бунтуетъ, Господи, не позволь...“

— ... и въ жи-знь... вѣч-ную-у-у... А-ами-нь... читалъ священникъ и обыкновеннымъ голосомъ прибавилъ:

— Кланяйтесь въ землю...

И причастники одинъ за другимъ, тяжело и медленно, стали склоняться на колѣни, потомъ на руки и, коснувшись волосами пола, такж медленно подымались.

„— ... Господи, чтожъ онъ сдѣлалъ такого, Господи?—недоумѣло спрашивала старая бабья душа,—за что напасть твоя?..“

Казалось, не было вр мени. Густымъ смутнымъ гудѣніемъ наполняли церковь причастники—началось это только что или было уже давно?.. Минутами казалось, что старуха безконечно долго стоитъ, такъ долго, что силъ уже нѣтъ больше стоять—проходила эта минута, и съ изумленіемъ слышала она заключительныя слова молитвы:

— Да не въ судъ и въ осужденіе буди мнѣ причащеніе...

И повышенное, радостное волненіе двинувшихся причастниковъ передалось ей и захватило трепетной волной. Эта волна подхватила ее, вынесла изъ церкви и съ изумленіемъ видѣла она яркое синее небо, такое яркое, какимъ его рисуютъ только на иконахъ, напряженный свѣтъ солнца и пеструю толпу, переливавшуюся передъ глазами, такъ что трудно было услѣдить за ней.

Сынъ былъ около, Луша откуда-то появилась и смотрѣли на нее съ мягкой улыбкой, поддерживали подъ руки...

Она склонилась къ Сергѣю и стала цѣловать его, бормоча что-то, не то поздравленіе съ принятіемъ святыхъ таинъ, не то о становомъ, о бунтѣ; она была взволнована и волненіе это прошло только, когда они пришли къ Бутихѣ.

Съ этого дня до конца Свѣтлой Заутрени она почти не выходила изъ церкви. Дни и ночи слились въ непрестанное моленіе. Горѣли свѣчи, золотые лучи солнца рѣзали прямыми мечами кадильный дымъ, тьма ночная клубилась подъ чернымъ куполомъ, толпа то приливала, заполняя храмъ, то откатывалась, усталый теноръ священника смѣнялся дребезжащимъ басомъ дьякона или чистымъ голосомъ причетника, служба шла за службой и старый Бутикъ въ промежуткахъ прибиралъ церковь, всюду разнося крѣпкій запахъ свой, а старуха все стояла у лѣваго клироса, передъ иконой Богоматери, крестилась, клала земные поклоны, стояла съ темнымъ лицомъ, по которому время отъ времени струились слезы.

Она слушала двѣнадцать Евангелій—думала о сынѣ.

— ... иду уготовать мѣсто вамъ.. читалъ священникъ.

— Охъ...—вздыхала Данилиха, проникая сердцемъ материнскимъ въ тайный смыслъ словъ перваго Евангелія.

— ... чашу юже дастъ мнѣ отецъ—не имамъ ли пити ея?..—читалъ священникъ.

— Охъ,—стонала старуха, предчувствуя чашу сыновнюю...

— ... и ты бѣ со Іисусомъ Галилейскимъ? Онъ же отвержеся предъ всѣми, глаголя...—звучало третье Евангеліе..

— Охъ, отвержеся...—предчувствовало сердце материнское:

— ... егдаже видѣша его, возопиша глаголюще: распни, распни его...—вспыхивали жестокія слова четвертаго Евангелія, а вечеръ уже спускался и красный кровавый лучъ заглядывалъ въ церковь, кровавымъ отблескомъ обливалъ иконостасъ и обливалось кровью сердце материнское:

— „Распни!..“

— ... кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ...—скорбно возглашалъ священникъ, подымая вверхъ усталые глаза.

— ... на насъ!..

— ... и приведоша его на Голгоѳу мѣсто, еже есть сказаемое лобное мѣсто...

— Казнятъ, казнятъ, охъ...—стонала старуха у лѣваго клироса.

И такъ шло время. И вдругъ материнскій стонъ сливался въ странный и мучительный аккордъ скорби съ смертной скорбью, стонавшей двадцать вѣковъ назадъ.

— ... Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ!..

Она упала въ земномъ поклонѣ и лежала такъ, распро-

стершись, полная непонятной муки за сына. Все, что думала она въ одинокомъ молчаніи своемъ, чѣмъ пугалъ ее старый крестьянскій опытъ, всѣ эти становые, бунты, запавшіе въ душу глубокой тревогой, все свилось въ запутанный клубокъ, давящій сердце.

Очнулась она уже ночью, когда горѣли неровнымъ колыхающимся свѣтомъ паникадила и лампады. Въ сумракѣ храма стояла толпа, странная отъ освѣщавшихъ снизу лица желтыхъ огоньковъ свѣчей, чуждо и таинственно блистали глаза, вздохъ летѣлъ сдержанный, качая узкія язычки пламени...

Съ истомленнымъ, похудѣвшимъ, старымъ лицомъ, обращеннымъ къ невидимому во мракѣ куполу, священникъ говорилъ:

— Слава долготерпѣнію твоему, Господи...—и, поцѣловавъ Евангеліе, медленно повернулся и пошелъ въ алтарь, невѣрно ступая одервенѣвшими, подгибающимися ногами.

И какъ сонъ былъ этотъ поздній вечеръ, когда морозъ свѣжимъ дыханіемъ стянулъ хрустящія звонко подъ ногами лужицы, звѣздное небо смотрѣло тысячами живыхъ молчаливыхъ очей и народъ расходился изъ церкви, бережно неся закрытыя полами и платками четверговыя свѣчи...

Мальчишки сновали всюду, тушили эти огоньки и бѣжали прочь, веселой ватагой, боясь получить крѣпкаго тумака, парни нарочно тушили свои свѣчи, чтобы занять огня у дѣвушекъ... Огромный, наивный Титъ Авузинъ закрывалъ необъятной ладонью крохотный огонекъ, а мальчишки, зная его добродушіе, безбоязненно высовывались со стороны и задували его; Авузинъ не сердился, медленно лѣзъ въ карманъ, вынималъ спички и, тщательно оправивъ черный фителекъ, зажигалъ свѣчку снова, полагая, что огонь все одно огонь, зажженъ ли теперь или часъ назадъ...

Вдругъ что-то вспыхнуло, хохотъ и свистъ мальчишекъ разнесся по всей улицѣ—это Вѣра Калинина, желавшая хвастнуть знаніемъ городскихъ обычаевъ, не уберегла завернутой въ трубку бумаги, окружавшей свѣчу. Бумага вспыхнула и загорѣлась яркимъ столбомъ живого пламени. Растерявшаяся дѣвушка махала ею, не зная чѣмъ потушить этотъ внезапный пожаръ, пока кто-то не толкнулъ ее къ большой лужѣ; пачкая рукава плюшеваго городского пальто, она возила по лужѣ свою бумагу вмѣстѣ съ четверговой свѣчей подъ громкій хохотъ окружающихъ...

Какъ сонъ была эта ночь—странная, вспыхивающая живыми движущимися огоньками, какъ будто сонмъ свѣтля-

ковъ расползся изъ церкви по селу, неся свой мирный наивный свѣтъ, ночь, полная тихой радости...

Въ пятницу старуха ничего не ѣла. У нея кружилась голова, ноги болѣли отъ вчерашняго стоянія у двѣнадцати евангелій, но къ выносу плащаницы она опять поплелась въ церковь, что-то бормоча про себя провалившимися губами, чуждая жизни, какъ будто она уже не жила, вся полная тихимъ, наростающимъ экстазомъ.

Уже она не слышала, что говорила ей Луша, не отвѣчала, словно все, что могла сказать ей любимая дочка, было далеко отъ нея. Она шла съ замкнутымъ, окаменѣвшимъ въ тайной суровой мысли лицомъ, по временамъ бормоча что-то непонятное другимъ, и съ жалостью, съ новой, неизвѣданной тоской заглядывала въ это лицо дочь, словно старалась прочесть въ немъ то неминуемое и страшное, что двигало старухой...

И едва только заслышала старая Данилиха странный погребальный, надрывающій душу мотивъ пѣснопѣнія при выносѣ плащаницы „Благообразный Іосифъ", какъ лицо ея стало медленно оживать, какъ будто оттаивало оно, какъ сжатая весеннимъ морозомъ земля, слезы сверкали на мутныхъ отъ старости глазахъ и снова все слилось въ чудесномъ безвременіи, заставлявшемъ забыть—день ли, ночь ли теперь, почему свѣтитъ солнце, зачѣмъ старый Бутикъ ставитъ цѣлые пуки свѣчей къ паникадиламъ?..

Опять звучали неземныя и такія близкія слова. Опять свѣтлая тоска сдавливала сердце мягкой рукой и хотѣлось пасть на твердыя плиты церковнаго пола и стонать, жалобно причитая...

Плачъ Богородицы заполнялъ церковь скорбью матери казненнаго сына... Святой плачъ, такой понятный и близкій старой бабѣ у лѣваго клироса...

— ...нынѣ моего чаянія, радости и веселія, сына моего и Господа лишена быхъ: увы мнѣ, болѣзную сердцемъ, чистая плачущи глаголаше...—

...—нѣсть святъ якоже ты Господи Боже мой...—тихо отвѣчалъ клиръ.

— ...о страшномъ твоемъ рождествѣ и странномъ, сыне мой...—стонало материнское сердце,—нынѣ тя видѣща на древѣ, распалюся утробою...

Въ чудесномъ сліяніи росла и подымалась материнская скорбь. Не свои слова роняли старыя губы чуть слышнымъ шопотомъ, не древнія слова древней скорби читалъ священникъ—одно это было, одна молитва, одна скорбь сердечная и не было ей исхода.

Тонкимъ, едва слышнымъ воемъ разлилась баба, себѣ

только слышнымъ, такимъ тонкимъ, похороненнымъ въ тоскѣ своей. Стоялъ кругомъ народъ, поглядывалъ на старую Данилиху—чего баба убивается? Никому не понятна была предсмертная скорбь ея, когда потухло уже все кругомъ и только тоска о сынѣ палила ненасытимымъ огнемъ изжившееся сердце.

Чуждая жизни, далекая отъ нея была старуха внѣ церкви. Отвѣчала только, когда ее спрашивали, а сама молчала, словно обѣтъ на себя положила, бормотала только что-то про себя, невѣдомое, непонятное другимъ, счеты ли послѣдніе сводила, съ жизнью ли прощалась?..

И всѣмъ стало понятно, что не прожить ей долго.

Старый Бутикъ глядѣлъ на нее слезящимися глазками, похожими на глазки кроткой старой собаки, качалъ головою и толковалъ Сергѣю:

— Гляди мать-то... плоха старуха-то... Не курнула бъ въ одночасье!

И удивлялся, видя ее въ церкви: радостью тихой свѣтилось желтое, словно вылѣпленное изъ стараго воска лицо, тихой скорбью туманилось, слезами старческими сверкало и давняя усталость была на немъ, а все стояла старуха, часа своего ждала, крестилась, кланялась и была не похожа на ту, что сидѣла, нахохлившись, въ уголкѣ чужой избы...

— Капутъ старухѣ...—думалъ Бутикъ, шмургая огромными сапожищами по церковному полу,—ужотка-сь померетъ ей...

И всѣ такъ думали.

Въ ночь съ пятницы на субботу вышла рѣка. Народъ былъ весь въ церкви; сурово и печально звучалъ чинъ погребенія Христова, народъ молился, вздыхалъ, стоя тѣсной толпой. Нѣкоторые ночевали тутъ же въ церкви, усталые, голодные, стояли службу въ полуснѣ, навалившись всей тяжестью на стоящихъ впереди. Душно было въ церкви, синій дымъ ладона медленной волной колыхался въ воздухѣ и лица молящихся выглядѣли въ немъ новыми: похудѣвшими, странно одухотворенными и задумчивыми.

Въ церкви, залитой тусклыми огнями свѣчей, было еще темно, а разсвѣтъ уже позолотилъ небо, когда съ печальнымъ, медленнымъ пѣніемъ подняли плащаницу. Придерживая на груди евангеліе, закрытый до половины свѣшивающимися краями священной матеріи, на которой выцвѣтшее изображеніе колебалось въ тактъ неровнымъ шагамъ несущихъ, священникъ, поддерживая надъ головою середину плащаницы, медленно направился къ выходу.

И страннымъ и чудеснымъ было это шествіе подъ восхо-

дящимъ солнцемъ, игравшимъ на мѣдныхъ крестахъ хоругвей, внимательно смотрѣшимъ на желтыя отъ безсонницы и усталости лица. Когда обогнули церковь—стала видна рѣка. Изломанныя на поворотѣ льдины стремились безпорядочнымъ хаосомъ; смутный шорохъ и трескъ доносился съ той стороны, тамъ была жизнь и борьба—послѣдняя борьба умирающей зимы. Маленькой, затерянной кучкой казалась процессія съ плащаницей передъ этой широкой силой, залитой серебрянымъ свѣтомъ всходящаго солнца; заунывнымъ погребальнымъ стономъ звучали жидкіе человѣческіе голоса, терялись въ звонѣ и радости побѣдившей весны и какъ отвѣтъ имъ—гдѣ-то высоко надъ землею, изъ необъятной голубой тверди страннымъ серебрянымъ аккордомъ донесся радостный, призывный крикъ: бѣлымъ сверкающимъ треугольникомъ, равномѣрно и сильно взмахивая крыльями, летѣли вверху журавли и, какъ рокотъ низкихъ звучныхъ струнъ, падалъ на землю ихъ весенній кликъ—радостный привѣтъ землѣ, солнцу, веснѣ...

Шли и пѣли, скорбя сердцемъ, а глаза невольно стремились туда къ веселой буйной рѣкѣ, такъ же, какъ къ удалявшейся вереницѣ журавлей; и, когда снова вошли въ церковь для стона и молитвы,—принесли съ собой въ затхлую атмосферу пахнущей свѣчнымъ угаромъ, человѣческими испареніями и кадильнымъ дымомъ церкви слабый отблескъ весенней радости, свѣжести и жизни.

Сергѣй пришелъ въ село только въ субботу. Онъ былъ дома одинъ съ Дуней и ему стало скучно отъ непривычнаго молчанія и безлюдія. Мать безпокоила его — что-то дѣлалось со старухой, не та она была, что раньше, или онъ просто не замѣчалъ прежде матери—ходила себѣ старая по своимъ дѣламъ, ворчала что-то про себя, почти не говорила ни съ кѣмъ...

— Похудѣла ты, мать,—говорилъ онъ, собираясь съ матерью къ заутрени,—совсѣмъ стянулась, не ѣла вѣрно ничего...

Старуха посмотрѣла на него и промолчала.

— Чтожъ молчишь-то, ай обѣтъ дала?—усмѣхнулся онъ, чувствуя въ то же время какую-то странную жалость къ ней.

— А чтожъ говорить то, слова зря терять?—отвѣтила мать, и тѣнь слабой улыбки мелькнула по ея лицу, какъ будто она знала такое, чего не могъ знать сынъ.—Идти надо,—добавила она, помолчавъ.

— Куда идти, рано еще, ужо погодя и пойдемъ...

— Надо... Не знаешь ты ничего... Въ церкви служба...—она пробормотала еще что-то, чего онъ не разслышалъ; потомъ, кинувъ на него взглядъ, сказала:

— Голова кружится... Хрянцы тоже гудутъ... Въ ушахъ звонъ такой, что слухать не могу...—и, опустивъ голову, подумала.—А какъ въ церкви стоишь, ничего нѣту: и въ ушахъ не гудитъ, и стоять легко... Зря это развѣ?..

— Богъ силу даетъ,—вставила Бутиха, стоявшая около. Она подперла щеку рукой и разсматривала старуху Данилиху, словно не видала ея никогда.

— То-то что силу... А имъ смѣшно... Все смѣшно...—ворчала старуха, не глядя на дѣтей,—и какъ по старинѣ что—смѣшно, и Богу кто молится, а я какъ лучше... За тебя молюсь,—посмотрѣла она на Сергѣя.

— Чего-жъ ты молишься то за меня?..

— Такъ... Молюсь... Увы мнѣ: нынѣ распалюся утробою,—съ прежнимъ отблескомъ странной слабой улыбки сказала она, придавая словамъ какое-то свое значеніе,—молюсь...

— Устала ты, матушка...—прошептала Луша, которой страшно стало отъ непонятныхъ словъ матери.

— Знамо устала,—согласилась Бутиха,—день деньской на ногахъ, почесть изъ церкви не выходя.

Старуха вдругъ заволновалась и задвигалась безпокойно на скамьѣ.

— Пора, пора, пора,—забормотала она,—время уже, пора, чего-жъ вы сидите?..

— Да поспѣешь, мать, куда торопишься то?—попробовала остановить ее Дунька, но она только посмотрѣла на нее и завозилась сильнѣе.

— Пора, пора,—твердила она, какъ будто придавая значеніе этихъ словъ не тому, что пора идти въ церковь, а чему-то другому,—говорю—пора, чего-жъ вы?

Чтобы успокоить ее, Сергѣй всталъ и одѣлся.

— Пора такъ пора, какъ хошь,—проговорилъ онъ, дѣлая знакъ Лушѣ, чтобы и она собиралась,—пойдемъ, когда такъ...

Они пришли рано, въ церкви были только крестьяне дальнихъ деревень, не имѣвшіе знакомыхъ въ селѣ. Они сидѣли и лежали на паперти, въ притворѣ, ожидая заутрени, заполняли своими темными тѣлами весь церковный полъ, такъ что пройти было почти невозможно.

Они ждали уже нѣсколько часовъ, сидя и лежа безвыходно, боясь потерять занятое мѣсто, нѣкоторые спали, скорчившись и наваливаясь другъ на друга, и воздухъ во всей церкви былъ отравленъ до невозможности. Даже у привычнаго Сергѣя закружилась голова отъ отвратительнаго запаха, густой волной ударившаго изъ двери, Луша сморщилась такъ, словно ее тошнило, а старуха шла какъ ни въ чемъ ни бывало, какъ будто совсѣмъ не замѣчала этого.

Съ неимовѣрнымъ усиліемъ, наступая на разбросанныя ноги и руки спящихъ, спотыкаясь и чуть не падая на распластанныя тѣла, пробралась она на свое мѣсто у лѣваго клироса и присѣла на полъ въ ожиданіи службы.

Время тянулось медленно, глухо шли часы въ полутемной церкви.

Читали полуночницу—сначала причетникъ, высокій, тонкій парень съ большимъ носомъ и костлявымъ кадыкомъ, двигавшимся при чтеніи такъ, какъ будто-бы причетникъ глоталъ что-то съ каждымъ словомъ; потомъ вышелъ церковный староста, богатый мѣщанинъ Алферовъ. Онъ надѣлъ большія очки и сталъ въ нихъ похожъ на шорника Трофимыча. Читалъ онъ медленно, съ трудомъ разбирая славянскій текстъ, и старуха не слушала его.

Она сидѣла въ своемъ уголкѣ, поджавъ подъ себя ноги и время отъ времени опуская голову въ глубокой задумчивости, похожей на легкую дремоту.

Мысли были какія-то странныя и путались онѣ между собой, то перебивая одна другую, то вытягиваясь въ тонкую странную нить воспоминанія—не то сновидѣнія...

Думала о сынѣ—но какъ будто отболѣла за него за эти дни, уже не возмущалась старымъ сердцемъ, а шла мыслью дальше. О себѣ думала... Видно приходитъ *это*, старость гнететъ тяжкимъ бременемъ, не замѣтнымъ прежде, такъ тягостнымъ теперь. Стоять трудно, все лечь хочется—земля къ себѣ зоветъ, силой своей тянетъ... Довольно, говоритъ, пожила, чего тамъ еще?..

Тонкими незримыми нитями протягивала щупальцы свои черная извѣчная земля къ старухѣ, зовъ ея глухой и темный чуяла спокойной душей прикорнувшая въ уголкѣ Данилиха и мирилась съ нимъ безъ протеста и возмущенія—пожила, чего тамъ еще?..

И внезапно задремывала.

...Въ сладкомъ тепломъ ароматѣ дозрѣвающихъ яблонь стоитъ отцовскій садъ, старый, полузаглохшій, но все еще богатый плодомъ, отягчающимъ изогнутыя дугой вѣтви. Свѣтлой дѣвушкой стоитъ она—Данилиха? Да развѣ-жъ у нея, Данилихи, была когда-нибудь такая коса? И такое веселое смѣющееся лицо, и такой смѣхъ звонкій, которымъ дрожитъ ея трепетное, ожидающее сердце?...

Ее пропили, и пьяный отецъ гуляетъ съ сватами въ избѣ, крикъ и пѣсня слышится оттуда, а въ саду тихо—и медленно качается задѣтая вѣтка съ тяжелымъ плодомъ. Пропили? Ну и пусть, дрожитъ все существо тайнымъ ожиданіемъ и жизнь впереди кажется безконечной и влекущей...

Подняла голову—въ большихъ очкахъ медленно читаетъ Алферовъ:

— ... во-зо-пихъ... въ... скор-би... мо-ей... ко... Го-спо-ду... Бгу... Бо-гу...—

— Пожила, чего тамъ еще?..—бормочетъ старуха, оглядывая церковь тусклымъ взглядомъ...

Кто-то изъ лежащихъ рядомъ перебранивался пониженными голосами.

— А платокъ Настушкинъ для ча взяла? Все франтить, все передъ людьми козыряться?—говорилъ мужской голосъ.

А женщина отвѣчала скучно:

— Ты скажешь... Тебя послушать...

— ...и... вѣ-ро... вав-ша... му-жіе... ни-не... ни-не... ни-невій... ниневій-сті...—съ трудомъ разбиралъ трудный славянскій текстъ закапанной воскомъ книги Алферовъ и косился изъ-подъ очковъ на мужиковъ, не слушавшихъ совершенно чтенія.

...Сонъ ли это тихо охватилъ ласковымъ объятіемъ, явь ли это внезапно встала въ старой душѣ—стоитъ посреди избы давно умершій Данила, машетъ болтающимися безъ воли руками, ругается такъ, что за три избы слышно: пьянъ и золъ и грозится бить смертнымъ боемъ, а за что—неизвѣстно... Позапрятались со страху дѣти кто куда, Сережка сверкаетъ уныло блестящими глазами на печкѣ, грозится отцу шепотомъ:—Только сунется сюда—топоромъ зарублю!.. А она сама, какъ птица съ перебитымъ крыломъ, мечется въ послѣдней истомѣ по избѣ, переступаетъ подгибающимися ногами, шепчетъ побѣлѣвшими губами безсвязныя слова—сейчасъ бить будетъ ошалѣлый мужикъ...

— Охъ, не время бы вспоминать,—опомнилась Данилиха,—ночь-то нынче какая! Чего тамъ—померъ давно и памяти нѣтъ о немъ... Всѣ помремъ! Чего тамъ еще?

Уже не Алферовъ читаетъ, пристроился къ огромной книгѣ Бутикъ сторожъ, копается въ ржавой коробочкѣ изъ-подъ грошевыхъ конфетъ, гдѣ хранитъ крѣпкій табакъ свой, и самъ не знаетъ—можно понюхать въ церкви, или нельзя? Оглянулся по сторонамъ: и понюхать хочется, и боится—грѣха или попа, неизвѣстно.

Рѣшилъ, что нельзя, спряталъ опять коробочку жестяную свою, прихмурился старчески и зачиталъ, словно горохомъ разсыпалъ:

— И бысть вкупѣ внегда возсіяти солнцу...

Медленно тянется время, глухо идутъ ночные часы ожиданія...

...Умеръ Данило, выросъ сынъ, дочка на выданьи, авось

Господь не попуститъ, сладится свадьба, Лушеньку жаль вотъ только... А ей что жъ? Она кончила свое, уходить надо, не нужна стала... Не маленькіе, а либо проживутъ и сами... Смѣются...

Нѣтъ обиды въ старой душѣ на смѣхъ ребячій—все еще ребятами кажутся ей и сынъ взрослый, и дочь невѣста—молоды, по своему жить хотятъ, смѣшна имъ старинная захмычка... Ушло это, пропало, никто вѣры не даетъ уже—конецъ, стало быть...

И съ миромъ, безъ возмущенія принимаетъ старуха конецъ этотъ—пожила, дѣтей выростила, дарма хлѣбъ только ѣсть теперь будетъ, чего еще?..

И ужъ совсѣмъ заснула, сморенная усталостью и долгимъ ожиданіемъ. Сергѣй къ заутренѣ пріѣхалъ на лошади. Онъ зналъ, что за пятницу и субботу мать такъ устанетъ, что врядъ-ли сможетъ дойти домой. Лошадь онъ поставилъ на дворѣ у Бутика и, давъ ей выстояться, напоилъ и задалъ овса. И сидѣлъ самъ около, слѣдя за тѣмъ, какъ она ѣстъ, ожидая звона, чтобъ идти въ церковь. Съ матерью осталась Луша, а Дуньку онъ прогналъ домой, чтобъ она встрѣтила всѣхъ отъ заутрени и приготовила столъ для разговѣнъ, для котораго она чуть не недѣлю готовила пасхи — твердыя булки изъ бѣлой муки съ грубыми крестами на верхней коркѣ, студеную рыбу и все, что полагалось для такого дня.

Лошадь громко и вкусно хрупала овесъ, роясь въ немъ, позвякивая удилами, болтавшимися подъ нижней губой, иногда нетерпѣливо переступала ногами и фыркала. За конецъ зимы и начало весны она хорошо отдохнула и Сергѣй съ радостью слушалъ, какъ охотно и быстро она ѣстъ.

— „Поработаемъ еще, старикъ, поработаемъ,—мысленно говорилъ онъ, глядя въ черное, усыпанное звѣздами небо. Онъ лежалъ на телѣгѣ, пристроившись на соломенникѣ, положенномъ на то мѣсто, гдѣ должна была сѣсть мать,—еще какъ поработаемъ-то, не гляди, что старъ сталъ..."

Темно было на дворѣ Бутиковомъ, заваленномъ какимъ-то никому ненужнымъ хламомъ,—старыми ящиками, разбитыми колесами, какими-то корытами, тоже никому ненужными. Между черными навѣсами повѣтей прямымъ глубокимъ квадратомъ виднѣлось небо—особенное небо, какое бываетъ только въ пасхальную ночь,—живое, дрожащее вмѣстѣ съ сонмомъ звѣздъ, струящихся густымъ золотымъ свѣтомъ.

Такъ тихо было все въ селѣ, словно всѣ замерли, прислушиваясь къ этой тишинѣ въ ожиданіи перваго удара колокола. Неслышно шла ночь—темная, по особенному ра-

достная, словно она несла примиреніе со всѣмъ, что угнетало жизнь. Все останется такимъ же, пройдетъ эта ночь-потомъ праздникъ и жизнь пойдетъ своимъ ходомъ—веселымъ и скучнымъ, радостнымъ и горькимъ, будутъ хлопоты и непріятности и свара тяжелая надвигающаяся, а кажется, словно должно сразу и круто измѣниться что-то на завтра, какъ будто первый ударъ колокола сельской церкви долженъ принести забвеніе прошлаго на границѣ какой-то новой неизвѣстной жизни...

Сергѣй сталъ думать о деревнѣ, о сходѣ, о Татьянѣ... Какъ-то вышло такъ за послѣднее время, что онъ почти не не видѣлъ ея,—то она говѣла, то онъ ходилъ въ церковь-а тутъ еще всякія дѣла деревенскія, Прокофій этотъ...

Смутной далекой тоской сжалось его сердце: не бывать тому, о чемъ говорили они, не отдастъ ее мать за него... Обрадуется старая, что разстроится Дунькина свадьба, будетъ забѣгать къ хитрому старику, Татьяну сватать... Пропалъ, пропалъ онъ со всей этой возней, совсѣмъ пропалъ... Добробъ ему самому нужно что было, а то вѣдь такъ, зря все...

Но тутъ онъ вспомнилъ Ельникова, какимъ онъ былъ въ день продажи, когда Сергѣй ушелъ въ прогонъ за клѣть и стоялъ въ смятенной растерянности.

— Ахъ, подлецъ, ахъ, негодникъ,—заерзалъ онъ на телѣгѣ такъ, что лошадь перестала ѣсть и уставилась на него неподвижно,—вѣдь что думалъ,—купить меня думалъ, чтобъ продалъ я ихъ всѣхъ... Какъ Іуда продалъ... Ахъ, какъ не хорошо!

Ему было стыдно. онъ чувствовалъ, какъ тяжелый медленный стыдъ только за то, что Прокофій могъ считать его Іудой, давитъ грудь камнемъ.

— Не надо, не надо, пусть...—шепталъ онъ, силясь не поддаться наростающей отъ этого стыда злости,—ни къ чему это пока...

Но тотчасъ же сѣлъ, обдернулъ полы пиджака, въ которомъ лежалъ, не смотря на холодную ночь, и помоталъ головой:

— Будетъ тебѣ праздничекъ, погоди... Выйдетъ не выйдетъ, а доволенъ будешь.

Онъ долго сидѣлъ въ неподвижности, похожей на оцѣпенѣніе. И вдругъ дрогнулъ и поднялъ голову. Лошадь тоже навострила уши, фыркнула и перестала ѣсть.

Что-то пронеслось въ воздухѣ—тягуче и медленно, странный гулъ, шедшій какъ бы изъ подъ земли. Потомъ еще и еще и съ каждымъ разомъ сильнѣе—благовѣстъ!..

Должно быть, первый разъ тяжелый языкъ едва коснулся края колокола и мѣдь отвѣтила этому прикосновенію

глухимъ колеблющимся стономъ. Еще и еще падали звенящіе удары съ новой колокольни, сливались въ побѣдоносный мѣдный вой, радостный и торжественный, казалось, все повышавшій свой твердый, напрягающійся тонъ...

Сергѣй поднялся и, закрѣпивъ поводъ лошади и подложивъ ей сѣна, пошелъ въ домъ надѣть пальто. Дома была одна только Бутиха, собирала на столъ торопливо, должно быть, хотѣла, убравшись, попасть сама къ заутренѣ.

— Идешь?—спросила она больше для того, чтобы сказать что-нибудь,—поди, пора уже...

Сергѣй вышелъ и тьма охватила его сразу, какъ будто бы ждала его у воротъ.

Чѣмъ ближе шелъ онъ къ церкви, тѣмъ больше шло вмѣстѣ съ нимъ народу. Шли почти всѣ, собравшіеся въ село, въ церкви были только пріѣзжіе изъ дальнихъ деревень. Негромкій сдержанный говоръ стлался по улицѣ, изрѣдка вспыхивалъ смѣхъ яркимъ лучемъ и видно было, что особая праздничная радость дрожитъ въ воздухѣ, какъ гудящій звонъ новаго колокола.

Церковь была набита народомъ до такой степени, что нельзя было и думать пробиться внутрь. Сергѣй поспѣлъ къ тому времени, когда крестный ходъ, обойдя всю церковь, вошелъ на паперть и остановился передъ занавѣшанными красной полинявшей занавѣской стеклянными дверями.

Пока священникъ читалъ ектенію, народъ колыхался вокругъ, медленными непрерывными волнами. Всѣ стояли со свѣчами, и желтые трепетные огоньки сверкали въ блестящихъ, широко открытыхъ глазахъ, придавая лицамъ выраженіе новой веселости и ясности. Наконецъ завѣса, закрывавшая входъ, дрогнула, скользнула въ сторону и съ радостнымъ, побѣдоноснымъ кликомъ двинулся пестрый клубокъ людей внутрь, предводительствуемый священникомъ съ крестомъ и трехсвѣчникомъ въ рукахъ.

— Хри-стосъ во-скре-се-е-е...—напрягался хоръ, заполняя всю церковь могучимъ крикомъ,—Хри-сто-о-осъ во-скре-е-есе-е...—подымалось все выше и выше, билось гдѣ-то у купола, какъ обезумѣвшая отъ свѣта птица, и дальше и дальше растекалась пѣснь, рвалась въ двери, стремилась въ раскрытыя окна и неслась по темной улицѣ...

Непрерывная, безостановочная волна двигалась среди стоящихъ въ церкви. Усталые, сонные мужики, раскраснѣвшіяся дѣвки, франтоватые парни все время выходили и входили, толкались среди стоящихъ, пересмѣивались, чуть не кричали на всю церковь. Измученные пѣвчіе надрывались въ послѣднемъ напряженіи, горѣли свѣчи въ рукахъ молящихся и все было, какъ въ праздникъ, радостно, весело

и свободно, какъ никогда не бываетъ въ другое время въ церкви.

— Христосъ воскресе...—кадилъ священникъ направо, и всѣ весело отвѣчали ему съ той стороны:

— Воистину воскресе...

— Христосъ воскресе... — поворачивался онъ налѣво и среди кадильнаго дыма лицо его казалось тоже радостнымъ и веселымъ.

— Воистину воскресе...—стоялъ гулъ и такъ весело отъ него было, что хотѣлось смѣяться не зная чему...

Долгій постъ, ожиданіе праздника, весна, побѣдоносно шедшая тамъ за этими стѣнами—все слилось въ одномъ привѣтствіи... не сердились даже на толкавшихся, сновавшихъ взадъ и впередъ мужиковъ, что бродили безъ дѣла по всей церкви. А когда священникъ сталъ обходить всю церковь, кадя передъ каждой иконой—казалось, что и онъ не выдержалъ и пошелъ между народомъ, не въ силахъ будучи выстоять на одномъ мѣстѣ...

Сдавленный со всѣхъ сторонъ, Сергѣй стоялъ на паперти, обливаясь потомъ. Онъ боялся, какъ бы въ этой давкѣ не сомлѣла мать, затертая толпою, и, приподнявшись на носки, выглядывалъ ее, обводя глазами море головъ, разстилавшееся передъ нимъ. Вдругъ кто-то дернулъ его за рукавъ,—онъ оглянулся и человѣка за два отъ себя увидѣлъ Таню,—въ новомъ голубомъ шарфѣ, съ цѣпями, какія носили дѣвушки той мѣстности, на груди, сверкавшую глазами отъ возбужденія...

Сергѣй пригнулся, вдавился плечемъ между двухъ бабъ и, чувствуя, что пуговицы на пальто трещатъ, продрался къ ней.

— Танюшка, барышня моя...—забормоталъ онъ, не обращая вниманія на воркотню бабъ, между которыми протиснулся,—Христосъ Воскресе, Танюшка...

Она смѣялась, блестя ровными, мелкими, какъ у хищнаго звѣрька зубами и что-то говорила, чего за пѣніемъ и гуломъ нельзя было разслышать. Онъ наклонился, чтобы похристосоваться, а она подалась въ сторону, кокетливо жеманясь. Но онъ все же поймалъ ее и крѣпко трижды поцѣловалъ въ смѣющіяся раскрытыя губы, ощущая своими губами твердый рядъ раскрытыхъ улыбкой зубовъ ея.

— Ай да парень, — вотъ это молодецъ... — вскрикнулъ стоявшій около мужикъ, съ широкой бородой лопатой и бѣльмомъ на глазу, — чего на ихъ глядѣть? Сграбилъ въ охабку да и все тутъ...

Сергѣй оглянулся на него и засмѣялся.

— Ачто жъ? Молодецъ, одно слово,—подтвердилъ мужикъ

и потянулся къ нему—чего жъ—али мы у Бога теленка съѣли? Христосъ Воскресе что ль...

Онъ облапилъ Сергѣя и расцѣловался съ нимъ, какъ со старымъ другомъ.

— Вотъ это я понимаю, по христьянски значитъ,—говорилъ онъ, обтирая усы подъ смѣхъ окружающихъ,—чего тамъ глядѣть?..

И въ памяти Сергѣя мужикъ этотъ запечатлѣлся вмѣстѣ съ поцѣлуемъ Тани въ одно — что-то свѣтлое, радостное праздничное...

Изъ церкви возвращались среди толпы народа, стремившейся по разъѣзженной грязной дорогѣ. Черная ночь жила смутнымъ говоромъ этой толпы, разсыпавшейся по дорогѣ, крикъ стоялъ надъ нею, смѣхъ звучалъ неожиданно, и чудной была она, развернувшаяся въ пустынныхъ поляхъ въ эту ночь.

То и дѣло сзади слышалось тарахтѣнье колесъ и изъ темноты кричали:

— Эй, братцы, къ одной, дай проѣхать, дядя...

И срываясь въ канавы, настегивая хрипящую лошадь, обгоняла переполненная народомъ телѣга, передъ которой толпа раздавалась, какъ вода передъ носомъ парохода.

Неизвѣстно, когда они успѣли напиться, но уже были въ толпѣ пьяные—они горланили пѣсни, ругались и лѣзли цѣловаться ко всякому встрѣчному. Надъ ними смѣялись, ихъ гнали, а бабы ихъ тащили за рукава, не будучи въ силахъ сладить съ загулявшими мужьями.

— Кто праздничку радъ, тотъ до свѣту пьянъ,—гудѣлъ чей-то низкій басъ возлѣ телѣги.

— И когда поспѣютъ только спросить—только и утреня отошла-то...

— Чего другого, а напиться во какъ успѣютъ...

— Ахти мнѣ, дѣвоньки, никакъ я яйца свящёныя подавила...

— У-у ты, несправа, тебѣ дай только...

— А и пѣли же нынче, ахъ, какъ пѣли...

— Брысь, баба, не засти... Ты свое мѣсто знай, въ мужни дѣла не мѣшайся...

— Господи, да чтожъ мнѣ съ тобой, иродомъ, дѣлать, вѣдь ты до дому не доползешь...

— Сте-панъ... А, Сте-панъ. И гдѣ ты запропалъ только, Сте-панъ...

— ...а платье на ей бережевое, матерія такая называется, и все въ складочку...

— Да на комъ, скажи ты толкомъ?

— Господи, да на становихиной дочкѣ, что у праваго клироса стояла...

— И кудряшки, вотъ истинный Господь, кудряшки...

— Кудряшки то нынче мода такая, чтобы носить, и скажу я вамъ, дѣвоньки, не свои это кудряшки, а купленныя...

— Ври, дура, скажетъ—купленныя.

— Вотъ истинный Господь купленныя, мнѣ Дунька Милушева говорила, она знаетъ, въ городѣ ей барыня говорила, въ которой она служила... Двадцать три рубля кудряшки эти самыя стоютъ...

— Не въ томъ дѣло, что по церковному читать онъ плохо знаетъ, а то, что гордость въ его гораздъ велика: семъ-ко, молъ, и я читать стану...

— На то и въ купцы выйти мѣтитъ, что гордость одолѣла...

— Ну и досталось попу нынче, ажъ съ лица позеленѣлъ...

— А еще бъ не достаться, какъ денегъ перебрано нѣсть числа, приходъ-то гляди какой... Съ однѣхъ исповѣдей сколь будетъ то...

Чѣмъ больше расходилось дорогъ отъ большака, тѣмъ рѣже становилась толпа. Уже свѣтало сильно, когда подъѣзжали Даниловы къ дому — и шли вокругъ только свои Столбухинскіе.

Блѣдныя, усталыя лица улыбались въ невѣрномъ свѣтѣ сумеречнаго разсвѣта, поздравляли съ праздникомъ и отставали.

Пьяная Фира Дудова путалась по дорогѣ, чуть подъ лошадь не попала, помахивала сорваннымъ платкомъ, обнаживъ полусѣдую голову въ новомъ, съѣхавшемъ на сторону повоѣ и улыбалась хмѣльной улыбкой, покрикивая:

— Праздничная я нынче, не ступись около...

— Эва старуха-то разгулялась, когда помокнуться-то успѣла,—усмѣхался кузнецъ Василій Семеновъ, самъ уже успѣвшій выпить,—дастъ тебѣ праздничную мужикъ-то...

— Чтожъ, качели-то готовы?—спросила Луша его.

— Въ аккуратѣ, Лукерья Даниловна, краснымъ бархатомъ выбиты, золотымъ галуномъ вышиты, все какъ есть...— отвѣчалъ кузнецъ, подмигивая.

— Содралъ денегъ сколько, теперь и смѣется...

— А да что жъ--я не дралъ, сами давали, еще просили какъ: сдѣлай да сдѣлай...

У Дуньки все уже было поставлено на столъ и сама она стояла у воротъ, ожидая къ разговѣнамъ. Должно быть, кто-нибудь былъ возлѣ нея недавно, потому что была она какъ-

то смущена и встрѣтила особенно радостно своихъ, словно желая излить на нихъ ту радость, что трепетала въ ней.

Старуха похристосовалась съ нею, за ней Сергѣй съ Лушей и сразу же, едва только распрягли лошадь, сѣли разговляться.

Прежде всего ѣли рыбу—студеныхъ ершей, потому что есть такая примѣта, что кто будетъ разговляться въ великій день рыбой, у того животъ будетъ крѣпкій и болѣть не станетъ.

Съ голоду всѣ накинулись съ жадностью на пищу. Въ пятницу почти ничего не ѣли, а въ субботу только закусили чуть-чуть тюрей съ квасомъ. Это была обычная исторія, тутъ же опровергавшая примѣту о розговѣнахъ рыбой—половина деревни на слѣдующій день маялась животами, корчась отъ боли и не имѣя мужества отказаться отъ мяса и свинины, такъ рѣдко попадавшихъ на деревенскій столъ.

Ослабленные за постъ желудки, растянутые неимовѣрнымъ количествомъ капусты, картофеля и квасу, этихъ трехъ китовъ, на которыхъ зиждется крестьянское благополучіе въ посту, отказывались варить тяжелую мясную пищу и почти вся деревня поголовно корчилась отъ невыносимыхъ судорогъ, напоминавшихъ собою холеру..

Послѣ рыбы старуха тщательно очистила привезенное съ собою изъ церкви освященное яйцо, разрѣзала его хлѣбнымъ ножемъ на четыре части и роздала всѣмъ. Потомъ поднялась, отвѣсила глубокій поклонъ и сказала торжественно:

— Хоть и смѣетесь надо мной старой, вамъ это въ смѣхъ да въ шутку, одначе съ праздникомъ свѣтлымъ и съ окончаніемъ поста честнаго...

И, обходя всѣхъ, стала цѣловаться истовымъ троекратнымъ поцѣлуемъ.

И когда сѣла на мѣсто опять—смолкла и пригорюнилась, словно вмѣстѣ съ постомъ кончилось для нея что-то, чего она сама не могла уловить, и только чуяла запечалившейся душей...

Во время разговѣнья не полагается пить. Разсказывали на деревнѣ про Лушу Ванюшкину, что она однажды попила, разговляясь подъ свѣтлый день, и съ тѣхъ поръ, идя поджинать посѣянное въ огородѣ жито, тутъ же въ десяти шагахъ отъ избы, захватывала съ собой бутылку съ водой, такъ мучила ее жажда. Правда, смѣялись на деревнѣ, что бутылку она захватывала, но была ли тамъ вода или что другое—не вѣдомо никому, кромѣ самой Луши, но какъ бы тамъ ни было, а въ розговѣны пить за ѣдой не годится: смучается

та жница, которая пила за ѣдой... Все время будетъ хотѣть она пить и не будетъ мочи утолить палящую жажду.

Прежде старуха зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы дочки не пили, боясь порчи, а теперь сидѣла, пригорюнившаяся, не глядѣла ни на что, словно чужой была въ домѣ, гдѣ прожила двѣ трети жизни.

И какъ чужая ждала, когда Дунька подастъ еще чего на столъ, не вмѣшивалась ни во что, слова не проговорила.

Съ тоской и болью смотрѣла на нее Луша, мигала Сергѣю и тотъ присматривался — мать и какъ-будто не мать сидѣла за столомъ подъ образами, озаренная зажженными Дунькой въ ожиданіи своихъ изъ церкви лампадками... И прежде сгорбленная—еще больше согнулась старой спиной, усталымъ равнодушнымъ взглядомъ смотрѣла въ одну точку—чужая, странная старуха, словно уже отошедшая отъ жизни, словно видящая то, чего не дано видѣть людямъ — по ту сторону бытія человѣческаго.

Когда отъужинали, старуха молча побрела на свою печку, взобралась по сдѣланной сыномъ лѣсенкѣ и легла тихонечко...

Сергѣй сходилъ посмотрѣть лошадь, закинулъ сѣна, погладилъ шершавую отъ высохшаго пота спину коня и заперъ конюшню. И когда вернулся—всѣ уже легли и огонь въ лампѣ надъ столомъ былъ притушенъ. Онъ потушилъ совсѣмъ лампу, раздѣлся при свѣтѣ лампадокъ и тоже легъ.

Но заснулъ онъ не сразу: все приподымалъ голову, прислушивался, склонивъ ухо, словно ждалъ чего. Потомъ опять опускался на подушку, смотрѣлъ на неподвижные огоньки трехъ лампадъ и опять слушалъ: нѣтъ, дышетъ, клокочетъ что-то въ старой груди, съ легкимъ хрипомъ вылетаетъ воздухъ... Жива...

И казалось, что вмѣстѣ съ нимъ есть еще кто-то въ свѣтлой по праздничному избѣ... Бодрствующій, терпѣливый, недвижно стоитъ въ свѣтломъ сумракѣ и ждетъ, какъ старый должникъ, когда пробьетъ его часъ...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

чаться взглядами, глазами признавался ей въ своемъ восхищеніи. И въ ея немножко робкомъ, но любопытствующемъ взорѣ улавливалъ мгновенную искорку лукаваго удовольствія. Но тотчасъ же она тщательно прятала его, прикрывала дѣланнымъ равнодушіемъ, щурилась небрежно и, скользнувъ пренебрежительнымъ взглядомъ по пуговицамъ его тужурки, отворачивалась и переставала замѣчать его.

— Врешь...—улыбаясь, говорилъ подъесаулъ Чекомасовъ и старательно разглаживалъ свои усы, похожіе на укороченные турецкіе ятаганы.

Излишка самоувѣренности въ немъ не было, но женщинъ онъ зналъ, имѣлъ опытъ, вѣрный глазъ и себя оцѣнивалъ не по низкому разряду. На то имѣлъ основанія вѣскія и убѣдительныя. Не удѣлить вниманія его молодецкой фигурѣ, усамъ, бравому виду, играющему взгляду—для женщинъ дѣло не легкое. Разумѣется, въ иныхъ случаяхъ амбиція не позволитъ сразу обнаружить готовность къ сдачѣ, но равнодушному виду, но неприступности женской подъесаулъ никогда не вѣрилъ: противъ лихой кавалерійской атаки рѣдкая изъ нихъ устоитъ. Потому-то и на пренебрежительный взглядъ интересной незнакомки подъесаулъ увѣренно говорилъ:

— Врешь, милая, врешь...

Однако въ вагонѣ онъ долго чувствовалъ странное, мечтательное томленіе и безпокойство, крутилъ усы, улыбался, подмигивалъ кому-то и волновался, какъ кадетъ выпускного класса. Поѣздъ шумѣлъ, ровно и однообразно пробѣгали мимо весеннія поля, зеркальныя болотца, веселые перелѣски, растрепанныя деревушки, все такое солнечное, милое, привѣтливое.. А передъ глазами стояла одна она, таинственная незнакомка, и все думалось о томъ, что вотъ она тутъ гдѣ-то, возлѣ, близко, и тоже, вѣроятно, томится одиночествомъ, жаждой интересной встрѣчи, мимолетнаго риска, сближенія... И отъ этихъ мыслей не было покоя. Все тѣло подъесаула, крупное, томящееся отъ избытка здоровья и лѣни, то могуче потягивалось, хрустѣло въ суставахъ, напрягалось всѣми мускулами, то слабѣло и безсильно увядало отъ томительнаго ожиданія.

При каждой остановкѣ онъ поспѣшно устремлялся на платформу, оглядывался кругомъ: нѣтъ, ея не видать... Прогуливался около ея вагона,—она ѣхала въ первомъ классѣ,—заглядывалъ въ окна. Но она не показывалась.

И только вотъ тутъ, въ многолюдномъ вокзалѣ, среди пестрой сутолоки и тѣсноты, опять увидѣлъ ее. Увидѣлъ и не безъ досады почувствовалъ, что теряетъ спокойствіе и увѣренность. Въ груди трепыхнулись какія-то крылья и

радостнымъ, охотницкимъ волненіемъ вдругъ застучало сердце...

— Да, салатъ недуренъ,—сказалъ подъесаулъ тономъ легкаго раздумья, не отводя глазъ отъ золотистой короны на головѣ незнакомой спутницы: — въ особенности лучокъ этотъ...

— Испанскій-съ,—съ скромнымъ достоинствомъ пояснилъ буфетчикъ, выкладывая сдачу.

— Чудесно...

Подъесаулъ обошелъ залу, имѣя видъ человѣка, ищущаго свободнаго мѣстечка у стола. Остановился въ томъ концѣ, гдѣ сидѣла интересовавшая его дама,—свободнаго мѣста за ея столомъ не оказалось. Озабоченнымъ взглядомъ онъ окинулъ сидѣвшихъ за столомъ—разъ, и другой, и третій.

— А хороша, шельма...—чувствуя какую-то обиду отъ невольнаго сладостнаго трепетанія и замиранія въ сердцѣ, отмѣтилъ подъесаулъ:—прямо—Мадонна... Вдохновительная женщина, чортъ возьми!..

Онъ съ трудомъ отвелъ взглядъ отъ ея четко проведенныхъ бровей съ мягкимъ изломомъ въ концѣ и по едва уловимому дрожанію въ уголкахъ ея губъ догадался, что она слѣдитъ за его маневрами и, кажется, они забавляютъ ее...

— Врешь, милая, не проведешь!..

Подъесаулъ увѣренно улыбнулся и покрутилъ усъ. Былъ немножко фаталистомъ подъесаулъ и вѣрилъ въ звѣзду. Вѣрилъ, что судьба пошлетъ случай завязать разговоръ, представиться, ну—а тамъ тактика опредѣленная: не зѣвай... Хорошо бы вотъ теперь присѣсть гдѣ-нибудь по близости, да нѣтъ мѣста. Что это за бритая физіономія рядомъ съ ней,—оплывшія синія щеки? Актеръ—не актеръ... Ишь разсыпается какъ, мерзавецъ!..

Торчать въ самомъ проходѣ, мѣшая оффиціантамъ, было неловко. Подъесаулъ вышелъ на платформу и остановился недалеко отъ дверей въ залу, выжидая выхода своей красавицы. Кучка евреевъ позади его ожесточенно галдѣла надъ горстью какого-то зерна. Это раздражало, какъ трескъ пыльнаго мусора, лавиной сыпавшагося гдѣ-то по близости, въ затылкѣ. Подъесаулъ внушительно, въ полъоборота, поглядѣлъ на яростныхъ дѣльцовъ, но зарядъ пропалъ даромъ: увлеченные споромъ, евреи не обращали вниманія на офицера, кричали, плевали и размахивали руками... Того и гляди, толкнутъ. Подъесаулъ почувствовалъ вдругъ нестерпимый зудъ въ рукахъ: такъ и подмывало развернуться и дать леща какому-нибудь изъ этихъ юркихъ котелковъ...

Ушелъ отъ грѣха. Направился къ вагону. Платформа

была запружена толпой гимназистовъ. Плотное кольцо ихъ обступило какого-то приземистаго человѣчка въ учительской фуражкѣ. Подъесаулъ съ трудомъ пробрался къ тому мѣсту, которое намѣтилъ для своего наблюдательнаго пункта,—къ площадкамъ рядомъ стоящихъ вагоновъ перваго и второго класса. Отсюда онъ сталъ слѣдить за всѣми выходящими изъ вокзала. Но гимназисты,—ихъ было сотни двѣ,—не стояли спокойно, копошились, напирали, толкались. Иной разъ какая-нибудь длинная, жидкая фигура останавливалась какъ разъ передъ носомъ и закрывала головой все поле зрѣнія.

Съ чувствомъ, съ вибраціей въ голосѣ что-то читалъ давно нестриженый гимназистъ съ огненно красными волосами. Мелькали въ разныхъ сочетаніяхъ слова: *гуманный*, *отзывчивый*, *мужественно-честный*, *стойкій*, даже—*безстрашный*.

— Адресъ, что ли, какой?—подумалъ подъесаулъ съ досадой и заглянулъ черезъ головы на стойкаго и безстрашнаго. Въ центрѣ юной толпы онъ увидѣлъ бѣлобрысое лицо съ тощими усами и жидкой бороденкой, смущенное и переконфуженное до послѣдней степени. По тому, какъ растерянно мигали его подслѣповатые глазки, похоже было, что оглушенъ и подавленъ человѣкъ этою необычайностью обстановки и торжественнымъ привѣтствіемъ...

Отъ молодой толпы вѣяло немножко возбужденіемъ, даже задоромъ какимъ-то и самонадѣяннымъ вызовомъ кому-то. Особый геройскій приливъ, свойственный юнымъ головамъ, когда имъ угрожаетъ карцеръ, чувствовался въ ея толкотнѣ, въ шумныхъ движеніяхъ, въ заговорщицкой таинственности нѣкоторыхъ лицъ, — немножко рисовки и наивнаго щегольства отвагой, неудержимой готовности къ схваткѣ, къ дебошу.

Было это нѣсколько даже забавно. Подъесаулъ, не переставая наблюдать за дверью вокзала, смотрѣлъ и на гимназистовъ. Досада помаленьку расплывалась, добродушный смѣхъ занимался внутри и нѣтъ-нѣтъ и проснется черезъ носъ короткимъ, прыгающимъ фырканьемъ при видѣ удрученной и растерянной фигурки учителя.

Кончилось чтеніе адреса. Отъ группы дамъ, стоявшей тутъ же, въ толпѣ гимназистовъ, краснощекій, чистенькій бутузъ въ воротничкахъ, второклассникъ, вѣрно, какой-нибудь, протолкался къ учителю и передалъ ему букетъ. Букетъ былъ необычайныхъ размѣровъ и, повидимому, еще усугубилъ смущеніе скромнаго педагога. Неловко, смѣшно, обѣими руками онъ держалъ его у груди, какъ священный сосудъ, и было видно, что боялся пошевелиться. На лицѣ

отпечатался страдальческій вопросъ: куда дѣться съ такимъ великолѣпіемъ? Что съ нимъ дѣлать?..

Стояло выжидательное молчаніе. И оттого, что оно тянулось дольше, чѣмъ надо, почувствовалась неловкость. Наконецъ, педагогъ вопросительно оглянулся по сторонамъ. Недалеко въ позѣ безстрастнаго наблюдателя стоялъ жандармъ. По лицу его нельзя было замѣтить, въ какой мѣрѣ онъ интересуется рѣчами, имѣвшими мѣсто въ этомъ людномъ собраніи, но самое скопленіе такой публики внушало ему заботу.

Учитель сипло кашлянулъ и робкимъ голосомъ заговорилъ:

— Благодарю васъ, господа... Не могу выразить, какъ я тронутъ вашимъ... такъ сказать... вашимъ молодымъ участіемъ... вотъ именно... лаской вашей милой, а не громкой звучностью приписанныхъ мнѣ тутъ качествъ...

Въ это время нахлынула, сдвинувъ гимназистовъ къ вагонамъ, и потопила всѣ звуки длинная цѣпь переселенцевъ. Стремительнымъ пестрымъ потокомъ, съ грязными чувалами и сундуками на спинахъ, съ плачущими дѣтьми на рукахъ, рысью, подгоняемые жандармами, шумно топоча ногами, долго перекатывались мужики и испуганныя бабы съ одного конца длинной платформы на другой. Въ самомъ хвостѣ этой мазаной, оборванной, оторопѣлой вереницы бѣжала дѣвочка—подростокъ въ бѣлой сермяжной кофтѣ, въ мужскихъ сапогахъ. Она тащила за собой испуганно упиравшагося мальчугашку въ сѣрой шапкѣ и тяжелыхъ чоботахъ, а правой рукой прижимала къ груди лубочную картину—въ узенькой рамкѣ безъ стекла—изображеніе Богоматери, измятую и прорванную сбоку. А по пятамъ отстававшаго мальчугана въ высокой шапкѣ шла легкой, подрагивающей походкой дама въ золотистомъ шарфѣ и рядомъ съ ней бритый толстый господинъ въ панамѣ. Оба глядѣли на оторопѣвшаго мальчика, съ трудомъ громыхавшаго неуклюжими чоботами, и весело смѣялись.

— Пар-рдонъ!—строго сказалъ подъесаулъ.

Гимназисты оттерли его отъ вагона перваго класса, еще плотнѣе сгрудившись вокругъ учителя, который продолжалъ что-то говорить. Подъесаулъ раздвинулъ плечами ближайшихъ къ нему юношей и, разрывая кольцо, попалъ въ самый центръ толпы. Педагогъ съ букетомъ отодвинулся съ торопливой предупредительностью и тономъ вѣжливымъ, но немножко колкимъ—показалось такъ подъесаулу—сказалъ:

— Ви-но-ватъ-съ...

Золотистый шарфъ не повернулъ къ вагону. Не останавливаясь, онъ двигался впередъ, за переселенцами, въ ту

сторону, гдѣ лѣниво сопѣлъ локомотивъ. Подъесаулъ былъ удивленъ и обиженъ. Это показалось ему вѣроломствомъ. Вытягивая шею, онъ видѣлъ, какъ блеснула противъ фонаря шелковистымъ отблескомъ золотая корона на головѣ прелестной незнакомки и затерялась въ неровномъ свѣтѣ платформы, утонувъ въ старыхъ платкахъ, картузахъ и облѣзшихъ шапкахъ.

— Что это за бритая морда? Прохвостъ какой-нибудь, навѣрно...

Подъесаулъ презрительно засопѣлъ носомъ и строго оглядѣлся.

Прижатый къ вагону, что-то продолжалъ мямлить педагогъ:

— Не заслужилъ такого лестнаго... такой лестной... какъ бы сказать,—аттестаціи...

Жидкій, сиплый, спотыкающійся голосъ былъ совсѣмъ не эффектенъ, и что-то тусклое, сѣренькое-сѣренькое, жалкое было и въ побѣлѣвшемъ отъ давности бархатномъ околышѣ форменной фуражки, въ потертомъ пальто и во всей смирной, приземистой, плотной фигурѣ мужицкаго склада. А гимназисты все-таки напирали и съ жаднымъ вниманіемъ вслушивались въ его слова, нескладныя и робкія, теряющіяся въ шумѣ вокзала. Подъесаулъ въ бокъ глядѣлъ на невзрачнаго оратора, слушалъ, но насмѣшливо дразнила мысль о дамѣ въ шарфѣ и ея бритомъ спутникѣ, неотвязно кружилась, колола и ядомъ разочарованія отравляла сердце.

— Сказать вамъ хотѣлось много,—долеталъ до подъесаула голосъ учителя,—да вотъ словъ нѣтъ... Нѣтъ у меня ихъ... такихъ, чтобы выразить самое мое... то, что больше всего волнуетъ сейчасъ сердце... Думалъ-думалъ я... нѣтъ!.. Иное слово ухватишь,—не то... „Мысль изреченная есть ложь"... Словъ-то много, возвышенныхъ и звонкихъ... И жестовъ красивыхъ, трогательныхъ... Сниму вотъ фуражку да поклонюсь на всѣ на четыре стороны: милые мои, славные мои, дорогіе... дѣти сердца моего!.. Да боюсь я этого... театральности этой... Одно лишь могу: прощайте! Лихомъ не помяните... Будьте мудри яко зміи, цѣли яко голуби... И.. да... и пусть дни вашей жизни будутъ свѣтлѣе нашихъ...

— А интересно, кто этотъ чертъ... бритый?..—спрашивалъ себя подъесаулъ, разсѣянно глядя на маленькую возню среди малышей гимназистовъ,—они пробирались къ учителю, который сталъ раздавать цвѣты изъ своего великолѣпнаго букета. Это было веселое, смѣшное, милое зрѣлище, но подъесаулъ чувствовалъ отъ него лишь тошную досаду и раздраженіе.

Рѣзко звякнулъ два раза станціонный колоколъ.

Учитель вошелъ на площадку вагона и замахалъ фуражкой. Въ отвѣтъ просыпались звонкимъ каскадомъ молодые голоса:

— Прощайте, Михаилъ Иванычъ!

— Счастливый путь!

— Не забывайте!

Малыши съ увлеченіемъ закричали ура,—всегда, видно, рады случаю, шельмецы, пошумѣть, произвести дебошъ. Улыбаясь мягкой улыбкой, кричалъ имъ учитель:

— Прощайте, господа!.. прощайте... Прощайте, мои родненькіе! Что?.. Ничего не слышу!.. Ну да... прощайте! Не поминайте лихомъ!..

Третій звонокъ. Тронулся поѣздъ. Подъесаулъ вошелъ въ вагонъ на ходу,—за шумомъ и толкотней онъ упустилъ изъ виду свою даму, не видѣлъ, вошла ли она въ вагонъ, осталась ли?

Стоя въ дверяхъ, онъ пристально всматривался въ толпу, оставшуюся на платформѣ. Отодвинулась станція съ своими огнями, проплыли деревья въ сѣромъ шелкѣ. Гимназисты махали фуражками и бѣжали рядомъ съ вагономъ, обгонялись, кричали что-то. Ушла платформа. На минутку выступили черные силуэты домовъ, рѣзко очерченные на бѣломъ заревѣ городскихъ огней, большой фабричный корпусъ сверкнулъ рядами освѣщенныхъ оконъ,—и все скрылось за черной цѣпью товарныхъ вагоновъ. Неподвижные и угрюмые, они сухимъ, отрывистымъ грохотомъ проводили убѣгавшій поѣздъ. Прогремѣлъ мостъ, побѣжали тихія подгороднія слободки. Вдали, на горѣ, въ городѣ, бѣлыми пятнами обозначался рядъ электрическихъ фонарей, ниже дрожала сѣть золотыхъ огоньковъ, но пахло уже полемъ, зеленымъ, закутаннымъ въ мягкій сумракъ просторомъ. И гостья незванная, грусть одиночества, безпричинная и внезапная, сжала вдругъ сердце подъесаула Чекомасова, точно что-то дорогое и милое навсегда осталось въ этомъ чужомъ, незнакомомъ городѣ, и уже никогда не найдетъ онъ его впереди, куда несется грохочущій поѣздъ...

Вошелъ въ вагонъ. На половину задернутый газовый фонарь освѣщалъ, по прежнему, единственную пару ногъ въ лакированныхъ сапогахъ,—длинный чиновникъ въ желѣзнодорожной формѣ спалъ на диванѣ безъ подушки, запрокинувъ голову навзничъ. Подъесаулъ нечаянно задѣлъ за его длинныя ноги и сказалъ: пардонъ! Спящій всхлипнулъ протяжнымъ, меланхолическимъ вздохомъ, пошевелился, поднялъ голову.

— Пардонъ!—повторилъ подъесаулъ.

— Какая станція, а?—встревоженнымъ голосомъ спросилъ чиновникъ.

— Проѣхали О....

— Проѣхали?!

Чиновникъ порывисто поднялся и сѣлъ. Съ изумленіемъ и упрекомъ уставился на офицера.

— Чертъ бы ее забралъ... всю эту фабрику!..

— Проспали, что-ль?—участливо спросилъ подъесаулъ.

— Какъ не проспать,—судите сами! Двѣ ночи напролетъ глазъ не сомкнулъ... Каторжнѣе нашего дѣла нѣтъ: отвѣтственность!.. Смотри да смотри, а прозѣвалъ—начетъ! Коммерческое дѣло, напримѣръ, есть такое дѣло... Тамъ сколько названій надо знать... Какъ ты узнаешь, что это: сурѣпа или горчица? Нѣмецкая азбука!..

Чиновникъ съ упрекомъ качнулъ головой, поскребъ ее обѣими руками и прибавилъ:

— Придется, вѣрно, до скрещенія ѣхать...

И съ видомъ полной безнадежности снова завалился спать.

Въ купе рядомъ, противъ мѣста, занятаго подъесauломъ, сидѣлъ учитель—тотъ самый, котораго провожали гимназисты. Подъесаулъ сѣлъ къ окну, на свой диванъ, погладилъ ладонями колѣни, побарабанилъ по нимъ пальцами и вкось, осторожно, кинулъ взглядъ на своего новаго спутника. Лицо простое, плебейское, широкое и немножко какъ будто рябоватое, бѣлокурая бородка тремя кустиками, сѣрые, должно быть, близорукіе глаза глядятъ изъ-подъ бѣлыхъ бровей немножко устало или грустно. Все какое-то тусклое, смирное, ни одной яркой черты.

Подъесаулъ, человѣкъ по натурѣ общительный, компанейскій, былъ доволенъ сосѣдствомъ: все-таки будетъ съ кѣмъ перекинуться словомъ. Поговорить съ людьми онъ любилъ, но въ эту поѣздку выпала полоса особенно скучная: второй день ѣхалъ почти одиноко, въ пустомъ купе. Усталъ молчать, усталъ изучать остроты юмористическаго листка, наединѣ размышлять о разныхъ предметахъ, прислушиваться къ ровному, однообразному стуку, который безконечнымъ ремнемъ тянулся рядомъ съ поѣздомъ. Этотъ стукъ наводилъ дрему, скуку, рождалъ мечты, иногда новыя мысли, удивительно счастливыя, блестящія мысли, внезапныя и сверкающія, но сейчасъ же и путалъ ихъ, застилалъ сухою мглой, едва только подъесаулъ болѣе пристально останавливалъ на нихъ свое изумленное вниманіе. Будь человѣкъ возлѣ, можно бы съ удовольствіемъ подѣлиться съ нимъ; развить этакій какой-нибудь диспутъ, блеснуть самобытностью мнѣній. Но никого не было. И все текучее, неуловимое богатство этихъ внезапныхъ озареній погибало втунѣ.

Подъесаулъ шумно вздохнулъ,—винный запахъ прошелъ густою струей по вагону.

— Закуска здѣсь недурна, но водка теплая,—хриповатымъ басомъ сказалъ онъ, дружелюбно глядя на учителя.

Учитель слегка качнулъ головой въ бокъ и отвѣтилъ сиплымъ, грустнымъ голосомъ:

— Д-да... тутъ вообще...

И тоже вздохнулъ въ знакъ безнадежности.

Помолчали.

Мягко вздрагивалъ вагонъ, покачивалъ, убаюкивалъ. А кто-то таинственный и неугомонный стучалъ внизу, подъ поломъ. Четко, увѣренной, опытной рукой, черезъ ровные промежутки, отбивалъ обрывистый тактъ, и была какая-то угрюмая жалоба въ этомъ стукѣ: труд-но... труд-но...

— Д-да...

Опять пузыристо вздулись щеки подъесаула, протяжный и шумный вздохъ вмѣстѣ съ виннымъ запахомъ прошелъ отъ окна къ окну.

— Вы учитель, вѣрно?

— Да.

— То-то, я видалъ, молодежь около васъ толпилась.

Подъесаулъ досталъ кожаный портсигаръ безъ крышки и вынулъ папиросу.

— Люблю молодой народъ!—зажимая папиросу зубами, продолжалъ онъ:—подлецъ-народъ, а развеселый и забубенный... Вы по какому же предмету?

— Исторія.

— Самый мой любимый!

Изъ бокового кармана тужурки подъесаулъ вынулъ автоматическую никелевую спичечницу и, надавливая пальцемъ, нѣсколько разъ съ шикомъ открывалъ и закрывалъ крышку. И каждый разъ фыркавшій огонекъ смѣшливо лизалъ золотымъ свѣтомъ молодецкіе толстые усы и горбатый носъ. Усы придавали лицу видъ серьезный, даже устрашающій, а широкія, въ палецъ, приподнятыя брови сообщали ему выраженіе застывшаго изумленія и простоватости.

— Интересный предметъ. Хотя я лично потерпѣлъ разъ крушеніе именно на исторіи...

Подъесаулъ закурилъ и, выпустивъ клубъ дыма по направленію къ открытому окну, повернулся къ собесѣднику,—пружины дивана при этомъ визгливо щелкнули подъ нимъ, одна даже запѣла.

— Въ шестомъ классѣ,—я реалистъ по образованію,—помню, на Брунегильду на какую-то напоролся. На экзаменѣ. Чертъ ее знаетъ, что за Брунегильда, хоть убейте, и

сейчасъ не знаю. Засѣлъ на второй годъ... Брунегильда!.. И сейчасъ не знаю...

Онъ коротко развелъ ладонями и разсмѣялся Улыбнулся и учитель, но промолчалъ.

„Скученъ этотъ родъ оружія—господа педагоги,—подумалъ съ сожалѣніемъ подъесаулъ:—„поди вотъ, расшевели его... мумія царя Сарданапала"...

Кто-то таинственный и не устающій угрюмымъ стукомъ въ полъ подтвердилъ: труд-но.. труд-но... труд-но...

— Васъ табакъ не безпокоитъ?—спросилъ подъесаулъ.

— Нѣтъ, пожалуйста,—поспѣшно отозвался учитель. И опять долго молчали. Подъесаулъ изъ вѣжливости выпускалъ дымъ все-таки немножко въ сторону, къ окну, но дымъ весь ворочался назадъ.

— Да... Хорошо, когда тебя любятъ,—разсудительнымъ, убѣжденнымъ тономъ заговорилъ подъесаулъ снова:—когда, такъ сказать... за честное исполненіе долга... Посмотрѣлъ я давеча: любятъ васъ ваши ученики... Это очень пріятно!

Учитель слегка поклонился.

— Давно служите?

Учитель кашлянулъ въ руку и съ нѣкоторой заминкой, какъ будто и не очень охотно, отвѣтилъ:

— Лѣтъ пятнадцать служилъ. Теперь я уволенъ.

— То-есть... какъ?—Подъесаулъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— По прошенію.

— Собственное желаніе, значитъ...

— Нѣтъ, не собственное...—Учитель помолчалъ и сдержаннымъ, суховатымъ тономъ прибавилъ:—Желаніе начальства.

— А-а.. такъ...

Опять наступило молчаніе, долгое и стѣснительное. Пристально оба глядѣли въ окно. По отлогому боку выемки бѣжало тусклое пятно свѣта, голое глинистое обнаженіе тянулось да изрѣдка столбы мелькали. Мелькнутъ и оторвутся, медленно нехотя падая одинъ за однимъ въ темный, тѣсный мѣшокъ, изъ котораго поѣздъ спѣшилъ вырваться на просторъ.

Подъесаулъ Чекомасовъ вздохнулъ съ оттѣнкомъ соболѣзнованія и какъ бы про себя сказалъ:

— Д-да.. время нынче крутое...

И послѣ новой длинной паузы осторожно спросилъ:

— Вѣрно, политическое что-нибудь?.. Или просто съ начальствомъ не поладили?

Учитель чуть-чуть усмѣхнулся. Короткимъ, вопросительнымъ взглядомъ вскинулъ на офицера: широкія, изу-

мленно приподнятыя брови и каріе, воловьи глаза смотрѣли на него простодушно, съ первобытнымъ любопытствомъ, безъ умысла или затаеннаго какого-нибудь лукавства. И отъ всего смуглаго, почти оливковаго лица, начиная съ покатаго лба и до тупого, широкаго подбородка, вѣяло безхитростной степью, солнцепекомъ и хуторскою непосредственностью. Падало само собой насторожившееся подозрѣніе.

— Нѣтъ, какое тамъ политическое!—отвѣчалъ, запинаясь и обдумывая слова, учитель:—впрочемъ, какъ кто взглянетъ...

Офицеръ кивнулъ головой съ видомъ человѣка, отлично все понимающаго. Понизивъ голосъ, сказалъ таинственно и хитро:

— Я самъ спотыкался на этомъ барьерѣ, — знаю-съ... Пустяки, въ сущности: раза два напился въ честь конституціи и... только. Однако, когда дошло до свѣдѣнія, пришлось помытариться вотъ какъ!..

Онъ съ скорбнымъ ужасомъ выпучилъ глаза и покрутилъ головой.

— У насъ одинъ въ Двинской крѣпости отсидѣлъ два года. Славный парень, прекрасный товарищъ, компанейскій человѣкъ, а вотъ... неосторожность... Кому какъ пофортунитъ, знаете... А иные ловкачи и тамъ и сямъ успѣютъ вильнуть хвостомъ и сухими изъ воды выйдутъ... Удача—кляча... знаю и такихъ, что карьеру сдѣлали, чортъ ихъ возьми!..

Онъ завистливо вздохнулъ и простодушно увѣреннымъ голосомъ кончилъ:

— Такъ за политику?..

Учитель пожалъ плечами и неопредѣленно помычалъ.

— Нѣтъ... По совѣсти сказать, какой я политикъ? И нашъ братъ педагогъ въ этомъ случаѣ спрессованъ, пожалуй, основательнѣе, чѣмъ вы, офицеры...

— Н-ну, батенька!—Подъесаулъ разсмѣялся, не вѣря этимъ словамъ.

— Нашъ братъ?.. Что ужъ тамъ про нашего брата!.. Было, конечно, время такое... да... Впрочемъ, вы меня извините: съ моей стороны это не того... разговоръ этотъ, распросы,—не очень, какъ бы сказать, благовоспитанно... Но—честное слово—это безъ всякой тамъ задней мысли,—Боже меня упаси!—Единственно отъ скуки... да... Вотъ я путаюсь, даже вспотѣлъ отъ смущенія... Однимъ словомъ: извиняюсь! И разрѣшите представиться: подъесаулъ Чекомасовъ, Василій Петровъ.

— Очень пріятно. Шишкаревъ, Михаилъ Ивановичъ.

Опять замолчали. Прочный, глухой заборъ стоялъ все-таки между ними, узаконенный жизнью, отгораживающій и прячущій свое, интимное, отъ чужого глаза. И заглядывать черезъ него не принято, да и какая надобность? Что общаго? Разныя касты, разные міры, чуждые другъ другу, замкнутые и непонятные. Есть опредѣленное представленіе другъ о другѣ, грубоватое, какъ штампъ, но четкое и вполнѣ удовлетворяющее... чего же еще?

Подъесаулъ взялъ со столика много разъ прочитанный, перечитанный и разсмотрѣнный юмористическій листокъ. Все то же. Скучное, обрыдлое, досадное. Въ оголеніи женскихъ фигуръ, въ потугахъ остроумія нѣтъ ни остроты, ни букета. Старо, плоско... Монотонно, какъ этотъ безъ конца сыплющійся шумъ поѣзда, какъ дорога съ полутемными станціями безъ буфетовъ, какъ безконечная партія переселенцевъ... Переселенцы... Вонъ бѣгутъ они, топоча ногами, по платформѣ. Голодные, вшивые, оторопѣлые... Спѣшатъ, а все на одномъ мѣстѣ: не обгонятъ поѣзда. И не отстаютъ, рядомъ бѣгутъ,—шумитъ поѣздъ. И дѣвочка въ платочкѣ и сермяжной кофтѣ бѣжитъ. Бережно къ груди прижимаетъ прорванную лубочную картинку. А за ней легкой, балансирующей походкой, чуть наклонившись впередъ, эта нарядная дама—не идетъ, а плыветъ, легкая, изящная, жутко любопытная,—сверкаютъ бѣлые зубы и тонкіе духи непобѣдимой истомой дразнятъ сердце... Странно: почему это рядомъ, въ одной кучѣ—грязные, оторопѣлые люди и роскошная красота?.. Какая связь? Какая справедливость?..

Хотѣлъ объ этомъ подъесаулъ сказать своему спутнику, но взглянулъ и раздумалъ: нѣмое уныніе, замкнутое въ себѣ, легло и застыло въ каждой чертѣ смуглаго и тусклаго лица его. Должно быть, все-таки, ушибленъ человѣкъ. Не надо пугать, Богъ съ нимъ!..

Всталъ. Досталъ съ верхней полки коричневый сакъ. Прежде, чѣмъ повернуться спиной къ Шишкареву, отмѣнно галантнымъ, но сухимъ тономъ сказалъ:

— Пар-рдонъ!.. У меня тутъ, что называется... подушка... Намѣреваюсь... къ горизонтальнымъ занятіямъ...

— Это не вредно,—уныло согласился учитель Шишкаревъ. Снялъ свое несвѣжее, неровно вылинявшее пальто фисташковаго цвѣта и бережно повѣсилъ его на крючекъ. Постоялъ передъ окномъ, посмотрѣлъ внимательно на свѣтлое пятно, бѣжавшее объ дорогу, на рѣдкія деревца, веселымъ шумомъ встрѣчавшія поѣздъ, на одинокій огонекъ въ далекомъ полѣ, можетъ быть, въ какой-нибудь растрепанной деревушкѣ. Постоялъ, вздохнулъ и закрылъ окно.

Легли. Но обоимъ не спалось. Подъесаулъ жегъ папи-

росу за папиросой, ворочался, пружины въ диванѣ звонко щелкали подъ нимъ. Шишкаревъ изрѣдка тихонько, словно украдкой, покашливалъ и вздыхалъ. Желѣзнодорожникъ, спавшій въ сосѣднемъ купе, проснулся,—слышенъ былъ его кашель и громкое, ожесточенное харканье. На ближайшей остановкѣ онъ вышелъ. И, когда поѣздъ тронулся, подъесаулъ поднялся, сѣлъ на диванъ и сказалъ:

— Вотъ вы все вздыхаете. Если бы человѣчество не заросло, что называется... предразсудками и суевѣріями... я подошелъ бы къ вамъ, взялъ бы за руку и... отъ всего сердца... отъ всего, понимаете?.. выразилъ бы вамъ нѣсколько словъ. Сочувствіе болѣе или менѣе... Но человѣчество наставило, что называется, перегородокъ...

— Благодарю васъ...

Учитель Шишкаревъ тоже поднялся, сѣлъ и растопыренными пальцами привелъ въ нѣкоторый порядокъ волосы.

— Я вздыхаю, да... Откровенно говоря, жизнь ушибаетъ иногда до того неожиданно, нелѣпо, безъ всякаго резона... ну, ничего нельзя понять! Вотъ ѣду... къ попечителю ѣду...

Онъ поскребъ голову и иронически усмѣхнулся:—Ѣду и въ то же время отлично понимаю, что поѣздка—ни къ чему.

— Ни къ чему? — сочувственно переспросилъ подъесаулъ:—но... отчего же? развѣ ужъ...?..

— Ни къ чему!—увѣренно повторилъ Шишкаревъ:—болѣе чѣмъ ясно! Не требуетъ доказательствъ... Вотъ вы скажите мнѣ, ради Бога,—вы человѣкъ, очевидно, пытливый,—скажите: что такое, вообще, жизнь?

— То-есть какъ?

— Вообще... Какой въ ней смыслъ? Есть ли въ ней логика, разумность какая-нибудь? Есть ли хоть тѣнь справедливости?..

— Д-да... Это—вопросъ!

Подъесаулъ крякнулъ и задумался.—Это—вопросъ!—повторилъ онъ громко изумленнымъ голосомъ:—но я въ философіи не силенъ. Это дѣло мудрецовъ и монаховъ,—у нихъ есть время на это,—что такое смыслъ жизни, что такое безсмыслица?.. Я по другой части. Мое дѣло—шашечные пріемы, джигитовка... выпить не дуракъ. Также—если болѣе или менѣе утробистая бабочка попадется, ну... А что касается безсмыслицы жизни, это—не моя спеціальность...

—Нервы у меня издерганы... Стыдно сознаться, а кабы мать жива была,—къ чорту всѣхъ попечителей на свѣтѣ!—поѣхалъ бы къ ней... поплакали бы вмѣстѣ... Крестьянка у меня мать была, руки въ мозоляхъ, пальцы жесткіе, набухли

отъ работы... А бывало погладитъ по головѣ—и мягче боль сердца... и слезы иныя.

Учитель остановился въ волненіи, отвернулся и съ минуту молчалъ. Досталъ платокъ, высморкался и, не поворачивая лица къ есаулу, неровнымъ, глухимъ голосомъ продолжалъ:

— Пятнадцать лѣтъ все-таки... Пустилъ корни... Вотъ и вздыхаю. Какъ хотите, а оборвать такую нить привычныхъ интересовъ, заботъ, привязанностей... больно... обидно...

Черезъ полчаса Шишкаревъ разсказывалъ подъесаулу Чекомасову исторію своего служебнаго крушенія. Онъ говорилъ медленно, часто останавливался, дѣлалъ большія паузы, какъ будто бы раздумывалъ о томъ, умѣстно ли первому встрѣчному, незнакомому человѣку выкладывать на ладони нѣчто все-таки интимное и тяжкое для сердца? Часто сбивался, терялъ нить разсказа, возвращался назадъ. Подъесаулъ поддакивалъ, кивалъ и качалъ головой, старался выказать самое живое и сочувственное вниманіе и пониманіе. Но не все понималъ. Не понималъ, напримѣръ, того, какое отношеніе имѣлъ столѣтній юбилей гимназіи къ судьбѣ разсказчика, а онъ пространно остановился именно на немъ.

... Юбилей желательно было отпраздновать возможно торжественнѣе,—знаменательный моментъ въ жизни гимназіи,—но возникали опасенія насчетъ гимназистовъ, какъ бы дебоша не устроили. Гимназисты давно уже успокоились, ходили въ узкихъ штанишкахъ со штрипками, носили воротнички вышиной по четверти, коротенькія—кавалерійскаго фасона—куртки, увлекались спортомъ и кинематографомъ Но все еще жива была память о не очень давнемъ, безпокойномъ времени, неразлучная съ представленіемъ о неизбѣжности скандала: а ну-ка какой-нибудь шельмецъ выкинетъ штуку, если не политическую, то по пьяной части?..

Долго толковали въ педагогическомъ совѣтѣ о достойномъ чествованіи столѣтія и остановились на предложеніи директора: отслужить благодарственное Господу Богу молебствіе и затѣмъ разослать соотвѣтствующія телеграммы о чувствахъ, коими воодушевлена была гимназія въ столь знаменательный день ея жизни.

И только.

О. Илья, законоучитель, вздохнулъ было:

— Позавтракать бы не вредно было... Ибо апостолъ Павелъ еще сказалъ: „кто вкушаетъ, для Господа вкушаетъ, благодаритъ бо Бога“. И во Второзаконіи изречено: „не заграждай уста волу молотящему“. А мы цѣлое столѣтіе,

можно сказать, молотили, а въ столь торжественный день уста заградить должны...

Помолотить устами въ торжественный день и всѣ были бы не прочь—особенно, если насчетъ спеціальныхъ средствъ гимназіи,—но страхъ передъ гимназистами, обуявшій директора, передался и нѣкоторымъ членамъ совѣта. Можетъ быть, и не передался, но поддакивали директору,—единомысліе съ начальникомъ полезнѣе, чѣмъ разномысліе, даже самое скромное. Постановили большинствомъ: поблагодарить Бога не плотію, а духомъ...

Директоръ добровольно и единолично взялъ на себя трудъ выразить и оповѣстить, кого слѣдуетъ, о чувствахъ, коими, по случаю торжественнаго момента, имѣютъ быть исполнены сердца учащихъ и учащихся. Взглянулъ онъ на эту задачу широко, вдохновенно. Отъ имени педагогическаго совѣта, учащихся и служащихъ, помимо вѣрноподданническихъ чувствъ Государю, выразилъ чувства вѣрнопреданности двумъ министрамъ, одному митрополиту, мѣстному архіерею, двумъ губернаторамъ—бывшему, повышенному по службѣ, и настоящему. Краснорѣчіе явлено было міру несравненное. И самыя пылкія чувства почтительности и любви достались на долю мѣстнаго губернатора.

Мѣстный „Вѣстникъ" напечаталъ этотъ плодъ директорскаго усердія и не безъ скрытаго ехидства приписалъ его педагогическому совѣту. Въ учительской комнатѣ почувствовали нѣкоторый конфузъ и досаду: все-таки чрезмѣрный избытокъ преданности губернатору,—безъ особой въ томъ нужды,—казался не къ лицу наставникамъ и руководителямъ юношества. И тогда Шишкаревъ не то, чтобы покритиковалъ, а такъ слегка неодобрительно помычалъ. Впрочемъ, тутъ же и сократился. Основательно сократился, чуть не до нуля. Тѣмъ не менѣе объ его критикующемъ, неодобрительномъ мычаніи директору было сообщено,—въ учительской комнатѣ находился въ это время надзиратель Иванъ Васильичъ Свѣщегасовъ. Побылъ и сейчасъ же вышелъ.

Черезъ мѣсяцъ получена была таинственная бумага изъ округа. Таинственной она показалась потому, что для выслушанія ея директоръ разослалъ письменныя повѣстки членамъ педагогическаго совѣта. Въ повѣсткахъ предписывалось: явиться въ гимназію въ ближайшее воскресенье, къ 12 часамъ дня, въ полной парадной формѣ.

Явились. Думали: вся гимназія будетъ въ сборѣ, что-нибудь въ родѣ торжественнаго акта. Нѣтъ, гимназисты опять были обойдены, одинъ педагогическій совѣтъ представительствовалъ.

Пустовато было,—зала въ гимназіи великолѣпная, двух-

свѣтная, обширная. Народу много надо, чтобы заполнить ее. И что-то не вполнѣ приличное, странное, обидное чувствовалось въ сиротливой ея пустотѣ. Обстановка торжественная: красное съ золотомъ сукно на столѣ, директоръ и инспекторъ въ шитыхъ мундирахъ, учителя при шпагахъ. А пусто. Какъ будто воровски спряталась отъ кого-то эта маленькая кучка смирныхъ педагоговъ, грустный комизмъ рѣетъ надъ ней. Шаги досадно звонки, кашель гулко откликается во всѣхъ углахъ, слова—рѣдкія, пугливыя, короткія—перекатываются, какъ билліардные шары...

Изныли всѣ отъ ожиданія и неизвѣстности. Что-то большое, важное, несомнѣнно, есть, но къ чему эта томительная тайна?..

Вышелъ, наконецъ, директоръ изъ своего кабинета. Замерли: въ рукѣ—бумага, въ лицѣ торжественное, строгое выраженіе. Въ дни свободы этотъ невидный, словно приплюснутый къ полу, но величественно державшій себя съ учителями господинъ (чешская фамилія у него—Сосулька), поддавался легкомыслію, сказалъ въ какомъ-то собраніи рѣчь о равноправіи женщинъ,—у него было шесть дочерей, всѣ на возрастѣ и всѣ сидѣли на родительской шеѣ. Сказалъ, но потомъ испугался. Кажется, пришлось ему послѣ этого съѣздить въ округъ — объясниться. И, повидимому, оправдаться-то онъ оправдался, но нѣкоторое пятно подозрительнаго свойства такъ и осталось на немъ. Изъ того можно было заключить это, что много усердія клалъ онъ на то, чтобы замести слѣды прежняго языкоблудія, предъявить безграничную преданность и открытость сердца.

Кашлянулъ. Обвелъ присутствующихъ строгимъ взглядомъ,—мертвая тишина, напряженность истомленнаго ожиданія...

Торжественная обстановка, тайна, которая окутывала содержаніе полученной бумаги, настроили всѣхъ на особенный, приподнятый ладъ. Ждали чего-то сверхъестественнаго, необыкновеннаго, поражающаго. Ждали трепетно. Сердце замирало.

Торжественно прочиталъ, — не прочиталъ, возгласилъ — директоръ:

— Отношеніе его превосходительства господина попечителя —скаго учебнаго округа. Номеръ 11785-й. Директору —ской гимназіи.

Сдѣлалъ паузу. Затѣмъ съ внушительной медлительностью, съ чувствомъ благоговѣнія и какого-то особеннаго, молитвеннаго восторга сталъ не читать, а возглашать. Это было пріятно закругленное въ сложный періодъ сообщеніе г. попечителя. Трезво, ясно, съ серьезностью, отвѣчающею

важности предмета, гласило оно, что министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ г. попечителя о томъ, что по докладу о выраженіи вѣрноподданническихъ чувствъ учащихся и учащихъ—ской гимназіи благоугодно было соизволить повелѣть благодарить.

Новая пауза. Директоръ окинулъ глазами членовъ педагогическаго совѣта.—„Кончилъ или нѣтъ?..." Почему-то у всѣхъ было такое впечатлѣніе, что не все еще прочитано, что-нибудь есть тамъ и еще, въ этой попечительской бумагѣ, не одинъ же закругленный лаконизмъ. Сто лѣтъ работали... Трудъ незамѣтный,—правда,—но до нѣкоторой степени созидающій силу и славу отечества... Краткость, конечно, присуща силѣ и высотѣ. Пусть даже необходима. Но съ той же высоты изливаются и лучи, несущіе тепло, щедроты, радости и прочее...

И всѣ ждали, нѣтъ ли тамъ, въ этой попечительской бумажкѣ, еще какой-нибудь этакой прибавочки, въ родѣ всемилостивѣйшаго обѣщанія касательно повышенія окладовъ или иного прочаго. Потому что пять минутъ назадъ учитель чистописанія изъ достовѣрнѣйшаго источника—отъ дѣлопроизводителя гимназической канцеляріи—почерпнулъ свѣдѣнія, что бумага гласитъ о жалованьѣ. Директоръ сдѣлалъ, можетъ быть, необходимую паузу, чтобы съ тѣмъ большей силой оттѣнить послѣдующее впечатлѣніе.

Но Сосулька сложилъ бумагу вдвое и воскликнулъ тономъ ликующимъ и приглашающимъ къ ликованію:

— Ура, господа!

Закричали ура. Зала пустая, резонансъ великолѣпный, Ура прокатилось звучно и внушительно,—дружно-таки хватили. Свѣщегасовъ даже побагровѣлъ отъ натуги, всѣмъ существомъ своимъ старался показать безудержное усердіе и въ ликованіи. Голосъ былъ у него телячій, звонкій. Всѣ ужъ смолкли, а онъ все еще вопилъ въ одиночку:

— Ура-а! Ура-а! Ура-а!..

Насилу успокоился. Перевелъ духъ, отхаркался. И вдругъ, точно вдохновеніе его осѣнило, поднялъ руки, какъ регентъ архіерейскаго хора, и крикнулъ:

— Гимнъ!

Директоръ обернулся къ портрету, большой палецъ за бортъ мундира заложилъ, къ груди попечительскую бумагу прижалъ. Обернулись за нимъ учителя. Запѣли. Не очень стройно, но старательно. Свѣщегасовъ съ мѣста въ карьеръ взялъ жестокую ноту. О. законоучитель съ своимъ tenore di grazia, чтобы поправить дѣло, сталъ забирать верхи, залѣзъ въ заоблачную высь. Изъ соревнованія чехъ-латинистъ Крживанекъ, человѣкъ роста небольшого, но голосъ—

какъ паровозный гудокъ,—забрался еще выше, покрылъ нерѣшительные, робкіе басы. Свѣщегасовъ изгибался кольцомъ, какъ удавъ, крутилъ головой, подгибалъ колѣнки и въ концѣ, когда благополучно вытянулъ послѣднюю ноту, даже перекрестился и раньше директора скомандовалъ: ура!

Крикнули. Не всѣ, правда, но многіе. И опять Иванъ Васильичъ долго не могъ укротить своего восторга. Молодой словесникъ нашъ, Ивановскій, даже фыркнулъ отъ смѣха. Директору, однако, понравилось. Такъ понравилось, что предложилъ гимнъ повторить еще разъ.

Обернулись опять къ портрету, запѣли. Опять—взаимное состязаніе теноровъ. Даже и басы втянулись въ него. По залѣ катались самые фантастическіе шумы, хрипы и гулы. Стонали, рычали, вопіяли... Было диковато, но занятно.

Затѣмъ директоръ далъ минутку роздыха. Перевели духъ. Предложилъ Сосулька текстъ благодарственной телеграммы. Свѣщегасовъ тутъ же, не медля, отчаяннымъ голосомъ крикнулъ:

— Принять безъ преній!

Приняли,—какія тамъ пренія!.. Но эта уже была невинная слабость Свѣщегасова—парламентскій языкъ, парламентская терминологія,—можетъ быть, потому, что онъ состоялъ товарищемъ предсѣдателя мѣстнаго союза русскихъ людей.

— Я предлагаю, Антонъ Антонычъ,—снова крикнулъ онъ:—самую эту драгоцѣнную... какъ бы сказать... самый этотъ историческій документъ... да, историческій!—онъ вызывающе ударилъ себя въ грудь и съ упрекомъ взглянулъ на улыбавшагося Ивановскаго:—золотыми литерами на мраморной доскѣ... въ ознаменованіе священной памяти...

— Великолѣпная мысль!—вставилъ словечко о. Илья. Лукавый іерей: въ голосѣ и восхищеніе, и сердечная грусть смиреннаго сознанія своей недогадливости, и комариное жало издѣвательскаго ехидства...

— ...Въ актовой залѣ... въ назиданіе потомкамъ!..

Безсвязно, но со старательнымъ подъемомъ и даже съ вызовомъ въ голосѣ выдавилъ изъ себя это Свѣщегасовъ.

— Мысль счастливая!—опять сказалъ о. Илья. И нельзя было понять, отчего такой грустный тонъ у него: точно-ли грустить, что не ему первому пришла въ голову эта счастливая мысль, или смѣется?..

А всѣ прочіе члены совѣта—ни звука. Молчатъ. Смотрятъ другъ на друга съ нѣмымъ лукавствомъ, какъ римскіе авгуры. Молчатъ. Словно воды въ ротъ набрали.

Неловко даже. Сосулька подождалъ. Видитъ: всѣ безмолвствуютъ, надо взять иниціативу въ свои руки.

— Что же, мысль, дѣйствительно, превосходная,—сказалъ онъ:—какъ, господа находите?

Молчатъ опять члены совѣта. Обдумываютъ,—видъ размышляющій у всѣхъ. И въ то же время словно бы чувствуется, что каждый грозитъ самъ себѣ пальцемъ: хорошее молъ, слово—серебро, молчаніе—золото! Народъ былъ все осмотрительный, благоразумный, трезвый. Понимали, что возражать не слѣдуетъ, но и спѣшить съ выраженіемъ восхищенія и радостной готовности нѣтъ особой надобности.

И опять Свѣщегасовъ выручилъ:

— Принять безъ преній!

Махнулъ рукой. Жестъ былъ рѣшительный и безапелляціонный. Директоръ посмотрѣлъ вопросительно на всѣхъ, подождалъ. Никто не говоритъ. Какъ считать молчаніе? Знакомъ ли согласія, или колебанія? Неловкость чувствовалась; всѣхъ за языкъ тянуть надо...

— Ставлю вопросъ на баллотировку!—Сосулька рѣшительнымъ жестомъ направилъ указательный палецъ на инспектора:—Ваше мнѣніе, Иванъ Кондратьичъ!

Инспекторъ, точно его огорчили вопросомъ, отвѣтъ на который у него не могъ быть инымъ, кромѣ утвердительнаго, изумленно-обиженнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Принять!

— Ваше, батюшка?

О. Илья коротко и строго отвѣтилъ:

— Безъ преній!

— Ваше?.. Ваше?.. Ваше?..

Директоръ поочередно цѣлился пальцемъ въ каждаго учителя.

— Принять... принять... принять...—короткіе отвѣты отрывались и падали, какъ червивыя яблоки сухимъ лѣтомъ: безсильно, глухо и часто.

Крживанекъ для разнообразія сказалъ:

— Согласенъ съ мнѣніемъ инспектора.

Когда дошла очередь до Шишкарева, онъ замедлилъ отвѣтомъ и всѣ съ удивленіемъ поглядѣли на него. Смущенно, съ видимымъ усиліемъ, онъ сказалъ:

— Что... собственно... баллотируется?..

Сосулька изумился:—Какъ что? Развѣ вы не слышали предложенія Ивана Васильича?..

— Слышать слышалъ, но... я не вполнѣ... понимаю...

Сосулька хмыкнулъ. Усмѣхнулся однимъ усомъ въ знакъ нескрываемаго сомнѣнія и протянулъ:

— Уди-ви-тель-но! Откуда это вдругъ такая непонятливость? Кажется, достаточно ясно. Если меня не обманываетъ мое разумѣніе, я предложеніе Ивана Васильича по-

нимаю такъ: оттиснуть на мраморной доскѣ это драгоцѣнное для насъ извѣщеніе его превосходительства...

— Неловко вѣдь, Антонъ Антонычъ...

У Шишкарева отъ волненія выступила испарина на лбу:

— Неловко... ей-Богу, кивать головами на насъ будутъ... И не полезно для цѣли...

Онъ оглянулся на всѣхъ робко умоляющимъ взглядомъ:

— Господи, вѣдь, право, не годится... какъ-то оно... знаете... ахъ, господа!..

Но сейчасъ же спутался, запнулся, заморгалъ глазами и въ отчаяніи началъ тереть лобъ ладонью.

— Насколько мнѣ извѣстно,—сказалъ строго, съ достоинствомъ, Сосулька:—выраженіе патріотическихъ чувствъ уже не въ первый разъ вызываетъ у васъ дурное настроеніе... Такія заявленія здѣсь неумѣстны... Значитъ, вы противъ принятія?

Страхъ охватилъ Шишкарева, ясное сознаніе опасности и гибели неминуемой. Упавшимъ, извиняющимся голосомъ онъ пробормоталъ:

— Не то чтобы противъ... Предметъ такой... А тутъ... чтобы безъ преній... Безъ преній, то-есть не то, чтобы безъ преній, а такъ сказать... безъ обмѣна мыслей, безъ обсужденія... я затрудняюсь...

Сосулька многозначительно хмыкнулъ.

— Значитъ: нѣтъ? Такъ и запишемъ...

Всѣ остальные послѣ этого, конечно, высказались за предложеніе. Только у словесника Ивановскаго вдругъ заболѣлъ животъ, и онъ поспѣшилъ выйти. Но это ему не прошло. Отдѣлался онъ, правда, полегче, чѣмъ Шишкаревъ, но все-таки потерпѣлъ...

— ...Такъ вотъ, за это вольномысліе меня и...

Шишкаревъ сдѣлалъ рукой жестъ, которымъ выпроваживаютъ вонъ, и остановился. Долго молчалъ и барабанилъ пальцами по колѣну. За окномъ чернѣла ночь. Безъ устали ровнымъ шумомъ шумѣлъ поѣздъ, черно и нѣмо лежала ночь. Шумитъ, гремитъ, спѣшитъ куда-то поѣздъ, а ночь надъ нимъ, и рядомъ, и впереди, и позади. И похоже, что топчется онъ на одномъ мѣстѣ и никуда не уйдетъ отъ этого чернаго, нѣмого полога...

— Да, чортъ возьми, времена!—густо вздохнулъ подъесаулъ Чекомасовъ и отъ рѣзкаго движенія щелкнули и запѣли подъ нимъ пружины дивана:—разсуждая здраво, что такое, въ сущности, вашъ случай? Пустякъ совершенный! А вотъ, подите же...

— Нелѣпый случай. „Все это было бы смѣшно“... Но мнѣ

теперь,—увы!—не до смѣха... Гнусная исторія! Пробовалъ разсуждать хладнокровно, по логикѣ,—какъ учитель исторіи, я, разумѣется, долженъ знать, что времена низости и холуйства и жестокости,—не новость въ родной странѣ... Даже въ учебникахъ есть объ этомъ. Да... Но умомъ-то обнимаешь это, а сердце вотъ... плачетъ отъ обиды... бунтуетъ...

— И то сказать: пятнадцать лѣтъ...—тихо въ грустномъ раздумьи продолжалъ Шишкаревъ:—привычка. Полтора десятка лѣтъ пробыть въ этой атмосферѣ маленькихъ интересовъ, мелкоты, маленькихъ преступленій и бурь... среди звонковъ, журналовъ, единицъ... это—не бараній хвостъ! Опустишься до уровня почти ребячьяго пониманія жизни, все перезабудешь,—гдѣ ужъ тутъ за иное ремесло браться! Круто... Оглянешься кругомъ—ничего, кромѣ унизительной нужды въ перспективѣ...

— Положеніе бамбуковое!

— Хуже... Положеніе соленаго зайца, которому приткнуться некуда. Формуляръ хоть и не опороченъ, но секретная аттестація безнадежна. Сосулька,—онъ давно-таки цѣлился укусить меня, да не за что было: человѣкъ я былъ службистый, ученикамъ потачки не давалъ,—хотя, правда, и не глоталъ ихъ,—взглядовъ держался умѣренныхъ. Только одно: дѣла у насъ—не крупнаго калибра, а все-таки украсть кое-что можно, — ну, вотъ, иной разъ я и отказывался въ хозяйственномъ комитетѣ подписать какой-нибудь дутый счетъ... Значитъ, становился въ оппозицію начальству... Это—разъ. А второе, — я уже говорилъ о томъ, что наблудилъ Сосулька нечаянно въ дни свободы, — ну, и старался всячески замести слѣды... Случай-то какъ разъ и пригодился...

Подъесаулъ укоризненно покрутилъ головой.

— По прошенію?

— Прошенію. Форма такая. Считается сравнительно мягкой. А вотъ по третьему пункту,—ну, то уже...

— Знаю, знаю...

Подъесаулъ вынулъ папиросу и спичечницу:—Знаю. Потому—самъ стоялъ почти-что на этой точкѣ, — закуривая, говорилъ онъ, отрывисто мыча и посмѣиваясь:—Вы, небось, думаете... мм... не похоже!.. Да-а... Висѣлъ... мм... за ребро и я... болѣе или менѣе... Было дѣло подъ Полтавой, что называется!.. баба свиснула октавой,—извините...

Подъесаулъ привсталъ и поглядѣлъ въ сосѣднее купе, какъ будто желая убѣдиться, что въ отдѣленіи никого, кромѣ нихъ двоихъ, нѣтъ.

— Застрѣвалъ и я, — продолжалъ онъ, разминая ноги и потягиваясь передъ окномъ, въ которомъ смутно отражалась

его крѣпкая фигура съ выпяченной грудью:—мундиръ снималъ! Помните, полоса такая была послѣ войны?

— Какъ же... Даже нашъ Сосулька о женскомъ равноправіи распространялся,—сказалъ Шишкаревъ.

— Я, положимъ, ни о чемъ не распространялся. Словесность у меня тугая, вязкая, и по части идей или тамъ теорій и разныхъ сухихъ тумановъ, какъ всякій кавалеристъ, я жидокъ ногами. Я, собственно, увлекся въ это время стишками и юмористикой. Собиралъ, въ тетрадку переписывалъ, иной разъ декламировалъ... Стыдъ, чортъ возьми, донималъ, ѣлъ глаза, что называется, какъ африканскій самумъ. Ну, прочтешь этакій ядовитый стишокъ и — легче... Внутри желчи-то много, а выплюнуть не умѣешь, — такъ вотъ стихами... Графинчикъ—другой раздавишь, услышишь: бахвалится какой-нибудь пьяный собратъ, присягу исполняетъ—пускаетъ патріотическую пыль,—ну, сейчасъ его стишкомъ!.. Иные обижались, ссоры затѣвали, но у меня машина — изволите видѣть—какая?

Подъесаулъ покачалъ увѣсистымъ кулакомъ.

— И шашкой владѣть умѣю. И стрѣляю недурно. Такъ что сходило до поры, до времени...

Онъ помолчалъ. Затянулся и, выпустивъ клубъ дыма, задумчиво посмотрѣлъ, какъ онъ таялъ въ полусвѣтѣ вагона. Сѣлъ.

— Да... Ну, вотъ... читалъ-читалъ, дочитался: зоветъ командиръ. — „Вы, что же это? Забыли, какой мундиръ носите“!.. И пошелъ. О долгѣ присяги, о чести мундира и прочее... Вы, вѣроятно, о немъ, о нашемъ командирѣ, даже читали въ газетахъ: попалъ подъ судъ. За пустяки, въ сущности: тысченокъ двадцать не провелъ по отчетности... Такъ вотъ онъ—о чести мундира. Слушалъ я, слушалъ, не удержался, возразилъ: честь мундира, г. полковникъ, замарана не мною... — „Молчать!.. эт-то что такое“?! Ну, рапортъ у меня былъ уже на-готовѣ: извольте!..

— Ну-съ, отчислили. Сталъ я „вольнымъ“, что называется, отдалъ дань времени. По митингамъ, правда, не ходилъ, но привѣтствовалъ, сочувствовалъ и тому подобное. За конституцію было выпито достаточно.

— А потомъ наступило отрезвленіе... Надо сказать, что ни благопріобрѣтеннаго, ни наслѣдственнаго у меня, кромѣ развѣ вотъ этихъ усовъ, — ничего. Сталъ соваться туда-сюда, по страховымъ обществамъ тамъ разнымъ. Прочиталъ брошюру о кирпичѣ, — на счетъ кирпичнаго завода строилъ планы. Въ церковный хоръ поступалъ. Даже горшки лѣпить подумывалъ: что-жъ, молъ, честный трудъ... Попробовалъ агентомъ по страхованію жизни поѣздить—безъ жало-

ванья, изъ процентовъ. Проѣздилъ лишь собственныхъ полсотни рублей и въ результатѣ изловилъ одного только паціента—самого себя. Недоумѣваю и самъ теперь: за какимъ чортомъ, для кого себя-то застраховалъ?

— Вижу: не мое это дѣло — агентура, кирпичи, горшки. Думаю-подумаю: положеніе, чортъ возьми, бамбуковое! Конституція, отвѣтственное министерство — вещь, конечно, возвышенная, но желудокъ—деспотъ... Начинаю тосковать. Сострадательные люди даютъ совѣтъ: подайте прошеніе о зачисленіи въ полкъ, — чего вы! въ арміи — некомплектъ, съ радостью возьмутъ.

— Походилъ, походилъ, внялъ совѣту, написалъ просьбу. Жду. Отвѣта нѣтъ. Сталъ волноваться: почему? Некомплектъ — внѣ всякихъ сомнѣній, а не зачисляютъ... Толкнулся, куда слѣдуетъ.—Почему?—говорю. — „А вотъ то-то и то-то: за конституцію пили?" — Пилъ. Тогда всѣ пили. — „Надобности нѣтъ, всѣ,—вамъ не слѣдовало"...

— Выходитъ, что неблагонадеженъ. Что тутъ дѣлать? Хоть волкомъ вой! Были у меня книжки о Новой Зеландіи, Царь-Голодъ, — къ чорту ихъ! Зарылъ въ землю. Газетки, юмористику, тетрадь со стишками сжегъ немедленно. Уничтожилъ всякіе слѣды неблагонадежности, въ церковь сталъ ходить. Обратился за протекціей къ такимъ, знаете, людямъ, отъ которыхъ, что называется, не розами пахло...

Подъесаулъ въ волненіи остановился. Досталъ опять портсигаръ, предложилъ папиросу Шишкареву, взялъ самъ. Шишкаревъ не курилъ, но папиросу тоже взялъ, — закурили.

— Язвили, знаете, мораль какую читали,—продолжалъ подъесаулъ съ горькимъ изумленіемъ: — „Какъ же это вы, молодой человѣкъ"?.. *Молодой человѣкъ*! Не *подъесаулъ*, а *молодой человѣкъ*! А молодому человѣку уже тридцать съ полтиной, подъесаулъ — слава Богу...—„Какъ же это вы? Даже ораторомъ, кажется, выступали"?—Никакъ нѣтъ.—„Но сочувствовать сочувствовали? За конституцію пили?" — Что дѣлать!—говорю въ свое оправданіе: — по увлекающемуся характеру... — „Характеръ-то характеромъ, но и недомысліе, вѣроятно"?..

— Такъ, ей Богу, развернулся бы да смазалъ! Но... нужда проклятая, роковая безвыходность... Пришлось глотать молча: авось, молъ... Пусть потѣшатся, чертъ ихъ бери, лишь бы... Ну, все-таки, надо отдать имъ справедливость: оправдали надежды, помогли. Въ полкъ былъ зачисленъ.

— Радъ былъ, скажу откровенно, до телячьяго восторга! Думаю: теперь-то ужъ конецъ мытарствамъ, буду умнѣй. Руками, ногами, зубами буду держаться...

— Стараюсь, знаете-ли, всячески,—полкъ новый, о прошломъ, думаю, не знаютъ. Тѣмъ не менѣе командиръ смотритъ на меня бирюкомъ. Товарищи тоже какъ-то двусмысленно держатся. Человѣчка два изъ зеленой мелкоты—ничего себѣ, но компанія не подходящая. Остальные—политики и дипломаты какіе-то...

— А я, знаете, по природѣ—человѣкъ общительный. Люблю товарищество, рюмашки три-четыре раздавить въ компаніи да закусить этакимъ грибкомъ молоденькимъ, выслушать анекдотецъ свѣжаго засолу... А тутъ вижу: не то... И, конечно, тяжело мнѣ отъ этого, разстраиваюсь нервами. Стараюсь и такъ, и этакъ,—ничего не выходитъ. Дѣло—бамбукъ! Сталъ подумывать объ университетѣ. Чортъ съ вами, думаю, не хотите признавать—не надо! Обойдусь...

— Купилъ латинскую грамматику, учебники разные, сѣлъ зубрить. Соберу, думаю, малую толику деньжатъ, уйду. А вы, молъ, погрязайте тутъ въ своемъ безсмысленномъ невѣжествѣ!.. Но подготовка въ тридцать шесть лѣтъ—дѣло грубое, какъ оказывается. Не тѣмъ голова занята, чтобы зубрить: agricola—*соловей, въ лѣсу нѣтъ статуй и колоннъ...* Нейдетъ ни латынь, ни алгебра. Бросилъ. Впалъ въ отчаяніе, чуть не о монашескомъ клобукѣ сталъ помышлять...

Подъесаулъ Чекомасовъ разсыпался вдругъ дробнымъ, веселымъ смѣхомъ. Покрутилъ головой: видно, въ воспоминаніяхъ о лучшихъ дняхъ прошлаго были и забавныя страницы.

Вагонъ вздрогнулъ, качнулъ вправо. Поѣздъ оборвалъ свой ровный, дѣловитый шумъ и судорожно зарычалъ, пошелъ тише. Замелькали огни большой станціи, потянулась длинная платформа съ носильщиками, темныя кучки спящихъ людей, большія, освѣщенныя окна вокзала.

— Станція?—радостнымъ голосомъ воскликнулъ подъесаулъ—да... Тула, должно быть... Великолѣпно!..

Онъ всталъ и пріятельски взялъ Шишкарева за руки повыше локтей:—Голубчикъ, не сходить ли намъ пропустить по единой? а? для знакомства?..

Голосъ подъесаула звучалъ дружески нѣжными нотами.

— Я, вѣдь, абстинентъ,—сказалъ Шишкаревъ не безъ колебанія.

— То-есть?..—Подъесаулъ, недоумѣвая, слегка запнулся:—Это что же, секта какая-нибудь?

— Просто—непьющій.

— Но вѣдь по одной! Единственно для знакомства. Вы же не соціалистъ, надѣюсь,—почему же не выпить по одной?

Вы мнѣ, ей-Богу, показались, какъ родной братъ или товарищъ дѣтства. Но въ сухомятку—такой ужъ у меня характеръ—я чувствую, все-таки, стѣснительность...

Былъ очень убѣдителенъ тонъ подъесаула Чекомасова,— Шишкаревъ сдался. Пошли къ буфету. Проходя черезъ залу, полную суеты и яркаго свѣта, скромный педагогъ мелькомъ взглянулъ въ зеркало не на себя, а на коренастую, съ выдающимися лопатками, крѣпко сшитую фигуру усатаго офицера съ оливковымъ лицомъ,—взглянулъ и заробѣлъ: какъ-то очень ужъ неумѣстной и жалкой показалась ему собственная приземистая, неловкая фигура въ фисташковомъ пальто въ накидку и въ фуражкѣ съ полинявшимъ бархатнымъ околышемъ рядомъ съ этимъ военнымъ звѣрообразнаго вида...

— Двѣ рюмки водки!—Подъесаулъ Чекомасовъ опытнымъ, оцѣнивающимъ взглядомъ окинулъ закуски.—Рекомендую вотъ эту вещь,—ткнулъ онъ пальцемъ въ очень подозрительное мѣсто, обращаясь съ заботливымъ видомъ къ Шишкареву:—испанскій лучокъ. Очень недурно! Ваше здоровье!

Быстро опрокинулъ рюмку, сосредоточенно поглядѣлъ въ пространство и неодобрительно помычалъ.

— И тутъ теплая водка, чортъ бы ихъ побралъ! Водка должна быть охлажденной... Вы что же? Это—испанскій лукъ. Не бойтесь, батенька: достовѣрнѣе разныхъ тамъ маринадовъ. Еще по единой?..

Шишкаревъ отрицательно замоталъ головой,—отъ непривычной горечи и отвращенія у него перехватило горло и онъ не могъ слова выговорить, лишь безпомощно пучилъ глаза. А подъесаулъ уже распорядился еще на счетъ двухъ рюмокъ и ждалъ его съ видомъ самаго открытаго расположенія. Смирный педагогъ не сумѣлъ устоять противъ этого дружественнаго гипноза, почти автоматически взялъ рюмку, поглядѣлъ, какъ свободно и легко опрокинулъ свою офицеръ, попробовалъ самъ сдѣлать такъ-же, но не сумѣлъ, поперхнулся и закашлялся.

— Обратите вниманіе вонъ на эту брюнетку... желтый шарфъ... видите?—гулкимъ шопотомъ говорилъ между тѣмъ подъесаулъ, съ состраданіемъ глядя, какъ Шишкаревъ откашливался и конфузливо вытиралъ платкомъ обрызганные борты своего фисташковаго пальто:—не вредный бабецъ, какъ вы думаете?..

— Да, особа...—ничего себѣ...—еле выговорилъ Шишкаревъ и опять закашлялся.

— Варваръ! „Ничего себѣ"... Это—не „ничего себѣ". Это—шедевръ!.. Глаза, напримѣръ, глаза-а... Семьдесятъ семь бѣсовъ, а не глаза! А брови!.. Давайте для храбрости

раздавимъ еще по рюмкѣ и попробуемъ завязать знакомство?.. Вдохновительная женщина!..

— Я не могу,—испуганно сказалъ Шишкаревъ.

— Пустяки!.. Такая краля, можно сказать, а вы упираетесь.

Выпили еще по одной. Шишкареву показалось, что легкій туманъ закуталъ огни и лица. Голоса людей спутались, подошли ближе, совсѣмъ чужія, ненужныя слова привлекали вниманіе, а то, что говорилъ подъесаулъ, казалось диковиннымъ и трудно понятнымъ. Подъесаулъ взялъ его подъ руку и провелъ очень близко мимо дамы въ золотистомъ шарфѣ. При этомъ выразительно скосилъ глаза въ ея сторону. Педагогъ успѣлъ замѣтить только, какъ дрогнула подъ этимъ откровеннымъ взглядомъ тонкая бровь съ гордымъ изломомъ,—конфузливо покраснѣлъ и потупился.

— Чортъ ее... подойди вотъ къ ней!..—вздохнулъ подъесаулъ, останавливаясь противъ вагона перваго класса:— кто она? какъ подступить? съ чего начать?.. Какой-то чортъ ѣдетъ тамъ съ ней... актеръ—не актеръ... бритый. Ну, бритаго-то я не постѣснялся, а вотъ она... на нее какъ подготовить атаку? съ какого конца взять?—Вотъ заданіе, голубчикъ!..

— Д-да...—не совсѣмъ твердо проговорилъ Шишкаревъ:— эти предпріятія... съ древнѣйшихъ временъ почитаются... труднѣйше преодолимыми... Цезарь, напримѣръ,—кажется, ужь великій былъ тактикъ?—а всѣмъ побѣдамъ предпочиталъ побѣду надъ женщиной...

— Я его понимаю... Иной разъ среди нихъ навертываются такія твердыни,—походи да походи!..

И когда красавица въ золотистомъ шарфѣ проходила мимо нихъ въ вагонъ, подъесаулъ пріосанился, ухватился за усъ и взволнованнымъ голосомъ проговорилъ ей въ спину:

— Да, я хорошо понимаю Цезаря, мой другъ!..

Не оглядываясь, она скрылась за дверью. Подъесаулъ мрачно усмѣхнулся. Молча, продолжали стоять передъ вагономъ до третьяго звонка. Чего-то ждали. Не дождались. Тронулся поѣздъ. На ходу вскочили въ свой вагонъ. Подъесаулъ долго сидѣлъ въ молчаливомъ раздумьи и крутилъ усъ. Вздохнулъ:

— Въ женскомъ продовольствіи, сказать вамъ откровенно, я недостатка не имѣлъ, но черезъ нихъ же и горя зачерпнулъ изрядно! Вино и женщины...

Шишкаревъ пристальнымъ взглядомъ смотрѣлъ ему въ усы, точно видѣлъ ихъ въ первый разъ. Въ головѣ у него шумѣло, глаза застилалъ туманъ. И гдѣ-то стороной, выше,

прошли слова о женщинахъ, знакомыя, но смѣшныя почему-то. Онъ всмотрѣлся въ нихъ, засмѣялся и повторилъ:

— Зачеркнулъ?.. вина и женщинъ?..

— Вино и женщины, да!—подъесаулъ трагически потрясъ головой.

— Между прочимъ, года два назадъ, въ то именно время, когда я былъ такъ разстроенъ своими неудачами,—это, что я давеча говорилъ, — одна десятая изъ всего пережитаго! Пропускаю. Не хочется ворошить мрачныя воспоминанія... Къ финалу перейду,—тутъ отчасти женщина сыграла роль, а главнымъ образомъ, какъ бы сказать... долгъ присяги, что-ль, или вообще... Впрочемъ, это надо пояснить...

Онъ помолчалъ, соображая, вѣроятно, въ памяти обстоятельства минувшаго.

— На полковомъ праздникѣ у насъ депутація была отъ русскаго народа, съ привѣтствіемъ. Предсѣдатель—мужчина скорѣй во французскомъ стилѣ, поджарый, съ плѣшью, бородка гвоздемъ. Фабрикантъ. Но бабочка у него, я вамъ долженъ сказать, одинъ восторгъ! Дивная женщина!..

Подъесаулъ весь перекосился отъ восхищенія и щелкнулъ пальцами.

— Я въ женщинахъ кое-что смыслю,—продолжалъ онъ скромнымъ и дѣловымъ тономъ:—встрѣчаю шаблонъ—спокоенъ... равнодушенъ и холоденъ, какъ ледъ! Но если вижу выдающееся, такъ сказать, произведеніе искусства,—меня бьетъ лихорадка!.. Вотъ эта брюнетка... желтый шарфъ... она у меня отъ самаго Курска гвоздемъ въ головѣ сидитъ, и я... я не знаю, на что я способенъ теперь!.. Кажется, я этого толстомордаго, который тамъ съ ней,—я его выброшу на рельсы!..

— Д-да... Но брюнетка эта, конечно, въ своемъ родѣ... А та, Софья Мироновна,—въ своемъ. Русскій стиль: глаза съ поволокой, соболья бровь, и тутъ—во-о...

Подъесаулъ сдѣлалъ округлое движеніе передъ грудью.

— Я, какъ видите, мужчина еще въ соку... Сложеніе, безъ похвальбы скажу, состоятельное, всѣ статьи въ исправности. Женщины вниманіемъ не обходятъ. И тутъ былъ замѣченъ...—„Къ намъ милости просимъ“...—Мерси-съ. Сочту священнымъ долгомъ-съ..

Сдѣлалъ визитъ. Обстановка—великолѣпіе:—ковры, бронза, хрусталь. Свой выѣздъ. У дѣтей француженка. Словомъ, живутъ по-великосвѣтски. Въ то же время чисто-русское радушіе, гостепріимство, хлѣбосольство...

Поговорили душевно такъ. Получилъ приглашеніе на именинный пирогъ—17 сентября. Поѣхалъ. Общество разно-

образное. И духъ, надо сказать, не то чтобы исключительно тамъ какой-нибудь этакій арапскій,—нѣтъ! Полная свобода слова, занимательные разговоры безъ предразсудковъ на счетъ женщинъ, проблемъ тамъ разныхъ... новые взгляды! Пріятная, легкая такая атмосфера.

— Дай, думаю, попробую за хозяйкой... не клюнетъ ли?..

Она за роялью. Дѣвица тамъ одна изобразила цыганскій романсъ „Догадайтесь сами"... Недурно. Съ огонькомъ. Поапплодировали.

— А вы сами что-нибудь, Софья Мироновна,—говорю:—осчастливили бы?..

Говоритъ:—Стѣсняюсь въ обществѣ. Но музыку и пѣніе обожаю!

— И я,—говорю,—люблю до безумія!—А самъ глазами ее того... гипнотизирую...

— Поѣхала бы я, — говоритъ, — въ Москву: тамъ опера, тамъ жизнь, а тутъ не жизнь, а плѣсень.

— Я бы тоже съ удовольствіемъ,—говорю,—въ пріятной компаніи отчего же... хоть на край свѣта, не то что въ Москву!

— Вы въ Большомъ театрѣ бывали?

— Нѣтъ, не былъ. У Яра бывалъ. Тамъ тоже хорошее пѣніе...

— Смѣется:—Вы оперу, вѣроятно, не любите?

— Люблю до безумія!—(А самъ глазами ее...)—Вотъ въ Одессѣ когда нашъ полкъ стоялъ, я разъ на „Гугенотахъ" былъ. Ловко,—говорю,—они тамъ, курицыны дѣти, на шпагахъ дерутся...

Смѣется. А я тѣмъ временемъ взялъ да легонечко колѣнку ей поважалъ. Ничего, не устраняется. Чувствую: перебѣгаетъ въ меня электрическая искра.

— Вы очень храбрый, вѣроятно?—говоритъ. Улыбается.

— Не всегда-съ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже робокъ..

— Нѣтъ, вы—храбрый!

— Нѣтъ, робокъ!..—Тѣмъ не менѣе собираюсь съ духомъ, хочу и храбрость обнаружить. Оглядываюсь: супругъ подходитъ.—Черти тебя принесли!—думаю:—только было прицѣлился,—осѣчка, зарядъ пропалъ...

— „Кто? Кто храбрый?" Василій Петровичъ? Конечно! Казакъ—какъ же не храбрый? Сомнѣнія быть не можетъ!.." Беретъ меня подъ руку и уводитъ, подлецъ, къ закусочному столу.—„Пожалуйте-съ! съ чего прикажете? отечественной?.." Ну, выпили разъ, выпили два, и три, и четыре. Кое-кто выпилъ и спасовалъ, а я увлекся состязаніемъ съ хозяиномъ (поджаръ на видъ, а выпить не duракъ!) и съ о. протодьякономъ. Выдержалъ съ честью бой. Хозяинъ даже уми-

лился. Обнялъ и говоритъ: „вотъ это настоящая русская душа! самородокъ! патріотъ!..“ Поцѣловались.

— Патріотъ-то патріотъ,—говорю,—но на счету революціонера.

— Какъ такъ?

Открываюсь ему. Изложилъ въ краткихъ чертахъ, но все, что перенесъ, что накипѣло вотъ тутъ... Выслушалъ онъ, призадумался. Вижу ясно: человѣкъ отзывчивый, съ сердцемъ, сочувствуетъ.

Подумалъ-подумалъ онъ этакъ, отводитъ въ сторону:

— Есть,—говоритъ,—возможность похерить все. Никому бы другому не сказалъ, но въ васъ чувствую скалу.

— Будьте увѣрены,—говорю,—тайны хранить когда-то умѣлъ...

— Случай есть дать доказательство,—говоритъ,—какой вы есть въ дѣйствительности человѣкъ и русакъ. И случай рѣдкій. Вотъ... Изъ самыхъ,—говоритъ,—достовѣрныхъ источниковъ знаю: на заводѣ у Пурица сейчасъ митингъ, въ его именно домѣ. Говорилъ давеча полицеймейстеру.—„Не мое дѣло“—говоритъ. На жалованьи у жидовъ; всѣмъ извѣстно, Я знаю, военная сила—только по требованію полиціи,—ну да... Но... бываютъ обстоятельства,—примѣры даже можно назвать,—когда и самостоятельно, по собственной иниціативѣ. За что получали одобреніе, да еще какое!.. Вотъ вамъ случай...

Гляжу на него: смѣется или нѣтъ? Нѣтъ, не смѣется. Въ серьезъ. Шумитъ у меня въ головѣ, мутно, никакой ясности въ мысляхъ... Случай-то онъ случай и, можетъ быть, дѣйствительно, единственный, а въ душѣ сомнѣніе: годится-ли? Есть что-то этакое... неясное, сомнительное... Дерябнули мы тѣмъ временемъ еще рюмки по двѣ.

— „У насъ“,—говоритъ,—„на словахъ всѣ преданы долгу, а коснись до дѣла, сейчасъ въ кусты... Прямоты настоящей русской не видать...“

— Ну ужъ это вы напрасно!—говорю.

— „Да я не о васъ...“

— Это вы напрасно-съ!—повторяю съ удареніемъ:—на это вы не имѣете пр-рава!..

— „Я не о васъ, подъесаулъ! Вы—я знаю—гранитъ по этой части... А вотъ другіе...“ —И пошелъ расписывать. Ловко, мерзавецъ, расписывалъ! Растрогалъ меня до глубины души, болѣе или менѣе.

— Пойду,—говорю,—разгоню всю революцію къ чорту!

— „Двухъ-трехъ казачковъ“,—говоритъ,—„достаточно, и все іудейское племя пятки покажетъ“!

— Не будь я подъесаулъ Чекомасовъ,—говорю,—если че-

резъ часъ не представлю вамъ живьемъ всѣхъ заговорщиковъ до единаго!..

Подъесаулъ сдѣлалъ паузу. Вспомнилъ что-то самъ съ собой, усмѣхнулся, покрутилъ головой. Шишкаревъ продолжалъ изучать пристальнымъ взглядомъ его усы, толстую нижнюю губу и тупой подбородокъ. И стало ему немножко страшно за заговорщиковъ не отъ грозно-рычащихъ звуковъ голоса подъесаула, а отъ этого широкаго, тупого подбородка.

— Перекрестилъ онъ меня.—„Черезъ часъ,—говоритъ,—жду съ побѣдой. Помните: побѣдителей не судятъ! смѣлымъ Богъ владѣетъ!"

— Пріѣзжаю въ казармы, вызываю дежурную часть.—Звонкобреховъ,—говорю,—ты—расторопный урядникъ, подбери десятокъ молодцовъ,—въ такое-то мѣсто.—„Слушаю, вашбродь."—Да живо! Не копаться!—„Въ одинъ секунтъ, вашбродь!.."

— Дѣйствительно, черезъ какихъ-нибудь пять минутъ готовы.

Вызвалъ я по телефону околодочнаго. Явился околодочный изъ части.

— Отправляемся въ такое-то мѣсто,—говорю ему.—„Слушаю-съ". Пошли. Подходимъ къ заводу,—тихо, огней не видать нигдѣ. У воротъ сторожъ спитъ, въ будкѣ. Звонимъ. Никого, ничего, ни звука. Подозрительно. Растолкалъ околодочный сторожа,—сторожъ позвонилъ. Слышимъ, наконецъ, за дверью голосъ: „кто тутъ?"—„Телеграмма",—околодочный отзывается.—„Полиція",—говоритъ сторожъ,—„казаки". Околодочный ткнулъ ему въ подбородокъ за эту... словоохотливость, что называется: „держи языкъ за зубами, мерзавецъ!" А за дверью сейчасъ же: топъ-топъ-топъ-топъ... застучали ногами, убѣгли...

— Эге!—вотъ оно, молъ, что!—готовься, ребята! Придется штурмовать, можетъ быть...

Звонкобреховъ говоритъ: —„Вашбродь! чѣмъ штурмой, такъ мы со двора лучше тихимъ манеромъ"...

— Нѣтъ надобности,—говорю!—не отворятъ, — штурмъ! Готовьсь!..

Однако къ штурму не пришлось приступить,—за дверью опять голосъ, другой уже:—„И что здѣсь тако-о-е?"

Подъесаулъ попытался изогнуть свои могучія плечи и растопырилъ пальцы, изображая перепуганнаго еврея въ комическомъ видѣ.

— Потрудитесь открыть!—говорю: — подъесаулъ Чекомасовъ съ нарядомъ...

Открылась дверь. Пузатый такой жидокъ стоитъ, ис-

пуганъ, трясется. Сзади женщина со свѣчкой, прислуга, должно быть. Самъ въ халатѣ, въ туфляхъ.—Успѣлъ,—думаю,—перенарядиться! Эка продувная какая нацiя!

— У васъ въ домѣ происходитъ митингъ,—говорю.

— „И што ви такое говорите? И откуда ви увзяли! Митингъ? Никакого митинга никогда у меня не бувало и не будетъ!..“

— Будьте любезны—не задерживать! Мы немедленно приступаемъ къ обыску!

— „Позвольте ваше предписанiе... Я не знаю, кто вы такое? Въ первый разъ вижу...“

— А въ часть не хотите?—околодочный говоритъ,—не видите,—околодочный вашего околодка?

— „Позвольте, зачѣмъ въ часть? Вы сами знаете, теперь каково время: и грабители, случается, подъ видомъ жандармовъ...“

— Словоизверженiя,—говорю,—ваши безполезны! Время оттянуть,—нѣтъ-съ, не удастся! Мы—не дураки. Звонкобреховъ, впередъ!..

Подъесаулъ рѣзко взмахнулъ вверхъ рукой, точно сдѣлалъ прiемъ „шашки вонъ“. И въ глазахъ у него загорѣлось ,вдругъ боевое вдохновенiе.

— Впередъ, Звонкобреховъ!.. Нечего ему въ зубы смотрѣть!.. Вступили. Тоже—богатая обстановка и—представьте—ни малѣйшаго чесночнаго духу! Заглянули туда, сюда—пусто. Въ иныхъ комнатахъ темно, какъ въ брюхѣ грѣшника. Наткнулись на одну дверь,—заперта извнутри.

— Открыть!.. Попробовалъ Звонкобреховъ:—„На замкѣ, должно быть, вашбродь“.

— Потрудитесь открыть!—Пурицу говорю.

— „Потрудитесь ордеръ предъявить!“—онъ мнѣ. Нахальный такой жидъ... еще кричитъ, тонъ такой вызывающiй:—„Безъ ордера я имѣю полное право не пускать васъ за порогъ моего дома! вы дѣтей у меня перепугаете!.. тамъ спальня моей жены!..“

— Потрудитесь немедленно открыть!

— „Не открою!“

— Посмотримъ!..—Тонъ этотъ начинаетъ ужъ нервировать меня, характеръ у меня,—нельзя сказать, чтобы хладнокровный.

— Посмотримъ!—говорю:—взять, ребята, этого жида за руки и за ноги! Сади имъ, сукинымъ сыномъ, въ дверь, пока не откроется!..

Подъесаулъ сжалъ увѣсистые кулаки и выразительнымъ жестомъ показалъ, какъ надо было работать. Шишкаревъ при этомъ отодвинулся въ сторону и покрутилъ головой.

— Схватили мои молодцы жидка. Завизжалъ онъ, какъ поросенокъ. Гвалтъ такой поднялъ, скажу вамъ, хоть святыхъ вонъ уноси. Брыкается, вырывается, царапается. И за дверью,—слышу,—тоже визгъ, крикъ, гвалтъ, столпотвореніе.—А-а, голубчики! вотъ вы когда отозвались. Высаживай дверь, ребята!

Голосъ подъесаула зычнымъ, неожиданно окрѣпшимъ раскатомъ наполнилъ все отдѣленіе и всѣ углы отозвались вдохновенными звуками боевого упоенія. У Шишкарева духъ захватило, когда подъесаулъ, упершись въ бока кулаками, сдѣлалъ грозный поворотъ къ нему, какъ бы къ воображаемому взводу. Глаза словно выпятились, тупой подбородокъ уперся въ плечо, толстые усы, какъ занесенные для удара ятаганы, остановились въ угрожающей неподвижности. Страшно...

Подъесаулъ выждалъ нѣсколько мгновеній и, усмѣхнувшись, снова принялъ миролюбивый обликъ.

— Сопятъ мои казачишки надъ жидомъ, никакъ не сладятъ,—продолжалъ онъ сожалѣющимъ тономъ:—такой брыкучій чортъ!.. Побагровѣли отъ натуги, разсвирѣпѣли, пыхтятъ, а онъ визжитъ, этакъ хрипитъ ажъ... душу раздираетъ мерзавецъ!

— Вы, братцы, поверните,—говорю,—его другой стороной! А то голову еще ему разобьете, отвѣчать придется... Другимъ концомъ..

— Слушаемъ, вашбродь! Мы его... середкой... днищемъ!..

Выражаются, конечно, безъ стѣсненія, не по-печатному. Раскачали: р-разъ!.. р-разъ!.. Какъ тараномъ, знаете... И смѣхъ, и грѣхъ... Р-разъ!.. р-разъ!.. Подалась, наконецъ, дверь открыли...

— Смотрю: дѣйствительно, одно женское сословіе оказалось... въ ночныхъ, знаете, откровенныхъ такихъ дезабилье, безъ рукавовъ... ну... знаете?.. Перепугались, бѣдняжки. Двѣ-то старыя вѣдьмы, а одна молоденькая. Лицо—бѣлый платокъ, а глаза такіе, чортъ возьми... ухъ, какіе глаза!..

Подъесаулъ ухватился за голову. Долго молчалъ.

— Пардонъ,—говорю. Осмотрѣлъ внимательно комнату,—никого. Въ слѣдующей—дѣтишки и нянька.—Фу, чортъ возьми! Неужели влетѣлъ? Вотъ непріятность-то!.. Даже вспотѣлъ отъ такого конфуза.

— Пардонъ,—говорю,—мадамъ! Значитъ, я введенъ въ заблужденіе... Вышла ошибка...

— О-о!..—простоналъ Шишкаревъ. Въ изумленіи онъ не могъ глазъ оторвать отъ тупого, квадратнаго подбородка своего спутника... Минутами ему хотѣлось крикнуть испуганно и отчаянно, какъ кричатъ безсильные, малаго духа

люди, когда закормленная, бѣшеная съ жиру лошадь вырвется изъ стойла и съ заливистымъ ржаніемъ начнетъ носиться по двору, со двора на улицу, давать задомъ, топтать застигнутыхъ врасплохъ цыплятъ, телятъ, зазѣвавшихся ребятишекъ... Хотѣлъ крикнуть, замахать руками, спрятаться куда-нибудь, точно жестокое лошадиное копыто и его головѣ угрожаетъ... Но онъ сидѣлъ, не открывая рта, точно загипнотизированный, и, не отрываясь, молча, смотрѣлъ, какъ двигался между усовъ тупой, квадратный подбородокъ...

— Пардонъ... пардонъ-съ!..—повторилъ офицеръ и съ смущенной усмѣшкой поскребъ голову.

Шишкаревъ всталъ съ мѣста и взволнованно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по отдѣленію.

— Вы меня извините,—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ:—но... мнѣ кажется... вы все это... выдумали? вѣдь, этого не было?..

— Увы и ахъ!—мрачно вздохнулъ подъесаулъ:—изъ пѣсни слова не выкинешь... Было дѣло подъ Полтавой...

— Но... неужели вы... ах-хъ, Боже мой! это же—позоръ!..

— Да вы погодите!—съ досадой, но тономъ пріятельскимъ сказалъ подъесаулъ:—сядьте, господинъ! Позоръ, позоръ... Гнусная сцена, конечно... Жидъ этотъ, какъ отдохъ и замѣтилъ, что я обезкураженъ, полѣзъ вдругъ на меня со всей наглостью еврейской натуры. Визжитъ, подлецъ, слюной брызжетъ:—„Это безобразіе! Это насиліе! разбой! деспотизмъ! Я буду жаловаться въ Государственную Думу! Я—въ газеты! Я... я... я...“

— Тьфу, будь ты проклятъ! И безъ того конфузно, а онъ налѣзаетъ. Нижніе чины тутъ. Положеніе—сами понимаете—щекотливое... Но не бить же ему морду въ его собственномъ очагѣ, такъ сказать?.. Отступили въ полномъ порядкѣ, какъ это называется. Именины ужъ изъ головы вонъ! Какія тамъ къ чорту именины! Вмѣсто возвращенія съ побѣдой, пришелъ на квартиру, легъ, уткнулся въ подушку и замычалъ быкомъ... отъ боли и страданія!.. Пропалъ! Чувствую: сомкнулись волны надо мной и иду я топоромъ на дно... Дошелъ, что называется, до предѣла...

— Ахъ... ахъ... ахъ...—жалобнымъ, подавленнымъ голосомъ восклицалъ Шишкаревъ, сжимая виски ладонями.

Подъесаулъ махнулъ рукой и горестно крякнулъ.

— Вы подумайте!—сморщившись, простоналъ онъ страдальческимъ голосомъ:—карьеру ребромъ поставилъ! Съ одной стороны, какъ ни перевертывай,—незаконно-съ! Съ

другой—глупо! Вѣдь такого дурацкаго положенія нарочно выдумывать—не выдумаешь!..

Шишкаревъ вскочилъ и всплеснулъ руками.

— Глупо?!—воскликнулъ онъ негодующимъ, но жидкимъ и потому смѣшнымъ голосомъ:—ничего кромѣ?.. глупо?.. и только?..

Подъесаулъ поглядѣлъ на него недоумѣвающимъ взглядомъ, потомъ улыбнулся.

— Сядьте, господинъ,—снисходительнымъ тономъ сказалъ онъ:—сядьте и не волнуйтесь. Знаю самъ, что не кругло,—ну, и довольно съ васъ. Что-жъ еще? Не падать же мнѣ ницъ, не посыпать же главу пепломъ изъ-за этого самаго жидка... Все-таки, какъ вы тамъ ни потрясайте главой,—продувная нація! Не даромъ самъ Богъ предназначилъ ее на разсѣяніе... Но тутъ было съ моей стороны, — я сознаюсь,—тутъ было, при всемъ благородствѣ побужденій, глупо и незаконно. Сознаюсь! Нарушеніе гарнизоннаго устава—внѣ сомнѣній... Казнюсь! И... эта жидовочка съ помертвѣвшимъ лицомъ... черные-черные такіе глаза... Удивительные у нихъ бываютъ глаза, я вамъ доложу!.. Жидовочка эта меня долго... того... безпокоила... Ну, это оставимъ!

Подъесаулъ ласково потрепалъ Шишкарева по колѣну и досталъ портсигаръ.

— Вы очень того... не волнуйтесь все-таки. Конечно, съ какой стороны взглянуть на дѣло, это—да... Но долженъ вамъ сказать, что Пурица-то, въ концѣ концовъ, не убыло, а прибыло: какіе-то вексельки онъ тамъ скупилъ и мой предсѣдатель русскаго союза у него оказался въ лапахъ. Свои счеты у нихъ тамъ... Но я, точно, дурака свалялъ, подъ дѣйствіемъ винныхъ паровъ отчасти... Впрочемъ, къ чорту Пурица!..

Подъесаулъ вдругъ разсмѣялся какимъ-то своимъ воспоминаніямъ.

— Комики, ей-богу!—сказалъ онъ, крутя головой:—папиросочку, Михаилъ Иванычъ?

— Нѣтъ, у меня... то...—не безъ смущенія пробормоталъ Шишкаревъ:—у меня голова что-то...

— Не въ порядкѣ? Это, пожалуй, отъ водки, а не отъ табаку,—табакъ проясняетъ мысли, а водка непривычному человѣку давитъ на мозгъ...

Подъесаулъ съ особымъ шикомъ щелкнулъ крышкой своей автоматической спичечницы и, нагнувшись къ огоньку, торопливо промычалъ:

— Табакъ способствуетъ размышленію!

Онъ закурилъ, пустилъ клубъ дыма вверхъ и долго наблюдалъ за нимъ мечтательнымъ взглядомъ.

—Ну-съ, хорошо-съ!—воскликнулъ онъ веселымъ голосомъ:—я не досказалъ. На другой день, конечно, шумъ по всему городу. А можетъ, по началу и не было еще шуму, но мнѣ уже казалось, что всѣ пальцами на меня показываютъ. Пропалъ, думаю. Отъ стыда и на ученіе не явился. Къ одиннадцати надѣлъ мундиръ, отправился къ командиру съ докладомъ: чему быть, тому не миновать,—думаю,—прятаться безсмысленно... Настроеніе такое, какъ будто щенокъ на сердце нагадилъ: ноги не несутъ, не глядѣлъ бы на весь бѣлый свѣтъ!..

— Тутъ произошелъ, какъ это въ газетахъ говорится, инцидентъ. Сейчасъ-то объ этомъ смѣхъ вспомнить, а тогда онъ меня, признаться, прямо-таки приплюснулъ къ землѣ. Да... Въ казармахъ, во дворѣ, первый, кого я встрѣтилъ, былъ Звонкобреховъ. Сподвижникъ, такъ сказать. Идетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ни тѣни унынія или огорченія на лицѣ,—напротивъ: сіяетъ, мерзавецъ, какъ вычищенный грошъ, и—показалось, должно быть, мнѣ—даже какъ будто подмигнулъ пріятельски этакъ. Смотрю: несетъ что-то... бережно, обѣими руками, держитъ посудину... ну, знаете?—ночную...

Подъесаулъ понизилъ голосъ и, нагнувшись къ Шишкареву, гулкимъ полушопотомъ пояснилъ, какая именно посудина.

— Это,—говорю,—что ты такое несешь?

— Обѣдъ, вашбродь.

— Обѣдъ?! А посуда... что за посуда? Откуда ты ее досталъ?

— Извините, вашбродь, это, дѣйствительно, у еврея у энтого вчера прихватили...

— Здравствуйте! Этого еще не доставало, чтобы насъ въ мародерствѣ обвинили! Что жъ ты, такой-сякой, зарѣзать меня собрался?

— Никакъ нѣтъ, вашбродь, помилуйте!—И пошелъ съ разными своими дурацкими доводами: вещь, дескать, ему безполезная, все равно безъ предѣла въ чуланчикѣ стояла...

— Да вѣдь это грабежъ!

— Никакъ нѣтъ, вашбродь. Рази мы безъ понятія, чтобы что зря брать! Ну, вареникъ какой попадется,—въ сакву его! Кому отъ этого убытокъ? Или калоши тамъ, ношеныя какія-нибудь... Или этакая вотъ посуда... цаганчикъ, подъ названіемъ...

— Ка-акъ?

— Цаганчикъ. У насъ, въ домашнемъ быту, въ подобные взварокъ наливаютъ... кутью... А мы вотъ тутъ, по походному, двѣ порціи щей...

— Сейчасъ же брось эту мерзость!—говорю:—это вотъ какая посуда, а ты—двѣ порціи щей!

— Никакъ нѣтъ, вашбродь, это—цаганчикъ... Да вы, вашбродь, не стѣсняйтесь; мы кипяткомъ его выпарили,—будьте безъ сумлѣнія...

— Брось сію же минуту, я тебѣ говорю!

— Ва-ашбродь! да тутъ двѣ порціи...

Подъесаулъ рѣзко хлопнулъ ладонью по столику и виноватымъ голосомъ воскликнулъ:

— Не могъ я тутъ, знаете, выдержать хладнокровія! Нервы были развинчены, совсѣмъ съѣхалъ съ рельсъ... Развернулся, к-какъ дамъ по этой самой посудинѣ! Лишь брызги засверкали въ рожу этому идіоту...

— Возмутительно же, ей богу! — прижимая волосатую руку къ груди, какъ бы оправдываясь, продолжалъ подъесаулъ послѣ небольшой паузы:—во первыхъ—мародерство... И безъ того дошелъ я до предѣла бѣдствій, такъ сказать, а тутъ эта скотина не утерпѣлъ, слизнулъ таки вещь и совершенно ему не нужную. А во-вторыхъ—эта свиная небрезгливость, некультурность эскимоса этакого перевернула мнѣ душу...

Подъесаулъ негодующе фукнулъ и рѣзкимъ движеніемъ откинулся къ стѣнкѣ дивана. Пружины запѣли подъ нимъ протяжно и низко.

— И вѣдь что вы думаете? Отошелъ я нѣсколько шаговъ, оглянулся: что, молъ, онъ дѣлаетъ сейчасъ,—обидѣлъ вѣдь я его... А онъ нагнулся и вытираетъ рукавомъ мясныя порціи,—не утерпѣлъ таки, подлецъ, поднялъ съ земли... зачѣмъ, дескать, имъ пропадать?.. Не эскимосъ, по вашему?..

Шишкаревъ молча помоталъ головой. Не одобрялъ? изумлялся?—мудрено было понять. Долго молчали.

— Ну-съ, такъ вотъ...—шумно вздохнулъ подъесаулъ:— приготовился я, знаете, ко всему... Разносъ,—такъ разносъ! Подъ судъ—ну, подъ судъ! Все равно! Пускай глотаютъ...

Докладываю командиру: такъ и такъ, руководясь такими-то побужденіями, сталъ жертвой обмана... Вполнѣ сознаю вину, не выставляю никакихъ извиняющихъ обстоятельствъ, кромѣ усердія во имя служебнаго долга.—„Усердіе не по разуму!"—говоритъ полковникъ. Но говоритъ не сердито. Я думалъ: проглотитъ! Однако, представьте себѣ: нѣтъ! Штатская публика,—такъ думаю,—помогла тутъ мнѣ. Въ ея глазахъ я былъ извергъ, злодѣй, звѣрь, удавъ,—все, что угодно! Травили меня, я вамъ скажу, ну—чумную крысу такъ не травятъ, какъ меня травили... на всѣ манеры! Но у военныхъ корпоративный духъ заговорилъ: командиръ и товарищи сплотились вокругъ меня, взяли подъ защиту. Нарушеніе

гарнизоннаго устава, конечно, несомнѣнное, но побужденія—это было выяснено—благородныя... И, въ концѣ концовъ, никто, въ сущности, и не пострадалъ: тотъ же Пурицъ на другой день ѣздилъ по городу въ полномъ своемъ здравіи... Такъ что-жъ тутъ? Неужели на 24 часа къ разстрѣлу?

— Отстояли. Корпусный командиръ, конечно, закатилъ лишь полмѣсяца гауптвахты, но фонды мои отъ этого не упали, а скорѣй выросли: товарищеское сочувствіе дороже стоитъ. И я въ тѣ дни былъ въ нѣкоторомъ родѣ центромъ... Ну, и революціонная моя окраска тогда же вся безъ слѣда сползла. Теперь на счету,—какъ думаете—на какомъ?

Подъесаулъ весело подмигнулъ Шишкареву.

— На прекрасномъ счету!—воскликнулъ онъ, не дожидаясь отвѣта, тонкимъ, неожиданнымъ для его фигуры, радостно повизгивающимъ голосомъ.

Дружески хлопнулъ Шишкарева по колѣну и, заглядывая счастливыми глазами въ его лицо, высыпалъ вдругъ черезъ носъ цѣлый каскадъ пырскающихъ звуковъ. Это было такъ заразительно, что даже тусклыя черты учителя, съ которыхъ не сходила грусть безнадежно ушибленнаго человѣка, на одно мгновеніе засвѣтились улыбкой.

— Такъ-то-съ, милѣйшій Михаилъ Иванычъ!—проговорилъ подъесаулъ, отдохнувъ отъ смѣха: — на прекраснѣйшемъ счету... да-съ! И знаете, что я думаю?—Подъесаулъ понизилъ голосъ и съ выраженіемъ таинственности прищурилъ одинъ глазъ:—Я, до нѣкоторой степени, фаталистъ... Военные люди—всѣ фаталисты. Знаете, что я думаю? Я думаю: на свѣтѣ нѣтъ безвыходныхъ положеній! Все какой-нибудь выходъ да найдется! Ужъ на что вотъ я былъ, что называется, на краю, а вотъ... слава Богу... Вотъ и вы. Вы не робѣйте, голубчикъ! Я увѣренъ: обернется и ваше дѣло благопріятно. Вы думаете: все погибло, кромѣ чести! А я говорю: дѣло случая!

Шишкаревъ всталъ, потянулся, зѣвнулъ — не совсѣмъ естественно и сказалъ:

— Что-жъ, это было бы не дурно... Но вѣдь надо отличиться... во имя служебнаго долга?

Подъесаулъ серьезно и убѣжденно сказалъ:

— Все—дѣло случая. Я—фаталистъ. Я даже,—онъ понизилъ голосъ и хитро подмигнулъ лѣвымъ глазомъ,—я даже на счетъ бабочки этой увѣренъ, что она отъ меня не уйдетъ,—та, что съ нами ѣдетъ... Хвалиться не стану: на эти на современные фасоны съ настроеніемъ, томленіемъ, умиленіемъ и прочими вывертами я не мастеръ... Я—по-кочетовому: разъ! два! подъ ножку и — готово!.. Глазомѣръ, быстрота и натискъ! По-кочетовому... Тактика испытанная!..

Онъ мотнулъ головой снизу вверхъ и заразительно пырскающіе звуки опять каскадомъ хлынули у него изъ горла и изъ носа. Шишкаревъ глядѣлъ въ его счастливые глаза, чуть видные въ узкихъ щелкахъ среди весело сбѣжавшихся морщинъ. Глядѣлъ, качалъ головой. А пырскающіе звуки сыпались и плескались, какъ пѣнистый квасъ, выбившій пробку изъ бутыли. Дрожали круглыя, сизыя щеки, прыгали серьезные усы, мелкой, частой зыбью трепыхались широкія плечи,—могучій, стихійно-безмятежный смѣхъ и незамутимая сознаніемъ радость бытія фонтаномъ били изъ всего сильнаго, гладкаго, перегруженнаго здоровьемъ тѣла...

Ѳ. Крюковъ.

Судъ побѣдителей.

Вы читали о массовыхъ политическихъ процессахъ съ сотнями обвиняемыхъ?

Читали о безпощадныхъ приговорахъ съ десятками смертныхъ казней?

Читали объ униженіи революціонеровъ, припавшихъ къ ногамъ побѣдителей съ мольбами о милости?

Вы читали объ этомъ не разъ, но только мелькомъ, въ газетахъ, въ отдѣлѣ телеграммъ или въ петитѣ хроники. И, вѣроятно, многое въ этихъ отрывочныхъ извѣстіяхъ оставалось для васъ непонятнымъ, недосказаннымъ...

Когда я былъ на волѣ, то мнѣ тоже приходилось встрѣчаться въ газетахъ съ подобными извѣстіями, но я не задумывался серьезно надъ ихъ значеніемъ и потому не могъ понять ихъ въ полномъ объемѣ. Но вотъ на моихъ глазахъ разыгралась судебная и тюремная драма, въ которой были двѣ сотни обвиняемыхъ и десятки приговоренныхъ къ смертной казни, въ которой было и униженіе покаявшихся революціонеровъ...

Можетъ быть, часть того, что я видѣлъ, будетъ интересна для людей, которые стараются осмыслить извѣстныя явленія нашей печальной русской жизни, но не были поставлены въ столь благопріятныя условія для наблюденій, какими пользовался я за послѣдніе годы. Постараюсь поэтому, насколько хватитъ силъ и умѣнья, передать прошедшія мимо меня картины.

I.

Томительно скучно тянулось время въ тюрьмѣ. Грязныя, полутемныя камеры со сводами... Уродливыя окна, загороженныя толстыми уродливыми полосами желѣза... Пыльный дворъ, окруженный высокой кирпичной стѣной... Напряженный гулъ множества голосовъ днемъ и жуткая, подстерегающая тишина ночью... Все это тупой тяжестью ложилось на душу.

Я сидѣлъ въ большой общей камерѣ. Число заключенныхъ колебалось въ ней отъ 40 до 70. Здѣсь содержались подслѣдственные политическіе и составъ ихъ мѣнялся каждый мѣсяцъ, каждую недѣлю. Одни выбывали изъ камеры. Другихъ приводили на ихъ мѣсто. Приводили изъ другихъ камеръ той же тюрьмы, приводили присланныхъ изъ другихъ тюремъ, а чаще всего приводили вновь арестованныхъ. Уводили изъ нашей камеры заключенныхъ то въ другія камеры, то въ контору тюрьмы на этапъ или на освобожденіе, то въ секретку—приговоренныхъ къ смертной казни.

Кругомъ меня жили люди, изъ которыхъ многимъ не суждено было выйти на волю, люди, изъ которыхъ многіе носили уже печать смерти на челѣ. У каждаго была своя исторія. И исторія каждаго представляла собой отдѣльный осколокъ кошмарной русской жизни. И я жилъ среди этихъ людей, стараясь запечатлѣть въ памяти ихъ лица, стараясь разобраться въ тѣхъ силахъ, которыя привели всѣхъ ихъ въ тюрьму, а многихъ изъ нихъ къ подножію висѣлицы.

Здѣсь познакомился я съ Григоріемъ Клименкомъ и другими участниками той драмы, о которой я хочу разсказать. Помню свою первую встрѣчу и первый разговоръ съ Клименкомъ.

Я только что кончилъ утренній чай, когда рѣшетчатая дверь нашей камеры повернулась на ржавыхъ визжащихъ петляхъ.

— Здравствуйте, товарищи! Къ вамъ на жительство!—раздался съ порога громкій и грубый голосъ.

Я взглянулъ на вновь прибывшаго. Это былъ рабочій, лѣтъ 25 на видъ, высокаго роста, плечистый, съ большой головой, широкимъ, скуластымъ лицомъ и цѣлой копной густыхъ, непослушныхъ волосъ. Что-то медвѣжье было въ его грузной, могучей фигурѣ, все дышало въ немъ силой и притомъ какой-то элементарной, стихійной силой, которой не коснулось вліяніе культуры. Добродушное и вмѣстѣ съ тѣмъ упрямое лицо,—типичное лицо малоросса. Рѣзко очерченный крупный ротъ съ блестящими бѣлыми зубами. Глаза смотрѣли твердо и прямо.

Я сразу узналъ Клименка, о которомъ уже много слыхалъ въ тюрьмѣ. Этого богатыря не долюбливали въ тюрьмѣ за его неуживчивый характеръ, за стремленіе повсюду властвовать, за постоянныя мелочныя ссоры съ товарищами. Но и разсорившіеся съ Григоріемъ товарищи считали его незаурядной личностью: за нимъ было славное прошлое. Въ 1905-омъ году Клименко стоялъ во главѣ рабочихъ огромнаго металлургическаго завода. Тысячи рабочихъ чуть не молились на него, администрація завода его боялась и втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ былъ какъ бы признаннымъ «пролетарскимъ директоромъ» завода. И за эти мѣсяцы Григорій показалъ себя человѣкомъ желѣзной воли и человѣкомъ дѣла, а не фразы или личнаго самолюбія. Въ тюрьмѣ сидѣлъ онъ

давно, съ 1905-го года, когда его схватили однимъ изъ первыхъ послѣ неудачной попытки возстанія, произведенной рабочими. Но и въ тюрьмѣ Клименко проявилъ себя человѣкомъ борьбы и непреклонной силы воли. Всѣ годы онъ держался въ тюрьмѣ крайне независимо и твердо, не гнулъ головы передъ начальствомъ, съ бѣшеной энергіей, ничего не боясь, протестовалъ противъ каждой несправедливости. Его нѣсколько разъ избивали въ тюрьмѣ за эти протесты,—избивали безпощадно, били прямо на-смерть, и другой, вѣроятно, не выдержалъ бы такихъ истязаній. Но желѣзный организмъ Клименка выдержалъ все. И съ отбитыми внутренностями, съ надломленнымъ здоровьемъ, Григорій оставался такимъ же энергичнымъ и шумнымъ, казался такимъ же крѣпкимъ и сильнымъ, какимъ онъ былъ при приходѣ въ тюрьму нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Къ намъ въ камеру Клименко вошелъ нагруженный цѣлымъ ворохомъ мѣшковъ, подушекъ и свернутаго платья. Переступивъ порогъ, онъ внимательно осмотрѣлся кругомъ, отыскивая свободное мѣсто. Найдя его недалеко отъ меня, онъ направился туда.

— Здѣсь не занято?

— Нѣтъ! Устраивайтесь.

Клименко тщательно уложилъ на нары свой матрацъ, разгладилъ его, застлалъ одѣяломъ, пристроилъ изголовье, аккуратно сложилъ свои мѣшки и, только устроивъ какъ слѣдуетъ все свое хозяйство, пошелъ здороваться съ товарищами. Но среди обитателей нашей камеры было много новыхъ, недавно прибывшихъ въ тюрьму, которыхъ Григорій не зналъ. Изъ старыхъ же обитателей тюрьмы почти половина была съ нимъ въ ссорѣ за старыя дѣла. Клименко сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ холоднаго пріема, оказаннаго ему камерой. Пожавъ руки 3—4 товарищамъ, онъ быстрой, дѣловой походкой подошелъ ко мнѣ и протянулъ мнѣ руку.

— Вы товарищъ Сергѣй?

— Да. А васъ я знаю.

— Ну, я васъ тоже знаю съ разсказовъ другихъ. Здравствуйте. Мнѣ съ вами нужно кое о чемъ переговорить. Вы сейчасъ не заняты?

— Нѣтъ. Чѣмъ могу вамъ помочь?

Мы присѣли на краешекъ наръ и Клименко началъ:

— Я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться на счетъ своего дѣла. Вѣдь вы юристъ?

— Не совсѣмъ. Но въ тюрьмѣ, за неимѣніемъ лучшаго...

— Ну, да это собственно и не важно. Вы съ нашимъ дѣломъ знакомы?

— Знаю только, что вы сидите за 1905 г. А въ чемъ обвиняетесь, какія противъ васъ улики, кто съ вами вмѣстѣ по дѣлу,— объ этомъ понятія не имѣю.

— Ну такъ слушайте... Меня арестовали сразу послѣ забастовки и жандармы при арестѣ такъ мнѣ и сказали, что я задержанъ за подстрекательство къ забастовкѣ и за руководительство. Но затѣмъ, на слѣдствіи, мнѣ припаяли возстаніе и еще Богъ знаетъ что. Такъ, собственно, и все дѣло велось. Арестовывали за одно дѣло, на слѣдствіи предъявляли другое, судить будутъ за третье. Это-то и безпокоитъ меня. Нарочно смѣшали вмѣстѣ дѣла 3 заводовъ и чуть ли не 25 станцій желѣзной дороги. Свидѣтелей запугали и запутали до того, что тѣ сами не знаютъ, что показывали. Не знаю, когда будетъ судъ и чѣмъ онъ кончится. Но боюсь, что всѣ эти приготовленія сдѣланы не спроста. Боюсь, что судъ будетъ ужасный...

— А противъ васъ какія улики? Найдено что-нибудь, или оговоръ?

— Какія улики? Принадлежность къ с.-д. партіи я сразу призналъ. Значитъ, каторга уже есть,—это вѣрно, какъ въ аптекѣ. Можетъ, и похуже что ждетъ... Впрочемъ, я не о своемъ личномъ дѣлѣ хотѣлъ посовѣтоваться. А какъ быть вотъ съ чѣмъ: привлекается насъ около 200 человѣкъ. И на этой недѣлѣ на свиданіи мнѣ передали изъ вѣрнаго источника, что на судѣ смертныя статьи будутъ предъявлены чуть ли не всѣмъ обвиняемымъ...

— Какъ такъ «чуть ли не всѣмъ»?

— Да такъ, очень просто... Такъ, вотъ, мнѣ передали.

— Гдѣ же эти ваши сопроцессники, эти 200 смертниковъ?— спросилъ я съ удивленіемъ:—я бы зналъ въ тюрьмѣ...

— Да въ тюрьмѣ насъ содержится съ пятаго года всего человѣкъ 10: вотъ, я, Зубковъ, Хавкинъ, Николаевъ, Яценко... Всего человѣкъ 10 или даже меньше. Остальные всѣ на волѣ. Кто подъ залогъ выпущенъ за 100—200 рублей, кто подъ поручительство или даже такъ, просто подъ подписку о невыѣздѣ, подъ надзоръ полиціи. И многіе увѣрены, что ихъ дѣло давнымъ-давно ужъ прекращено совсѣмъ. А между тѣмъ вокругъ ихъ шеи петля затягивается! Нужно было бы предупредить ихъ, да не повѣрятъ они предупрежденію. Никто даже объ организаціи защиты не заботится. Нужно хоть этимъ дѣломъ заняться. У васъ есть адвокаты знакомые?

— Есть. Но вы хотѣли разсказать о дѣлѣ подробнѣе. А пока я съ самой сутью дѣла все же незнакомъ.

— Ахъ, да! Собственно, общаго дѣла у насъ никакого не было. На желѣзной дорогѣ были свои дѣла, у насъ, на заводѣ да на рудникахъ,—свои. Тамъ, на дорогѣ, до 5-го года и движенія-то не было никакого. А у насъ партійная работа пошла ужъ со 2-го года а въ 3-емъ уже кружки были въ полномъ ходу. Съ сентября 5-го года у насъ, какъ вездѣ, пошли митинги. Выступали и свои, и пріѣзжіе. Для веденія всѣхъ дѣлъ выбрали депу-

татовъ. Я на заводѣ дружину организовалъ, на случай погрома. И хорошая была дружина: парни одинъ къ одному... Только оружія было маловато. Все обѣщались прислать изъ городского комитета, а присылали самую малость... Такъ что къ пресловутому возстанію у насъ было всего штукъ 40 револьверовъ да винтовокъ... Ну, у желѣзнодорожниковъ было еще револьверовъ 100—150, вмѣстѣ съ бульдожками. А остальное все—пики самодѣльныя.

— Вы сами въ возстаніи не участвовали?

— Нѣтъ. Наканунѣ какъ разъ я выѣхалъ въ деревню на крестьянскій митингъ. Нужно было оратора, который могъ бы по-малороссійски говорить, а отправить было некого. Ну, я и поѣхалъ. Если бы не это, пришлось бы, конечно, и въ бою съ войсками участвовать. Хотя дѣло было нелѣпое.

— Почему же нелѣпое?

— Да началось все такъ неожиданно, безъ всякой подготовки. Наканунѣ еще никто ничего не зналъ. А когда началось, остановить не сумѣли, и получилась исторія, въ которой самъ чортъ не разберется. Вѣдь забастовка и у насъ, и на дорогѣ протекала совершенно мирно. Только вдругъ прибыли на дорогу войска: немного,—всего рота или даже полроты. Командовалъ солдатами какой-то молодой, зеленый совсѣмъ офицерикъ. Онъ избилъ собственноручно нѣсколькихъ рабочихъ и одного машиниста, который не хотѣлъ вести поѣздъ съ его солдатами. Съ этой станціи, гдѣ онъ хозяйничалъ, дали тогда телеграмму по линіи: просили помощи. Съ сосѣдней станціи тотчасъ же выѣхали дружинники, человѣкъ 18 или 20. Пріѣхали и офицера убили. Затѣмъ дружинники благополучно уѣхали себѣ домой. Только послѣ этого прибыли войска уже въ большемъ количествѣ и на станціи желѣзной дороги, и къ намъ на заводъ. Такъ какъ боялись нападенія со стороны рабочихъ, то солдаты расположились не въ самомъ заводѣ, а немного въ сторонѣ, у начала степи. Мы сразу поняли, что пахнетъ провокаціей, и держались очень осторожно. Но администрація заводская подняла носъ и начала на насъ насѣдать. Рабочіе волновались, такъ что дѣло съ каждымъ днемъ принимало болѣе серьезный оборотъ. Пришлось, наконецъ, отправить депутацію въ контору для объясненій. Я въ тотъ день съ ранняго утра уѣхалъ въ деревню. Пришлось идти Зубкову. Вы Матвѣя знаете?

— Это безрукаго? Видѣлъ мелькомъ на пропускѣ.

— Это желѣзный былъ человѣкъ въ 5-омъ году. Ораторъ чудный и смѣлый такой, рѣшительный... Его рабочіе чертовски уважали у насъ... Ну, Матвѣй пошелъ въ контору. За нимъ, какъ водится, рабочіе повалили толпой. Директоръ сперва не хотѣлъ ихъ принять совсѣмъ. Потомъ принялъ... Но полагаясь на солдатъ и на полицію, онъ такую повелъ линію, что Матвѣй не выдержалъ,

бросился къ нему, схватилъ его за грудь... Конечно, вмѣшалась полиція. Началась сумятица, а тутъ подоспѣли войска. Зубкова хотѣли задержать, но рабочіе его отбили. Солдаты тогда пальбу открыли по толпѣ. Матвѣю пулей раздробило руку выше локтя, изъ рабочихъ двоихъ убили, нѣсколькихъ ранили. Толпа, конечно, разбѣжалась. Но горячія головы бросились прямо на станцію и бухъ телеграмму по линіи, чтобы со всѣхъ станцій собирались къ намъ на заводъ дружинники отомстить солдатамъ за пролитую кровь... Къ вечеру стали съѣзжаться дружинники: съ одной станціи 5 человѣкъ, съ другой—25, съ третьей 50. Иные съ револьверами или съ винтовками, иные съ самодѣльными пиками. Наши рабочіе тоже вооружились кто чѣмъ могъ. Ночью набралось вокругъ станціи человѣкъ съ 1000, а то и до 2000. Солдаты, человѣкъ 200—300, стоятъ съ другой стороны завода, у степи. Но какъ офицера у солдатъ не знаютъ, что дѣлать, такъ и наши—мнутся на мѣстѣ, толпятся вокругъ вокзала и никакъ не могутъ рѣшить, съ чего начать. Я далеко въ ту ночь былъ. Зубковъ лежалъ въ больницѣ—ему пришлось руку отнять по самое плечо. Толпой руководить некому. Выискался, было, какой-то интеллигентъ: «я, говоритъ, раньше офицеромъ былъ. Могу вами командовать...» Но знаете, какъ у насъ ко всякимъ командирамъ относятся?—его рабочіе прогнали. Шумѣли, галдѣли... Наконецъ, уже послѣ 12 часовъ ночи учитель одинъ, изъ сосѣдней деревни, повелъ толпу прямо къ казармамъ. Спереди шли съ винтовками и съ револьверами. Было также бомбъ съ десятокъ или около того. А позади, чуть не на версту хвостъ пиконосцевъ. Окружили казарму... Казарма-то въ котловинѣ оказалась, кругомъ холмы, такъ что позиція у нашихъ вышла удобная, хоть куда. Бомбъ почему-то бросать не стали (а, можетъ быть, и бросали, но бомбы такія попались, что не взорвалась ни одна), открыли стрѣльбу по окнамъ... Солдаты, вмѣстѣ со своими офицерами, выскочили во дворъ и тоже давай палить. Учитель, какъ стоялъ впереди, такъ и свалился однимъ изъ первыхъ, и не застоналъ даже... Кругомъ тоже порядочно было убитыхъ и раненыхъ. А главное—ночь, темень, ни зги не видно... Со всѣхъ сторонъ выстрѣлы гремятъ, а гдѣ свои стрѣляютъ, гдѣ солдаты, ужъ не разобрать совсѣмъ... Ну рабочіе растерялись и дрогнули. Солдаты, конечно, этимъ воспользовались, пробились въ степь. Тамъ къ нимъ подкрѣпленіе подошло (не то сотня казаковъ, не то взводъ драгуновъ). Вотъ солдаты и двинулись на станцію. Тутъ картина совсѣмъ перемѣнилась. У нихъ винтовки чуть ли не на 5 верстъ бьютъ, а у нашихъ—бульдожки несчастные да браунинги... Началась паника: рабочіе побросали оружіе и побѣжали—кто въ село, кто къ руднику, кто на вокзалъ. Только крыловская дружина, человѣкъ 50, отступила въ полномъ порядкѣ къ желѣзной дорогѣ, укрѣпилась на эстакадѣ и продолжала отстрѣливаться. Когда ужъ остальные

всѣ сдались, офицеръ предложилъ крыловцамъ почетную капитуляцію: чтобъ они прекратили стрѣльбу и уѣзжали съ оружіемъ и со знаменемъ. Дружинники такія условія приняли. Ну, подали имъ съ запасного пути особый поѣздъ, сѣли они и уѣхали съ марсельезой. А остальную толпу солдаты окружили кольцомъ, наставили ружья. Офицеръ приказалъ всѣмъ пѣть «Боже царя храни»... Тѣ пропѣли кое-какъ. Тогда офицеръ еще комедію примиренія разыгралъ: вызвалъ впередъ трехъ стариковъ съ бородами, обнялся и поцѣловался съ ними. Вотъ и все наше возстаніе...

— А убитыхъ было много?

— Порядочно. У насъ человѣкъ 30, да у солдатъ человѣкъ 20. Впрочемъ, въ оффиціальномъ сообщеніи они написали, что солдатъ меньше было убито.

— Это серьезно. А аресты когда начались?

— Тогда, послѣ бою никого не арестовали. Офицеръ, видно, на своихъ солдатъ не больно надѣялся. Да и вообще въ то время власти не знали, чѣмъ революція кончится. А потомъ уже начали хватать, когда увидѣли, что за ними верхъ остался. Хватали безъ всякаго толку, безъ разбору, кого попало, кто подъ руку подвернется. Каждый чинушъ хотѣлъ проявить свое усердіе. А другіе усердствовали, чтобы отъ себя подозрѣнія отклонить: вѣдь грѣховъ на каждомъ съ 5-го года накопилось достаточно. При арестѣ избивали, застращивали всѣхъ... Меня, впрочемъ, не били, такъ какъ схватили раньше, чѣмъ другихъ. Но статью всѣмъ предъявили сперва самую пустяшную: за участіе въ забастовкѣ. А передъ Думой, когда начались разговоры объ амнистіи, почти всѣхъ выпустили. Оставили въ тюрьмѣ только насъ, вотъ, человѣкъ десять... Тогда даже не зналъ никто, въ какомъ судѣ мы будемъ судиться. Думали, дѣло пойдетъ въ палату, такъ какъ въ то время военнаго положенія въ губерніи не было. А теперь дѣло перешло въ военный судъ. Обвинительный актъ, говорятъ, уже изготовленъ и статьи всѣмъ тамъ переиначили. Вотъ, и начинаютъ хватать на станціяхъ нашихъ обвиняемыхъ... Вы скоро увидите, товарищъ, этихъ людей, они съ революціей ничего общаго не имѣли! Эти годы они оставались на службѣ и всѣ были увѣрены, что и суда-то надъ ними никакого не будетъ. А теперь ихъ же будутъ судить по смертнымъ статьямъ!...

— Вы говорили, предупредить ихъ нельзя, чтобы забирали свои пожитки и уѣзжали по-добру-по-здорову куда-нибудь подальше?

— Можно предупредить! Да что толку? Эта публика нашимъ предупрежденіямъ, все равно, не повѣритъ. Нужно позаботиться о защитѣ. Съ мѣстными защитниками я говорилъ. Но ихъ не хватитъ. Народъ больно жидкій и ненадежный...

— Васъ кто защищаетъ?

— Я самъ буду защищаться. Но какъ быть съ этимъ стадомъ,

которое къ намъ пригонятъ? Тамъ есть такіе типики, что способны въ союзъ русскаго народа обратиться за защитникомъ, если мы имъ защиты не подготовимъ.

— Ну, о союзникахъ мы могли бы не безпокоиться. Да и откуда возьмутся среди вашихъ союзники?—замѣтилъ я съ недовѣріемъ.

Григорій заволновался:

— Вы не знаете, какъ велось у насъ слѣдствіе... Кого тамъ только нѣтъ! Эти желѣзнодорожные шмендрики сплошь да рядомъ другъ друга изъ мести оговаривали. Поссорятся двое изъ-за дѣвки и бѣгутъ къ слѣдователю или къ жандармамъ. «Онъ въ стачечномъ комитетѣ участвовалъ!» «Онъ убивать офицера ѣздилъ!» Жандармы обоихъ и заметаютъ... для счету. Благо, что улики противъ обоихъ нашлись... А то въ пьяномъ видѣ иной навралъ на себя съ три короба: знай, молъ, нашихъ, какіе мы герои. А на слѣдствіи такой герой по питейной части оказывается ужъ мало-мало не главой движенія... Другіе ради спасенія шкуры съ самаго 5-го года ужъ состоятъ въ патріотахъ. Эту публику знать нужно. А я то ее слишкомъ хорошо знаю. Не одни желѣзнодорожники здѣсь хороши: изъ рабочихъ забрали тоже совсѣмъ несознательныхъ. Иной въ 5-омъ году, въ массѣ, былъ туда-сюда, а теперь съ нимъ лучше не встрѣчаться. Я говорю вамъ, изъ нашего процесса столько грязи будетъ, что не оберешься. Объ этомъ нужно заранѣе подумать...

Клименко помолчалъ, и затѣмъ прибавилъ:

— Что на судѣ грязь выступитъ, это я со своей точки зрѣнія говорилъ, какъ партійный человѣкъ... Но и о другомъ нужно позаботиться. Вѣдь нахватали и судить будутъ за наше дѣло людей, которые за наше дѣло не должны отвѣчать. А у нихъ семьи, дѣти. За свое дѣло мнѣ отвѣтить не тяжело. Но другихъ за собою тащить?.. Чтобъ за насъ мстили этому стаду?.. Это хуже всего. Этого нельзя допустить ни въ коемъ случаѣ!

Мы долго бесѣдовали съ Григоріемъ объ организаціи защиты къ предстоящему суду. Написали письма кое-кому изъ видныхъ русскихъ адвокатовъ. Но время было глухое, тяжелое. Политическіе процессы, даже съ двумя сотнями обвиняемыхъ, мало кого интересовали. И, не смотря на всѣ хлопоты, дѣло организаціи защиты очень слабо подвигалось впередъ.

II.

Начали приводить въ тюрьму вновь арестованныхъ желѣзнодорожниковъ, обвиняемыхъ въ захватѣ желѣзной дороги, въ забастовкѣ, въ возстаніи...

Въ первый вечеръ привели къ намъ въ камеру четверыхъ. Одинъ изъ нихъ былъ очень веселъ и казался ни чуть не

смущеннымъ своимъ переселенiемъ въ тюрьму. Покачиваясь и широко улыбаясь, вошелъ онъ въ камеру, споткнулся было на порогѣ, но удержался за стѣну, добродушно выругался и сразу пошелъ знакомиться съ обступившими его заключенными. На видъ ему можно было дать 22—23 года. Средняго роста, съ непомѣрно большой головой, съ выпуклымъ, «умнымъ» лбомъ и маленькими осоловѣлыми глазами, съ выбритымъ по хохлацки краснымъ, лоснящимся отъ пота лицомъ, развязный и возбужденный,—онъ казался разудалымъ парнемъ, загулявшимъ на радостяхъ.

— Миръ вамъ, и я къ вамъ! — весело кричалъ онъ: — Всей честной компанiи наше съ кисточкой! Вашу руку, товарищъ. Паазвольте познакомиться: я—Филипченко... можетъ быть, по обвинительному акту читали-съ про Филипченка, про машиниста Филипченка? Такъ я тотъ самый машинистъ и есть, машинистъ Филипченко!.. Да-съ! И съ вами, господинъ студентъ, познакомиться позвольте. Очень прiятно... Филипченко я, и завсегда люблю съ образованнымъ человѣкомъ...

Филипченко со всѣми знакомился, всѣмъ одинаково радушно жалъ руки, а къ Григорiю полѣзъ даже цѣловаться. Арестанты кругомъ смѣялись: слишкомъ ужъ отличалась сiяющая рожа пьянаго машиниста отъ унылыхъ физiономiй, съ которыми обыкновенно приходятъ люди въ тюрьму.

Но прибывшiе съ Филипченкомъ товарищи не раздѣляли его радостнаго настроенiя. Смущенные и подавленные стояли они у дверей, не зная, куда пойти, гдѣ сложить свои пожитки. Среди нихъ выдѣлялся высокiй старикъ съ длинной сѣдой бородой и красивымъ выразительнымъ лицомъ. Онъ былъ одѣтъ въ форменную тужурку, на головѣ имѣлъ фуражку съ малиновымъ околышемъ. Старикъ, видимо, бодрился и старался не выдать ничѣмъ своего волненiя, но глаза его и сжатыя губы показывали, чего стоитъ ему это наружное спокойствiе. Въ тюрьмѣ рѣдко можно встрѣтить человѣка съ сѣдой бородой и старость какъ-то невольно внушаетъ сочувствiе томящейся въ тюрьмѣ молодежи. Поэтому и на прибывшаго къ намъ высокаго старика арестанты смотрѣли съ сочувствiемъ и любопытствомъ.

Прибывшiй вмѣстѣ со старикомъ молоденькiй юноша въ формѣ желѣзнодорожнаго служащаго казался рядомъ съ нимъ жалкимъ, перепуганнымъ. Страхъ и отчаянiе были написаны на его красивомъ безбородомъ лицѣ. Лицо это было совершенно женственное: невысокiй бѣлый лобъ, красивые карiе глаза, нѣжныя щеки, тонкiй, изящно очерченный ротъ. Но было что-то отталкивающее въ его женственности и во всей его жиденькой фигуркѣ, затянутой въ франтовскую тужурку и такiе же франтовскiе узенькiе брючки.

Четвертый изъ вновь прибывшихъ былъ оборванъ и грязенъ, косматъ и безобразенъ съ лица. Невысокаго роста, очень плотный,

съ огромной черной бородой, которая начиналась отъ самыхъ глазъ и закрывала половину груди,—онъ былъ похожъ на сказочнаго гнома. Его крошечные вороватые глазенки быстро бѣгали изъ стороны въ сторону и весь онъ какъ-то странно ежился, будто стараясь сжаться въ незамѣтный комочекъ.

Филипченко, собравъ вокругъ себя человѣкъ 20 слушателей, ораторствовалъ:

— Вы, товарищи, не думайте, что я пьянъ или что такое... я это въ правилахъ не имѣю. А что выпилъ, такъ что здѣсь такого, противоположнаго... Я больше черезъ жандарма, который, то есть, угощалъ... А то я ни-ни-ни. Смерти я, братцы, нистолечко не боюсь! Ничего не боюсь... Смерть,—такъ смерть! Все одинъ чортъ для насъ. А только я вамъ скажу: я кое-что тоже знаю. Не какой-нибудь!.. А что знаю? Да черезъ меня и началось все. Не будь меня, ничего бы не было. Правду я имъ говорю? Григорій, другъ ситный! Ты хоть имъ скажи: правду я имъ говорю или нѣтъ? Безъ меня бы ничего, какъ есть, не было бы. Вотъ Клименко не дастъ соврать! Ей богу, такъ...

Но Клименко, повидимому, не хотѣлъ поддержать подгулявшаго машиниста.

— Что это за фруктъ?—спросилъ я его.

— Да что про него сказать? Пьяница горькій. На волѣ я его часто встрѣчалъ. И всегда, какъ дымъ, пьянъ. Я и то удивлялся, какъ онъ съ паровоза пьяный не свалится... А въ тюрьму онъ попалъ черезъ пьянство да черезъ свой языкъ: пьяный онъ всегда врать начинаетъ—вотъ какъ теперь. Помните, я говорилъ вамъ, какъ офицеръ избилъ одного машиниста, который не хотѣлъ вести его поѣздъ. Такъ это какъ разъ Филипченко ему подъ кулакъ и подвернулся. А когда, на другой день офицера застрѣлили, Филипченко напился и давай кричать, что это за него. Послѣ боя съ войсками онъ опять началъ звонить, что все съ него началось и что безъ него ничего бы не было... Пустой парень, а въ остальномъ ничего: не доносчикъ и вообще парень артельный...

Филипченко долго ораторствовалъ, но, наконецъ, мысли его окончательно смѣшались. Онъ промычалъ что-то объ усталости и черезъ пять минутъ пьяный машинистъ уже храпѣлъ, приткнувшись гдѣ-то въ уголкѣ на кучѣ мѣшковъ.

Ко мнѣ подошелъ чернобородый гномъ съ бѣгающими глазами.

— Господинъ! не откажите товарищу... Письмецо я хотѣлъ бы старухѣ домой послать, а грамотѣ не знаю. Можетъ, вы напишете?

Я досталъ бумагу и конвертъ и приготовился писать.

— Какъ звать вашу старуху?—спросилъ я.

— Маріей Павличенко. Я—Егоръ Павличенко, а она, значитъ,

жена моя, Марія. Старуха она. Пишите ей, товарищъ, чтобы не плакала. Да деньги пусть вышлетъ, на табачокъ, да на чай съ сахаромъ... Вѣдь они, бабы-то, не знаютъ, что въ тюрьмѣ надо. Думаютъ, здѣсь на всемъ готовомъ живутъ... Пусть хоть продастъ что...

И все время, пока я писалъ, Павличенко болталъ безъ умолку.

— Вотъ спасибо вамъ, господинъ!—говорилъ онъ, когда письмо было, наконецъ, написано:—Большое спасибо... Вы ужъ и марочку пожертвуйте... То-то старуха моя дома убивается. Вѣдь изъ тюрьмы мнѣ не выйти больше: повѣсятъ меня злодѣи! Какъ Богъ святъ, повѣсятъ.

— А обвиненіе у васъ тяжелое?

Павличенко покосился на подсѣвшаго къ намъ женоподобнаго юношу въ щегольской тужуркѣ и, наклонившись ко мнѣ, началъ быстрымъ шопотомъ.

— Я, господинъ, двухъ казаковъ собственными своими руками убилъ. Истинно дѣло, не вру... Эти всѣ—что? Только язычкомъ болтать: тары-бары да шуры-муры. А я... Вы, товарищъ, на то не смотрите, что я простой. Человѣка тоже понимать нужно... Клименко вотъ больно умный: мы передъ нимъ за дураковъ выходимъ. А что онъ дѣлалъ? языкомъ-то, языкомъ это всякій можетъ! А когда бой начался, онъ гдѣ былъ? Я туда, я сюда... Нѣтъ Клименка, да и шабашъ. Пропалъ, какъ чортъ отъ креста... А куда дѣлся? На печку залѣзъ? Къ бабѣ подъ юбку забился?.. Его спросите. А мнѣ что? Мнѣ все едино. Взялъ я ружье, влѣзъ на крышу. Смотрю, не покажутся ли ироды наши въ степи. Вижу: казаки скачутъ. Приложился... пифъ-пафъ... и снялъ одного. Приложился въ другой разъ... пифъ-пафъ... и другого туда же. Это—по нашенски. Да!.. Вы напрасно, г. Лежневъ, зубы скалите,—неожиданно обратился онъ къ юношѣ въ щегольской тужуркѣ:—васъ тамъ не было. Значитъ, и сказать вы ничего не можете...

— Да вѣдь и казаковъ въ тотъ день въ степи не было! Чего вы на свою голову наговариваете?

— Какъ не было? Когда я самъ видалъ! лопни мои глаза... Разъ приложился и снялъ, а потомъ еще въ другой разъ... Первый такъ впередъ свалился, на шею лошади, за гриву рукой цѣплялся. А другой сразу упалъ и только ногами задрыгалъ... Я собственными глазами... А онъ говоритъ: «не было!» «Не было»? Да народъ не видалъ что-ли, какъ я стрѣлялъ?

— Вообразите только, какой это глупый человѣкъ,—обратился Лежневъ ко мнѣ:—съ пьяныхъ глазъ два раза выстрѣлилъ въ пустую степь и выдумалъ, что двухъ казаковъ убилъ. А въ тотъ день кругомъ за 10 верстъ ни одного казака, ни одного солдата не было. Черезъ свой языкъ въ тюрьму попалъ. А все ему неймется. Все вретъ. Необразованность...

Лежневъ говорилъ слегка въ носъ, тономъ великаго превосходства надъ Павличенкомъ. Но тотъ не сдавался.

— Вы-то, г. Лежневъ, больно образованные. То-то къ чужимъ женамъ все лазили, пока парни (дай имъ Богъ здоровья) васъ не поучили.. Не черезъ эту ли свою образованность и въ тюрьму попали?..

— Представьте, какіе подлые у насъ люди на станціи,—говорилъ мнѣ Лежневъ, дѣлая видъ, будто совершенно не замѣчаетъ Павличенка.—Изъ-за личной мести, изъ зависти оговорили меня два мерзавца. И имъ слѣдователь вѣрилъ, а мнѣ нѣтъ.

— Васъ, собственно, въ чемъ обвиняютъ?

— Тамъ много наговорено въ обвиненіи: за рѣчи, за возстаніе, вообще за руководительство... А я—хоть вѣрьте, хоть нѣтъ—и не участвовалъ совсѣмъ. Даже не до того совершенно было. Цѣлый день занятъ... Служба. Я этого не могу, кое-какъ дѣлать, какъ другіе. Разъ служба, то служба...

— Это при Дашкѣ-то начальницкой ваша служба была,—ехидно подсмѣиваясь, ввернулъ Павличенко.

Лежневъ покраснѣлъ, но сдѣлалъ видъ, будто не слышалъ этого замѣчанія, и продолжалъ въ прежнемъ тонѣ:

— Всего-то одинъ разъ упросили меня товарищи газетку прочесть на собраніи въ депо. Больше за то, что я могу пѣть и голосъ у меня пріятный. Ну, отказаться, понимаете, я не могъ. Собраніе легальное было, открытое... Всѣ служащіе были, и даже съ семействами, такъ что и дамы были и все такое... я и прочелъ. А что въ той газетѣ было, я и не помню совсѣмъ. Можетъ быть, и либеральная была газета. Но вѣдь не я газету составлялъ! Если нельзя чего, пусть и слѣдятъ, чтобы такого не печатали. А я посмотрѣлъ: вижу, газета легальная, все какъ слѣдуетъ. Ну, и прочелъ. Думаю, что здѣсь можетъ быть? Въ партіяхъ я вѣдь не разбираюсь... Никогда не интересовался и нарочно подальше держаться старался отъ всѣхъ этихъ демократовъ и революціонеровъ. И вдругъ, такіе мерзавцы!.. Выставили меня за руководителя! И кто бы еще говорилъ, а то—Антоновъ и Скворцовъ! Сами у себя бомбы прятали: у Антонова я собственными глазами ружье видѣлъ, а Скворцовъ съ самаго начала забастовки все съ кинжаломъ ходилъ. Но на судѣ я тоже молчать не буду. Нѣтъ, не буду! Я съ ними думалъ по благородному поступать, какъ интеллигентный человѣкъ... А они...

— Это вамъ за вашу образованность, г. Лежневъ, за гордость вашу,—опять ввернулъ Павличенко:—я черезъ васъ, вотъ, мѣста лишился, послѣдняго, можно сказать, куска... А теперь вы попляшете!

Но Лежневъ не слушалъ его. Онъ весь дрожалъ отъ волненія. Слезы душили его. Голосъ прерывался. Лицо было блѣдно отъ злости и отчаянія.

— Вѣдь второй разъ арестовываютъ меня через этихъ мерзавцевъ,—говорилъ онъ:—тотъ разъ еще избили... какъ мужика какого-нибудь, избили. А я дворянинъ, сынъ чиновника... У меня связи, знакомства... Опозорили на всю жизнь меня, карьеру разбили... Я знаю, чьи это штуки... Я имъ покажу, выведу всѣхъ на чистую воду! На судѣ я прямо скажу: вотъ кто участвовалъ! вотъ кого судить надо!.. Я ихъ не побоюсь... Вѣдь говорить мнѣ дадутъ на судѣ?

— Слово вамъ, конечно, дадутъ. Но чѣмъ больше вы будете оговаривать другихъ, тѣмъ хуже будетъ для васъ же самихъ. Другого потопите, но и сами ко дну пойдете.

— Извините-съ! Не понимаю я этого. Какой же это законъ? Когда они врутъ, имъ вѣрятъ. А когда я правду хочу показать, по чести и совѣсти, мнѣ же хуже будетъ? Нѣтъ, я прямо скажу...

— Не отвертитесь, г. Лежневъ, не отвертитесь!—перебилъ его Павличенко.

Я всталъ изъ-за стола и пошелъ прочь. И долго еще долетали до меня отрывки безобразнаго спора.

— Это вамъ за образованность вашу, за гордость...

— Вы это за то лаете, что я вамъ тогда не далъ украсть мѣшокъ съ углемъ...

— Угля мнѣ вашего и не надо было. А донесли вы на меня за то, что я ваши шашни съ Дашкой начальнику разсказалъ.

— Я съ вами и говорить не хочу, съ такимъ мерзавцемъ.

— Отъ мерзавца слышу.

Я долго лежалъ на нарахъ, но не могъ заснуть. Что это за люди? думалъ я. Случайно ли попали они на скамью подсудимыхъ въ качествѣ революціонеровъ—героевъ возстанія 1905-го года? Или есть какая-то внутренняя логика въ томъ, что власти, подготовляя судъ надъ побѣжденными революціонерами, уловили въ свои сѣти и бросили на скамью подсудимыхъ именно эту мутную пѣну человѣческой волны? Случайность ли это? Или такъ должно было случиться въ силу внутренней необходимости? Или это сдѣлано сознательно тѣми людьми, которые привезли сюда въ тюрьму и повлекутъ на судъ всѣхъ этихъ жалкихъ Лежневыхъ, Филипченковъ и Павличенковъ?

III.

На другой день я узналъ исторію приведеннаго въ нашу камеру старика.

Звали его Владиславъ Бронскій. Онъ около 35 лѣтъ прослужилъ на различныхъ желѣзныхъ дорогахъ, занимая всевозможныя должности—отъ конторщика до начальника станціи. Въ 1905-омъ году онъ служилъ помощникомъ начальника на довольно крупной станціи, куда перевелся незадолго до первой всеобщей забастовки.

Умный и гордый старикъ сразу занялъ замѣтное положеніе въ станціонномъ поселкѣ. Съ начальникомъ станціи онъ не сошелся и поддерживалъ съ нимъ лишь строго служебныя сношенія. Не могъ онъ сблизиться и со своими ближайшими сослуживцами, привыкшими убивать время за выпивкой и за картами. Благодаря этому, у новаго помощника начальника станціи вскорѣ оказалось довольно много враговъ и недоброжелателей. Но низшіе служащіе полюбили его и охотно обращались къ нему за всевозможными совѣтами. И старикъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего прибытія на станцію сталъ какъ бы патріархомъ станціоннаго поселка. Онъ мирилъ поссорившихся супруговъ, разбиралъ столкновенія между сосѣдями, давалъ совѣты больнымъ,—руководствуясь указаніями Кнейпа. Въ свободное время Бронскій бродилъ по сосѣднему лѣсу съ ружьемъ и собакой...

Такъ протекала его жизнь вплоть до октябрьской забастовки. Забастовка охватила желѣзную дорогу стихійно, какъ стихійно распространялась она въ то время по всей Россіи. Сперва забастовали конечныя станціи, въ которыхъ бился жизненный нервъ всей дороги. Потомъ стали главные узловые пункты. Промежуточныя станціи, полустанки и разъѣзды прекратили свою дѣятельность просто потому, что прекратилось движеніе проходившихъ черезъ нихъ поѣздовъ.

Жизнь желѣзно-дорожныхъ служащихъ, протекавшая до сихъ поръ по строго разсчитаннымъ расписаніямъ, утвержденнымъ начальствомъ, была рѣзко выбита изъ колеи. Больше всего растерялись начальники станцій, которые чувствовали себя отвѣтственными за происшедшее замѣшательство въ работѣ дороги. Необходимо было повидаться съ высшимъ начальствомъ и испросить точныя указанія относительно того, что дѣлать, чего придерживаться. И начальники станцій бросились въ губернскій городъ, въ главное управленіе дороги. Но и въ главномъ управленіи они нашли полную растерянность, полное смятеніе. Оказалось, что и высшее начальство окончательно потеряло голову.

— Сами не знаемъ, что теперь дѣлать,—говорили въ главномъ управленіи:—такъ все это неожиданно вышло... Лучше всего, поѣзжайте домой, на свою станцію: тамъ ваше присутствіе каждую минуту можетъ потребоваться. Ждите распоряженій. Лишь только получимъ указанія изъ Петербурга, немедленно телеграфируемъ вамъ... А если у васъ что случится, сообщите намъ, не теряя ни минуты.

Съ такимъ неудовлетворительнымъ отвѣтомъ вернулся на свою станцію и начальникъ Бронскаго. По природѣ нерѣшительный и робкій, окончательно сбитый съ толку растерянностью высшаго начальства, онъ долго не зналъ, какъ держать себя съ подчиненными. Наконецъ, онъ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе своихъ обоихъ помощниковъ и старшихъ станціонныхъ служащихъ. Раз-

сказалъ имъ со всѣми подробностями о своей поѣздкѣ въ главное управленіе дороги.

— Дѣло, господа, скверное,—говорилъ онъ:—сами посудите. Въ цейхгаузахъ у насъ грузовъ на десятки тысячъ рублей... На запасныхъ путяхъ—вагоны. Пустые вагоны—еще съ полгоря. Но вѣдь не отправлено 106 вагоновъ угля, 12 вагоновъ съ товарами, 28 вагоновъ хлѣба... Да тамъ и еще есть... Если забастовка продлится, у насъ все могутъ разбить и разграбить. А отвѣчать намъ же придется. Теперь еще другая бѣда. Жандармы наши—уже недѣля, какъ на платформу не показываются, сидятъ оба дома, а можетъ быть, уже и оружіе свое сдали революціонерамъ. Значитъ, полицейской защиты у насъ нѣтъ никакой. А шахтеры въ любой день могутъ къ намъ на станцію нагрянуть. Въ городѣ мнѣ прямо говорили, что шахтеры возмущены противъ насъ за забастовку, которая лишаетъ ихъ заработка. Начальникъ дороги лично отъ губернатора слышалъ, что, если движеніе не возобновится въ 2—3 дня, нужно ожидать разгрома станцій со стороны шахтеровъ и крестьянъ. Губернаторъ еще предупредилъ начальника дороги, чтобъ на помощь его при началѣ погрома мы не надѣялись. Сами, молъ, виноваты, что забастовали... А какъ мы возстановимъ движеніе, когда у насъ на станціи ни одного паровоза?.. Хоть собирай пожитки, да уѣзжай съ семьей... А куда поѣдешь въ такое время... Не знаю, что и придумать, господа! Можетъ быть, что-нибудь вы посовѣтуете.

Призванные на совѣщаніе служащіе сидѣли блѣдные и смущенные. Съ ужасающей ясностью представляли они себѣ мрачныя картины, нарисованныя начальникомъ: расхищеніе грузовъ... начетъ убытковъ на жалованье... безпомощность станціи, покинутой обоими жандармами... гнѣвъ шахтеровъ... нашествіе крестьянъ и рабочихъ на станцію... погромъ... разореніе, убійства... полная безвыходность положенія. Только Бронскій оставался спокоенъ и посмѣивался себѣ въ бороду. Наконецъ, онъ прервалъ молчаніе.

— Дѣло не такъ плохо, какъ вы его намъ представили,—сказалъ онъ начальнику станціи.—Васъ, просто, городскія сплетни разстроили. Грузовъ нашихъ никто не тронетъ, въ этомъ я увѣренъ. Рабочіе не тронутъ, такъ какъ забастовку они не для грабежа объявили. А отъ постороннихъ жуликовъ мы устроимъ охрану, которая будетъ понадежнѣе нашихъ двухъ почтенныхъ жандармовъ... Насчетъ шахтеровъ что губернаторъ говорилъ, такъ это, я думаю, онъ просто хотѣлъ насъ припугнуть. Какихъ это шахтеровъ мы заработка лишили, когда и шахтеры бастуютъ? А если какіе-нибудь хулиганы и нагрянутъ на станцію,—насъ здѣсь въ поселкѣ больше 80 мужчинъ. Неужто не сможемъ защититься? Да 10 человѣкъ достаточно, чтобы отстоять станцію отъ цѣлой толпы хулиганья. Значитъ, бояться намъ во всякомъ случаѣ нечего. А нужно сговориться съ низшими служащими и рабочими и

установить правильныя дежурства по охранѣ станціоннаго имущества. Можетъ быть, достаточно будетъ устроить хотя бы только ночные обходы: днемъ все передъ глазами, ничто не пропадетъ.

— Вѣрно все это, Владиславъ Осиповичъ,—заторопился начальникъ станціи.—Только какъ же это мы сговоримся съ рабочими? Да и въ ночные обходы кто согласится идти въ такое время? Изъ-за каждаго вагона, изъ-за каждаго угла могутъ камнемъ по головѣ двинуть... Благодарю покорно!.. На вѣрную смерть я идти не намѣренъ, да и никто на это не пойдетъ.

— Ночью я шагу изъ дому не сдѣлаю,—поддержалъ начальника молоденькій помощникъ.—Лучше ужъ подамъ рапортъ объ увольненіи...

Бронскій засмѣялся.

— Ночные обходы я всѣ на себя могу принять Благо, ружьецо у меня есть, а ходить съ ружьемъ мнѣ не привыкать стать. Возьму съ собой хоть бы Лапина да кого-нибудь изъ машинистовъ... Только у Лапина ружья нѣтъ,—такъ, можетъ быть, вы ему на время свой револьверъ уступите?—предложилъ онъ начальнику.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! Сейчасъ я вамъ вынесу...

Начальникъ станціи вышелъ въ сосѣднюю комнату и черезъ нѣсколько минутъ вернулся, осторожно неся въ рукахъ блестящій офицерскій «наганъ» и коробку патроновъ.

— Вотъ, извольте, Владиславъ Осиповичъ: новенькій совсѣмъ. И патроны не распечатаны. Ровно 50 штукъ.

Старикъ полюбовался револьверомъ, попробовалъ курки, дунулъ раза два на блестящій холодный стволъ и хладнокровно сунулъ оружіе въ боковой карманъ тужурки.

— Вы ужъ возьмите на себя и съ рабочими столковаться,—просилъ его начальникъ станціи.—Мнѣ, знаете, неудобно. На меня эти господа послѣднее время, какъ звѣри, смотрятъ. А васъ на станціи всѣ уважаютъ, какъ отца...

Бронскій былъ польщенъ предложеніемъ начальника и съ жаромъ принялся за дѣло. Созвавъ низшихъ служащихъ и рабочихъ въ станціонный залъ III класса, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью. Объяснилъ, что забастовка можетъ привести къ расхищенію станціоннаго имущества.

— А это, говорилъ онъ, намъ же будетъ не выгодно. Во-первыхъ, тогда скажутъ, что это мы растащили товары и что именно ради этого мы и пристали къ забастовкѣ.. Затѣмъ, если мы не убережемъ станціоннаго добра, жулики разные обнаглѣютъ настолько, что намъ придется дрожать и за цѣлость своихъ квартиръ. А, наконецъ, не знаемъ мы, чѣмъ вся нынѣшняя кутерьма кончится. Какъ бы послѣ забастовки дорога не взыскала съ насъ за всѣ упущенія и убытки?..

Рабочіе и служащіе согласились съ этими доводами. И, когда

Бронскій предложилъ охотникамъ установить вмѣстѣ съ нимъ дежурства для охраны станціи, въ охотники вызвались чуть не всѣ.

Такъ образовалась «станціонная боевая дружина»,—какъ опредѣлили впослѣдствіи жандармы и прокуроръ эту добровольную охрану казеннаго добра. Такъ старикъ Бронскій «разоружилъ» своего начальника и произвелъ «революціонный захватъ» станціи!

Каждую ночь старикъ вскидывалъ ружье на плечо и вмѣстѣ съ молодымъ конторщикомъ Лапинымъ, въ сопровожденіи 3—4 вооруженныхъ рабочихъ, обходилъ всѣ станціонныя службы и запасные пути, провѣряя цѣлость охранительныхъ пломбъ на вагонахъ и замковъ на дверяхъ станціонныхъ амбаровъ. И за все время забастовки на станціи не пропало ни одного мѣста грузовъ, не было разбито ни одного вагона.

На станцію ежедневно приходили толпы шахтеровъ, пріѣзжали и крестьяне изъ сосѣднихъ деревень. При общемъ возбужденіи каждый мигъ приходилось ожидать скандала и драки. Но начальникъ станціи трусливо сидѣлъ у себя на квартирѣ, дожидаясь обѣщанныхъ указаній изъ главнаго управленія. И опять Бронскому приходилось улаживать всѣ возникавшія на станціи недоразумѣнія.

Однажды шахтеры приняли какого-то господина на платформѣ вокзала за переодѣтаго офицера. Обступили его шумной толпой, осыпали его угрозами и оскорбленіями, заставили выворотить карманы, хотѣли бить. Лапинъ, который случайно оказался въ то время на платформѣ, бросился къ начальнику станціи. Но тотъ, ссылаясь на простуду горла, отказался выйти къ возбужденной толпѣ. Конторщикъ побѣжалъ къ Бронскому. Бронскій, надѣвъ красную фуражку дежурнаго на станціи, вышелъ къ шахтерамъ. Распросивъ ихъ, въ чемъ дѣло, онъ объявилъ подозрительнаго господина арестованнымъ, отвелъ его въ залъ I класса и даже приставилъ къ дверямъ стражу въ лицѣ двухъ вооруженныхъ дубинками стрѣлочниковъ. Затѣмъ, когда шахтеры немного упокоились, онъ зашелъ къ «арестованному», разспросилъ его, какъ его имя и фамилія, куда и зачѣмъ онъ собирается ѣхать и т. д. Послѣ этого, выйдя къ шахтерамъ, онъ объяснилъ имъ, что они совершенно напрасно оскорбили мирнаго и честнаго человѣка. Шахтеры поскребли себѣ въ головахъ и, хотя многіе изъ нихъ были крѣпко выпивши, но спорить все же не стали. Бронскій убралъ «стражу» отъ дверей зала I класса и инцидентъ былъ благополучно улаженъ.

Другой разъ пріѣхавшіе на станцію крестьянскіе парни, подгулявъ, начали громить мелочную лавченку какого-то еврея въ станціонномъ поселкѣ. Сообщили Бронскому. Вмѣстѣ съ 5 или 6 рабочими онъ бросился въ село и уговорами и угрозами прекратилъ буйство. При этомъ старикъ предупредилъ погромщиковъ, что въ случаѣ чего желѣзнодорожники пустятъ въ ходъ оружіе и

для вразумленія показалъ имъ свой браунингъ... Въ обвинительномъ актѣ это явилось рѣшающимъ доказательствомъ того, что на станціи существовала боевая дружина, во главѣ которой стоялъ Бронскій.

Въ политическомъ отношеніи старикъ держался во время забастовки очень осторожно. Ни разу не ораторствовалъ на станціонныхъ политическихъ «митингахъ», гдѣ читались прокламаціи и произносились рѣчи пріѣзжими агитаторами. И даже въ разговорахъ съ сослуживцами старался избѣгать острыхъ политическихъ темъ. Сослуживцы замѣтили это и старались заставить его высказаться. Какъ-то разъ, когда на станціи было особенно много народу и старикъ совсѣмъ сбился съ ногъ отъ хлопотъ, его остановилъ на платформѣ старшій телеграфистъ, который всегда относился къ нему съ тайной враждебностью.

— Владиславъ Осиповичъ,—обратился онъ къ старику приторнымъ голосомъ—у меня и вотъ у товарищей большая къ вамъ просьба. Вы образованнѣе насъ: въ гимназіи учились, газеты читаете, да и на свѣтѣ дольше живете.... Такъ объясните, пожалуйста, что это за вещь такая—«самодержавіе»? Польза намъ отъ него, или вредъ? И какъ вы вообще: за самодержавіе или противъ?

Бронскій понялъ, съ какой задней мыслью былъ предложенъ ему этотъ вопросъ, и рѣзко отвѣтилъ:

— Что вы ко мнѣ со всякой ерундой лѣзете? Некогда мнѣ разговаривать съ вами...

И, отвернувшись отъ телеграфиста, онъ отошелъ отъ него.

— Это вы самодержавіе ерундой считаете?—крикнулъ ему въ догонку его сослуживецъ...

Кончилась забастовка. Начальникъ станціи горячо благодарилъ Бронскаго за его труды и заботы. Губернаторъ оффиціально объявилъ благодарность желѣзнодорожнымъ служащимъ за то, что въ «тяжелые дни государственной смуты они уберегли казенное имущество отъ расхищенія». На станціи, гдѣ служилъ Бронскій, всѣ были увѣрены, что трусъ-начальникъ слетитъ и что старикъ будетъ назначенъ на его мѣсто.

... Но революціонное движеніе было подавлено. Высшее начальство, почувствовавъ твердую почву подъ ногами, ободрилось, вышло изъ своего оцѣпенѣнія и начало проявлять энергичную дѣятельность. Нужно было сгладить впечатлѣніе, которое осталось отъ слабости и растерянности начальствующихъ лицъ во время забастовки. Нужно было усиленной строгостью возстановить поколебленный престижъ власти. И начали искать виноватаго. Кто бастовалъ? Кто допустилъ забастовку? Почему низшіе служащіе не слушали своего прямого начальства? Почему начальство не сумѣло заставить слушать себя? Чего смотрѣли чины жандармеріи?

Въ данномъ случаѣ найти виноватаго было не трудно.

Начальникъ станціи показалъ, что въ эти дни онъ ничего не

могъ предпринять, такъ какъ власть была фактически въ рукахъ его помошника Бронскаго, который отобралъ у него револьверъ, а самъ ходилъ все время вооруженный и окруженный тѣлохранителями.

Жандармы показали, что не могли выходить на платформу, такъ какъ станція была въ рукахъ желѣзнодорожниковъ, среди которыхъ особенно выдѣлялись Бронскій и Лапинъ.

Старшій телеграфистъ показалъ, что Бронскій велъ агитацію среди низшихъ служащихъ, а однажды публично, на полной народу платформѣ, сказалъ, что самодержавіе—ерунда.

А главное—факты на лицо: Бронскій передалъ Лапину револьверъ начальника; Бронскій арестовалъ на платформѣ неизвѣстнаго человѣка, въ которомъ подозрѣвали переодѣтаго офицера; Бронскій съ дружиной бѣгалъ въ село прекращать погромъ; Бронскій каждую ночь обходилъ станцію, съ ружьемъ на плечѣ, въ сопровожденіи Лапина и другихъ вооруженныхъ людей...

Уликъ было больше, чѣмъ достаточно. И Бронскій попалъ въ тюрьму по обвиненію въ революціонномъ захватѣ станціи. Черезъ нѣсколько дней былъ доставленъ въ тюрьму и его помощникъ Лапинъ, болѣзненный юноша, очень кроткій и необыкновенно религіозный.

Дѣйствительно ли ихъ считали революціонерами? Или ихъ забрали для счету, такъ какъ нужно было забрать кого-нибудь?..

IV.

Каждый день приводили въ тюрьму новыхъ обвиняемыхъ по дѣлу о захватѣ желѣзной дороги. Съ каждымъ днемъ увеличивалось въ тюрьмѣ число перепуганныхъ, недоумѣвающихъ людей, которымъ предстояло въ ближайшее время сѣсть на скамью подсудимыхъ передъ судьями, призванными произнести приговоръ надъ побѣжденными революціонерами. И я все съ большимъ интересомъ приглядывался къ этимъ людямъ. Въ нихъ было мало героическаго, это правда, но были они очень разнообразны, какъ разнообразны были и причины, которыя привели каждаго изъ нихъ въ тюрьму.

Среди обвиняемыхъ желѣзнодорожниковъ примѣтную фигуру представлялъ собой Кошкинъ. Невысокаго роста, юркій и суетливый, съ хитрымъ выраженіемъ узкаго птичьяго лица, съ кошачьими ухватками и приторно ласковыми нотками въ голосѣ—онъ съ перваго взгляда производилъ отталкивающее впечатлѣніе. Особенно противна была его привычка подслушивать чужой разговоръ. Неслышными, скользящими шажками подберется къ разговаривающимъ, остановится невдалекѣ отъ нихъ, вытянетъ шею,—и раскуриваетъ себѣ съ самымъ безпечнымъ видомъ папироску.

Бронскій разсказалъ мнѣ, какъ попалъ въ тюрьму этотъ человѣкъ:

— Кошкинъ въ 9 верстахъ отъ меня служилъ,—говорилъ старикъ.—Я его часто встрѣчалъ и хорошо знаю. Служилъ онъ старшимъ конторщикомъ. Но затѣмъ начальникъ станціи поручилъ ему завѣдывать квартирами для служащихъ и рабочихъ. А эта должность, нужно вамъ сказать, у нихъ на станціи очень серьезная. Кругомъ вѣдь степь. До ближайшаго рудника больше 5 верстъ. А вокругъ станціи поселка настоящаго нѣтъ,—потому что станція новая. Всѣ живутъ въ казенныхъ домахъ: холостые въ казармахъ или отдѣльныхъ комнатахъ, а семейнымъ отдѣльные домики предоставлены. Теперь, что ни потребуется въ домѣ—крючокъ перемѣнить, стекло вставить, крышу или плиту починить,—за всѣмъ приходится къ завѣдующему обращаться. А завѣдующій, конечно, можетъ этимъ пользоваться. Кошкинъ и пользовался своей властью во всю. Деньги дралъ съ рабочихъ за всякую мелочь. Не заплатишь ему,—такъ онъ и разговаривать съ вами не станетъ. Да еще заставлялъ сослуживцевъ, приходившихъ къ нему по дѣлу, шапку на крыльцѣ снимать. Если кто шапки не снялъ, такъ тому онъ двери своей на откроетъ. Его ужъ давно хотѣли убить на станціи. И если бы не забастовка, навѣрное, не сдобровать бы ему: на станціи вѣдь пристукнуть человѣка не большая хитрость... И ни одна душа не узнаетъ.

— Да какъ же попалъ такой человѣкъ въ революціонеры?—удивился я.

— Да черезъ то самое, о чемъ я вамъ говорилъ. Когда началась забастовка, Кошкинъ, понятно, перетрусилъ и рѣшилъ, что нужно перемѣнить фронтъ. Собрался у нихъ митингъ въ залѣ III класса. На станціи съ утра говорили, что сразу послѣ митинга пойдутъ громить Кошкина и еще другихъ... Ну, Кошкинъ—онъ человѣкъ не трусливый и хитрый къ тому же—рѣшилъ забѣжать зайцемъ впередъ... Выступилъ онъ на трибуну и принесъ публичное покаяніе. Пролилъ нѣсколько горячихъ слезъ, а затѣмъ понесъ о революціи: Кровь, молъ, льется! Нашихъ братьевъ убиваютъ! Постоимъ всѣ до одного! Оставимъ всякія дрязги! Вооружимся, объединимся для послѣдняго боя!.. И понесъ, и понесъ. Рабочіе диву дались, какъ быстро человѣкъ исправился! Былъ такой сволочью, а поди-жъ ты, какъ хорошо говоритъ. На этомъ митингѣ, какъ разъ комитетъ депутатовъ выбирали. Выбрали въ депутаты и Кошкина. Отказаться онъ, конечно, не могъ. А съ послѣдующаго дня онъ сказался больнымъ и, пока забастовка не кончилась, все сидѣлъ себѣ дома, какъ подъ домашнимъ арестомъ. Къ нему сколько разъ заходили звать его на собраніе или въ комитетъ: зайдутъ въ квартиру,—а онъ лежитъ въ постели, голова повязана, стонетъ, какъ умирающій, а рядомъ жена плачетъ. Такъ и продепутатствовалъ до декабря.

Самъ Кошкинъ разсказывалъ исторію своей «революціонной дѣятельности» нѣсколько иначе.

— Что я съ рабочихъ взятки бралъ,—это брехня. Бралъ я только, что по закону полагается. Исполнялъ свою службу, а до того, что про меня люди брехали, мнѣ дѣла нѣтъ. На митингъ я идти не хотѣлъ. Насильно меня притащили,—еще убить грозились, если не пойду. И говорить меня насильно заставили. А я всего-то только и успѣлъ сказать, что не надо всего этого... Народъ весь пьянъ былъ, кричали такъ, что больше и говорить-то нельзя было. Въ комитетъ этотъ дурацкій меня опять-таки безъ моего согласія выбрали. Я и кричалъ, что ничего этого не хочу, да ничего не слышно было за шумомъ. И больнымъ-то я все время сказывался, чтобы съ этими бунтовщиками дѣла не имѣть.

Болѣе правдоподобно звучалъ разсказъ Кошкина объ арестѣ и первомъ допросѣ.

— Арестовали тогда всѣхъ, кто былъ въ комитетѣ. Ну, и меня въ томъ числѣ, хотя я и не участвовалъ. Тогда не разбирали, кто правъ, кто виноватъ: списокъ для арестовъ изъ города былъ присланъ.

Удивительнѣе всего было то, что Кошкинъ не представлялъ собою исключенія въ процессѣ желѣзнодорожниковъ: среди арестованныхъ было еще человѣка 4 такихъ же революціонеровъ, которые на митингахъ 1905-го года выкрикивали революціонныя фразы, чтобы избѣгнуть суровой расплаты, ожидавшей ихъ за дурное обращеніе съ подчиненными.

Нелѣпа была исторія Кошкина. Но еще нелѣпѣе попалъ въ тюрьму его сослуживецъ Груздевъ. По наружности онъ представлялъ прямую противоположность Кошкину: плотный, съ солиднымъ брюшкомъ, съ добродушнымъ, широкимъ и бѣлымъ лицомъ, ходилъ онъ, выставивъ грудь и животъ впередъ, закинувъ назадъ голову, и казался похожъ на самодовольнаго, важнаго, но ничуть не сердитаго индюка.

Попалъ онъ въ тюрьму черезъ бѣлую лошадь. И вотъ что разсказывалъ онъ объ этой лошади, сыгравшей роковую роль въ его жизни.

— Про меня,—говорилъ онъ,—дурного никто ничего сказать не можетъ. Я 15 лѣтъ по желѣзнымъ дорогамъ служу. Не пью, не курю. Въ церкви ни одной обѣдни за 15 лѣтъ не пропустилъ. И за меня все начальство скажетъ, что я человѣкъ спокойный и трезвый и къ своему дѣлу усердный, а въ чемъ-нибудь такомъ никогда замѣченъ не былъ. Ужъ такъ остороженъ я всегда былъ, чтобы подъ замѣчаніе не попасть, что сказать вамъ не могу. Мы съ женой всегда такъ говорили: если только за собой наблюдать, такъ и люди ничего напротивъ сдѣлать не могутъ. И, когда эта самая забастовка началась, я ужъ такъ смотрѣлъ, такъ смотрѣлъ, чтобы чего не вышло. Цѣлыми днями, бывало, дома сижу. А

какъ по расписанію день моего дежурства, выхожу на платформу и прогуливаюсь себѣ взадъ и впередъ съ утра до вечера. Сослуживцы думаютъ, что я это такъ себѣ, для здоровья прогуливаюсь,— потому что на расписаніе-то дежурствъ въ тѣ дни, кромѣ меня, никто не смотрѣлъ. А я, между тѣмъ, дежурство свое отбылъ! Хе-хе-хе... Это потомъ всегда доказать можно. Но опять-таки и съ тѣмъ приходилось считаться, что въ селѣ у насъ въ то время Костылевъ былъ, изъ революціонеровъ. Нужно было умненько вести линію, чтобы и здѣсь, и тамъ угодить. Разъ ночью иду я къ себѣ домой съ вокзала—а отъ вокзала я далеконько жилъ, за версту, а то и больше. Холодъ былъ лютый. Снѣгу кругомъ намело цѣлые сугробы. И темень такая, что хоть глазъ выколоть. Какъ шелъ я, вдругъ вижу передъ собой что-то большое такое, темное. Смотрю— лошадь стоитъ. Сѣдло я нащупалъ, а поводья по снѣгу волочатся. Сталъ я поводья подбирать, вижу—подлѣ лошади въ снѣгу человѣкъ лежитъ. Окликнулъ я его, а онъ только стонетъ. Закоченѣлъ совсѣмъ, сейчасъ замерзнетъ, помретъ. Ну, думаю, не оставлять же его здѣсь. Стащилъ я его къ себѣ домой. Лошадь тоже за поводъ на дворъ свой отвелъ. Отогрѣлъ я человѣка-то, накормилъ его, даже водочки ему поставилъ. Оказалось, что драгунъ это. Съ дороги онъ, видите-ли, сбился, а въ село боялся ѣхать, потому что тамъ забастовщики... Оружіе свое тоже растерялъ все и совсѣмъ пропалъ бы, еслибъ не я. Ужъ плакалъ онъ, плакалъ, какъ благодарилъ меня. А какъ отогрѣлся, сталъ опять въ дорогу сбираться. «Боюсь, говоритъ, оставаться у васъ. У васъ-то душа христіанская. А другіе узнаютъ, что я здѣсь,—убьютъ.» И ушелъ еще до разсвѣта. А лошадь у меня оставилъ: «Съ лошадью, говоритъ, скорѣй попадешься. А пѣшкомъ проберусь какъ-нибудь». Утромъ и сталъ я раздумывать, какъ мнѣ съ лошадью быть. У себя оставить—скажутъ: укралъ. За ворота выгнать да пустить—замерзнетъ скотина, и опять съ тебя спросятъ: зачѣмъ не усмотрѣлъ за скотиной казенной. По начальству представить--гдѣ я полкъ этого драгуна найду. Наконецъ, рѣшили мы съ женой такъ сдѣлать: отведу я лошадь въ деревню и сдамъ ее Костылеву. Тамъ ужъ его будетъ отвѣтъ. Что дальше будетъ, ужъ не моя печаль. Такъ, я думалъ, и на одну сторону будетъ хорошо, и на другую сторону будетъ ладно. И правильно вѣдь разсчиталъ все. И вдругъ черезъ эту самую бѣлую лошадь (лошадь-то бѣлая оказалась) столько непріятностей получилъ...

— Да какъ такъ?—спрашивали его съ интересомъ.

— А Костылевъ, представьте, лошадь себѣ оставилъ. И куда только надо, все на этой моей лошади ѣздилъ, какъ Скобелевъ какой-нибудь. И по селу на этой лошади все ѣздилъ. А на слѣдствіи и пошли распросы: Что за лошадь? Откуда у Костылева бѣлая лошадь взялась? Говорятъ, Груздевъ доставилъ. Костылевъ-то скрылся послѣ возстанія, уѣхалъ куда-то. А меня забрали. Я доказываю,

что драгуна отъ смерти спасъ, отогрѣлъ его, напоилъ, накормилъ. А жандармскій ротмистръ говоритъ: зачѣмъ Костылеву лошадь казенную отдалъ? Я думаю въ судъ этого самаго драгуна представить свидѣтелемъ. Да гдѣ его найти? Я уже и къ воинскому начальнику обращался за справкой (25 рублей далъ), и въ газетахъ объявленіе печаталъ (тоже 9 р. 60 к. стоило), да не нашелъ драгуна... Теперь вотъ жена ищетъ. На свиданіи спрашивалъ я ее, какъ идутъ поиски. Плачетъ только...

Эту «исторію о бѣлой лошади» Груздевъ разсказывалъ намъ такъ часто и съ такими подробностями, что мы было перестали ему вѣрить. Но изъ обвинительнаго акта и изъ распросовъ сослуживцевъ Груздева я убѣдился, что бѣдняга не лгалъ и не преувеличивалъ ничего. Такъ и пошелъ онъ на каторгу за бѣлую лошадь да свою чрезмѣрную осторожность...

И Кошкинъ, и Груздевъ попали въ тюрьму благодаря тому, что перестарались—одинъ въ хитрости, другой въ осторожности. Былъ среди желѣзнодорожниковъ и такой человѣкъ, который попалъ подъ судъ, исключительно благодаря своей болѣзненной трусости. Это былъ конторщикъ съ той станціи, гдѣ разыгралось столкновеніе рабочихъ съ войсками. Звали его Бергъ. Наружность его была самая невзрачная: низкій прыщеватый лобъ, узкіе мигающіе глазки, отвислыя, какъ бы размягшія губы, дряблыя помятыя щеки, рѣдкая бороденка клиномъ. Трудно было опредѣлить на глазъ, сколько ему лѣтъ. Держался онъ сутуловато, втягивая голову въ плечи, на ходу волочилъ за собой ноги и шаркалъ по полу туфлями. Когда онъ двигался, казалось, что у него нѣтъ костей и весь онъ состоитъ изъ рыхлой студенистой массы. Онъ сильно робѣлъ на людяхъ и могъ говорить съ кѣмъ-либо только наединѣ. Но временами на этого болѣзненно-тихаго и замкнутаго человѣка нападали припадки откровенности и, подсѣвъ къ комунибудь, онъ начиналъ изливать душу. Разсказывалъ всю свою жизнь и былъ при этомъ такъ болтливъ и такъ многословенъ, что собесѣдникъ его не зналъ, куда дѣваться. Мнѣ пришлось раза три выслушивать его изліянія и я пришелъ къ заключенію, что спастись отъ нихъ можно только бѣгствомъ. Но первый разъ я слушалъ Берга съ большимъ интересомъ.

— Посмотрю я на свою жизнь и не знаю, зачѣмъ жилъ!—говорилъ онъ плачущимъ голосомъ.—Отецъ у меня былъ, можно сказать, звѣрь... Мы всѣ предъ нимъ дрожали. Особенно, когда, бывало, онъ пьяный домой вернется. И билъ насъ такъ, что и теперь, какъ вспомню, морозъ по кожѣ подираетъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ, кромѣ крику да палки, я и не помню ничего... Затѣмъ служба пошла. Вѣдь 16 лѣтъ просидѣлъ я въ конторѣ и все работалъ, работалъ, работалъ. А какой прокъ съ моей работы? Получалъ я 35 рублей въ мѣсяцъ (ну, съ вычетами всякими мнѣ 32 рубля съ копѣйками приходилось), а жизни и не видѣлъ со-

всѣмъ. Другіе товарищи мои и то дѣлали, и это. А я все боялся. Начальникъ, бывало, въ контору зайдетъ,—другіе ничего, только надъ столами нагнутся пониже да пишутъ, а я такъ и дрожу, и потъ на лбу выступаетъ. И самъ то знаю отлично, что бояться мнѣ нечего, а все дрожу. А начальникъ что мнѣ скажетъ, когда у меня все въ исправности, все въ наилучшемъ видѣ? Вотъ и за эту забастовку столько натерпѣлся я страху, что, кажется, вѣшать меня будутъ, а все хуже не будетъ. Передъ самой забастовкой женился я, да, кромѣ горя и срама, ничего отъ этой женитьбы не получилъ. А какъ началась забастовка, я, какъ шальной, отъ страху ходилъ. Все ждалъ: привезутъ пушки, пулеметы и начнутъ насъ разстрѣливать. А какъ вышла на заводѣ перестрѣлка—когда еще Зубкова ранили—да дали съ нашей станціи телеграмму по линіи, чтобы дружинники къ намъ съѣзжались, я совсѣмъ боленъ сдѣлался отъ страха. А тутъ еще конторщики наши, вмѣстѣ съ фельдшеромъ, затѣяли отрядъ Краснаго Креста устраивать. И, главное, не спросясь, и меня въ санитары поставили. Повязку съ крестомъ мнѣ на рукавъ накололи и къ носилкамъ приставили. Я хотѣлъ отказаться, объяснить, что слабъ я и на такое дѣло неспособенъ, да отъ страху языкъ не поворачивался. Что, думаю, если примутъ меня за хулигана, да и пристрѣлятъ на мѣстѣ? А куда мнѣ раненыхъ на носилкахъ таскать, когда я и крови видѣть не могу: сейчасъ въ обморокъ упаду. Ночью съѣхались къ намъ дружинники. Потомъ ушли всѣ со станціи, только нашъ Красный Крестъ остался. Разложили бинты на столахъ, разставили носилки, соломы откуда-то натащили... Я сижу на диванѣ ни живъ, ни мертвъ. Зубы стучатъ, въ глазахъ темно. А уйти нельзя. Не знаю, долго ли такъ ждать пришлось. Вдругъ прибѣгаетъ къ намъ человѣкъ какой-то, кричитъ: требуютъ санитаровъ, раненыхъ подбирать. Суматоха началась, собрали все и побѣжали со станціи по улицѣ. Темно было, такъ что я и не видѣлъ, куда мы бѣжимъ. Вдругъ остановились. Навстрѣчу толпа рабочихъ попалась. Кричатъ, что солдаты наступаютъ, сейчасъ здѣсь будутъ, разстрѣливаютъ народъ. А гдѣ солдаты, толкомъ никто не знаетъ. Вдругъ залпъ какъ гря-я-нетъ. Я такъ на землю и присѣлъ... Вой... Кругомъ убитые такъ и валятся. Одному голову пулей оторвало по самыя плечи. А другому въ животъ пуля попала, такъ что у него всѣ внутренности вывалились, по снѣгу волочатся. Бррр... И теперь вспомнить страшно.

— Пожалуй, голову пулей не могло оторвать,—замѣтилъ я съ сомнѣніемъ.—Да и насчетъ внутренностей вы того... сочиняете немного...

— Какъ не могло оторвать, когда я своими глазами видѣлъ! Такъ за аршинъ отъ меня голова и покатилась... Въ картузѣ, съ усами черными-черными... Какъ теперь вижу!..

— Ну, пусть оторвало. Спорить не буду. А дальше что было?

— Дальше плохо помню. Какъ сквозь сонъ. Бросились мы бѣ-

жать... А очнулся я ужъ на станціи, въ залѣ III класса, подъ столомъ... Подъ столъ насъ тамъ человѣкъ 20 забилось. Тѣснимся другъ къ другу... Столъ головами подпираемъ. А столъ тяжелый-тяжелый. А подъ окнами перестрѣлка идетъ. По вокзалу пули такъ и хлещутъ, такъ и хлещутъ... Вѣрно, отъ пуль мы подъ столъ и забились. А когда солдаты на станцію зашли, всѣ тѣ, что со мной подъ столомъ сидѣли, убѣжали: путь-то былъ свободенъ еще. А я хотѣлъ было бѣжать, да не могу: ноги какъ свинцомъ налитыя. Вошли солдаты въ залъ III класса. Я глаза закрылъ, думаю: сейчасъ смерть. Замѣтили меня. Кричатъ: вылѣзай! Вылѣзъ я... А тутъ на полу винтовка какая-то валялась, или, можетъ быть, ружье охотничье. Солдатъ поднялъ, посмотрѣлъ, и суетъ мнѣ въ руки: держи!.. Такъ и вышло, что я захваченъ во время боя съ оружіемъ въ рукахъ... А теперь что будетъ мнѣ, не знаю... Неужто повѣсятъ? Скажите, товарищъ! Вы лучше знаете... Повѣсятъ или нѣтъ?

Я подумалъ и отвѣтилъ:

— Заранѣе трудно предсказать. Можетъ быть, и повѣсятъ. А, можетъ быть, и не повѣсятъ.

Что другое могъ я отвѣтить?..

V.

Съ каждымъ днемъ приводили въ тюрьму новыхъ арестованныхъ. Число желѣзнодорожниковъ въ тюрьмѣ быстро увеличивалось. И поражало меня, что среди нихъ почти не было дѣйствительныхъ участниковъ революціоннаго движенія 1905-го года. Очевидно, дѣйствительные герои возстанія, не ожидавшіе отъ торжествующаго врага ни милости, ни пощады, успѣли скрыться и оказались «внѣ предѣловъ досягаемости» для военныхъ судей. А уловить побѣжденныхъ революціонеровъ все же было необходимо. Ибо что же это за побѣда, если нѣтъ побѣжденныхъ, сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ? И нужно было уловить революціонеровъ побольше, такъ какъ только этимъ улавливатели могли доказать свое усердіе и умѣнье. И такимъ образомъ въ тюрьмѣ рядомъ съ дѣйствительными руководителями движенія, вродѣ Клименка, оказались десятки всевозможныхъ Филипченковъ, Лежневыхъ и Берговъ. Для счета, въ качествѣ статистовъ на предстоящемъ судѣ, и они были хороши.

Любопытно, что подъ вліяніемъ преслѣдованій эти люди прониклись своеобразнымъ уваженіемъ къ своей революціонной дѣятельности 1905-го года. Они стали считать, что въ этомъ году оказали революціи большія услуги. Но основное и общее убѣжденіе ихъ было то, что революціонеры отвѣтственны за ихъ арестъ и революціонеры обязаны позаботиться о нихъ на судѣ. Особенно ясно оказывалось это настроеніе желѣзнодорожниковъ въ разговорахъ о

защитѣ на судѣ,—а такіе разговоры велись въ камерахъ чуть ли не круглыя сутки.

— Я ничего не знаю! — ораторствовалъ громче всѣхъ Филипченко:—кто насъ велъ, тѣ пусть и о защитникахъ хлопочутъ.

— Что-то сознательныхъ въ тюрьмѣ не больно много видно,— иронизировалъ Павличенко:—языками-то болтать всѣ были хороши, а дѣло намъ пришлось дѣлать. Теперь и отвѣчать мы одни будемъ? А ихъ дѣло сторона? Нѣтъ, шалишь! Пускай хоть защитниковъ нанимаютъ... Не то сами же потомъ жалѣть будутъ.

Груздевъ, Лежневъ и другіе поддакивали имъ. И только Кошкинъ повторялъ:

— Вы, господа, на сознательныхъ не слишкомъ полагайтесь и защитниковъ отъ нихъ тоже не ждите. Лучше бы къ Способному обратиться или хоть къ Булацелю... Это бы вѣрнѣе было!..

Но это предложеніе не встрѣчало сочувствія среди сопроцессниковъ Кошкина.

— Какъ же мы къ правымъ обратимся? — спрашивалъ Бронскій. — Вѣдь правые-то и въ тюрьму насъ забрали, А вы хотите имъ же идти кланяться. Немыслимо это!

— Да,—подтверждалъ Груздевъ.—Я раньше за правительство готовъ былъ всей душой. Но послѣ того, что пришлось пережить, я только вредить имъ могу. Какъ же стану я теперь правымъ кланяться? .

Клименко хлопоталъ надъ организаціей защиты, но дѣло все не налаживалось.

Между тѣмъ положеніе въ нашей тюрьмѣ рѣзко измѣнилось. Нѣсколько человѣкъ смертниковъ предприняли безумно дерзкую попытку побѣга. Среди бѣлаго дня попытались взорвать динамитомъ одну изъ стѣнъ тюремной ограды и чрезъ эту брешь пробиться на волю. Администрація отвѣтила на эту попытку разстрѣломъ и избіеніемъ всей тюрьмы. Цѣлый часъ гремѣли выстрѣлы надзирательскихъ берданокъ и револьверовъ. Десятки заключенныхъ были убиты, десятки ранены, асфальтовый полъ тюрьмы покрылся зловѣщими лужами крови... Но этимъ не ограничилась месть тюремщиковъ. Съ этого дня начались избіенія заключенныхъ. И съ утра до ночи тюрьма оглашалась звуками ударовъ, криками ярости, стонами и воплями истязуемыхъ.

Тюрьма стала адомъ... Съ наибольшей жестокостью обрушились удары на политическихъ, особенно на тѣхъ политическихъ, которые раньше вооружили противъ себя начальство своей стойкостью. Звѣрски избивали Клименка, Зубкова и многихъ-многихъ другихъ. Инстинктъ самосохраненія подсказалъ желѣзнодорожникамъ отгородиться, отодвинуться какъ можно дальше отъ революціонеровъ. И вотъ мало-по-малу образовалась въ тюрьмѣ особая группа заключенныхъ, необыкновенно покорныхъ, почтительныхъ и преданныхъ начальству. Нѣкоторые изъ этихъ заключенныхъ не

брезгали и доносами. Другіе ничего объ этихъ доносахъ не знали, но старались только держаться съ начальствомъ возможно «корректно». Начальство замѣтило эти старанія, оцѣнило поведеніе желѣзнодорожниковъ. Ихъ не били, не наказывали, съ ними бесѣдовали съ выраженіемъ благосклонности. Наконецъ, большую часть ихъ перевели въ особую камеру, изолировавъ ихъ такимъ образомъ отъ остальныхъ заключенныхъ.

Тогда окончательно сложилось среди желѣзнодорожниковъ рѣзко непріязненное, открыто враждебное отношеніе къ революціонерамъ, къ политикамъ. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ отчетливѣе выступало это настроеніе среди нихъ.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Прошло лѣто, прошла осень. Но суда надъ желѣзнодорожниками почему-то все не было. Сессіи военнаго суда открывались въ нашемъ городѣ и заканчивались. Къ концу каждой сессіи секретки тюрьмы наполнялись приговоренными къ казни людьми. Къ началу слѣдующей сессіи снова очищались, опорожнялись эти секретки. А дѣло о захватѣ желѣзной дороги все не назначалось къ слушанію.

Желѣзнодорожники ждали суда съ нетерпѣніемъ и съ самыми горячими надеждами. У нихъ сложилось почему-то твердое убѣжденіе, что на судѣ все должно выясниться. Судъ сразу опредѣлитъ, что они не революціонеры, что арестованы они по ошибкѣ, по недоразумѣнію. Вѣдь тюремное начальство знаетъ, какіе они люди. А съ мнѣніемъ начальника тюрьмы судъ, конечно, будетъ считаться!

Съ нетерпѣніемъ и горячими надеждами ждали суда эти люди. Но судъ все не ѣхалъ.

Наконецъ, въ ноябрѣ 1908-го года начались въ нашемъ городѣ сразу три параллельныхъ сессіи военнаго суда. Двѣ сессіи занялись обычными мелкими дѣлами объ экспропріаціяхъ, сопротивленіяхъ, вымогательствахъ. Третья сессія была открыта спеціально для разсмотрѣнія дѣла о захватѣ желѣзной дороги.

VI.

Съ утра царило въ тюрьмѣ какое-то особенное возбужденіе. Изъ оконъ видно было, какъ къ тюрьмѣ подошла рота солдатъ. На этотъ разъ конвоированіе заключенныхъ, отправляемыхъ въ судъ, было возложено на стрѣлковъ: обычную конвойную команду сочли для этого дѣла недостаточно надежной; опасались вооруженнаго нападенія на конвой съ цѣлью отбитія арестантовъ.

Тѣсной толпой стояли обвиняемые на дворѣ тюрьмы у запертыхъ воротъ. Ихъ было около 80 человѣкъ, можетъ быть, немногимъ больше. Въ толпѣ преобладали молодыя лица, но были и старики. Мелькали форменныя пальто съ блестящими пуговицами

и фуражки съ малиновымъ околышкомъ. Сравнительно меньше было рабочихъ картузовъ и мѣховыхъ шапокъ. Обвиняемые были сильно взволнованы и это выражалось въ ихъ взглядахъ, суетливыхъ и неувѣренныхъ движеніяхъ. Въ сторонѣ отъ другихъ держалась группа изъ 10 человѣкъ. Среди этой группы выдѣлялась плечистая грузная фигура Клименка и блѣдное выразительное лицо Зубкова, высокаго и худого, съ свободно висящимъ лѣвымъ рукавомъ пальто. Эти на видъ казались спокойными.

Долго тянулся обыскъ подъ воротами. По одиночкѣ обысканныхъ выводили на улицу, въ тѣсное кольцо солдатъ. Маленькій, рябой ефрейторъ съ озабоченнымъ видомъ сновалъ взадъ и впередъ среди арестантовъ, устанавливая ихъ по 4 въ рядъ.

— Стоять смир-р-рно! Не разговар-р-ривать! Головы не поворачивай, сволочь!—кричалъ маленькій ефрейторъ.

Когда всѣ были выведены, началась заковка арестантовъ. Сковывали по двое, рука съ рукой. Затѣмъ впередъ выступилъ офицеръ. Сознаніе важности было написано на его бѣлобрысомъ лицѣ.

— Ар-р-рестанты, слушай!—крикнулъ онъ:—если кто вздумаетъ бѣжать, всѣхъ перебью! Какъ собакъ! По сторонамъ не смотрѣть! Не отставать! Не растягиваться! Идти въ затылокъ конвою! Кто оглянется—въ рыло! Кто отставать начнетъ—прикладомъ! Слушай команду!

Офицеръ выдержалъ паузу.

— Р-рота! На первый, второй разсчитайся!.. Если кто изъ строя хоть шагъ выступитъ, стрѣляй! Если кто къ партіи подойдетъ, стрѣляй! Р-р-рота! Шагомъ... аршъ!

И партія двинулась въ путь. Солдаты, напуганные слухами о готовящемся нападеніи, взвинченные командой, всю дорогу придирались къ арестантамъ. И всю дорогу раздавались крики, ругательства и тупые звуки ударовъ...

Партія остановилась у угрюмаго зданія арестантскихъ ротъ. Огромное сѣрое зданіе съ золотымъ крестомъ надъ фронтономъ и съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ было оцѣплено конными стражниками. У воротъ стояли солдаты. Въ отдаленіи виднѣлась толпа женщинъ. Были среди нихъ и дряхлыя старухи, и молодыя матери съ грудными дѣтьми. По горестнымъ лицамъ женщинъ, по ихъ заплаканнымъ глазамъ, по тому, съ какой тупой покорностью принимали они брань и угрозы тѣснившихъ ихъ стражниковъ, можно было сразу замѣтить, что не праздное любопытство привело ихъ сюда, къ этому дому.

Въ зданіи арестанскихъ ротъ долженъ былъ засѣдать военный судъ.

Обыскъ подъ воротами. Томительное ожиданіе во дворѣ. Снова ожиданіе въ тѣсной полутемной камерѣ... Забѣжали сюда на минутку два защитника во фракахъ. Но они успѣли только сообщить, что составъ суда очень плохой, и раньше 4-го, 3-го засѣ-

данія допросъ свидѣтелей не начнется. Защитники очень торопились куда-то и быстро исчезли, оставивъ арестантовъ окончательно растерянными и смущенными...

Наконецъ, повели арестантовъ въ залъ засѣданія суда.

Обширный залъ съ хорами освѣщался пятью огромными окнами, но свѣту въ немъ все же было недостаточно и въ углахъ господствовалъ полумракъ. Съ потолка спускалась огромная люстра, завѣшанная полинялой и ветхой зеленой тканью. Такая же выцвѣтшая ткань скрывала глубину зала. По складкамъ этой не доходившей до потолка завѣсы и по двумъ невысокимъ ступенькамъ, выбѣгавшимъ изъ - подъ нея на середину зала, легко было догадаться, что за ней скрывается церковный иконостасъ и что этотъ обширный мрачный залъ суда до сихъ поръ служилъ тюремной церковью.

Передъ алтаремъ стоялъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Торжественно выдѣлялись на свѣтло-зеленомъ фонѣ стопки бѣлой бумаги, карандаши и ручки для перьевъ. Посерединѣ стола высилась изящная трехгранная башенка съ золотымъ бордюромъ; возлѣ нея лежалъ на сукнѣ трехглавый, ярко вызолоченый орелъ—разобранное судебное зерцало, символъ еще не вступившаго въ отправленіе своихъ обязанностей правосудія.

Противоположный конецъ зала былъ занятъ простыми деревянными скамьями для обвиняемыхъ. Въ широкомъ проходѣ между этими лавками и судейскимъ столомъ слѣва помѣщался довольно большой столъ для защитниковъ, справа—крошечный столикъ прокурора.

Когда ввели обвиняемыхъ, на скамьяхъ, предназначенныхъ для подсудимыхъ, сидѣло уже человѣкъ 50. Это были обвиняемые, пришедшіе въ судъ съ воли. Среди скромныхъ желѣзнодорожныхъ тужурокъ и потертыхъ пиджаковъ выдѣлялись три господина, одѣтые въ длинные сюртуки. Эти трое, въ отличіе отъ остальныхъ обвиняемыхъ, держались независимо и увѣренно, какъ люди, попавшіе сюда совершенно случайно, по недоразумѣнію, которое черезъ часъ или два разъяснится послѣ чего передъ ними извинятся за невольно причиненную имъ непріятность.

У адвокатскаго столика сидѣло и стояло человѣкъ 15 защитниковъ въ открытыхъ жилетахъ и черныхъ фракахъ. Они тихо о чемъ-то совѣщались, озабоченно перебирая бумаги и поглядывая то на обвиняемыхъ, то на двери, въ которыя долженъ былъ войти судъ.

Кругомъ было очень много солдатъ. Солдаты стояли у дверей и у оконъ, солдаты стояли въ проходахъ между скамейками для обвиняемыхъ, солдаты стояли около судейскаго стола и около стола защитниковъ. Съ озабоченными лицами стояли у двери въ залъ два молоденькихъ офицера. Рядомъ съ прокурорскимъ сто-

ликомъ сидѣлъ на стулѣ маленькій старичокъ священникъ и перебиралъ обѣими руками цѣпь наперснаго креста.

Вошелъ въ залъ товарищъ прокурора—тонкій и изящный, въ новенькомъ сюртукѣ. Быстрыми шагами, ни на кого не глядя, прошелъ онъ къ своему мѣсту, небрежно поздоровался со священникомъ и углубился въ бумаги. Обвиняемые насторожились и съ любопытствомъ разсматривали представителя обвиненія. Каждый думалъ про себя, что въ рукахъ этого человѣка—его жизнь. Но товарищъ прокурора такъ низко склонился надъ своими бумагами, что лица его не было видно. Виденъ былъ только безукоризненный проборъ да торчали кончики длинныхъ бѣлокурыхъ усовъ.

— Встать! Судъ идетъ.

Молоденькій юркій секретарь суда подбѣжалъ къ зеленому столу, быстро схватилъ золоченаго орла и вставилъ его въ верхушку трехгранной башенки.

Въ залъ входили судьи. Спереди шелъ суровый на видъ генералъ, плотный и грозный, съ сѣдѣющими усами, съ небольшой бородкой и густыми насупленными бровями. Глаза его смотрѣли сердито и на лицѣ была написана жестокость и непреклонность. Занявъ предсѣдательское кресло, онъ пальцемъ подозвалъ къ себѣ товарища прокурора и, когда тотъ подбѣжалъ, началъ о чемъ-то шептаться съ нимъ. Рядомъ съ предсѣдателемъ сѣлъ полковникъ высокаго роста, статный и красивый, съ умнымъ и довольно пріятнымъ лицомъ. За нимъ помѣстился толстый и круглый кавалеристъ съ лысой головой, лоснящимся двойнымъ подбородкомъ и сонными глазами. По другую сторону отъ предсѣдателя сидѣлъ молодой офицеръ съ тупымъ деревяннымъ лицомъ и гордо выпяченной грудью, а рядомъ съ нимъ—рослый казачій есаулъ съ типичнымъ скуластымъ лицомъ, узкими глазами и черными усиками.

Прошло нѣсколько минутъ въ напряженномъ молчаніи. Наконецъ, предсѣдатель взялъ листъ бумаги и сталъ перекликать обвиняемыхъ.

— Григорьевъ! Встаньте... Ваше имя? А по отцу? Когда родились? Званіе? Грамотны? Копію обвинительнаго акта получили? Сядьте...

Долго тянулась эта перекличка. Инымъ обвиняемымъ каждый вопросъ приходилось повторять по 2—3 раза. Короткій зимній день догоралъ и уже начинались сумерки, когда закончился опросъ подсудимыхъ.

Предсѣдатель взглянулъ въ сторону товарища прокурора и сдѣлалъ ему знакъ головой. Товарищъ прокурора поднялся и началъ безстрастнымъ деревяннымъ голосомъ:

— Въ виду того, что изъ обвиняемыхъ, къ которымъ была примѣнена низшая мѣра предупрежденія уклоненія отъ суда и ко-

торые были оставлены на волѣ, многіе не явились, а также въ виду тяжести наказанія, которое грозитъ всѣмъ обвиняемымъ, и несомнѣнности добытыхъ противъ нихъ на предварительномъ слѣдствіи уликъ, и въ интересахъ правосудія, дабы предотвратить уклоненіе обвиняемыхъ отъ суда и наказанія,—я полагалъ бы мѣру пресѣченія, принятую относительно всѣхъ обвиняемыхъ, измѣнить, подвергнувъ всѣхъ безусловному содержанію подъ стражей.

Среди подсудимыхъ произошло движеніе. Одинъ изъ адвокатовъ поднялся со своего стула.

— Прошу слова отъ лица защиты!—обратился онъ къ предсѣдателю.

— О чемъ вамъ слово?—нахмурился предсѣдатель.

— По поводу заключенія г. товарища прокурора...

— О мѣрѣ пресѣченія? Такъ сядьте. Этотъ вопросъ васъ не касается.

— Этотъ вопросъ глубоко затрогиваетъ интересы нашихъ довѣрителей.

— Прошу въ пререканія со мною не вступать! Слова я вамъ не далъ. Прошу сѣсть!

Адвокатъ опустился на свое мѣсто.

Суровый генералъ шептался о чемъ-то съ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ красивымъ полковникомъ. Тотъ одобрительно кивалъ головой. Лысый кавалеристъ и скуластый казакъ наклонились въ его сторону съ выраженіемъ полнаго согласія съ мнѣніемъ его превосходительства. Пятый судья сидѣлъ неподвижно и на его незначительномъ лицѣ нельзя было прочесть никакой человѣческой мысли.

— Судъ постановилъ удовлетворить ходатайство г. товарища прокурора,—провозгласилъ предсѣдатель. И, обернувшись въ сторону двери, онъ крикнулъ:

— Поручикъ!

Отъ двери отдѣлился и молодцовато подлетѣлъ къ генералу молодой офицерикъ.

— Распорядитесь удвоить конвой.

— Слушаю-съ!

Офицеръ исчезъ въ дверяхъ. Предсѣдатель кивнулъ секретарю суда и тотъ началъ читать обвинительный актъ.

Читалъ онъ быстро и неразборчиво, глотая окончанія словъ и цѣлыя фразы, перескакивая черезъ слова, которыя были напечатаны недостаточно ясно. Читалъ съ видомъ человѣка, превосходно понимающаго, что его никто не слушаетъ, что никому не интересно его чтеніе,—ни судьямъ, ни товарищу прокурора, ни защитникамъ, ни обвиняемымъ. И, дѣйствительно, никто не слушалъ его. Все быстрѣе и монотоннѣе лилось чтеніе обвинительнаго акта. Секретарь совсѣмъ ушелъ въ свою роль и разсчитывалъ,

повидимому, отбарабанить за одинъ разъ всю толстую тетрадь. Но предсѣдатель прервалъ его.

— На сегодня будетъ,—замѣтилъ онъ и сталъ собирать свои бумаги. Затѣмъ, переглянувшись съ другими судьями, онъ поднялся съ своего кресла и сказалъ:

— Слѣдующее засѣданіе суда завтра, въ 9 ч. утра.

Судьи двинулись къ дверямъ.

— Встать! Встать!—шептали солдаты, подталкивая арестантовъ.

Гремя ружьями и стуча тяжелыми сапогами, вошелъ въ залъ новый воинскій нарядъ.

— Выводи всѣхъ во дворъ!—командовалъ молодой поручикъ: —Тамъ обыщешь. Въ дверяхъ считай.

Подъ усиленнымъ конвоемъ прошли всѣ 132 обвиняемыхъ мимо кучки плачущихъ женщинъ. Только къ ночи, послѣ безконечныхъ унизвтельныхъ обысковъ заперли ихъ въ назначенныхъ имъ камерахъ. И здѣсь могли они подвести итоги впечатлѣніямъ пережитаго дня.

VII.

Обвиняемые вернулись въ тюрьму, подавленные мрачной обстановкой суда, суровостью предсѣдателя, самоувѣренностью и деревянной безстрастностью товарища прокурора, безпомощностью защитниковъ. Первый день сулилъ имъ мало хорошаго.

— Какъ сталъ прокуроръ говорить,—передавалъ свои наблюденія Филипченко,—я все на полковника глядѣлъ, на того высокаго, что сидѣлъ рядомъ съ генераломъ. Этотъ, думаю, не выдастъ. А онъ (слѣдовало непечатное ругательство) зубы оскалилъ и головой киваетъ...

Только Кошкинъ былъ доволенъ первымъ днемъ суда: онъ злорадствовалъ по поводу того, что судъ постановилъ заключить подъ стражу обвиняемыхъ, которые до сихъ поръ гуляли на волѣ.

— Что же, господа,—говорилъ онъ,—судъ правильно это разсудилъ, по закону. Чѣмъ Смирновъ или Вуичъ лучше насъ? Я долженъ здѣсь сидѣть, а они на волѣ гуляютъ. Это почему такъ? Что г. Смирновъ докторъ, г. Вуичъ инженеръ и тысячи загребаютъ, такъ это еще не причина! Я-то вѣдь знаю, кто въ 1905-омъ году больше всѣхъ бунтовалъ да рабочихъ подбивалъ на забастовку... Они думали, имъ все можно. Нѣтъ, шалишь. Пусть съ нами посидятъ, своимъ мясомъ вшей тюремныхъ покормятъ.

Но вновь прибывшіе были такъ убиты неожиданнымъ арестомъ, что не слышали этихъ злорадныхъ насмѣшекъ.

Въ 8-ую камеру, гдѣ сидѣла большая часть обвиняемыхъ желѣзнодорожниковъ, привели новыхъ человѣкъ 15 или 20. Одинъ изъ нихъ, старикъ-малороссъ, какъ вошелъ въ камеру, сразу упалъ на койку и, заливаясь горючими слезами, началъ причитывать:

— Казали міні добрі люди, ни їзди на судъ. А я думавъ, чого міні боятьси? Що може міні бути за те, чого я ни робив? Думавъ, люди знають, як я на дорогу попав!.. Думав, Бог правду мою бачить. А теперь погибать пріидется. Сгноять въ тюрьмі мене ироды... Боже, Боже! Куди моя жінка дѣнется? А в мене дома внуків ціла куча. А за хату ще досі не заплачено... Хто таке на світі бачивъ? Як це Богъ таке позволяе? Вони царемъ поставлени законъ виполнят, судить по правді, по совісти. А що робять? Боже, Боже!..

Крупныя слезы катились по щетинистымъ щекамъ старика. Все тѣло его вздрагивало отъ рыданій. И страшнымъ казалось его изливавшееся въ слезахъ и громкихъ жалобахъ отчаяніе среди тюремныхъ стѣнъ, привыкшихъ къ зрѣлищу молчаливой, сдержанной скорби.

Одинъ изъ заключеннынъ подсѣлъ къ старику, желая успокоить и утѣшить его.

— Вы, дѣдушка, не убивайтесь. Можетъ, все пустяками обойдется. Подержатъ васъ недѣлю—другую, пока судъ не кончится,— а тамъ и выпустятъ.

— Ой лишечко, лишечко! Чуе серце мое, що погано буде.

— А васъ, дѣдушка, въ чемъ обвиняютъ?

— Да коли б я знав? Міні офицер каже: ти, старику, у той ден на станцію иіздив? Я кажу: іиздив, ваше благородіе. Ковбасня, бачъ, у мени. А товаръ я завсегда там беру, у Соломона... А свідитилів вони такъ підвили, що як-будто я туди іиздивъ для свари... А куды міні свариться? Хиба таки мои літа? И слухать ничого не хотять. Знаем, кажуть, чого туди люди іиздили... Да я, кажу, за гусями іиздив! На місті вмерти, хай Богъ накаже, я за чім иншим!..

— Такъ вы, дѣдушка, не тревожьтесь. Навѣрное, судъ оправдаетъ. Вѣдь на каторгу не пошлютъ васъ, за гусей-то?

— Дай-то Боже, дай-то Боже! Я и то молюсь Спасу Милостивому... Для чого ж и судьи царем поставлени? Прости мене, Боже! Гірко вже дуже, що на старості літ въ остроги попав со злодіями...

Старикъ продолжалъ убиваться и плакать. И дикой казалась самая мысль, что этого старика судятъ за участіе въ вооруженномъ возстаніи. А между тѣмъ надъ головой старика Сѣдова висѣла 100 ст.: онъ обвинялся въ участіи въ бою съ войсками, такъ какъ его видѣли въ томъ самомъ поѣздѣ, съ которымъ пріѣхало нѣсколько десятковъ дружинниковъ...

Въ другомъ концѣ камеры кучка заключенныхъ столпилась вокругъ человѣка среднихъ лѣтъ, въ неопрятной и потрепанной желѣзнодорожной тужуркѣ. Этотъ человѣкъ былъ горбатъ. На его некрасивомъ желтомъ лицѣ, типичномъ лицѣ горбуна, было написано безграничное изумленіе и недоумѣніе. Онъ волновался, брыз-

галъ слюной и нелѣпо размахивалъ своими длинными, узловатыми руками. Кругомъ смѣялись.

— Я не понимаю, что здѣсь смѣшного?—недоумѣвалъ горбунъ, начиная сердиться:—Вы этимъ только свою дурь показываете. И ничего больше. Здѣсь просто ошибка вышла.

— Какая ошибка? Милый ты человѣкъ! Вѣдь въ забастовку ты на платформѣ съ шашкой ходилъ? А? Ходилъ, или, скажешь, нѣтъ?

— Ну, и ходилъ!.. Не сбросить же ее было?.. Да и что могло съ шутки выйти?

— Какъ «что могло выйти»? Вѣдь вышло, что ты жандарма разоружилъ и захватилъ станцію! Ха-ха-ха! Вотъ свинтусъ! Самъ не зналъ, что дѣлаетъ.

— Да ничего я не дѣлалъ. На моемъ разъѣздѣ и забастовки то не было никакой. Не ходятъ поѣзда, такъ развѣ это моя вина? Я поѣзда родить не могу! Съ узловыхъ станцій отправлять должны, а я только пропускаю... Какое мнѣ дѣло до вашихъ забастовокъ? Не знаю, чему вы, господа, смѣетесь...

— А ты разскажи лучше, какъ шашку съ жандарма снялъ.

— Не снималъ я вовсе... Вѣдь сами вы, г. Константиновъ, отлично знаете. Когда вы въ тотъ день къ намъ на разъѣздъ пріѣхали...

— А ты, стерва, ври да не завирайся!—перебилъ его грубый голосъ.—Будешь на меня сыпать, такъ я тебѣ всыплю.

Это говорилъ здоровый и рослый краснорожій дѣтина, который всѣхъ больше потѣшался надъ горбуномъ. Теперь, внезапно разсвирѣпѣвъ, онъ наступалъ на него съ сжатыми кулаками. И рядомъ съ нимъ калѣка казался жалкимъ карликомъ.

— Я на васъ ничего не говорю, г. Константиновъ,—робко оправдывался горбунъ:—Я только говорю, что вы тогда на нашъ разъѣздъ на дрезинѣ пріѣхали съ рабочими. Выпивши мы всѣ были тогда. Вы шутили, я шутилъ. Я на васъ не въ обидѣ. Только какъ это ошибка такая вышла, что меня забрали,—ума не приложу!..

— Ха-ха-ха!—смѣялся Константиновъ:—хорошъ ты былъ съ шашкой черезъ плечо! Эхъ, товарищи, жаль, что вы его не видали: этакій вѣдь лягушенокъ, и къ шашкѣ привязанъ... ха-ха-ха! А мы его такъ пугнули, что онъ и сбросить-то шашку боялся. Такъ всю забастовку и проходилъ по платформѣ, вродѣ какъ околотокъ!.. Ха-ха-ха!..

Кругомъ смѣялись. И горбунъ тоже смѣялся жиденькимъ смѣхомъ, похожимъ на визгъ животнаго.

Всѣ желѣзнодорожники хорошо знали исторію этого горбуна. Далеко по линіи онъ славился своей глупостью и невѣроятнымъ развратомъ. Это было похотливое и крайне нечистоплотное существо и про него ходили цѣлыя легенды, въ которыхъ трудно было

отличить правду отъ вымысла, такъ какъ часто самыя невѣроятныя, самыя фантастическія подробности ихъ оказывались совершенно правдивыми, нимало не преувеличенными. Его презирали на желѣзной дорогѣ, а нерѣдко и били подъ пьяную руку. Не проходило недѣли, чтобы сослуживцы не сыграли надъ нимъ какой-нибудь злой шутки. Но и къ насмѣшкамъ, и къ тычкамъ горбунъ уже давно привыкъ. Онъ служилъ «начальникомъ станціи» на крошечномъ глухомъ разъѣздѣ среди степи, гдѣ по штату, кромѣ него, полагался еще лишь одинъ сторожъ, выполнявшій также и обязанности стрѣлочника. И горбунъ былъ вполнѣ доволенъ своимъ служебнымъ положеніемъ. Во время забастовки подпившіе конторщики съ сосѣдней станціи, съ вѣсовщикомъ Константиновымъ во главѣ, надѣли ему черезъ плечо шашку, отобранную у какого-то жандарма, и заставили калѣку ходить съ этой шашкой взадъ и впередъ по маленькой платформѣ разъѣзда: ихъ забавляло видѣть горбуна расхаживающимъ по платформѣ съ шашкой, эфесъ которой подымался выше искривленныхъ плечъ его.

А затѣмъ въ обвинительномъ актѣ оказалось, что этотъ человѣкъ разоружилъ жандарма, овладѣлъ его шашкой, произвелъ революціонный захватъ разъѣзда и во все время забастовки съ оружіемъ въ рукахъ охранялъ его.

Горбунъ, привыкшій къ грубымъ и порой довольно не остроумнымъ шуткамъ товарищей, никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что и судъ надъ нимъ и его заключеніе въ тюрьму тоже относятся къ шуткамъ. Но оказалось, что прокуроръ и судьи не шутятъ...

Среди вновь прибывшихъ въ тюрьму желѣзнодорожниковъ бросалась въ глаза высокая костлявая фигура стрѣлочника Кузьмина. Худой, какъ смерть, блѣдный и страшный, ходилъ онъ по камерѣ, распрашивая, могутъ ли его повѣсить. На немъ тяготѣло грозное обвиненіе: онъ перевелъ стрѣлку передъ поѣздомъ, въ которомъ ѣхали дружинники. Послѣ перваго засѣданія суда, напуганный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, бѣдняга вообразилъ, что теперь его ждетъ висѣлица. И ужасъ сковалъ его мысли. Товарищи объяснили ему, что больше 12—15 лѣтъ каторги онъ не получитъ. Но стрѣлочникъ не вѣрилъ. Снова и снова онъ подходилъ къ заключеннымъ, которыхъ по чистому платью считалъ за «господъ» повторялъ имъ свой разсказъ о томъ, какъ онъ перевелъ стрѣлку передъ роковымъ поѣздомъ, и спрашивалъ:

— А какъ, господинъ, по закону могутъ за это повѣсить, или нѣтъ?

Среди обвиняемыхъ, доставленныхъ въ тюрьму съ засѣданія суда, были и рабочіе, прежніе товарищи Клименка. Но большинство изъ нихъ старалось держаться подальше отъ своего «пролетарскаго директора». Особенно демонстративно держался одинъ молодой парень, очень чисто одѣтый и интеллигентный на видъ.

Григорій подошелъ къ нему и дружески протянулъ ему руку:

— Здравствуй, Дмитріевъ! Вотъ, гдѣ встрѣтились. Какъ это тебя угораздило суда дожидаться? Ну, разсказывай, какъ жилъ эти годы?

Но Дмитріевъ едва притронулся до протянутой ему руки и отвѣтилъ холодно:

— Это вы, Григорій? Я васъ сперва не узналъ.

— Это ничего,—продолжалъ Клименко добродушно:—я въ тюрьмѣ измѣнился. Разскажи-ка лучше, что у насъ на заводѣ творится. Мнѣ давно не писали оттуда. Слыхалъ я, что расцѣнки всѣмъ сбавили. Ну, какъ тамъ настроеніе? Работа ведется?

— Извините,—перебилъ Дмитріевъ.—У меня голова болитъ, да и не люблю я пустыхъ разговоровъ. А вашими партійными дѣлами я не интересуюсь совсѣмъ и не знаю, чего вы ко мнѣ пристали, чего вамъ нужно.

И, рѣзко повернувшись, молодой человѣкъ отошелъ въ сторону. Клименко поблѣднѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но удержался и, сжавъ зубы, опустивъ голову, побрелъ къ своему мѣсту на нарахъ.

... Черезъ нѣсколько дней въ тюремной аптекѣ я встрѣтился съ Григоріемъ и онъ разсказалъ мнѣ про всю эту сцену. О Дмитріевѣ онъ не могъ говорить спокойно.

— Такъ больно мнѣ это, такъ обидно!—говорилъ онъ.—Вѣдь это не случайный человѣкъ, какъ всѣ эти съ серебряными пуговицами. Этотъ былъ нашъ, душой и тѣломъ нашъ. Въ прокатномъ цехѣ на немъ вся работа лежала. Да и въ заводскомъ комитетѣ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ. Въ прошломъ году, правда, писали мнѣ, что онъ отошелъ отъ движенія и даже въ бригадиры мѣтитъ, да я этому не вѣрилъ. Не могъ вѣрить, чтобъ измѣнилъ онъ движенію. А теперь самъ вижу...

— Можетъ быть, онъ просто боится говорить при другихъ,—замѣтилъ я:—конспирируетъ, что ли?

— Конспирируетъ? Что же, онъ для конспираціи въ лицо мнѣ плюнулъ, когда я ему руку протянулъ? Со страху—это вѣрнѣе. Только со страху такъ вотъ люди провокаторами дѣлаются. А это я отъ кого угодно ожидалъ, только не отъ Дмитріева.

Клименко помолчалъ и затѣмъ заговорилъ другимъ голосомъ, тихимъ и задушевнымъ.

— Тяжело, знаете, когда видишь, что отвернулся отъ насъ человѣкъ, въ котораго мы вѣрили. Вѣдь въ тюрьмѣ, не чувствуешь себя побѣжденнымъ, пока знаешь, что тамъ, за стѣной, товарищи остались и продолжаютъ наше дѣло. Остаешься гордый и сильный. И вдругъ узнаешь, что напрасно вѣрилъ, что обманывалъ самъ себя... Ужасно тяжело это, товарищъ!..

С—ъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КАРТИНКА.

(Въ Январѣ 1906 г.)

— Петя, развѣ у васъ уже проходятъ катехизисъ?

Петя поднимаетъ свое курносенькое, румяное лицо отъ чашки (эта чашка вмѣсто стакана, да еще съ обязательною прибавкою молока въ чай—возмутительное насиліе взрослыхъ надъ нимъ, одиннадцатилѣтнимъ второклассникомъ) и отвѣчаетъ опрометчиво:

— Нѣтъ.

— Какой же ты текстъ твердилъ? Послѣ обѣда. Бѣгалъ по корридору и повторялъ.

Отецъ грузно усаживается на свое мѣсто въ концѣ стола, гдѣ все уже для него приготовлено, какъ онъ любитъ: стаканъ крѣпкаго чаю въ серебряномъ подстаканникѣ, два бутерброда на тарелочкѣ, молочникъ съ желтоватой пѣнкою, какъ крышечка на его краяхъ. Петя быстро оглядываетъ всѣ эти предметы. Увы! все на мѣстѣ—и спички, и пепельница, и гильотинка для сигары... Никакого предлога вскочить, подслужиться, чтобы увильнуть отъ нотаціи. Дѣло въ томъ, что отецъ терпѣть не можетъ, когда ходятъ по корридору во время его послѣ-обѣденнаго сна; а нынче...

Петя теперь это отчетливо припоминаетъ; еще и дверь въ спальню была неплотно притворена. Достанется! Ну, и пусть себѣ! Велика важность...

— Текстъ? Какой текстъ?—переспрашиваетъ онъ наивно; но узкіе, темные глазенки его задорно блеснули. Онъ еще не научился своевременно тушить ихъ. Впрочемъ, теперь у нихъ такъ принято въ гимназіи: врать начальству, даже не стараясь, чтобъ повѣрили. Петѣ частенько влетаетъ за это и въ классѣ, и дома.

— Какой, какой? Про то я тебя и спрашиваю, кажется, русскимъ языкомъ!—уже раздражаясь, прикрикнулъ на него отецъ. Онъ сильно не въ духѣ, родитель: поминутно трогаетъ золотые очки, галстухъ, чмокаетъ языкомъ, какъ бы прочищая зубы. Навѣрное, опять „изжога". За обѣдомъ были пикули. Сейчасъ вотъ станетъ выговаривать мамѣ за то,

что ихъ опять взяли въ лавочкѣ, хотя сто разъ говорено, что такія вещи надо непремѣнно покупать въ хорошемъ гастрономическомъ магазинѣ, иначе это сущій ядъ для порядочнаго желудка. Мама будетъ доказывать, что пикули отъ Смурова, какъ всегда. Просто: мы ихъ не въ мѣру покушали. Да все еще гнѣвается на Володю, съ которымъ за обѣдомъ вышелъ довольно-таки острый конфликтъ. „Товарищъ"-Володька (Петинъ старшій братъ, шестиклассникъ), несомнѣнно, опять былъ правъ, но развѣ же большіе когда-нибудь сознаются, что сдрейфили? Только другихъ умѣютъ поучать: кто умнѣе, тотъ уступитъ—и все такое.

Петя предавался безъ помѣхи своимъ размышленіямъ, благо разговоръ между отцомъ, матерью и бабушкой, дѣйствительно, перекинулся на пикули и изжогу. Тучу пронесло бы и совсѣмъ мимо, не наглупи онъ самъ: накрошилъ себѣ въ чай сушекъ и, потопляя ложечкою все выплывавшую флотилію,—опрокинулъ чашку, чѣмъ и привлекъ на себя опять вниманіе. Мама вскрикнула, что скатерть чистая (извѣстно ужъ: она всегда чистая, когда что-нибудь прольешь); отецъ оборвалъ за неловкость и вернулся къ допросу на счетъ злополучнаго текста.

— Нечего, нечего дурачка-то корчить! Быть можетъ, это у васъ въ гимназіи одна изъ „свободъ". Но дома, прошу,— увольте! И то ужъ день-деньской только и слышишь: Петя! Петька! Да Петя-же!—Онъ передразнилъ разными голосами, какъ домашніе кричатъ на неугомоннаго шалунишку и „зазудилъ" дальше:

— Или хотя бы эта манера уличнаго мальчишки вѣчно напѣвать, насвистывать, вслухъ съ самимъ собой разговаривать. Ну, что тамъ за текстъ въ корридорѣ битый часъ бормоталъ? Держу пари, даже не понимаешь хорошенько...

— Что же тутъ не понимать? Рѣдкость какая! Слава Богу, не два мнѣ года,—огрызнулся мальчикъ, весь вспыхивая. Ничѣмъ его нельзя такъ донять, какъ предположеніемъ, что онъ чего-нибудь не понимаетъ. И, презрительно морща носъ, Петя однимъ духомъ выпаливаетъ:

— *Вопросъ*:—Что есть конституція 17 Октября?

— *Отвѣтъ*: Сіе есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ, т. е. увѣренность въ невидимомъ, какъ въ видимомъ, и въ ожидаемомъ,—какъ въ настоящемъ...

— „Что взяли?" —говоритъ торжествующая Петина физіономія, хоть онъ и силится сохранить подобающее въ такихъ случаяхъ пренебрежительное равнодушіе. Эффектъ произвелъ: всѣ смѣются, особенно звонко Зина и Манечка,— младшія дѣвочки. Онѣ, впрочемъ, только то и поняли, что

Петя сказалъ что-то „ужасно смѣшное“ и ну себѣ: хи-хи-хи! ха-ха-ха!

Петя скорчилъ ужасную гримасу въ сторону сестренокъ и передразнилъ ихъ дѣтски-визгливый, безсмысленный смѣхъ.

— Самъ то хорошъ. Попугай!—опять нахохливаясь и поправляя очки, замѣчаетъ презрительно отецъ.—А ты, милѣйшій, поменьше бы при немъ вздору мололъ,—строго обращается онъ къ входящему какъ разъ въ столовую Володѣ.

— Въ чемъ дѣло? Какой такой вздоръ?—спрашиваетъ возможно равнодушнѣе гимназистъ; но его румяное съ мороза веселое лицо потускнѣло, брови насупились и скрыли взглядъ. Мрачно беретъ онъ стаканъ изъ рукъ матери и садится на свое мѣсто.

— И вовсе я даже не отъ Володи!—обиженно протестуетъ Петя.—Будто уже кромѣ Володи мнѣ не откуда? Небось, и у насъ въ классѣ газеты тоже читаютъ. А вотъ реалисты-второклассники такъ даже химическую обструкцію у себя устроили,—добавляетъ онъ, пріосаниваясь.

— Да ты самъ ужъ, часомъ, не эсъ-декъ ли?—подзадориваетъ Володя свысока.

„Туда-же въ большіе лѣзетъ, а самъ нынче пару изъ латыни схватилъ“—думаетъ Петя и съ неподражаемой небрежностью отзывается:

— Нѣтъ, я эсъ-эръ!

Опять всѣ вокругъ стола невольно улыбнулись. Бабушка, впрочемъ, тутъ же ласково попрекнула:

— Петя, Петя, привыкаешь ты, дружокъ, болтать, что на языкъ попало. Глупо это, милый мой, и не честно. Выростешь большой, тоже будешь этакъ: все одни слова. Ну, что за эсъ-эры такіе? Вѣдь ты, сознайся, навѣрное не знаешь.

— Вотъ еще! Конечно, знаю,—краснѣя весь до бѣлокурыхъ вихровъ, выпутывается мальчикъ. — Ну, тѣ... которые застрѣливаютъ... и съ бомбами.

— Ну, а эсъ-деки?—искренно забавляясь братомъ, задираетъ Володя. Но отецъ обрываетъ его:

— Пожалуйста, довольно ужъ! Скоро у насъ грудныя дѣти будутъ эсъ-деками и эсъ-эрами. Бабушка совершенно вѣрно замѣтила, что всѣ вы привыкаете выѣзжать на словахъ, не задумываясь о той отвѣтственности, которая... Такъ выростаютъ верхогляды, крикуны...

Долго, скучно разглагольствуетъ папаша на счетъ отвѣтственности каждаго честнаго человѣка передъ обществомъ и родиною за свои поступки и слова... Все это черезъ го-

лову Пети направлено, разумѣется, по адресу Володи, который сидитъ, сгорбившись, и громко мѣшаетъ ложечкою въ стаканѣ, съ такимъ видомъ, будто его-то именно это ужъ ничуть не касается. Петя внимательно наблюдаетъ, какъ шевелятся губы и усы отца,—онъ давно уже не слушаетъ. Говоритъ, право, точно по французски: слова-то всѣ, конечно, понимаешь, а къ чему они? Одна скучища, хоть онъ тамъ себѣ ученый, раз-раз-ученый, и книгъ у него въ кабинетѣ милліонъ, и въ газетахъ про него даже пишутъ... Вотъ бабушка, та совсѣмъ другое дѣло. Скажетъ только: „не честно"—и хочется ей свою правду доказать, потому что споритъ она съ тобой не какъ съ трехъ-лѣтнимъ пупочкой. Вся ужъ она такая, бабушка: сѣденькая себѣ, мягкая, съ ямочкой на подбородкѣ и... умная. Просто умная. Хоть она и не съумѣла вчера объяснить про гимназическія дроби, какъ въ гимназіи. А, небось, всякую задачу рѣшитъ! Надоумитъ только два слова, такъ само и сдѣлается. Въ одну минуточку—тр-р-р! Стоитъ ей другой разъ только къ столу подсѣсть съ вязаньемъ, когда уроки готовишь. Вотъ мама придетъ,—сейчасъ ужъ начинается: „Опять пишешь носомъ". „Какой въ ящикѣ безпорядокъ, убери". „Помой руки." Только мѣшаетъ. А бабушка н-н-нѣтъ! И все-то она умѣетъ сдѣлать, все у нея сейчасъ же находится, что потерялось. Ну, просто волшебная!

Петя потянулся къ сидѣвшей съ нимъ рядомъ старушкѣ, потерся, какъ маленькій, головою о ея плечо и заглянулъ ей въ глаза. Бабушка потрепала его по щекѣ и любовно улыбнулась ему взглядомъ: всегда былъ Петька бабушкиной „преференціей", что грѣха таить.

Отецъ тѣмъ временемъ напалъ уже прямо на Володю и между ними опять, какъ за обѣдомъ разгорѣлся споръ. Сначала Володя огрызался нехотя; но скоро разгорячился и самъ. По мѣрѣ же того, какъ возвышались ихъ голоса, мать все замѣтнѣе обнаруживала досаду: нетерпѣливо останавливала дурачившихся дѣвочекъ, нервно переставанливала передъ собой на подносѣ посуду. Терпѣть она не можетъ „исторій", дутья, крика. То ли дѣло веселый, буднично-безобидный разговоръ за столомъ! Отецъ-труженикъ *долженъ* отдыхать въ семьѣ, видѣть вокругъ себя довольныя, ласковыя лица. Къ чему эти споры, пріучающіе только дѣтей къ грубымъ выходкамъ? Хотя только въ этихъ спорахъ и обнаруживался изрѣдка передъ родителями умственный ростъ дѣтей, новые ихъ запросы, ихъ нарождающіяся убѣжденія... Но то, что эти дѣти уже въ 15-16 лѣтъ уходятъ *одни,* какъ Володя и старшая его сестра Лиза, въ *свои* мечты, *свои* книги, къ *своимъ* товарищамъ, не смущало пока родителей. Вѣдь

всегда у всѣхъ бываетъ такъ въ „переходномъ“ возрастѣ... Не перенимали бъ только у этихъ товарищей ихъ внѣшней невоспитанности, а навыки нравственной порядочности и морали привиты имъ, слава Богу, прочно съ малолѣтства. Съ чего имъ быть „дурными“, этимъ холенымъ, счастливымъ дѣтямъ? Мать и отецъ всю свою жизнь посвящаютъ ихъ воспитанію, хорошій примѣръ труда и семейныхъ устоевъ всегда у нихъ передъ глазами. И все-то у нихъ дома есть...

Лидія Николаевна оглядываетъ съ гордостью свой выводокъ,—всѣ эти здоровенькія, чистоплотныя, безъ распущенности оживленныя лица вокругъ вкусно, красиво сервированнаго чайнаго стола.

— Володя, не кусай ногти!—замѣчаетъ она вскользь, не вслушиваясь въ споръ, только морщась отъ запальчиваго тона, которымъ сынъ отвѣчаетъ отцу. И охота Петру Владиміровичу связываться съ мальчишкой? Разволнуется, доведетъ себя до припадка. И безъ того у него сегодня опять что-то печень...

— Володя, позови Лизу,—вмѣшивается она, наконецъ, рѣшительно.—Вѣчно опаздываетъ. Всѣ уже отпили...

Но Лиза какъ разъ входитъ въ столовую; остановилась на минуту въ дверяхъ, щурясь, точно со сна, слегка наклонивъ къ лѣвому плечу свою изящную, бѣлокурую головку. Тоненькая, высоко вытянувшаяся, какъ тростинка, которую вотъ-вотъ пригнетъ къ землѣ, а можетъ быть, и надломитъ первый рѣзкій порывъ вѣтра, дѣвушка, еще полными какихъ-то своихъ недодуманныхъ мыслей глазами, пытливо разглядываетъ—точно впервые ихъ увидала—знакомыя лица и вещи въ уютномъ освѣщеніи висячей электрической лампы изъ-подъ кружевной оборки на красномъ шелку... А тамъ—въ сѣренькой брошюркѣ, дочитывая которую она опоздала къ чаю,—тамъ: голыя, промозглыя стѣны, тройныя рѣшетки, грубость тюремщиковъ, нечеловѣческія мученія, физическія и нравственныя, безуміе, смерть... въ могилѣ, заживо сомкнувшейся надъ молодыми жизнями,—лучшими, погибшими... погибающими и теперь, вотъ сейчасъ... въ то время, когда здѣсь, дома, пьютъ чай съ печеньемъ, разговариваютъ, смѣются...

— Какъ они могутъ?.. И я?..—робко выклевывается вопросъ, холодкомъ заползаетъ, точно морозъ на улицѣ въ складки одежды, чувство остраго стыда... А между тѣмъ невольно отходитъ, согрѣвается понемногу испуганное сердечко въ теплѣ и безопасности родного угла. Какъ въ дѣтствѣ, бывало, послѣ страшной сказки...

— Ты слишкомъ много учишься, Лизокъ,—говоритъ ей

бабушка, съ ласкою поправляя ей на вискѣ нѣжную прядь волосъ.

— Я? Нѣтъ,—вяло отзывается дѣвушка, глядя въ чашку, и слабо краснѣетъ. Они даже не замѣчаютъ, что она совсѣмъ, совсѣмъ бросила учиться въ послѣднее время. Въ гимназіи дѣло идетъ такъ себѣ, по инерціи, какъ всегда у признанной годами первой ученицы. По вечерамъ тетрадки и учебники раскладываются на столѣ для вида,—на всякій случай: чтобы подсунуть подъ нихъ брошюру въ яркой обложкѣ, истрепанную книжку со жгучими словами, жгучими мыслями... Юный мозгъ въ лихорадкѣ,—измученный, перевозбужденный, глотаетъ ихъ одну за другой, напитывается соками не перебродившей, не отстоявшейся новой жизни, бурно плещущейся вокругъ,—пугающей и неудержимо въ себя втягивающей... Лгать, прятать эти новыя книжки, эти новыя мысли—конечно, гадость, противно, подло! Но развѣ они, эти самые ей близкіе люди, поймутъ, откликнутся честно, правдиво, если *не* лгать, все сказать имъ прямо?.. Нравоученія, черствое резонерство...

— У тебя, Лизанька, вѣрно опять голова болитъ?—спрашиваетъ, тревожно вглядываясь, бабушка, уловившая брезгливую минку, при этой мысли шевельнувшую Лизины брови и губы.

— Еще-бъ не болѣть! Сидитъ, какъ старуха, безъ движенія, безъ воздуха, — съ неудовольствіемъ отзывается мать.—Отчего, спрашивается, опять не пошла сегодня на катокъ съ дѣвочками и миссъ Дженъ? Я была занята: портной принесъ примѣривать мальчикамъ пальто. А вѣдь, если *я* не хвачусь, никто ужъ не позаботится...

Бабушка сконфужена упрекомъ невѣстки не въ бровь, а въ глазъ за нарушеніе одного изъ основныхъ правилъ „дѣтскаго" дня. Сама же виновница равнодушно пропускаетъ мимо ушей и выговоръ матери, и объясненія, которыми старушка пытается извинить себя и ее. Разсѣянно прислушивается она на минуту къ спору брата съ отцомъ. Охота, право, Володѣ...

— Мѣщанствомъ насквозь проржавѣла вся жизнь,—кричитъ закусившій удила юноша.—Имъ разлагающійся строй, во всѣхъ слояхъ общества,—спѣшитъ набальзамироваться, чтобы не разсыпаться въ прахъ, какъ мумія отъ свѣжаго воздуха, который... котораго...

— На три съ минусомъ, милѣйшій, на три съ минусомъ... Притомъ же долженъ тебѣ напомнить, что я и самъ грамотенъ,—а ты не приготовишка, чтобы упражняться „въ пересказываніи своими словами"...—утрированно спокойнымъ тономъ иронизируетъ отецъ, намекая на сегодняшній

хлесткій фельетонъ, который съ такой горячностью перифразируетъ Володя. А у самого желчь поднимается къ горлу—того и гляди, вправду, не разыгрался бы припадокъ коликъ? Очень не кстати, потому что въ кабинетѣ его ждетъ еще корректура и порядочная пачка бумагъ, отложенныхъ имъ на просмотръ нынче вечеромъ. И, срывая досаду разомъ уже за все, Петръ Владиміровичъ круто сворачиваетъ принципіальный споръ на личную почву,—язвитъ Володю за плохіе недѣльные баллы: двойка изъ латыни и ни единой пятерки! Во всѣ газеты носъ совать—на это у насъ время, небось, есть. А вотъ какъ придется балбесу шестикласснику брать репетитора...

— Да мнѣ вовсе не надо... Я самъ...

— Та-та-та! Опять перейти безъ награды... И не воображай! Съ твоими способностями, ты *долженъ* у меня кончить съ медалью—слышать ничего не хочу,—ужъ мѣщанство ли это или не мѣщанство... Привычка къ серьезному труду усваивается въ твои годы на всю жизнь. И прежде, чѣмъ судить о томъ, что мѣщанство и что нѣтъ,—самому надо научиться зарабатывать кусокъ хлѣба. Да-съ, а не выѣзжать на шеѣ репетитора, который грошовыми уроками содержитъ цѣлую семью въ 18 лѣтъ...

Володя шумно отодвигаетъ стулъ, красный, насупленный; онъ глядитъ изъ-подлобья на отца и цѣдитъ, нехорошо усмѣхаясь:

— Не моя же, наконецъ, вина, что Викторову платятъ гроши... просвѣщенные либералы... господа ка-де-ты...

— Володя!!

— Какъ ты смѣешь!!

— Ахъ, Володюшка!

Но въ этотъ мигъ, очень кстати, раздаются пронзительные вопли младшихъ дѣвочекъ изъ гостиной, куда онѣ ушли играть съ Петей.

— Петька, перестань! Акваріумъ разобьешь! Слышишь: сейчасъ перестань швыряться катушками! Я мамѣ скажу...— И затѣмъ крикъ и плачъ маленькой Манечки, которой шалунъ, въ разгарѣ затѣяннаго имъ „обстрѣла дома“, угодилъ катушкою въ глазъ.

Бабушка и мать вскакиваютъ, устремляются на поле брани. Тамъ сперва ничего нельзя разобрать: Манечка реветъ благимъ матомъ, Зина, всѣхъ перекрикивая, страстно обвиняетъ Петю.

— Да какъ же обстрѣливать домъ и чтобъ ни въ кого не попало?—искренне-негодующе оправдывается тотъ.

— Мы даже совсѣмъ не хотѣли... Это все онъ, все онъ!..

— Умна-а-я! Кто жъ таки захочетъ, чтобъ его разстрѣливали?!—протестуетъ Петя съ подавляющей ироніей.

— Ахъ, мамаша, вѣрно, не задвинули ящикъ, а этотъ скверный мальчишка добрался—всѣ катушки мнѣ раскидалъ.

— Я, Лиденька, ты знаешь, никогда не хожу въ твой рабочій столикъ,—мягко защищается бабушка.

— Какже—никогда! Передъ обѣдомъ, помните, вы искали чернаго шелка: Лизѣ передникъ поштопать. Я же сама еще вамъ сказала, чтобы вы взяли у меня въ столѣ.

— Ну, можетъ быть, можетъ быть... Пожалуй, что и забыла. Ты ужъ извини, Лиденька. Манюрочка, дѣтка, пойдемъ, я тебѣ компресикъ на глазокъ..

— Я не хочу ком-пре-са!

— Перестань! Пустяки. Ступайте спать. А вы, Петръ Петровичъ, извольте-ка мнѣ всѣ катушки подобрать. Слышишь. Сейчасъ же! Хуже маленькаго, право...

— Сильно старѣетъ мамаша; все стала забывать. Что ни поручи, все перепутаетъ,—сообщаетъ, какъ нѣчто весьма пріятное, Лидія Николаевна мужу. Тотъ сидитъ уже одинъ за столомъ,—мнительно прислушивается къ боли и тяжести въ боку. Старшія дѣти воспользовались случаемъ,—уходятъ.

— Прочла?—значительнымъ шопотомъ спрашиваетъ Володя сестру въ дверяхъ. Лиза киваетъ головою и взглядываетъ ему въ глаза такъ скорбно, смущенно-вопросительно, какъ не сказалось бы словами.

— А я еще такую книгу досталъ, такую... На сегодняшній вечеръ. Приходи къ намъ въ комнату. Ты только сейчасъ, пока Петьки нѣтъ... Онъ всюду носъ суетъ, а потомъ возьметъ, да разблаговѣститъ,—конспиративно успѣваетъ еще шепнуть Володя.

Но Лизѣ не судьба уйти. Мать зоветъ ее. Чтобы „пріучаться къ хозяйству“, дѣвушка должна каждый вечеръ помогать убрать чайную посуду. Со вздохомъ присаживается она вытирать блюдца, которыя споласкиваетъ и опрокидываетъ передъ нею на подносъ быстро и ловко полными руками въ кольцахъ Лидія Николаевна.

— Ты, Лиза, поговорила бы съ братомъ... Онъ становится невозможно рѣзокъ. Какъ старшая сестра, какъ женщина, ты должна вліять на него смягчающе... Вотъ хотя бы сейчасъ, съ отцомъ...

— Прошу тебя, оставь это, Лидія,—кисло вмѣшивается супругъ.—Что тамъ за разговоры? Оборвать его, голубчика, разъ, другой, живо сойдетъ съ него это мальчишество... дурацкое.., И оборву, не прогнѣвайся,—будь онъ тамъ себѣ

хоть разъ-„староста"... Ну, а что же наша литературная работа, Лизокъ? Подвигается?

Раза два—три въ зиму отецъ вдругъ проявляетъ усиленный интересъ къ занятіямъ старшихъ дѣтей,—принимается развивать ихъ: требуетъ отчета въ прочитанныхъ по его указанію книгахъ, задаетъ имъ темы для сочиненій. И любитъ, чтобы цѣнили это вниманіе его, человѣка заваленнаго служебными и общественными дѣлами.

Лиза безпокойно, почти испуганно глядитъ на отца, сдвинувъ свои тоненькія брови въ досадливой озабоченности.

— Какая литературная работа?!

— Такъ! Опять стоячая вода!—много, впрочемъ, мягче, чѣмъ на Володю, ворчитъ отецъ.—Стараешься внести хоть какую-нибудь живую струю въ мертвечину, въ убогую шаблонность вашей школьной учебы, а съ вашей стороны ни шагу, ни капли доброй воли... Не могу же я вѣчно тащить всѣхъ на буксирѣ! Пожалуйста, чтобы къ субботѣ сочиненіе было готово. Просмотримъ его вмѣстѣ, потолкуемъ...—прибавляетъ онъ совсѣмъ уже ласково.

Лиза припоминаетъ, что, дѣйствительно, съ мѣсяцъ тому назадъ отецъ задалъ ей сочиненіе: параллель между сестрами Лариными. Какъ отразились на каждой изъ нихъ недостатки тогдашняго женскаго воспитанія, предубѣжденія взглядовъ общества на женщину и т. д. Цѣлый вечеръ проговорилъ тогда, увлекая и ее потокомъ своихъ плавныхъ, красивыхъ и тонкихъ разсужденій. Но до Ольги ли и Татьяны ей теперь?!. Въ ушахъ у нея опять сухой стукъ сквозь толстыя, нѣмыя стѣны, одинъ поддерживающій духъ героевъ-мучениковъ—ихъ общеніемъ другъ съ другомъ. Ей кажется, что она чувствуетъ боль въ изуродованныхъ цынгою суставахъ, гложущую боль-тоску въ груди: по волѣ, по дѣлу, по дорогимъ людямъ: ребенку, невѣстѣ, матери... Лиза вдругъ рѣзко вскакиваетъ и убѣгаетъ, ни слова не говоря. Она не можетъ, не можетъ больше... Слезы, какъ кипятокъ, разливаются въ груди, текутъ безъ удержу на подушку, куда уткнувшись лицомъ, она плачетъ, всхлипывая, какъ маленькая, обиженная дѣвочка. О чемъ? Спроси ее,—она и сама сразу не отвѣтила бы. Такъ. Много, много разнаго, ужасъ, ужасъ какого...

— Надо бы Лизу опять повезти къ Сиротинину,—недовольнымъ тономъ говоритъ отецъ.—Она стала невозможно малокровна и нервна...

Лидія Николаевна и сама только что было подумала, что, не довольствуясь каплями и пилюлями домашняго врача, слѣдовало бы посовѣтоваться на счетъ Лизинаго здоровья

съ знаменитостью; но она не выноситъ чьего-либо вмѣшательства въ свои материнскія права и обязанности, особенно по отношенію къ дочерямъ. Тѣнь критики, напоминанія объ этихъ обязанностяхъ,—которыя она, по собственному убѣжденію, исполняетъ образцово,—вызываетъ ее на всегда готовый отпоръ:

— Пустяки,—авторитетно заявляетъ она,—растетъ дѣвочка. Выпишу ей мясного сока... Въ ея годы я была такая же худенькая, блѣдненькая. Боялись чахотки. А вотъ, слава Богу, пять человѣкъ дѣтей и...

Красивымъ движеніемъ своего сытаго, статнаго тѣла она тянется къ грушѣ звонка подъ лампою черезъ плечо мужа.

Тотъ не упускаетъ случая поцѣловать ея свѣжую, полную руку, задѣвшую его по щекѣ душистымъ кружевомъ рукава; но Лидія Николаевна дѣлаетъ притворно строгое лицо, не слишкомъ, впрочемъ, торопливо отклоняя проявленіе законной нѣжности.

— Надежда, — говоритъ она, кивая укоризненно въ сторону двери. Горничная немолодая, некрасивая, но очень приличная, въ большомъ бѣломъ передникѣ, съ плоской оборочкой на маковкѣ, не глядя на господъ, безшумно вошла, ставитъ въ буфетъ посуду, сметаетъ кривою щеточкой крошки со скатерти.

— Обратите вниманіе, Надежда, чтобъ завтра барину къ кофею былъ свѣжій калачъ. Вамъ опять сегодня подсунули сухарь какой-то. Если у нихъ нѣтъ, перемѣните булочную. Да пошлите ко мнѣ кухарку — записать счетъ, — распоряжается барыня, доставая изъ ящика длинную, переплетенную тетрадку.

— Надежда, подайте мнѣ въ кабинетъ сифонъ; а то вы опять забудете по вчерашнему, — приказываетъ, удаляясь заниматься въ кабинетъ, баринъ.

Въ гостиной онъ натыкается на торчащія изъ-подъ дивана Петины ноги, отбивающія тактъ:

„Вставай, поднимайся, р-р-рабочій народъ“!

— Петя, да скоро же ты сядешь за уроки? Вѣдь уже десятый часъ.

— Я катушки подбираю,— отзывается невозмутимо Петя подъ диваномъ и тянетъ себѣ дальше, по возможности басомъ:

„Голодай, чтобъ они пир-р-ровали“...

— Чортъ знаетъ что!—шипитъ сквозь зубы выведенный изъ терпѣнія отецъ, сердито запираясь у себя въ кабинетѣ. А изъ столовой мать нетерпѣливо кричитъ:

— Петя, дрянной мальчишка, навѣрное ты опять утащилъ карандашъ отъ кухонной книжки. Выдвижной, съ колечкомъ. Я его нарочно ленточкой привязала еще... все таки...

— Да я, мамочка, только на минутку взялъ. Записать.

— Ступай, сейчасъ же принеси. Сказано разъ навсегда: не смѣй трогать. Развѣ у тебя нѣтъ карандаша?

— У самой ихъ цѣлая куча, — ворчитъ себѣ подъ носъ Петя, вылѣзая изъ-подъ дивана.—Точно не можетъ другимъ записать. Подавай ей непремѣнно этотъ. А гдѣ его возьмешь, когда онъ еще въ гимназіи потерялся? Всегда ужъ карандаши теряются въ гимназіи.

Взъерошенный, весь вываленный въ пыли, бредетъ Петя,— ничего не подѣлаешь, — садиться за уроки... Но на половинѣ корридора, вдругъ, встряхнувшись всѣмъ тѣломъ, какъ мокрая собаченка, руки въ карманахъ, онъ лихо затягиваетъ:

„У студента подъ конторкой
Нашли баночку съ касторкой,
И поставили на видъ,
Будто найденъ динамитъ.

Т. Б.

Новѣйшій источникъ коммунальныхъ и государственныхъ доходовъ.

(„Обложеніе незаслуженнаго прироста").

Въ 20-хъ годахъ XIX вѣка крестьянинъ Киліанъ пріобрѣлъ въ Шенебергѣ, находящемся подъ Берлиномъ, картофельное поле за 2.700 талеровъ. Въ 70-хъ годахъ это самое поле было продано въ качествѣ участка, предназначеннаго для застройки, за 6.000.000 марокъ. Разница между покупной и продажной цѣной составила такимъ образомъ 5.991.900 марокъ. Эти пять милліоновъ девятьсотъ тысячъ марокъ Киліанъ въ всякомъ случаѣ не заработалъ ни своимъ трудомъ, ни своей предпріимчивостью. Не менѣе извѣстенъ другой крестьянинъ, которому по близости отъ Берлина принадлежалъ участокъ земли въ 8 моргеновъ. Онъ желалъ продать эту землю за 50 тысячъ марокъ, но не могъ найти покупателя. Однако, нѣсколько лѣтъ спустя, когда по близости былъ устроенъ полустанокъ желѣзной дороги, образовалось общество, которое пріобрѣло у него участокъ, съ той только разницей, что теперь уже уплачено было за ту же землю не 50 тысячъ марокъ, а милліонъ триста тысячъ. Любопытный примѣръ огромнаго возростанія цѣнности земельныхъ участковъ представляетъ собою домъ, который принадлежалъ когда-то Гумбольдту въ Берлинѣ. Цѣнность его составляла въ 1746 году 4$^1/_2$ тысячъ талеровъ; полъ-вѣка спустя, онъ былъ проданъ за 35 тысячъ талеровъ, т. е. въ восемь разъ дороже; въ 1863 г. онъ былъ снова проданъ за 92 тыс. талер., а въ 1875 г. за 140 тыс. талер. По сравненію съ цѣной 1746 г., онъ былъ проданъ въ 1875 г. въ 32 раза дороже; приростъ цѣнности составлялъ за это время 3.218 процентовъ *).

Такихъ примѣровъ можно было бы привести безконечное число. «Въ каждомъ развивающемся городѣ, на каждой улицѣ—говоритъ Кумпманъ—можно было бы ихъ констатировать» **). «За немно-

---

*) Damaschke. Anfgaben der Gemeindepolitik. 1904. p. 106 и сл.

**) Kumpmann. Die Wertzuwachssteuer. 1907. p. 5.

гими исключеніями каждый нѣмецъ—по словамъ Дамашке—могъ бы, на основаніи собственныхъ свѣдѣній, сообщить факты этого рода» *).

Вездѣ и повсюду мы наблюдаемъ однородныя явленія. Дома, сохранившіе тѣ же размѣры, не подвергнутые сколько-нибудь значительнымъ перестройкамъ, обнаруживаютъ все же правильное и весьма быстрое возростаніе въ цѣнности. Земельные участки, являющіеся незастроенными пустырями, пріобрѣтаютъ изъ года въ годъ повышенную цѣнность.

Въ современномъ хозяйственномъ строѣ не трудно найти различныя категоріи доходовъ совершенно несправедливыхъ, случайно, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ удачно сложившихся обстоятельствъ, поступающихъ въ пользу даннаго лица или группы лицъ. Но едва ли несправедливость пріобрѣтенія выступаетъ гдѣ-либо столь ярко, столь рѣзко наружу, какъ въ приведенныхъ случаяхъ, появляется въ столь чистомъ видѣ, безъ всякихъ прикрасъ и примѣсей. Александръ Мейеръ еще полъ-вѣка тому назадъ обратилъ вниманіе на постоянный приростъ цѣнности городскихъ недвижимостей. «Что же сдѣлалъ владѣлецъ—спрашиваетъ онъ—для увеличенія цѣнности своего имущества? Рѣшительно ничего. За то сотни тысячъ трудолюбивыхъ людей поселились въ этой мѣстности; они работаютъ и потребляютъ, покупаютъ и продаютъ и ведутъ борьбу изъ-за каждаго клочка земли... Безъ всякаго содѣйствія со стороны владѣльца, безъ затраты труда, безъ издержекъ, доходность земли достигла стократнаго размѣра того, что та же земля доставляла бы въ качествѣ сада при тщательной и прилежной обработкѣ»**).

Ростъ поземельной ренты не есть явленіе случайное; онъ находится въ тѣснѣйшей связи съ общимъ характеромъ современнаго экономическаго развитія. Увеличеніе населенія, отливъ населенія изъ деревень въ города, подъ вліяніемъ развитія промышленности, городского благоустройства и городской культуры, — всѣ эти и многія другія явленія имѣли своимъ необходимымъ послѣдствіемъ возростаніе земельной ренты. Тамъ, гдѣ прежде (въ 1870 году) жило 40 милліоновъ населенія, теперь должно помѣщаться 65 милліоновъ (какъ въ Германіи); гдѣ раньше были мирные города съ небольшимъ населеніемъ, покрытые на половину садами и огородами, теперь возникли крупные фабричные центры, насчитывающіе сто и болѣе тысячъ жителей. Все это населеніе должно же гдѣ-нибудь жить, оно нуждается въ квартирахъ, оно увеличиваетъ спросъ на жилые дома и квартиры. Удивительно ли при такихъ условіяхъ, что цѣны на квартиры возростаютъ, что ростетъ цѣнность домовъ, земельная рента домовладѣльца? Ростетъ она постоянно; мы не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда по-

*) Damaschke. Zum Kampfe um die Reichs-Zuwachssteuer. 1910. p. 3.
**) Meyer. Preussische Iahrbücher. 1866. p. 170.

стройка въ данной мѣстности вокзала, прокладка новой улицы, сооруженіе моста или иной исключительный фактъ подобнаго рода сразу взвинчиваетъ цѣнность земель опредѣленнаго района. Нѣтъ, рѣчь идетъ объ обычномъ ростѣ населенія, о расширеніи городской площади, застройкѣ улицъ, устройствѣ водопровода, канализаціи. Уже эти явленія и мѣропріятія вызываютъ обычное, изъ года въ годъ повторяющееся, прерываемое лишь временнымъ обратнымъ движеніемъ, возростаніе цѣнности земель. Въ Галле цѣна недвижимостей, не подвергавшихся значительнымъ измѣненіямъ, возросла съ 1830/39 гг. по 1890/95 гг. въ среднемъ на 744 проц. Въ Баденѣ цѣнность пустырей повысилась за послѣдніе 50 лѣтъ въ небольшихъ городахъ въ среднемъ на 54 проц., въ болѣе крупныхъ городахъ на 89 проц., въ большихъ центрахъ въ среднемъ на 743 проц., въ отдѣльныхъ случаяхъ на 1000 проц. и болѣе. Въ Саксоніи, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, за одно лишь десятилѣтіе 1889—1899 гг. возростаніе цѣнности земли составляло въ различныхъ общинахъ отъ 100—300 до 1000—1200 проц.

Точное представленіе о размѣрахъ незаслуженнаго прироста, совершившагося въ цѣнности самой земли, независимо отъ увеличенія цѣнности построенныхъ зданій, мы получаемъ, сравнивая стоимость застроенныхъ участковъ со стоимостью зданій за тѣ же годы. Тогда оказывается, что въ Лондонѣ цѣнность застроенныхъ участковъ за 25-лѣтній періодъ 1870—1895 гг. увеличилась съ 22 до 41 милл. ф. стерл., т. е. на 19 милл.; изъ нихъ $11^1/_2$ милл. приходится на долю новыхъ строеній, а $7^1/_2$ милл. ф. стерл. на участки съ неизмѣнившимися постройками, слѣдовательно $7^1/_2$ милліоновъ фунтовъ ст. и составляютъ незаслуженный приростъ. Въ отношеніи Берлина мы можемъ сравнить сумму, въ которую были оцѣнены строенія при страхованіи отъ огня въ 1870 и 1890 гг.: эта сумма составляла 900 милл. мар. и 2,8 милліардовъ марокъ, т. е. благодаря новымъ постройкамъ и перестройкамъ, цѣнность зданій возросла на 2 милліарда мар., цѣнность же застроенныхъ участковъ за это время поднялась съ $1^1/_2$ милліардовъ почти до 5 милліардовъ (4,8 милліард.), т. е. почти на $3^1/_2$ милліарда *).

Но если общественныя условія доставляютъ собственнику все болѣе и болѣе возрастающую ренту, если рента эта есть продуктъ не его дѣятельности, а дѣятельности общества,—то тѣ же общественныя условія вызываютъ постоянное возростаніе расходовъ муниципальныхъ союзовъ и государства.

Извѣстный знатокъ вопросовъ коммунальнаго самоуправленія, Гуго, даетъ, въ примѣненіи къ Англіи, яркую картину дѣятельности городовъ, дѣятельности, на выполненіе которой необходимы, конечно, огромнѣйшія средства. «Городъ—говоритъ Гуго—доставляетъ своимъ жителямъ чистую воду, освѣщаетъ содержащіяся въ чи-

*) Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. II. 242—45.

стотѣ и порядкѣ улицы, освѣщаетъ и дома жителей. Онъ отопляетъ газовую кухню городского жителя, приводитъ въ движеніе его подъемную машину и снабжаетъ его телефономъ. Онъ возитъ его по улицамъ къ городской ратушѣ, гдѣ гражданинъ принимаетъ участіе въ городскихъ дѣлахъ, въ городскую купальню, въ городскую картинную галлерею, въ городскіе парки; онъ даже стираетъ его бѣлье. Если у него есть дѣти, то городъ заботится объ ихъ образованіи. Если онъ заболѣваетъ заразительной болѣзнью, городъ помѣщаетъ его въ свою больницу, дезинфицируетъ его жилище, платье и домашнюю обстановку и даетъ его семьѣ пріютъ въ своихъ собственныхъ зданіяхъ на время эпидеміи. Когда онъ умираетъ, городъ хоронитъ его на городскомъ кладбищѣ и воздвигаетъ, по указанію оставшихся послѣ него родныхъ, или простой крестъ или великолѣпный памятникъ. Со дня рожденія и до самой смерти гражданинъ окруженъ заботливою дѣятельностью города».

На выполненіе всѣхъ этихъ многочисленныхъ задачъ не хватаетъ обычныхъ источниковъ городскихъ доходовъ; налоги приходится увеличивать изъ года въ годъ. Такъ, напр., въ Пруссіи среди городовъ съ населеніемъ свыше 10 тысячъ жителей въ 1895 г. всего 30 проц. взимало надбавку къ государственному подоходному налогу на городскія нужды въ размѣрѣ 150 и болѣе процентовъ (государственнаго оклада); всѣ остальные города устанавливали надбавку въ меньшихъ размѣрахъ. Напротивъ, въ 1909 году уже огромное большинство городовъ, именно 85 проц. всѣхъ городовъ, вынуждены были повысить надбавку къ государственному подоходному налогу до 150 и болѣе проц. Менѣе 100 проц. надбавки имѣютъ въ настоящее время всего 11 изъ 267 городовъ (т. е. всего 4 проц.) съ населеніемъ свыше 10 тыс. жителей. Если мы возьмемъ общій ростъ налоговъ за продолжительный періодъ, то увидимъ, что съ 1869 г. по 1899 г., т. е. за тридцатилѣтній періодъ, бремя коммунальныхъ налоговъ (какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ) на душу населенія возросло въ прусскихъ городахъ на 208 проц., именно, съ $6^1/_2$ до 20 марокъ. За 23 года (1876—1899) обложеніе увеличилось вдвое: въ 1876 г. на душу населенія приходилось $9^1/_2$ марокъ коммунальныхъ налоговъ, въ 1899 г.—почти 20 марокъ. Точно также и въ Англіи мѣстные налоги составляли въ 1892—93 г. 20 шилл. на душу населенія, а десять лѣтъ спустя, въ 1902—03 г. достигли уже 30 шилл., т. е. за одно лишь десятилѣтіе обложеніе возросло въ полтора раза, составляя еще большее бремя на душу населенія, чѣмъ въ Пруссіи. Особенно велики мѣстные налоги въ Лондонѣ: въ 1902—03 г. они равнялись 60 шилл. на душу населенія, т. е. были вдвое выше, чѣмъ въ странѣ вообще *).

При такихъ условіяхъ наиболѣе правильнымъ является обло-

*) Kaufmann. Kommunalfinanzen. B. II, p. 166, 357—8.

женіе того несправедливаго, незаслуженнаго владѣльцемъ конъюнктуральнаго прироста, который совершается въ цѣнности земельныхъ участковъ. Въ поискахъ за новыми источниками доходовъ города, а затѣмъ и государство не могли не обратить вниманія на этотъ новый объектъ обложенія. Вѣдь здѣсь рѣчь идетъ о немногихъ, наиболѣе платежеспособныхъ, элементахъ населенія, о лицахъ, имущество и доходъ которыхъ постоянно растетъ, рѣчь идетъ о приростѣ цѣнности земель, по справедливости принадлежащемъ не собственникамъ, а всему обществу. Такимъ образомъ, новый налогъ на приростъ цѣнности недвижимостей, unearned increment, покоится на двухъ основныхъ моментахъ: на томъ, во 1-хъ, что этотъ приростъ вызванъ не личной дѣятельностью владѣльца земли въ той или иной формѣ, а общественными условіями, и на томъ, во 2-хъ, что муниципальные союзы и государство, въ виду роста ихъ расходовъ, нуждаются въ новыхъ источникахъ доходовъ. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ справедливѣе обложенія этого прироста? Онъ является результатомъ дѣятельности общества; слѣдовательно, долженъ возвратиться къ обществу, къ населенію, которое его создало. Онъ сопряженъ съ большими расходами для города и государства, безъ этихъ расходовъ не мыслимъ, является результатомъ ихъ; очевидно, онъ и долженъ прежде всего идти на покрытіе этихъ расходовъ.

II.

Идея обложенія прироста цѣнности земли, прироста поземельной ренты находится въ связи съ ученіемъ Рикардо о земельной рентѣ. Земли, наименѣе плодородныя и наименѣе удобно расположенныя, но все же необходимыя еще для прокормленія населенія, ренты, согласно этому ученію, не доставляютъ. Напротивъ, на земляхъ лучшаго качества получается рента, такъ какъ владѣльцы этихъ земель продаютъ хлѣбъ по той же цѣнѣ, какъ и владѣльцы тѣхъ участковъ, гдѣ, въ силу меньшаго плодородія или худшаго расположенія земли, издержки производства болѣе высоки, Съ возростаніемъ населенія приходится приступать къ воздѣлыванію участковъ, стоящихъ все ниже и ниже въ отношеніи плодородія и расположенія; это возможно лишь при увеличивающейся цѣнѣ на хлѣбъ. Такимъ образомъ, по ученію Рикардо, интересы землевладѣльца оказываются противоположными интересамъ прочихъ классовъ населенія. Всякое увеличеніе цѣнъ на хлѣбъ, столь невыгодное для другихъ классовъ населенія, обозначаетъ ростъ земельной ренты, ростъ, — происходящій исключительно въ силу соціальныхъ условій; землевладѣльцы пользуются нетрудовымъ

доходомъ, который является послѣдствіемъ ограниченности лучшихъ участковъ земли *).

Уже современники Рикардо чувствовали, что его теорія земельной ренты, хотя онъ самъ изъ нея никакихъ выводовъ соціальнаго свойства не дѣлалъ, по своему духу враждебна землевладѣльцамъ, что она весьма не выгодна для лэндлордовъ. Она изображаетъ ренту въ видѣ своего рода вампира, который постоянно захватываетъ все большую и большую часть національнаго продукта. Возраженія различныхъ экономистовъ, въ особенности Кэри и Бастіа, противъ ученія Рикардо о рентѣ объясняются въ значительной мѣрѣ желаніемъ доказать, что рента вовсе не есть несправедливый видъ дохода, не есть обогащеніе землевладѣльца за счетъ другихъ слоевъ населенія.

Не трудно понять, почему землевладѣльческому классу понадобилась защита. Уже представители классической школы, послѣдователи Рикардо, сдѣлали изъ ученія о поземельной рентѣ тотъ выводъ, что приростъ земельной ренты подлежитъ спеціальному обложенію. Милль-отецъ, писавшій въ 1821 г., т. е. всего нѣсколько лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ «Началъ политической экономіи и налоговъ» Рикардо, говоритъ: «постоянный приростъ въ цѣнности, вытекающій изъ общественныхъ условій, а вовсе не изъ обстоятельствъ, въ созданіи которыхъ принимали участіе сами землевладѣльцы, повидимому, особенно пригоденъ для того, чтобы служить нуждамъ государства». Опредѣленнѣе высказалъ ту же мысль сынъ его, извѣстный Джонъ Стюартъ Милль, въ 1848 году въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи». «Экономическій прогрессъ націи, богатство которой возростаетъ,—говоритъ онъ—приводитъ необходимо къ увеличенію дохода землевладѣльцевъ и не только увеличиваетъ размѣры послѣдняго, но и доставляетъ имъ болѣе значительную часть, по сравненію съ другими доходами, независимо отъ какихъ-либо расходовъ или усилій съ ихъ стороны. Они богатѣютъ какъ бы во снѣ, нисколько не трудясь, ничѣмъ не рискуя, ничего не затрачивая. Какое же право они имѣютъ, если исходить изъ общихъ основаній соціальной справедливости, на этотъ приростъ имущества? Развѣ было бы несправедливо по отношенію къ нимъ, если бы общество съ самаго начала сохранило за собою право облагать этотъ автоматически совершающійся приростъ соотвѣтственно потребностямъ государства?.. Первый шагъ долженъ былъ бы заключаться въ оцѣнкѣ всей земельной собственности; нынѣшняя цѣнность ея не должна подлежать налогу; но по истеченіи извѣстнаго времени, въ теченіе котораго населеніе и капиталъ успѣли вырости, можно было бы установить размѣръ увеличенія ренты со времени той оцѣнки. Средняя цѣна продуктовъ

*) См. о теоріи Рикардо мою статью въ „Русскомъ Богатствѣ", 1904 г., № 7, „Историческія основы ученія Рикардо о поземельной рентѣ".

являлась бы правильнымъ указаніемъ; если она возросла, то безусловно можно было бы заключить, что рента увеличилась, притомъ въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, нежели возросла цѣна. На основаніи этого и иныхъ признаковъ представлялось бы возможнымъ приблизительно опредѣлить, насколько земельные участки возросли въ цѣнности въ силу естественныхъ условій, и если бы соотвѣтственно этому былъ установленъ поземельный налогъ, который, въ виду возможныхъ неточностей въ оцѣнкѣ, долженъ былъ бы быть значительно ниже выяснившагося прироста, то можно было бы съ увѣренностью сказать, что не затронуто то увеличеніе земельнаго дохода, которое вызвано лучшимъ веденіемъ хозяйства или затратами капитала со стороны собственника» *).

Дж. Ст. Милль, слѣдовательно, признавалъ вполнѣ возможнымъ установленіе поземельной подати на происходящій независимо отъ дѣятельности землевладѣльца приростъ цѣнности земли, «unearned increment», незаслуженный приростъ, какъ онъ его назвалъ. Налогъ долженъ устанавливаться на основаніи періодически выясняемыхъ размѣровъ прироста. Въ 1870 г. Миллемъ было создано «Общество земельной реформы» (Land tenure reform association); четвертый параграфъ программы этой ассоціаціи гласилъ: «государство должно путемъ налога потребовать обратно возростающій приростъ цѣнности земли, поскольку его можно установить, или, по крайней мѣрѣ, значительную часть этого прироста, ибо онъ является естественнымъ послѣдствіемъ увеличенія населенія и богатства, независимо отъ какого бы то ни было участія землевладѣльца; однако же послѣднему должно быть предоставлено право передать свою землю государству по цѣнѣ, существующей въ то время, когда это постановленіе становится закономъ» **).

Одновременно мысль о возможности обложенія прироста цѣнности земли возникла и въ Германіи. Уже въ 1872 г., при обсужденіи жилищнаго вопроса на конгрессѣ въ Эйзенахѣ, Адольфъ Вагнеръ указалъ на необходимость болѣе раціональнаго обложенія городской земельной собственности, въ видахъ борьбы съ квартирной нуждой. Съ одной стороны, пустыри должны облагаться столь высокимъ налогомъ, чтобы у собственниковъ пропала всякая охота оставлять ихъ ради спекуляціи въ теченіе многихъ лѣтъ незастроенными. А въ то же время необходимо привлечь къ обложенію тотъ незаслуженный выигрышъ, который получаютъ собственники, вслѣдствіе счастливаго стеченія обстоятельствъ. При ежегодномъ обложеніи зданій подомовымъ налогомъ необходимо прогрессивно облагать возростаніе ихъ въ доходности, которое происходитъ отъ коньюнктуры, а не отъ новыхъ затратъ капитала. И точно также при продажѣ пустырей и строеній налогъ съ продажной цѣны дол-

*) J. St. Mill. Principles of political economy. B. V. Chap. II. § 5.
**) Diehl. Bodenbesitzreform. Handwört. der Staatswiss. 3 Aufl. B. III. p. 98.

женъ взиматься такимъ образомъ, чтобы особенно сильно облагалась та часть цѣны, которая, въ силу коньюнктуры, прибавилась къ покупной цѣнѣ, уплоченной въ свое время при пріобрѣтеніи недвижимости нынѣшнимъ ея продавцомъ *).

Джонъ Стюартъ Милль является въ сущности отцомъ идеи объ обложеніи незаслуженнаго прироста. Онъ впервые точно и опредѣленно формулировалъ эту мысль; онъ указалъ на возможность захватить незаслуженный приростъ путемъ сравненія цѣнности земель въ различныя эпохи, при чемъ старался не затрагивать прироста, вызваннаго дѣятельностью и расходами владѣльца. Вагнеръ, какъ видно изъ приведеннаго, дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ. Онъ подчеркиваетъ огромное значеніе обложенія незаслуженнаго прироста для уменьшенія жилищной нужды. Далѣе, онъ ясно указываетъ на то, что не весь приростъ, а лишь извѣстная часть его должна поступать въ пользу общества. Наконецъ, онъ намѣчаетъ различные способы обложенія.

Но еще долго основное положеніе о необходимости привлеченія къ обложенію вызваннаго коньюнктурой прироста цѣнности недвижимостей не находило себѣ признанія въ обществѣ. Когда пять лѣтъ спустя, въ 1877 г., на конгрессѣ «Союза соціальной политики» обсуждались проблемы коммунальнаго обложенія, Адольфъ Вагнеръ снова затронулъ въ своемъ докладѣ вопросъ о незаслуженномъ приростѣ цѣнности. «Въ качествѣ третьяго пункта,—говоритъ Вагнеръ въ этомъ докладѣ—я позволилъ себѣ выставить тезисъ, который, вѣроятно, вызоветъ больше всего возраженій, но который я, придерживаясь своихъ основныхъ принциповъ, не могъ исключить, хотя и предвижу, что онъ встрѣтитъ оппозицію и, вѣроятно, не будетъ принятъ конгрессомъ. Но во всякомъ случаѣ я смогу тогда сказать: dixi et salvavi animam meam! Я полагаю, что въ особенности въ городахъ возникаетъ значительный приростъ цѣнности, который не облагается никакими податями или сборами, приростъ цѣнности, покоящійся на общемъ развитіи государства и города, но поступающій въ пользу отдѣльныхъ лицъ. Таковъ въ особенности приростъ цѣнности земельной собственности, вытекающій изъ благопріятной конъюнктуры. Обложеніе этого прироста является необходимымъ требованіемъ податной и соціальной справедливости и вытекаетъ изъ того положенія, что обложеніе должно находиться въ соотвѣтствіи съ выгодами, извлекаемыми каждымъ изъ дѣятельности общины; да этотъ приростъ и гораздо легче привлечь къ обложенію, чѣмъ какой-либо иной доходъ, путемъ налоговъ, взимаемыхъ при отчужденіи имущества или при переходѣ ихъ по наслѣдству» *).

Другіе ораторы раздѣляли—какъ они указывали—антипатію

*) См. Гензель. Новый видъ мѣстныхъ налоговъ. 1902. Стр. 78.
**) Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. XIV. 1878. p. 16, 23.

Вагнера къ тѣмъ собственникамъ городскихъ недвижимостей, которые, съ наплывомъ населенія изъ деревень въ города, обогащаются, продавая свою выгодно расположенную землю по сильно взвинченнымъ цѣнамъ. Но въ то же время они не считали возможнымъ подвергать этихъ собственниковъ специальному обложенію *). Даже берлинскій профессоръ Гельдъ, весьма близко стоявшій къ Вагнеру въ соціальномъ вопросѣ и другихъ областяхъ, возражалъ противъ этого предложенія, внесеннаго Вагнеромъ. Онъ находилъ, что нѣтъ возможности рѣшить, какіе доходы являются заслуженными, справедливыми и какіе нѣтъ. Рядомъ съ конъюнктуральнымъ приростомъ въ области земельной собственности существуютъ и огромные случайные доходы въ другихъ сферахъ дѣятельности, напр., въ торговлѣ; но ихъ никто не предлагаетъ облагать спеціальной податью по той простой причинѣ, что это неосуществимо. Вообще, по мнѣнію Гельда, «поскольку существуютъ такіе доходы, которые оскорбляютъ наше нравственное чувство, поскольку люди, не приносящіе никакой пользы, а скорѣе даже вредъ, посредствомъ такихъ доходовъ достигаютъ высокаго положенія,—съ этими явленіями можетъ бороться лишь общественное мнѣнію, но никакъ не тотъ или другой налогъ» *).

Вагнеръ возражалъ противъ этого, указывая на то, что нельзя же сваливать въ одну кучу случайную крупную прибыль, выручаемую, напр., торговцемъ при продажѣ лошадей, съ нормальнымъ ростомъ цѣнности земельныхъ участковъ. Цѣна земли и цѣна движимыхъ вещей устанавливается на основаніи совершенно различныхъ экономическихъ законовъ. Въ отношеніи движимостей мы не наблюдаемъ той постоянной тенденціи къ возростанію цѣнности, подъ вліяніемъ развитія народнаго, въ особенности же городского хозяйства, какое является характернымъ для цѣнности земельной собственности. Вагнеръ подчеркивалъ то обстоятельство, что его «требованіе относительно обложенія прироста цѣнности земель является вовсе не моральнымъ, какъ полагаетъ Гельдъ, а экономическимъ постулатомъ, вытекающимъ, впрочемъ, изъ непріятнаго для многихъ принципіальнаго анализа экономическихъ проблемъ» *).

Тѣмъ не менѣе то, чего ожидалъ Вагнеръ и чего онъ опасался, дѣйствительно произошло: это положеніе было исключено изъ числа тезисовъ, принятыхъ конгрессомъ.

Какъ мы видимъ, въ Германіи вопросъ уже перенесенъ на другую почву. Проблема заключается не въ передачѣ государству цѣликомъ или отчасти ренты вообще, въ особенности ренты съ воздѣлываемыхъ участковъ. Нѣтъ, вопросъ идетъ теперь уже только о городскихъ земляхъ, застроенныхъ домами или лежащихъ пока

*) Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. XIV, p. 82.
**) Тамъ же, p. 88.
***) Тамъ же, p. 100.

пустыми, но предназначенныхъ не для обработки, а для застройки. Эта новая точка зрѣнія особенно ярко выступаетъ наружу въ дѣятельности «Союза земельной реформы» (Bund Deutscher Bodenreformer). Союзъ этотъ проводитъ рѣзкую границу между аграрной рентой и городской рентой, и вся его агитація направлена на борьбу съ городской рентой, тогда какъ на ренту сельскихъ хозяевъ не обращается почти никакого вниманія. Многіе изъ членовъ »Союза», какъ, напр., Фреезе, Адольфъ Вагнеръ, признаютъ необходимымъ постепенную «коммунализацію» городской земельной собственности, т. е. превращеніе частной собственности въ собственность городовъ. Этимъ путемъ достигалась бы вполнѣ передача обществу прироста земельной ренты, исчезла бы спекуляція на городскую землю, устранена была бы жилищная нужда. Они считаютъ эту цѣль вполнѣ достижимой, хотя и не сразу, а лишь шагъ за шагомъ, не безъ сильной борьбы, причемъ обложеніе прироста цѣнности городскихъ земель является однимъ изъ этаповъ на пути къ этой конечной цѣли. Другіе члены «Союза земельной реформы», однако, отказываются отъ коммунализаціи или муниципализаціи городскихъ земель, опасаясь, что въ этомъ случаѣ въ рукахъ городскихъ управленій сосредоточится чрезмѣрная сила и власть, что широкіе круги населенія будутъ находиться въ большой зависимости отъ настроенія, господствующаго въ данное время въ городской ратушѣ. Въ виду этого «Союзъ» въ своей программѣ ограничивается немногими положеніями, осуществленіе которыхъ должно улучшить жилищныя условія населенія и прекратить «злоупотребленіе землей». Особенно сильно «Союзъ» агитируетъ за обложеніе городской земли по цѣнности ея, а не по доходности, и за спеціальное обложеніе прироста цѣнности земли. Обложеніе земли по цѣнности (nach gemeinem Wert) дастъ возможность взимать налогъ съ городскихъ пустырей, имѣющихъ нерѣдко весьма высокую цѣнность, но не приносящихъ дохода. Налогъ на приростъ цѣнности земли, Wertzuwachssteuer, долженъ передать обществу «unearned increment» или, по крайней мѣрѣ, значительную часть его.

Это игнорированіе аграрной ренты, сосредоточеніе всего вниманія на борьбѣ съ одной лишь рентой городскихъ земель находится въ тѣсной связи съ перемѣной, совершившейся въ хозяйственной жизни. Не въ одной только Германіи, но и въ Англіи и въ другихъ странахъ идеи Генри Джорджа должны были потерять многихъ сторонниковъ съ наступленіемъ такъ называемаго аграрнаго кризиса въ Европѣ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ. Когда выяснилось, что земельная рента сельскихъ хозяевъ не только не продолжаетъ возрастать, а, напротивъ, падаетъ весьма сильно, когда оказалось, что ученіе Рикардо о ростѣ земельной ренты съ увеличеніемъ населенія непримѣнимо уже къ новой эпохѣ,—тогда, очевидно, приходилось отказаться отъ борьбы съ незаслуженнымъ при-

ростомъ въ цѣнности воздѣлываемыхъ земель. Цѣна квартера пшеницы (480 фунтовъ) на лондонскомъ рынкѣ понизилась за двадцатилѣтній періодъ (съ половины 70-хъ до половины 90-хъ годовъ) вдвое — съ 54 шилл. 8 пенс. въ 1871 — 75 годахъ до 28 шилл. въ 1891 — 1895 годахъ. «Въ 1884 году средняя годовая цѣна пшеницы впервые падаетъ ниже 40 шилл. за квартеръ и съ этого знаменательнаго года уже ни разу не достигаетъ прежняго уровня; минимумъ предыдущихъ 32 лѣтъ (всего періода отъ 1852 до 1883 г.) становится недосягаемымъ максимумомъ всего послѣдующаго времени; съ 1893 г. цѣна падаетъ ниже 30 шилл. и весь слѣдующій періодъ до 1905 г. характеризуется рѣшительнымъ господствомъ цѣнъ ниже 30 шилл. за квартеръ» *). При такихъ условіяхъ англійская пшеница, стоимость производства которой равняется 37 шилл., уже съ половины 80-хъ годовъ, а тѣмъ болѣе въ 90-хъ годахъ не можетъ не приносить англійскому фермеру одинъ лишь убытокъ, притомъ убытокъ весьма крупный. Среднее пониженіе ренты за періодъ 1879 — 1894 гг. составляло для 16 пахотныхъ графствъ и округовъ, по А. В. Зотову, 43,5 проц., а для 18 пастбищныхъ графствъ и округовъ—21,4 проц. Особенно велико было паденіе ренты во всей сѣверо-восточной части Англіи, гдѣ оно составило за этотъ періодъ отъ 30 до 50 и болѣе проц. **).

И въ Германіи въ 80-хъ и 90-хъ годахъ земельная рента понизилась. Правда, паденіе ея было не столь значительно, какъ нерѣдко утверждаютъ, но все же извѣстное пониженіе обнаружилось. Такъ, въ Баденѣ арендная плата за гектаръ пахотной земли сократилась съ 96 мар. въ 1879 г. до 85 мар. въ 1890 г.; арендная плата на прусскихъ доменахъ составляла въ 1889 г. 39,10 мар. съ гектара, въ 1899 г. 36, 18 мар. Наиболѣе пострадали отъ аграрнаго кризиса крупные землевладѣльцы, какъ это видно изъ данныхъ о движеніи цѣнъ на землю въ Познани и Саксоніи; цѣнность небольшихъ и среднихъ имѣній почти не понизилась и даже повысилась, только цѣнность крупныхъ помѣстьевъ упала. Такимъ образомъ именно та земельная собственность, которая прежде всего имѣется въ виду при обложеніи незаслуженнаго прироста—крупныя владѣнія,—не обнаруживала въ 80-хъ и 90-хъ годахъ этого прироста; напротивъ, цѣнность крупныхъ помѣстьевъ и земельная рента крупныхъ помѣщиковъ въ эту эпоху понизилась ***).

Иное дѣло земельная собственность въ городахъ. Въ 1871 г. въ Германской имперіи жило въ городахъ всего 36 проц. населенія, т. е. немногимъ болѣе одной трети; 30 лѣтъ спустя—54

*) Зотовъ. Очерки землевладѣнія и земледѣлія въ современной Англіи. СПБ. 1909, стр. 1—2.

**) Зотовъ, ук. соч., стр. 54—56.

***) Conrad. Die Agrarzölle in der Zolltarifvorlage im Deutschen Reich. Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1902. B. 23, p. 158, 166—68.

проц., слѣдовательно, болѣе половины. Въ 1871 г. имѣлось всего 8 большихъ городовъ съ населеніемъ свыше 100 тысячъ жителей, въ 1900 г. число ихъ достигло 33; въ 1871 г. жители этихъ городовъ составляли 5 проц. всего населенія, 30 лѣтъ спустя—16 проц., т. е. ростъ населенія этихъ городовъ происходилъ втрое быстрѣе, чѣмъ увеличеніе населенія Германской имперіи вообще. Въ Англіи въ теченіе одного лишь десятилѣтія 1881—1891 г.г. городское населеніе возросло на 15 проц., деревенское же—всего на 3 проц.; уже въ половинѣ 90-хъ годовъ три четверти англійскаго населенія проживало въ городахъ *).

Мы уже указывали выше, каковы были послѣдствія этого явленія, какъ ростъ городского населенія отразился на цѣнности городскихъ недвижимостей, насколько велико было возростаніе стоимости земель въ городахъ подъ вліяніемъ увеличившейся интенсивности въ заселеніи городовъ. Теперь остановимся на другихъ послѣдствіяхъ того же явленія. Въ ростѣ квартирной платы выражается та выгода, которую извлекаютъ владѣльцы городскихъ недвижимостей изъ развитія городской жизни, но ею же опредѣляется степень «жилищнаго голода», размѣры квартирной нужды въ городахъ.

Такъ, въ Берлинѣ квартирная плата на душу населенія составляла въ 1870 г. 103 марки, а въ 1901 г.—195 марокъ,—увеличеніе огромное, падающее преимущественно на низшіе слои населенія. Берлинское населеніе въ настоящее время уплачиваетъ за квартиры ежегодно свыше 350 милліоновъ марокъ. Но что оно получаетъ за это? По даннымъ переписи домовъ 1900 года, 4086 квартиръ состояло изъ одной лишь кухни; въ нихъ ютилось 7759 чел., причемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ на такую квартиру приходилось до 12 душъ. Далѣе, въ 2419 квартирахъ съ населеніемъ въ 7412 чел. не имѣлось ни одного отопляемаго помѣщенія. Слѣдующую категорію составляютъ квартиры, которыя также еще не вполнѣ заслуживаютъ этого названія, ибо, кромѣ одной отопляемой комнаты, въ нихъ ничего не имѣется. А между тѣмъ такихъ помѣщеній имѣлось 33 тысячи съ 60 тысячнымъ населеніемъ. Нормальной квартирой берлинскаго рабочаго является, однако, одна комната съ кухней безъ необходимыхъ для самостоятельной квартиры принадлежностей. Въ эту группу входитъ около половины всѣхъ квартиръ—197 тыс., и въ нихъ проживаетъ почти половина берлинскаго населенія—727 тыс. человѣкъ. Такое помѣщеніе представляло бы собою уже человѣческое жилье, если бы въ немъ находила себѣ пріютъ и отдыхъ исключительно семья рабочаго. Но въ этихъ квартирахъ помѣщается огромное число жильцовъ и ночлежниковъ (т. е. получающихъ лишь кровать или уголъ на ночь). Плата же за квартиру, состоящую изъ комнаты и кухни, въ частяхъ города,

*) См. Sombart. Der moderne Kapitalismus, B. II, p. 178—79, 182.

не очень отдаленныхъ или съ хорошими сообщеніями съ городомъ, составляетъ 275—300 марокъ или въ $2^1/_2$ раза болѣе квартирной платы, существовавшей въ 1870 году. Этотъ расходъ на квартиру равняется 22—24 проц., т. е. четвертой части средняго дохода рабочей семьи. «Таковы ужасно печальные результаты тридцатилѣтняго господства земельной спекуляціи» *).

Не лучше жилищныя условія и въ другихъ городахъ. Въ Лейпцигѣ годовая плата за отопляемую комнату составляла въ 1867 г. 132 марки, а въ 1885 г. достигала 182 марокъ. Еще болѣе повысилась наемная плата за торговыя помѣщенія—за одно лишь пятилѣтіе 1880—1885 гг. съ 179 мар. до 319 мар. Въ Гамбургѣ изъ сдаваемыхъ внаймы въ 1873 г. 75 тысячъ квартиръ и иныхъ помѣщеній пятая часть стоила менѣе 150 марокъ; десять лѣтъ спустя, въ такую цѣну имѣлось всего 9 тысячъ квартиръ изъ 110 тыс., т. е. лишь $^1/_{12}$ всего числа **). Въ томъ же Гамбургѣ населеніе съ доходомъ въ 600—1200 марокъ затрачивало на квартиру: въ 1868 г. 19 проц. своего дохода, а въ 1892 г. уже 25 проц. ***)

При столь высокой квартирной платѣ, при постоянномъ ростѣ ея, а, слѣдовательно, и земельной ренты въ городахъ, обложеніе прироста цѣнности недвижимостей въ городахъ является, очевидно, вполнѣ возможнымъ, безусловно справедливымъ налогомъ. Такое обложеніе, по словамъ Розвотера, «превращаетъ возростаніе цѣнности земли изъ незаслуженнаго въ заслуженное» ****). Но оно является не только возможнымъ; оно положительно необходимо въ видахъ борьбы съ жилищнымъ бѣдствіемъ. Населеніе имѣетъ всѣ основанія жаловаться, что «капиталы, затраченные на землю, начинаютъ приносить прогрессивно растущій доходъ, выплачиваемый квартирантами въ видѣ все повышающейся квартирной платы. Такимъ образомъ за тѣ удобства, какія даетъ городъ, квартиранты расплачиваются вдвойнѣ: разъ въ видѣ возросшихъ налоговъ, въ другой разъ въ видѣ повышенной квартирной платы» *****).

Заслуга нѣмецкихъ экономистовъ и общественныхъ дѣятелей въ вопросѣ объ обложеніи прироста цѣнности земель состоитъ въ томъ, что они привели его въ связь съ жилищной проблемой, поняли, что это обложеніе можетъ во многихъ отношеніяхъ содѣйствовать облегченію квартирной нужды. Они выяснили, что рядомъ съ финансовой стороной въ видѣ новаго источника дохода, доставляемаго обложеніемъ незаслуженнаго прироста, существуетъ и экономическая сторона—борьба со спекуляціей на городскія земли, приводящей къ столь печальнымъ послѣдствіямъ для рабочаго населенія. «Особенность спекуляціи состоитъ въ томъ, что она за-

*) Eberstadt. Das Wohnungswesen. 1904. p. 345—6.

**) Sombart, II, p. 240—41.

***) Herkner. Die Arbeiterfrage. 5 Aufl. 1908. p. 38.

****) Цит. у Гензеля. Новый видъ мѣстныхъ налоговъ. **Стр. 170.**

*****) Тамъ-же, стр. 143.

бѣгаетъ впередъ; разсчитывая уже въ настоящее время съ увѣренностью, что черезъ 20 лѣтъ увеличится населеніе большихъ городовъ, она скупаетъ еще незастроенные участки и выжидаетъ. Потребность въ землѣ растетъ, но она все-таки ждетъ. Квартирная плата въ центрѣ города повышается и вытѣсняетъ населеніе на окраины, она по прежнему ждетъ. Государство строитъ пути сообщенія, соединяющіе центръ съ отдаленными частями города; спекуляція привѣтствуетъ это дальнѣйшимъ повышеніемъ своихъ требованій. Муниципалитетъ проводитъ канализацію, сооружаетъ мостовыя; спекуляція увеличиваетъ свои претензіи. Она все ждетъ и ждетъ, и, чѣмъ дольше это продолжается, тѣмъ крупнѣе въ результатѣ прибыль» *).

По вопросу о вліяніи спекуляціи въ этомъ отношеніи нѣтъ двухъ мнѣній, всѣ признаютъ, что подъ ея вліяніемъ возростаніе квартирной платы отановится винтомъ, не имѣющимъ конца. «Подобно губкѣ, спекуляція впитываетъ въ себя всякое улучшеніе въ матеріальномъ положеніи квартиронанимателей, всякое возростаніе жалованья, заработной платы» **). Съ ней, съ этимъ «земельнымъ ростовщичествомъ, разъѣдающимъ организмъ, подобно раку»—слова Вагнера—необходима рѣшительная борьба ***). «Государство—говоритъ Оппенгеймеръ—должно каленымъ желѣзомъ выжечь растущій нарывъ въ видѣ спекуляціи на землю» ****). Введеніе налога на приростъ цѣнности земли является для этого подходящимъ средствомъ. Это обложеніе «если и не убьетъ дракона, столь опаснаго для народнаго благополучія, то все же—по мнѣнію Кеппе—вырветъ у него нѣсколько ядовитыхъ зубовъ» *****). Предсѣдатель «Союза земельной реформы», Дамашке настаиваетъ на планомѣрной борьбѣ за обложеніе прироста цѣнности, ибо «этимъ разрѣшается весь земельный вопросъ въ городахъ» ******).

III.

Осуществленіе на практикѣ мысли объ обложеніи незаслуженнаго прироста цѣнности земли произошло въ Германіи раньше, чѣмъ въ Англіи. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ различныхъ германскихъ государствахъ уже въ 70-хъ годахъ. И въ Баденѣ, и въ Вюртембергѣ обращено было вниманіе

---

*) Eschwege. Privilegiertes Spekulantentum. См. Jäger. Die Wohnungsfrage. B. II. 1903, p. 165.

**) Kumpmann. Die Wertzuwachssteuer, p. 48.

***) Wagner. Die finanzielle Mitbeteiligung der Gemeinden an kulturellen Staatseinrichtungen. 1904. p. 48.

****) Kumpmann, p. 48.

*****) Köppe. Die Zuwaehssteuer. 1906. p. 10.

******) Damaschke, p. 106. 110.

на то обстоятельство, что вызванныя современнымъ развитіемъ городской жизни мѣропріятія, вродѣ канализаціи, прокладки новыхъ улицъ, освѣщенія города, сооруженія мостовъ, приводятъ къ сильному и быстрому обогащенію владѣльцевъ прилегающихъ участковъ. Желательно не только утилизировать въ податныхъ цѣляхъ такое незаслуженное увеличеніе имущества отдѣльныхъ собственниковъ на счетъ прочаго населенія, но и доставить городамъ новый источникъ доходовъ для устройства новыхъ путей сообщенія и для дальнѣйшаго расширенія городской территоріи. Этими соображеніями мотивировалось предоставленное коммунальнымъ управленіямъ право устанавливать спеціальные сборы съ владѣльцевъ прилежащихъ участковъ, адъяцентовъ, на покрытіе части расходовъ по устройству или содержанію того или иного сооруженія (моста, новой улицы, канализаціи и т. д.), приносящаго имъ особую выгоду. Соотвѣтствующее постановленіе муниципалитета представляется на утвержденіе правительству *). И Пруссія въ 1875 году предоставила такое право общинамъ, однако, въ гораздо болѣе ограниченныхъ размѣрахъ. Спеціальное обложеніе земельныхъ собственниковъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ случаѣ проведенія новой улицы или продолженія уже существующей или, наконецъ, въ случаѣ застройки такой улицы, которая хотя и занесена уже на планъ и формально существуетъ, но оставалась еще незастроенной.

Въ этомъ случаѣ общинное управленіе можетъ возложить на собственниковъ даннаго района извѣстный сборъ на покрытіе расходовъ по пріобрѣтенію территоріи, сооруженію улицы и содержанію ея въ теченіе пяти лѣтъ. Но къ обложенію привлекаются лишь тѣ лица, участки которыхъ выходятъ на данную улицу; всѣ остальные владѣльцы недвижимостей этой мѣстности, нерѣдко извлекающіе не меньшую выгоду, остаются не обложенными. Лишь коммунальная реформа въ Пруссіи 1893 года расширила это право общинъ, допустивъ взиманіе спеціальныхъ сборовъ (Beiträge) при всякаго рода сооруженіяхъ, напр., въ случаѣ устройства канализаціи, постройки гавани, разбивки парка, прокладки улицы и т. д. Если такое мѣропріятіе, будучи необходимо въ видахъ общественной пользы, доставляетъ, однако, особую выгоду опредѣленнымъ группамъ лицъ, именно владѣльцамъ земельныхъ участковъ или промышленныхъ предпріятій всей общины или даннаго района, то расходы должны покрываться не посредствомъ налоговъ, взимаемыхъ со всего населенія, а спеціальными сборами съ этихъ заинтересованныхъ группъ населенія.

Изъ приведенныхъ постановленій видно, что обложеніе прироста цѣнности городскихъ недвижимостей путемъ спеціальныхъ сборовъ (Beiträge) достигается далеко не вполнѣ; мы имѣемъ здѣсь

*) См. Гензель, ук. соч., стр. 145 и сл., 152 и сл., а также Гензель. Новѣйшія теченія въ коммунальномъ обложеніи на Западѣ. 1909.

лишь суррогатъ Wertzuwachssteuer. Установленіе спеціальныхъ сборовъ ограничивается немногими исключительными случаями, отдѣльными крупными сооруженіями, вызывающими большіе расходы. Систематическій же приростъ цѣнности, какъ результатъ всей совокупности городскихъ мѣропріятій, всего роста городской жизни, совершенно не затрагивается, не подвергается обложенію. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда городъ устанавливаетъ такой спеціальный сборъ на покрытіе опредѣленнаго расхода, онъ не въ состояніи обложить дѣйствительно всѣхъ тѣхъ, кто извлекаетъ выгоду отъ даннаго мѣропріятія, и только ихъ. Расходы должны быть покрыты собственниками (а также владѣльцами промышленныхъ заведеній) данной мѣстности; предполагается, что они особенно заинтересованы. Но все же это только предположеніе, которое можетъ и не вполнѣ оправдаться, можетъ осуществиться лишь въ отношеніи части облагаемыхъ лицъ, ибо рѣчь идетъ о той выгодѣ, которую они извлекутъ въ будущемъ, благодаря производимому въ настоящее время расширенію улицы, устройству моста, вокзала и т. д. А съ другой стороны, всѣ тѣ, кто владѣетъ землей внѣ даннаго района, не подлежатъ налогу, хотя, подъ вліяніемъ этой мѣры, цѣнность ихъ участковъ возросла, быть можетъ, весьма сильно.

Но вѣдь размѣръ прироста при введеніи спеціальныхъ сборовъ вообще не устанавливается. Онъ произойдетъ лишь впослѣдствіи, да и вообще не имѣется въ виду опредѣлить его такъ или иначе. Пользуются весьма грубымъ масштабомъ при обложеніи: спеціальный сборъ разверстывается между владѣльцами недвижимостей опредѣленной мѣстности въ зависимости, напр., отъ длины фасада, выходящаго на улицу; такъ это было установлено, напр., въ Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Бреславлѣ при прокладкѣ новыхъ улицъ, причемъ принималось во вниманіе и мѣстоположеніе участка, отъ котораго зависитъ предполагаемое возрастаніе цѣнности.

Такимъ образомъ спеціальные сборы по своему существу не въ состояніи уловить весь совершающійся приростъ цѣнности недвижимостей и обложить каждую изъ нихъ по дѣйствительно происшедшему приросту. Но все же первый и чрезвычайно важный шагъ здѣсь, несомнѣнно, сдѣланъ. Примѣненъ на практикѣ самый принципъ обложенія незаслуженнаго прироста; осуществлено положеніе, что владѣльцы тѣхъ недвижимостей, цѣнность которыхъ должна особенно возрости подъ вліяніемъ даннаго расхода, производимаго городомъ, и обязаны покрывать хотя бы извѣстную часть этого расхода.

На практикѣ, какъ и слѣдовало ожидать, даже установленіе этихъ сборовъ встрѣтило препятствія со стороны заинтересованныхъ лицъ. Въ прусскихъ сельскихъ общинахъ, на которыя также распространяется постановленіе о спеціальныхъ сборахъ, послѣднія совершенно не примѣняются, даже о существованіи такого правила имъ ничего неизвѣстно; но и крупные города, въ виду про-

тестовъ со стороны землевладѣльцевъ, пользовались новой формой обложенія весьма мало, не смотря на всю категоричность требованій закона. Болѣе охотно городскія управленія примѣняли другую форму обложенія прироста цѣнности земель—налогъ на пустыри, на участки, еще незастроенные. Спекуляція этими участками земли особенно развита. Удерживаніе ихъ особенно выгодно; «они дорожаютъ подобно вину, которое отъ продолжительнаго лежанія становится цѣннѣе». Проектъ расширенія границъ Берлина—читаемъ у П. П. Гензеля—вызвалъ невѣроятную спекуляцію, такъ что, напр., Berlin-Wilmersdorfer Terraingesellschaft выручила въ 1892 г. чистой прибыли отъ простой перепродажи участковъ 1.959.000 марокъ, а Berlin-Charlottenburger Bauverein—2.808.389 марокъ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ докладу Дамашке на засѣданіи всеобщаго союза квартиронанимателей въ Дрезденѣ въ ноябрѣ 1895 г., положенія котораго были приняты собраніемъ единогласно. «Отсутствіе налога на незастроенные участки—говорилъ онъ—въ крупныхъ общинахъ является прямо-таки непонятнымъ» *).

На установленіи такого налога сильно настаиваетъ Брентано, въ цѣляхъ уменьшенія жилищной нужды. «До Петтенкофера Мюнхенъ принадлежалъ—говоритъ онъ—къ числу наиболѣе нездоровыхъ нѣмецкихъ городовъ. Кто не былъ уроженцемъ города, отправлялся туда весьма неохотно. Всѣ предостерегали отъ господствовавшей тамъ лихорадки, какъ тогда называли тифъ. И я помню еще со времени моего студенчества о томъ ужасѣ, съ кототорымъ многіе изъ насъ покидали городъ, похоронивъ тѣхъ, кого ужасная болѣзнь вырвала изъ нашей среды. Петтенкоферъ освободилъ Мюнхенъ отъ этого проклятія». Подъ руководствомъ Петтенкофера санитарное состояніе города измѣнилось кореннымъ образомъ; смертность уменьшиласъ вдвое, съ 40,4 на тысячу въ 1871—75 гг. до 21,4 въ 1902 году. Населеніе возросло вчетверо: въ 1860 г. въ Мюнхенѣ насчитывалось 127 тыс. жителей, въ 1903 г.—515 тысячъ. Но принесла ли дѣятельность Петтенкофера населенію одно лишь счастье? Тѣмъ, кто владѣетъ въ Мюнхенѣ домами и земельными участками,—отвѣчаетъ Брентано—несомнѣнно. Населеніе за послѣдніе 40 лѣтъ возросло вчетверо, цѣнность же земли повысилась несравненно быстрѣе, въ совершенно иномъ темпѣ, во многихъ мѣстахъ въ 60 и болѣе разъ. За одно лишь пятилѣтіе 1895—1900 гг. въ новыхъ частяхъ города цѣна незастроенныхъ участковъ повысилась вдвое. Но выгоду эту извлекло незначительное меньшинство населенія. Въ 1900 г. насчитывалось 14 тысячъ недвижимыхъ владѣній въ Мюнхенѣ при 500 тысячъ населенія, при чемъ во многихъ случаяхъ одному лицу принадлежало нѣсколько владѣній. Что же касается всего остального населенія, то «оно уплатило налоги, ко-

*) Гензель, ук. соч., стр. 3, 129—30.

торые были необходимы для осуществленія идей Петтенкофера; теперь же ему приходится нести на своихъ плечахъ въ видѣ возрастанія квартирной платы еще и тѣ выгоды, которыми, благодаря этимъ налогамъ, пользуются собственники земли. Конечно, теперь жизнь его находится въ несравненно меньшей опасности, оно имѣетъ и другія удобства, которыя прежде отсутствовали. Но вѣдь за это оно принесло соотвѣтствующую жертву въ увеличившемся обложеніи. На какомъ же основаніи населеніе должно платить еще и тѣмъ, кто жнетъ тамъ, гдѣ не онъ, а плательщики сѣяли?». По причинѣ высокой квартирной платы потребность въ жилищѣ удовлетворяется весьма плохо, а это обозначаетъ новую опасность для здоровья и жизни, мало того, опасность и въ семейномъ и нравственномъ отношеніи. «Такъ—заключаетъ Брентано—изъ того, что далъ намъ Петтенкоферъ и изъ другихъ улучшеній получилось новое несчастье»...*)

Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что въ 1900 г. въ Мюнхенѣ имѣлось 11 тысячъ квартиръ, состоявшихъ изъ одного лишь помѣщенія и стоившихъ 130 марокъ въ годъ. При этомъ почти половина всѣхъ изслѣдованныхъ квартиръ нанималась двумя семьями, а къ нимъ еще присоединялись жильцы, ночлежники и т. д. Во многихъ случаяхъ проходъ въ помѣщеніе мужчинъ возможенъ лишь чрезъ помѣщеніе, въ которомъ спятъ женщины,—причемъ рѣчь идетъ о лицахъ, не принадлежащихъ къ той же семьѣ. Нерѣдко на одну кровать приходилось по нѣскольку человѣкъ. Между тѣмъ — прибавляетъ Брентано — въ теченіе послѣдняго десятилѣтія площадь, занимаемая Мюнхеномъ, расширилась на 4000 гектаровъ; будучи заселена всюду столь же густо, какъ въ центральныхъ частяхъ города, она могла бы вмѣщать населеніе Лондона. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ объясняется дороговизна квартиръ, которая сильно обнаруживается именно въ 90-хъ годахъ? «Отвѣтъ долженъ быть таковъ: это послѣдствіе земельной спекуляціи. Она въ хозяйственномъ отношеніи окружила городъ какъ бы крѣпостной стѣной. Она лишила населеніе большей части выгодъ, проистекающихъ отъ расширенія городской площади».

«Нѣтъ ничего легче—продолжаетъ онъ далѣе—какъ спекулировать на землю. Дешевый ипотечный кредитъ значительно облегчилъ пріобрѣтеніе земли. Вслѣдствіе этого, спросъ на землю увеличился и цѣны поднялись. Но еще болѣе усиливается спросъ на землю потому, что покупатель не обязанъ застраивать ее; отъ него требуется лишь исправная уплата процентовъ по ипотечному долгу. Если онъ это выполняетъ, то онъ можетъ спокойно ждать; въ то время, какъ онъ спитъ, куритъ и пьетъ, въ то время, какъ занимается другими дѣ-

---

*) Brentano. Wohnungs-Zustände und Wohnungs-Reform in München. 1904, p. 5—6.

лами или развлеченіями, возрастающее населеніе заботится о томъ, чтобы земля, которую онъ купилъ и за которую обыкновенно лишь отчасти, иногда лишь въ очень незначительной части, заплатилъ, повышалась въ цѣнности... Когда же, по его мнѣнію, наступилъ моментъ, тогда онъ продаетъ землю и кладетъ себѣ въ карманъ то, что получилось благодаря затратамъ города и государства и росту населенія. Это онъ называетъ своимъ заработкомъ» *).

Спекуляціей объясняется то обстоятельство, что въ 1895—1900 годахъ было застроено всего 160 гектаръ изъ 6081 гектара свободной земли, годной для застройки, т. е. едва 3 проц. Цѣнность пустырей составляла около 120 милліоновъ марокъ, уплоченный же за нихъ налогъ всего 6 тысячъ марокъ, тогда какъ домовладѣльцы меньшей части города уплатили свыше 2 милліоновъ марокъ подомоваго налога. Такое положеніе дѣлъ являлось прямымъ стимуломъ къ покупкѣ незастроенныхъ участковъ и къ удержанію ихъ въ ожиданіи дальнѣйшаго роста ихъ цѣнности. Поэтому Брентано безусловно настаиваетъ на спеціальномъ обложеніи прироста цѣнности незастроенныхъ участковъ. Онъ находитъ вполнѣ правильнымъ внесенное въ баварскій парламентъ предложеніе, согласно которому при отчужденіи земли пятая часть прироста въ цѣнности, совершившагося со времени ея пріобрѣтенія, должна поступать въ пользу государства и общины, Но обложенію должны подлежать только незастроенные участки, это заставитъ владѣльцевъ ихъ строить дома **).

Мы остановились подробно на книгѣ Брентано по той причинѣ, что этотъ извѣстный экономистъ въ яркихъ краскахъ изображаетъ послѣдствія спекуляціи для жилищныхъ условій населенія и приводитъ въ тѣсную связь обложеніе прироста съ квартирнымъ вопросомъ. Въ то же время изложенное въ его книгѣ намъ объясняетъ, почему прежде всего обращено было вниманіе на установленіе обложенія пустырей въ городахъ, почему первоначально думали ограничиться налогомъ съ прироста только этихъ земель.

Однако сочувствіе муниципалитетовъ этой формѣ обложеніи объяснялось кромѣ того, и прежде всего, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что незастроенные участки принадлежали въ весьма многихъ случаяхъ компаніямъ спекулянтовъ, участники которыхъ вовсе не проживали въ данномъ городѣ. «Плательщики налога—говоритъ В. Твердохлѣбовъ—это прежде всего компаніи, спекулирующія землей: онѣ появляются въ городахъ, имѣющихъ будущность; и одновременно съ ихъ появленіемъ земельныя цѣны начинаютъ быстро расти въ гору, доставляя имъ подчасъ милліонные

*) Brentano, тамъ-же, стр. 13—14.

**) Brentano, ук. соч., стр. 15—16.

барыши; коренные жители города—домовладѣльцы старыхъ кварталовъ, пользовавшіеся до тѣхъ поръ монополіей — негодуютъ на этихъ пришлецовъ, оттягивающихъ зажиточную часть населенія въ красивые Villenviertel и платящихъ за свои участки до застройки ничтожный поземельный налогъ: на почвѣ этой вражды къ «спекулянтамъ» встрѣчаютъ сочувствіе проекты обложенія прироста цѣнности незастроенныхъ участковъ (сначала только у пришлыхъ собственниковъ), съ цѣлью пониженія ставокъ подомоваго налога» *).

Авторы изслѣдованій о налогѣ на приростъ цѣнности указываютъ обыкновенно на то, что попытки обложенія незастроенныхъ участковъ особымъ налогомъ (Bauplatzsteuer), произведенныя въ различныхъ мѣстахъ, оказались неудачными и налогъ на приростъ въ этой формѣ не привился. Однако нужно имѣть въ виду, что при осуществленіи этой идеи на практикѣ были сдѣланы существенныя ошибки. Налогъ взимался періодически, ежегодно или черезъ каждые три года, слѣдовательно, владѣльцы незастроенныхъ участковъ вынуждены были уплачивать налогъ раньше, чѣмъ они реализовали дѣйствительную цѣнность участка. Особенно тяжела такая уплата была для собственниковъ пригородныхъ земель, включенныхъ въ городской планъ, но пока еще обрабатываемыхъ въ качествѣ садовъ, огородовъ и т. д. Въ Берлинѣ, напр., съ установленіемъ налога на пустыри одному садовнику приходилось уплачивать 6000 марокъ налога, тогда какъ весь доходъ его не превышалъ 9000 мар.,—только потому, что въ будущемъ, когда онъ пожелаетъ продать свой участокъ подъ постройки, онъ въ состояніи будетъ выручить нѣсколько сотъ тысячъ марокъ. Самое опредѣленіе той цѣнности, которую имѣетъ въ данный моментъ незастроенный участокъ, разъ онъ не отчуждается, сопряжено съ огромными затрудненіями и является по необходимости всегда болѣе или менѣе произвольнымъ. Очевидно, при обложеніи этихъ участковъ единственно правильный способъ организаціи налога заключался бы во взиманіи его тогда, когда участокъ переходитъ въ другія руки, когда онъ отчуждается. Тогда владѣлецъ его изъ вырученной суммы въ состояніи уплатить налогъ, тогда самое опредѣленіе цѣнности участка представляется вполнѣ возможнымъ—она выражается въ продажной цѣнѣ.

Неудачный опытъ съ обложеніемъ незастроенныхъ участковъ имѣлъ такимъ образомъ ту выгодную сторону, что онъ указалъ на необходимость въ дальнѣйшемъ придерживаться иной организаціи обложенія—вводить его въ формѣ непеpіодическаго налога, т. е. взимаемаго не тогда, когда приростъ «представляетъ только потенціальную величину», а въ наиболѣе удобный моментъ — когда не-

*) Твердохлѣбовъ. Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ. Т. II. 1909. Стр. 156.

движимость переходитъ изъ рукъ въ руки. Дѣйствительно, впослѣдствіи эта ошибка уже не повторялась. Вообще же при обложеніи незастроенныхъ участковъ «осуществлена была правильная мысль установленія особаго налога на ту крупную прибыль, которую извлекаютъ владѣльцы сельско-хозяйственныхъ земель, находящихся вблизи городовъ, вслѣдствіе превращенія этихъ участковъ, съ расширеніемъ городской территоріи, въ земли, поступающія подъ постройки» (Вагнеръ).

Неудачно установленный налогъ на городскіе пустыри былъ въ большинствѣ случаевъ снова отмѣненъ. Но это не обозначало отказа отъ осуществленія идеи обложенія незаслуженнаго прироста; это обозначало лишь переходъ къ иной, болѣе совершенной формѣ обложенія прироста и прежде всего обозначало примѣненіе этого обложенія въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ—облагались уже всѣ городскія земли, какъ незастроенныя, такъ и застроенныя. Въ самомъ дѣлѣ, на обложеніи однихъ лишь незастроенныхъ участковъ развитіе не могло остановиться. Конечно, здѣсь незаслуженный приростъ наиболѣе рѣзко бросается въ глаза, и неудивительно, что на эти случаи прироста ранѣе всего было обращено вниманіе. Но послѣдовательное развитіе той же мысли должно было необходимо привести къ выводу, что этимъ путемъ охватывается лишь часть незаслуженнаго прироста, что такого же рода приростъ, «приростъ антисоціальный, приростъ путемъ эксплоатаціи болѣе сильной, чѣмъ та, которая существовала въ феодальную эпоху, съ ея всевозможными повинностями»,—существуетъ, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, и въ другихъ случаяхъ, тамъ, гдѣ съ головокружительной быстротой увеличивается цѣнность и земельная рента застроенныхъ участковъ.

Первоначально старались не создавать для обложенія прироста цѣнности какихъ-либо новыхъ формъ налоговъ, а воспользоваться уже существующими, старались обойтись безъ новшествъ, встрѣчающихъ всегда препятствія на своемъ пути. Пытались обложить приростъ посредствомъ налога на переходъ недвижимостей. Государство давно уже взимало такого рода сборъ, аналогичный нашимъ крѣпостнымъ пошлинамъ. Города стали устанавливать такой же налогъ при отчужденіи недвижимостей и въ свою пользу, ссылаясь на то, что онъ является и выгоднымъ источникомъ дохода, и средствомъ обуздать спекуляцію. Дамашке даже объяснялъ благопріятныя якобы жилищныя условія въ Бельгіи, тѣмъ, что тамъ налоги на переходъ недвижимостей высоки, гораздо выше, чѣмъ въ Германіи *).

Въ дѣйствительности для городскихъ управленій эта форма обложенія оказывалась весьма удобной, ибо налогъ на переходъ недвижимостей являлся для осѣдлыхъ домовладѣльцевъ удобнымъ

*) Wagner-Preuss. Kommunale Steuerfragen. 1904. p. 30.

средствомъ борьбы съ мобилизаціей недвижимостей. Но въ то же время онъ подготовилъ почву для непосредственнаго обложенія чистаго прироста цѣнности земли. При взиманіи налога съ переходящихъ недвижимостей въ его старой, грубой формѣ, въ видѣ уплаты извѣстнаго процента съ продажной цѣны, захватывался отчасти и приростъ, но облагались и лица, продававшія свою землю съ убыткомъ; всѣ, отчуждавшіе недвижимость, облагались по нынѣшней цѣнѣ участка, а не въ зависимости отъ выручаемой ими при этомъ прибыли. Нужно было сдѣлать дальнѣйшій шагъ впередъ: установить, сколько было уплочено за отчуждаемую недвижимость въ моментъ ея пріобрѣтенія, сколько было истрачено владѣльцемъ ея на пристройки и перестройки, со времени пріобрѣтенія до отчужденія на различнаго рода меліоративныя работы (послѣднее въ отношеніи незастроенныхъ участковъ) и т. д. Вычтя изъ продажной цѣны покупную цѣну и расходъ, получимъ размѣръ прироста, ту сумму, на которую цѣнность недвижимости «незаслуженно» увеличилась за то время, въ теченіе котораго она принадлежала данному лицу и которую это лицо реализуетъ теперь, при продажѣ недвижимости.

Таковъ дѣйствительно основной принципъ налога на приростъ цѣнности земли, Wertzuwachssteuer. Послѣдній въ своемъ чистомъ видѣ былъ ранѣе всего введенъ въ нѣсколькихъ мелкихъ общинахъ Саксоніи: мелкіе домовладѣльцы разсчитывали этимъ путемъ добиться пониженія подомоваго налога, сбросивъ часть подомоваго обложенія на спекулянтовъ *). Вскорѣ послѣ этого, въ 1904 году, обложеніе прироста было установлено во Франкфуртѣ на Майнѣ; это былъ первый крупный городъ, который ввелъ у себя этотъ налогъ. При этомъ исходную точку составлялъ налогъ на переходъ недвижимостей—Währschaftssteuer, давно существовавшій въ Франкфуртѣ. Въ немъ были сдѣланы различныя видоизмѣненія и дополненія. Прежній налогъ въ 2 проц. съ цѣнности отчуждаемаго имущества сохраненъ для всѣхъ тѣхъ участковъ, которые продаются не ранѣе, чѣмъ черезъ пять лѣтъ послѣ ихъ пріобрѣтенія, и не позже, чѣмъ спустя 20 лѣтъ со времени ихъ покупки; для всѣхъ же остальныхъ земельныхъ участковъ вводятся дополнительныя къ 2 проц. налогу прибавки. Городское управленіе исходило изъ того соображенія, что правильнымъ, выгоднымъ для населенія является владѣніе недвижимостью въ теченіе 5—20 лѣтъ. Сдѣлки, происходящія ранѣе истеченія пяти лѣтъ со времени пріобрѣтенія участка земли, имѣютъ спекулятивный характеръ; напротивъ, отчужденіе недвижимости по истеченіи свыше 20 лѣтъ должно привести къ недостаточному предложенію недвижимостей на рынкѣ. Желая предупредить какъ спекуляцію, такъ и чрезмѣрную задержку предложенія, городъ и устанавливаетъ въ обоихъ случаяхъ

*) Твердохлѣбовъ, ук. соч., стр. 154.

прибавку къ 2 проц. налогу съ цѣны недвижимости. Но во второмъ случаѣ, т. е. когда отчужденіе происходитъ по истеченіи 20 лѣтъ со времени пріобрѣтенія, никакого обложенія прироста не производится, а лишь взимается дополнительный налогъ съ продажной цѣны въ размѣрѣ отъ 1 до 6 проц., слѣдовательно, только увеличивается 2 проц. налогъ на переходъ недвижимости до 3—8 проц. съ цѣны участка. Въ первомъ же случаѣ, когда прошло менѣе 5 лѣтъ со времени пріобрѣтенія недвижимости, къ 2 проц. налогу съ цѣны дѣйствительно присоединяется налогъ съ прироста цѣнности, совершившагося со времени пріобрѣтенія земельнаго участка. Вычисляется разница между покупной цѣной и продажной цѣной; къ покупной цѣнѣ прибавляются расходы на улучшеніе земельнаго участка, въ томъ числѣ на постройку улицъ и на канализацію, за исключеніемъ, однако же, тѣхъ расходовъ, которые покрыты страховымъ вознагражденіемъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ затраты уже возвращены владѣльцу; далѣе возмѣщаются издержки по пріобрѣтенію недвижимости (пошлины, нотаріальные расходы) въ размѣрѣ 5 проц. съ покупной цѣны; наконецъ, присоединяются къ покупной цѣнѣ 4 проц. съ нея за каждый годъ владѣнія въ томъ случаѣ, если участокъ не былъ застроенъ и не обрабатывался владѣльцемъ. Если остающаяся за вычетомъ этихъ суммъ разница не превышаетъ 30 проц. покупной цѣны (въ настоящее время 15 проц.), то дополнительнаго налога на приростъ цѣнности не взимается; если же приростъ цѣнности выше этого, то съ него уплачивается: 5 проц. при приростѣ въ 30—35 проц., 6 проц. при приростѣ въ 35—40 проц., 7 проц. при приростѣ въ 40—45 проц. и т. д., вплоть до 25 проц. при приростѣ въ 135 проц. и болѣе *).

Спустя два года послѣ введенія обложенія прироста во Франкфуртѣ на Майнѣ, система послѣдняго была измѣнена въ томъ смыслѣ, что Wertzuwachssteuer былъ распространенъ на всѣ участки, отчуждаемые ранѣе 20 лѣтъ со времени ихъ пріобрѣтенія. Прежнее постановленіе, согласно которому владѣніе срокомъ въ 5—15 лѣтъ освобождалось не только отъ этого налога, но и отъ повышеннаго простого налога съ перехода имуществъ, оказалось весьма неудачнымъ: въ первый годъ по введеніи въ дѣйствіе закона изъ 280 застроенныхъ недвижимостей, уплатившихъ только 2 проц. налогъ съ перехода участка, оказалась половина такихъ, которые находились болѣе 5 лѣтъ и менѣе 20 лѣтъ въ собственности даннаго лица (или того лица, отъ котораго были получены въ качествѣ наслѣдства). Такимъ образомъ всѣ старались избѣгнуть какъ обложенія прироста, такъ и увеличеннаго сбора съ перехода имуществъ, отчуждая послѣднія между 5 и 20-лѣтнимъ срокомъ владѣнія.

*) Въ настоящее время обложеніе прироста начинается съ 2 проц. при существованіи прироста въ размѣрѣ 15—20 проц.

Примѣру Франкфурта послѣдовалъ Кельнъ, въ проектѣ котораго уже рѣшительно говорится: «относительно цѣнности и значенія налога на приростъ въ настоящее время уже не приходится тратить много словъ». По кельнскому статуту 1905 г. не подлежитъ обложенію приростъ въ цѣнности, не превышающій 10 проц. Если приростъ выше, то онъ облагается 10 проц. налогомъ при наличности прироста въ 10—20 проц., 11 проц. налогомъ, когда приростъ составляетъ 20—30 проц., и т. д. вплоть до 25 проц. налога въ томъ случаѣ, если приростъ достигаетъ 160 проц. съ покупной цѣны отчуждаемой недвижимости (съ прибавленіемъ къ ней расходовъ). Направленъ налогъ противъ спекуляціи, почему онъ проводитъ различіе между слишкомъ скорымъ отчужденіемъ, не превышающимъ пятилѣтняго срока со времени пріобрѣтенія недвижимости, и отчужденіемъ по истеченіи 5 лѣтъ, и наконецъ отчужденіемъ послѣ 10-лѣтняго владѣнія имуществомъ. Лишь въ первомъ случаѣ только что указанные 10—25 проц. съ прироста взимаются полностью; если же прошло больше 5 лѣтъ, то уплачиваются только $^2/_3$ этихъ окладовъ, т. е. отъ $6^2/_3$ до $16^2/_3$ проц., когда же промежутокъ между пріобрѣтеніемъ имущества и продажей его достигаетъ 10 и болѣе лѣтъ, то ставки сокращаются до $^1/_3$, такъ что, даже извлекая изъ продажи прибыль въ 160 проц., лицо, отчуждающее землю по истеченіи этого срока, уплачиваетъ всего $8^1/_3$ проц. Такимъ образомъ, если кто-либо пріобрѣлъ въ Кельнѣ домъ за 100 тыс. марокъ и спустя четыре года продалъ его за 275 тыс. мар., то онъ платитъ 40 тыс. марокъ налога; спустя же 5 лѣтъ, онъ подлежитъ такому налогу лишь въ томъ случаѣ, если продажная цѣна составляетъ 360 тыс. мар., а черезъ 10 лѣтъ только тогда, когда продажная цѣна равняется 600 тыс. марокъ.

И съ введеніемъ обложенія прироста общій налогъ съ отчуждаемыхъ имуществъ въ размѣрѣ 2 проц. съ продажной цѣны сохраненъ въ Кельнѣ, но онъ постепенно подлежитъ уничтоженію. Если поступленія налога на приростъ превысятъ 400 тыс. мар., то налогъ съ перехода имущества понижается на $^1/_2$ проц., если же поступленія достигнутъ 800 тыс. мар., налогъ съ перехода недвижимостей сокращается на 1 проц. Такъ постепенно болѣе грубая форма обложенія замѣняется болѣе совершенной, исчезаетъ, уступая ей мѣсто; землевладѣльцы, какъ цѣлое, перелагаютъ податное бремя на болѣе платежеспособныхъ, находящихся въ ихъ средѣ, на тѣхъ, кто извлекаетъ значительную выгоду при продажѣ своей недвижимости.

За Франкфуртомъ и Кельномъ пошли и другіе прусскіе города: Дортмундъ, Эссенъ, Бреславль, Киль, Марбургъ, Кенигсбергъ и цѣлый рядъ болѣе мелкихъ общинъ. Прусскій коммунальный законъ 1873 года хотя и не упоминаетъ спеціально о Wertzuwachssteuer, однако въ ст. 13 говоритъ о томъ, что общинамъ дозволяется вводить у себя косвенные налоги въ предѣлахъ, установленныхъ

имперскими законами. Подъ эту статью подводится и налогъ на приростъ цѣнности—имперскими законами введеніе его до сихъ поръ не было запрещено и не было ограничено. Въ другихъ государствахъ, какъ Гессенѣ и Ольденбургѣ, особыми законами предоставлено коммунальнымъ союзамъ вводить налогъ на приростъ цѣнности земель, или же, какъ въ Баденѣ, Эльзасъ-Лотарингіи, вырабатываются соотвѣтствующіе проекты; въ Саксоніи также рядъ общинъ, пользуясь господствующей тамъ широкой автономіей, установили такое обложеніе. Въ 1908 г. налогъ введенъ и въ Гамбургѣ. Здѣсь уже и ранѣе облагался приростъ цѣнности, однако посредствомъ подоходнаго налога,—способъ, конечно, весьма несовершенный. Но послѣднему не подлежатъ лица, которыя не проживаютъ въ Гамбургѣ, что освобождало многихъ собственниковъ отъ налога. Переѣзжая въ какой-либо сосѣдній прусскій городъ, они тѣмъ самымъ имѣли возможность избѣгнуть обложенія прироста. Поэтому по отношенію къ нимъ гамбургскій сенатъ прибѣгъ къ обычной формѣ обложенія въ моментъ перехода недвижимости, къ Wertzuwachssteuer, установивъ налогъ съ прироста въ размѣрѣ отъ 1 до 10 проц., въ зависимости отъ величины прироста *).

Такимъ образомъ обложеніе прироста цѣнности широко распространяется: въ 1903 г. оно впервые появилось, а уже въ Апрѣлѣ 1910 г. насчитывалось 159 прусскихъ городовъ, взимавшихъ Wertzuwachsteuer. Изъ этого видно, что налогъ пользуется большой популярностью, что городамъ удается его ввести, не смотря на противодѣйствіе со стороны компаній, спекулирующихъ на землю и держащихъ въ своихъ рукахъ значительную часть прессы. Повсюду обложеніе производится при отчужденіи недвижимостей, т. е. въ формѣ непеfunction-періодической, повсюду онъ имѣетъ прогрессивный характеръ, достигая 15—20, иногда 30 проц. съ прироста цѣнности на высшихъ ступеняхъ, т. е. когда приростъ доставляетъ 100 и болѣе процентовъ съ покупной цѣны (включая расходы разнаго рода) отчуждаемой недвижимости. Обыкновенно обложеніе уменьшается, если отчуждаемое имущество находилось во владѣніи даннаго лица свыше 5—10 лѣтъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ это уменьшеніе распространяется лишь на застроенные участки.

Въ самомъ дѣлѣ, только въ этомъ случаѣ оно имѣетъ основаніе: свидѣтельствуя о томъ, что недвижимость была пріобрѣтена не ради спекуляціи, въ то же время продолжительное удержаніе ея въ однихъ и тѣхъ же рукахъ не представляетъ какихъ-либо неудобствъ для общества. Только во Франкфуртѣ городское управленіе сочло нужнымъ бороться съ чрезмѣрно продолжительнымъ сохраненіемъ земли въ однихъ и тѣхъ же рукахъ. Въ

*) Твердохлѣбовъ, тамъ же, стр. 155.

этомъ городѣ и вокругъ него сосредоточиваются обширныя пространства земли въ рукахъ немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ-милліонеровъ, которыхъ никто не заставляетъ отчуждать принадлежащую имъ землю и которые прекрасно могутъ выждать, пока земля, составляющая ихъ монополію, выростетъ въ цѣнности во много разъ *). Однако такой принципъ борьбы съ чрезмѣрно продолжительнымъ удержаніемъ земли въ однихъ рукахъ былъ бы правиленъ лишь въ томъ случаѣ, если бы Франкфуртъ ограничивался болѣе высокимъ обложеніемъ незастроенныхъ земельныхъ участковъ, пріобрѣтенныхъ за 20 и болѣе лѣтъ. Въ отношеніи послѣднихъ дѣйствительно совершенно неумѣстна льгота, согласно которой при 10-лѣтнемъ владѣніи обложеніе ихъ прироста понижается, какъ это мы находимъ въ нѣкоторыхъ городахъ. Чѣмъ дольше такія земли остаются незастроенными, тѣмъ большій вредъ наносится этимъ населенію и съ такого рода антисоціальнымъ явленіемъ городамъ слѣдовало бы бороться не менѣе, чѣмъ со спекуляціей, выражающейся въ отчужденіи земель спустя 2—3 года послѣ ихъ пріобрѣтенія.

Статистическихъ данныхъ относительно поступленій отъ налога на приростъ цѣнности, въ виду недавняго его введенія, пока еще очень мало. Все же мы можемъ установить, что за 1908 г. онъ далъ въ Гамбургѣ $1^1/_2$ милліона мар. въ Бреславлѣ—128 тыс., въ Дортмундѣ 209 тыс., въ Кельнѣ въ 1907 г. 385 тыс., во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1907 г. 498 тыс., въ 1906 г. свыше милліона мар. **) Въ г. Килѣ съ августа 1907 г. до ноября 1908 г. доходъ составлялъ 223 тыс. мар., причемъ изъ 132 тыс. поступленій отъ незастроенныхъ участковъ 118 тыс., т. е. почти 90 проц., дали земли съ приростомъ цѣнности свыше 100 проц., напротивъ, среди доходовъ отъ застроенныхъ недвижимостей всего 38 проц. приходится на долю имуществъ, обнаружившихъ приростъ болѣе 100 проц.

І. Кулишеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Ehlert. Die Wertzuwachssteurfrage. Jahrbücher für Nationaloekonomie. III F. B. 32. p. 346.

**) Boldt. Die Wertzuwachssteuer. 3 Aufl. 1909. p. 20—27.

НОВЫЙ МАКІАВЕЛЛИ.

Пер. съ англ. Э. К. Пименовой.

(*Продолженіе*).

II.

Я смотрю теперь критически на этотъ періодъ, отъ котораго меня отдѣляетъ шестнадцать лѣтъ, полныхъ кипучей дѣятельности, и вспоминаю почти безпристрастно начало моей брачной жизни. Меня больше всего поражаетъ громадная, неумышленная и въ то же время великодушіемъ проникнутая неискренность, которую мы оба старались создать въ нашихъ отношеніяхъ.

Мнѣ кажется, что, пожалуй, такова жизнь большинства супружескихъ паръ образованнаго класса, осторожно и робко старающихся пополнить зіяющую пропасть, раздѣляющую темпераменты, и тщетно дѣлающихъ попытки перекинуть мостъ черезъ эту пропасть, уничтожить перегородки и избѣжать насильственнаго гнета. Я пришелъ однако къ заключенію въ позднѣйшіе годы моей жизни, что мужчина и женщина могутъ быть абсолютно правдивы другъ съ другомъ, стоять другъ противъ друга, такъ сказать, съ обнаженной душой, безъ страха и стыда, вслѣдствіе естественной, все покрывающей и все очищающей любви между ними! Можно любить и быть любимымъ, также не чувствуя смущенія, какъ не чувствуетъ его птица, разсѣкающая воздухъ въ своемъ полетѣ. Но лишь рѣдкая удача приводитъ двухъ человѣкъ къ такому естественному союзу и обыкновенные браки совершаются на другихъ основаніяхъ. Большинство людей, состоящихъ въ бракѣ, никогда въ дѣйствительности не видѣли другъ друга. Они смотрѣли обыкновенно нѣсколько въ сторону, на созданный ими образъ, вслѣдствіе предвзятыхъ идей. И каждый изъ нихъ, въ первые дни любви, скрывался, боясь вызвать разочарованіе.

огорченіе, боясь открытій въ какомъ бы ни было направленіи. И такимъ образомъ они строили зданіе не на мрачной скалѣ истины, а на аркахъ и столбахъ и разныхъ случайныхъ подпоркахъ, которые имъ были необходимы для общаго фундамента, а внизу, во тьмѣ, подъ этимъ прекраснымъ зданіемъ, которое они соорудили вмѣстѣ, начинается для каждаго изъ нихъ скрытая пещерная жизнь. Тамъ ютится то, что едва-ли проникаетъ въ сознаніе въ обычное время и напоминаетъ о себѣ развѣ только въ сумеркахъ безсонной ночи, или вырывается наружу въ гнѣвномъ взглядѣ подъ вліяніемъ внезапной вспышки,—тамъ скрываются и мечты, замурованныя на смерть. Для большинства изъ насъ нѣтъ спасенія отъ этой внутренней тюрьмы, но жизнь наверху идетъ своимъ чередомъ, подвигается безпрепятственно къ своему почетному концу.

Я разсказалъ уже, какъ я полюбилъ Маргариту и какъ я рѣшился жениться на ней. Быть можетъ, ненамѣренно, но я указалъ также, какого рода несправедливость мы совершили по отношенію другъ къ другу, вступая въ бракъ. Между нами не было никакого сродства и никакого пониманія. Наше взаимное влеченіе обусловливалось именно этимъ несходствомъ и тѣмъ, что было нами непонято другъ въ другѣ. Я знаю много супружескихъ паръ, которыя поженились подобнымъ же образомъ.

Современныя условія и современныя идеи, въ особенности же болѣе тонкое пониманіе жизни, давятъ все сильнѣе и сильнѣе на брачный союзъ, обычай котораго возникъ въ гораздо болѣе раннія и менѣе разборчивыя времена, когда жена была подчиненнымъ существомъ, сходившимся съ мужемъ безъ всякой критики и для простыхъ цѣлей и когда бракъ былъ простою домашнею связью, предоставляющей не обремененному ничѣмъ мужчинѣ мыслить и вѣдать жизнь; тогда несходство темпераментовъ имѣло мало значенія. Но теперь жена, въ особенности бездѣтная и любящая жена, неумышленно, но постоянно требуетъ полной ассоціаціи съ мужемъ, тогда какъ мужъ, наоборотъ, желаетъ игнорировать эти тонкости и не стремится къ коопераціи. Конечно, все это чрезмѣрныя требованія. Люди теперь гораздо больше и основательнѣе изучаютъ жизнь, чѣмъ прежде, но бракъ остается, какъ и раньше, случайной удачей и представляетъ все то же бѣганіе взапуски хромающихъ на одну ногу и плохо подобранныхъ супружескихъ паръ.

Наша духовная организація была совершенно различна.

Я обладалъ грубой душой, по выраженію Вилльяма Джемса, примитивной, интуитивной и нелогичной натурой.

У нея же душа была нѣжная и она была болѣе утонченна,

болѣе логична, чѣмъ я, представляя уже вторичный продуктъ. Она была честна въ отношеніи людей и обязательствъ, сантиментальна и вѣрна. Я же былъ честенъ лишь въ отношеніи идей и инстинктовъ, эмоціоналенъ и одержимъ страстью къ составленію плановъ. Моя фантазія заносилась далеко, ея же мысль была робка и страшилась всего, выходящаго изъ извѣстныхъ границъ. Моимъ основнымъ свойствомъ была чувственность и мною управляли бурные импульсы. Въ ней же главнымъ образомъ дѣйствовали разборчивость и запретительные инстинкты. Я люблю разбирать факты каждаго случая, люблю обнаженныя тѣла, люблю ощущать жизнь. Она же предпочитала уклончивость, сдержанность, околичности и обращала вниманіе на второстепенные пункты. Можетъ быть, читатель знаетъ картину Тинторетто въ Національной галлереѣ „Происхожденіе Млечнаго пути?“ Такъ вотъ эта картина послужила великолѣпной пробой для основныхъ свойствъ нашихъ темпераментовъ. Не смотря на мое прежнее воспитаніе, я находилъ эту картину восхитительной, въ глазахъ же Маргариты она была оскорбительна и притомъ безъ нужды. Въ этомъ заключался основный разладъ между нами. У нея была привычка, безъ сомнѣнія рѣдкая, порицать то, что ей не нравилось во мнѣ или, что она находила несимпатичнымъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что это не было моимъ „настоящимъ я“. Вообще она выбирала то, что ей нравилось, а все остальное старалась игнорировать. Прибавлю, что у меня было гораздо больше инициативы, чѣмъ у нея. Я тутъ не дѣлаю никакого перечня достоинствъ и недостатковъ, преимуществъ и слабостей; я хочу только подвести итогъ основнымъ различіямъ между людьми, связанными вмѣстѣ и становящимися все болѣе нетерпимыми по отношенію къ этимъ различіямъ.

Въ такомъ положеніи находились мы въ отношеніи другъ друга, но никто изъ насъ не понялъ этого въ первый моментъ. Начать съ того, что я сталъ остерегаться ея и мало по малу у меня зарождалось подозрѣніе, что то, что я считалъ до сихъ поръ просто недоразумѣніемъ, составляетъ основной разладъ между нашими духовными организаціями.

Но это не мѣшало мнѣ очень любить ее...

Система сдержанности стала привычной и наиболѣе рѣзко выраженной именно въ нашихъ личныхъ отношеніяхъ. Ни разу за всѣ шесть лѣтъ нашей совмѣстной жизни мы не отнеслись искренно другъ къ другу. Даже болѣе этого; въ своемъ стремленіи осуществить свой идеалъ брака я даже пересталъ быть искреннимъ самъ съ собой. Я игнорировалъ свои собственныя воспріятія и понятія. Я старался.

подладиться къ ея болѣе тонкимъ и красивымъ рѣшеніямъ. Конечно, найдутся люди, которые скажутъ съ одобреніемъ, что я научился побѣждать себя. Я упоминаю объ этомъ безъ всякаго намѣренія оправдывать себя...

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я ни разу не обманулъ Маргариту относительно какого-нибудь конкретнаго факта. Я не говорилъ ей о своей прежней жизни, но она сама заставила меня умолчать объ этомъ. За исключеніемъ этого насильственнаго умолчанія, я никогда не скрывалъ отъ нея ни одного факта, который могъ бы задѣвать ее. Но съ самаго начала я былъ виновенъ въ чрезвычайной духовной скрытности и мой бракъ, какъ я вижу теперь, основывался на духовномъ обманѣ.

III.

Интересъ, вызванный во мнѣ устройствомъ дома, и удовольствіе, которое я испытывалъ при этомъ, расхаживая по комнатамъ или сидя за своимъ собственнымъ столомъ и слушая спокойный разговоръ своей собственной жены, почти незамѣтно смѣнился лихорадочнымъ возбужденіемъ по случаю моей парламентской кандидатуры въ Кингхэмстэдскомъ округѣ, представляющемъ безформенную земледѣльческую полосу, лежащую между сѣверо-западной и великой западной желѣзной дорогой. Я долженъ былъ, наконецъ, имѣть что-нибудь въ рукахъ и этотъ округъ былъ наиболѣе подходящимъ для этой цѣли. Впрочемъ, въ умахъ нашего круга существовало самое смутное понятіе о томъ, какое мѣсто я долженъ былъ занимать. Но всѣ мы были увѣрены, что по мѣрѣ развитія вещей все станетъ яснымъ.

Вслѣдъ за нѣсколькими мѣсяцами неопредѣленной дѣятельности, имѣющей цѣлью подготовить избирателей, наступилъ періодъ горячей борьбы, послѣ того, какъ Кэмпбелль-Баннерманъ вернулся къ власти въ 1905 году. Однако въ Кингхэмстэдскомъ округѣ избирательная борьба носила довольно умѣренный характеръ. Я произнесъ тамъ три рѣчи, скоро сдѣлавшіяся избитыми, и небольшая группа людей стала дѣйствовать въ мою пользу: два ходатая по дѣламъ, дешевенькій фотографъ, демократическій священникъ, нѣсколько диссидентскихъ проповѣдниковъ, мэръ Кингхэмстэда, какая-то миссисъ Бельджеръ, вдова артиста, разбогатѣвшаго посредствомъ патента на устройство электрической тяги, сэръ Родерикъ Ньютонъ, еврей, купившій замокъ Калершемъ, и сэръ Грэхемъ Риверсъ, бодрый старый солдатъ,—вотъ кто были мои главные приверженцы, поддерживавшіе мою кандидатуру. Въ каждомъ селѣ и въ каждомъ

городѣ у насъ была штабъ-квартира, устроенная въ какой-нибудь пустой лавочкѣ, которую мы временно арендовали, и мы старались производить шумъ и поддерживать интересъ въ населеніи, часть котораго, однако, заняла выжидательное положеніе и не высказывала своихъ сужденій.

Предполагалось, что страна находится въ состояніи интеллектуальнаго броженія въ ожиданіи выборовъ и въ исторіи это навѣрное будетъ названо важнымъ моментомъ борьбы. Но за исключеніемъ появленія гдѣ-нибудь въ окнѣ или на стѣнѣ избирательной афиши, или проѣзда по улицѣ автомобиля, увѣшаннаго плакатами, или-же появленія группы спорящихъ людей возлѣ какой-нибудь харчевни, ничто не указывало, что великая имперія приступаетъ къ пересмотру своего государственнаго устройства. Въ большинствѣ случаевъ люди спокойно продолжали заниматься своими дѣлами съ полнымъ и безотвѣтственнымъ довѣріемъ къ прочности вселенной. Временами я самъ себѣ казался смѣшнымъ со своимъ важнымъ видомъ спасителя страны!

Мой противникъ былъ совершенно невѣжественный генералъ, опиравшій свою кандидатуру на защиту протекціонизма. Онъ въ особенности заботился о томъ, чтобы личности не задѣвались въ борьбѣ и чтобы она велась въ джентльменскомъ духѣ. Онъ постоянно писалъ мнѣ записки, извиняясь за тѣ эксцессы, которые позволяли себѣ его приверженцы или же указывая мнѣ на нежелательность какого нибудь хода, предпринятаго моими сторонниками.

Я составилъ свои рѣчи въ широкомъ масштабѣ, но по мѣрѣ приближенія выборовъ этотъ масштабъ измѣнялся. Я началъ съ того, что постарался предложить свои идеи людямъ, представителемъ которыхъ я собирался быть. Я говорилъ о величіи нашей имперіи, о ея судьбахъ, о чудесныхъ проектахъ и всѣхъ возможностяхъ, которыя намъ даетъ жизнь, о будущемъ порядкѣ и обо всемъ, что можетъ быть достигнуто рѣшительнымъ усиліемъ въ настоящее время. „Мы созидаемъ государство, — говорилъ я, — прочное и блестящее. Мы видимъ зарю великаго вѣка человѣчества"... Иногда это вызывало въ толпѣ одинокій возгласъ: „Слушайте! Слушайте!" И когда мнѣ казалось, что я создалъ необходимую атмосферу, то я переходилъ къ исторіи консервативнаго правительства послѣднихъ лѣтъ и выставлялъ на видъ контрастъ между его дѣйствіями и требованіями вѣка, обсуждалъ его ошибки, его неудачу въ подчиненіи контролю алчныхъ финансистовъ въ южной Африкѣ, его неумѣніе освободить народное образованіе отъ вліянія сектантскихъ распрей, его неправильное поведеніе въ бурской войнѣ, его растрачиваніе народныхъ рессурсовъ...

Скоро, однако, для меня стало ясно, что мои общія разсужденія надоѣдали моей аудиторіи. Чѣмъ ярче и значительнѣе были мои фразы, тѣмъ сильнѣе я чувствовалъ, что голосъ мой не находитъ отзвука въ этихъ собраніяхъ. Даже защитники платформы начинали безсознательно выказывать недовольство, двигались и кашляли. Они не признавали себя человѣчествомъ и поэтому мои слова о новой стадіи въ исторіи человѣчества были для нихъ пустымъ звукомъ. Моя аудиторія состояла преимущественно изъ заурядныхъ людей, ремесленниковъ, преисполненныхъ личныхъ заботъ, которые, какъ мнѣ кажется, приходили на мои митинги главнымъ образомъ, ради развлеченія. Но то, чѣмъ я угощалъ ихъ, не было развлеченіемъ. Они вовсе не смотрѣли, на политику, какъ на процессъ творчества, а какъ на состязаніе. Имъ нужны были шутки, пряные намеки, удачныя выраженія, которыя давали бы имъ поводъ кричать: „Слушайте! Слушайте!“ и хлопать въ ладоши и стучать ногами. А великій созидательный процессъ въ исторіи даетъ такъ мало матеріала для такихъ выраженій своего одобренія!

Итакъ, послѣ двухъ или трехъ попытокъ поднять мою аудиторію до уровня развиваемыхъ мною взглядовъ, я началъ самъ приспособляться къ ней. Я сократилъ насколько возможно свои обширныя разсужденія о судьбахъ имперіи и о ея будущемъ и сталъ угощать своихъ слушателей анекдотами и шутками. Мои помощники поздравляли меня съ быстрымъ улучшеніемъ моего стиля. Я пересталъ отзываться о покойномъ первомъ министрѣ съ тѣмъ уваженіемъ, которое я питалъ къ нему, и приближался въ своихъ отзывахъ о немъ къ популярной карикатурѣ, гдѣ онъ былъ изображенъ заботящимся только о томъ, чтобъ удержать свое мѣсто, не смотря на старанія Джо Чемберлена выбросить его за бортъ. Я пересталъ развивать свою мысль, что протекціонная система вызоветъ вздорожаніе пищи для земледѣльца. Я началъ говорить о Мильнерѣ, какъ о вредномъ и безумномъ человѣкѣ, одержимомъ страстнымъ желаніемъ замѣнить на всемъ свѣтѣ честныхъ британскихъ земледѣльцевъ закованными въ кандалы, но все же преступными китайцами. Когда же я упоминалъ имя кого нибудь изъ нашихъ почтенныхъ вождей, мистера Джона Бернса или другихъ выдающихся дѣятелей, то я все болѣе и болѣе впадалъ въ паѳосъ, точно говорилъ о высшихъ божествахъ. И въ награду за это мои митинги становились многолюднѣе и меня встрѣчали аплодисментами...

Въ такихъ вещахъ незамѣтно переходишь изъ одной фазы къ другой...

— Что же дѣлать!—говорилъ я себѣ.—Если хочешь по-

пасть въ Вестминстеръ, то долженъ идти по той дорогѣ, которая ведетъ туда!

Но я не ожидалъ, что эта дорога такъ отвратительна „Попасть на эту дорогу—значитъ начать свою дѣятельность",—говорилъ я.

Однако ночью я лежалъ съ открытыми глазами въ своей постели, ощущая головную боль, хрипоту въ горлѣ и усталость, которыя всегда являются результатомъ произнесенія рѣчей въ плохо вентилированныхъ помѣщеніяхъ, и думалъ, думалъ безъ конца, возможно ли воспитать весь народъ на великихъ политическихъ идеалахъ? Отчего политическая работа всегда сводится къ личностямъ и личнымъ призывамъ?

У меня сохранились лишь смутныя воспоминанія объ этомъ времени. Пришлось много разъѣзжать, такъ какъ Кингхэмстэдскій округъ довольно великъ и притомъ изобилуетъ плохими дорогами, особенно непріятными въ зимнюю непогоду. Въ разныхъ мѣстахъ, вдоль линіи желѣзной дороги, разбросаны фабрики и подъѣздные пути. Есть много маленькихъ виллъ. Но не было мѣста, гдѣ можно было бы сразу собрать всѣ различные элементы населенія, и я всегда имѣлъ дѣло лишь съ однимъ какимъ-нибудь элементомъ. Я произносилъ рѣчи въ разныхъ помѣщеніяхъ и на открытомъ воздухѣ, въ послѣобѣденные часы, гдѣ-нибудь около газоваго завода или фабрикъ. Кругомъ меня часто раздавались плоскія и удивительно глупыя шутки, и выступали въ качествѣ ораторовъ люди, говорившіе вещи, спеціально приспособленныя къ уровню понятій каждаго такого собранія. Насъ заставили заявить, что, если мы будемъ избраны, то поселимся въ этомъ округѣ, и одинъ ретивый агентъ тотчасъ же поспѣшилъ отпечатать листки съ слѣдующею надписью: „Если мистеръ Ремингтонъ будетъ выбранъ, то онъ будетъ жить здѣсь". Наши враги не замедлили воспользоваться этимъ и, набравъ кучу такихъ билетиковъ, наклеили ихъ на всѣхъ надворныхъ строеніяхъ, свиныхъ хлѣвахъ, собачьихъ конурахъ и т. п. Такія шутки, въ концѣ концовъ, порядочно таки досаждали мнѣ.

Но всего сильнѣе на меня дѣйствовало то, что я замѣчалъ полное равнодушіе въ промежуткахъ между моими митингами. Никогда еще мои собственные планы не казались мнѣ такими неопредѣленными, какъ въ то время, когда я попробовалъ испытать ихъ на практикѣ. Меня волновала мысль, достигъ ли я чего-нибудь въ дѣйствительности своими рѣчами или же я самъ покорно отдаюсь теченію, уносящему меня въ опредѣленномъ направленіи?

Однако Маргариту не смущали подобныя сомнѣнія. Для

нея было совершенно ясно, что я иду въ парламентъ, гдѣ буду стоять на стражѣ либерализма и свѣта, противъ правительства и тьмы. Съ воспоминаніемъ о моей первой политической борьбѣ у меня неразлучно связано воспоминаніе объ ея прекрасномъ, свѣтломъ личикѣ, серьезномъ и рѣшительномъ, когда она сознательно и твердо помогала мнѣ, насколько была въ силахъ. И тѣмъ не менѣе ея спокойная увѣренность въ то время, какъ я чувствовалъ такое недовольство собой, страннымъ образомъ подрывала мое чувство симпатіи къ ней. Я чувствовалъ, что ей бы не слѣдовало быть такъ увѣренной во мнѣ, и временами меня охватывала сильнѣйшая досада на то, что меня такъ усиленно толкаютъ въ парламентъ.

Я началъ все чаще и чаще открывать въ ней стороны характера, противорѣчащія моему характеру. Ея взгляды на жизнь расходились съ моими. У нея въ голосѣ появлялись подчасъ изумительно независимыя нотки. Она купила великолѣпную мѣховую шубу для загородныхъ поѣздокъ, возбудившую всеобщій восторгъ, и мнѣ, ко дню моего рожденія, подарила прекрасное теплое пальто, отдѣланное мѣхомъ. Она заставляла меня снимать его, когда я входилъ на митингъ для произнесенія рѣчи, и держала его, пока я не кончалъ. Это была большая тяжесть для нея, но ей это нравилось. Этотъ актъ подчиненности въ сущности былъ актомъ высочайшаго самоутвержденія. Когда я взглядывалъ на нее, въ то время, какъ предсѣдатель собранія говорилъ вступительное слово, то видѣлъ, что она осматриваетъ своими ясными голубыми глазами аудиторію, существовавшую для нея, впрочемъ, единственно только какъ средство провести меня въ парламентъ. Она смотрѣла ласково, если мои слушатели держались прилично. Въ противномъ случаѣ я подмѣчалъ въ ея глазахъ гнѣвный блескъ. Вѣдь мы зашли такъ далеко и причинили себѣ столько безпокойства!..

Она руководила нашими политическими поѣздками и не упускала никакихъ мелочей. Въ отеляхъ она всегда настаивала на спокойствіи и комфортѣ и выказывала особенную заботливость въ выборѣ пищи, которая должна была быть особенно питательной. Даже въ частныхъ домахъ она поражала меня своею спокойною настойчивостью насчетъ какого-нибудь спеціальнаго комфорта, который считала безусловно необходимымъ, а также въ выборѣ пищи, такъ какъ у нея были свои взгляды на діэту, которая была нужна мнѣ для поддержанія моихъ силъ.

Со времени нашего брака она прочла много политическихъ мемуаровъ. Особенно сильное впечатлѣніе производила на нее карьера Гладстона. Я не думаю, чтобы она сравни-

вала меня съ нимъ, но, какъ мнѣ кажется, она имѣла въ виду достиженіе одинаковыхъ результатовъ посредствомъ одинаковыхъ методовъ. Меня надо было „гладстонизировать". Гладстонъ,—если только память не обманываетъ меня,—употреблялъ во время своихъ рѣчей, для смачиванія горла, яйцо, разболтанное въ хересѣ. Маргарита очень желала, чтобы и я послѣдовалъ его примѣру. Ей хотѣлось,—я это знаю,—держать въ рукѣ стаканъ для меня, въ то время, когда я буду говорить рѣчь. Но въ этомъ отношеніи я былъ твердъ...

— Нѣтъ,—сказалъ я очень рѣшительно.—Я этого не потерплю, это дѣло совѣсти. Я бы чувствовалъ себя недостаточно демократичнымъ. Если у меня пересохнетъ горло, то я воспользуюсь графиномъ и стаканомъ, которые стоятъ передъ предсѣдателемъ...

— Я бы не хотѣла этого, — возразила она съ огорченіемъ.

Глупо было сердиться на это. Съ ея стороны это было такъ понятно и такъ трогательно,—я это вижу теперь. Но я не могъ подчиниться ей окончательно. Я долженъ былъ идти своимъ путемъ и смотрѣть прямо на вещи. Положеніе, въ которомъ я очутился, необходимость преслѣдовать опредѣленную цѣль, когда въ сущности я самъ сомнѣвался въ ней и намѣренія мои далеко не были опредѣленными,—все это заставляло меня желать отсрочки...

IV.

И среди всѣхъ этихъ сложныхъ обстоятельствъ моей жизни какъ будто случайно появляется фигура Изабеллы Риверсъ. Съ перваго взгляда она показалась мнѣ некрасивой и неуклюжей, но въ высшей степени интересной школьницей, съ красивымъ, яркимъ румянцемъ на смугломъ лицѣ высказывающей забавныя и удивительныя вещи. Когда я увидѣлъ ее впервые, она ѣхала на старомъ велосипедѣ и, какъ мнѣ казалось, ея ѣзда представляла общественную опасность. Но потомъ я лучше оцѣнилъ ея умѣнье и силу характера. Въ слѣдующій разъ я уже видѣлъ ее влѣзающей на дерево, для собственнаго удовольствія. Во время нашихъ встрѣчъ, я помню, мы разговаривали съ нею о политическомъ положеніи и о книгахъ и статьяхъ, которыя я написалъ...

Какъ она была очаровательна тогда! Она была ребенкомъ и въ то же время взрослой женщиной. Какъ мало догадывался я о той роли, какую ей суждено было сыграть въ моей жизни! А съ тѣхъ поръ, какъ опредѣлилась эта роль,

какъ трудно мнѣ говорить объ этихъ прошедшихъ дняхъ!.. Когда я началъ писать эту главу, то невольно задумался, углубившись въ свои воспоминанія. Вонъ она сидитъ тамъ, внизу, на ступеняхъ, подъ оливковыми деревьями, и держитъ на рукахъ нашего маленькаго ребенка... Теперь она составляетъ центръ моей жизни. Это кажется невѣроятнымъ. Она разбила мою политическую карьеру и заставила меня начинать сначала мою жизнь. Когда же я стараюсь вспомнить ее дѣвочкой, то мнѣ кажется, что я становлюсь похожимъ на рыбака изъ арабской сказки, пытавшагося снова засадить въ горшокъ духа, вырвавшагося изъ него и поднявшагося до небесъ...

Впрочемъ, я хорошо помню тотъ разъ, когда она быстро проѣхала, спускаясь съ холма, мимо нашей повозки, медленно взбиравшейся на вершину. На рулѣ велосипеда и на плечѣ у нея развѣвались мои цвѣта. Она махнула намъ рукой и что-то прокричала,—я не знаю, что, вѣроятно, какое-нибудь привѣтствіе.

— Какая прелестная дѣвушка,—сказала Маргарита.

Парвиль, дешевый фотографъ и очень трудолюбивый организаторъ избирательной кампаніи, сидѣлъ съ нами въ повозкѣ и разсказалъ намъ, кто она такая.

— Это—одинъ изъ лучшихъ работниковъ въ вашу пользу, —прибавилъ онъ.

И вотъ, послѣ очень утомительнаго и непріятнаго утра, мы попали въ домъ сэра Грэхема Риверсъ. Тамъ все дышало спокойствіемъ и тишиной. Я вспоминаю бѣлую матовую обшивку комнаты, овальное зеркало, мраморный каминъ и на немъ бюсты Виргилія и Гомера... Вспоминаю Изабеллу, явившуюся къ завтраку въ какой-то безформенной синей блузѣ, придававшей оттѣнокъ желтизны ея яркому личику, обрамленному черными локонами. Ея сводная сестра, миссъ Гамеръ, къ которой долженъ былъ по наслѣдству перейти этотъ домъ, находилась тутъ же. Ей было лѣтъ подъ тридцать и она была прекрасно одѣта. Каждымъ своимъ словомъ и жестомъ она точно старалась сложить съ себя отвѣтственность за то, что говорила и дѣлала Изабелла. Кромѣ нея, былъ еще одинъ, очень милый человѣкъ, докторъ оксфордскаго университета, находившійся, повидимому, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со всей семьей. Ясно было, что онъ привыкъ спорить съ дѣвочкой, но на этотъ разъ ее нельзя было вовлечь въ споръ, не смотря на всѣ поддразниванія ея отца и доктора. Они оба съ удивленіемъ замѣтили, что она вдругъ сдѣлалась застѣнчивой, и конечно не преминули воспользоваться этимъ рѣдкимъ случаемъ. Они разсказали мнѣ объ ея восхищеніи мной, что заставило

ее густо покраснѣть и бросить на нихъ взглядъ, въ которомъ выражались и мольба о пощадѣ, и вызовъ. Они объявили мнѣ, что она читала мои книги, хотя это, я думаю, было преувеличеніемъ, такъ какъ мои книги были слишкомъ сухи и серьезны для такой школьницы. Миссъ Гамеръ протестовала и пыталась защитить ее.

За исключеніемъ этихъ подтруниваній надъ Изабеллой, я почти не помню разговора, который происходилъ за столомъ, помню только, что онъ носилъ характеръ, отвѣчавшій обстоятельствамъ моего визита, и касался разныхъ топографическихъ, соціальныхъ фактовъ и избирательной кампаніи. Старый Риверсъ очень понравился мнѣ и мы съ этого же дня вступили съ нимъ въ дружбу, которая прекратилась только съ его смертью, послѣдовавшей три года спустя на охотѣ.

Послѣ завтрака мы перешли въ другую, обшитую темными панелями комнату, окна которой выходили въ садъ, имѣвшій привлекательный видъ, не смотря на зимнее запустѣніе. Намъ подали кофе и разговоръ вдругъ оживился и сталъ интереснымъ. Послѣ небольшой паузы докторъ сказалъ:

— Очень вѣроятно, что вы, либералы, пройдете на выборахъ, хотя я не думаю, чтобы вы прошли такимъ огромнымъ большинствомъ, какъ вы думаете. Но что вы будете дѣлать потомъ, когда попадете въ парламентъ, я никакъ не возьму въ толкъ!

— Иногда хорошая работа заключается въ разрушеніи сдѣланнаго раньше,—замѣтилъ сэръ Грэхемъ.

— Но не можете же вы управлять великой имперіей, только отмѣняя и передѣлывая акты своихъ предшественниковъ,—сказалъ докторъ.

Наступила пауза, какъ всегда, когда бываетъ затронутъ слишкомъ серьезный и щекотливый вопросъ. Маргарита съ явнымъ неодобреніемъ взглянула на говорившаго и затѣмъ посмотрѣла на меня, ожидая, что я сражу его своимъ отвѣтомъ.

Вдругъ послышался голосъ Изабеллы, совсѣмъ утонувшей въ глубокомъ креслѣ.

— Мы будемъ трудиться,—сказала она.

Глаза доктора засверкали радостью, точно у рыбака, которому, наконецъ, удалось поймать рыбку.

— Ну, что же вы сдѣлаете?—спросилъ онъ.

— Всякому извѣстно, что мы не представляемъ однородной партіи,—проговорила Изабелла.

— Но это еще не есть программа, — возразилъ докторъ.

— Мистеръ Ремингтонъ опубликовалъ программу...—заявила Изабелла.

Докторъ слегка подмигнулъ мнѣ.

— Она была напечатана въ одномъ журналѣ,—продолжала дѣвочка.—И притомъ, вѣдь мы же не собираемся выбирать всю либеральную партію въ Кингхэмстэдскомъ округѣ. Я—ремингтонистка!

— Но программа, программа,—настаивалъ докторъ.

— Программа—это самъ мистеръ Ремингтонъ!

— Не въ бровь, а прямо въ глазъ!—воскликнулъ докторъ.—Ну-ка, пусть она теперь услышитъ самое худшее.

— Я съ удовольствіемъ послушаю,—возразилъ я.—Избирательная компанія расшатываетъ убѣжденія и ослабляетъ душу...

— Но только не мою,—замѣтила Изабелла. — Я думаю... Ну, вотъ, я полагаю, во всякомъ случаѣ, мистеръ Ремингтонъ стремится создать цивилизованное государство изъ этого болота...

— Изъ *этого* болота!—возмущенно протестовалъ докторъ, указывая на прекрасную комнату и садъ, виднѣвшійся въ окно.

— Ну, изъ *того* болота, если вамъ это больше нравится, вѣдь всего на разстояніи мили отъ насъ находятся отвратительныя глухія улицы. Тамъ пыль и грязь все увеличиваются, не правда ли, Сисси?—обратилась она къ миссъ Гамеръ.

— Это правда,—подтвердила миссъ Гамеръ.

— Мистеръ Ремингтонъ стоитъ за хорошее устройство, порядокъ, воспитаніе и дисциплину.

— А вы?—спросилъ докторъ.

— Я вѣдь убѣжденная ремингтонистка,—отвѣчала Изабелла.

— Ну, а дисциплина?

— О!—воскликнула она.—Иногда приходится выказывать наполеоновскія черты... Они хотятъ мена оклеветать, мистеръ Ремингтонъ! Политическій работникъ не можетъ всегда во время приходить къ обѣду и завтраку, не правда ли? Иначе можно упустить моментъ...

Миссъ Гамеръ что-то невнятно пробормотала.

— Порядокъ, воспитаніе и дисциплина! — сказалъ сэръ Грэхемъ. — Все это, несомнѣнно, прекрасныя вещи. Но, я помню, въ мои молодые годы мы говорили о чемъ-то такомъ, что называлось свободой...

— Свобода подъ покровительствомъ законовъ,—вмѣшался я, слыша одобрительный шопотъ Маргариты. — Старинное либеральное опредѣленіе свободы отчасти страдало отсут-

ствіемъ критики. Не однѣ только привилегіи и легальныя ограниченія являются врагами свободы. Необразованный, дурно воспитанный, полуголодный и не имѣющій собственности человѣкъ—это человѣкъ, лишившійся возможности быть свободнымъ. Свобода не имѣетъ для него никакой цѣны. Человѣкъ, который тонетъ и съ отчаяніемъ борется за свою жизнь, не мечтаетъ ни о какой другой свободѣ, кромѣ свободы выбраться изъ воды. Онъ, конечно, отдастъ всякую другую свободу за эту, пока достигнетъ ея.

Сэръ Грэхемъ подхватилъ мои слова и мы пустились съ нимъ въ длинныя разсужденія объ измѣняющихся качествахъ либерализма. Этотъ разговоръ дѣйствовалъ на меня освѣжающимъ образомъ послѣ всѣхъ нелѣпостей и необходимыхъ аксессуаровъ избирательной кампаніи. Всѣ принимали участіе въ этомъ разговорѣ, за исключеніемъ миссъ Гамеръ. Маргарита, наморщивъ брови, вставляла свои замѣчанія, вродѣ: „Народъ не пойметъ этого" или „Для меня это все такъ ясно". Докторъ былъ уменъ, но непослѣдователенъ и то, что онъ говорилъ, было не существенно. Изабелла совершенно зарылась въ огромное кресло, уйдя головой въ подушки и не спуская глазъ съ разговаривающихъ. На ея подвижномъ личикѣ, то блѣднѣвшемъ, то краснѣвшемъ, можно было прочесть живой интересъ, который она принимала въ этомъ разговорѣ. Иногда и она рѣшалась тоже сказать что-нибудь и ея замѣчанія были удачны. Помню, что одно ея сравненіе поразило меня своею мѣткостью и выдало то, что она читала епископа Бёрнета...

Ничего нѣтъ удивительнаго, что послѣ этого она попросила насъ дать ей мѣсто въ нашей повозкѣ и довезти ее до зданія комитета въ Лурки. Дорогой она мнѣ дала весьма интересныя указанія относительно интеллектуальнаго уровня и темперамента газовыхъ рабочихъ въ Лурки.

Въ слѣдующій разъ я увидѣлъ Изабеллу, какъ уже я говорилъ, влѣзавшую на дерево довольно почтенныхъ размѣровъ. Это она дѣлала для собственнаго удовольствія, въ промежуткѣ между серьезными занятіями политикой. Но она боялась повидимому, что я придамъ слишкомъ много значенія такимъ пустякамъ, и мнѣ стоило не малаго труда разубѣдить ее. И странно,—впрочемъ, мнѣ это не приходило въ голову раньше,—что я никогда впослѣдствіи не напоминалъ Изабеллѣ объ этой встрѣчѣ!

Послѣ этого раза она постоянно мелькала передо мной во время выборной агитаціи, точно блуждающій огонекъ, появляясь то здѣсь, то тамъ. То я видѣлъ ее, какъ она мчалась на своемъ велосипедѣ, то она внезапно появлялась въ комитетской комнатѣ, то стояла гдѣ-нибудь въ группѣ

сомнительныхъ избирателей и разговаривала съ ними. Я долженъ сознаться, что пользовался каждымъ случаемъ, чтобы поговорить съ ней. Я никогда раньше не встрѣчалъ такихъ, какъ она, и она меня безконечно интересовала.

Передъ рѣшительнымъ днемъ, когда должны были происходить выборы, мы сдѣлались съ нею уже закадычными пріятелями въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова...

Мнѣ кажется, я вѣрно передаю факты нашихъ первоначальныхъ отношеній. Но мнѣ трудно выдѣлить ихъ изъ тѣхъ яркихъ, блестящихъ и отливающихъ всѣми цвѣтами радуги воспоминаній, которыя примѣшиваются къ нимъ; забываются отдѣльныя мысли и впечатлѣнія и все окутывается точно дымкой, въ которой исчезаютъ форма и краски. Я, напримѣръ, совершенно не помню, чтобы когда-нибудь въ тѣ дни мнѣ приходило въ голову, что я могу страстно влюбиться въ нее. Вообще, мысль о возможности такой любви между нами никогда не являлась мнѣ. Я совершенно не думалъ объ этомъ. Я не сознавалъ никакой опасности, принимая въ вниманіе годы и все, что раздѣляло насъ. Изабелла вошла въ мою жизнь, какъ нѣчто совершенно новое, совершенно не соотвѣтствующее моему прежнему опыту и моимъ представленіямъ о женщинѣ. Я постарался уже объяснить, что мой опытъ въ этомъ отношеніи не былъ ни исчерпывающимъ, ни очень глубокимъ. Но я не думаю въ то же время, чтобы онъ былъ менѣе глубокимъ, чѣмъ опытъ другихъ мужчинъ моего класса. Я думалъ о женщинахъ, какъ о пріятныхъ и прекрасныхъ существахъ, болѣе пріятныхъ, нежели прекрасныхъ, привлекательныхъ, иногда даже черезчуръ, часто умныхъ и блестящихъ, но именно вслѣдствіе ихъ чрезвычайной скрытности я никогда не могъ ихъ понять какъ слѣдуетъ.

Я идеализировалъ Маргариту, но эта идеализація незамѣтно испарилась послѣ брака. Алтарь, который я воздвигъ ей въ своихъ мысляхъ, теперь стоялъ пустымъ. Но Изабелла была совершенно въ иномъ родѣ. Она не допускала ни идеализаціи, ни пренебреженія. Она просто открывала какую-то новую, неизвѣстную мнѣ доселѣ область женскаго характера. Ея упорные блестящіе каріе глаза, ея непритворный интересъ къ безличнымъ предметамъ, ея неизмѣнная безформенная синяя блуза, ея энергія, рѣшительность и смѣлость скорѣе напоминали, съ моей точки зрѣнія, какой-нибудь новый, прекрасный экземпляръ мужской породы, нежели женское существо, согласно моему понятію о женственности. Она была моимъ пріятелемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. И, еслибъ я могъ предвидѣть и строилъ бы свой собственный міръ на болѣе

разумныхъ основаніяхъ, то, конечно, мы до сихъ поръ остались бы такими же пріятелями, какими были тогда.

Въ то время она, повидимому, еще не сознавала своего пола, хотя потомъ она разсказывала мнѣ, что ею часто овладѣвало любопытство и сдержанное волненіе. Она разговаривала всегда просто, безъ всякой аффектаціи, съ живостью, перемѣшивая школьный жаргонъ съ выраженіями, указывавшими на то, что она много и жадно читала. Движенія ея напоминали движенія какого-нибудь молодого граціознаго звѣрька. Она обращалась со мной такъ свободно, какъ могъ бы обращаться мужчина или сестра. Она, не задумываясь, брала меня за руку, клала руку на мое плечо, когда я сидѣлъ, или поправляла на груди свою блузу, разговаривая со мной. Теперь она говоритъ, что всегда любила меня, съ самаго начала! Однако я не думаю, чтобы у нея было хотя бы малѣйшее подозрѣніе. Иногда я замѣчалъ, что она смотритъ на меня своими ясными, рѣшительными глазами. Но ея взглядъ былъ невиненъ, какъ взглядъ какого-нибудь прекраснаго, здороваго лѣсного животнаго, чѣмъ нибудь сильно заинтересованнаго, но нисколько не смущеннаго...

V.

День выборовъ наступилъ. Послѣднее усиліе было сдѣлано, но вызванное ими возбужденіе было не такого рода, который заставляетъ забывать объ усталости. Ожиданіе конца подсчета голосовъ оставило большой пробѣлъ въ моей памяти. Я не знаю, что было тогда, но я помню, какъ всѣ пожимали мою руку, повторяя «976!»

Послѣ полудня мой успѣхъ уже былъ вполнѣ обезпеченъ и хотя мы всѣ это знали, но вели себя такъ, точно не предвидѣли этого заранѣе и точно эта цифра—976—означала что-то совсѣмъ другое.

— 976!—воскликнула Маргарита.—А они не ожидали и трехсотъ.

— 976!—замѣтилъ какой-то маленькій человѣчекъ, державшій въ рукахъ газету.—Это означаетъ большой перевѣсъ. Только двухъ дюжинъ голосовъ не хватаетъ до тысячи, вы знаете?..

Снаружи раздался громкій шумъ и въ комнату ввалилась толпа людей.

Изабелла, вся раскраснѣвшаяся, была среди нихъ. Богъ знаетъ, откуда она явилась въ этотъ поздній часъ ночи!

Она ласково гладила меня по рукаву, съ невиннымъ видомъ дѣвочки, смѣло выказывающей свое расположеніе.

— Провели васъ туда!—сказала она.—Это была не шутка!

— А теперь я долженъ идти туда и созидать?

— Да, вы должны идти туда и созидать,—подтвердила она, а затѣмъ прибавила:—Вы будете жить здѣсь.

— Боже мой! Конечно. Придется отыскивать домъ,—отвѣчалъ я.

— Я буду читать всѣ ваши рѣчи!

Немного помолчавъ, она сказала нерѣшительно:

— Я бы желала быть вами!

Но она сказала это такъ, какъ будто это было не то, что она хотѣла сказать.

— Они хотятъ, чтобъ ты произнесъ рѣчь,—обратилась ко мнѣ Маргарита и я замѣтилъ въ ея лицѣ какое-то затаенное выраженіе.

— Ты должна идти со мной,—сказалъ я и взялъ ее подъ руку.

Кто-то настаивалъ, чтобы я вышелъ на балконъ.

— Если ты этого хочешь... —сказала радостно Маргарита.

— О, конечно!—отвѣчалъ я.

Кингхэмстэдскій мэръ, маленькій человѣчекъ, повидимому, не довѣрявшій моему ораторскому искусству, нагнулся ко мнѣ и сказалъ:

— Теперь все кончено и вы выиграли. Скажите имъ всѣ прекрасныя вещи, какія только вы можете сказать, и скажите ихъ какъ слѣдуетъ.

Я повернулся къ Маргаритѣ и помогъ ей взойти на балконъ. Внизу базарная площадь была полна народа. Въ толпѣ раздались крики одобренія, когда мы показались вдвоемъ. Послышались кое-гдѣ и свистки. Въ одномъ углу площади завязалась драка изъ-за флага и даже перспектива моей рѣчи не могла прекратить ее.

— Говорите!—кричали голоса.—Говорите!..

Вслѣдъ за этими словами раздалось шиканіе, заглушенное, впрочемъ, восторженными криками и аплодисментами.

Драка въ углу площади достигла такихъ размѣровъ, что окно въ лавкѣ аптекарскихъ товаровъ разлетѣлось вдребезги, но послѣ того наступилъ миръ.

— Джентльмены выборщики Кингхэмстэдскаго округа...—началъ я свою рѣчь.

— Право голоса для женщинъ! — послышался чей-то громкій крикъ, за которымъ послѣдовалъ взрывъ хохота.

Насколько помню, я тутъ впервые услышалъ этотъ воинственный кличъ.

— Да здравствуетъ миссисъ Ремингтонъ!

— Миссисъ Ремингтонъ проситъ передать вамъ ея благодарность,—сказалъ я, стараясь говорить какъ можно громче.

Шумъ все возрасталъ и снова раздались повторные крики:—Говорите! Говорите!..

Молчаніе наступило съ изумительной быстротой.

Мнѣ кажется, я безсознательно думалъ объ Изабеллѣ, когда началъ говорить.

— Я иду въ Вестминстеръ,—сказалъ я, подыскивая какую-нибудь подходящую фразу.—Я иду, чтобы выполнить свой долгъ, участвуя въ созданіи великой и прекрасной цивилизаціи...

Я остановился и снова раздались крики одобренія, прерываемыя шиканіемъ.

— Эти выборы—продолжалъ я—являются концомъ и въ то же время началомъ многаго. Новыя идеи..

— Китайскіе рабочіе! — послышался чей-то возгласъ и тотчасъ же раздалось шиканіе и неистовые крики.

Это былъ одинъ изъ немногихъ случаевъ, когда я совершенно потерялъ способность говорить рѣчь. Я обернулся и увидалъ, что Кингхэмстэдскій мэръ что-то говоритъ Парвилю, прикрывъ ротъ рукой.

По счастью Парвиль замѣтилъ, что я смотрю на него.

— Чего они хотятъ?—спросилъ я.

— Э?

— Чего они хотятъ?—повторилъ я.

— Скажите имъ что-нибудь общее... — быстро отвѣтилъ онъ, польщенный и нѣсколько удивленный моимъ обращеніемъ къ нему,—похвалите и вашихъ противниковъ....

Я поспѣшилъ воспользоваться его указаніемъ и заговорилъ въ болѣе популярномъ тонѣ, высказавъ тяжеловѣсную похвалу своему противнику.

— Китайскіе рабочіе!—опять крикнулъ кто-то.

— Вы уже раньше заявляли это, и это будетъ принято къ руководству,—отвѣчалъ я.

Базарная площадь гудѣла отъ восторженныхъ криковъ толпы, но означалъ ли этотъ восторгъ враждебныя чувства къ китайскимъ рабочимъ или только къ способу ихъ порабощенія, этого никто не могъ бы сказать въ эту минуту. Не могъ бы сказать этого и ни одинъ человѣкъ, изучавшій выборы 1906 года. На одной изъ нашихъ избирательныхъ афишъ, производившихъ особенно сильное впечатлѣніе, былъ изображенъ отвратительный желтолицый китаецъ и больше ничего. Даже никакой легенды не было прибавлено къ этому. Какъ дѣйствовало это изображеніе на выборщиковъ, этого мы не знаемъ, но, что оно дѣйствовало, это было несомнѣнно.

VI.

Кингхэмстэдъ былъ однимъ изъ первыхъ округовъ, гдѣ была одержана побѣда, и мы возвращались домой,—должно быть это было въ субботу,—усталые, но торжествующіе.

Въ поѣздѣ мы прочли первый намекъ на то, что побѣда нашей партіи можетъ носить уничтожающій характеръ.

Затѣмъ наступилъ періодъ обмѣна поздравленій. Весь Лондонъ былъ взбудораженъ общими выборами и даже въ дѣтскихъ заговорили объ этомъ. У друзей нашей партіи были карты Англіи, раздѣленныя на раскрашенные квадратики, изображающіе избирательные округи, и дѣти очень усердно занимались наклеиваніемъ синихъ билетиковъ на побѣжденные округа уніонистовъ, отмѣченные на картѣ красной краской и занимавшіе раньше добрую часть карты. Были также оранжевые билетики, которые должны были представлять новую рабочую партію, и зеленые билетики для ирландской партіи.

Я обѣщалъ говорить на одномъ или двухъ лондонскихъ митингахъ, я завтракалъ въ Реформъ-клубѣ, обѣдалъ и провелъ два довольно шумныхъ вечера въ націоналъ-либеральномъ клубѣ. Тамъ къ полночи набралось много народа, съ напряженіемъ ожидавшаго результата подсчета голосовъ. Большой зеленый столъ былъ поставленъ въ концѣ обширной курительной комнаты и на немъ, по мѣрѣ полученія свѣдѣній о ходѣ выборовъ, появлялись цифры и названія округовъ. Всякій разъ это вызывало громкіе крики восторга, когда результатъ выборовъ означалъ побѣду либераловъ, но въ концѣ концовъ восторги охладѣли вслѣдствіе слишкомъ частаго повторенія. Я не помню, какъ относились тогда къ пораженіямъ либераловъ. Впрочемъ, я не помню, чтобы было объявлено хотя бы одно такое пораженіе, пока я сидѣлъ въ клубѣ.

Какъ тамъ было шумно и какъ все было пропитано табачнымъ дымомъ и парами виски! Мы были возбуждены и разговаривали громко, такъ что въ воздухѣ стоялъ непрерывный гулъ и временами раздавались крики, требующіе, чтобы кто-нибудь изъ насъ произнесъ рѣчь. Наша группа была у всѣхъ на виду. Тутъ были Кремптоны, Льюисъ, Бентингъ, Горблоу. Мы говорили краткія рѣчи, подлаженныя къ общему настроенію, и энтузіазмъ возрасталъ.

— Теперь мы можемъ совершить многое!—объявилъ я и слова мои были покрыты гуломъ аплодисментовъ. Люди, которыхъ я никогда раньше не видалъ, поднимали свои стаканы, и обращались ко мнѣ со своими тостами, когда я проходилъ мимо нихъ въ толпѣ.

Въ разныхъ группахъ держали пари, потеряютъ уніонисты больше двухсотъ мѣстъ или нѣтъ.

— Желалъ бы я знать, что мы будемъ дѣлать теперь? —раздумчиво произнесъ какой-то скептикъ.

Послѣ такихъ оргій я приходилъ домой усталый и долго не могъ заснуть. Я лежалъ и думалъ, что мы, въ самомъ

дѣлѣ, будемъ дѣлать теперь? Никто не предвидѣлъ такого поражающаго успѣха нашей партіи. Либерализмъ вихремъ пронесся по странѣ...

Но послѣдующія недѣли были очень непріятныя и вызвали у меня угнетенное настроеніе. Я не помню хорошенько, чего я собственно ожидалъ. Мнѣ кажется, что послѣ того напряженія, которое я испытывалъ, и шума, произведеннаго моимъ избраніемъ, я безсознательно ожидалъ, что власть будетъ въ моихъ рукахъ, а между тѣмъ я чувствовалъ себя теперь какой-то незначительной единицей среди ожидаемаго, но неопредѣленнаго большинства. Были моменты, когда я очень ясно чувствовалъ, что это большинство можетъ представлять изъ себя толпу, и притомъ громадную. Мое дѣло было впереди. До сихъ поръ я не сдѣлалъ ничего, я только воспользовался случаемъ. Теперь, кругомъ меня, всѣ говорили о парламентѣ и о назначеніяхъ, высказывали разныя предположенія и разсуждали о томъ, что должно быть сдѣлано и отъ кого это потребуется. Все это дѣйствовало на меня раздражающимъ образомъ. Въ особенности меня поражало отсутствіе общаго плана законодательной работы, который могъ-бы объединить насъ всѣхъ, а также то количество невозможныхъ вещей, которыхъ отъ насъ требовали. Я находилъ скучными всѣ эти толки о парламентской процедурѣ и этикетѣ. Мы какъ-то обѣдали у старшаго Кремптона, и сэръ Эдвардъ чрезвычайно долго разглагольствовалъ объ обычаяхъ палаты общинъ, о томъ, что можетъ произвести на нее хорошее впечатлѣніе и что производитъ дурное.

— Депутатъ не долженъ говорить болѣе двухъ разъ въ теченіе своей первой сессіи и не долженъ касаться слишкомъ спорныхъ вопросовъ, ни въ какомъ случаѣ!—сказалъ онъ.

— Очень многое зависитъ отъ манеры говорить,—прибавилъ онъ, немного погодя.—Палата не любитъ лекторовъ. Есть особый родъ серьезности... не тяжеловѣсный...

Онъ закурилъ сигару и продолжалъ:

— Очень много значенія имѣютъ мелочи костюма. Я могу назвать вамъ одного человѣка, который втеченіе трехъ лѣтъ ходилъ все въ однихъ и тѣхъ же штиблетахъ... Впрочемъ, если что-нибудь подобное можетъ обратить на васъ вниманіе сотрудника „Punch'а“ то это можетъ васъ выдвинуть.

Тутъ онъ пустился въ очень длинныя разсужденія по поводу того, что можетъ понравиться палатѣ, и разсказалъ, какъ одинъ далеко непопулярный ирландскій депутатъ, по имени Бипаръ, пріобрѣлъ, въ концѣ концовъ, расположеніе палаты...

Открытіе парламента привело меня въ странное настрое-

ніе. Я все болѣе и болѣе чувствовалъ себя въ положеніи клейменой овцы. Насъ точно связали всѣхъ вмѣстѣ, но мы старались не выглядѣть новичками подъ испытующимъ взглядомъ полицейскихъ и курьеровъ. Мы всѣ носили новые цилиндры и сюртуки, такъ что въ моей памяти всего ярче врѣзалось необыкновенное обиліе цилиндровъ въ курительной комнатѣ націоналъ-либеральнаго клуба. Въ первый моментъ это напомнило мнѣ похороны. Люди, которыхъ я привыкъ видѣть въ мягкихъ фетровыхъ шляпахъ, въ котелкахъ или широкополыхъ шляпахъ, въ галстухахъ, повязанныхъ артистическимъ узломъ, въ свободныхъ жакеткахъ, теперь съ серьезнымъ видомъ и сознаніемъ собственной важности смотрѣли на всѣхъ, красуясь въ своихъ новыхъ и необыкновенно блестящихъ цилиндрахъ. Они даже носили эти шляпы какимъ-то особеннымъ образомъ, надвинувъ ее на лобъ, что, вѣроятно, считалось признакомъ хорошаго парламентскаго стиля.

Помню, какъ всѣ, придя въ палату, стремились опередить другъ друга, чтобы занять мѣсто и положить на него свою шляпу, въ знакъ того, что оно занято. Въ моей памяти живо сохранилось впечатлѣніе, которое производила палата въ этотъ ранній часъ, послѣ обѣда. Это была безлюдная пустыня, обитаемая только цилиндрами. Употребленіе визитныхъ карточекъ для занятія мѣстъ явилось гораздо позднѣе. Я видѣлъ ряды пустыхъ зеленыхъ скамей, покрытыхъ шляпами, и это производило странное впечатлѣніе. Одна изъ шляпъ, красовавшихся на скамьяхъ оппозиціи, свалилась и лежала посрединѣ, на полу. Шляпа, не надѣтая на голову, представляется мнѣ самымъ бездушнымъ предметомъ на свѣтѣ, даже болѣе бездушнымъ, чѣмъ черепъ...

Наконецъ, среди довольно большого безпорядка, мы приступили къ чтенію адреса и я очутился въ густой толпѣ, справа отъ кресла спикера, возлѣ сильно порѣдѣвшей оппозиціи, лишившейся лидера послѣ своего жестокаго пораженія на выборахъ и теперь удобно разсѣвшейся на опустѣвшихъ скамьяхъ.

Въ палатѣ поднялся невообразимый шумъ, и я привсталъ на цыпочки, чтобы посмотрѣть черезъ плечо стоявшаго передо мной депутата.

— Къ порядку! къ порядку!—раздались голоса.

— Что такое?—спросилъ я.

Но человѣкъ, стоявшій противъ меня, повидимому, былъ освѣдомленъ не лучше, чѣмъ я. Мнѣ удалось, однако, разглядѣть, что это Хризъ Робинзонъ отличился, нарушивъ парламентскій обычай. Онъ прошелъ между достопочтенными членами палаты и спикеромъ: я видѣлъ потомъ, какъ онъ,

краснѣя, говорилъ одному изъ своихъ коллегъ о своемъ промахѣ. Онъ мало измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ Кэмбриджѣ, только волосы у него стали совсѣмъ сѣдыми.

У меня мелькнула мысль, что я могъ бы не оставаться въ палатѣ и что всѣ вступительныя рѣчи я могу прочесть потомъ въ парламентскомъ отчетѣ.

Я вышелъ въ кулуары и пробрался къ выходу. Я ясно чувствовалъ взгляды небольшой группы людей у подъѣзда, говорившихъ: „это—депутатъ"...

— Господи! Зачѣмъ я тутъ? Что я здѣсь дѣлаю?—подумалъ я подъ вліяніемъ овладѣвшаго мной странно жгучаго чувства реакціи.

Это былъ одинъ изъ моментовъ, весьма обыкновенныхъ, но получающихъ огромное значеніе въ жизни человѣка. Я очень живо почувствовалъ, что не столько я овладѣлъ положеніемъ, сколько оно овладѣло мной. Но въ душѣ моей тотчасъ же поднялся протестъ. Что бы ни произошло въ этомъ парламентѣ, я все-таки предприму что-нибудь... Я не дамъ себя поглотить! Я здѣсь для того, чтобы сдѣлать что-нибудь, и я сдѣлаю непремѣнно!

Я чувствовалъ, однако, что не могу ни минуты дольше оставаться въ парламентѣ.

Я вышелъ на улицу, погруженный въ свои мысли. Было темно и изрѣдка падалъ дождь. Я обернулся и посмотрѣлъ на освѣщенныя окна палаты лордовъ...

Долго бродилъ я по набережной, переходилъ мосты и останавливался, всматриваясь въ темную воду, въ которой мѣстами отражался свѣтъ фонарей. Впереди виднѣлось зданіе парламента. Я облокотился на перила набережной, у фонаря и... сталъ молиться.

Помню, какъ журчала вода, поднимаясь, вслѣдствіе начинающагося прилива, какъ проплыли мимо меня баржи, раскачиваясь и подпрыгивая на волнахъ. Внезапная перемѣна моего положенія и то чувство тревоги, которое мною овладѣло, вызвали у меня желаніе молиться. И я молился въ ту ночь, чтобы жизнь моя не прошла даромъ, чтобы я не прожилъ напрасно! Я просилъ силы и вѣры, просилъ, чтобы чудовищныя слѣпыя силы, дѣйствующія въ природѣ, не овладѣли мной и не вернули меня назадъ къ пустой, безсмысленной жизни и подчиненію существующему порядку вещей. Я зналъ, что я слабый человѣкъ, но зналъ также, что мнѣ предназначено трудиться, чтобы создать порядокъ, какой я только въ силахъ создать изъ всего этого безпорядка, господствующаго вокругъ меня, и моя задача подавляла меня своею громадностью, вызывая во мнѣ все усиливающееся сознаніе собственной слабости...

— О, Господи!—молился я.—Измучь меня, истерзай меня, убей меня, но избавь отъ самодовольства, отъ удовлетворенія мелкими интересами и мелкими успѣхами и отъ такой жизни, которая проходитъ безслѣдно, какъ сонъ!........

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Сущность политики.

Глава первая.

Загадка для государственнаго человѣка.

I.

Я нѣсколько разъ передѣлывалъ и переписывалъ эту часть моей книги и предвижу, что мнѣ придется оставить ее въ такомъ необработанномъ и безсвязномъ видѣ. Я только теперь понялъ, какъ трудно писать исторію. Я хотѣлъ изложить здѣсь всю исторію развитія убѣжденій и стремленій человѣка и разсказать, какъ они вліяли на его жизнь, но я нахожу теперь, что это слишкомъ тонкая, сложная и трудная задача. Мнѣ надо употребить много стараній, чтобы хоть въ общихъ чертахъ указать главныя силы, дѣйствовавшія въ этомъ направленіи. Смѣлыя теоріи и обобщенія перемѣшиваются тутъ съ личными взглядами и вліяніями, съ господствующими предразсудками и все это не только окрашивается, но и измѣняется подъ вліяніемъ настроеній и переходовъ отъ подъема духа и надеждъ къ угнетенному состоянію...

Однако я все же попытаюсь анализировать тотъ сложный процессъ, который совершался въ моей душѣ. Главныя черты его легко прослѣдить. Это исторія моей жизни въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась большинству моихъ знакомыхъ.

Для всѣхъ я и Маргарита были молодой четой, блестящей, преисполненной надеждъ и энергіи, начинающей свою карьеру подъ покровительствомъ Алтіоры. Мы были всегда хорошо одѣты, дѣятельны, ѣздили въ автомобиляхъ, посѣщали разные дома, обѣдали въ блестящемъ обществѣ, отправлялись въ театръ и встрѣчались другъ съ другомъ въ кулуарахъ палаты. У Маргариты были сотни великолѣпныхъ туалетовъ. Въ этотъ періодъ времени мы, конечно, должны были имѣть видъ чрезвычайно преуспѣвающихъ людей.

Мы оба очень усердно помогали успѣху нашей общей карьеры. Я самъ много думалъ и многое дѣлалъ для этой карьеры и воздерживался отъ многихъ вещей ради нея. Я продолжалъ двигаться въ этомъ же направленіи по инерціи, долго

спустя послѣ того, какъ уже во мнѣ произошли перемѣны и совершилось многое, что сдѣлало невозможнымъ осуществленіе прежняго плана.

Подъ благовиднымъ предлогомъ мы неуклонно стремились создать себѣ хорошее положеніе въ свѣтѣ, достигнуть успѣха и почета. Но въ моей душѣ постепенно назрѣвали огромныя перемѣны, долго остававшіяся незамѣтными для всего нашего круга. Никто не могъ заподозрить ихъ существованія, пока онѣ внезапно не дали себя почувствовать и не отразились неблагопріятнымъ образомъ на нашихъ общихъ дѣйствіяхъ, нарушивъ наше видимое единодушіе.

Въ сущности мое истинное я не соотвѣтствовало тому представленію, которое имѣли обо мнѣ другіе. Они видѣли во мнѣ преуспѣвающаго человѣка, одобряемаго Алтіорой и возбуждавшаго зависть и споры. Одни меня хвалили, другіе порицали и мое имя часто фигурировало въ разговорахъ въ палатѣ и въ курительной комнатѣ. Но все это такъ же мало давало представленія обо мнѣ, какъ мало даетъ представленія объ истинномъ человѣкѣ его изображеніе въ повѣсти или объявленіе о его кончинѣ. Я говорю о невидимыхъ факторахъ нашей жизни и о чрезвычайно сложной умственной и духовной области, скрытой отъ взоровъ тѣмъ фасадомъ, который представляетъ внѣшняя жизнь человѣка. Оглядываясь назадъ, я съ удивленіемъ думаю о томъ, какъ мало онъ соотвѣтствовалъ моей внутренней жизни и всѣмъ моимъ переживаніямъ.

Интересно вспомнить, что именно Бриттенъ помогъ расшатать тѣ устои, на которыхъ держался этотъ видимый фасадъ моей супружеской жизни. Бриттенъ снова пробудилъ во мнѣ воспоминанія о мечтахъ моей юности и мою прежнюю привычку къ искренности. Онъ проникъ сквозь внѣшнюю оболочку, скрывающую мое внутреннее я, чего никто не могъ сдѣлать до этого времени, и заставилъ его проявить себя.

Живо припоминаю я одинъ обѣдъ и послѣдующую прогулку съ Бриттеномъ, указывающую сущность его вліянія на меня.

Я встрѣтился съ нимъ однажды, когда завтракалъ съ Сомерсомъ и Сеттономъ въ Плайтгайтъ-клубѣ. Я тотчасъ же пригласилъ его къ себѣ обѣдать, подъ впечатлѣніемъ минуты. Онъ былъ все тотъ же курчавый, краснолицый человѣкъ, говорящій басомъ, такъ мало похожій на другихъ, окружавшихъ меня людей, небрежно одѣтый въ поношенное старое платье. Вначалѣ онъ какъ будто былъ склоненъ дѣлать сравненія между мной, преуспѣвавшимъ въ жизни, и собой, но это настроеніе быстро испарилось у него и его разговоръ подѣйствовалъ на меня возбуждающимъ и освѣжающимъ образомъ. И что-то такое, что долго сдержива-

лось во мнѣ, вдругъ вырвалось наружу и мы съ нимъ сразу нашли общую точку соприкосновенія.

Алтіоры не было за этимъ обѣдомъ. Въ ея присутствіи всегда возникала натянутость и скрытая, но безплодная борьба Маргариты съ властнымъ стремленіемъ Алтіоры непремѣнно завладѣть разговоромъ и заставить всѣхъ присоединиться къ какому-нибудь совершенно неправильному выводу. Когда же Алтіоры не было, то преобладало болѣе умиротворяющее вліяніе Крэмптоновъ. Тогда, за обѣдомъ, разговоръ носилъ умѣренный характеръ, но, Боже мой, какъ были скучны Крэмптоны! Я просто удивляюсь, какъ я могъ выносить ихъ такъ долго. Они никогда сами не высказывались и какъ будто подстерегали говорящаго. Мнѣ всегда казалось, будто они притаились за кустами, чтобы при первомъ же удобномъ случаѣ выскочить оттуда, придраться къ какому-нибудь второстепенному факту и затѣмъ снова вернуться въ кусты. Это дѣйствовало на нервы. Ихъ жены были пріятнѣе, но тоже становились утомительными послѣ нѣкотораго времени. Онѣ любили разсуждать о дѣтяхъ и слугахъ, подражая тону Алтіоры и дѣлая замѣчанія по поводу различныхъ соціологическихъ типовъ. Льюисъ болталъ что-то о палатѣ, что-то никому неинтересное и не возбуждавшее никакихъ споровъ. Да и вообще никто не спорилъ ни о чемъ. Онъ спрашивалъ насъ, что мы думаемъ о запросѣ Ивешама, и Эдвардъ отвѣчалъ, что находитъ его удачно обоснованнымъ, а миссисъ Вилли, слушавшая рѣчи изъ-за рѣшетки, нашла его „очень хорошимъ", но Вилли возражалъ, что не считаетъ его столь хорошимъ, какъ она. Я поспѣшилъ заявить, что не слыхалъ запроса, чтобы не быть вынужденнымъ безплодно излагать свои взгляды среди этой пустоты. Ну, а потомъ мы перешли къ другому предмету разговора, представлявшему столь же жгучій интересъ...

На этотъ разъ Алтіора отсутствовала, но была миссисъ Миллингэмъ и Эсмиръ. Былъ также и Вилли Крэмптонъ, но не было его жены. Она незадолго передъ тѣмъ родила третьяго младенца, дѣйствуя и тутъ „по принципу". Эдвардъ, Льюисы и, конечно, Бентингъ Гарблоу тоже находились здѣсь. Была еще одна дама въ блѣдно голубомъ платьѣ, но я совершенно не въ состояніи вспомнить ея имя.

Очень скоро произошла маленькая стычка между Эдвардомъ Крэмптонъ и Эсмиромъ, высказавшимъ какое-то мнѣніе по поводу раздѣла Польши. Эдвардъ работалъ тогда надъ седьмымъ томомъ своей монументальной біографіи Косцюшко и поэтому очень нетерпимо относился къ мнѣніямъ, быть можетъ, и не вполнѣ неправильнымъ по существу, но обнаруживающимъ все-таки полное незнакомство съ относящейся сюда литературой. Во всякомъ случаѣ онъ съ очень высоко-

мѣрнымъ видомъ прочелъ наставленіе Эсмиру. Послѣдовало неловкое молчаніе, затѣмъ кто-то,—кажется, это была дама въ блѣдно-голубомъ платьѣ,—спросилъ миссисъ Льюисъ, вернулась ли ея тетка лэди Кармикстеръ изъ Италіи, куда она ѣздила лечиться? Это дало тему для разговора о правильномъ режимѣ, необходимомъ для здоровья, и всѣ старались поддержать этотъ разговоръ. Вилли разсказалъ намъ, что ему очень помогла система діэты, отрицающая завтраки. Благодаря ей, его способность къ труду возросла необыкновенно. Онъ могъ теперь работать безъ отдыха десять часовъ въ день, не чувствуя никакого неудобства.

— Что же вы дѣлаете?—рѣзко спросилъ Эсмиръ.

— О, массу работы! Надо управлять имѣніемъ и смотрѣть за всѣмъ...

— Но что же вы дѣлаете для общества?

— Я поставилъ вчера три вопроса и для одного изъ нихъ долженъ былъ просмотрѣть, по крайней мѣрѣ, девять книгъ!

Разговоръ продолжалъ вертѣться около вопросовъ діэтетики и разсужденій о томъ, что дѣйствительнѣе, употребленіе или неупотребленіе въ пищу цыплятъ и рыбы, когда вдругъ Бриттенъ, отказавшійся пить лимонадъ и кларетъ и попросившій бургундскаго, обратился къ намъ съ вопросомъ, что мы, молодые либералы, намѣрены дѣлать?

— Я бы желалъ въ точности знать,—сказалъ онъ громко— что вы, по вашему мнѣнію, дѣлаете въ парламентѣ?

Льюисъ нервно засмѣялся и отвѣтилъ:

— Мы ищемъ блага для государства.

— Какимъ образомъ?

— Посредствомъ благотворнаго законодательства.

— Благотворнаго въ какомъ смыслѣ? Я хочу знать, куда вы, по вашему мнѣнію, идете?—настаивалъ Бриттенъ.

— Мы добиваемся улучшенія соціальныхъ условій,—отвѣчалъ Льюисъ.

— Это—фраза!

— Но вы же не имѣете въ виду заставить меня излагать вамъ тутъ, за обѣдомъ, законопроекты?

— Я бы хотѣлъ только, чтобъ вы мнѣ указали направленіе вашей дѣятельности,—возразилъ Бриттенъ.

— Впередъ и вверхъ!—Льюисъ произнесъ эти слова съ категорической опредѣленностью и тотчасъ же повернулся къ миссисъ Бентингъ Гарблоу, спрашивая ее, какъ здоровье ея маленькаго сынка Френча?

На нѣкоторое время разговоръ отвлекся въ сторону отъ поставленнаго Бриттеномъ вопроса, но миссисъ Миллингэмъ, со свойственной ей язвительностью, опять вернулась къ нему, повторивъ вопросъ Бриттена какимъ-то особенно конфиденціальнымъ тономъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, что же мы, либералы, намѣрены дѣлать?—спросила она.

Эсмиръ пустился въ развитіе революціонныхъ теорій.

Правду сказать, я былъ нѣсколько возмущенъ этимъ оборотомъ разговора и въ то же время испытывалъ то, что, вѣроятно, испытываютъ многіе люди, когда внезапно замѣчаютъ, что они находятся въ общеніи съ двумя различными группами людей, съ которыми держатъ себя совсѣмъ иначе. Въ нашемъ кругу, какъ я замѣтилъ, мы инстинктивно старались выражаться неопредѣленно относительно своихъ политическихъ идеаловъ. Это было своего рода молчаливое соглашеніе, которое я считалъ себя нравственно обязаннымъ выполнять. Подразумѣвалось, что мы всѣ очень усердно работаемъ, слѣдуя девизу Алтіоры pro bono publico. Бентингъ Гарблоу, какъ помощникъ секретаря, и Льюисъ находились въ соприкосновеніи съ кабинетомъ и у насъ принято было думать, что многое уже находится на пути къ осуществленію... Но неловкость, вызванная этими допросами, еще усиливалась вслѣдствіе того, что разговоръ происходилъ въ присутствіи нашихъ женъ. Однако бунтующая часть нашей партіи ни за что не хотѣла успокоиться.

Эдвардъ Крэмптонъ объявилъ, не знаю уже по какому поводу: „Страна съ нами!“

Моя долго сдерживаемая ненависть къ стереотипнымъ фразамъ Крэмптона о странѣ, „которая съ нами“, и палатѣ, внезапно вырвалась наружу и въ первый разъ я показалъ своимъ друзьямъ то, что таилось у меня внутри:

— Мы больше не уважаемъ страну такъ, какъ это дѣлали прежде!—воскликнулъ я.—Мы не имѣемъ больше прежней вѣры въ волю народа. Не слѣдуетъ, Крэмптонъ, поддерживать это заблужденіе. Мы, либералы, знаемъ,—каждый знаетъ это въ настоящее время,—что въ числѣ прочихъ недостатковъ того чудовища, которое доставило намъ власть, имѣется то, что у него нѣтъ головы! Наша задача—доставить ему голову, если возможно, съ мозгомъ и волей. Но это въ будущемъ. Если же въ настоящее время страна находится на нашей сторонѣ, то это означаетъ только, что намъ удалось удержать ее на привязи.

Льюисъ былъ шокированъ моими словами. Депутатскій мандатъ носилъ священный характеръ въ его глазахъ.

Бриттенъ не могъ угомониться и продолжалъ приставать къ намъ. Было сдѣлано нѣсколько попытокъ остановить потокъ его вопросовъ, который обрушивался на насъ. Помню, что Крэмптоны пробовали разспрашивать Льюиса о здоровьѣ разныхъ его кузеновъ, которые были никому изъ насъ неизвѣстны, а Маргарита старалась втянуть Брит-

тена въ разговоръ о выставкѣ искусствъ и ремеслъ. Но ничто не помогало. Бриттенъ и Эсмиръ продолжали спорить. Миссисъ Миллингэмъ, по обыкновенію, язвила. Въ концѣ концовъ, бросивъ говорить о надеждахъ молодого либерализма, мы заговорили о пустотѣ политическихъ намѣреній. Маргарита была смущена. Я только теперь понимаю, какъ я долженъ былъ смущать ее временами.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказала она, и въ глазахъ ея появилось тревожное выраженіе,—надо же имѣть цѣль...

Немного погодя, она прибавила:

— Не всегда бываетъ легко выразить все въ словахъ...

— Не оставайтесь долго,—замѣтила миссисъ Эдвардъ Крэмптонъ своему мужу, когда наши жены выходили изъ столовой.

Когда мы присоединились къ нимъ въ гостиной, у меня была какая-то неопредѣленная увѣренность, что наши жены въ очень неблагопріятномъ смыслѣ критиковали Бриттена и его вмѣшательство въ нашъ разговоръ. Миссисъ Эдвардъ Крэмптонъ находила его дерзкимъ и аггрессивнымъ, а Маргарита, со спокойной настойчивостью, не допускающей сопротивленія, увела Бриттена съ собой въ уголъ и начала показывать ему итальянскія фотографіи.

Мы скоро разошлись.

Я вышелъ вмѣстѣ съ Бриттеномъ. Мы пошли по боковымъ улицамъ, къ мосту Баттерси, такъ какъ онъ жилъ въ той сторонѣ.

— Миссисъ Миллингэмъ славная!—сказалъ онъ вдругъ.

— Да, славная,—подтвердилъ я.

— Мнѣ нравится ея смѣлость,—продолжалъ онъ.—Она потребовала двухколесный кабріолетъ, потому что въ немъ менѣе безопасно ѣздить, чѣмъ въ каретѣ!

— Она была возбуждена, это оттого. Она—безупречная женщина, но ея инстинкты,—какъ сказала бы Алтіора,—принимаютъ подчасъ анархистскій характеръ, когда она дастъ имъ волю...

— Такъ она дастъ имъ выходъ въ кабріолетѣ?

— Очевидно.

— Ну чтожъ, она благоразумная женщина,—замѣтилъ Бриттенъ.

— Я надѣюсь, Ремингтонъ,—прибавилъ онъ послѣ небольшой паузы,—что я не очень нападалъ на вашихъ гостей. У меня бываетъ такое чувство по временамъ... Ремингтонъ, эти парни... совсѣмъ безкровные! Мужчина долженъ же иногда ѣсть кровавое мясо и напиваться. Если онъ этого не дѣлаетъ иногда, то какъ онъ сумѣетъ править? Меня пугаетъ мысль о вашей судьбѣ, приведшей васъ, въ силу какого-то недоразумѣнія къ власти. Мысль о томъ, что вамъ

надо представлять правительство, мнѣ кажется, должна вызывать у васъ головную боль. Тѣ, другіе, у нихъ нѣтъ желаній. Ихъ идеалъ—анемія. Но мы-то съ вами, во всякомъ случаѣ, имѣемъ желаніе сдѣлать что-нибудь изъ жизни, которая будетъ у насъ въ рукахъ. Они же хотятъ только держать ее въ рукахъ, чтобы ничего изъ нея не дѣлать. Они хотятъ изъять изъ нея всѣ возбудители. Какъ будто жизнь не есть исключительно реакція на возбужденіе!..

Онъ началъ говорить о своей собственной жизни. Его преслѣдовало несчастье. Онъ былъ бѣденъ и неудачникъ. Дѣвушка, которую онъ любилъ, подверглась нападенію и была убита лошадью, въ полѣ, самымъ ужаснымъ образомъ. Все это, конечно, заставило его страдать, но все же не сломило его. Мнѣ кажется, впрочемъ, что это все же изувѣчило его душу, но тѣмъ не менѣе онъ былъ гораздо бодрѣе, чѣмъ я могъ ожидать. Въ первую минуту меня поразилъ, правда, его неряшливый видъ, но за то тѣмъ сильнѣе была реакція, которая послѣдовала въ моихъ чувствахъ. Онъ вѣрилъ въ жизнь. Это была грубая, истекающая кровью вѣра, но она поразила меня, когда онъ раскрылъ передо мной свою душу. Общество, окружавшее меня, вызвало въ немъ раздраженіе и разочаровало его. Но я вдругъ почувствовалъ, когда онъ сталъ говорить, что и меня оно очень раздражаетъ. Онъ горячо упрекалъ меня. И онъ заставилъ меня устыдиться легкости, съ которой я шелъ на уступки, когда онъ началъ громить нашъ самодовольный новый либерализмъ и прогрессивность. Идя рядомъ со мной, изящно одѣтымъ и вылощеннымъ, онъ въ своемъ поношенномъ старомъ пальто и потертой шляпѣ составлялъ столь рѣзкій контрастъ, что мнѣ невольно стало неловко и стыдно своей выхоленной наружности.

— Все это имѣетъ такое же отношеніе къ истинному прогрессу,—сказалъ онъ, наконецъ,—какое имѣютъ размалеванныя двери въ домахъ предмѣстья къ истинному искусству... Но истинный прогрессъ, Ремингтонъ, это гораздо болѣе серьезная и тяжелая вещь и болѣе медленная. Смотрите.

Онъ указалъ на жалкую, грязную проститутку, притаившуюся возлѣ амбара, освѣщеннаго газовымъ фонаремъ:—Вотъ это самое было и въ Вавилонѣ, и въ Ниневіи. А ваша маленькая группа полагаетъ, что послѣ нынѣшняго парламента ничего подобнаго больше не будетъ! Достаточно Алтіорѣ Бейлей сдѣлать нѣсколько примѣчаній и все это исчезнетъ! Ремингтонъ, вѣдь это глупость, пустая забава, желаніе казаться и ничего больше! Ваши товарищи ничего не знаютъ о жизни; они избѣгаютъ ея, уклоняются отъ нея и сидятъ въ своихъ хорошенькихъ, чистыхъ комнатахъ, надъ своими стаканами съ лимонадомъ, въ то время, какъ тамъ, за стѣ-

нами, господствуетъ тьма... Эти дураки Крэмптоны отворачиваются отъ такихъ фактовъ.—Онъ снова указалъ на проститутку.—Они или утверждаютъ, что ничего подобнаго не существуетъ, или же выражаютъ увѣренность, что все это можетъ быть съ корнемъ вырвано парламентскимъ актомъ, предписывающимъ держать дѣтей на сырости и холодѣ, внѣ кабаковъ, когда внутри находятся ихъ родители. Вы думаете, Ремингтонъ, что они, эти люди, дѣйствительно заботятся объ этомъ? Ничуть не бывало. Они просто дѣлаютъ видъ. Все, что хотятъ дѣлать Льюисы и имъ подобные,—это сидѣть съ важнымъ видомъ на правительственныхъ скамьяхъ и внушать другимъ уваженіе и увѣренность, что безъ нихъ нельзя обойтись. Они изображаютъ изъ себя государственныхъ людей, полагая, что для этого достаточно носить соотвѣтствующимъ образомъ блестящія шляпы и важно выступать. Въ этомъ заключается вся ихъ сущность. Ясно, что дальше этого они ни о чемъ не думаютъ. Они никогда не взглянутъ въ лицо фактамъ, Ремингтонъ! Они не видятъ чудесъ и глубинъ жизни, нахожденій, тьмы и... страданій!

— Но у нихъ есть хорошія намѣренія, добрая воля,—попробовалъ я защищать ихъ.

— Сантиментальность!—рѣзко возразилъ Бриттенъ.—Добрая воля ничего не стоитъ, если она не рвется наружу, не жжетъ души человѣка и не побуждаетъ его дѣйствовать. А ваша компанія имѣетъ добрую волю только для того, чтобы думать, что она у нихъ есть! Неужели вы полагаете, что они проводятъ ночи безъ сна, ломая себѣ голову надъ тѣмъ, что дѣлать, какъ это бываетъ съ нами? Льюисъ, Крэмптонъ или всѣ эти миленькія, довольныя собой и своими мужьями дамочки?.. Вы развѣ не замѣчаете, какъ они уклоняются отъ испытанія, какъ они боятся сомнѣній?..

— Мы всѣ боимся этого испытанія,—замѣтилъ я.

— Господь помилуй насъ!—воскликнулъ Бриттенъ и, немного помолчавъ прибавилъ:—Вѣдь мы, даже лучшіе изъ насъ, не болѣе, какъ ползающіе во прахѣ черви, на мгновеніе поднявшіе голову надъ землей... Мы прокляты... Мы—маленькія животныя, осужденныя возводить свою коралловую постройку въ морѣ бѣдствій. Но самыя проклятыя изъ всѣхъ—это, самодовольные, умѣренные, почтенные молодые либералы, которые лишь заставляютъ другихъ думать, будто они что-нибудь дѣлаютъ. Это—либералы, проникнутые духомъ фабіанства...

Онъ замолчалъ и черезъ минуту проговорилъ совершенно другимъ тономъ:

— Вотъ почему я былъ такъ удивленъ, Ремингтонъ, что нашелъ васъ въ такой компаніи!..

— Вы—такой же старый мечтатель, какъ и были, Бриттенъ,—сказалъ я.—Но вы заходите слишкомъ далеко, напрягаете свои силы ради осужденныхъ на вѣчное проклятіе. Точно оселъ, который старается втащить свою телѣгу на валъ, чтобы достать растущій тамъ чертополохъ! Въ либерализмѣ есть глубины...

— Но мы вѣдь говорили о либералахъ!..

— Или о свободѣ?

— Свобода! Что знаетъ ваша маленькая группа о свободѣ?

— Что, вообще, можетъ знать о свободѣ какая-нибудь маленькая группа людей?

— Свобода слишкомъ велика для нашего пониманія. Точно ночь и звѣзды!.. Но страстное желаніе и горе,—развѣ я не испыталъ этого, Ремингтонъ? Развѣ я не знаю, что значитъ любить, надѣяться? Развѣ я не знаю, что значитъ потерять все въ жизни?.. Ремингтонъ, я на пути къ тому, чтобы сдѣлаться пьяницей! Я неудачникъ во многихъ отношеніяхъ. Моя жизнь подрѣзана. И все-таки я не боюсь жизни! Я заплатилъ дорогою цѣной за то, чтобы отчасти понимать, въ чемъ заключается ея смыслъ!..

Онъ круто повернулъ въ сторону и крикнулъ мнѣ на прощаніе:

— Я скорѣе готовъ умереть отъ бѣлой горячки, нежели быть Льюисомъ или Крэмптономъ!..

Жесты Бриттена и его рѣчи преслѣдовали меня, когда я шелъ домой. „Казаться! Казаться!"—Эти слова непрерывно раздавались въ моихъ ушахъ.

Я прошелъ прямо въ свой кабинетъ и остановился въ задумчивости передъ своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ въ большомъ порядкѣ лежали всѣ мои бумаги, разложенныя Маргаритой. Она всегда заботилась объ этомъ и сама устроила мой кабинетъ. Теперь, подъ впечатлѣніемъ разговора съ Бриттеномъ, я подумалъ, что именно такъ долженъ быть устроенъ кабинетъ каждаго государственнаго человѣка!..

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Русская книга о французскихъ рабочихъ въ эпоху великой революціи.*).

(Окончаніе).

IV.

Переходимъ теперь въ книгѣ г. Тарле къ тѣмъ матеріямъ, которыя уже непосредственно относятся къ исторіи революціи, что и составляетъ главное содержаніе его капитальнаго труда.

У русскаго историка французскихъ рабочихъ въ эпоху революціи было только два предшественника, и оба они—люди съ крупными именами: одинъ изъ нихъ,—это Левассёръ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, потрудившійся надъ исторіей рабочаго класса во Франціи отъ римскихъ временъ до нашихъ дней, другимъ же является Жоресъ, авторъ большой исторіи французской революціи, вышедшей въ свѣтъ около десяти лѣтъ тому назадъ и впервые съ особымъ интересомъ отнесшейся къ участію рабочаго класса, какъ таковаго, а не просто собирательнаго «народа», въ событіяхъ революціи. Положительно можно сказать, что по количеству сообщаемыхъ фактовъ и по обстоятельности ихъ освѣщенія нашъ русскій изслѣдователь превзошелъ обоихъ названныхъ французскихъ ученыхъ въ изученіи эпохи 1789—1799 гг.

Въ первомъ томѣ «Исторіи рабочихъ классовъ и промышленности во Франціи съ 1789 до 1870 г.» Левассёра изложеніе революціонной эпохи занимаетъ 290 страницъ, изъ которыхъ очень многія посвящены изложенію политическихъ событій или такимъ предметамъ, какъ уничтоженіе феодальныхъ правъ, торговая политика, народное образованіе, финансовое положеніе Франціи передъ началомъ революціи и во время революціи, знаменитые ассигнаты и т. п., такъ что на темы, разсматриваемыя нашимъ авторомъ, остается гораздо меньше мѣста. Напр., исторія изданія закона Ле-Шапелье, занимающая у г. Тарле 45 страницъ (I, 150—194), разсказывается Левассёромъ только на шести страницахъ (I, 51—56), причемъ въ это число я включаю и тѣ, на которыхъ говорится о коалиціяхъ и стачкахъ, приведшихъ къ этому закону **).

---

*) См. № 5 „Р. Богатства“ 1911 г.

**) О нѣкоторыхъ фактахъ, сообщаемыхъ Левассёромъ, Е. В. Тарле, впрочемъ, ничего не говоритъ, какъ, наприм., о томъ, что противъ «compagnonnage du devoir» были даже сами рабочіе изъ тѣхъ, которые не принад-

Или возьмемъ еще законъ о максимумѣ, исторія котораго въ изложеніи Е. В. Тарле занимаетъ 126 страницъ (II, 309—434), тогда какъ Левассёръ, разсматривающій этотъ предметъ въ главѣ объ ассигнатахъ, отводитъ на его изложеніе всего 16 неполныхъ страницъ (I, 193—208). Въ частности, вопросъ о примѣненіи закона о максимумѣ въ Парижѣ и въ провинціи занимаетъ у Левассёра только восемь страницъ (а у г. Тарле цѣлые десятки страницъ), причемъ въ ссылкахъ французскаго историка мы находимъ лишь «Histoire parlementaire de la révolution française» (Бюшеза и Ру), на Тэна, еще на двѣ-три книги (между ними на собраніе документовъ, собранныхъ въ четырехъ томахъ Aulard'омъ подъ заглавіемъ «Paris pendant la réaction thermidoriéune et sous le directoire», да нѣсколько архивныхъ документовъ (изъ серіи F[12]).

При сравненіи «Рабочаго класса во Франціи» съ «Исторіей французской революціи» Жореса первая изъ этихъ книгъ тоже выигрываетъ, поскольку она спеціально трактуетъ о вопросахъ, которые у французскаго историка составляютъ лишь части общей исторіи революціи. Притомъ Жоресъ, какъ извѣстно, не дѣлаетъ ссылокъ на свои источники и пособія, что умаляетъ научную цѣнность его книги, тогда какъ у г. Тарле каждое утвержденіе подкрѣпляется или цитатою изъ какого-либо документа, или, по крайней мѣрѣ, указаніемъ на документъ, въ которомъ о данномъ предметѣ говорится. Если Жоресъ и заглядывалъ въ неизданные источники, то во всякомъ случаѣ подъ его руками ихъ могло быть очень небольшое количество.

О законѣ Ле-Шапелье Жоресъ въ своемъ трудѣ написалъ довольно много, около двадцати страницъ (I, 605—628, изъ которыхъ кое-что нужно вычесть на иллюстраціи), но въ это число входятъ текстъ самого закона и выдержки изъ тогдашнихъ газетъ и рѣчей и изъ другихъ документовъ, и большая выписка изъ «Капитала» Маркса съ критикою его мнѣнія *). Труднѣе подсчитать, сколько мѣста въ этомъ громадномъ трудѣ отводитъ на исторію maximum'a сотрудникъ Жореса Гэдъ, въ томѣ, посвященномъ конвенту, въ виду того, что о немъ говорится и здѣсь и тамъ, начиная съ первыхъ заявленій о необходимости его установленія. Страницъ, посвященныхъ спеціально декрету 29 сентября 1793 г., въ общемъ очень не-

лежали къ этой ассоціаціи. Levasseur, I, 51. См. «Adresse de la grande majorité des ouvriers des manufactures, compagnons des arts et métiers, pour la suppression de l'institution des compagnons des devoir. У Левассёра этотъ документъ носитъ дату 5 марта 1791 г., но это—опечатка вм. 2 мая 1791 г. См. Table des matiéres etc., contenue dans les procès-verbaux de l'Assemblée Constituante. p. An. XIV. т. II, стр. 128.

*) Отмѣчу кстати, что Жоресъ не видитъ въ законѣ Ле-Шапелье буржуазной преднамѣренности. «Les individus et l'état: pas de groupements intermédiaires: voilà la conception sociale de Chapelier: elle servait àcoup sûr l'intérêt de la bourgeoisie: mais il ne m'est pas démontré que ce fut surtout pour desarmer de proletariat que Chapelier proposa la loi du 14 juin». I, 608.

много—двѣ-три (1676—1879), да притомъ историкъ и не особенно подробно останавливается на существѣ дѣла, а, главное, не обнаруживаетъ желанія критически разобраться въ вопросѣ *). Равнымъ образомъ Гэдъ мало останавливается и на томъ сопротивленіи, которое на первыхъ же порахъ вызвано было примѣненіемъ закона (стр. 1776 и слѣд.).

Сравнивая, однимъ словомъ, разбираемую книгу съ трудами Левассёра и Жореса (и его продолжателей), мы не можемъ не видѣть сразу же, что нашъ авторъ далъ по двумъ наиболѣе капитальнымъ вопросамъ, указаннымъ нами, гораздо болѣе, нежели названные французскіе ученые.

Но перейдемъ къ самымъ этимъ вопросамъ.

Въ первомъ томѣ своего труда Е. В. Тарле собралъ множество фактовъ, рисующихъ намъ участіе рабочаго класса въ парижскихъ событіяхъ 1789 г. **). Онъ очень подробно разсказываетъ о безпорядкахъ 27 и 28 апрѣля 1789 г., сопровождавшихся разгромомъ домовъ фабрикантовъ Равельона и Анріо, и критически разбираетъ какъ извѣстія объ этомъ эпизодѣ, такъ и сложившіяся о немъ мнѣнія (I, 19—56). Столь же подробно онъ повѣствуетъ о возникшей въ 1789 г. безработицѣ, о народныхъ волненіяхъ послѣ взятія Бастиліи и о начинаніяхъ парижскаго муниципалитета для борьбы съ безработицей и ея послѣдствіями (I, 57—80), а затѣмъ о благотворительныхъ мастерскихъ и общественныхъ работахъ, устроенныхъ для оказанія помощи безработнымъ (I, 81—115). Во всемъ этомъ авторъ проявилъ большую обстоятельность, какъ и въ главѣ, разсматривающей взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ въ 1790—1791 гг., а также стачечное движеніе 1791 г. въ Парижѣ (I, 116—194).

*) «La convention comprit que seule la taxation légale des denrées pouvait assurer la subsistense du peuple sans le livrer au despotisme». La convention, стр. 1676. «La convention n'institue pas le maximum comme un régime definitif, mais seulement comme un remède à des passagères et extraordinaires difficultés... D'innombrables difficultés d'application vont surgir qui n'empêcheront pas une première mise en oeuvre un peu (sic!) grossière ou arbitraire de la loi, mais obligeant bientôt la Revolution à une analyse plus profonde du mouvement économique... La convention tient à consolider au profit des ouvriers une partie du moins des conquêtes qu'ils ont réalisé dans l'ordre des salaires..- pour le maximum des produits et marchandises, le prix de 1790 est majoré d'un tiers, pour les salaires il est majoré de la moitié», и въ этомъ заключалась «l'amelioration réelle de la condition des salariés, l'accroissement réel de leur puissance d'achat», стр. 1679. Ср. стр. 1780, гдѣ тоже говорится, что законъ о максимумѣ былъ выгоденъ для рабочихъ, но тутъ отмѣчается и то, что „les ouvriers, les prolétaires tentèrent d'éluder le maximum», безъ попытки прочно объяснить это явленіе. Продолжатель Guesde'a Deville уже совсѣмъ мало говоритъ объ отмѣнѣ закона о максимумѣ. Hist. socialiste V. 78.

**) Если бы Е. В. Тарле обратился къ книгѣ Меллье о секціяхъ, онъ могъ бы нѣсколько больше сказать объ участіи рабочихъ въ революціи и объ отношеніи революціи къ нимъ. См. Mellié, стр. 144 и слѣд., 191, 249, 263, 266, 268, 287 и слѣд.

Въ 1790—1791 гг. экономическое положеніе Франціи, судя по всему, стало улучшаться сравнительно съ 1789 г., и нашъ изслѣдователь по этому поводу приводитъ одинъ оффиціальный докладъ, въ которомъ дана была общая характеристика 1789 г. въ отношеніи торговли и который до сихъ поръ оставался неиспользованнымъ историками и, между прочимъ, остался неизвѣстнымъ Жоресу. Нѣкоторое общее улучшеніе экономическаго положенія страны сдѣлало возможнымъ стачечное движеніе, приведшее, по мнѣнію автора, къ изданію закона Ле-Шапелье. На основаніи множества архивныхъ матеріаловъ Е. В. Тарле освѣтилъ отношенія между предпринимателями и рабочими, на почвѣ которыхъ возникли стачки 1791 г., причемъ отмѣтилъ и то, какъ предприниматели постоянно стремились къ запугиванію властей призракомъ возстанія рабочихъ. Сами рабочіе съ лѣта 1789 вплоть до весны 1791 г. стачекъ почти не устраивали, а если и обращались къ властямъ съ разнаго рода жалобами и просьбами, то дѣлали это въ самыхъ сдержанныхъ, почтительныхъ выраженіяхъ.

Стачечное движеніе 1791 г. разсмотрѣно авторомъ съ большими подробностями, которыя онъ нашелъ въ архивномъ матеріалѣ, хотя онъ и выражаетъ сожалѣніе, что извѣстій объ этомъ дошло до насъ меньше, чѣмъ было бы желательно.

Разсказываемыя авторомъ событія относятся къ апрѣлю и маю 1791 г., когда движеніемъ былъ захваченъ цѣлый рядъ промысловъ. Парижскій муниципалитетъ тотчасъ же выступилъ съ заявленіемъ по адресу «рабочихъ разныхъ профессій» съ цѣлью, какъ выражается нашъ историкъ (I, 153), «усовѣстить ихъ и показать нелогичность ихъ домогательствъ». Въ этомъ заявленіи рабочихъ упрекали въ томъ, что они собираются, вмѣсто того, чтобы употреблять свое время на работу, и произвольно устанавливаютъ таксу платы за рабочій день, вопреки новому принципу свободы, которая должна царить и въ соглашеніяхъ между нанимателемъ и рабочимъ. Наконецъ, муниципалитетъ указывалъ, что такія соглашенія замѣнили бы собою цехи и явились бы воскрешеніемъ монополій, отдающихъ общество во власть немногихъ.

Это воззваніе муниципалитета никакого успѣха не имѣло, стачка разгоралась съ каждымъ днемъ все больше, и тогда нѣкоторые предприниматели стали побуждать муниципалитетъ къ болѣе рѣшительному вмѣшательству въ рабочее движеніе. Призывъ не остался не услышаннымъ: очень скоро послѣ этого появилось новое обращеніе муниципалитета ко всѣмъ рабочимъ столицы, гдѣ уже прямо запрещалось принимать впредь общія рѣшенія касательно заработной платы и объявлялись нарушителями общественнаго спокойствія рабочіе, которые будутъ продолжать собираться или мѣшать работѣ другихъ. Полицейскимъ коммиссарамъ при этомъ предписывалось по первому требованію властей являться съ достаточными силами на мѣста безпорядковъ, арестовывать виновныхъ въ ихъ

учиненіи и составленные по этому поводу протоколы отсылать къ обвинительной власти.

Когда стачечники узнали объ этомъ объявленіи, они съ своей стороны обратились къ муниципальнымъ властямъ съ заявленіями, въ которыхъ увѣряли, что ихъ общества суть лишь взаимно-благотворительныя учрежденія на случай болѣзни и старости.

Для характеристики этого времени очень важно отмѣтить, что нашъ изслѣдователь нашелъ среди тогдашнихъ газетъ только одну («Les révolutions de Paris»), которая обнаружила интересъ къ стачкѣ, но и эта газета, одна изъ наиболѣе демократически настроенныхъ, въ основномъ вопросѣ стала на сторону муниципалитета: чье-либо вмѣшательство во взаимныя отношенія тѣхъ, кто работаетъ, и тѣхъ, кто даетъ работу, «тираннично и абсурдно». Авторъ газетной статьи прямо заявлялъ, что «собранія, куда могутъ быть допущены только люди, занимающіеся одною и тою же профессіею, оскорбляютъ новый порядокъ вещей и омрачаютъ свободу», что они «изолируютъ гражданъ, дѣлаютъ ихъ чуждыми отечеству и, учатъ ихъ заниматься самими собою, забывая общее дѣло», и что, въ концѣ концовъ, «они стремятся увѣковѣчить тотъ эгоизмъ, тотъ корпоративный духъ, который хотѣли уничтожить вплоть до названія». При такомъ отрицательномъ отношеніи къ принципу ассоціаціи и стачекъ статья тѣмъ не менѣе признаетъ рабочихъ по существу дѣла правыми и въ очень враждебномъ тонѣ говоритъ о хозяевахъ: «мы имъ совѣтуемъ, сказано, напр., въ статьѣ, отдѣлаться поскорѣе отъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ при старомъ режимѣ; подъ сѣнью своихъ привилегій они долго мучили рабочихъ, но это счастливое время уже прошло; большія и быстро составляемыя состоянія не въ духѣ конституціи». Въ этомъ рѣзкомъ тонѣ демократической газеты нашъ историкъ только и видитъ все ея отличіе отъ воззрѣнія тогдашнихъ властей, но по существу совпаденіе взглядовъ было полное, ибо, какъ замѣчаетъ съ полною основательностью г. Тарле, «буржуазная демократія, яркою выразительницею которой была цитированная нами газета, вѣрила тогда искренне, что духъ конституціи непримиримъ съ большими и быстро составляемыми состояніями» (I, 161). Авторъ прибавляетъ еще, что эта буржуазная демократія «была чувствомъ враждебна притѣсненіямъ труда представителями капитала, но, конечно, при общихъ своихъ воззрѣніяхъ логически совершенно безпомощна указать какой бы то ни было выходъ изъ создавшагося положенія» (I, 162). Чувствовала ли она эту свою безпомощность, судить не берусь, но для меня несомнѣнно, что она, какъ и всѣ въ ту эпоху, вѣрила въ единую спасительность свободы для уврачеванія общественныхъ бѣдствій. Нашъ историкъ вообще какъ-то мало думаетъ о тогдашней отвлеченной идеологіи, напирая, главнымъ образомъ, на то, что во всей исторіи возникно-

венія закона Ле-Шапелье самымъ существеннымъ факторомъ былъ классовой расчетъ буржуазіи.

Видя, что муниципалитетъ безсиленъ что-либо сдѣлать, хозяева во второй половинѣ мѣсяца обратились за помощью уже къ самому національному собранію *). Рабочіе рѣшили тогда опять отвѣчать, и любопытно, что въ отвѣтѣ своемъ они снова заявляли, что ихъ соединеніе есть только взаимно-благотворительное общество, а не корпорація, и что хозяева на нихъ просто клевещутъ, приписывая имъ преступныя намѣренія. Вотъ, наоборотъ, сами хозяева, по словамъ рабочихъ, собираются и столковываются между собою, чтобы платить за работу какъ можно меньше, а потому Національное собраніе, разумѣется, не станетъ «покровительствовать соглашенію предпринимателей, клонящемуся къ преступному угнетенію». Хозяева ссылались на принципъ свободы, но и рабочіе тоже дѣлали ссылку на декларацію правъ, которая должна же чѣмъ-нибудь помочь рабочимъ, столь долго бывшимъ «игрушкою деспотизма предпринимателей». Мало того: стачечники обвиняли хозяевъ въ томъ, что своими «преступными» соглашеніями они стремятся вернуть времена цеховъ. Признаніе и рабочими «преступности» общаго соглашенія съ цѣлью влiять на заработную плату—явленіе весьма характерное для эпохи: «и тѣни какой бы то ни было защиты своей позиціи по существу здѣсь нѣтъ, да и быть не могло», ибо «слишкомъ законченно и твердо было господствовавшее воззрѣніе на свободу труда, на недопустимость профессіональныхъ организацій, и слишкомъ смутно и неясно было еще самосознаніе рабочихъ, не смотря на обидчиво высказанное убѣжденіе, что хозяева о т ъ н и х ъ получили свое состояніе» (I, 164). Весьма также интересенъ еще одинъ документъ, найденный Е. В. Тарле въ архивѣ, своего рода апелляція рабочихъ къ общественному мнѣнію, оставшаяся однако безплодною: на нее нашъ историкъ не нашелъ ни въ одной газетѣ того времени ни малѣйшаго намека. Въ этомъ документѣ равнымъ образомъ хозяева обвиняются въ приверженности къ цеховому строю, дававшему имъ власть располагать трудомъ рабочихъ. Любопытно и то, что составители документа обвиняютъ своихъ обвинителей въ лживости, такъ какъ тѣ приписываютъ ихъ, рабочихъ, «рекламаціямъ» значеніе принимаемыхъ ими постановленій (arrêtés), какъ чего-то недопустимаго съ точки зрѣнія свободы.

Эти и подобныя имъ записки, исходившія изъ рабочей среды, весьма характерны, и г. Тарле очень хорошо сдѣлалъ, подробно ихъ изложивъ въ своей книгѣ. Особенно курьезно, что рабочіе всячески оправдывались отъ обвиненія въ существованіи у нихъ организаціи и потому избѣгали употреблять такія выраженія, подъ

*) Разсказывая все это, Е. В. Тарле (см. I, 163, 165 и др.) вноситъ въ повѣствованіе Жореса нѣкоторыя поправки и дополненія.

которыми можно было бы усмотрѣть намеки на организованность. Въ свою очередь хозяева тоже составляли записки, жалуясь на слабость муниципалитета, который не могъ справиться съ «возстаніемъ рабочихъ», въ количествѣ, какъ сказано въ одномъ документѣ, восьмидесяти тысячъ человѣкъ. Этотъ документъ былъ направленъ уже не въ Національное собраніе, а въ «комитетъ конституціи», занимавшійся выработкою будущаго государственнаго устройства Франціи *). Туда же около этого времени обратился и муниципалитетъ, дабы узнать, какихъ принциповъ должна держаться администрація въ своемъ образѣ дѣйствій по отношенію къ стачечному движенію.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого комитетъ конституціи внесъ на обсужденіе Національнаго собранія законопроектъ, докладчикомъ по которому выступилъ Ле-Шапелье. «Это, характеризуетъ послѣдняго авторъ, былъ типичный представитель той, еще тогда всецѣло господствовавшей тенденціи, согласно которой буржуазія, сохранивъ королевскую власть, тѣмъ не менѣе должна была зорко слѣдить за нею, а съ другой стороны—и столь же зорко за соціальными низами» (I, 175). Нашъ историкъ подробно останавливается на соціальной физіономіи автора закона 14 іюня 1791 г., «относящагося,—какъ онъ назывался,—къ сборищамъ рабочихъ и ремесленниковъ одного и того же промысла и профессіи». Онъ оспариваетъ прежде всего мнѣніе Жореса, «единственнаго изъ французскихъ историковъ революціи, писавшаго о законѣ Ле-Шапелье», считавшаго недоказаннымъ, что цѣлью закона было «обезоружить пролетаріатъ» **). «До Жореса, замѣчаетъ г. Тарле, это было не доказано по той простой причинѣ, что закономъ Ле-Шапелье вообще никто внимательно не занимался» (I, 177). Марксъ въ своемъ «Капиталѣ» удѣлилъ ему 20—25 строкъ среди другихъ аналогичныхъ законовъ и потому имѣлъ полное право не касаться деталей той исторической обстановки, среди которой этотъ законъ увидѣлъ свѣтъ. Если Жоресъ считаетъ недоказаннымъ, что непосредственною и ближайшею цѣлью закона Ле-Шапелье было уничтожить силу рабочихъ и ихъ обезоружить, то причина, по мнѣнію автора, этого такая: вопреки хронологіи Жоресъ въ своемъ трудѣ сначала говоритъ о законѣ Ле-Шапелье, а потомъ уже о весенней стачкѣ 1791 г., имѣвъ о ней только два документа, среди которыхъ не было упомянутаго обращенія въ комитетъ конституціи. Въ подтвержденіе своего взгляда Е. В. Тарле приводитъ еще мнѣніе Жермена Мартена, который въ своей книгѣ «Les associations ouvrières au XVIII siècle» назвалъ этотъ законъ вызваннымъ обстоятель-

*) Г. Тарле приводитъ цѣликомъ этотъ документъ въ „Приложеніяхъ“ къ первому тому (№ XXVIII).

**) См. выше въ примѣчаніи, гдѣ приведены выдержки изъ „Histoire socialiste“ Jaurès'a.

ствами (une loi de circonstance). Но тотъ же Жерменъ Мартенъ полагаетъ, что законъ былъ продиктованъ «рѣшительною необходимостью воспрепятствовать воскрешенію цеховъ». Авторъ совершенно не соглашается съ такимъ толкованіемъ, а также не раздѣляетъ взгляда Жермена Мартена, будто творцы закона не предвидѣли его послѣдствій. Напротивъ, возражаетъ онъ, изолированіе и ослабленіе представителей наемнаго труда главнымъ образомъ и имѣлось въ виду, когда издавался законъ, такъ что о какомъ-либо недоразумѣніи тутъ и рѣчи быть не можетъ. Другими словами, Е. В. Тарле стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что законъ Ле-Шапелье «былъ проведенъ съ сознательною и вполнѣ опредѣленною цѣлью уничтожить возможность какихъ бы то ни было организацій не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ, нанести стачкамъ, длившимся съ апрѣля и въ іюнѣ еще не прекратившимся,—окончательный ударъ» (I, 179). Подтвержденіе своей точки зрѣнія онъ видитъ и въ докладѣ Ле-Шапелье при внесеніи имъ законопроекта въ Національное собраніе. Докладъ этотъ изложенъ нашимъ историкомъ довольно подробно, но, по моему мнѣнію, дѣло можетъ толковаться и не такъ, какъ его толкуетъ Е. В. Тарле, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что и другіе аргументы противъ сообществъ были также очень рельефно выдвинуты въ докладѣ. Соглашаясь съ Е. В. Тарле въ томъ, что стачки 1791 г. ускорили изданіе закона Ле-Шапелье, соглашаясь даже съ тѣмъ, что самъ Ле-Шапелье понималъ, на что онъ шелъ, я все-таки думаю, что чисто отвлеченная идеологія сыграла здѣсь гораздо бо́льшую роль, чѣмъ это допускается нашимъ изслѣдователемъ. Не ради простого приданія «оттѣнка безпристрастія», какъ думаетъ онъ, въ докладѣ подчеркивалось, что предлагаемый декретъ былъ направленъ не только противъ соглашеній рабочихъ ради увеличенія заработной платы, но и противъ соглашеній, въ какія могли бы вступать предприниматели съ цѣлью ея уменьшенія. Вѣдь послѣднее мы находимъ не только въ докладѣ, но и въ самомъ декретѣ. Именно, дѣйствіе закона, его второю статьею, распространялось и на предпринимателей, и тѣхъ, у кого есть открытая лавка, и это же сопоставленіе «entrepreneurs, ouvriers et compagnons» повторяется въ статьѣ пятой закона Ле-Шапелье. Въ числѣ аргументовъ, которые авторъ приводитъ въ свою пользу, имѣется еще одинъ: это—предложеніе самого же Ле-Шапелье сдѣлать исключеніе для торговыхъ палатъ, которое и было принято *), но этимъ нисколько не ослабляется сила того, что декретъ 14 іюня 1791 г. одинаково запрещалъ соединенія, какъ рабочихъ, такъ и ихъ хозяевъ, т. е. предпринимателей.

Несомнѣнно, въ дѣлѣ возникновенія закона Ле-Шапелье нужно признать нѣкоторую двойственность мотивовъ. Быть можетъ, одни

*) Извѣстно, что и это изъятіе продержалось недолго.

сознательно и преднамѣренно ковали оружіе противъ пролетаріата, но вѣроятнѣе, что для большинства главнымъ соображеніемъ было то, которое было выставлено въ докладѣ, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшее тогдашней идеологіи, раздѣлявшейся даже самими рабочими. Читая протоколъ (къ сожалѣнію, очень краткій) засѣданія 14 іюня 1791 г., мы въ немъ, дѣйствительно, находимъ ссылку на злонамѣренныхъ лицъ, мутящихъ рабочихъ и заставляющихъ ихъ назначать заработную плату выше настоящей цѣны (leur juste valeur), и на необходимость «какъ можно скорѣе (promptement) издать законъ, что... заработная плата должна устанавливаться свободнымъ договоромъ лица къ лицу» *). Въ общемъ, въ засѣданіи 14 іюня преній почти не было, и самъ Е. В. Тарле не удивляется, что противъ проекта Ле-Шапелье не было сказано ни одного слова, ибо «сами рабочіе считали возможнымъ отстаивать только благотворительныя цѣли своихъ обществъ и на донесенія хозяевъ отвѣчали донесеніями на хозяевъ за устраиваемыя будто-бы тѣми соглашенія относительно того, чтобы давать только низшую плату» (I, 188). Наконецъ, самъ же авторъ подчеркиваетъ что «въ моментъ изданія закона Ле-Шапелье руководящее общественное мнѣніе отнеслось къ нему такъ же, какъ отнеслось само Національное собраніе» (I, 189): законъ не вызвалъ ни малѣйшей агитаціи ни въ печати, ни въ клубахъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что осенній законъ того же 1791 г. спеціально запретилъ коалиціи какъ помѣщиковъ и арендаторовъ, такъ и рабочихъ или поденщиковъ съ цѣлью одинаково какъ понижать, такъ и повышать рабочую плату—безразлично. Несомнѣнно, здѣсь дѣйствовалъ общій принципъ.

Послѣ изслѣдованія Е. В. Тарле было бы ошибочно говорить только объ идеологической принципіальности закона Ле-Шапелье, но столь же неправильно было бы сводить все къ одному буржуазноклассовому расчету. Впрочемъ, двойственность мотивовъ еще раньше признавалась Левассёромъ, который, отмѣчая, что Національное собраніе, въ сущности, вполнѣ стояло на точкѣ зрѣнія Тюрго, не скрывалъ, однако, что въ дѣлѣ проведенія закона Ле-Шапелье сыграло свою роль и раздраженіе противъ безпокойныхъ рабочихъ *). Защищая эту идею двойственности, я могу сослаться и на то, что совершенно къ тому же выводу пришелъ по вопросу о происхожденіи закона 14 іюня 1791 г. Дюффренъ, авторъ работы «Коали-

*) Procès verbal de l'Assemblée Nationale imprimé par son ordre (подъ 14 іюня 1791 г.). И еще разъ сказано, что докладчикъ настаивалъ, „que le décret passât promptement».

**) Levasseur, I, 55. Ср. его замѣчаніе по поводу декрета 26 іюля 1791 г., направленнаго противъ рабочихъ бумажныхъ фабрикъ: «Si la loi se ontrait sevère, c'est que les législateurs étaient irrités. Mais la colère n'est jamais bonne conseilière; en prescrivant un abus, la Constituante portait atteinte à une liberté». I, 56.

ція рабочихъ и стачка», вышедшей въ свѣтъ въ 1903 г. *). Еслибы Е. В. Тарле, кромѣ временныхъ условій возникновенія закона Ле-Шапелье, которыя онъ такъ полно и убѣдительно изложилъ, больше обратилъ вниманія на общественныя идеи физіократовъ, какъ предшественниковъ революціоннаго законодательства, онъ тоже, вѣроятно, ясно отмѣтилъ бы указанную двойственность, но уже хорошо и то, что своимъ изслѣдованіемъ стачечнаго движенія 1791 г. онъ пролилъ свѣтъ на непосредственную причину возникновенія закона **).

Для исторіи парижскихъ рабочихъ въ 1789—1791 гг. въ книгѣ г. Тарле важна еще глава «Политическія партіи и рабочіе въ періодъ Учредительнаго собранія» ***), написанная на основаніи архивныхъ документовъ, хотя, по признанію самого автора, и скудныхъ. Въ ней особенно интересны указанія на «аполитичность» рабочихъ въ этотъ періодъ. «Во всѣхъ ихъ заявленіяхъ, говоритъ нашъ изслѣдователь, мы находимъ мотивы непосредственно экономическаго характера и весьма рѣдко что-либо иное. Политическіе интересы,—даже какъ нѣчто, прямо вытекающее изъ нуждъ и стремленій экономическаго характера,—были для нихъ еще слишкомъ большой и сложной абстракціей» (II, 196).

---

*) M. Duffrennes. La coalition ouvrière et la grève. Etude historique (1789—1884). P. 1903. Г. Тарле, повидимому, не пользовался этой работой, въ которой изданіе закона Ле-Шапелье ставится въ связь съ рабочимъ движеніемъ (стр. 22), хотя въ то же время Дюффренъ видитъ въ законѣ возрожденіе идеи Тюрго (стр. 23): „rien ne doit exister entre l'Etat et l'individu c'est là une idée de l'époque". Недавно о законѣ Ле-Шапелье писалъ еще Ch. Schmidt въ выпускѣ серіи „Com. de recherches et de publications des documents relatifs à la vie économique de la révolution", вышедшемъ въ 1910 г. подъ заглавіемъ «L'industrie». Законъ 1791 г. онъ ставитъ въ связь съ эдиктомъ 1776 г. и оспариваетъ правильность мнѣнія Маркса о его происхожденіи. По его мнѣнію, la constituante légifera pour un pays de petite culture desséminée... Pléins de l'idée des lois naturelles les députés redoutaient la réapparition des corporations confondant coalition et association professionnelle. Ce n'est qu'à la longue par le developpement intérieur de la grande industrie que cette loi... donna le moyen aux chefs d'entreprise de s'opposer à toute association et de maintenir le principe du contrat individuel qui leur était si profitable, стр. 7.

**) И все-таки предрасположеніе къ запрещенію профессіональныхъ союзовъ, и притомъ по другимъ мотивамъ, существовало еще и раньше. Напр., въ декретѣ 21 мая и 27 іюня 1790 г., организовавшемъ знаменитыя секціи, уже прямо было сказано: «les citoyens actifs ne pourront se rassembler par métiers, professions ou corporations» (titre I, art. 9). Ср. E. Mellié. Les sections de Paris, стр. 10.

***) Къ сожалѣнію, систематическаго разсмотрѣнія отношеній между политическими партіями и рабочимъ классомъ въ послѣдующіе періоды революціи въ книгѣ г. Тарле нѣтъ. Вопросъ въ томъ, были ли жирондисты партіей буржуазіи, а монтаньяры—партіей пролетаріата, какъ этого хотѣли еще Бюшезъ и Луи Бланъ, но г. Тарле принимаетъ, какъ за нѣчто доказанное, нарочитую буржуазность жирондистовъ, слишкомъ, на мой взглядъ, полагаясь на обычныя марксистскія квалификаціи.

«Отсутствіе живыхъ политическихъ интересовъ у рабочихъ въ 1789—1791 гг.», какъ авторъ обозначаетъ это явленіе, онъ понимаетъ, главнымъ образомъ, въ томъ смыслѣ, что «никакой программы рабочій классъ за эти два съ половиной года не выдвинулъ, никакъ на обсужденіе въ собраніи конституціонныхъ вопросовъ не реагировалъ и даже тѣни претензіи на какое бы то ни было вліяніе въ текущей политической жизни не предъявлялъ» (I, 204), хотя городской пролетаріатъ и принималъ огромное участіе и во взятіи Бастиліи, и въ походѣ на Версаль въ началѣ октября 1789 г. и т. п. Противъ закона Ле-Шапелье, который вырывалъ изъ рукъ рабочихъ оружіе какъ-разъ во время затѣянной ими борьбы, съ ихъ стороны никакого протеста не послѣдовало, между прочимъ, «вслѣдствіе слишкомъ явной безнадежности сопротивленія», какъ полагаетъ авторъ (I, 189), отмѣчающій кстати, что въ это время репрессія противъ безпокойныхъ рабочихъ дѣйствовала во всю. 16 іюня муниципалитетъ закрылъ благотворительныя мастерскія, чѣмъ выбросилъ на улицу тысячи безработныхъ; черезъ мѣсяцъ произошло извѣстное побоище на Марсовомъ полѣ у алтаря отечества, когда погибло не мало участниковъ политической манифестаціи противъ Людовика XVI, а девять дней спустя Національное собраніе приняло въ высшей степени суровый декретъ, каравшій рабочихъ бумажныхъ мануфактуръ, которые безъ предупрежденія оставляли свои мастерскія. Послѣ всего этого рабочіе еще болѣе присмирѣли. За весь періодъ Учредительнаго собранія они относились къ послѣднему съ почтительнымъ довѣріемъ и съ готовностью терпѣливо ждать отъ него всякихъ благъ и повиноваться всѣмъ его распоряженіямъ. Ограниченіе избирательнаго права цензомъ, лишившее рабочій классъ права быть «активными гражданами», столь же мало вызвало какой-либо протестъ, какъ и изданіе закона Ле-Шапелье, за очень немногими исключеніями, да и то принимавшими почтительную форму *). Е. В. Тарле привелъ въ послѣдней главѣ не мало выдержекъ изъ документовъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ. Даже рѣзкая агитація демократически настроенныхъ журналистовъ противъ закона объ избирательномъ цензѣ не нашла собенно замѣтнаго отклика въ рабочей средѣ. Интересны также замѣчанія автора о томъ, что «воззрѣнія демократическаго крыла прессы на рабочихъ ясностью не отличались» (I, 236), что самъ Маратъ «не удосужился ничего сказать о стачкахъ» и не нашелъ также ничего сказать о законѣ Ле-Шапелье (I, 236—237), и что вообще благо рабочихъ демократическая пресса усматривала лишь въ «общемъ и окончательномъ торжествѣ революціи надъ дворомъ и аристократами» (I, 239).

---

*) Еслибы авторъ ближе познакомился съ дѣятельностью секцій, онъ могъ бы указать все-таки на большее количество исключеній, въ видѣ протестовъ, исходившихъ изъ секцій. E. Mellié. Les sections de Paris, стр. 61 и слѣд.

Неудачное бѣгство Людовика XVI, происшедшее менѣе, нежели черезъ недѣлю послѣ изданія закона Ле-Шапелье, заставило буржуазію снова, какъ это было за два года передъ тѣмъ, искать поддержки въ народѣ противъ замысловъ двора и аристократіи. Рабочимъ стали раздавать оружіе и зачислять ихъ въ національную гвардію, и самъ Ле-Шапелье, бывшій наиболѣе яркимъ представителемъ охранительной тенденціи, «21 іюня пошелъ въ якобинскій клубъ, какъ бы желая подчеркнуть на этотъ разъ свою солидарность съ далекими и враждебными ему якобинцами» (I, 241). Но едва только король былъ арестованъ въ Вареннѣ и привезенъ обратно въ Парижъ, какъ настроеніе въ буржуазіи измѣнилось, и выступленіе рабочихъ въ анти-монархической манифестаціи 17 іюля привело къ провозглашенію военнаго положенія и къ побоищу на Марсовомъ полѣ, начавшему создавать въ рабочей средѣ Парижа уже совершенно иное, чѣмъ прежде, настроеніе, т. е. тяготѣніе къ болѣе радикальнымъ элементамъ буржуазіи, нежели тѣ, которые были господами положенія въ 1791 г.

Такова была общая историческая обстановка, въ которой возникъ и началъ дѣйствовать законъ Ле-Шапелье. Е. В. Тарле думаетъ, что преимущественно этотъ законъ и принимавшіяся уже передъ его изданіемъ мѣры противъ стачки (весьма многіе участники которой попали въ тюрьму), собственно и «прикончили стачку» (I, 193), но я могъ бы привести и указанія на то, что въ концѣ концовъ закону 14 іюня 1791 г. не удалось уничтожить тайныя соединенія рабочихъ, бывшія продолженіемъ прежнихъ компаньонажей *).

V.

Въ 1789—1791 гг. авторъ «Рабочаго класса во Франціи» обнаружилъ сколько-нибудь серьезное броженіе только среди парижскихъ рабочихъ, въ періодъ же отъ 1792 по 1799 г. онъ слѣдитъ за рабочимъ движеніемъ и въ провинціи. Не берусь категорически рѣшить вопросъ, почему это такъ случилось, т. е., потому ли, что въ провинціи не было рабочаго движенія, или о немъ только не сохранилось письменныхъ слѣдовъ въ архивахъ, или же потому, что нашему историку не удалось ихъ найти и, напротивъ, въ архивахъ еще лежатъ цѣлыя не тронутыя наслоенія соотвѣтственныхъ документовъ. Какъ ни какъ, самъ Е. В. Тарле все-таки

---

*) См., напр., A. Kirch. Le compagnonage en France (1901), стр. 40. То же самое у Ch. Schmidt'a, въ цитированной уже „L'industrie», стр. 9. Послѣдній ссылается еще на работу O. Festy „Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de Juillet" (1908). У самого Е. В. Тарле имѣются указанія на то, что въ эпоху директоріи извѣстныя категоріи рабочихъ продолжали держаться старыхъ обычаевъ (II, 467 и слѣд.).

для эпохи Учредительнаго собранія отмѣчаетъ стачки рабочихъ противъ хозяевъ въ Марсели, въ Бордо и при сплавѣ лѣса на берегахъ рѣки Іонны. Далѣе, для 1792 и слѣд. годовъ онъ указываетъ, какъ на общее явленіе, характеризующее эпоху, на ухудшеніе состоянія промышленности, все-таки бывшаго въ 1790—1791 гг. лучшимъ, нежели въ 1789 г. Не только сбытъ въ это время сокращался, но начиналъ уже ощущаться,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ производствахъ,—недостатокъ сырья. Въ это время безработица усиливается какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, а рядомъ съ нею большія бѣдствія причиняетъ упадокъ курса бумажныхъ денегъ. Съ осени 1792 г., т. е. съ первыхъ же мѣсяцевъ республики очереднымъ вопросомъ сдѣлался вопросъ объ обязательномъ тарифѣ на предметы первой необходимости, котораго настойчиво стали требовать неимущіе слои населенія и среди нихъ, конечно, на первомъ мѣстѣ рабочіе. Въ 1793 г. дѣло дошло до разрѣшенія этого вопроса въ смыслѣ требованій, предъявлявшихся рабочими. Изъ двухъ политическихъ партій, боровшихся тогда за власть, одна, жирондисты, заявила себя рѣзкою противницею таксаціи, другая, монтаньяры, въ первые мѣсяцы 1793 г. колебалась и высказывала по этому вопросу очень противорѣчивыя мнѣнія, но ко времени окончательнаго конфликта между обѣими партіями,—приведшаго первую изъ нихъ къ гибели,—народная масса уже смотрѣла на монтаньяровъ, какъ на сторонниковъ таксаціи. 29 сентября 1793 г. національный конвентъ издалъ свой знаменитый законъ о максимумѣ, дѣйствовавшій потомъ пятнадцать мѣсяцевъ, до 24 декабря 1794 г. Какъ увидимъ, Е. В. Тарле доказываетъ, что этотъ законъ ухудшилъ, а не улучшилъ положеніе потребителей, а сверхъ того еще болѣе разстроилъ промышленную жизнь страны и нисколько не помогъ рабочимъ, не говоря уже о томъ, что послѣдовательное проведеніе его въ жизни очень скоро оказалось совершенно невозможнымъ. Рабочіе въ непродолжительный періодъ времени разочаровались въ законѣ о максимумѣ, но правительство ради своихъ хозяйственныхъ нуждъ упорствовало въ его поддержаніи, прибѣгнувъ съ этою цѣлью къ крайне репрессивнымъ мѣрамъ. Особенно тяжело отъ послѣднихъ пришлось рабочимъ, отъ которыхъ требовалось безпрекословное подчиненіе расцѣнкѣ заработной платы по максимальному тарифу и нѣкоторыя категоріи которыхъ подвергались реквизаціи т. е. насильно отправлялись не только на общественныя работы, но даже къ частнымъ предпринимателямъ и къ сельскимъ хозяевамъ, разъ власти это находили нужнымъ.

Такова въ общихъ чертахъ исторія, разсказанная нашимъ изслѣдователемъ въ четвертой и пятой главахъ его труда на двухъ слишкомъ сотняхъ страницъ (II, 227—434), составляющихъ совершенно особое, весьма спеціальное изслѣдованіе на основаніи, какъ и во всѣхъ другихъ частяхъ книги, богатаго матеріала, извлечен-

наго изъ архивовъ. Я не буду передавать содержанія начала первой изъ этихъ главъ, въ которой авторъ говоритъ не только о настроеніи провинціальныхъ рабочихъ, объ ихъ выступленіяхъ съ петиціями и ихъ стачкахъ, но касается и нѣкоторыхъ сторонъ состоянія промышленности въ первые годы революціи *). Гораздо для насъ важнѣе здѣсь страницы (II, 256 и слѣд.), гдѣ авторъ снова возвращается къ Парижу, сосредоточившему въ своихъ стѣнахъ такую громадную массу рабочихъ, какой не было ни въ одномъ другомъ городѣ Франціи (очень много рабочихъ было еще только въ Марсели и Бордо, но это были не промышленные рабочіе, а портовые). Съ 1792 г. въ столицѣ Франціи стачки были болѣе немыслимы, и, кромѣ того, въ это время парижское рабочее населеніе, увеличивавшееся пришлымъ, испытывало страшную нужду вслѣдствіе безработицы и прогрессировавшаго вздорожанія съѣстныхъ припасовъ. Боровшіяся въ 1792—1793 гг. за власть политическія партіи не могли не считаться съ настроеніемъ изголодавшейся народной массы столицы, тѣмъ болѣе, что съ самаго начала революціи ея, какъ-ни-какъ, побаивались *). Впрочемъ, опасались не самостоятельныхъ выступленій рабочихъ, а возможности того, что ими, какъ своимъ орудіемъ, воспользуется та или другая политическая партія. Когда нужно было поднимать рабочую массу въ политическихъ цѣляхъ, къ этому средству прибѣгали и въ 1792 г.: демонстрація 20 іюня, приведшая къ захвату на нѣкоторое время королевскаго дворца народною толпою, «была устроена при полномъ одобреніи со стороны жирондистовъ и при благопріятномъ для демонстрантовъ бездѣйствіи муниципальныхъ властей» (II, 263), и такое же выступленіе народа при сочувствіи жирондистовъ и монтаньяровъ произошло и 10 августа, когда пала монархія.

---

*) Объ этомъ послѣднемъ предметѣ ему лучше было бы говорить въ главахъ, посвященныхъ ему спеціально (въ первой и особенно во второй главѣ второго тома). Здѣсь, между прочимъ, г. Тарле упоминаетъ о случаяхъ проявленія вражды рабочихъ къ машинамъ (II, 248 и слѣд.), между прочимъ, пользуясь данными книги Picard'a „Les cahiers de 1789 et les classes ouvrières", равно какъ нѣкоторыми наказами, на которые ссылается Пикаръ. Во первыхъ, въ наказахъ на этотъ счетъ можно было бы найти и болѣе обильный, и болѣе разнообразный матеріалъ, а во вторыхъ, по свѣркѣ ссылокъ г. Тарле съ подлинными словами Пикара, обнаруживаются большія неточности, дѣлающія его заявленія здѣсь недостаточно убѣдительными. Общій тезисъ автора тотъ, что во Франціи машины не играли большой роли въ промышленности, а потому и не могло быть „бунтовъ противъ машинъ". Этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, требовалъ бы пересмотра.

**) Е. В. Тарле въ доказательство того, что съ рабочими считали нужнымъ быть осторожными, приводитъ и такой фактъ: въ январѣ 1790 г. самъ Ле-Шапелье настоялъ на томъ, чтобы Національное собраніе постановило не оцѣнивать рабочій день при исчисленіи избирательнаго ценза выше 20 су. Ле-Шапелье боялся опаснаго броженія, если цензъ искусственно будутъ повышать.

Что подвинуло рабочихъ на возстаніе 10 августа? Къ сожалѣнію, мы мало что знаемъ спеціально объ участіи рабочаго класса въ этомъ событіи, и даже тщательное изслѣдованіе Саньяка объ этомъ событіи *) не даетъ ничего для обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Жоресъ только думаетъ, что рабочіе, пошедшіе въ бой за болѣе смѣлою частью революціонной буржуазіи, не формулировали въ этотъ моментъ никакихъ экономическихъ требованій. Собственное предположеніе г. Тарле заключается въ томъ, что „кое-какія ближайшія révendications économiques у рабочихъ и передъ 10 августомъ все-таки были, хотя они ихъ, идя на штурмъ дворца, и не формулировали... и хотя поведеніе ихъ, конечно объясняется не только этими послѣдними экономическими требованіями“ (II, 269). Какъ прежде рабочіе ждали хлѣба отъ короля, такъ теперь они ожидали его отъ республики, замѣчаетъ авторъ, тутъ же указывающій и на то, откуда хлѣбъ могъ получиться. Именно, въ виду угрожавшаго Парижу непріятельскаго нашествія рѣшено было устроить подъ этимъ городомъ большой лагерь, укрѣпленный земляными валами, что могло прокормить массу безработныхъ. Въ книгѣ объ этомъ предпріятіи имѣется обстоятельный разсказъ. Въ концѣ концовъ оказалось, что парижскому лагерю не предстояло играть той стратегической роли, которая ему первоначально предназначалась, а потому скоро прекращеніе работъ сдѣлалось только вопросомъ времени. Въ серединѣ октября оно стало совершившимся фактомъ къ великому неудовольствію рабочихъ, которые, однако, не рѣшились дѣйствовать самостоятельно путемъ давленія на Національный конвентъ, чтобы принудить его возобновить работы: они только, говоритъ нашъ историкъ, «покорно пошли за той изъ боровшихся партій, которая посулила имъ, если не прекращеніе безработицы, то хотя д е ш е в ы й х л ѣ б ъ“ (II, 276).

Таксировать хлѣбъ и мясо было предоставлено муниципалитетамъ еще въ серединѣ 1791 г., но тогда же, вслѣдствіе упадка курса ассигнатовъ, страшно вздорожали всѣ товары, и уже съ осени 1791 г. не прекращались въ народѣ разговоры о томъ, что слѣдовало бы это право таксаціи распространить вообще на всю торговлю. Власти были противъ такой крутой мѣры, но тамъ и сямъ народъ самъ начиналъ стѣснять свободу торговли и даже грабить транспорты хлѣба для продажи его по цѣнѣ, какая нравилась покупателямъ. На почвѣ вопроса о снабженіи Парижа хлѣбомъ разыгралась борьба между министерствомъ Ролана, послѣдователя физіократовъ и Тюрго, и муниципалитетомъ, все болѣе дѣлавшимся монтаньярскимъ, да и вообще между Жирондою и Горою. Правда, монтаньяры, сдѣлавшіеся горячими сторонниками таксаціи,

*) Sagnac. La révolution de août 1792. Объ этой книгѣ см. въ статьѣ моей, помѣщенной въ „Вѣстн. Евр.“ за 1910. г.

не сразу выяснили даже для самихъ себя свою позицію, но популярность таксаціи въ народной массѣ, въ которой Гора искала опоры, рѣшила вопросъ, тѣмъ болѣе, что это была партія завзятыхъ государственниковъ, признававшихъ во имя raison d'état безграничное право вмѣшательства власти во всѣ проявленія жизни общества.

Авторъ не думаетъ, однако, чтобы побѣду монтаньярамъ доставила преимущественно или исключительно поддержка голодающей безработной массы, съ которою сами же они потомъ, послѣ побѣды, обращались, какъ съ подвластными людьми, обязанными безусловнымъ повиновеніемъ. По его мнѣнію, здѣсь «сыграла роль не столько сила напора, сколько слабость сопротивленія» (II, 283), ибо жирондисты очень скоро растеряли всѣхъ прежнихъ своихъ приверженцевъ и въ глазахъ безработныхъ прослыли за «аристократовъ». Народную подозрительность питали слухи о барышническихъ скупкахъ хлѣба и «аристократическихъ» заговорахъ съ цѣлью уморить Парижъ голодомъ. Хлѣбная торговля сдѣлалась занятіемъ прямо небезопаснымъ и обозы съ хлѣбомъ приходилось охранять вооруженною силою. Въ февралѣ 1793 г. въ самомъ Парижѣ дѣлались нападенія на лавки, торговавшія хлѣбомъ, мясомъ, мыломъ. Въ народѣ все настойчивѣе требовали установленія максимума, и съ этой цѣлью въ Конвентъ была послана особая депутація, организованная 48 секціями Парижа, тѣми самыми секціями, чуть не всѣ бумаги которыхъ, по мнѣнію нашего автора, сгорѣли *). Рѣзкій тонъ петиціи, составленной секціями, раздражилъ членовъ конвента, и даже Маратъ протестовалъ рѣшительнѣйшимъ образомъ противъ предложенныхъ мѣръ, находя ихъ крайними, странными и превратными. Якобинскій клубъ тоже высказался противъ, въ особенности же Сенъ-Жюстъ. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Тарле, иниціатива максимума исходила не отъ конвента и не отъ той или иной вліятельной организаціи, а отъ парижской нуждающейся массы» (II, 289). Когда муниципалитетъ рѣшительно сталъ на сторону таксаціи, а народныя петиціи о максимумѣ сдѣлались особенно частыми и настоятельными, монтаньяры конвента перешли на сторону этого требованія, такъ какъ это было средство успокоить рабочихъ и имѣть ихъ на своей сторонѣ.

*) Любопытно, что въ книгѣ Мелльє о секціяхъ я не нашелъ упоминанія объ этой депутаціи, но вообще эта книга могла бы очень обогатить разными подробностями изложеніе г. Тарле, хотя очень странно, что о максимумѣ книга Мелльє почти молчитъ; въ ней объ этомъ есть только одно мѣсто (на стр. 215), тогда какъ въ тѣхъ документахъ секцій, съ которыми мнѣ удалось познакомиться въ Національномъ архивѣ, данныя объ участіи секцій въ проведеніи закона о максимумѣ все-таки имѣются. За то Мелльє говоритъ о мастерскихъ, которыя устраивались секціями (стр. 290 и слѣд.).

Въ книгѣ Е. В. Тарле подробно разсказывается о томъ, какъ долго колебался Конвентъ съ установленіемъ максимума, разсказывается и о томъ, какъ рабочими производилось давленіе на Конвентъ. Онъ приводитъ, между прочимъ, одно заявленіе рабочихъ Конвенту отъ 1 мая 1793 г. очень грознаго характера. «Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, говоритъ авторъ, что, будь подобная петиція подана не въ маѣ, а нѣсколько позже, петиціонеры не отдѣлались бы дешево. Осенью того же 1793 г. казнили и не за такія провинности, какъ прямая угроза возстаніемъ» (II, 298). Затѣмъ у г. Тарле идетъ обстоятельный разсказъ о томъ, какъ создавался законъ о максимумѣ. 26 іюля 1793 г. Конвентъ издалъ декретъ, каравшій смертною казнью барышническую скупку предметовъ потребленія. Въ августѣ 1793 г. началось изданіе декретовъ, таксировавшихъ отдѣльныя категоріи продуктовъ, а 29 сентября вышелъ и общій законъ о максимумѣ, которымъ таксировался, равнымъ образомъ, и рабочій трудъ. Этотъ фактъ историкъ называетъ имѣющимъ серьезное значеніе не только для политической исторіи эпохи: «въ области политической онъ создалъ условія, которыя могущественно способствовали утвержденію диктатуры комитета общественнаго спасенія; въ области экономическихъ отношеній ему суждено было сыграть весьма значительную роль. Исторія максимума, прибавляетъ авторъ, еще не написана, и тутъ тоже изслѣдователю исторіи рабочаго класса приходится затрагивать весьма малоизвѣстную область».

Я не знаю другого научнаго труда, въ которомъ такъ основательно и подробно былъ бы освѣщенъ этотъ важный и интересный эпизодъ французской революціи, какъ это сдѣлано въ трудѣ Е. В. Тарле *). Онъ обѣщаетъ дать еще другой, болѣе обстоятельный трудъ о максимумѣ, но и то, что имъ уже написано по вопросу о вліяніи максимума на положеніе рабочаго класса, въ высшей степени значительно. Опираясь на документы, остававшіеся доселѣ неизвѣстными, онъ доказалъ, что законъ о максимумѣ (съ тѣсно съ нимъ связанными реквизиціями) ухудшилъ положеніе потребителя, сильно повредилъ всей обрабатывающей промышленности и, въ довершеніе всего, сдѣлался невыносимымъ для самихъ рабочихъ, какъ представителей наемнаго труда.

«Законъ о максимумѣ,—читаемъ мы въ самомъ началѣ главы, посвященной этому предмету,—сталъ проводиться въ жизнь путемъ административныхъ постановленій... Всюду мѣстная администрація... издавала соотвѣтствующія постановленія о таксаціи товаровъ, причемъ обыкновенно подчеркивала въ своихъ обращеніяхъ къ населенію благодѣтельный смыслъ закона, который долженъ дать дешевую пищу, дешевое вино, дешевую одежду, дешевое отопленіе бѣднымъ людямъ» (II, 309—310). Сейчасъ же, однако, стало обна-

*) Я только думаю, что автору слѣдовало бы подробнѣе остановиться на вліяніи, какое оказали знаменитые ассигнаты на цѣны въ эпоху революціи.

руживаться, что властямъ не обойтись безъ широчайшаго пользованія реквизиціями, такъ что «максимумъ и реквизиціи оказались тѣснѣйшимъ образомъ связанными между собою». Реквизиціи во Франціи существовали и раньше, но никогда ни центральныя, ни мѣстныя власти не пользовались ими такъ часто, такъ широко. «Въ разсматриваемую эпоху—говоритъ нашъ изслѣдователь—реквизиціи накладывались какъ на предметы потребленія, на перевозочныя средства и т. п., такъ и на рабочій трудъ... Заставить торговцевъ подчиниться максимуму, заставить рабочихъ получать плату по таксѣ, насильственными мѣрами задержать обезцѣненіе ассигнацій,—вотъ какова была цѣль реквизицій, ибо комитетъ общественнаго спасенія отчетливо сознавалъ всю невозможность ждать добровольнаго подчиненія товаровладѣльцевъ явно разорявшему ихъ закону» (II, 311). Для промышленниковъ и купцовъ реквизиціи явились тѣмъ бо́льшимъ зломъ, что разнообразные представители власти безъ всякаго сговора между собою пользовались и правомъ, и возможностью налагать реквизиціи на одни и тѣ же товары въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, причемъ обыкновенно на первомъ планѣ стояли интересы не потребителей, а казны. Не нужно забывать, что время было военное, и армія нуждалась въ громадныхъ поставкахъ. «Хватать на мѣстѣ, наказывать немедленно, грозить жезломъ закона,—вотъ что подъ личной своею отвѣтственностью обязаны были неуклонно дѣлать всѣ чины администраціи на мѣстахъ», дабы преодолѣвать «хитрости и обманы» (II, 316). Всѣ мѣры, принимавшіяся для обезпеченія дешевизны товаровъ, оказывались однако тщетными, какъ это превосходно доказываетъ авторъ. Хлѣбъ, мясо, дрова, свѣчи, свѣтильное масло, мыло и т. п., все это было чрезвычайно дорого*). Что только можно было дѣлать, все пускалось въ ходъ для припрятыванія товаровъ и тайной торговли ими въ обходъ закона. Г. Тарле приводитъ въ большомъ количествѣ жалобы и упреки, что законъ не соблюдается, что нарушенія его—самое обычное явленіе. Однако стоявшіе у власти монтаньяры, не будучи сами иниціаторами закона о максимумѣ, разъ его издавши, считали нужнымъ его всячески поддерживать, вѣря въ его спасительность для интересовъ казны. Изслѣдователь съ документами въ рукахъ утверждаетъ, что «наравнѣ съ войною и внутренними бунтами, необходимость поддерживать законъ о максимумѣ была одной изъ самыхъ существенныхъ причинъ пріостановки конституціи и оживленія террора» (II, 330). Онъ приводитъ много примѣровъ жестокихъ преслѣдованій, какимъ подвергались лица, не соблюдавшія законъ о макси-

*) На стр. 319 и слѣд. авторъ сообщаетъ массу подробностей о производствѣ мыла въ Марсели, которыя удобнѣе было бы помѣстить въ главѣ о промышленности. Въ документахъ секцій, которые были у меня въ рукахъ, г. Тарле нашелъ бы тоже свѣдѣнія о недостаткѣ мыла.

мумѣ, даже примѣры смертной казни подозрѣвавшихся въ намѣреніи извести народъ голодомъ. (Такъ былъ, напримѣръ, казненъ Эберъ съ 18 товарищами). Особенно свирѣпствовалъ Робеспьеръ, а Сенъ-Жюстъ съ своей стороны даже предложилъ награждать «патріотическихъ негоціантовъ», продававшихъ провизію по таксѣ. «Мы видимъ тутъ—говоритъ по этому поводу Е. В. Тарле—косвенное признаніе безсилія, которое чувствовали диктаторы въ области экономическаго строительства: они обѣщали денежныя милости людямъ за исполненіе тѣхъ самыхъ предписаній закона, неисполненіе которыхъ фактически влекло за собою смертную казнь» (II, 333). Должностныя лица вообще были прекрасно освѣдомлены, какъ плохо стояло дѣло съ максимумомъ. Авторъ имѣлъ удачу найти въ архивѣ большой матеріалъ на этотъ счетъ, котораго до него «еще никто изъ изслѣдователей не трогалъ» (II, 337), и онъ знакомитъ насъ съ его любопытнымъ содержаніемъ. «Противъ закона о максимумѣ боролся могучій, неуловимый, анонимный врагъ» въ видѣ всего тогдашняго экономическаго уклада жизни.

Критика закона о максимумѣ сдѣлалась возможною только послѣ паденія Робеспьера—критика въ цѣломъ рядѣ брошюръ, съ которыми нашъ историкъ имѣлъ возможность познакомиться въ парижскихъ хранилищахъ того, что было напечатано во время революціи. 24 декабря 1794 г. законъ былъ отмѣненъ Конвентомъ, опасавшимся однако, какъ бы не произошло вспышки народнаго недовольства, но ни малѣйшаго протеста на самомъ дѣлѣ не послѣдовало. Г. Тарле нашелъ въ архивахъ весьма много извѣстій о томъ, какъ гибельно отозвался законъ на обрабатывающей промышленности. Предприниматели, закупившіе сырье по рыночной цѣнѣ, вынуждены были продавать выработанные изъ него продукты послѣ 29 сентября 1793 г. уже по таксѣ, и это ихъ разоряло. Заграничный подвозъ сырья долженъ былъ прекратиться, ибо покупать по рыночной цѣнѣ за-границей и продавать по фиктивной «максимальной» было прямо невозможно. На цѣломъ рядѣ страницъ авторъ обозрѣваетъ отдѣльныя отрасли промышленности въ эту эпоху и показываетъ на множествѣ частныхъ примѣровъ, какъ ужасно отзывался законъ о максимумѣ на индустріальныхъ предпріятіяхъ, причемъ реквизиціи, оказывавшіяся безсильными въ дѣлѣ добыванія сырья, были, наоборотъ, достаточно сильны, чтобы погубить любое производство. Къ какимъ мѣрамъ прибѣгали власти, можно видѣть изъ того, что въ апрѣлѣ 1794 г. комитетъ общественнаго спасенія возложилъ на всѣхъ гражданъ обязанность доставлять для бумажныхъ фабрикъ ежемѣсячно, по крайней мѣрѣ, по одному фунту тряпья, причемъ, сколько въ семьѣ было человѣкъ, столько и фунтовъ нужно было доставлять. Два печатныхъ листа, которые составляютъ страницы (352—384), посвященныя обзору вредныхъ послѣдствій максимума для француз-

ской промышленности, составляютъ вообще очень цѣнный вкладъ въ исторію послѣдней въ эпоху революціи.

Очень важное значеніе имѣютъ въ книгѣ и страницы (II, 387 и слѣд.), разсматривающія непосредственное вліяніе максимума и реквизицій на рабочій классъ. Трудъ есть своего рода товаръ, а этотъ товаръ тоже былъ подчиненъ и таксаціи, и реквизиціямъ. Авторъ приводитъ интересныя подробности, касающіяся этого предмета, наприм., таблицы тарифовъ, дающія намъ, между прочимъ, возможность составить себѣ понятіе о бюджетѣ рабочаго въ 1790 и 1793 гг. Вздорожаніе жизни заставило рабочихъ требовать повышенной платы, и, конечно, они всячески уклонялись отъ подчиненія максимуму. Такъ какъ, съ другой стороны, и ихъ насильно заставляли соблюдать законъ, то отсюда возникала упорная борьба между властями и рабочимъ классомъ. На этихъ страницахъ приведено большое количество случаевъ, когда рабочихъ насильно заставляли работать въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности, насильно переводили изъ одной мѣстности въ другую, особенно, когда дѣло шло объ изготовленіи казенныхъ заказовъ, но очень часто обязывали работать и въ частныхъ предпріятіяхъ, преимущественно въ сельскомъ хозяйствѣ: когда оказывался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, власти въ случаяхъ столкновенія интересовъ промышленности и сельскаго хозяйства становились постоянно на сторону послѣдняго. Чтобы рабочіе не уклонялись отъ такой принудительной работы, усилены были паспортныя строгости. Результатомъ было то, что рабочіе бѣжали розно или же устраивали стачки, которыя приравнивались властями къ политическому преступленію, къ нападенію на государственный строй. «Рабочіе— читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ—укрывались, убѣгали на болѣе или менѣе продолжительное время изъ дома, словомъ, всячески уклонялись отъ реквизицій» (II, 405)... «Рабочіе—сказано въ другомъ мѣстѣ—продолжали убѣгать, хитрить, скрываться, поступали подъ чужимъ именемъ въ дѣйствующую армію (хотя рабочимъ нѣкоторыхъ профессій это было прямо воспрещено),—а на работы не шли» (II, 422)... «Рабочіе,—говоритъ авторъ въ третьемъ мѣстѣ,—дѣлали все отъ себя зависящее, чтобы уклониться отъ отдачи въ работники тому или иному землевладѣльцу» и т. д. (II, 432). Комитетъ общественнаго спасенія, съ своей стороны, прибѣгалъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. «Документы—заявляетъ нашъ авторъ—производятъ совершенно опредѣленное впечатлѣніе крутой и рѣшительной борьбы властей противъ рабочихъ и упорнаго нежеланія послѣднихъ подчиниться реквизиціямъ» (II, 415).

Все это чрезвычайно важно, и я вполнѣ согласенъ съ Е. В. Тарле, когда онъ указываетъ на то, что «общая оцѣнка руководящихъ теченій 1793—1794 гг. должна будетъ считаться» съ собранными имъ фактами и что необходимъ, въ частности, «нѣкоторый пересмотръ вопроса—какъ о природѣ демократизма правя-

щихъ лицъ эпохи, такъ и о степени реальной силы въ эти годы демократическихъ элементовъ населенія и, прежде всего, рабочей массы» (II, 387).

Еще до паденія Робеспьера самъ комитетъ общественнаго спасенія сталъ дѣлать изъятія и послабленія, паденіе же якобинскаго диктатора и конецъ террора явились естественною предпосылкою къ отмѣнѣ закона о максимумѣ. Положеніе рабочихъ имъ положительно было ухудшено и «они,—говоритъ авторъ,—безъ тѣни протеста смотрѣли на казнь Робеспьера. Отмѣна максимума не спасла ихъ отъ голода,—и они стали ждать человѣка, который бы ихъ избавилъ отъ новыхъ владыкъ, низвергшихъ Робеспьера и сѣвшихъ на его мѣсто. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ,—прибавляетъ г. Тарле,—они уже были не актерами, а только зрителями» (II, 434).

Исторію рабочаго класса во Франціи за вторую половину революціоннаго десятилѣтія, т. е. въ 1795—1799 гг. авторъ излагаетъ гораздо короче—въ одной главѣ, занимающей менѣе ста страницъ (II, 435—528). Я не стану подробно передавать содержаніе этой главы и ограничусь лишь указаніемъ на нѣкоторыя наиболѣе важныя черты данной эпохи, поскольку дѣло касается рабочаго класса и обрабатывающей промышленности.

Законъ о максимумѣ и практика реквизицій крайне неблагопріятно отозвались на экономической жизни, но и послѣ отмѣны указаннаго закона продолжали дѣйствовать причины, расшатывавшія устои этой жизни, между прочимъ, войны. По заключенію Е. В. Тарле, безработица въ 1795—1799 гг. была ничуть не меньшею, чѣмъ въ 1793—1794 гг. Современники находили, что сначала максимумъ, потомъ реквизиціи, а, наконецъ, и обезцѣненіе бумажныхъ денегъ разорили промышленность и ввергли рабочихъ въ крайнюю нищету, но нашъ авторъ находитъ, что эти три причины дѣйствовали одновременно. Если и послѣ отмѣны максимума сырье продолжало «прятаться», причина этого заключалась въ недовѣріи къ бумажнымъ деньгамъ. Въ это время часть внутренняго рынка во Франціи даже прямо перешла въ руки иностранцевъ—при помощи контрабанды, которая необычайно развилась въ послѣдніе годы XVIII вѣка. Французскіе промышленники въ началѣ революціонныхъ войнъ потеряли внѣшній рынокъ, теперь значительно сократился и рынокъ внутренній. Къ сожалѣнію, въ рукахъ историка для этого періода было уже гораздо меньше документовъ, ибо, кажется, ихъ и сохранилось меньше, но и то, что имъ было найдено, довольно подробно рисуетъ упадокъ французской индустріи въ эти годы. Положеніе промышленныхъ рабочихъ было весьма печальнымъ и многіе изъ нихъ, обладавшіе техническими знаніями и навыками, эмигрировали за границу; объ этомъ послѣднемъ явленіи въ книгѣ собрано тоже достаточное количество свидѣтельствъ. Но эмигрировать, разумѣется, могло лишь самое незначи-

тельное меньшинство, а подавляющее большинство оставалось бѣдствовать на родинѣ; рабочіе шли работать за какую угодно плату; случаи самоубійствъ въ ихъ средѣ сдѣлались болѣе частыми. Предприниматели пользовались этимъ, чтобы понижать заработную плату и даже чтобы увеличивать рабочій день. Рабочіе роптали на правительство, приписывая ему всѣ свои бѣдствія, но всѣ ихъ попытки собираться большими массами въ самомъ же началѣ пресѣкались полиціей. Послѣдняя, между прочимъ, не давала имъ собираться и тогда, когда, начиная съ 1796 г., рабочіе думали только о томъ, какъ бы заставить хозяевъ расплачиваться съ ними металлическими деньгами, а не бумажными. Финансовый кризисъ, переживавшійся тогда Франціей, рабочіе были склонны объяснять казнокрадствомъ властей предержащихъ и уже поговаривали, что нужно «военное правительство». Директорія продолжала борьбу съ рабочими, неуклонно проводя въ жизнь законъ Ле-Шапелье и прибѣгая къ реквизиціямъ, на этотъ разъ исключительно по отношенію къ одному лишь труду рабочихъ. Прибавлю, что для эпохи директоріи Е. В. Тарле особенно пользовался полицейскими донесеніями, множество которыхъ было издано Оларомъ *).

«Полная безучастность рабочихъ при арестѣ и затѣмъ при казни Бабёфа—отмѣчаетъ авторъ—имѣла, между прочимъ, то послѣдствіе, что полиція перестала особенно интересоваться настроеніемъ рабочаго класса» (II, 481), и потому свѣдѣній этого рода для періода 1797—1799 гг. осталось сравнительно мало. Начиная съ 1789 г., рабочіе вообще ожидали улучшенія своей участи отъ всякой намѣчавшейся перемѣны политическаго характера и, сами не беря на себя иниціативы, поддерживали людей, стремившихся къ измѣненію государственнаго строя, но съ момента паденія Робеспьера въ рабочемъ классѣ стали господствовать разочарованіе и апатія. Рабочіе вообще за все это время покорялись побѣдителямъ, но сначала при этомъ имѣли вѣру и питали надежду, что теперь имъ будетъ лучше, но со времени термидоріанской реакціи рабочіе были уже апатичнѣе и индифферентнѣе всѣхъ другихъ классовъ населенія. Только тайная полиція доносила властямъ о неудовольствіи и ропотѣ рабочихъ.

Интереснымъ эпизодомъ, разсказаннымъ въ концѣ главы объ эпохѣ директоріи, является заговоръ Бабёфа. Авторъ отмѣчаетъ возрастаніе его популярности въ рабочей средѣ съ конца 1795 г., но газета Бабёфа была больше занята политическими вопросами, причемъ, какъ доказываетъ съ большимъ знаніемъ дѣла нашъ изслѣдователь, самъ реформаторъ разсчитывалъ главнымъ образомъ на содѣйствіе солдатъ и лишь отчасти на рабочихъ парижскихъ

*) Въ книгѣ г. Тарле я не нашелъ ссылокъ на трудъ Schmidt'a „Pariser Zustände während Revolutionszeit", но, быть можетъ, онъ мало что далъ бы нашему автору послѣ изданія Aulard'a.

фобурговъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ, впрочемъ, изложить весьма интересные взгляды Е. В. Тарле на этотъ предметъ (II, 502—524). Стоитъ только передать его выводъ, заключающійся въ томъ, что рабочая масса къ заговору Бабёфа отнеслась равнодушно. По его дѣлу судилось 65 человѣкъ, среди нихъ пятнадцать изъ рабочаго класса, но всѣ эти пятнадцать человѣкъ были оправданы.

Къ концу существованія конституціи III-го года и полицейскія власти, и само правительство могли быть увѣрены, что рабочіе ни малѣйшей иниціативы на себя не возьмутъ и покорно примутъ всякое новое правительство, которое заняло бы мѣсто директоріи, оставаясь спокойными зрителями могущей возникнуть борьбы. Въ короткомъ «заключеніи» къ своей книгѣ г. Тарле подчеркиваетъ, что «переворотъ 18 брюмера былъ встрѣченъ рабочимъ населеніемъ столицы совершенно спокойно и даже съ надеждою» (II, 529). Генералъ Бонапартъ дѣлался все болѣе и болѣе популярнымъ; даже послѣ побѣды при Маренго въ 1800 г. «рабочіе ликовали, ожидая конца безработицы, конца голода» (II, 530).

«За всю разсматриваемую эпоху—такъ заключаетъ историкъ рабочаго класса во Франціи въ концѣ XVIII в. свою книгу—рабочіе не обнаруживаютъ, вообще говоря, ни малѣйшихъ признаковъ принципіально-враждебнаго отношенія ни къ основамъ господствовавшаго экономическаго строя, ни къ какому-либо изъ экономическихъ режимовъ, начиная съ Учредительнаго собранія и кончая консульствомъ. Сознаніе классовой обособленности, товарищеской солидарности, за немногими исключеніями, мало проявляются въ рабочей средѣ въ разсматриваемый періодъ» (II, 546). И далѣе: «въ теченіе всего періода 1789—1799 гг. въ рабочей средѣ замѣтно весьма мало организованности. Стремленіе создать свои организаціи (подъ флагомъ благотворительности) замѣчается среди нѣкоторыхъ категорій рабочаго класса весною 1791 г., но послѣ закона Ле-Шапелье о подобныхъ попыткахъ не слышно». И еще: «законодательство о рабочихъ въ 1789—1799 гг. проникнуто было тѣмъ же духомъ бдительной подозрительности, тѣмъ же рѣшительнымъ отрицаніемъ за рабочими права на какіе бы то ни было коллективные шаги, какъ и законодательство стараго порядка» (II, 547).

Таковы самые общіе выводы, которые дѣлаетъ самъ авторъ «Рабочаго класса во Франціи въ эпоху революціи». Ими и я закончу свою статью объ этой книгѣ, заслуживающей серьезнаго вниманія не только спеціалистовъ, но и большой публики. Если въ качествѣ человѣка, тоже спеціально занимавшагося и эпохой, и вопросомъ, я обнаружилъ въ трудѣ Е. В. Тарле немаловажные съ спеціальной точки зрѣнія дефекты, то для обыкновенныхъ читателей они часто не имѣютъ суще-

ственнаго значенія. Такой трудъ, какъ капитальное изслѣдованіе Е. В. Тарле, можно горячо привѣтствовать: онъ, несомнѣнно дѣлаетъ честь русской исторической наукѣ, что, я увѣренъ, должны будутъ признать и многочисленные французскіе ученые, работающіе надъ исторіей Великой революціи, какъ только книга появится во французскомъ переводѣ, чего она вполнѣ заслуживаетъ.

Н. Карѣевъ.

Изъ Англіи.

I.

Въ самоуправляющихся британскихъ колоніяхъ каждый талантливый и сильный человѣкъ, каково бы ни было его происхожденіе, имѣетъ полную возможность выдвинуться впередъ. Нагляднымъ примѣромъ является премьеръ Австралійской федераціи, Фишеръ, прибывшій теперь въ Лондонъ на имперскую конференцію. Онъ родился въ семьѣ бѣднаго шотландскаго крофтера (крестьянина), учился только въ деревенской школѣ да и то лишь до десяти лѣтъ. Съ этого возраста Фишеръ работалъ сперва на фермѣ, а потомъ въ угольной шахтѣ. И такимъ образомъ прошло время до 22 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ Фишеръ отправился въ Австралію искать счастья. Здѣсь мы видимъ его черезъ шесть лѣтъ членомъ Квинслэндскаго парламента, потомъ министромъ торговли въ федеральномъ парламентѣ, а съ 1910 года премьеромъ рабочаго министерства, ставшаго во главѣ Австралійской федераціи. Покойный теперь премьеръ Новой Зеландіи—Седдонъ, съ именемъ котораго связаны всѣ смѣлые соціальные опыты, удивившіе міръ,—былъ раньше хозяиномъ маленькаго трактира въ лѣсной деревушкѣ. Половина министровъ нынѣшней Южно-Африканской федераціи—голландскіе фермеры, учившіеся въ деревенской школѣ. Премьеръ федераціи, генералъ Бота, тоже фермеръ, который не былъ ни въ университетѣ, ни даже въ средней школѣ. За послѣдніе годы онъ показалъ себя выдающимся и дальновиднымъ государственнымъ дѣятелемъ, а десять лѣтъ тому назадъ—талантливымъ полководцемъ, командовавшимъ войсками двухъ союзныхъ республикъ. Фермеръ-полководецъ, стоявшій во главѣ фермеровъ, нанесъ тогда англійскимъ войскамъ, которыхъ вели генералы, учившіяся въ спеціальныхъ академіяхъ, рядъ пораженій. Стоитъ назвать только битвы при Колензо и при Спайонъ-Копѣ. То же самое было въ Сѣверной Америкѣ во время войны федералистовъ съ конфедератами. Арміи сѣверянъ и южанъ

выдвинули рядъ блестящихъ генераловъ, которые до войны были фермерами, торговцами, гражданскими инженерами, банкирами, адвокатами и литераторами. Во время борьбы за освобожденіе Италіи шкиперъ маленькаго купеческаго корабля (Гарибальди) тоже проявилъ себя великимъ полководцемъ.

Итакъ, въ самоуправляющихся британскихъ колоніяхъ, гдѣ соціальныя перегородки, раздѣляющія классы, отсутствуютъ,—талантливый и сильный человѣкъ имѣетъ всѣ шансы выдвинуться, каково бы ни было его происхожденіе. Въ послѣдніе годы мы наблюдаемъ то же явленіе и въ Англіи, которая такъ долго считалась классическимъ примѣромъ аристократизма. Самый сильный государственный дѣятель теперь въ Англіи — Ллойдъ Джорджъ, внукъ фермера и племянникъ деревенскаго чеботаря, учившійся на мѣдныя деньги. О происхожденіи другого члена нынѣшняго кабинета говоритъ только что вышедшая книга Джозефа Берджеса, съ которой я хочу познакомить читателей *). «Джонъ Бернсъ получилъ образованіе въ вечерней школѣ, куда онъ являлся послѣ дневной работы, за которую взялся съ десяти лѣтъ»,—говоритъ Джестинъ Макъ-Карти въ своей «Исторіи нашего времени».—По профессіи онъ былъ машинистъ; онъ съ дѣтства страстно любилъ чтеніе и въ очень раннемъ возрастѣ познакомился уже со всѣми классиками. Молодымъ человѣкомъ Джонъ Бернсъ работалъ нѣкоторое время, какъ старшій машинистъ, на Нигерѣ. Во время пребыванія въ Западной Африкѣ товарищи звали Бернса «Coffee Pot Burns» (Бернсъ—кофейникъ), такъ какъ онъ совершенно не признавалъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Возвратившись въ Англію съ небольшими сбереженіями, Бернсъ израсходовалъ ихъ на шестимѣсячное путешествіе по Европѣ, о которомъ мечталъ съ дѣтства. Во время пребыванія на континентѣ Бернсъ многому научился... Когда Джонъ Бернсъ возвратился въ Англію, онъ принялъ дѣятельное участіе въ рабочемъ движеніи и быстро выдвинулся впередъ. Избраніе его въ парламентъ явилось крупнымъ общественнымъ событіемъ» **). Рабочіе, а соціалисты въ частности, давно уже не относятся къ нынѣшнему министру земствъ и муниципалитетовъ такъ, какъ въ то время, о которомъ разсказываетъ Макъ-Карти. Больше того: бывшіе союзники ненавидятъ теперь Бернса и нѣтъ такихъ рѣзкихъ и грубыхъ словъ, которыми соціалисты не клеймили бы его. Если послушать бывшихъ союзниковъ Бернса, то выйдетъ, что во всей Англіи не было еще такого чернаго измѣнника, какъ министръ земствъ и муниципалитетовъ. «Къ счастью, въ мірѣ было мало такихъ людей, какъ достопочтенный Джонъ Бернсъ»,—говоритъ авторъ брошюры «Judas Iscariot». Ти-

*) «John Burns. The Rise and Progress of a Right Honourable», by Joseph Burgess. Glasgow. 1911.

**) «A History of our own Times», vol. VI, p. 75.

тулъ «достопочтенный» (Right Honourable), который носятъ всѣ англійскіе министры, обличители Джона Бернса употребляютъ съ особой язвительностью.—«Много лѣтъ тому назадъ г. Бернсъ выдвинулся своими смѣлыми и не признававшими компромисса рѣчами. Эти рѣчи отличались безпощадной критикой нашего лицемѣрнаго соціальнаго строя, безстрашными обличеніями ортодоксальныхъ политиковъ, какъ либераловъ, такъ и тори, смѣлой защитой всѣхъ обойденныхъ судьбою, ѣдкими выпадами по адресу «высокопоставленныхъ паразитовъ» и заявленіемъ, что единственнымъ лекарствомъ противъ всѣхъ экономическихъ бѣдствій можетъ служить соціализмъ. Прошли годы,—продолжаетъ авторъ брошюры.—Вмѣстѣ съ ними сошелъ со сцены краснорѣчивый борецъ за соціализмъ. Г. Бернсъ переродился въ сладкорѣчиваго политикана, въ вабило, выдвинутое помѣщиками и адвокатами, входящими въ составъ либеральнаго кабинета. Какъ министръ, онъ показалъ себя бо̀льшимъ консерваторомъ, чѣмъ его предшественники тори. Во время лондонскаго «сезона» г. Бернсъ бездѣльничаетъ при дворѣ въ компаніи Альберта Эдуарда, котораго въ былое время именовалъ «принцемъ нищихъ». Товарищами Джона Бернса являются герцоги, лорды, графы и другіе бездѣльники изъ Вэстъ-энда. Когда же г. Бернсъ неохотно отрывается отъ придворныхъ церемоній для того, чтобы отправиться въ парламентъ, то онъ тамъ отчитываетъ рабочихъ и попрекаетъ ихъ лѣнью, пьянствомъ и нежеланіемъ думать о завтрашнемъ днѣ» *). Авторъ брошюры приводитъ параллельно нѣсколько выдержекъ.

«У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія взять оплачиваемое казенное мѣсто,—говорилъ Джонъ Бернсъ въ январѣ 1893 года.—Я долженъ показать примѣръ безкорыстія и убѣдить всѣхъ, что погоня за теплымъ мѣстомъ меня не привлекаетъ. Я скорѣе готовъ быть просто «Джономъ Бернсомъ», чѣмъ «достопочтеннымъ Джономъ Бернсомъ» и первымъ министромъ. Жирныя говяда, которыми кормятъ въ теплыхъ мѣстахъ, часто воняютъ. Зачѣмъ мнѣ государственная служба? Я горжусь той службой, которую имѣю теперь, постомъ генералъ-адвоката бѣдныхъ. Они вѣрятъ, что меня не соблазнятъ ни титулы, ни деньги. Народъ не будетъ обманутъ». Параллельно съ этимъ авторъ брошюры приводитъ выдержки изъ газетъ болѣе поздняго времени. «Его величеству по совѣту перваго министра благоугодно было назначить достопочтеннаго Джона Бернса министромъ земствъ и муниципалитетовъ» (London Gazette, December 11—th, 1905). Къ этой выдержкѣ авторъ брошюры прибавляетъ отъ себя: «Прежде министру земствъ и муниципалитетовъ полагалось жалованіе въ размѣрѣ 2000 ф. ст. въ годъ. Теперь оно, въ вознагражденіе достопочтеннаго Джона за сикофантство, повышено до 5 тысячъ ф. ст.». Приводимая авторомъ

*) «Judas Iscariot! John Burns's veredict on himself». Pp. 1—2.

брошюры выдержка изъ Daily Chronicle за 25 февраля 1907 года гласитъ: «Король давалъ вчера большой обѣдъ въ Букингэмскомъ дворцѣ. Въ числѣ гостей были герцогъ Аргайльскій, герцогъ Норфолькскій и г. Джонъ Бернсъ». «Поведеніе Джона Бернса какъ министра земствъ и муниципалитетовъ открыло глаза даже наиболѣе легковѣрнымъ поклонникамъ его,—говоритъ Хайндмэнъ, написавшій предисловіе къ упомянутой уже книгѣ Джозефа Берджеса.—Не подлежитъ сомнѣнію, что Куэлчъ правъ, когда говоритъ, что Бернсъ съ момента выступленія своего на арену политической дѣятельности мечталъ уже о министерскомъ портфелѣ. Можно забыть, что Бернсъ для достиженія своихъ цѣлей отрекся отъ своихъ принциповъ и отвернулся отъ людей, которые помогли его развитію. Но нельзя забыть, что Бернсъ пользуется теперь своимъ постомъ для того, чтобы вредить безработнымъ. Его поведеніе безпримѣрно. Бернса можно сравнить только съ такимъ негодяемъ, какъ Азефъ» *).

Конечно, это только façon de parler раздраженныхъ людей, которыми не всегда руководитъ чувство святого негодованія. Джонъ Бернсъ, какъ мы увидимъ, повернулъ вправо за послѣдніе годы, но, конечно, онъ никого не «предавалъ». Фамилія Азефа пристегнута Хайндмэномъ, чтобы «было крѣпче». Желая возможно болѣе круто насолить Бернсу и больнѣе ущипнуть его,—Хайндмэнъ смотритъ на него сверху внизъ. По словамъ Хайндмэна, Джонъ Бернсъ обязанъ своимъ развитіемъ всецѣло соціалъ-демократамъ, а въ частности ему, автору предисловія. «Мы всегда считали его только полезнымъ потрясателемъ флага и толковымъ уличнымъ ораторомъ. Въ комитетѣ у насъ онъ былъ совершенно безполезенъ». Какое презрительное отношеніе къ «буржуазіи», которая считаетъ отличнымъ министромъ величайшей въ мірѣ имперіи того, кто оказался «совершенно негоднымъ» въ совѣтѣ соціалъ-демократической федераціи, состоящей изъ десяти тысячъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей!

«Когда Джонъ Бернсъ впервые явился къ намъ въ 1884 году,—продолжаетъ Хайндмэнъ,—онъ былъ грубъ и совершенно невѣжественъ... Смѣшно читать, какъ хвалятъ рѣчь, произнесенную Бернсомъ въ 1885 году въ судѣ. Эту рѣчь писали я и Чэмпіонъ... Я исправлялъ грамматическія ошибки въ первыхъ статьяхъ Бернса, разбивалъ неуклюжіе періоды на отдѣльныя предложенія и вообще придавалъ имъ приличный видъ» **). Въ странномъ противорѣчіи, съ этими словами находится то, что говорится въ той же книгѣ, къ которой Хайндмэнъ написалъ предисловіе. Джозефъ Берджесъ описываетъ свое посѣщеніе Джона Бернса въ 1886 году и говоритъ о большой библіотекѣ, которую тотъ уже тогда имѣлъ.

---

*) «The Rise and Progress of a Right Honourable». Foreword.

**) «The Rise etc.», Foreword, p. VIII.

Бернсъ еще мальчикомъ жертвовалъ обѣдомъ, чтобы купить книгу. Въ 1886 году библіотека Бернса была уже такъ велика, что ею, по словамъ Берджеса, могъ бы гордиться не только рабочій. Свои книги Бернсъ зналъ хорошо. Надо помнить еще, что въ то время онъ успѣлъ уже побывать на континентѣ, гдѣ внимательно изучалъ общественное движеніе. Поэтому врядъ-ли Джонъ Бернсъ представлялъ собою тогда такого грубаго и совершенно невѣжественнаго парня, какимъ его изображаетъ Хайндмэнъ. Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, память измѣнила вождю англійскихъ соціалъ-демократовъ. Но, будь это даже такъ, какъ говоритъ авторъ предисловія, тѣмъ болѣе удивительно, что малограмотный, невѣжественный рабочій могъ такъ развиться и стать министромъ, знанія и способности котораго признаютъ въ парламентѣ какъ радикалы, такъ и консерваторы.

«Въ палатѣ общинъ Джонъ Бернсъ выдвинулся, какъ знающій и способный коммонеръ,—говоритъ историкъ. — Онъ хорошо владѣетъ словомъ, умѣетъ находить и группировать аргументы и говоритъ только о такихъ вопросахъ, которые понимаетъ въ совершенствѣ. Человѣкъ, обладающій такимъ краснорѣчіемъ и такъ любящій говорить публично, какъ Бернсъ, легко повредилъ бы своей репутаціи, выступая часто, при томъ съ длинными рѣчами. Уже одинъ тотъ интересъ, съ которымъ такой человѣкъ относится ко многимъ вопросамъ, соблазнялъ бы его часто проявлять свое краснорѣчіе. Джонъ Бернсъ, повидимому, никогда не поддается искушенію вмѣшиваться въ дебаты по каждому поводу. Во всякомъ случаѣ, если такое искушеніе и является, Бернсъ умѣетъ обуздать его. Бернсъ участвуетъ въ дебатахъ только тогда, когда дѣйствительно можетъ сказать что-нибудь новое, когда у него имѣются такіе факты, которые онъ узналъ личнымъ опытомъ. Палата общинъ скоро поняла это и теперь, когда Бернсъ поднимается, она знаетъ, что услышитъ аргументы и факты, которыхъ другой, вѣроятно, не приведетъ. Заручившійся такой репутаціей всегда желанный гость въ Нижней палатѣ. Коммонеры знаютъ, что Бернсъ не отниметъ у нихъ времени больше, чѣмъ абсолютно необходимо» *).

II

Въ мольеровской комедіи Le Bourgeois Gentilhomme преподаватель философіи не находитъ достаточно сильныхъ словъ для осужденія танцмейстера и учителя фехтованія, пустившихъ въ ходъ такіе не философскіе аргументы, какъ брань. «Господа! Что я вижу! Можно ли горячиться такимъ образомъ? — урезониваетъ философъ.—Неужели вы не читали знаменитаго трактата Сенеки

*) Justin Mc Carthy, «A History of our own Times», vol. VI, p. 76.

о гнѣвѣ? Есть ли что-нибудь болѣе низкое и болѣе постыдное, чѣмъ эта страсть, превращающая разумнаго человѣка въ дикое животное? Неужели вамъ неизвѣстно, что разумъ долженъ контролировать всѣ наши поступки?... Мудрецъ стоитъ выше личныхъ оскорбленій. Лучшій отвѣтъ философа на обиды это—сдержанность и терпѣніе». Но черезъ минуту завязывается отчаянная перепалка и философъ, такъ хорошо знающій трактатъ Сенеки о гнѣвѣ, кричитъ:

— Подлецы! Мошенники! Нахалы! Бродяги! Измѣнники! Обманщики!

— Monsieur le philosophe! Monsieur le philosophe! — напрасно молитъ Журдэнъ *).

Нѣчто подобное мы находимъ въ книгѣ Джозефа Берджеса. Авторъ строго осуждаетъ Джона Бернса за позу, «самомнѣніе», «рисовку», полное отсутствіе скромности и т. д. Самъ же онъ прилагаетъ къ книгѣ собственный портретъ и выставляетъ на обложкѣ, что онъ «издавалъ «The Operative» въ 1885—86 годахъ», «редактировалъ «The Workman's Times» въ 1890—94 гг.» и написалъ книжечку «Reminiscentes of a Socialist Agitator». The Operative—крошечная, безцвѣтная газетка, выходившая еженедѣльно и имѣвшая не болѣе 200—300 подписчиковъ. Въ текстѣ книги мы видимъ то же самое. Авторъ, строго осуждающій Джона Бернса за самомнѣніе, находитъ нужнымъ подробно разсказывать о себѣ. Мы узнаемъ не только, что говорилъ, но даже какъ закусывалъ Джозефъ Берджесъ двадцать лѣтъ тому назадъ. И читатель, подобно Журдэну, готовъ воскликнуть:

— Monsieur le philosophe! Ah! Monsieur le philosophe!— Авторъ доказываетъ намъ, что онъ умнѣе Джона Бернса. «Въ 1891 году на обѣдѣ въ Democratic Club Бернсъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о французской политикѣ, которыя я нашелъ ни съ чѣмъ не сообразными. Такъ я и заявилъ Бернсу довольно рѣзко. Въ тотъ же вечеръ онъ, къ удивленію моему, завелъ разговоръ о французской политикѣ и высказалъ мои взгляды. Онъ всегда отличался отсутствіемъ инициативы» **).

Авторъ строго осуждаетъ министра земствъ и муниципалитетовъ не столько за «измѣну» (я уже сказалъ, что терминъ «Азефъ», употребленный Хайндмэномъ, «Іуда Искаріотъ» и другія менѣе сильныя выраженія—только façon de parler), сколько за хожденіе въ совѣтъ нечестивыхъ, т. е. за союзъ съ либералами.

«Рабочая партія, какъ мнѣ кажется, — говоритъ Джозефъ Берджесъ—подвергается опасности впасть въ тотъ же грѣхъ, что и Джонъ Бернсъ. Я не думаю, что кто-нибудь изъ вождей соблазнится и возьметъ правительственную должность; но я боюсь, что

*) Acte II, Scène IV.
**) «The Rise and Progress of a Right Honourable», p. XIV.

Рабочая партія превратится просто въ партію реформъ, довольствующуюся палліативами. Какъ законодательный факторъ, Рабочая партія становится лѣвымъ крыломъ радикальной партіи. Больше того, среди радикаловъ можно насчитать не мало коммонеровъ, придерживающихся гораздо болѣе крайнихъ взглядовъ, чѣмъ масса рабочихъ представителей. Все это необходимо измѣнить. Или соціалисты, входящіе въ составъ Рабочей партіи, должны перетянуть на свою сторону своихъ товарищей, или они должны выдѣлиться въ отдѣльную группу, чтобы съ большею свободою проводить (to ventilate) свои соціалистическіе взгляды въ Нижней Палатѣ. Если не будетъ ни того, ни другого, то Рабочая партія, подобно Джону Бернсу, попадетъ во все пожирающее хайло либерализма. Послѣдствіемъ будетъ полное безплодіе» *).

Результатами коалиціи парламентской Рабочей партіи съ радикалами было не «безплодіе», а законъ о неприкосновенности фондовъ трэдъ-юніоновъ (узаконеніе пикетированія) 1906 года, государственная пенсія для стариковъ, расширеніе закона объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье служащихъ, законъ о здоровыхъ жилищахъ, рабочія биржи, государственное страхованіе на случай болѣзни и безработицы, жалованье коммонерамъ (въ бюджетѣ 1911—1912 года) и рядъ второстепенныхъ законовъ. Любопытно, что Джозефъ Берджесъ, строго осуждающій Бернса за союзъ съ либералами, находитъ, повидимому, вполнѣ естественнымъ выступленіе Блэтчфорда съ шовинистичсекими статьями въ Daily Mail или помѣщеніе «манифеста четырехъ» **) въ Daily Express. Обѣ эти газеты не только крайне консервативны, но выступаютъ постоянно съ глумленіями противъ соціалистовъ и трэдъ-юніонистовъ.

Не смотря на придирчивый тонъ, въ которомъ написана вся книга Джозефа Берджеса, не смотря на то, что въ этомъ громадномъ памфлетѣ часто звучитъ зависть и замѣчанія автора не свидѣтельствуютъ объ его умѣ и проницательности,—«The Rise and Progress of a Right Honourable» все-таки очень интересное произведеніе. Мы находимъ въ книгѣ Джозефа Берджеса много новыхъ фактовъ относительно рабочаго движенія въ Англіи въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ. И уже изъ-за однихъ этихъ фактовъ книга заслуживаетъ того, чтобы съ нею познакомились русскіе читатели. Книга Джозефа Берджеса написана съ претензіей на оригинальную форму. Авторъ пишетъ...въ 1935 году.

«Теперь, когда общіе выборы 1935 года дали соціалистамъ 370 мѣстъ въ парламентѣ, т. е. большинство въ семьдесятъ голосовъ

---

*) Ibid., p. XVI

**) Воззваніе четырехъ членовъ совѣта независимой Рабочей Партіи, направленное противъ послѣдней. Подписавшіе воззваніе выступаютъ, какъ соціалисты. Этотъ «манифестъ» строго осужденъ на послѣднемъ Ливерпульскомъ конгрессѣ Рабочей Партіи.

надъ всѣми группами капиталистической коалиціи, мнѣ кажется, умѣстно разсказать закулисную сторону эволюціи Соціалистической партіи. Современные лѣтописцы отмѣтили послѣдовательный ростъ партіи. Цифры, относящіяся сюда, вы найдете въ современныхъ ежегодникахъ. По этимъ таблицамъ вы узнаете, какъ Рабочая партія, породившая впослѣдствіи Соціалистическую партію, дебютировала въ 1906 году; какъ послѣ выборовъ 1910 года число членовъ ея, вслѣдствіе присоединенія представителей отъ трэдъюніоновъ углекоповъ, возросло до 40. Эти представители отъ углекоповъ раньше считались либералами. Но ежегодники и альманахи не объяснятъ вамъ, какимъ образомъ (воспользовавшись закономъ о жалованіи коммонерамъ) послѣ общихъ выборовъ 1919 года Рабочая партія преобразовалась въ Соціалистическую. Не найдете вы также въ ежегодникахъ объясненія, почему послѣ того, какъ проведена была демаркаціонная линія между объединенными соціалистическими группами и ортодоксальными политическими партіями, Британская Соціалистическая Партія стала стремительно развиваться. Но, если вы прочтете этотъ правдивый разсказъ о закулисномъ движеніи въ рядахъ рабочихъ въ періодъ отъ 1885 до 1905 года, вы поймете эволюцію Соціалистической Партіи въ 1935 году. Соціалисты, какъ таковые, выступили въ парламентѣ только въ 1920 году, но уже въ 1885 году Соціалъ-демократическая федерація, породившая всѣ остальныя британскія соціалистическія организаціи, выставила Джона Бернса своимъ кандидатомъ въ Западномъ Ноттингэмѣ... И теперь, когда Соціалистическая партія господствуетъ въ парламентѣ и готова приступить къ переустройству государства, мнѣ кажется, наступило время разсказать исторію полувѣкового развитія партіи» *). Центральной фигурой въ исторіи Соціалистической партіи авторъ считаетъ «отщепенца и ренегата» Джона Бернса. Это, конечно, не вяжется съ заявленіемъ Хайндмэна въ предисловіи, что Бернсъ—ничтожество, что, въ сущности, министра земства и муниципалитетовъ выдвинулъ онъ, Хайндмэнъ, писавшій ему рѣчи и исправлявшій его статьи; но не будемъ останавливаться на этомъ. Для доказательства «ренегатства» Джона Бернса и его «Іудинова грѣха» Джозефъ Берджесъ приводитъ выдержки изъ статей нынѣшняго министра, появившихся въ Justice за 1884—85 годы. Это—тѣ самыя статьи, которыя, по словамъ Хайндмэна, онъ сильно передѣлывалъ. «Индивидуальность углекоповъ, работающихъ въ шахтахъ, совершенно раздавлена,—говоритъ Джонъ Бернсъ въ статьѣ, озаглавленной: Наши углекопы.—По выраженію Шелли, они превратились въ «заводныхъ автоматовъ», въ простыя машины для вырабатыванія, прибыли и для созданія громадныхъ состояній шахтовладѣльцамъ, которые, въ то время, какъ углекопы

*) The Rise etc., pp. 2–3.

томятся подъ землей,—наслаждаются на берегу Средиземнаго моря или скользятъ на яхтахъ по Босфору». Въ статьѣ о конгрессѣ трэдъ-юніонистовъ въ 1884 году Бернсъ писалъ: «За умѣренность конгресса тори и либералы похлопываютъ по плечу его членовъ. Съ точки зрѣнія рабочаго, снисходительное отношеніе тори и либераловъ къ конгрессу трэдъ-юніонистовъ является лучшимъ доказательствомъ его безсилія. Трэдъ-юніонизмъ не въ состояніи бороться съ экономической системой, столь выгодной для предпринимателей». «Никогда еще трэдъ-юніонизмъ не переживалъ такого мрачнаго времени, какъ теперь, — писалъ Джонъ Бернсъ въ Justice отъ 24 января 1885 года.—Старые методы устрашенія и преслѣдованія возродились въ новой формѣ. Подъ страхомъ потери работы (что равносильно голодной смерти), рабочіе вынуждены покидать профессіональные союзы. Многіе болѣе слабые союзы раздавлены совершенно, тогда какъ старые и сильные трэдъ-юніоны потерпѣли очень сильно вслѣдствіе борьбы съ предпринимателями. Теперь нельзя уже довольствоваться ласковыми словами да палліативами, предлагаемыми капиталистическимъ классомъ. Рабочіе должны потребовать свою долю національныхъ богатствъ и отстаивать свои права, какъ свободные граждане». «Намъ, рабочимъ, говорятъ, что мы живемъ въ свободной странѣ,—сказалъ въ 1885 году Бернсъ на конгрессѣ Соціалъ-демократической федераціи, на который онъ былъ посланъ делегатомъ.—Можно ли говорить о свободѣ, когда я за то, что поѣхалъ на конгрессъ, потерялъ работу на заводѣ? Гдѣ же свобода? Не умѣстнѣе ли говорить о рабствѣ? Соціалисты правильно говорятъ, что единственнымъ вѣрнымъ лекарствомъ будетъ національзація не только земли, капитала и кредита, но также орудій производства, распредѣленія и обмѣна. Только такимъ путемъ прекратится процессъ грабежа, жертвами котораго становятся рабочіе. Готовы ли англійскіе рабочіе присоединиться къ европейскому пролетаріату, выставившему соціалистическіе принципы? На этотъ вопросъ скоро придется дать рѣшительный отвѣтъ. Въ глубинѣ каждаго общества назрѣваетъ теперь революція. Среднимъ классамъ я скажу: «хотите ли вы руководить этою революціею? Будете ли вы ждать, покуда она васъ погонитъ впередъ? Или вы захотите подавить ее силой? Въ послѣднемъ случаѣ на васъ падетъ отвѣтственность за все, что случится».

Джонъ Бернсъ, несомнѣнно, не говоритъ теперь того, что онъ говорилъ на митингахъ и въ соціалистической газетѣ Justice двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Отчасти это объясняется тѣмъ, что измѣнился человѣкъ. Невозможно требовать, чтобы въ пятьдесятъ лѣтъ человѣкъ, много работавшій и думавшій, выражался тѣми же самыми словами, какъ въ 25 лѣтъ, когда онъ склоненъ чужія мысли облекать чужими словами. Измѣнился человѣкъ. Онъ, несомнѣнно, поправѣлъ, но за двадцать пять лѣтъ измѣни-

лись также и окружающія условія въ Англіи. Положеніе трудящихся массъ въ Англіи теперь во многихъ отношеніяхъ иное, чѣмъ тогда, когда Бернсъ писалъ свои статьи въ Justice. Для доказательства я приведу выдержки изъ отчета о парламентскомъ засѣданіи 27 апрѣля 1911 года. Рабочій депутатъ Гольдстонъ обратилъ вниманіе министерства на дѣйствіе законовъ о призрѣніи бѣдныхъ. Эти законы—утверждалъ коммонеръ—не соотвѣтствуютъ времени и осуждены въ отчетахъ, какъ большинства, такъ и меньшинства королевской коммиссіи, назначенной для изслѣдованія Poor Laws *). Ораторъ коснулся дальше обращенія съ бѣдными дѣтьми, общественнаго здоровья и смѣшанныхъ рабочихъ домовъ. «Въ Англіи ежегодно рождается въ рабочихъ домахъ около 15 тысячъ младенцевъ **). Ихъ держатъ обыкновенно въ комнатахъ верхнихъ этажей при условіяхъ, неблагопріятныхъ для здоровья дѣтей. При достиженіи школьнаго возраста воспитанники рабочаго дома въ Лондонѣ оставляютъ пріютъ; но въ провинціи бѣдныя дѣти, посѣщающія школу, живутъ въ рабочемъ домѣ. Такимъ образомъ они постоянно чувствуютъ себя отверженными. Коммонеръ Смитъ, тоже изъ рабочей партіи, поддерживая Гольдстона, выразилъ желаніе, чтобы были приняты какія-нибудь мѣры, спасающія желающихъ работать людей отъ рабочаго дома. Въ настоящее время нѣтъ такого учрежденія, которое помогло бы рабочему отъ того момента, какъ онъ теряетъ работу, до того, какъ онъ становится пауперомъ. Требуется—продолжалъ ораторъ—какая-нибудь организація, которая задержала бы безработнаго на наклонной плоскости къ рабочему дому. Изъ отчета королевской коммиссіи мы знаемъ, что ежегодно въ рабочій домъ являются сто тысячъ неимущихъ, которые раньше никогда не пользовались общественной помощью. Англія достаточно богата для того, чтобы предупредить явленія подобнаго рода. Въ Англіи и Уэльсѣ шестьдесятъ тысячъ способныхъ къ работѣ женщинъ, пользующихся общественной помощью. Женщина, потерявшая мужа и имѣющая дѣтей, должна получать помощь на дому, а не въ рабочемъ домѣ. Помощь должна быть такова, чтобы мать не была вынуждена искать тяжелую работу внѣ дома, оставляя дѣтей на произволъ судьбы на цѣлый день. Позоромъ для цивилизаціи является то, что мать вынуждена искать средства для существованія, жертвуя здоровьемъ своихъ дѣтей».

Гольдстону и Смиту отвѣтилъ министръ земствъ и муниципалитетовъ (Джонъ Бернсъ). Онъ указалъ на тотъ «несомнѣнный фактъ, что теперь пауперизмъ не достигаетъ такихъ размѣровъ,

---

*) Объ этой коммиссіи и о двухъ отчетахъ ея мнѣ пришлось уже не разъ говорить въ Русскомъ Богатствѣ.

**) Въ Англіи рабочій домъ служитъ и родильнымъ пріютомъ, и воспитательнымъ домомъ.

какъ раньше». Вмѣстѣ съ Робертомъ Бернсомъ можно сказать: «Facts are chiels that winna ding» (факты—дѣти, которыхъ нельзя побить). Въ 1850 году на каждую 1000 населенія въ Соединенномъ Королевствѣ приходилось 62 паупера, въ 1909 году—26, а теперь—только 18. «Facts are chiels that winna ding»! Въ 1850 году на каждую тысячу населенія приходилось 54 человѣка, получавшихъ общественную помощь на дому (Outdoor paupers), въ 1909 году ихъ было 15 на тысячу, а теперь—лишь 11. Число дѣтей въ рабочихъ домахъ было въ 1850 году 26 на тысячу, а теперь—лишь семь. Что касается здоровыхъ и способныхъ къ труду людей, то въ 1850 году они составляли 12 на 1000, а теперь—лишь 2, т. е. 0,2%. Съ 1834 года Англія израсходовала на разрѣшеніе поднятыхъ вопросовъ шестьсотъ милліоновъ ф. ст. Принимая во вниманіе ту массу денегъ, которая потрачена на войну и другія анти-соціальныя цѣли, надо изумляться, что сравнительно небольшая сумма, какъ шестьсотъ мил. ф. ст., дала такіе блестящіе результаты. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ содержаніе каждаго призрѣваемаго въ рабочемъ домѣ обходилось въ 7 ф. 18 ш. въ годъ (79 руб.), а теперь—въ 13 ф. ст. (130 руб.). Это означаетъ, что призрѣваемые имѣютъ лучшее помѣщеніе, болѣе питательную пищу, болѣе свѣдущихъ врачей и опытныхъ сидѣлокъ. Помощь, получаемая бѣдными на дому, составляла въ 1850 году въ среднемъ 3 ф. 11 шил. въ годъ (35 руб.), а теперь—6 ф. 2 ш. (60 руб.). Доля каждаго въ призрѣніи неимущихъ была шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ 6 шил. 8 п., а теперь—8 шил. 4 п. Содержаніе больныхъ пауперовъ въ госпиталѣ при лондонскихъ рабочихъ домахъ обходилось шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ 14 ш. 3 пенса (7 руб.) въ недѣлю, а теперь—въ 20 шиллинговъ въ недѣлю (10 руб.). Говорятъ, что пауперизмъ будто бы не уменьшается. Съ 1905 года пауперизмъ уменьшился на 22%, а число лицъ, получающихъ общественную помощь на дому, уменьшилось на 33%. Въ Лондонѣ пауперизмъ уменьшился на 14%, а число лицъ, получающихъ общественную помощь на дому,—на 37%. Въ округѣ Поплэръ (одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ кварталовъ восточнаго Лондона) это число уменьшилось на 56%. Въ 84—90 случаяхъ на сто пауперизмъ является послѣдствіемъ не условій производства и не положенія промышленности, а дряхлости, увѣчія и умственной слабости. Отъ 12 до 18% всѣхъ пауперовъ—слабоумные. Изъ 900 тысячъ призрѣваемыхъ на общественный счетъ—только десять тысячъ способны къ труду. За послѣднія пять лѣтъ правительство—продолжалъ Джонъ Бернсъ—сдѣлало много, чтобы сократить пауперизмъ. Говорятъ, что министерство земствъ и муниципалитетовъ должно сконцентрировать всѣ усилія на облегченіи положенія дѣтей, призрѣваемыхъ въ рабочихъ домахъ. Если послушать ораторовъ (т. е. Смита и Гольдстона),—продолжалъ Бернсъ—можно подумать, что дѣти и теперь еще живутъ вмѣстѣ со взрослыми

пауперами въ тѣхъ рабочихъ домахъ, гдѣ сѣкли Оливера Твиста и наказывали крошку Дорритъ. Изъ 22.700 дѣтей, призрѣваемыхъ теперь въ Лондонѣ, въ рабочихъ домахъ живутъ только 1060. Изъ нихъ 771—меньше трехъ лѣтъ, 58—лежатъ въ больницахъ. Такимъ образомъ дѣтей, старше 3 лѣтъ, въ лондонскихъ рабочихъ домахъ только 231. То же самое явленіе мы наблюдаемъ въ графствахъ Англіи и Уэльса. Тысячи призрѣваемыхъ дѣтей живутъ не въ рабочихъ домахъ, а на частныхъ квартирахъ. Когда онъ, Джонъ Бернсъ, былъ мальчикомъ, то позавидовалъ бы пищѣ, платью и вниманію, которыя получаютъ теперь призрѣваемыя дѣти. Изъ 70 тысячъ дѣтей, находящихся на попеченіи общества, только 400 посѣщаютъ школы при рабочихъ домахъ. Обусловливается это слабоуміемъ этихъ дѣтей. Остальныя дѣти учатся въ обычныхъ народныхъ школахъ. Изъ 12.700 дѣтей, кончившихъ раньше школы при рабочихъ домахъ, только 60 были возвращены хозяевами за крайнюю испорченность и неспособность къ работѣ. Ни Итонъ, ни Гарро, ни Регби, ни Уничестеръ *) не могутъ похвалиться такими блестящими результатами въ дѣлѣ воспитанія. Съ тѣхъ поръ, какъ появился отчетъ королевской коммиссіи, назначенной для изслѣдованія вопроса о дѣйствіи законовъ о призрѣніи бѣдныхъ,—прошло полтора года. За это время правительство выполнило многое изъ того, что было рекомендовано коммиссіей. Такимъ образомъ, напр., съ этого года дѣйствіе закона о пенсіи для стариковъ распространено на получавшихъ общественную помощь. Вслѣдствіе этого милліонъ стариковъ, которые жили въ рабочемъ домѣ или являлись кандидатами туда, стали государственными пенсіонерами. Вслѣдствіе расширенія закона о государственной пенсіи число призрѣваемыхъ въ рабочихъ домахъ уменьшилось на 22%, а число лицъ, пользующихся общественной помощью на дому, сократилось на 33%. Для достиженія всего этого государство израсходовало 30 милл. ф. ст. Государство потратило милліонъ ф. ст. на организацію общественныхъ работъ, но нашло, что онѣ не облегчаютъ бѣдствія. Королевская коммиссія рекомендовала рабочія биржи. Онѣ открыты теперь всюду. Кромѣ того, канцлеръ казначейства теперь вноситъ билль о государственномъ страхованіи на случай болѣзни и безработицы» **).

III.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Джонъ Бернсъ видитъ теперь многое въ болѣе розовомъ свѣтѣ, чѣмъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Отчасти это явленіе объясняется тѣмъ обиднымъ для человѣчества фактомъ, что окраска всего окружающаго находится въ

*) Старинныя и знаменитыя среднія школы.

**) Times, April 28, 1911.

зависимости не только отъ успѣха въ жизни наблюдателя, но даже (изъ пѣсни слова не выкинешь!) отъ того, какъ варитъ въ этотъ день желудокъ. Отчасти болѣе розовый взглядъ Бернса обусловливается тѣмъ, что положеніе массъ въ Англіи дѣйствительно измѣнилось къ лучшему за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ каждый, изучавшій жизнь англійскихъ массъ, долженъ былъ внимательно изучить обширную монографію Генри Мэйхью, вышедшую въ 1861 году *). То была классическая «энциклопедія для ознакомленія съ жизнью и заработками лицъ, желающихъ работать, не могущихъ работать и не хотящихъ работать» **). Теперь монографія Мэйхью имѣетъ только историческій интересъ. Нравы, описанные въ ней, отошли въ область преданій. И взглядъ Джона Бернса на дѣйствительность сталъ болѣе розовымъ, но до «азефщины» и «искаріотства» тутъ, конечно, еще далеко.

Джозефъ Берджесъ приводитъ первый избирательный манифестъ Бернса, выпущенный имъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ во время неудачнаго выступленія въ Ноттингэмѣ. Въ программѣ находимъ десять пунктовъ:

1. Свободное и обязательное обученіе для всѣхъ классовъ. Предоставленіе дѣтямъ въ народныхъ школахъ, по крайней мѣрѣ, завтрака.

2. Восьмичасовой рабочій день во всѣхъ отрасляхъ промышленности.

3. Всеобщее и равное избирательное право.

4. Жалованье коммонерамъ и покрытіе избирательныхъ издержекъ.

5. Уничтоженіе палаты лордовъ и власти, основанной на наслѣдственномъ принципѣ.

6. Трехгодичные парламенты.

7. Гомруль для Ирландіи.

8. Удешевленіе тяжебъ.

9. Національзація и муниципализація земли, шахтъ, желѣзныхъ дорогъ, машинъ и банковъ.

10. Референдумъ при объявленіи войны, заключеніи мира и договоровъ ***).

Въ моментъ своего появленія программа эта немало напугала мирныхъ обывателей своею крайностью и «субверсивностью». Присмотримся теперь къ отдѣльнымъ пунктамъ «страшной» программы. Первый параграфъ осуществленъ. Второй—осуществленъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности (въ этомъ году—въ угольныхъ шахтахъ). Вопросъ о всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ

*) «London Labour and the London Poor», vol. I—III.

**) Подзаголовокъ монографіи.

***) «The Rise and Progress of a Right Honourable», p. 12.

близокъ къ осуществленію. Суффражистки-милитантки, добивающіяся теперь допущенія женщинъ къ избирательнымъ урнамъ, хотятъ не всеобщаго избирательнаго права, а лишь распространенія нынѣ существующихъ законовъ на женщинъ (т. е. на имѣющихъ имущественный цензъ). Но на дняхъ правительство заявило, что законопроектъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ будетъ внесенъ въ парламентъ въ будущемъ году. Четвертый пунктъ программы (жалованье коммонерамъ) осуществляется теперь. Рабочіе хотѣли, чтобы жалованье коммонерамъ равнялось 300 ф. ст. въ годъ. По законопроекту Ллойдъ-Джорджа цифра эта равна 400 ф. ст. Пятый пунктъ программы составляетъ теперь предметъ борьбы между Верхней и Нижней палатами. Министерство провело въ Нижней палатѣ «парламентскій билль», о которомъ читатели «Русскаго Богатства» уже знаютъ. Билль этотъ, не уничтожая Верхней палаты, отнимаетъ у наслѣдственныхъ законодателей возможность становиться поперекъ пути коммонеровъ. Проектъ объ уничтоженіи наслѣдственнаго принципа въ Верхней палатѣ внесли сами лорды. Я говорю о биллѣ лорда Лэнсдауна, обсуждающемся теперь пэрами. Трехгодичный парламентъ, значущійся въ шестомъ пунктѣ, замѣненъ въ «парламентскомъ биллѣ» 1911 года пятигодичнымъ. Областной сеймъ для Ирландіи обѣщанъ на 1912 годъ. Обѣщаніе это дали либералы, но не подлежитъ сомнѣнію, что, стань у власти консерваторы, они тоже вынуждены будутъ дать Ирландіи самоуправленіе, назвавъ реформу какимъ-нибудь пріемлемымъ псевдонимомъ. Восьмой пунктъ программы Бернса обѣщанъ и либералами, и консерваторами. О выкупѣ земли и желѣзныхъ дорогъ (девятый пунктъ) теперь говорятъ только крайніе радикалы. За то съ десятымъ пунктомъ программы случилась любопытная исторія. Референдумъ, пугавшій еще недавно своею «революціонностью», выставленъ теперь консерваторами. Наслѣдственные законодатели являются защитниками этой крайней якобинской мѣры, а радикалы и рабочіе открещиваются отъ нея. Этотъ бѣглый обзоръ пунктовъ первой избирательной программы Бернса показываетъ лучше всего, на сколько положеніе дѣлъ въ Англіи измѣнилось за послѣднія двадцать пять лѣтъ.

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ Бернсъ находился подъ вліяніемъ лицъ, выступившихъ тогда въ Англіи съ проповѣдью соціалистическихъ идей. Интересно, что всѣ эти лица вышли не изъ рабочей среды, а изъ среднихъ и выше среднихъ классовъ. Таковъ, напр., Генри Хайдъ Чэмпіонъ, который, разочаровавшись въ англійскихъ соціалъ-демократахъ, переселился впослѣдствіи въ Австралію. Тамъ по его иниціативѣ возникла Рабочая партія, которая такъ развилась, что нѣсколько разъ стояла у власти. Въ настоящій моментъ судьбами австралійской федераціи опять завѣдуетъ рабочее министерство. Генри Чэмпіонъ принадлежалъ по происхожденію къ выше среднему классу. Сынъ генералъ-маіора,

онъ былъ сперва артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ вышелъ въ отставку, когда началась египетская авантюра 1882 года. «Офицеру и джентльмэну не подобаетъ быть судебнымъ приставомъ у капиталистовъ, давшихъ хедиву деньги взаймы. Неприлично англійскому офицеру помогать ростовщикамъ выколачивать свои проценты». Такъ мотивировалъ свою отставку Чэмпіонъ. Оставивъ службу, Чэмпіонъ остался безъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ какъ жилъ жалованьемъ. Такъ какъ онъ обладалъ большими знаніями и былъ талантливъ, то ему не трудно было найти работу. Чэмпіонъ сталъ помощникомъ редактора «Fortnightly Review». Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ присоединился къ соціалъ-демократамъ. Они тогда только что основали свою газету «Justice» и сами сотрудники распространяли ее на улицѣ, такъ какъ газетные торговцы бойкотировали ее. Въ числѣ другихъ Чэмпіонъ тоже стоялъ на улицѣ съ пачкой «Justice» подъ мышкой. Талантливый, искренній, прямолинейный, Чэмпіонъ имѣлъ большое вліяніе на англійскихъ соціалистовъ того времени. Къ выше среднему классу принадлежалъ и другъ Чэмпіона милліонеръ Барло. Возрожденіе соціализма въ Англіи въ восьмидесятыхъ годахъ тѣсно связано съ именемъ Хайндмэна, который тоже принадлежалъ къ тому же классу, что Чэмпіонъ и Барло. Въ 1885 году Хайндмэну было уже 45 лѣтъ. Онъ происходилъ изъ очень богатой семьи, воспитывался въ Кэмбриджскомъ университетѣ и былъ преуспѣвающимъ биржевымъ дѣятелемъ.

IV.

Книга Джозефа Берджеса сварлива, придирчива, «ругательна» и не блещетъ умомъ, но тѣмъ не менѣе она очень интересна. Авторъ на основаніи мало доступныхъ теперь документовъ подробно разсказываетъ бурныя движенія англійскаго пролетаріата въ 1885—1886 гг., сильно напугавшія имущіе классы и выдвинувшія Джона Бернса. Такимъ образомъ мы впервые имѣемъ полную исторію трафальгарскаго митинга 8 февраля 1885 года, закончившагося разгромомъ клубовъ и нѣсколькихъ лавокъ, затѣмъ исторію «кроваваго воскресенія». Въ 1885 и 1886 году Англія переживала промышленный кризисъ, создавшій безработицу. На почвѣ ея возродилось въ Англіи соціалистическое движеніе. Безработицу хотѣли использовать также протекціонисты или, какъ они тогда себя называли, сторонники «справедливой торговли» (Fair trade). Читатели «Русскаго Богатства» знаютъ, чѣмъ обусловливается возрожденіе протекціонизма въ Англіи. Этотъ вопросъ является «кровнымъ» для цѣлаго промышленнаго міра, обрабатывающаго не волокнистыя вещества. Столицей этого промышленнаго міра служитъ Бирмингэмъ. Міру, обрабатывающему не волокнистыя вещества, необходимо для охраненія себя отъ иностранныхъ конкуррентовъ,

введеніе таможенныхъ тарифовъ. Чтобы залучить на свою сторону массы, протекціонисты увѣряютъ ихъ, что безработица обусловливается свободной торговлей. И каждый разъ, когда Англія переживаетъ промышленный кризисъ, каждый разъ, когда процентъ безработныхъ возрастаетъ,—возрождается агитація протекціонистовъ. Такъ было въ 1908 году. Такъ было и въ 1885 году. Въ февралѣ 1885 года протекціонисты устроили громадный митингъ на Трафальгарской площади, цѣлью котораго было стать во главѣ рабочаго движенія того времени. Соціалисты рѣшили устроить контръ-демонстрацію, чтобы выяснить массамъ истинную физіономію протекціонистовъ. Послѣдніе предложили на митингѣ резолюцію, которая по ихъ разсчетамъ должна была захватить массы. Въ резолюціи рекомендовалось правительству устроить общественныя работы для «лицъ, не могущихъ найти труда не по своей винѣ». Затѣмъ обращалось вниманіе на необходимость такихъ средствъ, которыя остановили бы тягу изъ деревень въ города. «Приливъ силъ, абсолютно необходимыхъ въ деревняхъ, но излишнихъ въ городахъ,—говорилось въ резолюціи—увеличиваетъ нищету и страданія въ большихъ центрахъ, такъ какъ вновь прибывшіе не только не могутъ найти достаточнаго заработка, но понижаютъ еще плату вообще». Сдѣлавъ это вступленіе, пріемлемое для рабочихъ, протекціонисты въ послѣдней части своей резолюціи выразили свое главное требованіе: возвращеніе къ покровительственнымъ и запретительнымъ тарифамъ. «Такъ какъ охранительные тарифы, существующіе въ другихъ государствахъ,—говорится въ резолюціи—гибельно отражаются на англійской промышленности и на британскихъ рабочихъ, то наступило время для назначенія особаго министра торговли и земледѣлія, чтобы тотъ немедленно принялъ мѣры къ охраненію отечественной промышленности». О контръ-демонстраціи подробно разсказалъ самъ Бернсъ въ своей рѣчи, произнесенной на судѣ. «Я слышалъ, что голодные безработные устроятъ митингъ на Трафальгарской площади и что руководятъ этимъ митингомъ четыре отмѣнныхъ и безсовѣстныхъ негодяя. У всѣхъ ихъ было скверное прошлое. За деньги они всѣ готовы были использовать страданія голодныхъ работниковъ. Организаторы митинга наняли нѣсколько сотенъ кабацкихъ завсегдатаевъ, которые послѣ митинга были выброшены изъ питейныхъ домовъ за буйство». Дальше Бернсъ разсказывалъ, какъ онъ добрался до Трафальгарской площади въ половинѣ второго въ день митинга (8 февраля 1885 года). Бернса узнали рабочіе и попросили его произнести рѣчь. «Я отказался, но прибавилъ, что, когда протекціонисты предложатъ свою резолюцію, то я внесу поправку. Если организаторы митинга не согласятся поставить ее на голосованіе, я устрою тогда отдѣльный митинтъ. Я вступилъ затѣмъ въ переговоры съ полиціей, которой заявилъ, что не хочу входить въ столкновеніе съ ней и что употреблю все свое вліяніе,

чтобы митингъ прошелъ спокойно». На площади собралось уже около двадцати тысячъ человѣкъ, но демонстранты-протекціонисты еще не являлись. Тогда Бернсъ все-таки рѣшилъ устроить свой митингъ у подножія Нельсоновской колонны. Когда прибыли протекціонисты, они обратились къ рабочимъ съ противоположныхъ ступеней плинтуса той же колонны. Бернсъ, обращаясь къ рабочимъ, обличалъ «наемниковъ, продавшихъ душу врагамъ трудящагося населенія», и предложилъ резолюцію, въ которой рекомендовалось правительству устроить общественныя работы. «Необходимо, кромѣ того,—говорилось въ этой резолюціи,—чтобы соціалистическій принципъ, признаваемый теперь государствомъ въ организаціи почтъ, телеграфовъ, водопроводовъ и отчасти желѣзныхъ дорогъ, достигъ дальнѣйшаго развитія. Тогда исчезнетъ такое ужасное явленіе, какъ безработица. Развѣ можно назвать революціей требованіе рабочихъ, чтобы имъ дана была возможность жить по человѣчески? Развѣ можно назвать мятежомъ уговоръ рабочихъ дѣйствовать сообща для защиты своихъ правъ? Если это дѣйствительно революція, то мы ее часто будемъ имѣть въ ближайшемъ будущемъ». Между тѣмъ начали происходить стычки между рабочими, слушавшими Джона Бернса, и демонстрантами, приведенными протекціонистами. Видя это, Бернсъ предложилъ своимъ слушателямъ отправиться въ Гайдъ-паркъ, чтобы тамъ на просторѣ устроить большой митингъ. Толпа подхватила на руки Бернса, который махнулъ нѣсколько разъ краснымъ знаменемъ. Затѣмъ, съ тѣмъ же краснымъ знаменемъ въ рукахъ, Бернсъ повелъ толпу; но, пройдя нѣсколько шаговъ, обратился къ ней съ новой рѣчью со ступеней Національной картинной галлереи. Эта рѣчь была болѣе окрашена, чѣмъ первая. Теперь англичане привыкли къ знаменамъ всѣхъ цвѣтовъ. Во время майской манифестаціи анархисты шествуютъ обыкновенно съ громаднымъ чернымъ знаменемъ, очень внушительнымъ по своимъ размѣрамъ. Появленіе такого знамени на улицахъ любого европейскаго города вызвало бы немедленное вмѣшательство полиціи и, вѣроятно, громадную свалку. Въ Англіи «бобби» идетъ рядомъ съ дамой во фригійскомъ колпакѣ, несущей черное знамя, и расчищаетъ передъ нею дорогу. Англичане теперь пришли къ совершенно правильному заключенію, что народныя волненія и революціи обусловливаются не цвѣтомъ куска полотна, привязаннаго къ палкѣ. Вотъ почему теперь англичане не боятся даже куска чернаго коленкора; но не то было двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Красное знамя, которымъ махалъ Бернсъ, произвело потрясающее впечатлѣніе какъ на зажиточныхъ обывателей, такъ и на представителей печати. Бернса тогда иначе не называли въ газетныхъ отчетахъ, какъ «демагогомъ въ бѣлой шляпѣ и съ краснымъ знаменемъ». У лѣстницы Національной картинной галлереи образовался второй митингъ. Вслѣдъ за Бернсомъ говорили еще Чэмпіонъ и Хайнд-

мэнъ, которые всѣ были привлечены потомъ къ суду за мятяжныя рѣчи. Открывая митингъ, Бернсъ сказалъ, что онъ и друзья его, принадлежащіе къ революціонной соціалъ-демократической лигѣ, отнюдь не думаютъ остановить броженіе, существующее теперь среди безработныхъ, но хотятъ только, чтобы оно не было использовано наемными агентами протекціонистовъ. Бернсъ дальше обличалъ палату общинъ, состоящую изъ капиталистовъ, жирѣющихъ на счетъ рабочихъ. Въ Нижней палатѣ—говорилъ Бернсъ—засѣдаютъ помѣщики, директора желѣзнодорожныхъ компаній и крупные предприниматели, которые также мало склонны законодательствовать въ пользу рабочихъ, какъ мало расположены волки охранять интересы ягнятъ. Эти люди не стоятъ даже веревки, которую вполнѣ заслужили своими поступками. Такъ какъ народу нечего ждать хорошаго отъ такихъ законодателей, то нужна революція для измѣненія положенія дѣлъ. Народъ, находящійся безъ работы, требуетъ не милостыни, а справедливости. Но отъ кого ждать ее? Не отъ такихъ людей, какъ герцогъ Вестминстерскій. Рабочіе имѣютъ теперь право участвовать въ выборахъ. Зачѣмъ оно имъ? Вѣдь результатомъ выборовъ является только смѣна одной партіи хищниковъ другою. Неужели—продолжалъ Бернсъ—рабочіе будутъ сидѣть спокойно, когда ихъ жены и дѣти голодаютъ? Во Франціи когда-то народъ требовалъ хлѣба, но богачи смѣялись тогда надъ «блузниками и безштанниками». Что же? Черезъ нѣкоторое время головы зубоскаловъ украсили собою фонарные столбы. Вожди революціонной демократической лиги—продолжалъ Бернсъ—желаютъ устроить мирно дѣла въ Англіи; но если это не дастъ результатовъ, то они не остановятся передъ революціей. За Бернсомъ говорилъ Чэмпіонъ. Онъ предложилъ резолюцію, въ которой совѣтовалось правительству ввести общественныя работы. За Чэмпіономъ говорилъ Джэкъ Вилліамсъ, который и до сихъ поръ выступаетъ на всѣхъ бурныхъ митингахъ. По мнѣнію Вилліамса, рабочіе достигнутъ всего, если только будутъ организованы. Послѣднимъ выступилъ Хайндмэнъ, который вспомнилъ подобныя же манифестаціи безработныхъ въ прошлые годы. «До какихъ поръ массы будутъ терпѣть нынѣшнее положеніе дѣлъ!—воскликнулъ Хайндмэнъ.—Сила находится въ ихъ рукахъ. Рабочимъ предлагаютъ быть умѣренными. Но какъ могутъ они послѣдовать совѣту, если сидятъ безъ работы и безъ хлѣба? Взгляните на эти клубы!—тутъ Хайндмэнъ указалъ по направленію къ Пэллъ-Мэллъ.—Что членамъ этихъ богатыхъ клубовъ ваши страданія! Необходимо объединиться. Вмѣсто этого мы видимъ, какъ люди, имѣющіе работу, возстаютъ противъ тѣхъ, которые ея не имѣютъ. Соціалъ-демократы—закончилъ Хайндмэнъ—готовы стать во главѣ движенія. Хотятъ ли рабочіе за ними послѣдовать?» *).

---

*) „The Rise", etc., pp. 50—55.

Послѣднее слово сказалъ Бернсъ. «Въ слѣдующій разъ, если безработные соберутся, то для того, чтобы разгромить булочныя въ Вэстъ-эндѣ. Рабочіе слышали уже слишкомъ много словъ. Пора массамъ, среди которыхъ полтора милліона безработныхъ, сдѣлать что-нибудь рѣшительное. Какъ революціонеръ, — продолжалъ Бернсъ,—я предпочитаю лучше умереть, сражаясь, чѣмъ околѣть съ голоду. Если мы соберемся опять, то для того, чтобы отнять богатства у лицъ, ограбившихъ насъ. Кто согласенъ со мною, пусть подниметъ руки». Въ отвѣтъ поднялось безчисленное множество рукъ. Послѣ этого Бернсъ, все еще держа въ рукахъ красное знамя, повелъ громадную толпу въ Гайдъ-паркъ по улицѣ, на которой находятся самые богатые лондонскіе клубы. И здѣсь началось то, что газеты на другой день описывали, какъ «мятежъ въ Вэстъ-эндѣ». Толпа выбила стекла во многихъ клубахъ, начиная съ аристократическаго ультра-консервативнаго *Карлтона*. Что побудило толпу поступить такимъ образомъ? «Если вы, господа присяжные, спросите рабочихъ, участвовавшихъ въ какой-нибудь демонстраціи,—сказалъ Джонъ Бернсъ на судѣ—они вамъ скажутъ, что есть классъ, потѣшающійся изъ оконъ клубовъ надъ манифестирующими бѣдняками, которыхъ они называютъ «the great unwashed» (великій черномазый). То же самое случилось и восьмого февраля; но толпа тогда не была настроена такъ, чтобы терпѣливо переносить насмѣшки. Послѣдствіемъ явились камни, брошенные толпою въ окна клубовъ... Я сдѣлалъ все возможное, чтобы прекратить бомбардированіе камнями, такъ какъ битье стеколъ, хотя и служитъ иногда предостереженіемъ, но не въ состояніи измѣнить современный строй, держащійся на эксплуатаціи рабочихъ. Я употребилъ всѣ усилія, какъ доказываютъ показанія свидѣтелей, чтобы вести мирно манифестантовъ въ Гайдъ-паркъ. Тамъ я намѣревался предложить рабочимъ мирно разойтись. Глупость *карлтонскаго* клуба помѣшала всему этому».

Толпа, выбивъ стекла въ Карлтонѣ, двинулась дальше. Вотъ на дорогѣ одинъ изъ самыхъ аристократическихъ клубовъ, носящій странное названіе — «Домъ, крытый соломою», The Thatchcb House. Въ окнахъ его тоже стоятъ важные господа, смѣющіеся надъ манифестантами и острящіе надъ ними. Опять полетѣли камни, и у стекольщиковъ на другой день было очень много работы. Наконецъ, толпа достигла Гайдъ-парка. «Я взобрался на пьедесталъ статуи Ахилла—объяснялъ Бернсъ передъ судомъ—и предложилъ рабочимъ воздержаться отъ безпорядковъ, такъ какъ выбиваніемъ стеколъ не создаются соціальныя революціи. Большая часть манифестантовъ согласилась со мною. Но нѣкоторыя горячія головы захотѣли, чтобы ихъ немедленно повели на бой противъ солдатъ». Въ толпѣ раздавались крики: «Bread or lead»! (хлѣбъ или свинецъ!) Обвиненіе утверждало, что этотъ ло-

зунгъ принадлежитъ Бернсу, но послѣдній отрицалъ это. Толпа, повинуясь совѣту Бернса, начала мирно расходиться.

Джозефъ Берджесъ теперь въ своей книгѣ даетъ нѣсколько иную версію, чѣмъ та, которую изложилъ Бернсъ на судѣ. Авторъ книги стремится выгородить соціалъ-демократовъ. «Я знаю, что правительство заплатило пострадавшимъ отъ безпорядковъ лицамъ отъ 8000 до 9000 ф. ст. Уже одинъ этотъ фактъ доказываетъ, что безпорядки были очень серьезны. Но будетъ совершенно несправедливо приписывать эти безпорядки соціалъ-демократамъ, участвовавшимъ въ процессіи. Кромѣ нихъ, въ процессіи участвовали очень многіе изъ тѣхъ буйныхъ полупьяныхъ элементовъ, которые всегда спѣшатъ воспользоваться каждыми безпорядками. Бернсъ, Чэмпіонъ, Хайндмэнъ и Вилліамсъ вели за собою товарищей, но къ процессіи присоединились также многіе изъ тѣхъ, которые принимали участіе въ демонстраціи, устроенной протекціонистами. Эти манифестанты, какъ только процессія тронулась, подобрали камни разобранной мостовой. Когда толпа поравнялась съ Карлтономъ, камни были у ней уже въ запасѣ. Хотя Бернсъ сказалъ правду, что члены клуба вызвали раздраженіе своими насмѣшками, но очень вѣроятно, что окна были бы выбиты во всякомъ случаѣ. Мимо клубовъ Реформъ, Биконсфильда и Марлборо толпа прошла спокойно. За то клубъ гражданскихъ чиновниковъ былъ разрушенъ. Такимъ же образомъ толпа выбила всѣ стекла въ Новомъ Университетскомъ клубѣ, но прошла спокойно мимо нѣсколькихъ консервативныхъ собраній. За то Девонширскій клубъ, извѣстный радикализмомъ своихъ членовъ, особенно сильно пострадалъ отъ камней. Толпа бомбардировала его въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Улица, обстроенная клубами, кончилась. Толпа повернула на богатую улицу Пиккадилли. Камни полетѣли въ окна лавокъ, частныхъ квартиръ и въ кареты».

Авторъ книги дополняетъ записанный текстъ рѣчи Хайндмэна, произнесенной въ Гайдъ-паркѣ у подножія статуи Ахилла. «Вожди соціалъ-демократической партіи выражаютъ сожалѣніе по поводу событій, случившихся по пути въ Гайдъ-паркъ, —сказалъ ораторъ.— Камни бросали, вѣроятно, наемные агенты, подученные врагами соціалъ-демократіи съ цѣлью скомпрометировать движеніе. Но, если не будутъ приняты рѣшительныя мѣры для устраненія безработицы, то насильственныя выступленія примутъ все болѣе и болѣе грозный характеръ. Соціалъ-демократы, впрочемъ, не будутъ призывать невооруженныхъ людей къ столкновенію съ войскомъ и полиціей».

Когда митингъ въ Гайдъ-паркѣ кончился, человѣкъ пятьсотъ, отдѣлившись отъ толпы, начали громить лавки, находившіяся неподалеку отъ Лондонскаго форума.

V.

Погромъ, не смотря на свой «дѣтскій» характеръ по сравненію съ русскими, напримѣръ, произвелъ потрясающее впечатлѣніе на населеніе Лондона. Многимъ казалось, что это—только первые раскаты грома, за которыми черезъ день или два послѣдуетъ гроза съ кровавымъ дождемъ. Слово «революція» было у всѣхъ на устахъ. Вожди соціалъ-демократіи всѣми силами старались убѣдить населеніе, что они не имѣютъ ничего общаго съ громилами. «Вожди соціалъ-демократической федераціи—говоритъ Джозефъ Берджесъ—были дѣйствительно испуганы тѣмъ призракомъ, который внезапно явился передъ ними. Въ ихъ планъ совершенно не входили возстаніе или мятежъ. Имъ хотѣлось только дискредитировать протекціонистовъ и захватить въ свои руки рабочее движеніе... Хайндмэнъ нѣсколько разъ выступалъ съ заявленіемъ, что соціалъ-демократическая федерація никогда никого не призывала къ насилію. Въ такомъ же духѣ сдѣлалъ заявленіе Чэмпіонъ. «Будь у меня револьверъ,—сказалъ онъ—я застрѣлилъ бы каждаго, пытавшагося ограбить лавки» *). Подъ первымъ впечатлѣніемъ газеты писали, что разгромлены и ограблены всѣ лавки на Пиккадилли. На основаніи этихъ первыхъ сообщеній были переданы телеграммы въ иностранныя газеты. Комментируя эти преувеличенныя сообщенія, иностранныя газеты говорили о началѣ соціальной революціи въ Англіи. Въ дѣйствительности толпа разгромила двѣ лавки. Изъ одной вытащили рубахи, которыя громилы тутъ же пробовали надѣть. Во второй разгромленной лавкѣ толпа нашла бутылки съ виномъ. Громилы тутъ же отбивали горлышки и пили вино пригоршнями. По категорическому требованію, выраженному протекціонистами на спеціальномъ митингѣ, созванномъ на другой день послѣ безпорядковъ, правительство привлекло къ суду Джона Бернса, Хайндмэна, Чэмпіона и Джэка Вилліамса, какъ зачинщиковъ. Хайндмэнъ готовился къ продожительному тюремному заключенію. «Никто не знаетъ, что съ нами случится,—сказалъ онъ представителю газеты Pall-Mall.—По всей вѣроятности, мы надолго исчезнемъ»**). Рѣшительнымъ и смѣлымъ вызовомъ отвѣтилъ тогда одинъ только Джонъ Бернсъ. Привлеченные къ суду были выпущены подъ денежный залогъ. Поручителемъ за Бернса явился Вильямъ Моррисъ. А черезъ нѣсколько дней (21 февраля) Джонъ Бернсъ выступилъ на большомъ митингѣ въ Гайдъ-паркѣ. Ораторъ отстаивалъ резолюцію, въ которой говорилось, что положеніе рабочихъ можетъ улучшиться

*) The Rise etc., pp. 61, 65.

**) Ib., p. 67.

только тогда, когда они организуются и ниспровергнутъ современный экономическій и соціальный строй, основанный на насиліи. Рабочіе должны взять въ свою руки землю, машины, капиталъ и всѣ вообще орудія производства. Отстаивая эту резолюцію, Бернсъ сказалъ, что ему приходится быть сдержаннымъ въ выраженіяхъ, такъ какъ онъ находится на порукахъ. Онъ выразилъ пожеланіе, чтобы митингъ кончился мирно и чтобы манифестанты спокойно разошлись по домамъ. «Не надо грабить лавокъ. Не надо отбирать ничего. Еще не наступило время, чтобы народъ взялъ выкупныя деньги. Капиталистическая печать называетъ насъ «чернью» и «сволочью» (tag-rag and bob-tail),—продолжалъ Бернсъ. «Чернь и сволочь» находятся, однако, не здѣсь передъ платформой, а въ богатыхъ клубахъ. Какое право бранить массы имѣютъ люди, живущіе праздно—на счетъ рабочихъ? Если принять за мѣрило при опредѣленіи того, что такое «чернь» и «сволочь», трудолюбіе, то чѣмъ будутъ богатые и праздные классы? Насъ увѣряютъ, что въ современномъ обществѣ есть справедливость и равенство всѣхъ передъ закономъ. Я могу посовѣтовать рабочимъ ничего не дѣлать, потому что современное общество вознаграждаетъ своихъ сочленовъ обратно пропорціонально труду, выполняемому ими. Если кто, побуждаемый голодомъ, украдетъ въ полѣ рѣпу или картофелину, его, какъ вора, запрутъ въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ. Но, если кто украдетъ тысячу акровъ общественной земли, ему дадутъ за это званіе пера. Меня привлекли къ суду за подстрекательство къ мятежу,—продолжалъ Бернсъ.—Что такое мятежъ? Это—крайне смутное, растяжимое понятіе. Если подъ словомъ «мятежъ» понимать призывъ къ соціальной революціи, то я буду находиться подъ судомъ до гробовой доски. Лордъ Рэндольфъ Черчилль сказалъ, что искренность лондонскихъ манифестантовъ проявляется только тогда, когда они начинаютъ выворачивать желѣзныя прутья, чтобы вооружиться ими. Чэмберлэнъ *) сказалъ массамъ, что приближается день, когда сельскіе работники отнимутъ добро, похищенное у нихъ когда-то. Я не хочу, чтобы пролетаріатъ взялъ военную добычу раньше урочнаго времени. Мнѣ хочется только напомнить народу, что сѣмена кровавой революціи уже дали всходы. Я хочу обратить вниманіе на то, что безпорядки, происшедшіе во время митинга въ Гайдъ-паркѣ, свидѣтельствуютъ о сильномъ броженіи въ нѣдрахъ массъ. Капиталистическая пресса называетъ эти безпорядки «кровожаднымъ мятежомъ». Я не употреблю этого названія,—продолжалъ Бернсъ.—Пресса еще утверждала, что безпорядки остановили притокъ пожертвованій въ пользу безработныхъ. Если дѣйствительно мятежъ задержалъ потокъ благотворительности, за то онъ открылъ шлюзы

---

*) Въ 1885 году онъ не былъ уже „республиканцемъ", но все еще считался крайнимъ радикаломъ.

справедливости. Трудящееся населеніе желаетъ имѣть работу и справедливость. Оно отнюдь не хочетъ создавать бездѣльниковъ, живущихъ на счетъ общественной благотворительности. И, если народъ проявитъ настойчивость и рѣшительность, онъ добьется какъ работы, такъ и справедливости. Демонстрантамъ говорятъ, что они не проявили уваженія къ основнымъ законамъ англійской конституціи. Но нужда не признаетъ никакихъ законовъ. Бѣдность нельзя устранить одними только начиненными вѣтромъ резолюціями. Почему голодные люди совершаютъ насилія? Потому ли, что они по природѣ своей преступны? Нѣтъ, это явленіе обусловливается тѣмъ, что голодные люди видятъ передъ собою, какъ созданныя ими богатства проживаются тунеядцами. Почему мятежи происходятъ время отъ времени? Потому что средніе классы не въ состояніи вести дѣла. Если правительство не выполнитъ требованій, поставленныхъ рабочими, то Англія увидитъ гораздо болѣе серьезныя сцены, чѣмъ тѣ, которыя случились 8 февраля. Зачѣмъ существуетъ парламентъ?—воскликнулъ Бернсъ.—Созданъ ли онъ для блага всего населенія Великобританіи или только для удобства привилегированныхъ классовъ? Необходимо, чтобы парламентъ являлся благомъ для всего народа, а не только одной клики. Производящій цѣнность долженъ имѣть всю стоимость ея. Манифестація восьмого февраля означаетъ начало революціи. Подъ этимъ словомъ надо понимать полную перемѣну, мирную или насильственную». Бернсъ закончилъ приглашеніемъ прокричать трижды ура за соціальную революцію *). Газеты того времени описываютъ, какъ Бернсъ, послѣ окончанія рѣчи, «махалъ краснымъ флагомъ». Затѣмъ ораторъ прибавилъ еще нѣсколько словъ. «Пусть манифестанты не забудутъ, что передъ каждымъ изъ нихъ могутъ раскрыться двери тюремной камеры». Но бояться нечего: «Преслѣдованія создаютъ мучениковъ, а мученики создаютъ новообращенныхъ. Такимъ образомъ преслѣдованія означаютъ начало побѣды народнаго дѣла». Нечего бояться преслѣдованій. «Смерть въ тюрьмѣ не страшна пролетаріямъ, потому что капиталистическій строй отнялъ у жизни всякую прелесть. Какое уваженіе могутъ питать массы къ властямъ, если послѣднія охраняютъ интересы только богатыхъ классовъ?» Вожди народа,—закончилъ Бернсъ,—взялись теперь за плугъ и оставятъ работу только тогда, когда побѣда будетъ выиграна и когда жизнь пріобрѣтетъ дѣйствительную цѣнность.

Процессъ Бернса, Хайндмэна, Чэмпіона и Вилліамса начался въ уголовномъ судѣ (Old Baily) 5 апрѣля 1885 года и продолжался до 10 апрѣля. Хайндмэнъ сказалъ, что могъ бы выставить сотни свидѣтелей, которые показали бы, что онъ неспособенъ призывать толпу къ разгрому лавокъ. Такое дѣйствіе, какъ гра-

*) „The Rise“, etc, p. 77.

бежъ, безполезно и можетъ только вредить пропагандѣ соціализма. «Что касается привлеченія къ суду,—продолжалъ Хайндмэнъ—то я и мои товарищи гордимся этимъ, такъ какъ являемся представителями времени соціальнаго движенія». По мнѣнію Хайндмэна, преслѣдованіе явилось результатомъ закулиснаго вліянія «континентальныхъ великихъ визирей, думающихъ, что англійскій народъ имѣетъ слишкомъ много свободы, соблазняющей другіе народы». Въ сущности же народъ, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ, находится въ рабствѣ. Всюду назрѣлъ великій соціальный вопросъ, требующій немедленнаго разрѣшенія.

Наиболѣе сильную и яркую рѣчь произнесъ на судѣ Джонъ Бернсъ. И только эта рѣчь комментировалась современными газетами. «Какъ безработный и какъ соціалъ-демократъ,—сказалъ Бернсъ—я нахожусь въ этомъ процессѣ въ нѣсколько исключительныхъ условіяхъ. Съ шестнадцати лѣтъ я зналъ, что рано или поздно приду въ столкновеніе съ властями за защиту интересовъ того класса, къ которому принадлежу. Съ шестнадцати лѣтъ я дѣлалъ все возможное, чтобы раскрыть рабочимъ глаза на дѣйствительное положеніе дѣлъ. Сотни разъ я не обѣдалъ, сберегая такимъ образомъ деньги на пріобрѣтеніе книгъ, которыя помогли бы мнѣ найти мирный выходъ изъ затруднительнаго положенія, созданнаго небрежностью, апатіей и равнодушіемъ среднихъ и высшихъ классовъ. Я зналъ, что, если мирный выходъ не будетъ найденъ, пролетаріатъ изберетъ другой путь». Бернсъ не призналъ себя виновнымъ въ произнесеніи мятежныхъ рѣчей. «Въ моихъ словахъ 8 февраля не было ничего мятежнаго. Я высказалъ только искреннее негодованіе человѣка, старающагося прокормить трудами рукъ своихъ жену и старуху мать и встрѣчающаго постоянно эксплуатацію и несправедливость... Противъ т а к о г о общественнаго строя, говорю это прямо, я выступаю, какъ мятежникъ. Общество объявило меня внѣ закона. Я протестовалъ и протестую противъ такого общественнаго строя, при которомъ полтора милліона здоровыхъ, способныхъ къ труду и желающихъ работать согражданъ умираютъ съ голоду, такъ какъ не находятъ спроса на силу своихъ мышцъ». Бернсъ объяснилъ дальше, что онъ особенно близко принялъ къ сердцу интересы людей, участвовавшихъ въ манифестаціи 8 февраля, такъ какъ многихъ хорошо зналъ. То были не воры и не бродяги, а честные рабочіе, сидѣвшіе много недѣль безъ заработка. «Насъ обвиняютъ въ заговорѣ съ цѣлью устроить мятежъ!—Не будь обвиненіе такъ серьезно, оно могло бы вызвать улыбку.—Въ самомъ дѣлѣ виги, радикалы и тори могутъ насъ обвинить только въ томъ, что мы ребромъ поставили вопросы первой важности. Въ заговорѣ насъ можно будетъ обвинить тогда, когда мы увидимъ, что всѣ легальные способы агитаціи предъ нами закрыты. Если вы хотите, чтобы мы не произносили мятежныхъ рѣчей, устройте такъ, чтобы не было голодныхъ, несчастныхъ лю-

дей, которые не по своей винѣ должны сидѣть безъ работы. Эти люди не могутъ не внимать призыву къ революціи. Устраните причины, создающія безработицу, и тогда не будетъ призывовъ къ мятежнымъ выступленіямъ. Не мы отвѣтственны за происшедшій мятежъ, а общество. Генералъ-атторней долженъ былъ бы составлять обвинительный актъ не противъ насъ, а противъ общества, не могущаго предупредить такое печальное явленіе, какъ безработица. У меня нѣтъ ни слова сожалѣнія по поводу того, что я сдѣлалъ. Если мои рѣчи были рѣзки, то это потому, что мягкія слова не гармонировали бы съ такимъ жестокимъ явленіемъ, какъ страданіе безработныхъ. Мы не можемъ быть спокойны и сдержаны, когда въ Англіи пять милліоновъ людей находятся на рубежѣ нищеты. Сытые и довольные люди никогда не устраиваютъ мятежа. Бѣдняки, начиная революцію, не имѣютъ что терять, но много могутъ выиграть». Бернсъ дальше сказалъ, что митингъ 8 февраля обратилъ вниманіе населенія Великобританіи на низшіе слои общества. Населеніе Англіи узнало про милліоны людей, которые, вслѣдствіе неправильнаго распредѣленія богатства, не могутъ найти работы, хотя ищутъ ее. Изъ этого класса выходятъ преступники. Сюда принадлежитъ также громадная армія проститутокъ, бродящая ночью по улицамъ большихъ городовъ. «Какъ рабочій,—я не могу спокойно видѣть маленькихъ заморышей, сосущихъ пустую грудь матери. Меня доводитъ до безумія видъ честныхъ, трудолюбивыхъ людей, вынужденныхъ пребывать въ праздности въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Я не могу слышать про женщинъ изъ рабочаго класса, принужденныхъ ради хлѣба продавать себя. Все это толкаетъ меня не только на энергичныя слова, но и на энергичныя дѣйствія. Капиталистическія газеты требуютъ нашего заключенія въ тюрьму, потому что толпа разбила стекла на одиннадцать тысячъ ф. ст. Но кого же посадятъ въ тюрьму за то, что неизмѣримо болѣе значительныя цѣнности, чѣмъ стекла, а именно люди, гибнутъ при нынѣшнемъ капиталистическомъ строѣ?.. Вы можете отправить меня въ тюрьму. Заключеніе не страшитъ меня. При нынѣшнемъ строѣ жизнь потеряла всякую цѣнность и привлекательность. Голодный и обойденный человѣкъ полагаетъ, какъ думалъ когда-то и пророкъ Исаія, что лучше умереть въ тюрьмѣ, лучше погибнуть, сражаясь, чѣмъ околѣть съ голоду» *). Присяжные совѣщались около часа. Они безусловно оправдали Хайндмэна и Джэка Вилліамса. Что касается Бернса и Чэмпіона, то присяжные оправдали ихъ въ подстрекательствѣ къ мятежу, хотя и признали ихъ рѣчи въ высшей степени зажигательными.

— Это равносильно вердикту: «не виновны» для всѣхъ подсудимыхъ?—спросилъ судья.

---

*) «The Rise» etc., pp 808—85.

— Да,—отвѣтили присяжные. Всѣ подсудимые такимъ образомъ были оправданы.

Процессъ въ Old Baily сильно выдвинулъ Бернса. Газетные репортеры знали, что редакторъ всегда дастъ мѣсто замѣткѣ о «человѣкѣ съ краснымъ флагомъ», не смотря на обиліе срочнаго матеріала. Крайне интересно отмѣтить, что слова Бернса о томъ, что жизнь потеряла для массъ всякую прелесть и цѣнность, не пропали даромъ. На нихъ обратили вниманіе.

Они легли въ основу цѣлаго ряда мѣръ, какъ народные дворцы, «гимназіумы» для молодежи, удобныя жилища для массъ и т. д. «University extension» было задумано еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ; но правильныя лекціи начались въ 1885 году, послѣ процесса въ Old Baily. Арнольдъ Тойнби впервые «изслѣдовалъ» Уайтчепель приблизительно въ то самое время, когда Стэнли пересѣкъ впервые «черный континентъ». И Уайтчепель, и центральная Африка въ семидесятыхъ годахъ почти одинаково были неизвѣстны среднимъ классамъ. Но лишь въ 1885 году, т. е. опять таки послѣ процесса въ Old Baily, свящ. Барнетъ основываетъ въ Уайтчепелѣ знаменитое университетское поселеніе Тойнби-холлъ. Въ томъ же году возникаетъ другое университетское поселеніе Оксфордъ-хаузъ (Snape street, Bethnal green). Двадцать пять лѣтъ прошло со времени процесса. Съ тѣхъ поръ мы имѣемъ цѣлый рядъ мѣръ, значительно измѣнившихъ къ лучшему условія жизни англійскихъ массъ.

VI.

Имя «человѣка въ бѣлой шляпѣ», котораго средній обыватель не могъ себѣ иначе представить, какъ съ краснымъ флагомъ въ рукахъ, опять было у всѣхъ на устахъ въ 1887 году, послѣ «кроваваго воскресенія» (Bloody Sunday). Въ книгѣ Джозефа Берджеса мы впервые находимъ подробный разсказъ про этотъ памятный день. Онъ кажется «кровавымъ» и страшнымъ для англичанъ, но не для насъ.

Рекорды «Bloody Sunday» давнымъ давно побиты въ другихъ странахъ. И то, что англичанамъ кажется безпримѣрнымъ и страшнымъ, русскимъ, напримѣръ, покажется вполнѣ обыкновеннымъ и зауряднымъ... Въ 1887 году промышленный кризисъ въ Англіи еще не миновалъ и число безработныхъ было еще велико. Митинги рабочихъ становились все болѣе и болѣе бурными, а рѣчи, произносимыя съ платформъ,—страстнѣе. Восемнадцатаго октября 1887 года полиція разогнала митингъ, устроенный соціалъ-демократами на Трафальгарской площади, при чемъ арестовала двадцать человѣкъ (ихъ всѣхъ выпустили).

Митингъ былъ разогнанъ подъ предлогомъ, что на Трафальгарской площади нельзя устраивать собраній. Двадцатаго октября

состоялся въ Гайдъ-паркѣ митингъ, на которомъ рѣшено было устроить 13 ноября большой митингъ на Трафальгарской площади. И именно этотъ день получилъ названіе «кроваваго воскресенія».

Въ этотъ день еще до митинга 20 октября Радикальная федерація собиралась протестовать на Трафальгарской площади противъ обращенія въ тюрьмѣ съ Вильямомъ О'Брайеномъ, извѣстнымъ членомъ парламента. О'Брайенъ былъ присужденъ къ тюремному заключенію за подстрекательство къ мятежу въ Ирландіи. Въ тюрьмѣ коммонеръ-націоналистъ отказался надѣть тюремное платье. Начальство боялось прибѣгнуть къ насилію, страшась общественнаго мнѣнія; но ночью надзиратели унесли у О'Брайена панталоны, разсчитывая, что послѣ этого арестованный по неволѣ надѣнетъ казенное платье. Но О'Брайенъ былъ упрямъ. Онъ нѣсколько недѣль просидѣлъ въ камерѣ безъ панталонъ, закутавшись въ одѣяло. «O'Brien's Breeches», т. е. панталоны О'Брайена сдѣлались тогда предметомъ обсужденія въ печати и въ парламентѣ. Консервативная и умѣренно-либеральная печать помѣщала ироническія статьи подъ этимъ заглавіемъ. Радикалы и соціалисты не видѣли въ словахъ O'Brien's Breeches» ничего смѣшного и рѣшили выразить свой протестъ на митингѣ на Трафальгарской площади противъ обращенія съ политическими заключенными. Но послѣ того, какъ полиція разогнала тамъ 18 октября митингъ, рѣшено было придать манифестаціи 13 ноября болѣе важный характеръ.

Теперь уже цѣлью былъ протестъ не противъ обращенія съ политическимъ заключеннымъ, а противъ покушенія полиціи на народный форумъ. Полиція приняла свои мѣры. Колонны манифестантовъ должны были формироваться въ южномъ Лондонѣ, чтобы затѣмъ уже со знаменами и музыкой перейти на сѣверный берегъ Темзы. Планъ полиціи состоялъ въ томъ, чтобы загородить всѣ мосты и не допускать колонны съ южнаго берега рѣки на сѣверный.

«Безъ манифестантовъ не будетъ и манифестаціи»,—разсуждала полиція. Въ часъ дня 13 ноября завязалась драка на мостахъ между полиціей и колоннами манифестантовъ, пытавшимися перебраться на сѣверный берегъ. На всѣхъ мостахъ побѣда осталась за полиціей, которая разогнала процессіи и взяла двадцать шесть плѣнныхъ. Въ свалкѣ были пострадавшіе, которыхъ пришлось отвести въ госпитали. Манифестанты пустили въ ходъ кулаки и палки отъ флаговъ, а полисмэны—тоже кулаки и, наконецъ, свои дубинки. Но полиція могла помѣшать только организованнымъ колоннамъ, но не отдѣльнымъ прохожимъ перебраться на сѣверный берегъ рѣки.

Колонны разсыпались и все же перешли на другой берегъ. Полиція оцѣпила всю Трафальгарскую площадь. Полисмэны стояли сплошной стѣной въ четыре ряда. Кромѣ того, въ запасѣ находи-

лись еще войска. Не смотря на все это, Бернсъ и Граамъ, которые должны были выступить главными ораторами на митингѣ, рѣшили прорвать цѣпь. Граамъ при этомъ былъ сильно избитъ. «Полиція схватила меня,—показалъ онъ потомъ.—Два констэбля держали меня за руки; одинъ сзади сильно дернулъ меня за ухо, а другой ударилъ по головѣ дубинкой (truncheon). Затѣмъ другіе полицейскіе стали бить меня; но Бернсъ, вытянувъ руки и наклонивъ голову, стремительно кинулся на полицейскихъ, чтобы отдѣлить ихъ отъ меня. Повидимому, полисмэны били по собственной иниціативѣ, а не подчиняясь чьему-либо приказу». Граама арестовали. Онъ не былъ единственнымъ, кого избили въ тотъ день. Въ Чарингъ-Кроскій госпиталь доставлено было до семидесяти человѣкъ. Джонъ Бернсъ и Кённингэмъ Граамъ были арестованы по обвиненію въ подстрекательствѣ къ мятежу и въ нападеніи на полицію. Такъ кончилось «кровавое воскресенье». Двѣ недѣли послѣ того не менѣе пяти тысячъ полисмэновъ охраняли Трафальгарскую площадь, чтобы помѣшать населенію устроить митингъ на ней. Раздраженіе полиціи достигло крайней степени, когда 20 ноября сдѣлана была попытка устроить митингъ на Трафальгарской площади. На другой день нѣкій Альфредъ Линнелль, разсердившій чѣмъ-то полисмэновъ, охранявшихъ Трафальгарскую площадь, былъ такъ избитъ ими, что скончался черезъ двѣ недѣли. И похороны Линнелля (18 декабря) были превращены въ большую политическую манифестацію. Процессія растянулась болѣе, чѣмъ на двѣ версты. Гробъ несли Вилльямъ Моррисъ, Кённингэмъ Граамъ, Стэдъ и др. На погребальныхъ дрогахъ былъ черный щитъ со словами: «Убитъ на Трафальгарской площади». На мѣдной доскѣ, прибитой къ крышкѣ гроба, значилось: «Альфредъ Линнелль, 41 года. Скончался третьяго декабря 1887 года отъ ранъ, причиненныхъ полиціей на Трафальгарской площади. Похороненъ на общественный счетъ 18 декабря 1887 года». Представители разныхъ слоевъ общества, принимавшіе участіе въ похоронахъ, показывали, какъ глубоко были возмущены англичане поведеніемъ полиціи, Громадная толпа, слѣдовавшая за гробомъ, пѣла «Похоронный маршъ», написанный для этого случая Вилльямомъ Моррисомъ и положенный на музыку Малькольмомъ Лаусономъ.

„They will not learn; they have no hears to hearken.
They turn their faces from the eyes of fate;
Their gay—lit halls shut out the skies that darken,
But, lo! this dead man Knocking at the gate.
Not one, not one, nor thousands must the slay
But one and all if they would dusk the day."

Такъ говорилось въ этомъ похоронномъ маршѣ (т. е. «Они не хотятъ знать. У нихъ нѣтъ ушей, чтобы слышать. Они отворачиваются отъ очей судьбы. Въ ихъ ярко-освѣщенныхъ палатахъ не видны хмурящіяся небеса. Но, смотрите! Этотъ мертвецъ сту-

чится у воротъ! Не одного, не тысячу, а всѣхъ должны они убить, если хотятъ превратить въ ночь наступающій день»).

Шестнадцатаго января 1888 года начался въ Old Baily процессъ Бернса и Граама. Первый находился на порукахъ у извѣстнаго священника-радикала; поручителемъ за второго былъ Холдэнъ (нынѣ лордъ Холдэнъ и военный министръ). Граама защищалъ нынѣшній премьеръ, Аскитъ, а Бернса—теперь уже покойный Томсонъ, извѣстный редакторъ радикальной воскресной газеты «Reynolds's Newspaper». Процессъ продолжался три дня. Присяжные оправдали подсудимыхъ въ мятежѣ, но признали виновными въ нападеніи на полицію. Вслѣдствіе этого вердикта судья приговорилъ обоихъ подсудимыхъ къ шестинедѣльному тюремному заключенію безъ употребленія на работы. Процессъ доставилъ Бернсу крайнюю популярность также и среди радикаловъ, которые, вмѣстѣ съ соціалистами, выбрали его черезъ пять лѣтъ въ парламентъ отъ Баттерси.

Джонъ Бернсъ считается однимъ изъ главныхъ организаторовъ знаменитой стачки доковыхъ рабочихъ въ 1889 году. Берджесъ готовъ оспаривать это положеніе, принятое всѣми. «Однимъ изъ главныхъ свойствъ Бернса, которое надо всегда имѣть въ виду при оцѣнкѣ его характера, является его талантъ саморекламиста,—говоритъ Бёрджесъ.—Въ этомъ отношеніи Бернсъ можетъ быть сравненъ развѣ только съ Барнумомъ. У нынѣшняго министра земствъ и муниципалитетовъ—замѣчательный талантъ сразу находить центръ картины и становиться тамъ. Вотъ почему онъ такъ быстро сталъ вождемъ стачки догаровъ, не имъ созданной. Эту стачку Бернсъ успѣлъ использовать для саморекламы» *). Въ исторіи англійскаго рабочаго движенія, однако, отмѣчено, что условія, принятыя потомъ хозяевами, выработаны Бернсомъ.

VII.

Въ 1892 году Бернсъ былъ избранъ въ парламентъ отъ своего родного Баттерси и представляетъ этотъ округъ вотъ уже 19 лѣтъ. Я привелъ уже отзывъ историка Макъ-Карти, показывающій, почему именно Джонъ Бернсъ является крупной фигурой въ Нижней палатѣ. Бернсъ очень уменъ, обладаетъ простымъ и яснымъ умомъ и замѣчательно трудолюбивъ. Книги, какъ мы видѣли, составляли слабость Бернса, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Теперь у него одна изъ лучшихъ частныхъ библіотекъ въ Англіи. Онъ не только имѣетъ книги, но и хорошо знаетъ ихъ содержаніе. По рѣчамъ и статьямъ Бернса отнюдь нельзя узнать, что въ школѣ онъ былъ только до десяти лѣтъ. Кромѣ ума, здраваго смысла и замѣчатель-

*) «The Rise» etc., p. 109.

ной работоспособности даже враги его признаютъ еще одно свойство: честность. Пусть Хайндмэнъ называетъ Бернса «Азефомъ», а неизвѣстный авторъ памфлета—«Іудой Искаріотомъ»; но даже Берджесъ, помѣстившій въ своей книгѣ предисловіе Хайндмэна и повторяющій отзывы памфлетиста, прибавляетъ, что «министерское жалованье не соблазняетъ Бернса». Будь дѣло въ корысти, Бернсъ уже давно могъ бы быть директоромъ крупнаго предпріятія съ большимъ доходомъ, чѣмъ тѣ 5 тысячъ ф. ст., которые получаетъ теперь. Все это необходимо отмѣтить. Но надо также сказать, что враги Бернса правы, когда утверждаютъ, что у него на высотѣ закружилась голова. Я приведу выдержку изъ статьи Томсона, который былъ другомъ Бернса и защищалъ его во время процесса, возникшаго послѣ «Кроваваго воскресенія».

«По мѣрѣ того, какъ Бернсъ старѣетъ, онъ становится все болѣе нетерпимымъ и, по мнѣнію знающихъ людей, все сильнѣе проявляетъ симптомы болѣзни, которую американцы называютъ «распуханіемъ головы» *). ...Болѣзненное тщеславіе представителя отъ Баттерси чрезмѣрно. Ему кажется, что только онъ знаетъ истину. Онъ не можетъ понять, какимъ образомъ другіе могутъ имѣть взгляды, расходящіеся съ его собственными. ...Джонъ Бернсъ становится смѣшнымъ. Онъ, читавшій такъ много, забылъ про басню о лягушкѣ» **).

«Распуханіе головы» мы, несомнѣнно, наблюдаемъ у Бернса, хотя не совсѣмъ въ той формѣ, о которой говоритъ Томсонъ...

Когда послѣ отставки Бальфура въ декабрѣ 1905 года король призвалъ сэра Генри Кэмпбель-Баннермэна и предложилъ ему сформировать кабинетъ, премьеръ вызвалъ Бернса и спросилъ, не желаетъ ли онъ занять постъ министра земствъ и муниципалитетовъ. Съ этимъ постомъ связано мѣсто въ кабинетѣ. Въ Англіи ходитъ анекдотъ объ этомъ призывѣ Бернса. Теперь Берджесъ передаетъ этотъ анекдотъ, будто бы, со словъ покойнаго Кэмпбэль-Баннермэна. «Я послалъ за Бернсомъ—будто бы разсказывалъ сэръ Генри—и спросилъ его, желаетъ ли онъ занять министерскій постъ? Конечно, я ожидалъ, что это лестное предложеніе поразитъ Бернса; но его отвѣтъ показалъ мнѣ совсѣмъ другое Бернсъ, повидимому, былъ убѣжденъ, что, принимая предложеніе, онъ оказываетъ мнѣ большую услугу.

— Браво! сэръ Генри!—сказалъ онъ, хлопнувъ меня по плечу.— Вы сдѣлали сейчасъ то, что доставитъ вамъ необычайную популярность».

Бернсъ оказался прекраснымъ министромъ: работоспособнымъ.

---

*) Swelled Head, красочное американское выраженіе для крайней самовлюбленности и самомнѣнія.

**) Reynolds's, juli 5, 1896.

распорядительнымъ и входящимъ во всякую деталь. Онъ внесъ два-три очень полезныхъ, отлично разработанныхъ билля (между прочимъ, о дешевыхъ жилищахъ). За эти билли Бернса хвалили и друзья, и оппозиція (т. е. консерваторы). Законопроекты прошли быстро черезъ всѣ стадіи. Но Бернсъ не внесъ ни одной новой идеи въ парламентъ. Онъ не разработалъ ни одного смѣлаго билля, съ которымъ имя его будетъ навсегда связано, какъ соединенъ съ именемъ Гаркорта бюджетъ 1892 года или съ именемъ Ллойдъ-Джорджа бюджетъ 1909 года. Бернса обвиняютъ, что онъ теперь, если можно такъ выразиться, слишкомъ эгометриченъ. Онъ разсуждаетъ такъ: «я, бывшій рабочій, часто голодавшій, добрался безъ всякой помощи до поста члена кабинета; слѣдовательно, каждый рабочій можетъ сдѣлать то же самое». Вслѣдствіе такого эгометризма Бернсъ министръ склоненъ часто относиться неизмѣримо болѣе подозрительно къ общественнымъ работамъ для облегченія положенія безработныхъ, чѣмъ его коллеги Можно подумать, что результатомъ «распуханія головы» явилось у Бернса забвеніе его личныхъ испытаній. Два года тому назадъ Англія переживала острый промышленный кризисъ. Результатомъ явилась безработица. Армія спасенія устроила тогда на Викторіевской набережной безплатныя кухни для бездомныхъ безработныхъ, которымъ въ часъ ночи раздавали супъ. И вотъ Бернсъ выступилъ въ парламентѣ съ рѣчью, въ которой старался доказать, что эти кухни приносятъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, и что, во всякомъ случаѣ, помощь идетъ далеко не всегда безработнымъ. «Я возвращался пѣшкомъ изъ Букингэмскаго дворца послѣ пріема,—сказалъ Бернсъ.—Я былъ въ придворномъ шитомъ мундирѣ. На набережной Викторіи я нашелъ громадную толпу, дожидающуюся супа у котловъ. Я поднялъ воротникъ пальто, чтобы скрыть шитый золотомъ мундиръ, нахлобучилъ шляпу, сдѣлалъ жалкое лицо и тоже сталъ въ хвостѣ дожидающихся. И мнѣ, министру кабинета, получающему 5 тысячъ ф. ст. въ годъ, безъ всякаго труда вручили чашку супа и фунтъ хлѣба». Въ безработныхъ Бернсъ склоненъ усматривать часто просто лѣнивыхъ людей. Онъ видитъ въ нихъ скорѣе «unamployable» (неспособныхъ работать), чѣмъ «unamployed» (не могущихъ найти работы). Рабочіе депутаты дали рѣзкій отпоръ Бернсу, когда онъ набросалъ «день безработнаго». «Въ девять часовъ утра онъ идетъ въ Birdcage Walk и слушаетъ тамъ военную музыку до десяти часовъ. Затѣмъ отправляется черезъ паркъ и кварталъ Соо на Пиккадилли, гдѣ на чей-нибудь счетъ (т. е. выпрашиваніемъ милостыни) завтракаетъ въ дешевомъ трактирѣ. «Что намъ теперь дѣлать?»—спрашиваетъ послѣ этого безработный у товарища. — Пойдемъ-ка въ паркъ и посмотримъ на стараго Бернса, какъ онъ отправляется во дворецъ», — отвѣчаетъ другой. «Въ пять часовъ безработный пьетъ чай гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ кэбменами. А въ десять часовъ вечера, если есть въ карманѣ

два пенса, онъ отправляется въ ночлежный пріютъ. Если же денегъ нѣтъ и ночь тепла, онъ идетъ на набережную Викторіи, гдѣ въ полночь получаетъ горячій ужинъ». По мнѣнію Бернса, эта «легкая жизнь» привлекаетъ въ Лондонъ со всѣхъ концовъ Англіи бродягъ, увѣренныхъ, что они всегда добудутъ выпрашиваніемъ у сердобольныхъ прохожихъ 6—9 пенсовъ въ день. Рабочіе депутаты тогда напомнили Бернсу, что онъ самъ говорилъ, когда былъ безработнымъ. «Вамъ безстыдно и нагло лгутъ въ глаза, когда утверждаютъ, что безработица обусловливается пьянствомъ,— сказалъ Бернсъ въ 1885 году.—Смотрите на меня! Я—искусный машинистъ, абсолютный трезвенникъ, вегетаріанецъ, мальтузіанецъ и не курю. И, не смотря на все это, я уже четыре мѣсяца безъ работы; вотъ уже сутки, какъ я ничего не ѣлъ. Тутъ моя жена. Она вывернула ленты на своей шляпкѣ, чтобы имѣть болѣе респектабельный видъ. И, если такъ трудно приходится мнѣ, технически обученному рабочему, бездѣтному, то каково же безработному, не имѣющему ремесла и обремененному семьей?»

Джонъ Бернсъ, несомнѣнно, теперь забылъ кое-что, пріобрѣтенное когда-то личнымъ опытомъ, и это сильно раздражаетъ его бывшихъ союзниковъ. Но не однимъ этимъ обусловливаются яростныя нападенія на министра земствъ и муниципалитетовъ. Бываютъ иногда, хотя очень рѣдко, большіе люди, служащіе маленькимъ идеямъ. Гораздо чаще случается, что маленькіе люди служатъ великимъ идеямъ. Великія идеи, въ такомъ случаѣ, не могутъ вытравить у крошечныхъ людей ихъ маленькихъ страстей, какъ неудовлетворенное честолюбіе или даже зависть. И послѣднимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, объясняются многіе эпитеты, направленные противъ Бернса, эпитеты, въ которыхъ больше запальчивости, чѣмъ справедливости. Передъ послѣдними выборами консерваторы и соціалъ-демократы, страшно переоцѣнивъ значеніе «сильныхъ» эпитетовъ, которые сыпались по адресу Бернса, выставили въ Баттерси своихъ кандидатовъ. Соціалъ-демократы были убѣждены въ побѣдѣ и высчитывали только, какое большинство будетъ у нихъ. «Джонъ Бернсъ долженъ распрощаться съ Баттерси!»— сказалъ наканунѣ выборовъ кандидатъ, выставленный соціалъ-демократами. Оказалось, что Бернсъ на послѣднихъ выборахъ, не смотря на «борьбу на три угла», получилъ столько голосовъ, какъ никогда раньше. Что же касается кандидата соціалъ-демократовъ, который былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, то онъ едва собралъ 500 голосовъ. Популярность Бернса, повидимому, увеличилась, а не уменьшилась. Это лучше всего доказываетъ, что эпитеты «Азефъ» и «Іуда» не имѣютъ никакого серьезнаго значенія.

Діонео.

Обозрѣніе иностранной жизни.

Португальскіе выборы.—Проектъ избирательной реформы въ Италіи.—Борьба клерикализма и свободной мысли за бельгійскую школу.—Конституція Эльзаса-Лотарингіи въ Германскомъ парламентѣ.

I.

Къ той сложной, смутной, противорѣчивой картинѣ прогресса, которую я набросалъ въ одномъ изъ предшествующихъ обозрѣній, придется прибавить нѣсколько свѣтлыхъ штриховъ. Культурный міръ движется. Въ послѣднее время проведенъ или подготовляется въ разныхъ странахъ рядъ соціальныхъ и политическихъ реформъ. Соціальныя реформы принадлежатъ на сей разъ главнымъ образомъ къ категоріи мѣръ, имѣющихъ своимъ предметомъ лучшее обезпеченіе рабочихъ силъ общества,—скажемъ короче: страхованіе. Въ Германіи расширяется, правда, не безъ отступленій, изъяновъ и усиленія бюрократическаго элемента, законодательство о страхованіи трудящихся противъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ и инвалидности. Въ Англіи выдвигается интересный билль Ллойда-Джорджа, ставящій себѣ задачею страхованіе не только неспособности къ труду и старости, но и послѣдствій безработицы. Въ Швейцаріи вотированъ національнымъ совѣтомъ уже прошедшій черезъ совѣтъ кантоновъ законопроектъ о страхованіи больныхъ и потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ. Въ Италіи извѣстный финансистъ Нитти, ставшій министромъ земледѣлія, промышленности и торговли въ кабинетѣ Джіолитти, вноситъ въ палату законопроектъ о государственной монополіи страхованія жизни. Во Франціи законъ, извѣстный подъ названіемъ «рабочихъ и крестьянскихъ пенсій», снова служитъ предметомъ оживленнаго обсужденія въ парламентѣ и странѣ въ виду недовольства имъ со стороны широкихъ массъ населенія и, по всей вѣроятности, рано или поздно подвергнется дальнѣйшимъ дополненіямъ и улучшеніямъ. Но о всѣхъ этихъ новыхъ или обновляющихся соціальныхъ реформахъ мы будемъ говорить позже, когда онѣ приблизятся къ осуществленію или будутъ, по крайней мѣрѣ, обсуждены въ главнѣйшихъ своихъ основаніяхъ. На этотъ разъ мы коснемся нѣкоторыхъ политическихъ реформъ и связанныхъ съ ними событій, происшедшихъ со времени нашего послѣдняго обозрѣнія, а именно: только что закончившихся выборовъ въ португальской республикѣ; законопроекта избирательной реформы, предложенной новымъ итальянскимъ министерствомъ парламенту страны; агитаціи лѣвыхъ и вообще свободомыслящихъ партій противъ школьнаго закона, который стараются провести

клерикалы въ Бельгіи; и, наконецъ, конституціи Эльзаса-Лотарингіи, недавно вотированной германскимъ рейхстагомъ.

Итакъ, португальскіе выборы. Мы въ свое время сообщали читателямъ о переворотѣ 5 октября 1910 г., смѣнившемъ монархію республикой, и о послѣдующихъ дѣйствіяхъ временнаго правительства, старающагося упрочить новый порядокъ вещей. Уже раньше мы отмѣтили критическое отношеніе радикальныхъ сторонниковъ новаго режима къ людямъ, стоящимъ у власти, по вопросу объ откладываніи выборовъ. Не одинъ горячій партизанъ молодой республики высказывалъ недовольство, что правительство не рѣшилось ковать желѣзо, пока оно было горячо, и, пользуясь моментомъ энтузіазма, провести выборы немедленно же послѣ революціи. Эти критики полагали, что республиканскій строй, какъ всякій устанавливающійся режимъ, долженъ просуществовать извѣстное время и дать народу серьезныя реформы, чтобы окончательно привлечь его на свою сторону. Пока, значитъ, слѣдовало сейчасъ же обратиться къ странѣ и закрѣпить ея вотумомъ результаты побѣдоносной инсуррекціи. Между тѣмъ временное правительство считало болѣе благоразумнымъ отодвигать выборы и при этомъ—увы!—ограничивалось реформами, имѣющими въ лучшемъ случаѣ характеръ политическихъ и культурныхъ преобразованій, но не тѣхъ крупныхъ соціальныхъ мѣръ, которыя замѣтнымъ образомъ измѣняютъ положеніе массъ. Становилось вѣроятнымъ, что при такихъ условіяхъ отливъ революціоннаго энтузіазма и слабый ростъ сочувствія къ новому строю на почвѣ скудныхъ общественныхъ реформъ должны были съ каждымъ днемъ уменьшать шансы на упроченіе республики и, наоборотъ, поднимать фонды павшей монархіи.

Дѣйствительно, новому правительству, не смотря на сравнительную слабость и разрозненность португальскихъ монархистовъ, приходилось все время тревожно наблюдать за усиліями сторонниковъ реставраціи и, къ сожалѣнію, прибѣгать къ мѣрамъ подавленія, которыя лучше было бы не вынимать изъ историческаго чулана монархіи, куда бросило ихъ столь легко и быстро восторжествовавшее возстаніе. Временное правительство не останавливалось, напр., втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ передъ закрытіемъ даже такихъ газетъ, которыя, замѣтьте, не прямо аттаковывали республиканскій строй, а лишь косвенно защищали дискредитированныя идеи, критикуя неизбѣжныя нестроенія, проявлявшіяся въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ на почвѣ новаго режима. Точно также не отступали правящіе республиканцы передъ обысками и арестами второстепенныхъ, зачастую очень тусклыхъ защитниковъ монархіи, выставляя ихъ важными конспираторами. Въ кружки людей, сохранившихъ связи традиціи или интереса съ «королями въ изгнаніи», втирались, по приказанію правительства, шпіоны и агенты-провокаторы, которые старались даже вызывать искуствен-

ныя вспышки, чтобы дать предлогъ новому правительству для политическихъ репрессій. Искреннимъ друзьямъ свободы и республики было непріятно видѣть, съ какой настойчивостью временное правительство Португаліи преслѣдовало кабинетъ сосѣдней испанской монархіи просьбами выслать изъ владѣній Альфонса XIII или, по крайней мѣрѣ, переселить подальше отъ португальской границы сторонниковъ изгнаннаго короля, конспирировавшихъ въ Галисіи. Этими мѣрами люди республики возвращались на тотъ самый путь международныхъ репрессій, который клеймился ими съ такимъ негодованіемъ, когда на него становились раньше португальскіе монархисты...

Какъ бы то ни было, не взирая на всевозможные алармистскіе слухи, которые распускались монархической европейской, а въ особенности германской прессой, все время толковавшей о крайней непрочности республики, временное правительство одержало побѣду на только что закончившихся выборахъ. А разъ оно побѣдило, то, можетъ быть, не стоило бы разбирать заднимъ числомъ ошибочность его тактики, давшей протечь между побѣдоносной инсуррекціей и выборами семи съ половиной мѣсяцамъ? Но въ томъ-то и вопросъ, насколько эта избирательная побѣда дѣйствительно прочна и можетъ стать отправнымъ пунктомъ серьезной республиканской политики и преобразованія страны на новый ладъ. Конечно, нечего принимать цѣликомъ за чистую монету тѣ пристрастныя корреспонденціи о фиктивномъ характерѣ выборовъ, которыя появились на страницахъ иныхъ монархическихъ органовъ Европы послѣ избирательнаго испытанія 28 мая новаго стиля. Но, съ другой стороны, нельзя безъ всякой критики относиться и къ завѣреніямъ временнаго правительства и инспирируемой имъ печати на счетъ необыкновеннаго тріумфа республики на послѣднихъ выборахъ. Этотъ тріумфъ былъ отчасти достигнутъ обычными на Иберійскомъ полуостровѣ пріемами избирательной стряпни. Не рѣдки, напр., были случаи, когда монархическія организаціи, пытавшіяся бороться противъ новаго строя на почвѣ выборовъ, разрушались правительствомъ въ самомъ началѣ при помощи такихъ мѣръ насилія, къ которымъ, конечно, не въ состояніи снисходительно относиться ни одинъ искренній другъ свободы и демократіи. Несомнѣнно, всякій общественный организмъ, и въ томъ числѣ португальская республика, можетъ защищаться отъ враговъ въ случаѣ крайней необходимости всѣми тѣми средствами, какія окажутся въ данный моментъ у него подъ руками. Но дѣло идетъ не о революціонныхъ выступленіяхъ, направленныхъ противъ современнаго строя, а о легальной борьбѣ съ нимъ. А арестовывать монархистовъ, готовящихся къ выборамъ, на томъ только основаніи, что они монархисты, держать ихъ подъ замкомъ на время выборной агитаціи, закрывать ихъ органы, отыскивая въ ихъ глухой и неясной критикѣ прямой призывъ къ возстанію, все это

было бы понятно, если бы страною правила кучка придворныхъ тирановъ, эгоистически поддерживающихъ монархію противъ воли цѣлаго народа, но все это является печальной аберраціей и актомъ малодушнаго недовѣрія къ гражданамъ со стороны тѣхъ самыхъ защитниковъ свободы и демократіи, какими являлись во время монархіи и въ первые дни переворота республиканцы, ставшіе у власти.

Какъ бы то ни было, эти мѣры строгости напугали въ такой степени и безъ того слабыхъ португальскихъ монархистовъ, что почти нигдѣ республиканскимъ кандидатурамъ не было противопоставлено не только монархическихъ, но даже мало-мальски отклоняющихся отъ правительственной программы кандидатуръ. Всѣми выборами заправлялъ республиканскій комитетъ, который, формально не признавая своихъ связей съ временнымъ правительствомъ, тѣмъ не менѣе былъ въ сущности оффиціознымъ избирательнымъ агентствомъ, всячески старавшимся вести къ урнамъ гражданъ лишь согласно одобреннымъ сверху инструкціямъ. Изъ числа всѣхъ 232 депутатовъ болѣе половины было прямо провозглашено избранными, за отсутствіемъ враждебныхъ или конкуррирующихъ кандидатуръ. Съ другой стороны, даже самые вліятельные изъ 34 неоффиціальныхъ кандидатовъ получили едва-ли двѣ трети голосовъ, отданныхъ за наименѣе популярныхъ республиканскихъ кандидатовъ, шедшихъ въ самомъ хвостѣ. Избирательныхъ списковъ было изготовлено центральнымъ избирательнымъ комитетомъ для всей страны цѣлыхъ 37000. И при этомъ, по увѣренію органовъ правительства, энтузіазмъ избирателей былъ настолько великъ, что къ урнамъ двинулось по крайней мѣрѣ 63% всѣхъ имѣвшихъ право вотума. Избраны почти всѣ члены временнаго правительства, и въ первую голову (во второмъ Лиссабонскомъ округѣ) Теофилъ Брага, получившій 18.378 голосовъ, и Машадо, за котораго было подано 16.537 голосовъ. А Лиссабонъ былъ чуть ли не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ, какъ порою это бываетъ въ столицахъ, видавшихъ всякіе виды, политическій индифферентизмъ достигалъ очень высокой степени. Не мѣшаетъ отмѣтить и тотъ фактъ, что въ числѣ избранныхъ было не столько старыхъ, испытанныхъ республиканцевъ, сколько вновь объявившихся сторонниковъ настоящаго режима, врядъ-ли могущаго вполнѣ положиться на этихъ пламенныхъ друзей «послѣдняго часа».

Крайне слабы оказались, впрочемъ, не одни монархисты, а и ихъ антиподы, соціалисты. Такъ, въ Опорто, гдѣ представители рабочихъ разсчитывали на нѣкоторый успѣхъ, соціалистическій листъ кандидатовъ получилъ только 920 голосовъ, тогда какъ республиканскій—цѣлыхъ 13.200. Такъ какъ первые португальскіе выборы происходили по системѣ Гондта (Hondt), т. е. списковъ съ примѣненіемъ пропорціональнаго представительства, то въ пар-

ламентѣ молодой республики врядъ-ли будетъ представлено какое бы то ни было политическое направленіе, кромѣ направленія господствующаго республиканскаго большинства. Во время выборовъ произошло даже мало эксцентричныхъ случаевъ, которыми почти неизбѣжно отмѣчается водвореніе всякаго новаго порядка. Лишь въ Лиссабонѣ нѣкая пламенная суффражетка, женщина-врачъ, Беатриса Анжелло, по ошибкѣ внесенная въ списокъ избирателей, явилась для вотума въ сопровожденіи многочисленной толпы сторонницъ, на привѣтствія предсѣдателя секціи отвѣтила страстнымъ провозглашеніемъ политическихъ правъ женщинъ и положила свой бюллетень въ урну при одобрительныхъ возгласахъ присутствующихъ, приведенныхъ въ восхищеніе ея энтузіазмомъ. Говоря вообще, однопалатный парламентъ Португаліи будетъ заключать въ себѣ преимущественно представителей состоятельныхъ классовъ населенія: землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и купцовъ. Рабочихъ, повидимому, будетъ очень мало. Интеллигенція будетъ представлена главнымъ образомъ умѣренно-республиканскими элементами. Въ отличіе отъ громаднаго большинства современныхъ парламентовъ, въ португальской палатѣ будетъ извѣстное число депутатовъ изъ арміи и флота. Право вотума было дано этой категоріи оффиціальными составителями новаго избирательнаго закона съ цѣлью вознаградить республиканскій пылъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ, сыгравшихъ такую роль въ революціи 5 октября.

Такимъ образомъ глава временнаго правительства, Теофилъ Брага, былъ недалеко отъ истины, когда за нѣсколько дней до выборовъ онъ выражался такъ въ интервью съ главнымъ редакторомъ испанской газеты «Voz de Guipuzcoa»: «При предстоящихъ выборахъ народъ выскажетъ свое настоящее настроеніе и оно будетъ, я въ этомъ увѣренъ, вполнѣ республиканскимъ. Вы спрашиваете, какую физіономію будутъ носить грядущіе учредительные кортесы? Я убѣжденъ, что въ нихъ выдающееся мѣсто займетъ интеллигентная молодежь. Цѣнныя силы, которыя до сихъ поръ оставлялись безъ вниманія, теперь впервые достигнутъ своего полнаго значенія. У меня получилось такое впечатлѣніе, что избирательный корпусъ отрицательно относится къ крайнимъ партіямъ и пошлетъ въ кортесы основательныхъ, разумныхъ, поистинѣ либеральныхъ и терпимыхъ людей. Монархистовъ совсѣмъ не будетъ выбрано уже на томъ простомъ основаніи, что они вообще не выставляютъ своихъ кандидатуръ».

Мы знаемъ результаты выборовъ 28 мая. Однако, какъ поведетъ себя Учредительное собраніе, сказать пока трудно. Конечно, можно заранѣе предсказать, что громадное большинство будетъ стоять за республиканскую форму. Но какимъ содержаніемъ оно заполнитъ эту форму, въ точности предугадать нельзя. Несомнѣнно, что конституція, проектъ которой послужитъ главнымъ предметомъ обсужденія учредительныхъ кортесовъ, будетъ заключать въ себѣ

нѣкоторыя особенности. Португальскій парламентъ, который долженъ собраться въ первый разъ 19 іюня н. с., послѣ провѣрки полномочій депутатовъ, и приступитъ немедленно къ обсужденію этого проекта. Его правительство внесло едва за нѣсколько дней до выборовъ въ специальную комиссію. Онъ принадлежитъ главнымъ образомъ «философскому перу»,—какъ иронизируютъ нѣкоторые органы европейской прессы,—Теофила Браги и, повидимому, заключаетъ въ себѣ нѣкоторые параграфы, съ которыми далеко не согласны всѣ члены правительства и, прежде всего, Бернардино Машадо, вооружающійся, по слухамъ, противъ излишняго «идеализма» и «непрактичности» творенія своего коллеги. Конституція состоитъ изъ 88 параграфовъ и начинается съ историко-политическаго введенія, въ которомъ говорится о томъ, что Португалія въ третій разъ добываетъ народный суверенитетъ, но на сей разъ разсчитываетъ сохранить и упрочить эту высшую форму правленія. Конституція предвидитъ лишь одну палату, такъ какъ, по мнѣнію ея авторовъ, истинно республиканскія учрежденія исключаютъ необходимость второй, верхней палаты, представляющей собой порожденіе аристократическихъ и монархическихъ тенденцій. Во главѣ государства будетъ стоять президентъ, избираемый на 5 лѣтъ, но не имѣющій затѣмъ права быть избраннымъ уже втеченіе цѣлой жизни. Португальская республика будетъ построена по типу унитарнаго государства, такъ что объ автономіи областей въ ней не будетъ и рѣчи. Женщинамъ открывается перспектива расширенія избирательныхъ правъ, но въ строгой постепенности. Сначала имъ будетъ дано право участія въ муниципальныхъ выборахъ; а когда онѣ пріучатся надлежащимъ образомъ пользоваться своими правами въ этой узкой области, то въ концѣ концовъ онѣ «могутъ надѣяться» на полученіе и широкихъ политическихъ правъ, въ результатѣ каковыхъ ихъ законодательная дѣятельность сравняется съ мужскою.

По слухамъ, проникнувшимъ въ печать, и нашедшимъ отголосокъ, напр., въ газетѣ «Diario popular», въ конституціи находятся статьи, которыя дѣлаютъ честь реформаторской смѣлости ея составителя, но, повидимому, натолкнутся на рѣзкую оппозицію прочихъ членовъ кабинета, предпочитающихъ считаться съ дѣйствительностью. Такъ, конституція проектируетъ уничтоженіе специальнаго министерства иностранныхъ дѣлъ и всѣхъ посольствъ, какъ способствующихъ лишь международнымъ дипломатическимъ интригамъ, оторваннымъ отъ вопросовъ внутренней жизни страны. Наоборотъ, «трезвая» часть временнаго правительства не только не желаетъ уменьшать числа министерствъ, но даже считаетъ нужнымъ увеличить число семи существующихъ. Напр., министры-практики предполагаютъ необходимымъ отдѣлить общественныя работы отъ земледѣлія и промышленности, вѣдомство внутреннихъ дѣлъ отъ просвѣщенія, военное министерство отъ министерства колоній. Съ

другой стороны, Брага, отдавая, не смотря на свой контизмъ, дань милитаристскимъ тенденціямъ эпохи, рекомендуетъ не только сохранить военное и морское министерства, но даже политически «нейтрализовать» ихъ, т. е. сдѣлать ихъ независимыми отъ борьбы партій въ парламентѣ и перехода власти изъ рукъ одного кабинета въ руки другого. Однако этотъ пунктъ разсматривается критиками конституціи какъ чисто платоническое требованіе, такъ какъ другіе параграфы основныхъ законовъ, предусматривая избирательныя права для военныхъ, вводятъ политику въ армію. Враги новаго режима не безъ злорадства поэтому указываютъ на возможность пикантныхъ сценъ въ кортесахъ, когда выбранный въ депутаты простой солдатъ можетъ по долгу представителя народа и подъ покровомъ парламентской неприкосновенности, «подрывая дисциплину», подвергать жестокой критикѣ дѣйствія высшаго начальника арміи или флота.

Будущее покажетъ, въ какой степени молодая республика успѣетъ приспособиться къ условіямъ политическаго существованія. Пока въ ея пользу говоритъ уже простой контрастъ съ монархіей, хищническая политика которой, равно какъ эгоистическое расхищеніе національнаго богатства членами Браганцской династіи, не успѣли еще изгладиться изъ памяти португальцевъ. На самыхъ первыхъ порахъ Учредительному собранію, кромѣ голосованія конституціи, предстоитъ выработать рядъ мѣръ, при посредствѣ которыхъ государство могло бы возмѣстить изъ имуществъ королевскаго дома долги казначейству, сдѣланные рядомъ жуировъ на престолѣ. Въ вѣнской «Die Zeit», на столбцахъ которой члены португальскаго кабинета стараются познакомить общественное мнѣніе культурнаго міра съ тѣмъ, что дѣлается въ управляемой ими странѣ, была помѣщена недавно интересная бюджетная справка, исходящая отъ министра финансовъ республики, Рельваса. Оказывается, что, не считая короля Мануэля, который не успѣлъ надѣлать личныхъ долговъ государству или долги котораго могутъ быть погашены его имуществомъ, отходящимъ къ государству, члены Браганцской династіи задолжали странѣ,—и, замѣтьте, мы говоримъ только о признанныхъ цифрахъ,—чуть не 30 милліоновъ франковъ, а именно: королева Марія-Пія 8,372,331 фр., королева Амелія 4,112,389 фр., отецъ короля, Карлосъ I, 18,037,455 фр., Альфонсъ, дядя короля, 6,113,395 франковъ; итого 27,435,570 франковъ.

Разумѣется, на одномъ контрастѣ съ монархіей республика не можетъ вѣчно держаться. Нужна еще положительная творческая дѣятельность новаго режима, направленная на удовлетвореніе основныхъ потребностей населенія. И въ этомъ отношеніи намъ придется еще разъ повторить то, что было нами уже неоднократно сказано по поводу законодательной дѣятельности молодой республики. Временное правительство до сихъ поръ обра-

щало мало вниманія на соціальныя реформы, такъ какъ къ мѣрамъ этой категоріи можно отнести лишь декреты, касающіеся пониженія заставныхъ городскихъ пошлинъ на предметы необходимости (такъ называемыя въ финансовой наукѣ французскимъ именемъ octroi), уничтоженія рыболовной монополіи и кой-какихъ ограниченій эксплуатаціи арендаторовъ со стороны собственниковъ недвижимостей, при томъ по большей части лишь въ городахъ. Между тѣмъ одной чисто политической алгеброй невозможно рѣшать великихъ жизненныхъ вопросовъ и, какъ бы ни были красивы формулы абстрактной политики, онѣ не могутъ возбудить особаго энтузіазма среди трудящихся массъ, если не затрагиваютъ благопріятнымъ образомъ коренныхъ условій ихъ существованія. Скоро намъ, вѣроятно, придется видѣть, въ какой степени трезвенная позивистская интеллигенція и представители капитала и землевладѣнія способны удовлетворять требованіямъ португальскаго народа, широкая спина котораго только и можетъ поддержать новый режимъ. Возобновившіеся въ послѣдніе дни слухи о заговорѣ противъ республики и стачка земледѣльческихъ рабочихъ въ окрестностяхъ Лиссабона, указываютъ, во всякомъ случаѣ, что умѣреннымъ республиканцамъ, стоящимъ у власти, рано еще почивать на лаврахъ.

II

Интересна и по своему внутреннему смыслу, и особенно по могущимъ вытечь изъ нея послѣдствіямъ избирательная реформа, подготовляющаяся въ Италіи. Новый кабинетъ, образованный изворотливымъ политикомъ Джіолитти, 30 марта 1911 г., исполняетъ обѣщанія реформъ, данныя имъ странѣ во время составленія. Въ министерской программѣ отъ 6 апрѣля заявлялось, дѣйствительно, что правительство, въ числѣ прочихъ задачъ, считаетъ «дѣломъ первостепенной важности гарантировать, чтобы выборы представляли дѣйствительную волю избирателей, не фальсифицированную обманомъ, подкупомъ и насиліемъ: съ этою цѣлью мы предложимъ — говорилъ премьеръ—мѣры въ соотвѣтствіи съ расширеніемъ избирательнаго права». А на дняхъ, 10 іюня н. с., былъ внесенъ Джіолитти законопроектъ, очень значительно увеличивающій число избирателей и установляющій вознагражденіе депутатамъ въ размѣрѣ 6.000 лиръ, т. е. приблизительно 2.200 рубл. въ годъ. Эта реформа втеченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ служитъ предметомъ оживленнаго обсужденія въ странѣ и въ печати. Историческое значеніе предложенная реформа пріобрѣтаетъ въ особенности вслѣдствіе того, что впервые выводитъ на арену легальной политической дѣятельности обширныя безграмотныя и полуграмотныя массы.

Для того, чтобы понять основныя черты правительственнаго законопроекта, мы должны остановиться предварительно на зако-

нодательствѣ, регулирующемъ теперь въ Италіи пользованіе избирательнымъ правомъ. Выборный законъ былъ вотированъ въ 1882 г. и измѣненъ закономъ 28 марта 1895 г. Согласно этому закону, избирателями въ палату депутатовъ являются всѣ граждане, имѣющіе 21 годъ отъ роду и выше, и удовлетворяющіе слѣдующимъ условіямъ: они должны умѣть читать и писать, и, кромѣ того, или имѣть свидѣтельство объ окончаніи обязательнаго элементарнаго образованія, или вносить не менѣе 19,80 лиръ (немногимъ больше 8 рублей) прямыхъ налоговъ (не считая коммунальныхъ повинностей); или платить въ качествѣ фермеровъ не менѣе 500 лиръ (185 руб.) аренды; или снимать квартирное помѣщеніе, лавку и т. п. въ городахъ съ платой, простирающейся въ годъ отъ 150 лиръ (55 руб.) въ населенныхъ мѣстахъ съ 2.500 жит. до 400 лиръ (около 150 руб.) въ городахъ съ 150.000 жит. Сверхъ того, имѣютъ право вотума члены академій, учителя и профессора, лица, прослужившія въ военной службѣ не менѣе двухъ лѣтъ и получившія тамъ образованіе въ объемѣ полковой школы. Замѣтимъ, что, начиная съ 1880 г., число избирателей съ одной стороны и пропорція вотирующихъ между избирателями съ другой растутъ соотвѣтственно съ увеличеніемъ населенія и по мѣрѣ усиленія въ немъ интереса къ политикѣ. Законъ 1895 г. пріостановилъ лишь на время этотъ ростъ тѣмъ, что отмѣнилъ статью 100-ую закона 1882 г., позволявшую избирателю доказывать свою грамотность простымъ фактомъ засвидѣтельствованія своей подписи у нотаріуса.

Какъ бы то ни было, число избирателей поднялось въ Италіи съ 621.896 въ 1880 г. до 2.017.829 въ 1882 г., до 2.934.445 въ 1892 г., упало до 2.120.185 въ 1895 г. и поднялось на послѣднихъ выборахъ 1909 г. снова до 2.930.473. Число же вотировавшихъ равнялось 369.624 въ 1880 г., 1.223.851 въ 1882 г., 1.639.298 въ 1892 г., 1.251.366 въ 1895 г. и 1.903.687 въ 1909 г. Такимъ образомъ избирателей на 100 чел. жителей приходилось въ 1880 г. 2,22, въ 1882 г.—7,06, въ 1892 г.—9,57, въ 1895—6,77 и наконецъ въ 1909 г.—8,64. Еще любопытнѣе процентное движеніе вотирующихъ между избирателями. Въ 1880 г. вотировало на 100 избирателей 59,4, въ 1882 г.—60,7, въ 1892 г.—55,9, въ 1895 г.—59, въ 1909 г.—65,3. Такимъ образомъ расширеніе избирательнаго права по закону 1882 г. увеличило нѣсколько и пропорцію вотирующихъ. Но въ послѣдующее десятилѣтіе эта цифра испытала, однако, уменьшеніе вслѣдствіе роста политическаго индифферентизма, вызваннаго разочарованіемъ широкихъ массъ въ авантюристской внѣшней политикѣ Криспи, которая напрягала силы государства и отягощала народъ поборами безъ всякой осязательной пользы. Законъ 1895 г., выбросившій изъ списка избирателей малограмотную часть населенія и потому понизившій общее число избирателей, повысилъ процентъ вотировавшихъ. И этотъ процентъ, очевидно, подъ вліяніемъ культурнаго развитія страны, дошелъ въ

послѣднее время до довольно благопріятныхъ по теперешнимъ европейскимъ условіямъ размѣровъ, а именно почти двухъ третей всѣхъ внесенныхъ въ списки.

На послѣднихъ выборахъ 1909 г., изъ 33.911,468 жит. всего королевства мужчинъ, имѣющихъ 21 годъ и выше, насчитывалось 8.711.542, а изъ нихъ политическихъ избирателей было 2,930.473, т. е. 33,6% на 100 совершеннолѣтнихъ мужчинъ. И вотъ новый законъ долженъ внести очень существенныя измѣненія въ это положеніе вещей, расширяя основаніе «легальной страны». Правительственный законопроектъ даетъ, дѣйствительно, право голоса всѣмъ тѣмъ, кто отслужилъ свой срокъ въ арміи или флотѣ, а также тѣмъ, кто имѣетъ 30 лѣтъ и болѣе отъ роду, независимо отъ грамотности или безграмотности. Это условіе подводитъ Италію довольно близко ко всеобщему избирательному праву (конечно, только мужчинъ, какъ это встрѣчается до сихъ поръ въ громадномъ большинствѣ случаевъ). Ибо за бортомъ остаются лишь неграмотные въ возрастѣ отъ 21 до 30 лѣтъ, не служившіе въ войскѣ. И, признаться, мы не понимаемъ, почему въ такомъ случаѣ было оставлено и это послѣднее ограниченіе. Лучше было бы прямо установить всеобщій вотумъ. Въ итальянскихъ газетахъ только что былъ напечатанъ законопроектъ вмѣстѣ съ цифровыми данными, положенными въ основаніе реформы. Оказывается, что общее число избирателей должно достигнуть теперь 7.701.000 чел. что составляетъ 22% всего населенія Италіи и 82% взрослыхъ мужчинъ *). Однако для нѣкоторыхъ интересныхъ сторонъ реформы мы предпочитаемъ опираться на нѣсколько отклоняющіяся отъ этого оффиціальнаго исчисленія, но за то болѣе подробныя статистическія данныя, помѣщенныя въ любопытной анонимной статейкѣ, которая появилась въ номерѣ журнала «Nuova Antologia» отъ 16 мая 1911 г. Статейка эта носитъ знаменательное названіе «Всеобщая подача голосовъ и безграмотность» **) и разсматриваетъ, дѣйствительно, предстоящую реформу въ связи со степенью образованности населенія Италіи.

Обратимъ вниманіе прежде всего на нѣкоторыя подробности въ измѣненіи числа избирателей соотвѣтственно различнымъ мѣстностямъ. Достаточно бросить самый бѣглый взглядъ на цифры настоящихъ избирателей и избирателей по законопроекту въ разныхъ районахъ, чтобы видѣть, какъ пропорція лицъ, которыя воспользуются правомъ голоса, необыкновенно быстро возрастаетъ, если идти съ сѣвера на югъ Италіи. Такъ, изъ 16 историческихъ дѣленій или областей (Compartimenti) страны, реформа увеличитъ число избирателей на 95% въ Пьемонтѣ, на 123% въ Лигуріи,

*) „Il progetto Giolitti per la riforma elettorale"; „Il Secolo", № отъ 11 іюня 1911 г.

**) «Suffragio universale e analfabetismo. Appunti statistici»; стр. 330—338.

на 139% въ Ломбардіи, на 157% въ Венеціи, на 307% въ Римской области, на 302% въ Калабріи, на 383% въ Сициліи, на 465% въ Сардиніи, и т. д. Иначе говоря, въ то время, какъ въ сѣверной Италіи число избирателей увеличится вдвое, въ центральной это число утроится, въ Римской области и южной Италіи учетверится, и, наконецъ, въ двухъ островныхъ областяхъ достигнетъ размѣровъ, въ 5 разъ превышающихъ настоящій избирательный контингентъ. Параллельно съ этимъ увеличится, конечно, и численность каждой избирательной группы, или такъ называемой на языкѣ романскихъ странъ «избирательной коллегіи», имѣющей право на выборъ депутата. Если въ 1909 г. эта группа равнялась 5768 избирателямъ, то въ 1913 г. она будетъ составлять 17148, т. е. троякое по сравненію съ прежнимъ число, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр., въ Сициліи, возраститъ съ 3718 до 17951, т. е. упятерится.

Такимъ образомъ, новая, незнакомая еще въ политическомъ смыслѣ избирательная страна броситъ свой первый вотумъ на чашку парламентарныхъ вѣсовъ Италіи. Какія измѣненія повлечетъ за собою это выступленіе на арену общественной дѣятельности тѣхъ слоевъ, которые до сихъ поръ оставались за кулисами легальной политической борьбы? Отвѣтить положительно на этотъ вопросъ, конечно, трудно. Но ниже мы представимъ кой-какія соображенія по этому поводу. Теперь же пока введемъ въ стоящую предъ нами задачу новый элементъ, величина котораго можетъ уже и теперь быть довольно правильно вычислена. Это—вопросъ о грамотности.

За послѣднее пятидесятилѣтіе Италія сдѣлала замѣтные успѣхи въ области народнаго просвѣщенія. Но они далеко еще не удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, какія можно было бы предъявить къ населенію страны, являющейся чуть ли не колыбелью современной европейской цивилизаціи. Дѣло въ томъ, что политическія и культурныя условія, въ особенности гнетъ свѣтской и духовной тиранніи, ставили необыкновенно сильныя препятствія движенію Италіи по пути просвѣщенія. Массы, въ особенности въ бывшихъ владѣніяхъ папы, а также на югѣ, въ прежнемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, долго оставались внѣ общенія съ той самой свѣтской цивилизаціей, лучи которой впервые послѣ разгрома античнаго міра варварами загорѣлись на Апеннинскомъ полуостровѣ. Да и въ сѣверной Италіи, гдѣ царили вѣками иноземцы, туземный и чужестранный деспотизмъ подавали другъ другу руки, чтобы поддерживать невѣжество массъ и ревниво преслѣдовать научную мысль, къ которой стремилась свободолюбивая идеально настроенная интеллигенція. Какъ бы то ни было, и до сихъ поръ Италія занимаетъ невысокое мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ съ точки зрѣнія народнаго образованія.

Если положить въ основаніе разсчета число жителей, имѣю-

щихъ болѣе 6-ти лѣтъ отъ роду, т. е., значитъ, заключающихъ въ своихъ рядахъ и дѣтей въ школьномъ возрастѣ, то въ 1862 г. безграмотныхъ насчитывалось въ этой категоріи 68,1 между мужчинами и 81,3 между женщинами. Въ 1872 г. эта пропорція равнялась 61,9% для мужчинъ и 75,7% для женщинъ. Въ 1882 г. первая цифра понижается до 54,6% вторая—до 69,3%, а въ 1901 г. первая понижается до 42,5% и вторая—до 54,4%. Это пониженіе безграмотности однако менѣе замѣтно, если мы введемъ въ разсчетъ населеніе въ возрастѣ отъ 20 лѣтъ и болѣе, т. е., значитъ, взрослое. Тогда, напр., окажется, что число неграмотныхъ женщинъ съ 81,5% въ 1862 г. понизилось лишь до 60,4% въ 1901 г. Ясное дѣло, что если успѣхи образованія замѣтны среди молодого поколѣнія, то старое остается по прежнему коснѣть въ невѣжествѣ.

Посмотримъ же теперь, какъ измѣняется число безграмотныхъ по разнымъ мѣстностямъ Италіи. Тутъ обнаруживается то печальное явленіе, что зачастую сравнительно благопріятныя среднія для нѣкоторыхъ областей Италіи зависятъ отъ того, что въ иныхъ изъ этихъ областей отдѣльныя провинціи являются настоящими оазисами среди этой пустыни безграмотности, тогда какъ другія провинціи тѣхъ же областей грузно тянутъ ихъ книзу своимъ невѣжествомъ. Такъ, изъ провинцій Пьемонта, дающаго въ среднемъ 16,8 безграмотныхъ на 100 взрослыхъ мужчинъ, лишь въ Туринѣ это число падаетъ до 12,0, но въ Кунео повышается до 22,3. Въ Ломбардіи, гдѣ неграмотныхъ считается менѣе 1/4, а именно, 24%, число взрослыхъ мужчинъ, не знающихъ грамоты, представляетъ очень значительныя колебанія: въ Сондріо безграмотные составляютъ 15,5% мужчинъ, но въ Мантуѣ это число достигаетъ уже 36,5%, т. е. въ 2½ раза больше, и подобныя колебанія мы найдемъ почти во всѣхъ областяхъ. Они уменьшаются,—цѣною общаго невѣжества,—лишь въ центрѣ и на югѣ, гдѣ все рѣже и рѣже поднимаются островки просвѣщенія изъ общаго моря безграмотности. Въ Кампаніи, гдѣ общее число безграмотныхъ превышаетъ 57,3 на 100 взрослыхъ мужчинъ, Неаполитанская провинція насчитываетъ почти 50% безграмотныхъ (а именно, 49.7), а въ провинціи Авеллино этотъ процентъ достигаетъ 64,4. Общая безграмотность въ Сициліи выражается цифрою въ 64,9% среди взрослыхъ мужчинъ, колеблясь между 57,1% въ провинціи Палермо и 70,3% въ провинціи Кальтаниссета, гдѣ, значитъ, едва 3 мужчинъ изъ 10 умѣютъ читать.

Можемъ ли мы надѣяться, что законы 1904 и 1906 г., расширяющіе границы обязательнаго обученія (въ Италіи обязательно лишь самое элементарное образованіе), успѣютъ оказать какое-нибудь замѣтное вліяніе на успѣхи грамотности до предстоящихъ въ 1913 г. выборовъ? Конечно, нѣтъ. Поэтому намъ приходится оперировать съ представленными выше данными. Если высчитать по избирательной статистикѣ 1908—1909 г. число лицъ, не умѣющихъ

читать, то ихъ окажется между совершеннолѣтними мужчинами 43,9%. И эта пропорція при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не можетъ упасть за короткое время, отдѣляющее насъ отъ выборовъ, ниже 40%. Такимъ образомъ на выборахъ 1913 г. грамотныхъ избирателей будетъ не болѣе 60%. Но итальянскіе политики интересуются теперь не однимъ этимъ грубымъ дѣленіемъ вотирующей массы на грамотныхъ и безграмотныхъ. Они озабочены тѣмъ, что за этимъ формальнымъ дѣленіемъ скрывается болѣе жизненное дѣленіе на людей, которые на самомъ дѣлѣ получили образованіе, и на людей, которые лишь формально числятся вкусившими отъ древа школьнаго познанія. Какъ и у насъ, въ Италіи существуетъ громадный процентъ мнимо грамотныхъ, которые только считаются умѣющими читать и писать, а въ дѣйствительности еле-еле могутъ разбирать печать по складамъ или совсѣмъ забыли читать. Полагаютъ, что во всей Италіи процентъ такихъ мнимо грамотныхъ составляетъ треть всего числа лицъ, значащихся оффиціально въ рубрикѣ получившихъ образованіе, т. е. 20% всего будущаго избирательнаго населенія. Такимъ образомъ, общій контингентъ избирателей будетъ слагаться изъ 40% «образованныхъ», (istrutti, т. е. вполнѣ грамотныхъ), 40% безграмотныхъ и 20% полуграмотныхъ.

По вычисленію автора анонимной статьи, въ подробности которой мы не будемъ входить, оказывается, что, согласно новому избирательному закону, изъ 69 итальянскихъ провинцій лишь въ 7, представляющихъ 47 избирательныхъ коллегій, старые избиратели останутся въ большинствѣ по сравненію съ новыми. А въ остальныхъ 62 провинціяхъ, представляющихъ 461 избирательную коллегію, большинство будетъ составляться изъ новыхъ избирателей, которые будутъ выступать противъ старыхъ все въ большемъ и большемъ числѣ по мѣрѣ того, какъ изъ центральной Италіи мы станемъ спускаться къ югу и переходить на острова. По всей вѣроятности, около 450 депутатовъ изъ общаго числа 508, составляющихъ итальянскую палату, будутъ ставленниками избирательныхъ коллегій съ перевѣсомъ новаго большинства. Причемъ въ 38 провинціяхъ 269 депутатовъ будутъ имѣть дѣло съ коллегіями, въ которыхъ старые, знакомые имъ избиратели будутъ представлять менѣе трети общаго числа лицъ, бросающихъ свои бюллетени въ урну. Передъ этимъ новымъ сфинксомъ, слагающимся изъ большого числа безграмотныхъ и полуграмотныхъ, останавливаются съ недоумѣніемъ и страхомъ современные политики Италіи, принадлежащіе къ умѣренно-либеральнымъ партіямъ. Кого пошлютъ эти толпы? За чьимъ знаменемъ пойдутъ онѣ? Кому отдадутъ свое предпочтеніе? Чей голосъ съ избирательной платформы будетъ понятнѣе звучать для этихъ слоевъ, впервые пріобщающихся къ политической жизни?

Нечего говорить о томъ, что, по своему обыкновенію политики центра и умѣренно-либеральной лѣвой отъ выступленія

этихъ вновь вотирующихъ массъ ожидаютъ дѣйствій, могущихъ тяжело отозваться на гражданскомъ развитіи и политическомъ прогрессѣ Италіи. Я уже не буду упоминать о различныхъ то серьезныхъ, а то зачастую прямо комическихъ проектахъ, имѣющихъ цѣлью облегчить возможность плохо знакомымъ съ грамотою новымъ избирателямъ оріентироваться въ кандидатахъ. Такъ какъ необходимымъ условіемъ искренности выбора является тайная и вполнѣ свободная отъ постороннихъ вліяній подача голосовъ, то политики задаются вопросомъ, какъ же помочь неопытнымъ избирателямъ голосовать за то самое лицо, какое удовлетворяетъ ихъ требованіямъ. Одни предлагаютъ бюллетени, напечатанные крупными буквами. Другіе, скептически относясь къ умѣнью новыхъ массъ разбираться даже и въ крупной печати, предлагаютъ бюллетени различныхъ цвѣтовъ. Третьи носятся съ проектами популяризировать личность кандидатовъ путемъ распространенія ихъ портретовъ и замѣны этими изображеніями обыкновенныхъ бюллетеней.

Но для скептиковъ этой категоріи задача заключается не только въ томъ, чтобы дать возможность новымъ избирателямъ вотировать за тѣхъ самыхъ кандидатовъ, какіе имъ представляются наилучшими. Еще болѣе грознымъ, по мнѣнію этихъ лицъ, является вопросъ о томъ, въ какую сторону пойдутъ эти массы, куда ринется въ своемъ неудержимомъ стихійномъ порывѣ эта «вотирующая скотина». Либеральные публицисты полагаютъ, что будущіе выборы нанесутъ тяжелый уронъ среднимъ партіямъ, являющимся, по ихъ мнѣнію, лучшими представительницами истиннаго конституціонализма, и выдвинутъ на первый планъ два крайнихъ крыла: соціалистовъ и крайнихъ демократовъ налѣво, и клерикаловъ и реакціонеровъ направо. Первыхъ пошлютъ, молъ, главнымъ образомъ городскіе центры, вторыхъ—деревни. При этомъ предполагается, что даже и между этими двумя крайностями новый избиратель отдастъ въ общемъ предпочтеніе представителямъ консерватизма и реакціи. Эти выводы дѣлаются либеральными публицистами изъ цифръ, указывающихъ распредѣленіе итальянскаго населенія между городомъ и селомъ. Въ Италіи существуетъ лишь 11 крупныхъ городовъ, имѣющихъ каждый болѣе 100.000 жит., и избираютъ они лишь 49 депутатовъ. По послѣдней переписи, населеніе городскихъ центровъ съ 50.000 жит. каждый и болѣе равнялось 4.700.000 душъ. Но и изъ нихъ лишь 3.800.000 были скучены въ ядрѣ городскихъ поселеній, а около 900.000—жили въ окружающихъ мѣстечкахъ или въ деревняхъ. Изъ 508 избирательныхъ коллегій лишь около 80 будутъ представлять на предстоящихъ выборахъ собственно городской элементъ, 428 же являются въ значительной части сельскими. Всѣ эти соображенія заставляютъ либеральныхъ публицистовъ и политиковъ Италіи рисовать печальную перспективу того, какъ «консервативныя и реакціонныя

силы возьмутъ огромный перевѣсъ въ политической жизни Италіи». И отсюда дѣлается выводъ, что королевству должно было бы по настоящему пройти предварительно еще «длинный путь съ цѣлью дать громадной массѣ итальянскаго населенія элементарное образованіе, необходимое для отправленія самыхъ основныхъ функцій экономической, гражданской и политической жизни».

Что сказать въ отвѣтъ на эти страхи и горестныя картины развертываемыя либеральными публицистами? Въ основаніи этой боязливой психологіи лежитъ съ одной стороны давнишнее и, признаться, небезъосновательное съ ихъ точки зрѣнія недовѣріе политиковъ этой категоріи къ трудящимся массамъ и, вообще, къ народу, а, съ другой, идолопоклонство передъ грамотностью, идолопоклонство, смѣшивающее умѣніе читать и писать съ умѣніемъ чувствовать свои основныя потребности и разбираться въ основныхъ нестроеніяхъ жизни. Нѣтъ спору, люди капитала и владѣнія, люди привилегированной образованности и оффиціальной науки могутъ недовѣрчиво и раздражительно смотрѣть на выступленія широкихъ народныхъ слоевъ. Но кто же, какъ не они кто, какъ не эти защитники привилегированнаго общественнаго положенія, своею эгоистическою политикою были виновны въ томъ, что массы постоянно готовили имъ непріятные сюрпризы и предпочитали порою реакціонныхъ спасителей общества проповѣдникамъ умѣреннаго и аккуратнаго прогресса? Вслушайтесь въ возраженія доктринеровъ либерализма противъ всеобщаго избирательнаго права, въ ихъ ламентаціи, раздающіяся вотъ уже сколько десятковъ лѣтъ; припомните хотя бы Гизо, который въ свое время восклицалъ: «Никогда не наступитъ дня, въ который водворится чудовищная нелѣпица всеобщей подачи голосовъ»,— и вы придете къ заключенію, что грубо своекорыстная тактика любителей привилегированной свободы постоянно отталкивала массы отъ защиты либеральной позиціи.

Съ другой стороны, и не будучи обскурантомъ, можно возражать противъ того рокового предразсудка, который изъ грамотности дѣлаетъ необходимое предварительное условіе для самомалѣйшаго участія человѣка въ общественной жизни страны. Да, несомнѣнно, тѣ самыя обстоятельства, которыя держали въ невѣжествѣ широкія массы, не могли способствовать и ихъ общему политическому развитію. Но и въ этомъ отношеніи главными виновниками причиненнаго зла были все-таки доктринеры либерализма, ревниво отгораживавшіе себя отъ неграмотныхъ массъ и считавшіе своей исконной вотчиной сферу управленія государствомъ. Пока серьезное улучшеніе матеріальныхъ условій и упроченіе политической свободы въ странѣ не подвинутъ массы по пути истиннаго развитія и истинной образованности, друзьямъ прогресса и свободы приходится въ своей работѣ опираться на этихъ, оставленныхъ на задворкахъ исторіи, пасынковъ цивилизаціи, которые съ трудомъ чи-

таютъ и плохо пишутъ, но которые все же способны чувствовать необходимость новаго, лучшаго строя и стремятся сбросить съ себя гнетъ современныхъ невыносимыхъ условій. Итальянскіе либералы, боясь выступленія широкихъ слоевъ на арену политической жизни, сами подписываютъ себѣ историческій приговоръ. Трепеща отъ одной мысли, что новые избиратели пойдутъ не по средней дорогѣ, а налѣво въ городахъ и направо въ деревняхъ, эти либеральные публицисты даютъ намъ ключъ къ пониманію ихъ политической слабости. Игнорируя втеченіе долгаго ряда лѣтъ основныя потребности массъ, забывая прислушиваться къ ихъ голосу или даже поворачиваясь спиной въ отвѣтъ на требованія страдающихъ и обремененныхъ, они тѣмъ самымъ создавали условія, при которыхъ народу остается одно изъ двухъ: или стремиться къ мнимому мистическому освобожденію и потому идти въ лагерь людей, которые заоблачными мечтаніями постараются отвлечь его отъ серьезныхъ задачъ жизни; или же рѣшительно примкнуть къ тѣмъ, кто ставитъ въ своей программѣ неразрывнымъ требованіемъ осуществленіе царства державнаго труда и широкаго, истинно человѣческаго образованія для всѣхъ.

III.

Рѣзко политическую окраску вопросъ объ образованіи принимаетъ въ данный моментъ въ Бельгіи, гдѣ послѣдніе мѣсяцы ведется самая ожесточенная борьба между свободомыслящими и клерикалами изъ-за школьнаго закона, внесеннаго въ началѣ этого года министерствомъ Сколларта (Schollaert). Настоящее обостреніе этой борьбы было бы не совсѣмъ понятно, если бы мы не познакомили предварительно читателей хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ съ исторіей бельгійской школы. Бельгія, подобно Италіи, принадлежитъ къ числу странъ, которыя не могутъ похвалиться распространеніемъ народнаго просвѣщенія. Грамотность, конечно, дѣлаетъ здѣсь успѣхи, но медленными шагами, и пробираясь черезъ препятствія полагаемыя ему главнымъ образомъ реакціонными тенденціями клерикальнаго правительства, которое хозяйничаетъ въ Бельгіи уже чуть не 30 лѣтъ. Число неграмотныхъ въ возрастѣ свыше 7-ми лѣтъ достигало цѣлыхъ 33,2% въ 1880 г., 28,8% въ 1890 г., 22,1%—въ 1900 г. Даже между молодымъ поколѣніемъ грамотность не получила еще всеобщаго распространенія: въ 1908 г., 8,46% новобранцевъ не умѣли читать и писать.

Въ этой-то странѣ, гдѣ самое элементарное образованіе заставляетъ еще такъ много желать, школа является ареной ожесточенной войны между либеральными и консервативными элементами. Законъ 1879 г., который былъ проведенъ либеральнымъ кабинетомъ Фрэръ-Орбана, исключалъ законъ Божій изъ числа обязательныхъ предметовъ, от-

нималъ у церкви контроль надъ школою и давалъ право общинамъ основывать свѣтское офиціальное обученіе. Но онъ былъ, какъ извѣстно, отмѣненъ пять лѣтъ спустя клерикальнымъ министерствомъ Малу, смѣнившимъ либеральный кабинетъ Фрэръ-Орбана послѣ выборовъ 1884 г., которые ознаменовались разгромомъ либераловъ. Черезъ годъ, изъ 2.000 школъ, открытыхъ было либеральнымъ правительствомъ, половина уже была закрыта по настоянію черной арміи; и мѣсто свѣтскихъ образовательныхъ учрежденій для народа заняли конгрегаціонныя школы, число которыхъ быстро дошло до 1500. Этого результата клерикалы, стоящіе съ тѣхъ поръ у власти, добились благодаря тому, что провели законъ, отмѣняющій правительственныя пособія на народное образованіе и предоставляющій общинамъ лишь одно изъ двухъ: или субсидировать самимъ мѣстныя школы, или посылать дѣтей въ школы церковныя. Слѣдующимъ шагомъ клерикаловъ въ ихъ походѣ противъ свѣтской цивилизаціи былъ законъ 1895 г., который дѣлалъ религіозное обученіе обязательнымъ для всѣхъ общественныхъ школъ страны.

Съ тѣхъ поръ до самаго послѣдняго времени клерикалы уже не воздѣйствовали законодательнымъ путемъ на народную школу, но за то старались расширить свое вліяніе среди массъ при помощи административныхъ мѣръ, открывающихъ ворота обскурантамъ во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Чиновники, профессора, судьи, даже нотаріусы, назначаются правительствомъ исключительно изъ лагеря своихъ единомышленниковъ. Вся страна «обрабатывается» могущественной католической партіей, которая оказываетъ существенныя услуги клерикализму, пуская въ ходъ хитрую механику такъ называемой «субсидированной свободы». Министерства щедрой рукой раздаютъ пособія монастырскимъ школамъ, католическимъ обществамъ трезвости и взаимнаго страхованія, клерикальнымъ профессіональнымъ союзамъ и синдикатамъ. Принадлежность къ католической религіи является необходимымъ условіемъ для полученія этой правительственной манны какъ общественными организаціями, такъ и отдѣльными лицами.

Конечно, противъ этого преобладанія клерикализма упорно борются либеральныя группы и соціалистическія организаціи. Но успѣшности ихъ борьбы мѣшало до послѣдняго времени то почти постоянное враждебное отношеніе, которое установилось между либеральной буржуазіей и соціалистической рабочей партіей. Свободомыслящая буржуазія, боясь усиленія политическаго вліянія массъ, сплошь и рядомъ противодѣйствуетъ представителямъ труда не только въ области соціальныхъ, но и въ области чисто политическихъ вопросовъ борясь, напр., не только противъ расширенія рабочаго законодательства, но и противъ установленія всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Этими столкновеніями двухъ главныхъ свободомыслящихъ отрядовъ и пользуется черная армія, которая старается закрѣпить свое вліяніе на умы, начиная еще

со школы. Однако это печальное для свободной мысли положеніе дѣлъ измѣнилось къ лучшему какъ разъ благодаря свирѣпому походу противъ свѣтской цивилизаціи, предпринятому въ послѣднее время министерствомъ Сколларта.

Какъ извѣстно, кабинетъ Сколларта держался болѣе трехъ лѣтъ: онъ былъ образованъ 9-го января 1908 г., послѣ внезапной смерти предшествовавшаго премьера Трооза (31 декабря 1907 г.). Сначала новый президентъ Совѣта управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но съ августа 1910 г. взялъ портфель народнаго просвѣщенія какъ разъ съ цѣлью провести новый рѣзко клерикальный законопроектъ, касающійся народной школы. Не довольствуясь прямымъ воздѣйствіемъ на оффиціальную общественную школу, находящуюся подъ опекой клерикальнаго правительства, кабинетъ рѣшилъ дать крупную субсидію всѣмъ частнымъ католическимъ школамъ и средствомъ для этого пособія избралъ форму такъ называемыхъ «школьныхъ боновъ», т. е. свидѣтельствъ, которыя выдаются каждому отцу семейства, желающему посылать своихъ дѣтей въ не оффиціальную, сугубо католическую школу, и служатъ основаніемъ для вычисленія той субсидіи, какая должна придтись на долю того или иного образовательнаго учрежденія, находящагося въ рукахъ конгрегацій. Дѣло въ томъ, что школы, носящія словно въ насмѣшку названіе «свободныхъ», обходились до сихъ поръ католикамъ въ 18.000.000 фр. ежегодно. И вотъ школьные боны должны были, по разсчетамъ Пиѳагоровъ министерства, дать какъ разъ сумму отъ 18 до 20 милліоновъ фр., которые будутъ составлять одну изъ правильныхъ рубрикъ государственнаго бюджета и стало быть, взиматься съ каждаго бельгійца, хотя бы самаго яраго антиклерикала. Сберегаемыя такимъ образомъ суммы своихъ пожертвованій католики предполагаютъ употребить на различныя клерикальныя организаціи экономическаго и политическаго характера, при помощи которыхъ они сохраняютъ еще господство въ странѣ среди наиболѣе невѣжественныхъ элементовъ населенія. Но именно этотъ законъ, въ которомъ правящіе клерикалы видѣли верхъ государственной мудрости, вызвалъ сближеніе двухъ враждующихъ отрядовъ свободомыслящей арміи. И съ самаго начала этого года либералы и соціалисты пошли замѣтно на встрѣчу другъ другу, чтобы общими силами противодѣйствовать чудовищной кампаніи, открытой черной арміей противъ прогресса и цивилизаціи.

Борьба въ парламентѣ стала особенно ожесточенной съ первыхъ чиселъ мая, когда коалиція лѣвыхъ партій, успѣвъ затормозить втеченіе двухъ мѣсяцевъ обсужденіе законопроекта въ коммиссіяхъ, перенесла борьбу противъ него на засѣданія палаты. Эта борьба приняла, какъ то обыкновенно практикуется парламентарнымъ меньшинствомъ, форму систематической обструкціи. На засѣданіи 17 мая, Амбюрсэнъ, либеральный депутатъ Намюра, явился застрѣльщикомъ этой обструкціонной тактики, ухитрив-

шись говорить втеченіе битыхъ трехъ часовъ на счетъ разныхъ микроскопическихъ вопросовъ, относящихся къ бюджету министерства внутреннихъ дѣлъ, и угрожая безъ конца продолжать свою рѣчь. Палата быстро превратилась въ арену непрерывныхъ, самыхъ ожесточенныхъ препирательствъ между борющимися сторонами. Но верхъ взяли все-таки члены оппозиціи, настоявъ на продолженіи обсужденія и развернувъ такимъ образомъ передъ парламентомъ перспективу неизбѣжной отсрочки вотума законопроекта, такъ какъ впереди предстояло обсудить еще бюджеты десяти различныхъ вѣдомствъ, а клерикаламъ для практическаго успѣха надо было провести законъ втеченіе этой сессіи.

Двѣ недѣли спустя, на засѣданіи 31 мая, либералы и соціалисты перешли къ спокойной, но убійственной критикѣ клерикальнаго закона и вызвали этимъ такое негодованіе католическаго большинства, что его представители, въ особенности католическій депутатъ Брюсселя, Картонъ де-Вьяръ, стали прибѣгать къ прямому искаженію и іезуитскому переиначиванію словъ своихъ противниковъ, съ цѣлью заставить ихъ потерять хладнокровіе и, пользуясь этимъ, провести законъ какимъ-нибудь насильственнымъ маневромъ. Но вся лѣвая съ соціалистами во главѣ необыкновенно энергично протестовала противъ этихъ пріемовъ клерикальной клики и шумъ въ палатѣ принялъ чудовищные размѣры, когда Поль Жансонъ, старый вожакъ радикаловъ, былъ призванъ къ порядку за выраженіе «ораторское вѣроломство», брошенное имъ по адресу клеветниковъ правой. Этотъ призывъ къ порядку впервые упалъ на Жансона, умѣвшаго втеченіе своей долгой карьеры депутата проводить идеи въ строго парламентарныхъ выраженіяхъ. Вся лѣвая устроила грандіозную овацію заслуженному ветерану политической борьбы; и возгласы лѣвой: «бандиты!» «ренегаты!» заглушили протестъ большинства, старавшагося поддержать президента палаты противъ оппозиціи.

Это столкновеніе между сторонниками свѣтской цивилизаціи и яростными поборниками клерикализма быстро перешло изъ стѣнъ палаты на улицу и вызвало колоссальное броженіе въ Брюсселѣ, скоро распространившееся на всю страну. Отличительной чертой этого движенія была дружная работа либераловъ и соціалистовъ, коалиція которыхъ, въ виду точно опредѣленной цѣли, нашла, напр., удачное выраженіе на колоссальномъ митингѣ протеста противъ школьнаго законопроекта, состоявшемся вечеромъ того же дня въ Брюсселѣ. Болѣе 6.000 нервно настроенныхъ слушателей толпились въ огромномъ залѣ Королевскаго цирка и тысячи же либераловъ и соціалистовъ образовали бушующее море у входа въ собраніе. Три либеральныхъ и три соціалистическихъ оратора дружно развили точку зрѣнія принципіальной оппозиціи противъ католиковъ и безконечные аплодисменты привѣтствовали появленіе Жансона на трибунѣ. Соціалистъ Анселе гордо заявилъ:

«свѣтская школа будетъ защищаться пролетаріатомъ до послѣдняго человѣка: все, что хотите, но только не униженіе видѣть торжество клерикальнаго закона». Вандервельдъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выставить требованіе всеобщей подачи голосовъ. И 20.000 человѣкъ образовали по окончаніи митинга бурную процессію, которая направилась въ центръ столицы, распѣвая революціонную «пѣсню Гёзовъ» и крича: «долой поповъ!», «долой Сколларта!», «къ чорту монастыри!».

Эта манифестація и послѣдовавшіе за ней митинги протеста въ цѣлой странѣ произвели столь сильное впечатлѣніе на молодого короля, что онъ рѣшилъ, еще не дожидаясь формальнаго министерскаго кризиса, позвать во дворецъ президента палаты, Коремана, и бывшаго министра Бернарта, съ которыми долго совѣщался относительно положенія вещей. Кризисъ наступилъ и формально, послѣ того, какъ 7 іюня противъ «школьныхъ боновъ» рѣзко высказался вожакъ старой клерикальной партіи, Вустъ (Woeste). Ярости друзей правительства не было границъ. Оффиціальная и оффиціозная печать, противоставляя прежнюю якобы славную дѣятельность Вуста его неожиданному выступленію противъ своихъ политическихъ друзей, то съ горечью «оплакивала закатъ великолѣпнаго католическаго свѣтила», то клеймила его именемъ измѣнника, всадившаго кинжалъ въ спину стараго товарища въ то время, какъ тотъ старался повергнуть заклятаго врага религіи. Сколлартъ рѣшилъ было сначала сопротивляться той бурѣ въ парламентѣ и странѣ, которая опрокидывала излюбленный законопроектъ, и предлагалъ королю немедленно же распустить палату, назначить новые выборы и провести законопроектъ въ новомъ парламентѣ, утверждая, будто за нимъ стоитъ громадное большинство страны.

Онъ разсчитывалъ, что немедленные выборы будутъ произведены еще на основаніи старой переписи, между тѣмъ, какъ, будь эта консультація страны отложена на нѣсколько мѣсяцевъ, пришлось бы принять во вниманіе уже цифры новой переписи 1 января 1911 г., ясно обнаружившей увеличеніе народонаселенія какъ разъ въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ и большихъ центрахъ, гдѣ либералы и соціалисты пользуются популярностью. Но король, пораженный силою оппозиціи, отступилъ передъ перспективою гражданской войны, которая неминуемо бы вспыхнула теперь въ Бельгіи, по мнѣнію даже такихъ умѣренныхъ и солидныхъ органовъ европейской буржуазіи, какъ французское «Le Temps». Онъ отказался поддержать планъ роспуска палаты и Сколларту не оставалось ничего больше, какъ громогласно заявить въ парламентѣ о своемъ уходѣ. Въ результатѣ—сцена, длившаяся всего какія-нибудь десять минутъ, но сопровождавшаяся невѣроятнымъ скандаломъ и столкновеніями между правой и лѣвой, которыя обмѣнивались свирѣпыми возгласами: «долой массонскія ложи»

и «да здравствуетъ всеобщее избирательное право», «да здравствуетъ конституція».

Возбужденіе умовъ далеко не улеглось вслѣдствіе этого половинчатаго рѣшенія. Оппозиція разсчитывала на то, что злополучный школьный законопроектъ будетъ взятъ обратно и брошенъ въ корзину. Между тѣмъ составленіе новаго кабинета было поручено входившему въ составъ стараго кабинета министру путей сообщенія, де-Броквилю, который избираетъ своими коллегами большинство членовъ прежняго министерства. Оппозиціонная пресса рѣзко подчеркиваетъ то обстоятельство, что новый премьеръ сначала обратился за содѣйствіемъ исключительно къ молодой клерикальной партіи и лишь затѣмъ счелъ нужнымъ повести переговоры со старо-клерикальной партіей и ея вожакомъ Вустомъ, такъ неожиданно пріобрѣвшимъ симпатіи друзей свободы и истиннаго просвѣщенія. Какія сложатся отношенія между недружно выступающими теперь фракціями правой, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ ближайшее будущее можетъ оказаться для маленькаго королевства чреватымъ очень крупными послѣдствіями.

Выходъ изъ тупика, куда зашла Бельгія, будетъ зависѣть прежде всего отъ того, насколько энергично либеральная буржуазія и особенно лѣвая часть ея, радикальная демократія, будутъ поддерживать въ борьбѣ съ клерикалами соціалистическую рабочую партію. Если крайніе элементы третьяго сословія, наученные горькимъ опытомъ, откажутся разъ навсегда отъ сопротивленія соціальнымъ и политическимъ реформамъ, выдвигаемымъ соціалистами, и, наоборотъ, будутъ содѣйствовать имъ, напр., въ расширеніи рабочаго законодательства и установленіи всеобщей подачи голосовъ, то измѣнится, по всей вѣроятности, и рѣзко отрицательное отношеніе партіи труда къ половинчатой политикѣ свободомыслящей буржуазіи. На временный союзъ этихъ двухъ силъ можно, пожалуй, сильно разсчитывать въ непосредственномъ будущемъ. Но еще вопросъ, захотятъ ли идти такъ далеко и остальные либеральные элементы, которые питаютъ историческое отвращеніе къ соціальному законодательству, равно какъ ко всеобщему избирательному праву. Еще не такъ давно бельгійскій сенатъ, сохранившій въ своихъ стѣнахъ непримиримыхъ сторонниковъ ценза, съ необыкновенной энергіей боролся противъ закона о примирительныхъ камерахъ и закона о 9-часовомъ днѣ въ рудникахъ. Позволительно скептически относиться и къ искренности, съ какой доктринеры бельгійскаго либерализма соглашаются въ послѣднее время не сопротивляться введенію всеобщаго вотума.

Оптимисты предполагаютъ, что разрѣшенію глубокаго политическаго кризиса, испытываемаго страной, могутъ значительно способствовать либеральныя стремленія молодого короля, который хочетъ будто бы поддерживать во что бы то ни стало хорошія отношенія съ прогрессивными элементами въ прямую противополож-

ность со старымъ Леопольдомъ, который, чѣмъ больше приближался къ своему концу, тѣмъ съ большимъ упрямствомъ шелъ по пути личнаго режима и для достиженія этой цѣли не брезгалъ обращеніемъ къ самымъ низменнымъ интересамъ консервативныхъ общественныхъ сферъ. Мы съ своей стороны полагаемъ, что развязать сложный политическій узелъ, въ который сплелись нити партійной борьбы въ Бельгіи, поможетъ странѣ отнюдь не король, которому сама конституція не позволитъ принимать черезчуръ живое участіе въ политической борьбѣ, а коалиціонная дѣятельность крайнихъ элементовъ буржуазіи и рабочей партіи. Долго ли можетъ продолжаться совмѣстная дѣятельность этихъ двухъ силъ—вопросъ другой. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ заранѣе предугадывать состояніе политическаго барометра. Часто то, что въ данный моментъ кажется намъ, подъ вліяніемъ исторической аберраціи, прочнымъ и логически цѣлесообразнымъ, черезъ нѣкоторое время и при измѣнившихся условіяхъ представляется заднимъ числомъ лишь прискорбной иллюзіей и сангвинической переоцѣнкой особенностей минуты.

Не любопытно ли, что тотъ самый Вандервельдъ, который теперь дѣятельно работаетъ вмѣстѣ съ прогрессистами, еще недавно очень скептически относился къ возможности такого сближенія? Въ концѣ своей современной исторіи Бельгіи онъ, дѣйствительно, писалъ: «Итакъ, въ Бельгіи, въ которой развитіе крупной промышленности подвинулось дальше, чѣмъ гдѣ-либо, мы идемъ большими шагами къ такому положенію вещей, при которомъ антагонизмъ между партіями будетъ отвѣчать антагонизму между классами: съ одной стороны—рабочая партія, съ другой, клерикально-либеральный блокъ, который будетъ тѣмъ болѣе сплачиваться, чѣмъ быстрѣе пойдутъ успѣхи соціализма, и чѣмъ слабѣе будетъ становиться вліяніе демократической буржуазіи. Между этими двумя силами компромисса быть не можетъ. Возможно, что будутъ перемирія, періоды успокоенія, моменты остановокъ; но борьба роковымъ образомъ не замедлитъ возобновиться, ибо соціальный миръ окончательно можетъ установиться лишь путемъ полнаго освященія правъ рабочихъ» *). Не переживаетъ ли Бельгія одинъ изъ такихъ періодовъ «перемирія» и «остановки» борьбы между крайними элементами буржуазіи и партіей труда?

IV.

Вотъ и въ Германской имперіи, которую не безъ основанія можно считать дѣйствительнымъ оплотомъ современной европейской

*) Э. Вандервельдъ, „Современная Бельгія"; „Исторія нашего времени", Москва, 1911, изд. Граната, вып. III, стр. 216.

реакціи, въ настоящее время обнаруживаются явленія, позволяющія заключать о нѣкоторомъ сближеніи между политическими партіями и элементами, почти всегда находящимися во враждѣ. Такая перетасовка ихъ взаимныхъ отношеній не лишена своеобразной пикантности. Какъ извѣстно, 26 мая новаго стиля германскій рейхстагъ вотировалъ въ третьемъ чтеніи проектъ конституціи для Эльзаса-Лотарингіи и приложенный къ нему новый законъ о выборахъ.

Любопытна та политическая конъюнктура, въ результатѣ которой былъ проведенъ только что упомянутый законъ. Но скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о самомъ законодательствѣ имперіи. Какъ извѣстно, оторванныя силою отъ Франціи и присоединенныя къ Германіи провинціи оставались до послѣдняго времени на особомъ положеніи. Эти области были, дѣйствительно, spolia opima, добычею побѣдителя, и отнюдь не входили равноправнымъ членомъ въ составъ имперіи. Даже отмѣна въ 1902 г. такъ называемаго «параграфа диктатуры», позволявшаго, по закону 30 декабря 1871 г., оберъ-президенту провинціи (впослѣдствіи намѣстнику) принимать на свой страхъ въ случаѣ опасности чрезвычайныя мѣры и пускать въ ходъ военную силу для подавленія безпокойныхъ элементовъ,— даже эта отмѣна, ставившая въ извѣстномъ отношеніи Эльзасъ-Лотарингію на почву общаго права, не означала особаго прогресса въ политическомъ положеніи страны, остававшейся «имперской землею». Незначительны въ сущности и законодательныя права провинціальнаго комитета (Landesausschuss), который, правда, въ 1877 г. изъ чисто совѣщательнаго органа превратился отчасти въ законодательный, но рѣшенія котораго все же, въ случаѣ желанія центральнаго правительства, могутъ быть сведены на нѣтъ. Ибо императоръ пользуется полномочіемъ проводить всякій законопроектъ, касающійся присоединенныхъ провинцій, помимо упомянутаго комитета черезъ общій германскій парламентъ и тѣмъ самымъ придавать силу закона мѣропріятіямъ, хотя и близко затрагивающимъ интересы мѣстнаго населенія, но отнюдь не разсмотрѣннымъ его представителями. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самые выборы въ провинціальный комитетъ производятся на основаніяхъ, далеко не отвѣчающихъ современнымъ политическимъ требованіямъ, а именно путемъ избранія окружными и общинными совѣтами. Наконецъ, въ присоединенныхъ провинціяхъ сохранились старые французскіе законы о печати и собраніяхъ, идущіе еще отъ временъ второй французской имперіи. Изъ всего этого мы можемъ видѣть, до какой степени Эльзасъ-Лотарингія играла роль паріи въ обще-германскомъ союзѣ.

Вполнѣ понятно, что, независимо отъ чувства патріотизма, такое положеніе вещей могло лишь озлоблять жителей завоеванныхъ областей, которые, правда, съ теченіемъ времени все болѣе стали разочаровываться въ осуществимости реванша, крикливо пропаган-

дировавшагося французскими шовинистами, но постоянно отодвигавшагося въ даль, однако все же сохраняли симпатіи къ своей родинѣ. Повторялась старая, но вѣчно юная исторія: невозможно силою заставить полюбить себя; и подавленіе чужой индивидуальности, какъ единичной, такъ и коллективной, въ состояніи лишь вызвать вражду и ненависть. Время однако шло. И старое поколѣніе смѣнялось новымъ. По прежнему распѣвалась патріотическая пѣсня о «взятыхъ силою Эльзасѣ и Лотарингіи» и о «не-германизированномъ сердцѣ» обитателей,—

Vous avez pris l'Alsace et la Lorraine,
Mais notre coeur vous n'avez point germanisé,—

но въ ней стали звучать нѣсколько фальшивыя ноты.

Постепенно партія такъ называемыхъ «протестантовъ» ослабѣвала и усиливалась партія «автономистовъ», которая, въ противоположность первой, отнюдь не выражала непримиримаго отношенія къ побѣдителю и желанія во что бы то ни стало оторваться отъ него, но мирилась съ фактомъ своего перехода къ Германской имперіи и лишь требовала широкого областного самоуправленія. Мало по малу и наиболѣе дальновидными нѣмцами была понята неизбѣжность смягчить политику насилія въ Эльзасѣ-Лотарингіи и расширить политическія права области. Объ этомъ много говорилось и писалось послѣднія десять лѣтъ. Нѣкоторые политическіе дѣятели Германіи поговаривали даже о желательности придать завоеваннымъ провинціямъ болѣе самостоятельное положеніе. Но всѣ эти разговоры не выходили изъ области мечтаній, пока лѣтомъ прошлаго года не начались конфиденціальные переговоры между правительствомъ и представителями тѣхъ партій въ германскомъ парламентѣ, которыя не относились въ принципѣ отрицательно къ увеличенію политической и гражданской правоспособности оторванныхъ отъ Франціи областей. Выработка новаго закона происходила не безъ затрудненій и препятствій, полагавшихся законопроекту главнымъ образомъ со стороны правыхъ партій, видѣвшихъ въ смягченіи судьбы Эльзаса-Лотарингіи нарушеніе престижа германской имперіи и политики «бронированнаго кулака». Съ конца прошлаго года стало, однако, видно, что шансы законопроекта увеличиваются. А весной текущаго года, послѣ цѣлаго ряда чтеній (4-хъ чтеній въ комиссіи и 3-хъ чтеній на общихъ засѣданіяхъ рейхстага) законопроектъ, наконецъ, прошелъ: 26 мая 1911 г., 211 голосовъ лѣвыхъ и центра противъ 93 правыхъ и при 7 воздержавшихся дали начало новой конституціи для Эльзаса-Лотарингіи.

Суть вотированныхъ измѣненій заключается въ слѣдующемъ. Странѣ дается три голоса въ Союзномъ совѣтѣ Германской имперіи,—три голоса, удѣльный вѣсъ которыхъ, однако, довольно сильно уменьшенъ по сравненію съ голосами прочихъ государствъ,

входящихъ въ Германскій союзъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что голоса эти получаютъ инструкціи отъ намѣстника, инспирируются имъ для вотума въ извѣстномъ направленіи. Другое измѣненіе касается образованія верхней палаты, которая на половину будетъ состоять изъ членовъ по назначенію императора. Третье измѣненіе заключается въ санкціонированіи бюджетныхъ правъ низшей палаты, замѣняющей теперь прежній провинціальный комитетъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, которыя не позволятъ Эльзасу-Лотарингіи быть столь же автономнымъ въ составленіи своего бюджета, какъ другія союзныя государства. Четвертымъ, и въ политическомъ смыслѣ наиболѣе существеннымъ, измѣненіемъ является введеніе всеобщей и прямой подачи голосовъ для выбора въ низшую палату. Что касается до вопроса объ употребленіи нѣмецкаго и французскаго языковъ, то конституція остается въ общемъ на почвѣ прежняго законодательства. Оффиціальнымъ языкомъ властей, общественныхъ учрежденій и школъ является нѣмецкій. Но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ говорящее по французски населеніе составляетъ большинство, а равно въ тѣхъ общинахъ, гдѣ половина дѣтей не можетъ слѣдить за уроками по недостаточному знанію нѣмецкаго, будутъ дѣлаться исключенія въ пользу французскаго, какъ это дѣлалось раньше по закону 1872 г., или же на основаніи декретовъ намѣстника. Немаловажнымъ пунктомъ новой конституціи является также статья, гласящая, что вѣроисповѣдная свобода и отправленіе культа будутъ опредѣляться согласно общему «закону страны», т. е. подлежатъ тѣмъ ограниченіямъ, которыя существуютъ для религіозныхъ процессій, крестныхъ ходовъ, паломничествъ и т. п.

Вотированный законопроектъ, конечно, не удовлетворилъ эльзасскихъ «протестантовъ» и въ газетахъ уже сообщается объ образованіи новой «Національной Эльзасско-лотарингской партіи», которая будетъ продолжать традиціи старыхъ непримиримыхъ. Но, съ другой стороны, вотумъ привелъ въ настоящую ярость и германскихъ консерваторовъ, которые, въ качествѣ традиціонныхъ защитниковъ прусскаго трона и алтаря, горячо возставали противъ опасныхъ новшествъ, введенныхъ въ конституцію Эльзаса-Лотарингіи. Юнкера, любящіе абсолютизмъ монарховъ только, когда онъ пляшетъ подъ ихъ дудку,— und der König absolut, wenn er unsern Willen thut,—отнюдь не тронулись ни августѣйшею благодарностью, выраженною Вильгельмомъ II канцлеру Бетману-Хольвегу за хлопоты по проведенію закона, ни даже портретомъ, посланнымъ императоромъ своему вѣрному слугѣ для вящщаго выраженія своей благосклонности. Они съ пѣною у рта набросились на Эльзасскую конституцію во-первыхъ, потому, что ея параграфъ о всеобщей подачѣ голосовъ, можетъ быть, молъ, употребленъ врагами имперіи въ видѣ тарана для пробитія бреши въ трехклассномъ избирательномъ законѣ Пруссіи, а, во вторыхъ, потому, что и вся она была вотирована пу-

темъ переговоровъ не только съ лѣвыми буржуазными партіями, но и съ соціалъ-демократіей. Еще въ промежутки между вторымъ и третьимъ чтеніемъ реакціонная газета «Deutsche Tageszeitung» вопила: «Намъ представляется необходимымъ, чтобы сейчасъ же было выяснено, дѣйствительно ли правительство пожелало принять Эльзасско-Лотарингскую конституцію даже въ той формѣ, въ какой она носитъ всѣ признаки брачнаго дара (Morgengabe), даннаго соціалъ-демократіей императору. Немедленное выясненіе этого лежитъ въ интересахъ какъ авторитета правительства, такъ и въ интересахъ широкихъ патріотическихъ слоевъ нѣмецкаго народа. Нечего терять дальнѣйшихъ словъ о полнѣйшей непріемлемости заключеній комиссіи съ точки зрѣнія имперской политики, имѣющей національный характеръ и охраняющей государственные принципы».

«Истинно-прусскіе люди» (любопытно, что русская формула «истинно-русскихъ людей» пользуется теперь большою популярностью въ западной Европѣ и создаетъ въ печати соотвѣтствующіе мѣстные синонимы) съ ужасомъ распространялись о томъ, какъ почти наканунѣ вотума, когда статсъ-секретарь Дельбрюкъ созвалъ членовъ коммиссіи для конфиденціальнаго соглашенія между представителями различныхъ лѣвыхъ фракцій, въ первый разъ въ числѣ переступившихъ порогъ политическаго святилища,—спеціальнаго зала въ помѣщеніи Союзнаго совѣта,—были три соціалъ-демократа. Выходя съ совѣщанія, консерваторъ Ольденбургъ, хлопая по плечу націоналъ-либеральнаго вожака Бассермана, показалъ ему на трехъ «красныхъ коммунистовъ» и произнесъ съ видомъ, выражавшимъ трагическую покорность судьбѣ: «Разъ они туда попали,—вы ужъ ихъ больше оттуда не вышибете». Любопытна, дѣйствительно, была картина этой странной группировки, когда соціалъ-демократія, вплоть до стараго Бебеля, вступила въ компромиссъ съ буржуазными партіями на почвѣ вотума, преслѣдуя несомнѣннымъ образомъ свою политическую цѣль: провести около десятка своихъ членовъ въ стѣны Эльзасско-Лотарингскаго сейма при помощи всеобщей подачи голосовъ, а затѣмъ создать изъ этого параграфа конституціи принципіальный прецедентъ въ смыслѣ распространенія всеобщаго избирательнаго права на всѣ государства имперіи и, прежде всего, на извѣчную крѣпость юнкерства, пресловутую Пруссію.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ такого ортодоксальнаго органа соціалъ-демократіи, какъ «Die Neue Zeit», въ передовой статьѣ, многозначительно озаглавленной «Прогрессъ», мы читаемъ: «Нѣмецкій рейхстагъ и прусскій ландтагъ работаютъ въ настоящее время подъ высокимъ давленіемъ, и уже нельзя сказать теперь, какъ говорится обыкновенно, что мы слышимъ тамъ только шумъ мельничныхъ поставовъ, но не видимъ муки. По крайней мѣрѣ, въ вопросѣ объ Эльзасско-Лотарингской конституціи эра Бетманъ-Хольвега можетъ

отмѣтить успѣхъ, и успѣхъ благодаря соціалъ-демократіи... Можно только радоваться искусной и ясной тактикѣ соціалъ-демократической фракціи рейхстага въ Эльзасскомъ вопросѣ. Она завоевала для населенія этой имперской области равное избирательное право, что представляетъ серьезный прогрессъ, какъ по отношенію къ самому населенію, такъ и вслѣдствіе того неизбѣжнаго дѣйствія, какое это обстоятельство произведетъ на обще-германскіе и, въ особенности, на прусскіе порядки... Проглотивъ попутно то, что противорѣчило ея воззрѣніямъ, лишь бы провести равное избирательное право для имперской области, соціалъ-демократическая фракція рейхстага пустила въ ходъ ту самую практическую политику, которую преслѣдуетъ вообще современный рабочій классъ, а именно тактику использованія для своихъ цѣлей затрудненій и внутреннихъ распрей господствующихъ классовъ. Конечно, было бы пріятнѣе, еслибы она, говоря словами стараго Фрица, обладала «гордымъ преимуществомъ иниціативы» и своей капельмейстерской палочкой могла бы руководить политической борьбой. Но разъ мы такъ далеко еще не зашли, то было бы нелѣпо воображать, будто бы мы уже достигли этого; ничто не мститъ за себя такъ тяжело въ политикѣ, какъ питать иллюзіи относительно того, что есть. Еслибъ мы могли уже завтра разбить въ дребезги буржуазный міръ, то сегодня мы могли бы позволить себѣ роскошь третировать его цѣликомъ «какъ реакціонную массу». Но, къ сожалѣнію, дѣло еще не обстоитъ такъ.

«Товарищъ Бебель высказалъ однажды мысль, что, если партія сомнѣвается относительно того или иного политическаго рѣшенія, то она хорошо сдѣлаетъ, взявъ за свою путеводную нить сужденіе враговъ. И его рецептъ выдерживаетъ испытаніе и въ данномъ случаѣ какъ нельзя лучше. Яростное сопротивленіе восточно-эльбскихъ юнкеровъ завоеванію равнаго избирательнаго права для Эльзаса-Лотарингіи... соотвѣтствуетъ не столько самой вещи, сколько тѣмъ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ, которыя вытекаютъ изъ нея. Вѣдь равная подача голосовъ въ имперской области не причиняетъ имъ никакого особеннаго вреда, и завоеваніе этого права для южно-германскихъ ландтаговъ въ свое время, правда, оплакивалось ими, но лишь въ общемъ тонѣ іереміадъ, а не съ той дикой злобой, которая клубится теперь изъ ихъ ноздрей, когда они говорятъ... о брачномъ дарѣ соціалъ-демократіи императору. Но разъ имперское законодательство санкціонируетъ равное избирательное право для Эльзаса-Лотарингіи,—и при томъ съ такими улучшеніями, которыхъ еще не знаетъ имперская подача голосовъ, какъ напр., назначеніе воскреснаго дня для выборовъ и обезпеченіе тайны выборовъ,—то прусская трехклассная система получаетъ такой ударъ, отъ котораго ей уже больше никогда не оправиться. Отсюда та ярость юнкеровъ противъ эльзасско-лотарингскаго избирательнаго

закона, который еще далеко для нихъ не капутъ» (nicht an den Kragen geht *).

Какъ видитъ читатель, современный прогрессъ, не смотря на очень значительные изъяны и отступленія въ нѣкоторыхъ странахъ, выражается, однако, въ кой-какихъ положительныхъ явленіяхъ, значенія которыхъ для дальнѣйшаго развитія человѣчества мы не должны, конечно, преувеличивать, но пользы которыхъ мы вмѣстѣ съ тѣмъ и не должны совершенно игнорировать.

Н. С. Русановъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Окончаніе законодательной сессіи. Новости церковной политики.—2. Сотрудничество одесской профессуры съ одесскими факторшами.—3. Благотворители новой формаціи. — 4. Доходныя статьи благотворителей. Случай изъ практики белебеевскаго земства.—5. Благотворители и Вонлярлярскіе. Спекулятивный патріотизмъ. — 6. Благотворительность и издательство. Благотвореніе и притоны.—Одинъ изъ моментовъ въ процессѣ Рейнбота.

Дабы враги предсѣдателя совѣта министровъ не помѣшали ему ввести «земство» въ западныхъ губерніяхъ, закончить законодательную сессію было представлено одной «верхней палатѣ». Это не ново. Но на сей разъ Государственный Совѣтъ фрондировалъ по случаю своего одиночества, кому-то доказывая и для кого-то подчеркивая, что такой порядокъ невозможенъ: то и дѣло, почти изъза каждаго законопроекта возникаютъ разногласія, для примиренія ихъ нужны согласительныя комиссіи, а онѣ отсутствуютъ, по причинѣ искусственнаго наступленія каникулъ для Думы, прежде чѣмъ закончена законодательная сессія. Впрочемъ, фронда ничему не помѣшала, а кое-чему и помогла. Во-первыхъ, подъ предлогомъ отсутствія органовъ, необходимыхъ для соглашенія, удалось отложить до будущихъ временъ не совсѣмъ желательный, съ охранной точки зрѣнія, законопроектъ о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое. Во-вторыхъ, отчасти подъ тѣмъ же предлогомъ, удалось похоронить законопроектъ объ ассигновкѣ 10 милліоновъ рублей на всеобщее обученіе. Противъ этой послѣдней «либеральной» ассигновки были высказаны однако не только формальныя соображенія. Законопроектъ недопустимъ и по принципіальнымъ соображеніямъ.

*) «Ein Fortschritt»; «Die Neue Zeit», № отъ 2 іюня 1911, стр. 281—282, passim.

И недопустимъ главнымъ образомъ потому, что «совершенно игнорируетъ интересы церковной школы». «Это и понятно, — говорилъ о. Буткевичъ въ Государственномъ Совѣтѣ. — Въ Думѣ проектъ былъ принятъ большинствомъ, сложившимся изъ католиковъ, раскольниковъ, протестантовъ, сектантовъ, евреевъ», и тѣхъ лжеправославныхъ, которые «называютъ себя православными (лишь) по метрическому свидѣтельству и по паспортной книгѣ». А сверхъ того, по мнѣнію новаго оберъ-прокурора синода Саблера, высказанному на томъ же засѣданіи Государственнаго Совѣта, эта ассигновка «создаетъ опасный прецедентъ и отчасти предрѣшаетъ дальнѣйшую судьбу всей начальной школы». Предполагается ассигновать 10 милліоновъ только на школы не церковнаго вѣдомства, и ассигновать прежде, чѣмъ пересмотрѣнъ «фундаментъ» этихъ школъ, — «общее положеніе о начальныхъ училищахъ». Интересы православной церкви, по словамъ обоихъ названныхъ ея представителей, требуютъ вернуть законопроектъ въ коммиссію для пересмотра въ связи съ общимъ вопросомъ о «фундаментѣ» *). Это предложеніе и было принято 26 мая. На другой день, 27 мая, засѣданіе Государственнаго Совѣта открылось оффиціальнымъ сообщеніемъ, что законопроектъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ духовныхъ лицъ, лишившихся духовнаго сана, принятый обоими законодательными собраніями, не утвержденъ. Этимъ окончательно подчеркнуто, что почти одновременное крушеніе трехъ «либеральныхъ» законопроектовъ, затрагивающихъ традиціи церковнаго вѣдомства, не случайность.

Уже самое назначеніе г. Саблера на постъ оберъ-прокурора синода давало понять, что намѣчается поворотъ въ сторону еще болѣе чрезвычайной охраны традиціонныхъ «правъ» церкви и духовенства. Судьба законодательныхъ предположеній о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое и о правахъ лицъ, утратившихъ духовный санъ, подтверждаетъ, что въ церковной политикѣ усиливается оборонительная тактика. Нападеніе на совершенно не относящійся къ церкви законопроектъ объ ассигновкѣ 10 милліоновъ свидѣтельствуетъ, что обостряется и тактика наступательная. Дѣло даже не въ 10 милліонахъ, которые предполагалось отпустить на нецерковныя школы. Важнѣе подчеркнутая г. Саблеромъ мысль о пересмотрѣ «фундамента», общаго положенія о начальныхъ школахъ. Пересмотрѣть нужно, разумѣется, въ желательномъ г. Саблеру смыслѣ. Да это и признано, что требуется еще болѣе усилить «религіозно-нравственное воспитаніе», а тѣмъ самымъ и роль церковнаго вѣдомства въ начальныхъ училищахъ. Но вотъ вопросъ: кто будетъ пересматривать «фундаментъ»? Неужели тѣ самые «католики, раскольники, протестанты, сектанты, евреи» и прочіе враги

*) «Рѣчь», 27 мая.

церкви, которыхъ негодующе громилъ о. Буткевичъ? Безъ сомнѣнія, это было бы недопустимо. Логика вещей обязываетъ вспомнить старый проектъ, нашумѣвшій еще въ то время, когда г. Саблеръ былъ всего лишь ближайшимъ помощникомъ Побѣдоносцева. Быть можетъ, этотъ старый проектъ — о передачѣ всѣхъ начальныхъ школъ въ вѣдѣніе святѣйшаго синода—нуждается въ переработкѣ, сообразно новымъ условіямъ жизни. Быть можетъ, — какъ это и говорилъ г. Саблеръ въ Государственномъ Совѣтѣ — «совмѣстное существованіе двухъ типовъ школъ» даже «желательно». Но хозяиномъ, имѣющимъ право рѣшать вопросъ о «фундаментѣ», общемъ для этихъ типовъ, конечно, должны быть не «враги церкви», и не тѣ учрежденія, гдѣ именно голосъ «враговъ» можетъ дать перевѣсъ рѣшеніямъ, уничижающимъ церковь и вреднымъ для «религіозно-нравственнаго воспитанія» народа. Съ этой точки зрѣнія понятны нѣсколько загадочныя слова г. Саблера, увѣряющаго, будто ассигновка въ 10 милліоновъ рублей «создаетъ опасный прецедентъ и отчасти предрѣшаетъ дальнѣйшую судьбу всей начальной школы». Ассигновка сама по себѣ не прецедентъ; но законопроектъ, говоря объ ассигновкѣ, естественно говоритъ и о томъ, въ чье распоряженіе должны поступить деньги, т. е., по частному поводу, какъ бы мимоходомъ, предрѣшаетъ общій и спорный вопросъ: кому быть хозяиномъ. Быть можетъ, при пересмотрѣ-то «фундамента» окажется, что хозяиномъ и распорядителемъ кредитовъ должна быть «церковь», — святѣйшій синодъ. А съ своей точки зрѣнія, и г. Саблеръ, и о. Буткевичъ никого другого въ хозяйской роли логически допустить не могутъ.

И не только въ школьномъ дѣлѣ «фундаментъ» требуетъ пересмотра. Вообще надо найти — говоритъ органъ націоналистовъ «Свѣтъ»—ту «черту, которая отдѣляетъ свѣтское законодательство отъ церковнаго». Необходимо, — подтверждаетъ «Земщина» — указать нашимъ законодательнымъ собраніямъ, чтобы они «не тратили времени и денегъ на разсмотрѣніе тѣхъ вопросовъ, въ которые не смѣютъ совать своего носа».. Неутвержденіемъ законопроекта о правахъ лицъ, сложившихъ санъ, одинъ изъ такихъ вопросовъ указанъ. Другіе вопросы будутъ, вѣроятно, тоже указаны. Церковный корабль заново красятъ въ боевой черный цвѣтъ, дополнительно вооружаютъ старыми, если не дальнобойными, то громкострѣльными орудіями, командованіе беретъ на себя старый боевой адмиралъ... И какъ разъ въ то самое время, когда въ Петербургѣ собрались начисто отрѣзать носъ и Думѣ, и Совѣту и уже начали рѣзать, изъ глухой провинціи, изъ Астрахани, поступила отъ одного священника телеграфная жалоба оберъ-прокурору синода:

«6 мая инспекторъ астраханскаго епархіальнаго женскаго училища священникъ Строковъ изнасиловалъ ученицу, дочь мою, Ольгу. Защитите—молю васъ» *).

*) «Рѣчь», 27 мая.

Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, оберъ-прокуроръ синода, а за нимъ и самъ синодъ, рѣшилъ «ждать результатовъ разслѣдованія». Защиту же священнику, отъ котораго угрозами требовали молчанія, оказали во-первыхъ, мѣстные батюшки, а во-вторыхъ, обыкновенный «свѣтскій» прокуроръ, при помощи обыкновенной «свѣтской» полиціи. Мѣстные батюшки собрались и постановили, между прочимъ, просить епархіальное начальство объ удаленіи о. Строкова отъ обязанностей инспектора въ женскомъ училищѣ. Прокуроръ же, до свѣдѣнія котораго доведено, что среди учениць были и другія жертвы инспектора, распорядился арестовать его. Повторяю, я пишу объ этихъ подробностяхъ по газетнымъ свѣдѣніямъ, пока неполнымъ и въ деталяхъ противорѣчивымъ. Несомнѣнно лишь, что мѣстнымъ батюшкамъ «самочинно», а прокурору и полиціи по долгу службы пришлось «сунуть носъ не въ свое дѣло». И несомнѣнно также, что самое преступленіе, въ которомъ обвиняютъ о. Строкова, является однимъ изъ новыхъ данныхъ въ цѣлой системѣ фактовъ. А главное,—оно изъ тѣхъ родовъ преступленій, которые въ послѣднее чувствительны лишь для «постороннихъ», «свѣтскихъ» носовъ; носы же духовные, если не считать обыкновенныхъ рядовыхъ приходскихъ батюшекъ, страннымъ образомъ потеряли чувствительность,—вѣроятно, страдаютъ насморкомъ.

У насъ явилось «старчество»,—не то древнее старчество, которое старался опоэтизировать Достоевскій и которое возрождалъ Амвросій, отшельникъ оптинскій; явилось «старчество» новой формаціи, у котораго благочестивые подвиги сводятся къ «умерщвленію плоти» по способу, предложенному однимъ изъ нашумѣвшихъ въ прошломъ году новыхъ «старцевъ». Люди свѣтскіе, мірскіе возмущаются, негодуютъ, обличаютъ; газеты ужъ сколько штрафовъ заплатили за это вмѣшательство въ церковныя дѣла. Люди духовные... Виднѣйшій дѣятель церкви, епископъ Гермогенъ, состоитъ въ числѣ друзей одного изъ наиболѣе прославленныхъ представителей новаго «старчества». Въ монастыряхъ появился и за короткое время сдѣлалъ большіе успѣхи новый неписаный уставъ житія иноческаго, внѣдряемый въ обителяхъ, между прочимъ, архимандритомъ Макаріемъ Гнѣвушевымъ. И по этому поводу мірскіе, «посторонніе» люди возмущаются, негодуютъ; газеты штрафы платятъ; о подвигахъ одного только о. Макарія сколько бумаги исписано... Духовные же отцы, какъ бы въ отвѣтъ на жалобы и протесты, во время символическаго чина омовенія ногъ московскимъ митрополитомъ (въ великій четвергъ нынѣшняго года) поручили о. Макарію, по словамъ газетъ, особо почетное мѣсто—апостола Петра. Должно быть, по ихъ мнѣнію, на семъ камнѣ зиждется церковь... Появились у насъ и законоучители новой формаціи. Былъ омскій протоіерей Голосовъ. И опять то же самое. Люди свѣтскіе возмущались, обличали и за обличенія свои стра-

дали,—газеты, какъ всегда, платили штрафы. Духовное начальство упорно защищало преступника, — защищало до тѣхъ поръ, пока преступленіе достигло такихъ размѣровъ и получило такую огласку, что дальнѣйшая защита стала немыслимой. Вотъ теперь о. Строковъ... Оказывается, надо было мѣстнымъ батюшкамъ собраться и сообща просить епархіальное начальство объ удаленіи этого дѣятеля. Само оно, стало быть, не догадалось даже, что нельзя же допускать, чтобы такой человѣкъ, обвиняемый въ такомъ преступленіи, продолжалъ быть инспекторомъ женскаго училища. Напоминать, *просить* оказались вынужденными мѣстные батюшки. И князья церкви, у которыхъ до такой степени атрофирована чувствительность, претендуютъ на роль автономныхъ руководителей духовной жизни народа, на роль верховныхъ воспитателей подростающихъ поколѣній.

Что-то роковое чувствуется въ этомъ разладѣ между политическими замыслами и картинами жизни. Въ политикѣ рѣчи непримиримыя, поступки рѣшительные, боевые, — точь-въ-точь папа Григорій VII воскресъ изъ мертвыхъ. Человѣку, способному повѣрить въ горделивыя деклараціи о правахъ церкви, не шутя, можетъ показаться, что г. Саблеръ сейчасъ возьметъ и построитъ вавилонскую башню. А жизнь напоминаетъ: «вотъ изъ какихъ кирпичей»... И совершенно ясно становится, что никакой башни изъ такихъ кирпичей г. Саблеръ не построитъ. Да едва-ли онъ и собирается строить вавилонскую башню,—думаю даже, что ему неизвѣстно, какъ приступить къ этому дѣлу. Проще все: можно отрѣзать кусокъ полы у Думы и Совѣта (сокративъ ихъ компетенцію), пришить этотъ кусокъ къ мундиру оберъ-прокурора (усиливъ независимость синода отъ общихъ законодательныхъ учрежденій), расширить ассигнованія, усугубить безотвѣтственность и безнаказанность высшихъ и среднихъ чиновъ... Это просто, легко, какъ просты и легки всякія вообще междувѣдомственныя перетасовки, перечисленія суммъ изъ однихъ параграфовъ въ другіе. И вмѣстѣ съ тѣмъ это—предѣлъ, выше котораго реформаторская мысль бюрократа рѣдко подымается. Да и фактически именно съ этого началось «возрожденіе церкви» при ближайшемъ предшественникѣ г. Саблера. Отрѣзали, вѣдь, уже одинъ кусокъ полы у законодательныхъ собраній,—изъяли изъ ихъ вѣдѣнія духовную школу. И возрожденіе арміи такъ же началось,—урѣзали компетенцію законодательныхъ собраній по вопросамъ военнымъ. Дѣло извѣстное, привычное, даже надоѣвшее. Только едва-ли оно о чемъ свидѣтельствуетъ, кромѣ безсильнаго возвращенія на старыя доцусимскія позиціи, завѣдомо пришедшія въ негодность.

II.

Конецъ апрѣля и май были исключительно богаты судебными процессами о хищникахъ крайне разнообразныхъ породъ и видовъ. Заранѣе чувствую, что не смогу не только разсказать о всѣхъ прошедшихъ предъ судомъ породахъ и видахъ, но и перечислить ихъ. Очень ужъ обширный это міръ. Для надлежащаго ознакомленія съ нимъ понадобилось бы многотомное изданіе. Поневолѣ приходится сузить задачу,—остановиться на нѣсколькихъ типичныхъ явленіяхъ. Думаю, что и такое бѣглое знакомство поможетъ намъ лучше понять связь между современной намъ государственной политикой и разными бытовыми явленіями.

Начну хотя бы съ одной любопытной разновидности одесскихъ хищниковъ. Разновидность эта недавняго происхожденія,—она возникла при нынѣшнемъ ректорѣ Новороссійскаго университета г. Левашовѣ. И пока водится, кажись, только въ Одессѣ. Года полтора назадъ послѣ большого шума въ печати нѣкоторые, наиболѣе слабые, экземпляры этой породы попали подъ судъ. Въ минувшемъ маѣ ихъ судили окружнымъ судомъ, съ присяжными засѣдателями. Съ этой породой мы сейчасъ познакомимся. А пока нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Какъ извѣстно, у насъ въ дѣло народнаго просвѣщенія давно уже внесенъ абсурдъ, принципіально недопустимый—процентная норма для евреевъ *). Сверхъ того, эта норма исчислена на статистически нелѣпыхъ основаніяхъ: десятки милліоновъ русскаго, по національности, населенія, особенно въ селахъ и деревняхъ, при помощи извѣстной системы мѣръ, отрѣзаны отъ высшей и средней школы; тѣмъ не менѣе «процентъ» для евреевъ, жителей городовъ по преимуществу, опредѣленъ по сравненію ихъ численности съ общею массою и городского, и сельскаго населенія. И уже одно это сочетаніе нелѣпостей привело къ тому, что многія, напр., среднія школы изъ года въ годъ переживаютъ одно и то же затрудненіе: изъ 10 евреевъ, вполнѣ достойныхъ принятія, выдержавшихъ самыя придирчивыя пріемныя испытанія, можно принять, на основаніи циркуляровъ о нормѣ, положимъ, только трехъ или четырехъ. И весьма часто трое или четверо счастливцевъ только

---

*) Недопустима процентная норма и съ точки зрѣнія существующаго въ Россіи закона По ст. 787 т. IX, «дѣти евреевъ-купцовъ и почетныхъ гражданъ обязательно должны обучаться въ общихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ»; освобождаются они отъ этой обязанности тамъ, гдѣ таковыхъ учебныхъ заведеній нѣтъ; вообще же «дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы, безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей, въ общихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ училищахъ и пансіонахъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ жительство отцамъ ихъ дозволено».

потому и оказываются счастливцами, что ихъ родителями добыта и представлена рекомендація болѣе или менѣе вліятельныхъ людей.

Мнѣ, конечно, извѣстно,—самъ былъ учителемъ—что въ отдѣльныхъ случаяхъ педагогическіе совѣты пытаются отбросить отъ себя грязь, создаваемую процентной нормой. Обыкновенно эти старанія сводятся къ «принципіальному рѣшенію»—не считаться съ рекомендаціями, выбирать наиболѣе достойныхъ по сравненію отмѣтокъ, а среди одинаково достойныхъ, если ихъ все таки больше, чѣмъ «вакантныхъ» мѣстъ для евреевъ, метать жребій. Но при первой же рекомендаціи доставленной отъ особы, которой, по мнѣнію директора или инспектора, оказать «неуваженіе» опасно, эти благія намѣренія разлетаются вдребезги. Отъ грязи при такой обстановкѣ не спасешься, даже стараясь, по скольку это зависитъ отъ личныхъ усилій, устранить или, по крайней мѣрѣ, сузить роль протекцій.

Правленіе одесскаго университета при ректорѣ Левашовѣ усвоило особое мнѣніе на протекціи. Оно пожелало превратить этотъ доселѣ нелегальный придатокъ къ процентной нормѣ въ открытое и обязательное требованіе. Проректору Маньковскому, видите ли, «нравится, какъ онъ заявилъ на судѣ, порядокъ, уже введенный въ варшавскомъ университетѣ для поляковъ». И состоитъ этотъ порядокъ въ томъ, чтобы вообще въ число студентовъ принимать только тѣхъ молодыхъ людей, которые подверглись предварительной «фильтраціи»,—представили «чье-либо поручительство за политическую нравственность» *). Именно нравственность, а не благонадежность, ибо это уже извѣстно и доказано, что, у кого взгляды согласны съ видами правительства, тотъ нравствененъ, а кто противъ правительства, тотъ безнравствененъ. Г. Маньковскій сторонникъ того мнѣнія, что система протекцій обязательна для всѣхъ вообще національностей. Но—съ нѣкоторымъ какъ бы сожалѣніемъ говорилъ прокуроръ на судѣ—вопросъ объ обязательности рекомендацій для русскихъ «не могъ пройти черезъ правленіе университета». Система рекомендацій стала обязательной **) лишь для евреевъ, хотя, повидимому, нѣкоторое значеніе она получила и для прочихъ національностей. По справкѣ прокурора, «изъ 470 лицъ, подавшихъ въ 1909 г. прошенія о зачисленіи въ университетъ, 100 имѣли рекомендаціи». На судѣ, по настоянію защитниковъ, были оглашены и имена лицъ, дававшихъ молодымъ людямъ рекомендательныя письма и записочки. Среди этихъ лицъ, между прочимъ, оказались: министръ народнаго просвѣщенія, начальникъ николаевской сыскной полиціи, товарищъ министра, су-

*) „Одесскія Новости“.

**) Въ первую очередь принимались молодые люди съ рекомендаціями, достойными, по мнѣнію университетскаго начальства, уваженія. Оставшіяся послѣ этого свободныя вакансіи замѣщались по жребію.

пруга екатеринославскаго губернатора, директоръ департамента, одесскій городской голова, кишиневскій преосвященный, бывшій командующій войсками округа баронъ Каульбарсъ... Нѣсколькихъ евреевъ лично рекомендовалъ и проректоръ Маньковскій. Бытовыя послѣдствія этого мѣропріятія не замедлили обнаружиться. Если студентъ представляетъ рекомендацію отъ вліятельной персоны,—это еще не значитъ, что онъ лично знакомъ съ нею. Частенько это значитъ лишь, что студентъ или кто-нибудь изъ его родственниковъ нашелъ посредника, который сумѣлъ склонить персону къ желанію оказать содѣйствіе.

Какъ-то въ одномъ изъ южныхъ городовъ на вопросъ, чѣмъ занимается мой случайный знакомый, положимъ Якобсонъ, мнѣ отвѣтили:

— Чѣмъ занимается? Да онъ процентный факторъ.

Не рѣшаясь полагаться на догадливость, я все-таки распросилъ, что значитъ: «процентный факторъ». Но въ сущности терминъ говоритъ самъ за себя. «Каждый еврей знаетъ», что такое процентная норма. И многимъ ежегодно надо такъ или иначе черезъ этотъ барьеръ перепрыгнуть. А, чтобъ перепрыгнуть, надо знать, гдѣ какой порядокъ, и гдѣ что любятъ... Дѣло это мудреное, тонкое. Въ одномъ мѣстѣ все можно устроить, пригласивъ дочь инспектора дать нѣсколько уроковъ музыки, въ другомъ всего лучше можетъ подѣйствовать записочка такого-то и такого-то генерала, въ третьемъ—всего лучше дѣйствовать черезъ директоршу... Не посвятивъ себя спеціально этому дѣлу, не будешь даже теоретически знать его тонкостей. Стало быть, въ дополненіе къ процентной нормѣ нужна особая профессія,—«процентный факторъ». Въ одесскомъ университетѣ начальство поставило дѣло открыто, въ большихъ масштабахъ. И соотвѣтствующая профессія въ короткое время достигла цвѣтущаго состоянія.

За дѣло добыванія рекомендацій взялась, между прочимъ, какая-то госпожа Фишманъ, которую называютъ въ прошломъ придворнымъ «фотографомъ его величества султана» турецкаго *), въ настоящемъ—«супругой одесскаго мельника» и «дамой приближенной къ генералу Каульбарсу». Взялась за это дѣло и другая дама—акушерка Чернышева, родственница и знакомая разныхъ вліятельныхъ въ Одессѣ лицъ... Можно думать, что добывали рекомендаціи не только эти двѣ дамы. Но будемъ говорить только о томъ, что раскрыто на судѣ. Г-жа Чернышева занимаетъ въ Одессѣ не такое положеніе, чтобы лично разыскивать кліентовъ и входить въ переговоры съ ними. Она факторша первой степени; ея спеціальность вліять на начальство. Чтобы заполнить разстояніе между нею и нуждающимися въ ея содѣйствіи, возникаютъ факторши второй сте-

*) „Русское Слово", 17 мая.

пеня. Одна изъ нихъ, г-жа Абрагамъ, такъ объяснла свою роль на судѣ:

„Шначала ми хотѣль искайть мѣсто бонны, но потомъ ми нашель другой рапота: ми искаль студенты-евреи для коспожа Чернышефъ" *).

Искала евреевъ, дѣтямъ которыхъ надо поступить въ университетъ, входила въ соглашеніе съ родителями, назначала и получала сумму за услуги и передавала ее по назначенію, удерживая въ свою пользу заранѣе условленное комиссіонное вознагражденіе. Впрочемъ, факторши второй степени старались заработать больше, чѣмъ условлено. На судѣ выяснилось, между прочимъ, что за принятіе двухъ евреевъ въ число студентовъ г-жа Абрагамъ получила по 1100 р.

У нея спросили:

— Скажите, сколько вамъ осталось отъ этого вознагражденія?
— Я себѣ оставила 500 рублей.
— Почему же 500? Вы по уговору могли получить лишь по 100 р.
— Зачѣмъ же мнѣ было давать Чернышевой 1000 руб.; если она не просила больше, чѣмъ 500 р. *)

Устраивали факторши судьбу и тѣхъ еврейскихъ дѣтей, которымъ надо было поступать въ среднія школы. Но это дѣло не политическое и давало доходовъ, повидимому, меньше. Во всякомъ случаѣ «работа» шла великолѣпно. Но въ концѣ 1909 г. характерныя черты этого промысла были печатно разоблачены членомъ Государственной Думы Никольскимъ. Дѣло получило такую огласку, что пришлось заинтересоваться и прокуратурѣ. Въ концѣ концовъ вообще начальство предпочло перенести процессъ изъ Одессы въ Кишиневъ. А прокуратура поступила съ обычною для нея въ Россіи житейской мудростью: она посадила на скамью подсудимыхъ одну—и при томъ, видимо, не самую вліятельную—факторшу первой степени, г-жу Чернышеву, и трехъ факторшъ второй степени, а затѣмъ всячески старалась убѣдить присяжныхъ засѣдателей, что ректоръ, проректоръ и всякіе прочіе начальники ни въ чемъ не виноваты. И получился цѣлый рядъ неловкихъ для прокуратуры положеній. Она всю тяжесть обвиненія направляла противъ г-жи Чернышевой. Свидѣтели удостовѣряли, что гораздо болѣе замѣтную роль играла другая посредница между вліятельными лицами, дающими рекомендаціи, и евреями, которымъ эти рекомендаціи необходимы,—г-жа Фишманъ, къ дѣлу не привлеченная. И у присяжныхъ засѣдателей могло остаться впечатлѣніе, что г-жа Фишманъ оказалась внѣ предѣловъ досягаемости, такъ какъ ей покровительствуетъ самъ генералъ Каульбарсъ. Прокуроръ ограничивалъ свое

*) «Кіевская Мысль», 15 мая.

вниманіе контрибуціями, которыя приходится платить за поступленіе въ университетъ. Свидѣтели удостовѣряли, что приходится платить также при опредѣленіи дѣтей евреевъ въ гимназію. Да и вообще существованіе «процентныхъ факторовъ» едва-ли для когонибудь секретъ, особенно на югѣ. Прокуроръ упорно молчалъ по поводу такихъ свидѣтельскихъ показаній. И одинъ изъ защитниковъ, подчеркивая на судѣ это молчаніе обвинительной власти заявилъ:

— «Какъ юристъ, я нахожу одно объясненіе: запрещенное въ университетѣ, дозволено въ гимназіи».

Прокуроръ старался увѣрять, что ни ректоръ, ни проректоръ, ни всякое прочее начальство, какъ принимавшее студентовъ-евреевъ, такъ и дававшее имъ рекомендаціи, совершенно не причастно къ тѣмъ суммамъ, которыя получались посредниками. Г-жа Чернышева, на основаніи своего опыта, высказала на судѣ иное мнѣніе. Повѣримъ, однако, прокурору на слово. Но что изъ этого слѣдуетъ? Дѣло не совсѣмъ въ томъ, невзяточникъ г. Маньковскій или взяточникъ. Всѣ мы хорошо понимаемъ, для какихъ политическихъ надобностей призвана къ жизни система рекомендацій. Г. Маньковскому, какъ и ректору Левашеву, и попечителю учебнаго округа Щербатову, и градоначальнику Толмачеву, важно имѣть морально гибкихъ и политически благонадежныхъ студентовъ. И для этого изобрѣтено не плохое оружіе. Люди морально упругіе (а моральная упругость такъ часто въ Россіи совпадаетъ съ политической неблагонадежностью) предпочтутъ употребить всѣ средства, чтобъ не искать протекцій, рекомендацій, не вести разговоровъ съ посредницами, не покупать поступленія въ университетъ суммами, передаваемыми факторамъ и черезъ факторовъ. Это прежде всего заслонъ противъ морально-упругихъ элементовъ. А чѣмъ ихъ меньше въ университетѣ, тѣмъ сѣрѣе, безцвѣтнѣе и «спокойнѣе» студенческая масса, тѣмъ, стало быть, съ точки зрѣнія г.г. Маньковскихъ, лучше. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, рекомендація о политической благонадежности сама по себѣ гарантія. Совершенства нѣтъ на землѣ. И возможно, что студентъ, рекомендованный самимъ начальникомъ сыскного или даже охраннаго отдѣленія, окажется неблагонадежнымъ. А все-таки уже одно то, что человѣкъ для такого дѣла сталъ искать и нашелъ «ходы» къ сыскному начальству, къ его преосвященству, къ его превосходительству или хотя бы къ госпожѣ Фишманъ, свидѣтельствуетъ не только объ отсутствіи той брезгливости, какою отличаются «лѣвые»; это также нѣкоторое косвенное указаніе относительно круга знакомствъ и отношеній. Да и вообще пріемъ въ университетъ только по рекомендаціи, данной испытанными патріотами, не можетъ не отразиться на составѣ студенчества въ пріятномъ для генерала

*) «Одесскія Новости», 14 мая.

Толмачева смыслѣ. Охранно-полицейскія преимущества одесской системы ясны и понятны. Но... пусть рекомендующіе «патріоты», и въ томъ числѣ г. Маньковскій, будутъ чище снѣга, пусть въ ихъ руки не попадетъ ни одной копейки изъ суммъ, поступающихъ къ факторшамъ, — все-таки понятныя послѣдствія такой системы неизбѣжны. Не будемъ подымать вопроса о томъ, какъ можетъ отразиться подборъ по признаку политической благонадежности на чисто учебной и ученой сторонѣ университетской жизни. Фактами это не выяснено. А вести теоретическіе споры въ данномъ случаѣ безполезно. Но какъ смотрѣть на лавочку, открытую въ университетѣ и возлѣ университета? По долгу службы нѣкоторыя руководящія разъясненія далъ присяжнымъ засѣдателямъ прокуроръ. Онъ призналъ въ своей обвинительной рѣчи, что именно «на почвѣ примѣненія рекомендацій образовался гнойный наростъ». Это очевидно. И отрицать очевидное передъ присяжными засѣдателями даже невыгодно. Но значитъ ли это, что «почва рекомендацій» достойна осужденія? Нѣтъ, не значитъ. «Нужно было—говорилъ прокуроръ—принимать въ университетъ аспирантовъ съ разборомъ, чтобы они занимались наукой, а не политикой». «Почва» сама по себѣ превосходная. И прокуроръ закончилъ обвинительную рѣчь «гимномъ въ честь одесской профессуры, проявившей твердость» *). Страннымъ образомъ прокуроръ не замѣтилъ, что его гимнъ въ честь гг. Маньковскаго и Левашева есть косвенная похвала обвиняемымъ факторшамъ. Безъ ихъ посредства обыкновенный обыватель не можетъ получить требуемыхъ рекомендацій. Г-жа Абрагамъ—необходимѣйшее звено въ цѣпи. Именно она, факторша второй степени, ближайшимъ образомъ опредѣляла, который аспирантъ способенъ заниматься наукой, а не политикой. И если профессорамъ, лишь принимавшимъ то, что ею найдено, гимнъ, то и ей, скромной труженицѣ, должна быть похвала.

Не замѣтилъ противорѣчія прокуроръ. Не замѣтилъ и предсѣдательствующій на судѣ. Въ своемъ резюме онъ тоже высказался въ пользу «необходимости фильтраціи принимаемыхъ евреевъ путемъ протекціи, гарантировавшей благонадежность» **). Прокуроръ и предсѣдатель хвалили фильтрацію въ прошломъ. Профессору Маньковскому она «нравится» и теперь. Да и въ самомъ дѣлѣ,—почему только въ прошломъ? Развѣ высшія школы «успокоены?» Вѣдь какъ разъ минувшій 1910—11 академическій годъ богатъ студенческими волненіями. Надо, стало быть, еще болѣе усилить заботы о политической благонадежности и при томъ, разумѣется, не однихъ евреевъ. Старыя средства для этого истрепаны, надоѣли, да и исчерпаны. Между тѣмъ идея проф. Маньковскаго до нѣкоторой степени, дѣйствительно, новое слово въ охранно-полицейской

*) «Одесскія Новости» и «Русское Слово», №№ 17 мая.
**) «Рѣчь», 17 мая.

области: объявить обязательнымъ для всѣхъ, желающихъ поступить въ университетъ, представленіе частныхъ, интимныхъ рекомендацій со стороны лицъ, извѣстныхъ учебному начальству благонадежнымъ образомъ мыслей,—значитъ, несомнѣнно, добиться коекакихъ результатовъ. Въ прошломъ этому мѣшало упрямство «стараго профессора», министра Шварца: онъ призналъ требованіе частныхъ рекомендацій неправильнымъ. Теперь на мѣстѣ г. Шварца «молодой профессоръ» Кассо,—вѣроятно, онъ препятствій чинить не станетъ. Благо теперь и поводъ есть. «За безпорядки» исключено нѣсколько тысячъ студентовъ,—и среди нихъ, даже съ полицейской точки зрѣнія, много невинныхъ. Сверхъ того, законъ о предѣльныхъ срокахъ неожиданно такъ истолкованъ, что еще нѣсколько тысячъ подлежитъ исключенію. Безъ обратнаго пріема части исключенныхъ не обойдешься. Ну, вотъ и можно принять только тѣхъ, кто представитъ рекомендаціи въ министерство... Кстати совѣтъ министровъ уже рѣшилъ установить «комплектъ» для нѣсколькихъ высшихъ школъ: а при комплектахъ хорошо бы завести и рекомендаціи. Быть можетъ, мы находимся наканунѣ всероссійскаго примѣненія одесскихъ изобрѣтеній. Быть можетъ, если не услуги одесскихъ факторшъ, то ихъ опытъ вскорѣ понадобится для гораздо болѣе обширныхъ районовъ. Зачѣмъ же этихъ, конечно, непріятныхъ, но скромныхъ и необходимыхъ «труженицъ» судить, наказывать? Не подсказываетъ ли простой здравый смыслъ, что ихъ занятіе надо отнести въ разрядъ терпимыхъ профессій?

Довѣряя прокурору, смотря на дѣло его глазами, мы придемъ къ выводу, что возбужденіе слѣдствія, составленіе обвинительнаго акта, судъ надъ факторшами не болѣе, какъ ошибка. Прокурорскіе глаза, очевидно, не надежны. И приходится сообразить, почему это съ ними случилось. Прокуроръ—государственный обвинитель, защитникъ государственныхъ началъ ex officio. Что вскрылось на его глазахъ въ дѣлѣ одесскихъ факторшъ? Существуетъ государственное учрежденіе,—университетъ. Въ него желаютъ поступить молодые люди, представляющіе, какъ установлено закономъ, документальныя свидѣтельства и аттестаты о своей научной подготовкѣ и о своемъ поведеніи, а въ частности и о благонадежности. Документы эти выданы другими, также государственными учрежденіями. Но правленіе университета говоритъ:

— Нѣтъ, мы этимъ документамъ не вѣримъ. Для того, чтобъ принять васъ, намъ нужны частныя, интимныя рекомендаціи, за подписью лицъ, образъ мыслей которыхъ мы раздѣляемъ и считаемъ патріотическимъ...

Какъ извѣстно и удостовѣрено на судѣ, на этомъ основаніи правленіе университета отказывало въ пріемѣ медалистамъ и принимало «троечниковъ», умѣвшихъ купить патріотическую рекомендацію,—т. е. свидѣтельствамъ государственныхъ учрежденій оно придавало меньше значенія и вѣры, чѣмъ частнымъ отзывамъ. Про-

куроръ, если полагаться на его заявленія на судѣ, такъ и не понялъ, что значатъ эти поступки гг. Левашева и Маньковскаго съ точки зрѣнія тѣхъ государственныхъ началъ, охранять которыя онъ призванъ. Поясню сравненіемъ. Представьте, дѣло происходитъ не въ Одессѣ, а, положимъ, въ Москвѣ, и не ректоръ Левашевъ, а ректоръ Мануиловъ говоритъ молодымъ людямъ, желающимъ поступить въ университетъ:

— Мы не вѣримъ свидѣтельствамъ государственныхъ учрежденій. Если хотите быть принятыми, достаньте частную рекомендацію отъ членовъ конституціонно-демократической партіи или вообще отъ лицъ либеральныхъ, образъ мыслей которыхъ мы раздѣляемъ и считаемъ съ нашей, прогрессивной, точки зрѣнія патріотическимъ...

Разумѣется, я ни на минуту не допускаю, чтобы г. Мануиловъ былъ способенъ на такое надругательство надъ самой идеей государственности. Но представьте, что, будучи ректоромъ, онъ ввелъ бы у себя эту систему... Неужели и тогда бы прокуроръ не понялъ?..

Что же, стало быть, происходитъ? Являются люди и пользуются предоставленною ими властью для того, чтобы ввести порядокъ, представляющій заушеніе государственныхъ началъ и уничиженіе тѣхъ государственныхъ учрежденій, отзывамъ и свидѣтельствамъ которыхъ они, эти люди, не придаютъ обязательнаго по закону значенія. Кто-то, очевидно, долженъ вступиться, защитить идею государственности. И на защиту ея выступаютъ: нѣсколько студентовъ, «кадетъ» Никольскій, нѣсколько журналистовъ, впослѣдствіи нѣсколько адвокатовъ,—все частныя лица, и при томъ неодобряемыя начальствомъ. И самое выступленіе ихъ на защиту государственныхъ началъ не одобряется. Начальство видитъ въ этомъ прежде всего личный походъ противъ «правыхъ» профессоровъ, желаніе обвинить послѣднихъ во взяточничествѣ, въ полученіи части тѣхъ суммъ, которыя «зарабатываются» факторшами и факторами. Назначаются ревизіи попечителемъ округа, министерствомъ народнаго просвѣщенія,—ревизоры утверждаютъ, что гг. Маньковскіе и Левашевы внѣ подозрѣній. Возникаетъ судебное слѣдствіе, а потомъ и судъ. И на судѣ представители власти старательнѣйше пытаются главнымъ образомъ защитить тѣхъ самыхъ людей, которыми заушались государственныя начала и уничижались государственныя учрежденія. Этихъ якобы «патріотовъ» все время прославляютъ, поддерживаютъ, возвеличиваютъ. За «патріотовъ» есть кому постоять,—начальства всякаго у насъ много. Но охранить отъ ихъ самовольства государственныя начала некому; защитить достоинство уничижаемыхъ государственныхъ учрежденій некому; настоять на обязательной по закону силѣ оффиціальныхъ документовъ некому. Представители власти даже не догадываются, что все это лежитъ на ихъ обязанности. У нихъ какъ бы атрофировано самое понятіе о государственности. Все время всѣ ихъ

помыслы направлены, во-первыхъ, на защиту мѣропріятій или даже фантазій, цѣлесообразныхъ съ охранно-полицейской точки зрѣнія, а во-вторыхъ, на защиту лицъ, проводящихъ въ жизнь эти мѣропріятія и фантазіи... Если ужъ говорить о болѣзняхъ, то вотъ въ чемъ болѣзнь. Я бы назвалъ ее прогрессивнымъ параличемъ государственности на почвѣ чрезмѣрнаго злоупотребленія охранно-полицейскими занятіями. И гнойныхъ наростовъ надо искать не совсѣмъ тамъ, гдѣ искалъ прокуроръ. Фантазія проф. Маньковскаго вошла въ жизнь и фактически приняла государственно-правовой характеръ. Это, дѣйствительно, гнойный наростъ въ системѣ государственнаго управленія. А факторши... во всякихъ вообще гнойныхъ язвахъ заводятся разныя творенія Божіи,—отъ микроорганизмовъ до червей—способныя питаться продуктами разложенія. Этимъ созданіямъ Божіимъ присяжные засѣдатели вынесли оправдательный приговоръ.

III.

Въ самомъ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, одновременно съ первыми днями рейнботовскаго процесса, московскимъ окружнымъ судомъ разсматривалось дѣло кн. Бориса Волконскаго и разныхъ другихъ лицъ, обвиняемыхъ въ составленіи «преступнаго сообщества, поставившаго цѣлью полученіе обманнымъ путемъ денегъ». Впрочемъ, выдержать вполнѣ это опредѣленіе: «преступное сообщество, поставившее цѣлью получать деньги обманнымъ путемъ», не удалось ни обвинительному акту, ни суду. Отказаться отъ этого опредѣленія прокуратуру вынуждалъ уже простой перечень тѣхъ «сообществъ», въ которыхъ «работали» обвиняемые и причастныя къ дѣлу лица. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ сообществъ:

1) попечительное общество трудовыхъ пріютовъ для лицъ обоего пола и для увѣчныхъ воиновъ и ихъ семействъ,—руководимое Дурново;

2) общество попеченія о дѣтяхъ, отцы которыхъ погибли на службѣ или при исполненіи служебныхъ обязанностей,—подъ предсѣдательствомъ полковника Викторовскаго;

3) общество взаимопомощи трудомъ отставныхъ военныхъ чиновъ,—подъ предсѣдательствомъ отставного подполковника Нѣмченко;

4) всероссійское братское общество оказанія помощи во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ,—предсѣдатель правленія кн. Б. Волконскій;

5) общество милосердія и оказанія повсемѣстной помощи,—предсѣдатель правленія тотъ же кн. Волконскій *).

Кромѣ того, нѣкоторые обвиняемые «получали деньги», правда, нерѣдко «обманнымъ путемъ», но имѣя формальныя полномочія отъ отдѣла Краснаго Креста, состоящаго подъ предсѣдательствомъ великой княгини Маріи Павловны, отъ комитета для оказанія помощи вдовамъ и сиротамъ пострадавшихъ на войнѣ. Были и дру-

---

*) „Русскія Вѣдомости“ 29 апрѣля.

гія данныя, крайне затруднявшія для прокуратуры употребленіе формулы: «преступное сообщество». Въ только что приведенномъ перечнѣ подъ № 2 значится: «общество попеченія о дѣтяхъ, отцы которыхъ погибли на службѣ или при исполненіи служебныхъ обязанностей». Предсѣдатель правленія полковникъ Викторовскій на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля, удостовѣрилъ, между прочимъ, что общее собраніе этого общества происходило *«въ домѣ градоначальника»* *). Подъ № 4 значится «всероссійское братское общество». Въ дѣлѣ имѣется письмо предсѣдателя этого общества кн. Волконскаго и письмо это утверждаетъ, что особымъ циркуляромъ «всѣ власти» обязаны оказывать братскому обществу содѣйствіе. Въ томъ же письмѣ кн. Волконскій пишетъ, что имъ открыто другое общество, принятое подъ свое вѣдѣніе святѣйшимъ синодомъ. Эти утвержденія кн. Волконскаго остались не опровергнутыми. И по неволѣ приходится говорить не столько о преступномъ сообществѣ, сколько объ особой профессіи, темной, мало изученной, пока не имѣющей даже опредѣленнаго названія. Въ судебныхъ отчетахъ нѣкоторыхъ газетъ она называется «благотворительностью новой формаціи».

Что такое «благотворительность новой формаціи»? Откуда и почему она возникла? На судѣ происхожденіемъ этой профессіи отчасти интересовался и прокуроръ. По его мнѣнію, ее надо поставить въ связь съ правилами 4 марта 1906 г. о союзахъ и обществахъ. Легкостью, съ какою можно учреждать разныя организаціи на основаніи этихъ правилъ, пользуются ловкіе и корыстные люди. Они учреждаютъ всевозможныя благотворительныя общества. Отсюда и возникло зло. Одинъ изъ защитниковъ резонно отвѣтилъ на эту критическую оцѣнку существующихъ законовъ прокуроромъ:

> Легкость, съ какою открываются общества и союзы по правиламъ 4 марта, существуетъ только для генераловъ благотворительности, а учрежденіе необходимыхъ обществъ и союзъ — профессіональныхъ, благоустройствъ и т. п.—встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія *).

Дѣйствительно, легкость эта существуетъ только для особъ, называемыхъ: Дурново, кн. Волконскій, полковникъ Викторовскій и т. д. Затѣмъ, правилами 4 марта совершенно не предусмотрѣно, чтобы общества имѣли собранія въ квартирахъ градоначальниковъ, пользовались чрезвычайнымъ покровительствомъ святѣйшаго синода и всякихъ другихъ правительственныхъ учрежденій, а равно и лицъ, занимающихъ болѣе или менѣе высокіе посты на государственной службѣ. Главное же,—само по себѣ возникновеніе благотворительныхъ обществъ вовсе не является дѣломъ предосудительнымъ или преступнымъ. Суть не въ томъ, что за послѣдніе годы

---

*) „Русскія Вѣдомости", 30 апрѣля.

*) „Русское Слово", 3 мая.

такого рода обществъ очень много. Гораздо важнѣе, чѣмъ эти общества занимаются и для чего возникаютъ.

На судѣ удалось довольно подробно раскрыть, какъ кн. Волконскій совмѣстно съ другими лицами учреждалъ «общество милосердія и оказанія повсемѣстной помощи». Оно было зарегистровано 9 іюня 1909 г. Черезъ 3 дня, 12 іюня, состоялось первое учредительное собраніе общества. Присутствовали: кн. Б. Волконскій, генералъ-маіоры Игнатьевъ и Кистеръ, полковникъ Строиловъ, священникъ Сильвановскій и Карцевъ. Собраніе избрало предсѣдателя, двухъ вице-предсѣдателей, пять членовъ правленія, завѣдывающаго агентурой, юрисконсульта и т. д. Далѣе собраніе назначило жалованье: предсѣдателю кн. Волконскому «отъ 4800 до 6800 р.», «секретарю предсѣдателя» 1200 р., двумъ вицепредсѣдателямъ (кн. Голицыну и генералъ-маіору Кистеру) по 3500 р., четыремъ членамъ правленія по 1500 р. каждому, завѣдывающему агентурой 2400 р... Не имѣло въ этотъ моментъ общество ни копейки; собраться учредителямъ пришлось «въ комнатѣ сестры кн. Волконскаго». Но они собрались, распредѣлили между собою и отсутствующими соучастниками роли, назначили сами себѣ жалованье, опредѣлили, что всего «на содержаніе правленія» имъ необходимо получать откуда-то ежегодно «отъ 28.700 до 30.700 р.» Таковы первые, начальные шаги «благотворителей новой формаціи»... На судѣ кн. Волконскому понадобилось такъ или иначе объяснить эту «благотворительную» дѣятельность. И онъ сказалъ, между прочимъ, въ свое оправданіе:

— «Нужда заѣла»...

По его словамъ, онъ много видѣлъ горя и нужды,—приходилось ему мыть полы, «самъ стиралъ бѣлье». Правда, его нужда позолоченная, очень условная: онъ, по словамъ газетъ, харьковскій домовладѣлецъ и землевладѣлецъ Курской губерніи *). А все-таки «нужда». Въ прежніе годы кн. Волконскій былъ земскимъ начальникомъ. Теперь онъ сталъ заниматься «благотворительностью»,—занятіе, пожалуй, болѣе выгодное, чѣмъ служба земскаго начальника: по одному обществу жалованья не менѣе 400 р. въ мѣсяцъ, да если по другому столько же, то и кн. Волконскому можно жить безъ особенной нужды... Вопросъ лишь въ томъ, откуда же возьмутъ учредители тѣ 30.000 р., которые они назначили сами себѣ и распредѣлили между собою?

Собраніе избрало «завѣдывающаго агентурой»; сверхъ того, оно постановило пригласить «наемныхъ агентовъ». «Наемные агенты» и есть тѣ люди, которые должны добывать деньги. Какъ выяснилось на судѣ, среди «благотворителей новой формаціи» уже успѣли выработаться нѣкоторые обычаи и среднія нормы. По обычаю, агенты «работаютъ изъ процента»—они получаютъ въ свою

*) „Голосъ Москвы", 29 апрѣля.

пользу не менѣе 50% той суммы, какую имъ удастся добыть. Т. е., кромѣ тѣхъ 30.000 р., которые необходимы для «содержанія правленія», нужно еще не менѣе 30.000 р. для оплаты труда «агентовъ». «Зарабатывать», во всякомъ случаѣ, не менѣе 60.000 р. въ годъ— трудъ вообще не легкій. И понятно, что отъ агентовъ требуются спеціальныя качества. Однимъ изъ необходимѣйшихъ условій ихъ дѣятельности считается: представительная наружность и ношеніе форменнаго платья *). Правда, не всѣ изъ нихъ обладаютъ правомъ носить форменную одежду. Такъ, напримѣръ, въ числѣ товарищей кн. Волконскаго по скамьѣ подсудимыхъ оказался нѣкій мѣщанинъ Сенкевичъ, чрезвычайно цѣнный и дѣятельный сотрудникъ цѣлаго ряда благотворительныхъ обществъ и, въ частности, агентъ Краснаго Креста и комитета по оказанію помощи вдовамъ и сиротамъ, пострадавшихъ на войнѣ. «Формы» онъ не имѣлъ права носить. Но одѣвался въ какую-то тужурку цвѣта хаки съ форменными пуговицами, — повидимому, военнаго образца. И, судя по всему, начальство, на глазахъ котораго онъ носилъ свою «форму», этому не препятствовало. Оно и понятно,—форма необходима «для пользы службы», ибо опытъ доказываетъ, что форменная одежда повышаетъ доходы тѣхъ учрежденій, въ пользу которыхъ агентъ «работаетъ». Впрочемъ, мѣщанинъ Сенкевичъ— исключеніе среди агентовъ. Вообще въ агентурѣ преобладаютъ представители привилегированныхъ сословій: баронъ Функе, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ дворянинъ Пироговъ, сынъ подполковника прапорщикъ запаса Музыченко, титулярный совѣтникъ, полковникъ, штабсъ-капитанъ... Словомъ, въ большинствѣ случаевъ это мундирная публика, хотя нельзя не сказать, что среди нея слишкомъ замѣтное мѣсто занимаютъ люди, потерпѣвшіе въ своей жизни кораблекрушеніе. Сынъ подполковника пропорщикъ запаса Музыченко, не смотря на свою молодость (по обвинительному акту, 24 года), былъ осужденъ на годъ тюрьмы казанскимъ военно-окружнымъ судомъ за подлогъ и мошенничество, а, сверхъ того, судился въ Москвѣ за кражу, и только послѣ этой житейской школы занялся благотворительной дѣятельностью въ качествѣ «агента» **). Баронъ Функе, называвшійся, между прочимъ, «главноуполномоченнымъ Краснаго Креста», при провѣркѣ его документовъ прокуратурой оказался всего лишь бывшимъ дьякономъ, да и самое званіе «главноуполномоченнаго» онъ присвоилъ себѣ такъ же, какъ и титулъ «барона» (въ дѣйствительности г. Функе былъ лишь агентомъ Краснаго Креста) ***). Дворянинъ Пироговъ—дѣйствительно, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, служилъ въ петербургской цензурѣ газетъ и журналовъ, но былъ принужденъ

*) Тамъ же.
**) „Русскія Вѣдомости", 29 апрѣля.
***) „Голосъ Москвы", 29 апрѣля.

оставить службу вслѣдствіе какихъ-то «личныхъ недоразумѣній»... *)

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній до нѣкоторой степени понятно, какіе элементы населенія избираютъ профессію, получившую названіе: «благотворительность новой формаціи». Понятно, и для чего они ее избираютъ. Посмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ этотъ родъ занятій.

IV.

На судѣ даетъ показаніе свидѣтельница Цицерова. Она содержала домъ терпимости и къ ней, какъ къ хозяйкѣ этого учрежденія, явились два агента по сбору пожертвованій на благотворительныя дѣла,—Музыченко и Пироговъ. Оба, разумѣется, были одѣты «въ форму»,

Они заявили, что пришли отъ градоначальника, и потребовали пожертвованія не то на пріютъ, не то на убѣжище для дѣтей убитыхъ городовыхъ и околоточныхъ. Они объяснили, что можно записать по разнымъ книгамъ и 600 и 300 и 200 р., но они назначили ей только 200 р. Она сказала, что такихъ денегъ у нея нѣтъ, а они сказали, что у нея такое дѣло, что деньги должны быть,—однако уменьшили назначенную сумму до 60 р. Въ концѣ концовъ она заплатила имъ только 15 руб. и они этимъ удовольствовались.

Можетъ быть, Цицерова «пожертвовала» бы и больше 15 руб., но Музыченко и Пироговъ «показались ей подозрительными людьми, потому что пришли безъ полиціи: къ ней въ такихъ случаяхъ приходили въ сопровожденіи кого-либо изъ полиціи, разъ приходили и съ помощникомъ пристава». Почему данные агенты явились къ Цицеровой «безъ полиціи»,—осталось неизвѣстнымъ. Но вообще они нерѣдко пользовались содѣйствіемъ полицейской власти. Такъ, къ другому свидѣтелю, трактирщику Исаеву, «Пироговъ и Музыченко приходили въ сопровожденіи городового». Къ нѣкоему Шувалову они

„являлись въ сопровожденіи урядника и сказали, что ихъ прислалъ за пожертвованіями губернаторъ; присутствіе урядника и форменное платье (агентовъ) убѣдили Шувалова въ правильности требованія“ **).

По поводу этого натиска на дома терпимости, на трактиры, вообще на промыслы, находящіеся въ чрезвычайной зависимости отъ администраціи, трудно не вспомнить картины, раскрытыя процессомъ бывшаго московскаго градоначальника Рейнбота и его помощника полковника Короткаго. При московскомъ градоначальствѣ тоже были сосредоточены какія-то благотворительныя общества и

---

*) Тамъ же.

**) „Русскія Вѣдомости“, 30 апрѣля.

сборы «пожертвованій» на какія-то благотворительныя цѣли. Нѣкоторыя изъ этихъ обществъ были учреждены уже при Рейнботѣ— по правиламъ 4 марта. И учреждались эти организаціи тоже людьми, носящими громкія имена. Такъ, напримѣръ, учредителями одного изъ благотворительныхъ обществъ при полиціи были, «князь и княгиня Козловскіе, княгини Гагарины, князь Трубецкой, Самаринъ, камеръ-фрейлина Ермолова, кн. Голицынъ, граф. Апраксина и др.» *). Мы не знаемъ, изъ кого состояли правленія этихъ обществъ, было ли назначено учредителями жалованье, и если было назначено, то кому и въ какомъ размѣрѣ **). Неизвѣстно также, отчислялось ли обычное процентное вознагражденіе при передачѣ обществамъ собранныхъ въ ихъ пользу суммъ. Но источники откуда эти суммы поступали, извѣстны: огромный доходъ благотворительнымъ обществамъ давали «добровольныя» пожертвованія и штрафы, взимаемые съ домовъ терпимости и свиданій, съ трактировъ, съ игорныхъ притоновъ, называемыхъ оффиціально «клубами», и тому подобныхъ учрежденій и промысловъ, либо всецѣло подчиненныхъ полиціи, либо существующихъ (какъ игорные притоны-клубы) только благодаря попустительству административной власти. Различіе лишь въ размѣрахъ: для тѣхъ обществъ, которыя градоначальникъ или его помощникъ считали почему-либо нужнымъ взять подъ свое непосредственное покровительство, собирались сотни и тысячи рублей; предпріятіямъ, въ которыхъ высшее начальство менѣе заинтересовано, достаются десятки рублей. Но по существу тутъ одно и то же. Благотворители разсчитываютъ навѣрняка: есть люди, положеніе которыхъ таково, что у нихъ «должны быть деньги» для каждаго, кто такъ или иначе близокъ къ начальству.

Разсчитанъ навѣрняка и другой источникъ доходовъ: продажа «почетныхъ дипломовъ» и значковъ, болѣе или менѣе похожихъ на знаки отличія. Нѣкоторые свидѣтели по дѣлу Рейнбота и Короткаго увѣряли, что они вносили сотни и тысячи рублей «не почему-либо», а изъ желанія быть членами такого-то и такого-то благотворительнаго общества. И отчасти этому можно вѣрить,— писала одна изъ московскихъ газетъ: — для «директора дома свиданій» или для содержательницы дома терпимости, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ пріятно получить званіе, напримѣръ, члена общества помощи семьямъ «убіенныхъ городовыхъ» ***), и тѣмъ болѣе пріятно, что во главѣ этого общества стояли «высокопоставленныя лица Москвы» ****); не менѣе, можетъ быть, пріятно

---

*) „Русское Слово", 3 мая.

**) Справедливо отмѣтить, что генералъ Рейнботъ, когда учредители одного изъ этихъ обществъ избрали его предсѣдателемъ, рѣшительно отклонилъ отъ себя эту честь (См. «Голосъ Москвы», 4 мая).

***) «Утро Россіи», 4 мая.

****) «Голосъ Москвы», 4 мая.

имѣть «почетный дипломъ» отъ того самаго общества, въ которомъ участвуютъ княгини Гагарины, графиня Апраксина, камеръ-фрейлина Ермолова, кн. Голицынъ... Тутъ много значитъ элементарное чувство тщеславія. Но, конечно, не только оно. Въ процессѣ кн. Волконскаго и другихъ благотворителей одинъ изъ свидѣтелей, нѣкто Ханыкинъ, далъ, между прочимъ, такое показаніе:

— Мнѣ агенты дали звѣзду и я часто носилъ ее на груди. Потомъ я получилъ дипломъ...

И затѣмъ тутъ же, не обращая вниманія на то, что люди, отъ которыхъ онъ получилъ «звѣзду» и «дипломъ», сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, обратился къ предсѣдателю суда съ просьбой:

— Ваше превосходительство, не могу ли я этотъ дипломъ назадъ получить, онъ здѣсь въ судѣ остался*).

Это не такъ смѣшно, какъ кажется съ перваго взгляда. Тщеславіе тщеславіемъ, но эффектъ глупой «звѣзды» и разсчитанъ-вѣдь, на глупую обстановку и на глупые порядки жизни. «Звѣздѣ» цѣна грошъ. Но, если рядомъ стоятъ два обывателя — одинъ со «звѣздою», а другой безъ «звѣзды», то первый изъ нихъ все-таки больше гарантированъ въ смыслѣ личной неприкосновенности, чѣмъ второй. Съ обоими, разумѣется, любой стражникъ можетъ «поступить». Но съ обывателемъ безъ звѣзды онъ, вѣроятно, сначала расправится, а потомъ подумаетъ «за что». Нацѣпивъ звѣзду, обыватель имѣетъ основаніе надѣяться, что по отношенію къ нему тотъ же стражникъ сначала подумаетъ, а потомъ уже, если найдетъ достаточно основаній, «поступитъ по закону». Благотворительныя «звѣзды» теперь до нѣкоторой степени играютъ въ бытовомъ обиходѣ такую же роль, какую нѣкогда на «Растеряевой улицѣ» играло «нѣмецкое платье»,—его побуждало носить «не только благородство, но и разсчетъ»:

— Случись пожаръ, примѣрно,—твое дѣло сторона...

И дѣйствительно, въ то время, когда руки полицейскихъ (по-растеряевски: хожалыхъ) тащили за шивороты толпы разныхъ чуекъ и чемерокъ и когда эти чуйки среди огня рвали голыми руками раскаленные листы желѣза, изрѣдка подставляя лицо и спину подъ струю воды, чтобъ не сгорѣть, въ эту пору Прохоръ Порфирычъ мирно стоялъ среди благородныхъ людей и спокойнымъ голосомъ объяснялъ сосѣду:

— ...Извольте видѣть, столбъ-отъ... бѣлый-съ...

И этимъ преимуществомъ Прохоръ Порфирычъ пользовался единственно на томъ основаніи, что носилъ драповое пальто и панталоны на выпускъ... **)

---

*) «Утро Россіи», 30 апрѣля.

**) Г. И. Успенскій, «Нравы Растеряевой улицы».

Есть и другой разсчетъ, еще болѣе матеріальный. У одного свидѣтеля по дѣлу Рейнбота прокуроръ спросилъ:

— Чѣмъ вы объясняете, что одни клубы закрывались за допущеніе азартной игры, а другіе продолжали ее?

— Пожертвованіями,—отвѣчалъ свидѣтель *).

Другимъ свидѣтелемъ этотъ выводъ былъ подтвержденъ ссылками на факты: внесъ, напримѣръ, одинъ изъ «директоровъ» такого «клуба» солидный кушъ въ пользу какихъ-то благотворительныхъ обществъ и затѣмъ отдалъ распоряженіе: «давайте полный ходъ», и началось процвѣтаніе азартныхъ игръ; «клубъ сталъ работать хорошо» **). То же, вѣдь, происходитъ и съ каждымъ, положимъ, сельскимъ торговцемъ или городскимъ трактирщикомъ... Мы еще вернемся къ этой связи между попустительствомъ и благотворительностью и тогда, быть можетъ, лучше поймемъ ее. А пока рѣчь идетъ лишь о доходныхъ статьяхъ.

Два названныхъ источника сами по себѣ очень солидны. Но, во-первыхъ, обществъ много и каждому нужно много десятковъ тысячъ рублей. А во-вторыхъ, съ какой стати ограничивать свой аппетитъ, если и еще есть много мѣстъ, гдѣ можно найти обильную пищу?

На судѣ по дѣлу кн. Волконскаго даетъ показаніе «богатый купецъ А. В. Смирновъ»:

— Подъѣзжаютъ двое—на рысакѣ. Одинъ высокій, другой маленькій.— «Князь Ухтомскій»,—говоритъ одинъ... *Поднесли икону.* Ну, что жъ... далъ сто рублей. Выдали почетный дипломъ, потомъ *подносятъ мнѣ портреты государя, наслѣдника...* Далъ еще ***).

Правда, впослѣдствіи на судѣ выяснилось, что «княземъ Ухтомскимъ» называлъ себя чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Пироговъ. Но г. Смирновъ резонно заявилъ суду: «кто ихъ разберетъ?» Притомъ же,—говоритъ онъ,—кажется, съ ними былъ и чиновникъ полиціи» ***). Если при чиновникѣ полиціи пріѣзжій человѣкъ называетъ себя: «князь Ухтомскій», значитъ, и въ самомъ дѣлѣ, должно быть, князь. Да и не въ этомъ суть. Главное, привезли отъ имени какого-то благотворительнаго общества икону, привезли, какъ человѣку, котораго «отзывчивость всѣмъ извѣстна». Отъ такого подарка, какъ икона, неловко отказаться. А принялъ подарокъ—надо дать. Нѣсколькими рублями не отдѣлаешься. «Князь Ухтомскій»—шутка ли? Притомъ же этотъ «князь» говоритъ: «вамъ просилъ передать поклонъ владимірскій губернаторъ Сазоновъ» ****)... Впослѣдствіи объяснилось, что агенты собрали справки, узнали привычки и слабости Смирнова, узнали,

*) «Русскія Вѣдомости», 6 мая.
**) «Русскія Вѣдомости», 8 мая.
***) «Русскія Вѣдомости», 30 апрѣля.
****) «Голосъ Москвы», 30 апрѣля.

что онъ уроженецъ Владимірской губерніи. Ну, и удалось сорвать 100 руб. Потомъ не менѣе торжественно преподнесли въ подарокъ отъ имени князей и генераловъ портретъ государя. Времена нынче строгія, попробуй, откажись отъ такого подарка: бываетъ, пріѣзжіе господа, и особенно если они явились въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, такъ твой отказъ истолкуютъ, что потомъ жизни не радъ будешь. Приходится и этотъ подарокъ принять. Однако купецъ уже не врасплохъ захваченъ,—далъ, но только 25 рублей. Устроили торжество въ третій разъ, снова поднесли въ подарокъ портретъ, отъ котораго по нынѣшнимъ временамъ отказаться опасно. Но купецъ еще черствѣе сталъ, далъ всего 15 или даже 10 рублей... Черезчуръ часто устраивали одно и то же торжество въ одномъ и томъ же мѣстѣ. «Ударь разъ, ударь два, но не до безчувствія»... Въ данномъ случаѣ агенты впали въ явное излишество. Но вообще, какъ выяснилось изъ дѣла, они систематически торгуютъ иконами, портретами высочайшихъ особъ, разнаго рода изданіями, одно заглавіе которыхъ позволяетъ, въ случаѣ чьего-либо нежеланія купить или принять въ даръ, поднять вопросъ о политической неблагонадежности.

Въ судебномъ дѣлѣ кн. Волконскаго не отмѣчено фактовъ, подтверждающихъ, что именно этотъ страшный вопросъ и возникаетъ, когда натиску «благотворителей» обыватель пытается дать отпоръ. Но дѣятельность ихъ достаточно извѣстна и по многимъ другимъ дѣламъ. И въ видѣ примѣра я позволю напомнить исторію одного доклада белебеевской (Уфимской губерніи) земской управы прошлогоднему (белебеевскому же) XXXVI очередному уѣздному земскому собранію. Докладъ этотъ трактуетъ «о пріобрѣтеніи въ земскую библіотеку изданія общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ». «Изданіе» распространялъ агентъ общества полковникъ Ульянинъ. И управа предлагала внести въ смѣту 50 руб. на пріобрѣтеніе одного экземпляра. Ревизіонная коммиссія высказалась за отклоненіе доклада. Казалось бы, ничего принципіальнаго и «политическаго» въ этомъ разногласіи управы и коммиссіи нѣтъ. Но изданіе, распространявшееся полковникомъ Ульянинымъ, называется: «Русскій царь съ царицею на поклоненіи московскимъ святынямъ». И къ ревизіонной коммиссіи «правыми» гласными было предъявлено обвиненіе «въ тенденціозности», въ отсутствіи вѣрноподданническихъ чувствъ. Предсѣдатель управы Бунинъ (служитъ по назначенію отъ правительства) потребовалъ занести въ журналъ фамиліи гласныхъ, подавшихъ голосъ противъ пріобрѣтенія названнаго изданія. Гласные, подвергшіеся обвиненію въ политической неблагонадежности, были вынуждены объяснять, что дѣло тутъ совсѣмъ не въ вѣрноподаническихъ чувствахъ.

«Агентъ по распространенію изданій г. Ульянинъ намъ хорошо извѣстенъ—говорилъ на собраніи одинъ изъ гласныхъ.—Онъ былъ у насъ

предсѣдателемъ землеустроительной комиссіи и белебеевцы очень хорошо освѣдомлены о томъ, какъ распространялось имъ это изданіе; ни для кого не секретъ, что отъ продажи изданія... до 75% идетъ на путевые расходы г. Ульянина» *).

Но и эта чисто дѣловая справка дала поводъ подозрѣвать зловредный умыселъ или, по крайней мѣрѣ, противоправительственную тенденцію: г. Ульянинъ оказался какимъ-то родственникомъ губернатора. Въ концѣ концовъ собраніе таки ассигновало 50 руб., высказавъ платоническое пожеланіе, чтобы вся эта сумма поступила въ общество «безъ процентнаго отчисленія коммиссіонерамъ»... Земскіе гласные, люди, занимающіе видное общественное положеніе, теряются передъ «благотворительнымъ» натискомъ. Рядовой обыватель и вовсе беззащитенъ противъ этой спекуляціи на тѣ чувства и положенія, которыя неизбѣжны въ современной намъ атмосферѣ политическаго и религіознаго сыска и доноса.

Уже по этимъ источникамъ доходовъ можно судить, на почвѣ какихъ органическихъ разстройствъ русской жизни возникъ данный промыселъ. Познакомимся и еще съ кое-какимъ доходными статьями.

V.

Если посчитать, то, пожалуй, не мало найдется богатыхъ людей, страдающихъ разными тѣлесными, а главное—психическими недугами. Когда болѣзнь принимаетъ тяжелую форму и становится очевидной, надъ личностью и имуществомъ больного учреждается опека. Но, пока больной оффиціально не признанъ больнымъ, его капиталы находятся въ состояніи, опредѣляемомъ пословицей: «плохо не клади»... На такіе капиталы всюду вообще слетается уголовная публика. У насъ въ Россіи уголовщина осложняется еще и политикой. Извѣстно, какую уголовную и вмѣстѣ политическую операцію пытались продѣлать Вонлярлярскіе съ наслѣдствомъ больного кн. Огинскаго. Московскимъ процессомъ кн. Волконскаго раскрыты нѣкоторыя операціи, продѣлываемыя благотворителями въ аналогичныхъ случаяхъ.

«Однажды кн. Волконскій обратился къ московскому губернатору съ письменнымъ ходатайствомъ объ оказаніи содѣйствія агентамъ всероссійскаго братскаго общества; однимъ изъ результатовъ этого ходатайства было появленіе агента Сенкевича въ богатомъ домѣ Рукавишникова. Рукавишниковъ обѣщалъ внести 14000 руб. Но, по словамъ Сенкевича, денегъ этихъ Рукавишниковъ не успѣлъ заплатить, такъ какъ надъ нимъ была учреждена опека» **). Почему и за что Рукавишниковъ содласился внести

*) Цит. по отчету о засѣданіи земскаго собранія 23 октября 1910 г. въ „Вѣстникѣ Уфы".

**) „Утро Россіи", 30 апрѣля.

14.000 р.,—осталось неизвѣстнымъ. Былъ въ Москвѣ другой богатый человѣкъ—Пріятелевъ, тоже больной, котораго понадобилось въ концѣ концовъ помѣстить въ психіатрическую лечебницу. И одинъ изъ его родственниковъ говорилъ на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля: «Пріятелева сильно обирали на благотворительныя учрежденія, увѣряя, что его посѣтитъ государь или что дадутъ ему генеральскій чинъ» *).

Положимъ, родственникамъ въ такихъ случаяхъ всегда чудится грабежъ. Но разсказъ подтверждаютъ сами «благотворители». Дѣйствительно, былъ, напр., такой случай. Пріѣхали вдвоемъ—Пироговъ и Сенкевичъ—къ больному Пріятелеву. Пироговъ назвалъ себя кн. Волконскимъ и показалъ больному письмо, якобы полученное отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, слѣдующаго содержанія:

«Ваше сіятельство, кн. Борисъ Григорьевичъ! Въ отвѣтъ на вашъ запросъ о награжденіи чиномъ статскаго совѣтника отставного поручика А. С. Пріятелева министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ увѣдомить васъ, что со стороны министерства препятствій къ тому не имѣется».

Радости Пріятелева не было конца. Тутъ же онъ далъ Сенкевичу 500 руб., благодарилъ мнимаго кн. Волконскаго и впослѣдствіи выдалъ чекъ на 3000 р., такъ какъ его увѣряли, что за чинъ статскаго совѣтника платятъ 10000 руб.; 7000 руб. онъ заплатилъ раньше и осталось доплатить 3000 **).

Получивъ 3000 р., агенты намѣревались 1000 р. послать настоящему кн. Волконскому. Но поѣхали кутить и все прокутили. Между тѣмъ свѣдѣнія относительно операціи дошли до кн. Волконскаго. И агенту Пирогову пришлось поѣхать въ Петербургъ для объясненій. Пироговъ довольно откровенно разсказалъ, какъ было дѣло.

Князь закричалъ:
— Кто былъ кн. Волконскимъ? Кто?
— Я...
Князь немного задумался и спросилъ:
— А сколько же вы мнѣ привезли? ***).

Главное: «сколько мнѣ привезли?» Остальное, право же, не существенно, тѣмъ болѣе, что самъ кн. Волконскій однажды «сообщилъ подъ большимъ секретомъ» какому-то «управляющему канцеляріей», что «ѣдетъ въ Москву за полученіемъ съ нѣкоего Пріятелева въ пользу общества 10000 р.» ****). И, быть можетъ, мнимый Волконскій лишь опередилъ Волконскаго настоящаго. Во всякомъ случаѣ, переговоры съ Пріятелевымъ объ исходатайствова-

*) «Русскія Вѣдомости“ 30 апрѣля.
**) „Русскія Вѣдомости“, 30 апрѣля.
***) „Голосъ Москвы“, 29 апрѣля.
****) «Русскія Вѣдомости», 1 мая.

ніи чина статскаго совѣтника велись заранѣе и появленіе агента съ «письмомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ» было подготовлено предварительными переговорами. Съ больными Рукавишниковымъ и Пріятелевымъ благотворители обращались деликатно. Бываетъ, однако, что весь успѣхъ дѣла разсчитанъ на томъ, чтобы огорошить безцеремонностью.

Обнаружили, напр., благотворители подъ Москвой больного купца. Правда, онъ былъ боленъ не психически. Но это все равно. Является агентъ «въ формѣ полковника», требуетъ, чтобъ его провели къ больному, проходитъ въ спальню, прямо къ постели, рекомендуется: «предсѣдатель комитета Его Величества по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ»; назначилъ сумму: 300 р... Больной сталъ было увѣрять, что у него дома нѣтъ такой суммы, но имѣлъ неосторожность упомянуть о своихъ должникахъ и даже назвалъ одного изъ нихъ; «полковникъ» неумолимъ:

— Если нѣтъ наличныхъ, напишите названному вами должнику записку.

— «Но я не встаю... И писать трудно»...

«Полковникъ» самъ пишетъ записку. Затѣмъ по его распоряженію и при его участіи больного поднимаютъ съ постели, тащутъ къ столу, «заставляютъ подписать записку» *)... «Благотворители» поступили все-таки честно: заставили подписать именно записку и всего только на 300 р. Но могли подсунуть для подписи и долговое обязательство. Войдя въ предварительное соглашеніе съ тѣмъ или инымъ претендентомъ на наслѣдство, могли подсунуть и заранѣе заготовленный текстъ духовнаго завѣщанія: чтобы обмануть больного, дать ему для подписи, вмѣсто одного документа, другой, не нужно даже особеннаго проворства рукъ... Какъ видите, имѣется полная возможность продѣлать то, въ чемъ обвиняли капитана гвардіи Вонлярлярскаго и его агентовъ,—въ намѣреніи проникнуть къ больному душевно и тѣлесно кн. Огинскому и подсунуть ему для подписи заранѣе заготовленный текстъ духовнаго завѣщанія. И трудно не замѣтить, почему эта возможность существуетъ.

Кн. Волконскій, одинъ изъ самыхъ захудалыхъ Волконскихъ, «заѣденный нуждою», пишетъ приватно московскому губернатору и въ результатѣ оказалось, что капиталы больного Рукавишникова «плохо лежатъ». Между «причиной»—письмо къ губернатору—и слѣдствіемъ—появленіе «благотворителей» въ домѣ Рукавишникова—были, безъ сомнѣнія, какія-то промежуточныя дѣйствія. Въ дѣлѣ кн. Волконскаго они оказались неизвѣстными,—какъ бы ускользнули отъ вниманія прокуратуры и суда. Но въ процессѣ Вонлярлярскихъ раскрыты и кое-какія техническія подробности

*) «Голосъ Москвы», 1 мая.

тѣхъ операцій, благодаря которымъ имущество больныхъ богачей можетъ быть приведено въ отчуждаемое состояніе.

Дѣла эти у насъ дѣлаются просто. За Вонлярлярскими стоятъ долголѣтнія дружескія отношенія, положимъ съ генераломъ Клейгельсомъ, съ сенаторомъ Максимовичемъ, имъ содѣйствуетъ товарищъ министра Курловъ, за ними стоятъ и другія, еще болѣе могущественныя вліянія. Это раскрыто нынѣ на судѣ. Но это было въ общихъ чертахъ извѣстно и раньше, — извѣстно всякому, кто хотя бы только слышалъ, напр., какую роль сыгралъ полковникъ гвардіи Вонлярлярскій съ его концессіями въ исторіи русской дальневосточной политики двухъ послѣднихъ десятилѣтій. Положимъ, извѣстно это было и ораніенбаумскому полиціймейстеру Барклаю-де-Толли. Сверхъ того, одинъ изъ агентовъ Вонлярлярскаго близокъ къ Барклаю де-Толли, находится съ нимъ даже въ родственной связи. Бываютъ такія совпаденія. Оказался же извѣстный намъ по разсказанному выше благотворительный агентъ Уфимской губерніи родственникомъ уфимскаго губернатора. Можно, вѣдь, при желаніи завести не мало такихъ родственныхъ агентуръ. И вотъ именно агентъ-родственникъ обращается къ ораніенбаумскому полиціймейстеру съ просьбою: нельзя ли о кн. Огинскомъ собрать такія-то и такія свѣдѣнія? Почему-же нельзя? Конечно, можно. И г. Барклай-де-Толли посылаетъ оффиціальный запросъ по мѣсту указаннаго ему агентомъ мѣстопребыванія кн. Огинскаго. Полученный отвѣтъ «со справкою околоточнаго надзирателя» онъ передаетъ агенту. Тогда послѣдній

«познакомилъ Барклая-де-Толли съ Дмитріемъ Вонлярлярскимъ, который обратился къ нему съ рядомъ вопросовъ: въ какомъ состояніи здоровье кн. Огинскаго, бываютъ ли у него свѣтлые промежутки, ... не можетъ ли Барклай-де-Толли устроить свиданія между княземъ Огинскимъ и Вонлярлярскимъ» *).

Ораніенбаумскій полиціймейстеръ «не располагаетъ свѣдѣніями», чтобъ дать на все это удовлетворительные отвѣты. Но съ нимъ говоритъ гвардейскій офицеръ, носящій громкую фамилію, сынъ того самаго Вонлярлярскаго, который... Полиціймейстеръ охотно готовъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ,—и телеграфируетъ «одному изъ опекуновъ надъ личностью и имуществомъ кн. Огинскаго, гр. Потулицкому, что желаетъ видѣть его по очень важному дѣлу» **). Здѣсь рѣчь идетъ объ одномъ изъ крупнѣйшихъ магнатовъ, окруженномъ людьми, имѣющими большое вліяніе и огромныя связи. И намѣренія у Вонлярлярскаго обширныя: онъ желаетъ «унаслѣдовать» все состояніе Огинскаго вмѣстѣ съ его титуломъ. Будь на мѣстѣ Огинскаго «простой купецъ», а на мѣстѣ Вонлярлярскаго—обыкновенный «благотворитель», желающій «сорвать» нѣ-

*) «Голосъ Москвы», 3 мая.
**) Тамъ же.

сколько тысячъ рублей на «патріотическое» дѣло, все сложилось бы, разумѣется, гораздо проще. Въ концѣ концовъ въ порядкѣ рекомендацій и приватныхъ услугъ вліятельнымъ людямъ задача была бы передана полицейскому приставу того участка, въ которомъ живетъ намѣченная жертва; приставъ командировалъ бы помощника, околоточнаго или городоваго для сопровожденія «благотворителя»,— остальное зависитъ отъ намѣреній послѣдняго, отъ его находчивости и ловкости...

$1^1/_2$—2 года назадъ на примѣрѣ того, что продѣлывалъ въ Кіевѣ Аслановъ, мы видѣли, какъ государственное учрежденіе, призванное охранять имущественную и личную безопасность, можетъ быть превращено въ главный штабъ воровскихъ организацій. Тамъ лица, состоящія на государственной службѣ, шли къ цѣли сознательно, брали въ свои руки направляющую роль. Тамъ была преступная воля. Здѣсь, въ новыхъ дѣлахъ, положеніе иное. Частные люди частнымъ образомъ хотятъ совершить операцію, которая, по опредѣленію прокуроровъ, называется мошенничествомъ. Для этого они превращаютъ государственныя учрежденія въ свои справочныя конторы и бюро содѣйствія. По мановенію авантюристовъ, лица, состоящія на государственной службѣ и занимающія нерѣдко высокое служебное положеніе, оказываютъ внѣзаконныя и прямо незаконныя услуги, содѣйствуютъ и попустительствуютъ. Тамъ, въ дѣлѣ Асланова, мы видѣли государственное учрежденіе, превращенное въ руководящій органъ преступниковъ. Здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ государственныхъ учрежденій, превращенныхъ въ игрушку, въ орудіе мошенническихъ организацій. И не только административныя, полицейскія учрежденія постигаетъ эта унизительная судьба. Подложное завѣщаніе Огинскаго было экстренно утверждено не полицейскимъ участкомъ. И внѣзаконнаго направленія дѣла объ унаслѣдованіи титула Огинскихъ Вонлярлярскіе добились по протекціи особъ болѣе значительныхъ, чѣмъ полиціймейстеры.

Въ чемъ же сила авантюристовъ? Говорятъ, въ связяхъ. И это отчасти вѣрно: и Вонлярлярскіе, и «благотворители»» сильны связями; безъ связей ихъ дѣло немыслимо. И если говорить о «благотворительныхъ обществахъ новой формаціи», то въ разсчетѣ на силу связей они возникаютъ, да, вѣроятно, подъ давленіемъ связей нѣкоторымъ изъ нихъ и умирать приходится. Предпріятій этихъ расплодилось много; многія изъ нихъ конкуррируютъ даже по названію. Гдѣ конкурренція, тамъ борьба. Въ борьбѣ болѣе богатое связями выживаетъ, болѣе бѣдное погибаетъ. А хилый кн. Волконскій со своими благотвореніями оказался отброшеннымъ даже на скамью подсудимыхъ. Сила связей и въ мелочахъ сказывается. Я упомянулъ выше о баронѣ Функе, оказавшемся, на повѣрку, бывшимъ дьякономъ. Продавалъ бывшій дьяконъ «благотворительныя» издѣлія обыкновеннымъ смертнымъ и былъ барономъ.

Рискнулъ вовлечь въ «благотворительныя» издержки Г. К Ушкова,—и не только баронскаго званія лишился, но и въ тюрьму на 2 мѣсяца попалъ... *). Значеніе связей безспорно. Но, во-первыхъ, связи лишь ближайшій поводъ, въ силу котораго государственныя учрежденія пренебрегаютъ элементарнѣйшими началами государственнаго порядка. Значитъ, необходимо пренебреженіе къ этимъ началамъ. А во-вторыхъ, и сами по себѣ связи—результатъ цѣлаго ряда условій, сумма многихъ слагаемыхъ. Мало сказать: «у московскаго сапожника Стволова болѣе сильныя связи, чѣмъ у князя Петра Долгорукаго». Надо еще объяснить, почему это происходитъ. Исчерпывающее объясненіе, разумѣется, нынѣ невозможно. Но на сторонѣ болѣе сильныхъ связей легко замѣтить одну и ту же постоянную величину, важную, какъ и въ дѣлѣ одесскихъ факторшъ, по своему охранно-полицейскому значенію. Сапожникъ Стволовъ—зарегистрированный патріотъ. На сторонѣ Вонлярлярскихъ были гг. Клейгельсъ, Курловъ: одинъ — бывшій кіевскій генералъ-губернаторъ, знаменитый по дѣламъ 1905 г., а позже сотрудникъ «Русскаго Знамени», другой—уже пять лѣтъ назадъ былъ извѣстенъ, какъ побѣдитель курскихъ школьниковъ и насадитель «патріотическихъ» организацій сначала въ Курскѣ, а потомъ въ Минской губерніи. Кн. Б. Волконскій—«патріотъ».. Впрочемъ, «благотворители новой формаціи»—вообще сплошь «патріоты». Повидимому, за это дѣло нельзя и браться, не будучи «патріотомъ».

Это признакъ внѣшній. Но ему соотвѣтствуютъ нѣкоторыя внутреннія данныя. О покойномъ кн. Огинскомъ извѣстно, что онъ (полякъ, католикъ) не желалъ даже жить въ своихъ кіевскихъ имѣніяхъ и не желалъ потому, что «тамъ народъ православный». Вонлярлярскіе же «внушали въ руководящихъ сферахъ, что съ переходомъ къ ихъ православному роду фамиліи и земель поляковъ Огинскихъ русская окраинная политика пріобрѣтетъ надежнѣйшихъ обрусителей въ сѣверо- и югозападномъ краѣ» **). Правда, одновременно съ этимъ капитанъ Вонлярлярскій пожертвовалъ золотой крестъ въ католическую часовню, обращался за содѣйствіемъ къ католическому духовенству, обѣщалъ—въ случаѣ, если содѣйствіе будетъ оказано,—перейти въ католичество, быть ревностнымъ защитникомъ католицизма въ томъ же сѣверо и югозападномъ краѣ. Но, вѣдь, нельзя же и требовать отъ дѣловыхъ людей убѣжденнаго отношенія къ эвфемизмамъ петербургской или ватиканской политики. Католицизмъ или православіе, обрусеніе или полонизація,—все это, съ точки зрѣнія дѣлового-то человѣка,—вещи, интересныя ровно постольку, поскольку онѣ, при помощи спекуляціи, могутъ быть превращены въ денежный эквивалентъ.

*) «Русскія Вѣдомости», 29 апрѣля.

**) „Русское Слово", 3 мая.

Попытался спекулировать на «ватиканскія»,—католическія руководящія сферы отнеслись скептически. Сорвалось. За то, спекулируя на петербургскія, чуть было не выигралъ все состояніе Огинскихъ. И въ этомъ смыслѣ чѣмъ отличается Вонлярлярскій отъ обыкновенныхъ «благотворителей»? Развѣ послѣдніе не такъ же спекулируютъ?

Православіе, самодержавіе, народность, незыблемыя основы, культурныя гнѣзда, исконныя начала и всякіе другіе острые, боевые звуки современной намъ внутренней политики. Люди идейные могутъ относиться къ этимъ понятіямъ, какъ угодно. У дѣльцовъ, у людей рынка и биржи, своя точка зрѣнія. Государственныя начала забыты. Представленіе о необходимости охранять ихъ утрачено. Руководящимъ сферамъ особенно нравится то-то и то-то. Вслѣдствіе этого въ странѣ создались такія-то и такія-то положенія. Все это можетъ быть превращено въ источникъ доходовъ, въ деньги. Какъ превратить,—это уже зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ личныхъ вкусовъ спекулянта, отъ круга его знакомствъ, отъ его изобрѣтательности. Впрочемъ, можно и безъ изобрѣтательности обойтись. Можно среди бѣла дня ворваться въ квартиру больного человѣка, стащить его съ постели, заставить подписаться подъ документомъ на нѣсколько сотъ рублей и спокойно уѣхать за полученіемъ денегъ по этому документу. И все это,—опираясь на поддержку мѣстной администраціи да на страхъ обывателя подвергнуться, въ случаѣ противодѣйствія, аресту, обыску или иной непріятности; главная же опора, конечно,—патріотическій флагъ: «благотворитель», нарядившійся полковникомъ, отрекомендовалъ себя, кажись, вполнѣ патріотично: «предсѣдатель комитета Его Величества по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ». Все, вѣдь, дѣлается не иначе, какъ для спасенія отечества и поддержанія устоевъ. И по этой, главнымъ образомъ, причинѣ все совершается при благосклонномъ содѣйствіи начальства. Отечество спасалъ Вонлярлярскій. Отечество спасаютъ и благотворители. И какъ спасаютъ!.. На процессѣ кн. Волконскаго предсѣдатель суда спросилъ у Пирогова:

— Часто вы кутили?

— Видите ли,—отвѣтилъ Пироговъ,—соберемъ бывало за день рублей сто и ѣдемъ въ „Эрмитажъ“. Казначеемъ всегда былъ Сенкевичъ. У него вообще широкія замашки, а выпить онъ могъ неисчислимое количество. Да и къ тому имѣлъ онъ много дамъ сердца. Прокутимъ все,—а на завтра отдыхаемъ. Затѣмъ снова сборы, и снова кутежъ. Такъ—черезъ день *).

Кстати, Пироговъ—членъ національнаго клуба **).

---

*) „Голосъ Москвы“, 30 апрѣля.

**) „Одесскія Новости“, 3 мая.

VI.

Выше я упомянулъ, что прокурору не удалось отграничить благотворительныя общества новой формаціи отъ обыкновенныхъ благотворительныхъ обществъ, которыя также находятся подъ ближайшимъ покровительствомъ начальства, но принадлежатъ, такъ сказать, къ формаціи старой. Долженъ однако сказать, что, еслибы мнѣ предложили указать эту границу, я бы тоже не сумѣлъ найти ее. Теоретически граница, разумѣется, должна быть. Но благодаря болѣзни, которую я назвалъ прогрессивнымъ параличемъ государственности, пограничные знаки и межи до такой степени испорчены, что ихъ можно возстановить развѣ только послѣ спеціальныхъ изысканій.

Существуютъ, положимъ, учрежденія: одинъ изъ отдѣловъ общества Краснаго Креста и Комитетъ для оказанія помощи вдовамъ и сиротамъ пострадавшихъ на войнѣ. Безъ сомнѣнія, это—формація старая. Но въ 1905 г. нѣкто г. Мартынъ Бархатовъ приступилъ къ изданію журнала: «Богатыри Руси», посвященнаго событіямъ русско-японской войны. Казалось бы, ни въ какой связи съ двумя названными учрежденіями онъ стоять не можетъ. На помощь Бархатову, журналъ котораго шелъ плохо, является уже извѣстный намъ «баронъ» Функе, и сразу замѣчаетъ, что связь есть, и притомъ очень тѣсная. Названнымъ учрежденіямъ начальство фактически навязываетъ совершенно постороннюю и прямо таки вредную для нихъ задачу: содѣйствовать распространенію идей, признаваемыхъ правительствомъ благонадежными. Журналъ г. Мартына Бархатова выполняетъ и можетъ выполнить ту же задачу. Слѣдовательно, отдѣлъ Краснаго Креста и Комитетъ помощи вдовамъ и сиротамъ должны взять «Богатырей Руси» подъ свое покровительство, дать для нихъ свою «фирму». «Баронъ» Функе вошелъ въ переговоры. И соглашеніе состоялось. «Богатыри Руси» были превращены въ 6-томное непеіодическое изданіе: «Исторія русско-японской войны». «Баронъ» Функе назначилъ цѣну: отъ 50 до 1000 р. за экземпляръ, и обязался отчислять въ пользу отдѣла и комитета извѣстный процентъ съ каждаго проданнаго экземпляра. Съ своей стороны, отдѣлъ и комитетъ дали покровительство, обезпечившее содѣйствіе чиновъ полиціи агентамъ «барона» Функе. Дѣла сразу пошли въ гору: «скоро подписка достигла суммы 600.000 р.». Агентами «барона» были, между прочимъ, уже знакомые намъ: мѣщанинъ Сенкевичъ, дворянинъ Пироговъ, сынъ подполковника Музыченко... И также требовалъ отъ своихъ агентовъ «баронъ» Функе «представительной внѣшности, ношенія какой-нибудь формы» *)... Какъ видите, агенты имѣли

*) „Русскія Вѣдомости“, 29 апрѣля.

нѣкоторое основаніе произносить слова: комитетъ по оказанію помощи вдовамъ и сиротамъ. И едва-ли есть возможность найти различіе между тѣмъ, что они совершили отъ имени этого Комитета, отъ имени Краснаго Креста, отъ имени обществъ, учрежденныхъ кн. Волконскимъ.

«Баронъ» Функе, конечно, не единственный въ своемъ родѣ «патріотическій» издатель, сумѣвшій устроиться возлѣ благотворительности. Относительно издателей такого типа и удивляться нечего- все-таки много значитъ единство или, по крайней мѣрѣ, сходство политическихъ тенденцій. Но возьмемъ промыслы, которые уже совсѣмъ никакого отношенія къ благотворительнымъ дѣламъ не имѣютъ и имѣть не могутъ.

Положимъ, проживаетъ въ Москвѣ «артистъ, куплетистъ, театральный дѣятель, мѣщанинъ города Подольска г. Молдавцевъ». Конечно, «патріотъ». И сверхъ того стихотворецъ. Это онъ сочинилъ стихи въ честь московскаго градоначальника: «какъ поэтъ, презирающій оды, я скажу коротко про Рейнбота: мелководны московскія воды для такого прекраснаго бота»... Такихъ людей не цѣнить нельзя. И г. Молдавцевъ сообразилъ, что онъ можетъ устроить «артистическое собраніе». Заручившись согласіемъ градоначальника: онъ привлекъ къ дѣлу другихъ артистовъ: бывшаго помощника начальника военной тюрьмы полковника Ивана Макареско, брата его помѣщика Николая Макареско, подполковника Кузьмина, свою супругу Эльму Корнандъ... На имя г. Кузьмина и г-жи Эльмы Корнандъ открытъ былъ артистическій клубъ, куда и стали собираться по ночамъ другіе «артисты», для игры, по преимуществу азартной. Если вѣрить показаніямъ г. Молдавцева, то время-отъ-времени приглашались еще и шулера на гастроли. Дѣйствительнымъ хозяиномъ считалъ себя Николай Макареско, — онъ же, по словамъ г. Молдавцева, и шулеровъ приглашалъ. Изъ юридическихъ учредителей подполковникъ Кузьминъ, по его словамъ, «получалъ за свои труды сначала по 100 р. въ мѣсяцъ, а потомъ сталъ получать опредѣленный процентъ съ доходовъ». Старшины клуба служили изъ платы по найму,—впрочемъ, до 500 руб. въ мѣсяцъ. Г. Молдавцевъ, благодаря связямъ котораго клубъ былъ открытъ и отъ связей котораго зависѣло его закрыть, долженъ былъ получать 50% чистаго дохода. Но фактически бралъ изъ кассы столько, сколько ему было нужно «для дѣла» *)...

Я взялъ для образца одинъ изъ типичныхъ московскихъ «клубовъ», организація которыхъ раскрыта, благодаря процессу Рейнбота. У нихъ различны названія. Различно и общественное положеніе руководителей. Въ «Артистическомъ клубѣ» мѣщанинъ Молдавцевъ. Въ «Общественномъ собраніи» («Филипповскій клубъ») генералъ-отъ-инфантеріи Лавровъ. Въ «Шахматномъ клубѣ»—кн. Уру-

*) «Русскія Вѣдомости» и «Голосъ Москвы», №№ 6 и 8 мая.

совъ... Но всѣ на одинъ ладъ: антреприза во главѣ, старшины изъ платы по найму, азартная игра, какъ главная доходная статья. Лишь шулеровъ, кажись, не вездѣ приглашаютъ на гастроли, да не всѣ клубы берутъ на себя функціи «домовъ свиданій»: были и такіе, что чуть ли не въ одномъ и томъ же помѣщеніи дамамъ любезно предоставлялось и проиграть деньги, и «заработать» на новую игру. Въ дѣлѣ Рейнбота много названо клубовъ. Повидимому, это даже не промыселъ, а цѣлая отрасль промышленности: десятки хозяевъ, сотни старшинъ, бухгалтера, секретари, юрисконсульты, канцеляристы, кассиры, служители, лакеи,—вмѣстѣ съ шулерами, женами и дѣтьми наберутся, пожалуй, тысячи народа. Казалось бы, передъ нами такая отрасль промышленности, которая къ благотворительнымъ дѣламъ можетъ имѣть только одно отношеніе: когда надо представить «барашка на бумажкѣ», то установился обычай произносить деликатную формулу:

— Примите, вашество, лепту-съ на помощь ближнимъ, по вашему усмотрѣнію.

По процессу Рейнбота устанавливается любопытная хронологическая дата. Примѣрно, до начала 1906 г. барашекъ былъ существомъ по преимуществу безпартійнымъ. Приблизительно же съ середины 1906 г. даже барашекъ сталъ заниматься политикой, былъ, вѣроятно, распропагандированъ союзомъ русскаго народа и, если приносилъ себя въ жертву, то старался это дѣлать для дѣтей «убіенныхъ городовыхъ», «для престарѣлыхъ нижнихъ чиновъ полиціи», «для борьбы съ улицей» или для другихъ такихъ же цѣлей, сочувствіе которымъ начальство почему-то считаетъ признакомъ патріотическаго образа мыслей. Почему традиціонный барашекъ счелъ выгоднымъ получать дополнительную премію за политическую благонадежность,—объяснять едва-ли нужно. Важно то, что, пока онъ былъ безпартійнымъ, клубы держались на двухъ китахъ: во-первыхъ, на связяхъ, во-вторыхъ на взяткахъ; а когда барашекъ занялся политикой, явился третій китъ: пожертвованія на благотворительныя общества. Кстати, и сборъ денегъ на нѣсколько такихъ обществъ былъ открытъ при градоначальствѣ. Пожертвованія стали даже играть главнѣйшую роль. Нѣкоторые вновь открывающіеся клубы прямо начинали съ благотворительности. Напримѣръ, администрація «Общества любителей шахматной игры» («Шахматный клубъ») начала свою дѣятельность «составленіемъ и передачей въ градоначальство письменнаго обязательства вносить ежегодно пожертвованіе въ пользу благотворительнаго общества». И это оказалось очень остроумнымъ: обѣщанныхъ взносовъ клубъ не дѣлалъ и, повидимому, не сдѣлалъ, но азартныя игры въ немъ «быстро получили развитіе; доходы все увеличивались», и лишь послѣ того, какъ въ клубѣ у проигравшихся дамъ стали отбирать вещи за неимѣніемъ денегъ, градоначальникъ

принялъ мѣры *). То же случилось и съ трактирщиками. По словамъ ихъ коллективнаго юрисконсульта (онъ же и «главный репортеръ» «Московскаго Листка») г. Тарбѣева, трактирщики искали всякихъ «ходовъ», освященныхъ старыми обычаями,—обращались даже «къ повару и парикмахеру градоначальника»; но «въ концѣ концовъ» рѣшили, что по нынѣшнимъ временамъ самое вѣрное—«вносить деньги на благотворительность» **). Къ тому же выводу пришли и содержатели домовъ свиданій. Рейнботъ совсѣмъ было ихъ хотѣлъ закрыть. Нашлась у нихъ поддержка—покойный Д. Ѳ. Треповъ, основатель домовъ свиданій въ Москвѣ. Но главное,—случай помогъ: произошло покушеніе на Рейнбота Ну, вотъ они и поймали моментъ: во-первыхъ, «поднесли икону въ силу благополучія отъ бомбы»; во-вторыхъ, поздравили «съ Божьей милостью»,—съ избавленіемъ, значитъ, отъ опасности; въ-третьихъ выложили «лепту»—10.000 р. въ пользу престарѣлыхъ нижнихъ чиновъ полиціи и ихъ дѣтей, а сверхъ того обѣщали вносить ежегодно на благотворительность по 2000 р. съ каждаго... И всѣ вообще содержатели и содержательницы жертвовали и жертвовали. И на судѣ объ этомъ говорили. Наконецъ, одну такую свидѣтельницу сенаторъ Гераковъ (первоприсутствующій въ процессѣ Рейнбота) спросилъ:

— Почему вамъ вдругъ такъ вздумалось пожертвовать?

— Вѣдь, можетъ же явиться такое желаніе,—скромно отвѣтила свидѣтельница.

— Конечно, конечно,—согласился первоприсутствующій ***).

Разберите тутъ,—гдѣ благотворители новой формаціи, гдѣ старой? Кстати, многіе изъ этихъ жертвователей, самую профессію которыхъ вслухъ назвать неудобно, не просто жертвуютъ, но и въ члены записываются,—въ почетные члены, съ дипломомъ. При томъ же большинство такихъ благотворительныхъ взносовъ, извѣстныхъ по процессу Рейнбота, дѣйствительно записано въ соотвѣтствующія книги градоначальства. Это не то, что безпартійный барашекъ, келейно приносимый и келейно исчезающій, неизвѣстно куда. А потомъ, неудобно называемые профессіоналы не только черезъ градоначальство жертвовали. Да и вообще,—это для нихъ дѣло коммерческое; они, кому угодно, пожертвуютъ и, куда хотите, запишутся,—лишь бы это обѣщало имъ выгоду. Въ концѣ-то концовъ, все сводится къ тому, гдѣ купить протекцію, за сколько и какой это можетъ дать барышъ.

Быть можетъ, различіе новой и старой формаціи въ томъ, что первая существуетъ фактически только для полученія денегъ аген-

*) «Русскія Вѣдомости», 6 мая.
**) «Голосъ Москвы», 8 мая.
***) Русское Слово», 3 мая.

тами и учредителями, а вторая оказываетъ предусмотрѣнную уставомъ помощь третьимъ лицамъ? Но и это не совсѣмъ такъ. Выше я упоминалъ о благотворительномъ «обществѣ попеченія о дѣтяхъ, отцы которыхъ погибли на службѣ или при исполненіи служебныхъ обязанностей». Оно было закрыто. И въ судебномъ отчетѣ «Русскихъ Вѣдомостей» по дѣлу кн. Волконскаго отнесено въ разрядъ «новой формаціи». Однако предсѣдатель правленія этого общества на судѣ утверждалъ, что оно оказывало все-таки помощь:

Былъ пріютъ, были даже дѣти въ немъ; пріютъ просуществовалъ мѣсяцевъ 8, а, когда его пришлось закрыть, дѣти были возвращены матерямъ *).

И кн. Волконскій увѣрялъ судей, что его общества оказывали помощь,—помогли будто бы 2700 лицамъ. Цифру надо оставить на совѣсти кн. Волконскаго. Но, даже не желая оказывать никому и никакой помощи, онъ все-таки вынужденъ былъ бы «помогать ближнимъ». «Дѣло» у него такое, что безъ этого нельзя. Московскіе клубные дѣятели жаловались, между прочимъ, на репортеровъ мелкой прессы,—требуютъ: либо плати, либо разоблачимъ; иные приходятъ съ написанными и даже набранными типографіей замѣтками, предъявляютъ и заявляютъ: будетъ завтра же напечатано, если... Нѣчто въ этомъ родѣ должно происходить и съ благотворительностью а là Волконскій. Его «нужда заѣла». Ниже его стоятъ Пироговъ, Музыченко,—тоже, конечно, «нужда». По направленію внизъ—люди того же типа еще болѣе безцеремонны, ибо голоднѣе. Они кружатся всюду, гдѣ чувствуютъ запахъ поживы. У «стрѣлковъ» вообще нюхъ на поживу тонкій—это у нихъ профессіональное качество. Было бы невѣроятно, еслибы стрѣлки около такихъ темныхъ дѣлъ не «поживились». И уже по одной этой причинѣ, повторяю, можно вѣрить, что «благотворители» новой формаціи не только деньги получаютъ, но и благотворятъ, точно такъ же, какъ во многихъ «старыхъ формаціяхъ» члены правленія не только благотворятъ, но и получаютъ либо жалованье, либо преимущества, болѣе цѣнныя, чѣмъ жалованье.

Границы сгнили. Да и самыя смежныя области, подлежащія разграниченію, въ достаточной мѣрѣ изъѣдены гнилью. И не совсѣмъ убѣдительное впечатлѣніе производили во время процессовъ и Рейнбота, и кн. Волконскаго старательныя попытки прокуроровъ найти, когда, сколько и кѣмъ именно присвоено. Въ дѣлѣ Рейнбота прокуратура искала, какія сотни и тысячи рублей не записаны въ благотворительныя книги при градоначальствѣ. Въ дѣлѣ кн. Волконскаго она не менѣе настойчиво уличала, что вотъ Пироговъ, напр., выдавалъ подложныя квитанціи, сочинялъ подложные документы, самозванно присвоивалъ себѣ громкіе титулы,

*) „Русскія Вѣдомости“, 30 апрѣля.

а кн. Волконскій даже кассовой книги не велъ... Тутъ государственныя учрежденія стали опорными пунктами авантюристовъ, граница между нормальнымъ дѣломъ и наглѣйшимъ мошенничествомъ утеряна, а прокуроръ ищетъ, куда и почему дѣлись 300 р... Вотъ-ужъ именно глотаютъ верблюдовъ и оцѣживаютъ комара.

Въ дѣлѣ Рейнбота былъ любопытный психологическій переломъ.

Въ первые дни процесса, пока судили «чрезвычайную охрану» и рѣчь шла главнымъ образомъ объ обычномъ для россійскихъ администраторовъ легкомысленномъ отношеніи къ казеннымъ суммамъ и къ какому ни на есть, но закону, Рейнботъ имѣлъ видъ побѣдителя: ему удавалось убѣдительно доказывать, что онъ поступилъ, какъ поступаютъ и другіе администраторы, какъ поступали до него и какъ поступаютъ послѣ него,—по обычаю, съ одобренія или съ разрѣшенія министра. Въ Россіи много хуже бываетъ. Затѣмъ появились на сцену въ качествѣ свидѣтелей ассенизаторы, владѣльцы домовъ свиданій, трактирщики, клубные и всякіе другіе дѣятели, заговорили они о своихъ занятіяхъ, взносахъ «на патріотизмъ», о своемъ невольномъ и вольномъ участіи въ благотворительности, вольной или невольной близости къ градоначальнику... Собственно ничего новаго, непривычнаго для россійскаго обывателя и они не сказали. Мздоимство, вымогательство, притоны, развратъ... Опять-таки хуже бываетъ. Что значатъ дома свиданій, насажденные Треповымъ, когда въ Одессѣ Зайченки водятся? Московскій сапожникъ и хоругвеносецъ Стволовъ ребенокъ по сравненію съ одесскими Глобачевымъ и Пеликаномъ или петербургскими Гамзѣями, кравшими пулеметы съ военнаго полигона. И благотворительныя дѣла Рейнбота не Богъ вѣсть какое диво. Вѣдь, настояще-то «благотворительность», извѣстная намъ по дѣяніямъ Пирогова, Сенкевича и другихъ, развернулась уже послѣ Рейнбота,—въ 1908, 9 и 10 гг. Или, можетъ быть, удивительны «клубы»? Но они и понынѣ процвѣтаютъ и не только въ Москвѣ. На процессѣ Рейнбота одинъ изъ свидѣтелей говорилъ даже, будто о «разрѣшеніи азартныхъ игръ» хлопоталъ старшій чиновникъ сенаторской ревизіи, впослѣдствіи самъ «возмущавшійся сплетнями, что ему дали за это 5000 р». Новаго ничего эти свидѣтели не сказали. И все-таки съ появленіемъ ихъ что-то дрогнуло. Настолько дрогнуло, что сами же свидѣтели почувствовали себя какъ бы обвиняемыми. Выходитъ, напр., г. Тарбѣевъ. И объясняетъ довольно беззаботно: былъ близокъ къ градоначальнику, былъ юрисконсультомъ трактирщиковъ, пользуясь своею близостью къ начальству, зарабатывалъ, много зарабатывалъ...

— «Вы присяжный повѣренный»?—вдругъ спросили его.

И тутъ г. Тарбѣевъ словно что-то понялъ. Онъ «поблѣднѣлъ,

едва слышно» отвѣтилъ на вопросы о своемъ положенiи въ сословiи присяжной адвокатуры. «Затѣмъ, направившись къ свидѣтельской скамьѣ, внезапно, какъ подкошенный, упалъ на полъ, забившись въ истерическомъ припадкѣ»... «Публика притихла. Многiе стали расходиться» *). По этому поводу одна изъ московскихъ газетъ высказала мысль, что, хотя г. Тарбѣевъ всего только свидѣтель, но ему, какъ и г. Молдавцеву, братьямъ Макареско и многимъ другимъ, этотъ процессъ причиняетъ моральный уронъ, въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ подобный гражданской смерти. Поняли таки, хоть и поздно, то, о чемъ напоминали клубамъ репортеры, грозившiе разоблаченiями. Репортеровъ этихъ называютъ шантажистами. И вполнѣ заслуженно. Но въ 1906—7 гг. возлѣ героевъ рейнботовскаго процесса они были чуть ли не единственственными людьми, все-таки напоминавшими:

— Господа, вамъ покровительствуетъ администрацiя, на васъ сквозь пальцы смотритъ прокуратура, для васъ не страшенъ коронный судъ, но—помните—есть общественное мнѣнiе и, если оно доподлинно узнаетъ о вашихъ дѣлахъ, —вы для него конченные люди.

Репортерамъ платили за молчанiе, но едва-ли изъ страха передъ общественнымъ мнѣнiемъ,—вѣрнѣе, просто во избѣжанiе скандала и дополнительнаго вмѣшательства со стороны администрацiи. Страхъ передъ революцiонерами, которые хотятъ все взять въ свои руки и всѣхъ чиновниковъ расказнить, былъ. Но революцiя побѣждена, и послѣ этого врядъ-ли генералу Рейнботу, съ его тогдашней высоты, общественное мнѣнiе представлялось величиной, болѣе заслуживающей вниманiя, чѣмъ одна изъ многихъ жалкихъ либеральныхъ фразъ. Общественное мнѣнiе такъ и оставалось для героевъ чѣмъ-то отвлеченнымъ и несерьезнымъ. Развязно они дѣйствовали; развязно выкладывали свою подноготную передъ чиновниками сенаторской ревизiи. Нѣкоторые съ такою же развязностью и легкостью въ мысляхъ, съ потугами на остроумiе, давали показанiя и на судѣ. И вдругъ замѣтили и поняли, что общественное мнѣнiе—величина вполнѣ земная, очень реальная и очень серьезная и что именно оно окончательно рѣшаетъ, кто въ моральномъ смыслѣ конченный человѣкъ и кто неконченный. Это поняла и сказала вслухъ одна изъ мелкихъ московскихъ газетъ. Это поняли нѣкоторые свидѣтели. Лично мнѣ кажется, что понялъ и Рейнботъ. И, быть можетъ, отчасти по этой причинѣ во вторую половину процесса онъ если не присмирѣлъ и притихъ, то, во всякомъ случаѣ, уже не походилъ на человѣка, блиставшаго увѣренностью въ своей правотѣ.

Поняло кое-что, видимо, и правительство. Охранительная печать усиленно заговорила о подрывѣ власти. Правительство экстренно

*) «Голосъ Москвы», 8 мая.

и неожиданно прекратило ревизію сенатора Нейдгардта, только что передъ тѣмъ надѣленнаго новыми полномочіями. Процесса, фатально ведущаго къ раскрытію «гнойныхъ наростовъ», эта послѣдняя мѣра, разумѣется, не остановитъ. Слишкомъ много «наростовъ» въ системѣ государственности,—они созрѣваютъ и раскрываются, въ сущности, помимо сенаторскихъ ревизій. И отъ общественнаго мнѣнія никуда не уйдешь. Люди, жившіе и живущіе смрадомъ, даже не замѣчая, что это смрадъ, конченные люди. И порядки, создавшіеся на почвѣ прогрессивнаго паралича государственности,—конченные порядки. Морально они незащитимы. Но именно поэтому надо было ожидать такихъ мѣропріятій, какъ прекращеніе ревизіи сенатора Нейдгардта. Именно поэтому и впредь надо ждать еще большаго напряженія физическихъ усилій, направленныхъ къ «поддержанію устоевъ», надо ждать еще большаго развитія охранно, полицейской дѣятельности и еще большаго пренебреженія государственными началами... Болѣзнь неизлѣчима и ведетъ къ своему естественному исходу.

А. Петрищевъ.

«Предварительный Парламентъ».

(*Письмо изъ Китая*).

I.

Русско-китайскій конфликтъ заставилъ русское общество обратить на Китай больше вниманія, чѣмъ прежде. Въ текущей прессѣ за послѣдніе мѣсяцы появилось не мало статей о Китаѣ и о происходящемъ въ немъ общественномъ движеніи. Но, насколько я могу судить, въ этихъ статьяхъ очень мало было удѣлено вниманія первой сессіи Цечень-юаня, китайскаго «предварительнаго парламента», или, какъ его называютъ англійскіе писатели, Національнаго Собранія. Между тѣмъ втеченіе этого періода довольно ярко и опредѣленно проявили свое дѣйствіе главныя общественныя силы, принимающія участіе въ движеніи, и онъ заслуживаетъ, мнѣ кажется, подробнаго описанія. Ему я и посвящу свое письмо.

Конституціонное движеніе въ Китаѣ въ значительной степени было разрѣшено свыше, это—его характерная черта. Я не хочу этимъ сказать, что общество не напирало снизу, нѣтъ, оно проявляло значительную активность съ самаго начала. Но несомнѣнно, что правительство не боролось съ обществомъ столь упорно и

долго, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, и сравнительно легко согласилось дать конституцію. О причинахъ этого здѣсь говорить не мѣсто. Но фактъ тотъ, что еще въ 1905 году была назначена коммиссія, которая объѣздила Европу и Америку и на мѣстахъ изучала конституціонный строй. По возвращеніи этой коммиссіи, императрица Цу-Си выпустила первый манифестъ, обѣщавшій Китаю конституцію (1 сентября 1906 г. нов. ст.). «Но до принятія ея нужно изучить ее во всѣхъ подробностяхъ — заявлялъ этотъ манифестъ.— Главное руководство дѣлами по прежнему будетъ находиться въ рукахъ правительства, но всѣ государственные вопросы должны быть предварительно подвергнуты гласному обсужденію... Необходимо сначала реформировать законоположенія о правительственномъ механизмѣ, подробно разработать основанія юстиціи, распространить народное образованіе, привести финансовыя дѣла въ ясность, а военныя—въ порядокъ и расширить полицію въ разныхъ мѣстностяхъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ граждане понимали правительственныя мѣропріятія, которыя будутъ служить основаніемъ предстоящей конституціи... Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда эти задачи будутъ выполнены и когда будутъ использованы современные образцы конституціоннаго законодательства другихъ государствъ, мы опубликуемъ наши законы о примѣненіи конституціи къ нашему государству». Такова была позиція, занятая правительствомъ. Правда, оно, по крайней мѣрѣ, до смерти императрицы, все время старалось отойти отъ нея вправо, но общество тянуло влѣво, и въ результатѣ, если отбросить частности, правительство оставалось вѣрно намѣренію вести народъ къ конституціи, но именно вести, а не давать идти; оно за собою, за своими воспитанными въ старой атмосферѣ лѣни, невѣжества и чудовищныхъ интригъ и подкуповъ чиновниками оставляетъ задачу воспитанія народа для новой жизни.

«Егда можетъ слѣпецъ слѣпца водити? Не оба ли въ яму падутъ?» Вопросъ въ данномъ случаѣ вполнѣ умѣстный. И передовые слои общества все время выставляютъ другой принципъ: сначала конституція, а потомъ воспитаніе народа подъ руководствомъ конституціоннаго, просвѣщеннаго правительства. Но мало еще было силъ для осуществленія этого принципа, и «руководство государственными дѣлами по прежнему находится въ рукахъ правительства». Общество добилось для себя лишь участія въ воспитаніи народа и пооткрывало массу безплатныхъ школъ, библіотекъ, читаленъ, организовало въ широкихъ размѣрахъ изданіе книгъ и газетъ, да еще принудило правительство выполнить нѣкоторыя изъ своихъ обѣщаній, создать нѣкоторыя изъ учрежденій, дѣйствительно воспитывающихъ народъ въ общественной самодѣятельности.

Въ ряду вызванныхъ къ жизни новыхъ учрежденій прежде всего надо остановиться на провинціальныхъ совѣтахъ (правильнѣе, собраніяхъ). Ихъ организація такова: каждый Hsien (уча-

стокъ, волость) выбираетъ извѣстное число выборщиковъ. Выборщики всѣхъ участковъ одного Fu (префектура, уѣздъ) съѣзжаются для избранія изъ своей среды гласныхъ. Гласные отъ всѣхъ Fu одной и той же провинціи и составляютъ провинціальное собраніе. Выборы, такимъ образомъ, двухстепенные. Число гласныхъ въ различныхъ провинціальныхъ собраніяхъ колеблется между 30 и 140. Право избирать выборщиковъ имѣютъ только достигшіе 25-лѣтняго возраста мужчины-уроженцы провинціи, если они при этомъ удовлетворяютъ одному изъ слѣдующихъ условій: 1) дипломъ средней школы, 2) капиталъ въ 5000 серебр. долларовъ (немного болѣе 4000 руб.), 3) общественная (военная или гражданская) служба въ прошломъ (минимальный рангъ довольно высокій). Уроженцы другихъ провинцій пріобрѣтаютъ это право, лишь проживши 10 лѣтъ на новомъ мѣстѣ осѣдлости, если имѣютъ капиталъ въ 10.000 долларовъ. Право быть выборщикомъ, пассивное избирательное право, имѣютъ всѣ мужчины, достигшіе 30 лѣтъ. И активнаго и пассивнаго избирательнаго права лишены неграмотные, курильщики опія, сыновья безчестныхъ родителей, бродяги и мошенники, банкроты, преступники, лица духовнаго званія, учащіеся и чиновники на дѣйствительной военной или гражданской службѣ. Любопытно, что учителя начальныхъ школъ имѣютъ только активное, но не пассивное право. Такимъ образомъ, по составу эти собранія далеко не демократичны. Права собраній—чисто консультативныя, ихъ назначеніе—давать совѣты администраціи, отчасти—критиковать ея дѣйствія. Кругъ вопросовъ — чисто мѣстныя дѣла провинціи. Сессіи: разъ въ году на 40 дней очередная, а экстренныя—по желанію высшаго администратора провинціи. Въ перерывахъ между сессіями засѣдаетъ постоянный комитетъ, выбираемый собраніемъ изъ своей среды въ количествѣ $^1/_5$ полнаго числа членовъ. Предсѣдатель и два вице-предсѣдателя тоже выбираются собраніемъ. За свои рѣчи въ собраніи гласные не отвѣтственны, но за разглашеніе ихъ внѣ стѣнъ собранія отвѣтственны.

Провинціальныя собранія впервые были созваны осенью 1909 г. Посредствомъ этихъ учрежденій правительство хотѣло установить связь съ народомъ, узнать взгляды населенія и дать ему возможность войти въ курсъ общественныхъ дѣлъ. Эти же провинціальныя собранія явились и фундаментомъ для Національнаго Собранія.

Послѣднее состоитъ изъ 200 членовъ. Половина ихъ—выборные изъ среды провинціальныхъ собраній; послѣднія намѣтили двойной комплектъ кандидатовъ, а вице-короли или губернаторы провинцій отобрали изъ нихъ положенное число депутатовъ. Остальные 100 членовъ—назначены короной изъ среды имперскихъ и провинціальныхъ князей, потомственнаго дворянства, высшихъ чиновниковъ, отчасти изъ ученаго (10) и торговаго міра (тоже 10 членовъ). Что касается правъ Національнаго Собранія, то оно можетъ обсуждать всѣ государственныя дѣла (за исключеніемъ вопросовъ конституціи),

какія сочтутъ нужнымъ представить ему правительство или корона, а по своей иниціативѣ только нѣкоторыя изъ нихъ, да и то лишь въ особыхъ случаяхъ. Роль Собранія—опять-таки чисто совѣщательная; притомъ оно не имѣетъ права непосредственнаго доклада императору: въ выработкѣ меморіаловъ трону должны участвовать на ряду съ президіумомъ Собранія и члены правительства. Президіумъ назначается короной.

Очередныя сессіи собираются ежегодно на 3 мѣсяца. Созывъ экстренной сесіи зависитъ отъ короны и производится по просьбѣ того или иного министерства или президіума Собранія или, наконецъ, по меньшей мѣрѣ половины числа его членовъ.

Дальнѣйшія подробности о правахъ и обязанностяхъ Цечень-юаня нѣтъ нужды приводить, потому что въ дѣйствительной жизни, какъ читатель убѣдится ниже, всѣ эти правила не имѣли ни малѣйшаго значенія. Сказаннаго вполнѣ достаточно для выясненія какъ тенденціи правительства, такъ и физіономіи Собранія.

Къ дню открытія Національнаго Собранія (3 октября 1910 г.) правительство заготовило для разсмотрѣнія въ немъ законопроекты о страхованіи, о транспортѣ, о печати, объ авторскомъ правѣ, о школьномъ дѣлѣ въ провинціяхъ, о развитіи промышленности въ Монголіи и еще нѣсколько болѣе мелкихъ. Кромѣ того, многія провинціальныя собранія обратились къ Цечень-юаню, какъ къ высшей инстанціи, съ жалобами на неправильныя дѣйствія мѣстныхъ властей. Одна изъ этихъ жалобъ и послужила матеріаломъ для дебюта юной палаты депутатовъ, который сразу выяснилъ ея настроеніе. Именно, регентъ предложилъ Цечень-юаню обсудить положеніе дѣлъ въ провинціи Kuangsi (Кванси), гдѣ провинціальное собраніе единодушно рѣшило прервать сессію, чтобъ показать этимъ свой протестъ противъ дѣйствій губернатора, самовольно продлившаго льготный періодъ для торговцевъ и курильщиковъ опія. Національное Собраніе, не приступая пока къ другимъ дѣламъ, выбрало спеціальную коммиссію по этому вопросу. Докладъ коммиссіи, единогласно одобренный въ пленарномъ засѣданіи палаты, усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ губернатора противозаконное посягательство на права провинціальнаго собранія и предлагалъ немедленно обратиться къ трону съ просьбой о наказаніи губернатора. Предсѣдатель, принцъ Пу Лунь, испугавшись съ непривычки такой прямой и рѣшительной постановки вопроса, предложилъ было повременить съ этимъ рѣшеніемъ, «такъ какъ оно устанавливаетъ очень важный принципъ»; но палата заявила, что дѣло должно быть покончено немедленно, такъ какъ провинціальное собраніе ждетъ ея отвѣта, а, кромѣ того, принятая палатой резолюція обдумана серьезно и является вполнѣ правильной. Въ результатѣ, черезъ 2—3 дня послѣ этого, появился императорскій эдиктъ вполнѣ одобрившій мнѣніе На-

ціональнаго Собранія и объявившій губернатору Кванси строгій выговоръ.

Пу Лунь былъ правъ, говоря, что этимъ устанавливается очень важный принципъ. Своимъ рѣшеніемъ Собраніе какъ бы говорило верховному правительству: «Вы откладываете введеніе конституціи подъ тѣмъ предлогомъ, что «народъ малосвѣдущъ», «народъ не знаетъ, какъ блюсти интересы государства»,—такъ вотъ вамъ наше пониманіе государственныхъ интересовъ. Вы признали, что при конституціи «посредствующія между государемъ и народомъ власти ограничены общественнымъ мнѣніемъ; правительство принимаетъ его во вниманіе и разрѣшаетъ всѣ вопросы въ согласіи съ голосомъ народа» *). Вы насъ призвали на репетицію конституціи. Такъ вотъ посмотрите, какъ мы понимаемъ и исполняемъ свою роль. Докажите, что и вы понимаете свою роль и будете исполнять ее. Докажите, что для васъ подготовка народа къ конституціи—не пустой звукъ, что вы дорожите серьезнымъ отношеніемъ народа къ государственнымъ дѣламъ, что вы не позволяете вашимъ чиновникамъ дерзко нарушать вами же установленные законы, защитникомъ которыхъ явился самъ народъ въ силу предоставленныхъ ему вами же правъ». И корона какъ бы отвѣчала избранникамъ народа: «Да, мы признаемъ, что вы, простые граждане, лучше понимаете потребности государственной жизни, чѣмъ наши слуги, патентованные государственные дѣятели; вы правильно указали основную задачу правительства, основное условіе, безъ соблюденія котораго невозможно никакое улучшеніе государственнаго механизма; эта задача—соблюденіе законности, Примите же и отъ насъ доказательство серьезности нашего стремленія къ государственному благу и пониманія нами своихъ конституціонныхъ обязанностей».

Правда, регентъ не подвергъ губернатора Кванси серьезному наказанію, какъ просило Собраніе. Это было невозможно, потому что такъ же нарушали тѣ или иные законы и всѣ остальные администраторы и наказывать пришлось бы чуть не всѣхъ. Поэтому палата удовольствовалась неполной побѣдой и бодро взялась за свое дѣло, съ вѣрой въ его успѣхъ.

Проникнутые сознаніемъ серьезности и важности своей роли, депутаты не тратили времени на длинныя, цвѣтистыя рѣчи, а старались всегда держаться существа вопроса, такъ что зачастую общій дружный протестъ останавливалъ иного не въ мѣру краснорѣчиваго оратора: «Къ дѣлу, ближе къ дѣлу!» Главная работа сосредоточилась въ подготовительныхъ коммиссіяхъ.

Вскорѣ оказалось, что спеціалисты по веденію государственныхъ дѣлъ, правительственные чиновники, должны спасовать предъ этими неопытными новичками. Заготовленныхъ законопроектовъ оказалось

*) Изъ указа 1 сентября (19 августа) 1906 г.

мало, да и по качеству сопровождавшаго ихъ объяснительнаго матеріала они оставляли желать многаго. Послѣ 5—6 засѣданій члены Собранія стали жаловаться, что ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ ими законопроектовъ не былъ разработанъ правительствомъ по надлежащему. «Правительство не представляетъ намъ подробныхъ объясненій, которыя дали бы членамъ возможность какъ слѣдуетъ разобрать дѣло, а благодаря этому мы принуждены непроизводительно тратить драгоцѣнное время». Во время обсужденія одного законопроекта делегированный правительствомъ чиновникъ выступилъ съ своей рѣчью не во-время. Тотчасъ же одинъ изъ депутатовъ осадилъ его. «Представители правительства незнакомы съ наказомъ, регулирующимъ порядокъ нашихъ засѣданій — сказалъ онъ.—И я прошу предсѣдателя предложить имъ изучить наказъ, прежде чѣмъ выступать передъ Собраніемъ».

Какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ такое отношеніе къ дѣлу со стороны членовъ Собранія, видно изъ слѣдующаго отзыва одного иностранца-корреспондента Шанхайской «North China Daily News». «Успѣхъ Цечень-юаня возбудилъ несказанное изумленіе среди лицъ, хорошо освѣдомленныхъ въ пекинскихъ дѣлахъ. Думали, что депутаты соберутся, проведутъ нѣсколько пустячныхъ резолюцій и спокойно разъѣдутся по домамъ, благословляя свою судьбу за то, что цѣлыми и невредимыми вышли изъ опаснаго испытанія. Повидимому, такъ предполагали и въ высшихъ сферахъ, потому что въ предсѣдатели Цечень-юаня назначенъ былъ не принцъ Цинъ или кто-нибудь другой изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, а такой неопытный и слабохарактерный человѣкъ, хотя и родовитый сановникъ, какимъ всѣ считали принца Пу-Луня. Но спокойное и исполненное сознанія собственнаго достоинства поведеніе депутатовъ, видимо, заразило и предсѣдателя и серьезное отношеніе его къ дѣлу является столь же отличительной чертой Цечень-юаня, какъ и сенаторская важность депутатовъ... Пренія обнаружили замѣчательную освѣдомленность членовъ Собранія. Не будучи спеціалистами въ техническихъ частностяхъ, они, однако, видимо долго и прилежно изучали вопросы, подлежащіе ихъ разсмотрѣнію... Всѣ теперь убѣждаются, какое великое и цѣнное пріобрѣтеніе сдѣлало государство и правительство въ лицѣ Цечень-юаня. Принцы, сановники, иностранные посѣтители и остальная публика на галлереѣ перегибаются черезъ перила или встаютъ на носки, чтобы слѣдить за выразительной и на взглядъ иностранца немного смѣшной жестикуляціей ораторовъ. И каждый зритель инстинктивно чувствуетъ, что Національное Собраніе представляетъ собою не только важное историческое событіе, но что оно прямо начинаетъ новую эру, какъ первое въ такой формѣ проявленіе общественнаго движенія, не шумнаго, но великолѣпно организованнаго... Основной характеръ преній—замѣчательное единодушіе, которое притомъ не является результатомъ минутнаго

подъема, кратковременнаго увлеченія. . Интересно было наблюдать за принцами, которые занимаютъ особое мѣсто среди публики. Сначала на ихъ лицахъ было выраженіе спокойной терпимости, не безъ примѣси легкой насмѣшки, и, взглядывая по временамъ на сидящую вблизи группу иностранцевъ, они какъ бы просили у нихъ снисхожденія къ новичкамъ депутатамъ. Но вскорѣ ихъ интересъ къ рѣчамъ депутатовъ быстро увеличился и въ ихъ взглядахъ можно было уже читать чувство гордости поведеніемъ Собранія. Весь смыслъ этихъ взглядовъ вполнѣ понятенъ только для тѣхъ, кто знаетъ, насколько осторожны китайцы въ проявленіи своихъ чувствъ, насколько они боятся всего, что носитъ характеръ «gaucherie», что можетъ вызвать насмѣшку».

Нельзя сказать, что Собраніе и въ эту пору не проявляло другой своей основной черты—оппозиціоннаго отношенія къ правительству. Нѣтъ, уже 17-го октября одинъ изъ депутатовъ, отмѣтивъ тотъ фактъ, что правительство до сихъ поръ не вноситъ на обсужденіе Собранія бюджета и законопроекта о конституціи *), заявилъ: «Представляя намъ нарочно лишь мелкіе законопроекты, правительство этимъ показываетъ, что оно не хочетъ удовлетворить народъ; оно лишь притворяется, будто стремится осуществить реформы». Около того же времени одинъ ораторъ горячо напалъ на министерство народнаго просвѣщенія, которое, по его словамъ, не заботится объ открытіи школъ и распространеніи образованія, а лишь производитъ экзамены и награждаетъ студентовъ чинами *), увлекая ихъ на путь чиновничьей карьеры, въ ущербъ ихъ образованію. Интересная стычка произошла между палатой и правительствомъ при обсужденіи законопроекта о печати. Представитель правительства отстаивалъ статью, запрещавшую опубликованіе всякихъ фактовъ, хотя бы и вѣрныхъ, но порочащихъ репутацію человѣка. Единодушная и горячая оппозиція выступавшихъ одинъ за другимъ депутатовъ разбила всѣ доводы правительственнаго оратора.

Вскорѣ обнаружилась и разница между выборными и назначенными членами. Въ то время, какъ первые единодушно требовали, чтобы правительство немедленно внесло на ихъ разсмотрѣніе проектъ бюджета, вторые поддерживали министерство финансовъ, которое, боясь критики со стороны палаты, думало было совсѣмъ отказать ей въ этомъ вполнѣ законномъ требованіи.

Но все это были мелочи; правительство тогда, повидимому, не

---

*) Не забудемъ, что обсужденіе конституціоннаго закона особымъ параграфомъ въ правилахъ о Нац. Собраніи исключено изъ сферы его компетенціи.

**) Въ Китаѣ до послѣднихъ лѣтъ почти не было правительственныхъ школъ. Правительство ограничивалось лишь тѣмъ что чрезъ особыхъ чиновниковъ (Hsuehcheng-инспекторъ по народному образованію) производило экзамены, чтобы имѣть кандидатовъ на правительственныя должности.

придавало имъ значенія и относилось къ Собранію съ большимъ уваженіемъ. «Правительство предполагаетъ принять за правило, чтобы вопросы объ иностранныхъ займахъ рѣшались Національнымъ Собраніемъ: тогда исчезнетъ оппозиція общества противъ займовъ, а съ другой стороны министрамъ будетъ легко противостоять непріемлемымъ предложеніямъ иностранцевъ». Такъ сообщали пекинскія газеты еще въ серединѣ октября. Недалеко ушло въ прошлое это время, но какой обидной насмѣшкой звучатъ эти заявленія теперь, когда члены Цечень-юаня, поддерживаемые всѣми провинціальными собраніями и многочисленными частными организаціями и митингами, два слишкомъ мѣсяца безуспѣшно добивались созыва экстренной сессіи для обсужденія главнымъ образомъ именно вопроса объ иностранныхъ займахъ, которые въ такомъ большомъ масштабѣ дѣлаетъ теперь правительство, не боясь «оппозиціи общества»! Какъ рѣзко все измѣнилось за короткій срокъ! Теперь съ обществомъ и Національнымъ Собраніемъ не церемонятся. Но тогда, въ октябрѣ, была «весна», тогда правительство, казалось, шло навстрѣчу самымъ смѣлымъ чаяніямъ народа.

Народъ просилъ немедленнаго введенія конституціи. Впервые петиція объ этомъ была подана императору еще въ началѣ 1910 г. депутаціей отъ съѣзда делегатовъ провинціальныхъ собраній. Тогда правительство рѣшительно отказало, какъ отказомъ же отвѣтило и на вторую петицію, представленную въ іюнѣ. Но агитація въ странѣ не затихла и ко времени открытія Національнаго Собранія делегаты провинціональныхъ собраній снова собрались въ Пекинѣ.

7-го октября они передали петицію о немедленномъ учрежденіи парламента правительству и Національному Собранію и выбрали депутацію, чтобы добиться личной аудіенціи у регента. Къ этой депутаціи присоединилась другая, выбранная для той же цѣли на многотысячномъ митингѣ въ Паотинфу (недалеко отъ Пекина, главный городъ провинціи Чжили). 8-го октября депутаты эти пришли къ регенту. Имъ сказали, что регентъ не можетъ принять ихъ раньше 10-го. Семь человѣкъ рѣшили провести эти два дня подъ открытымъ небомъ передъ дворцомъ регента, а трое изъ нихъ, кромѣ того, въ порывѣ энтузіазма, вскрыли себѣ вены на ногахъ и окропили петицію своей кровью. Министру внутреннихъ дѣлъ депутаты заявили, что, если ихъ просьба не будетъ имѣть успѣха, они покончатъ съ собой. 10-го регентъ очень благосклонно принялъ ихъ и выразилъ согласіе на ускореніе срока открытія парламента. (По опубликованной 27 августа 1908 г. программѣ постепенной подготовки къ конституціи срокомъ этимъ былъ назначенъ 1917-й годъ). Регентъ, дѣйствительно, склонялся въ пользу сокращенія подготовительнаго періода. Въ томъ же духѣ высказывались и почти всѣ вице-короли и губернаторы, среди ко-

торыхъ была даже мысль самимъ обратиться къ трону съ петиціей объ ускореніи введенія конституціи. Эта мысль имѣла много сторонниковъ и въ высшихъ сферахъ Пекина. Министръ финансовъ Tsai Tse привѣтствовалъ ее съ той точки зрѣнія, что при конституціи будетъ гораздо легче добывать необходимые для реформъ фонды, такъ какъ самъ народъ будетъ поручителемъ при заключеніи займовъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ былъ того взгляда, что общественное мнѣніе является могучей поддержкой при рѣшеніи дипломатическихъ вопросовъ, поэтому введеніе конституціи будетъ способствовать успѣху внѣшней политики Китая. Горячо за конституціонныя реформы высказывался и министръ внутреннихъ дѣлъ, принцъ Су, на томъ основаніи, что въ тѣсной зависимости отъ нихъ находится успѣхъ мѣропріятій правительства по внутренней политикѣ. Министръ военный, Йинь Чанъ, выражалъ надежду, что введеніе конституціи будетъ содѣйствовать осуществленію военныхъ реформъ. И т. д., и т. д. Даже жена покойнаго императора, глава придворныхъ реакціонеровъ, Лунъ Ю, повидимому, склонялась на сторону реформаторовъ. Ее поразило, что петиціонеры не пожалѣли собственной крови, лишь бы ярче показать свое страстное стремленіе къ конституціи; немалое впечатлѣніе произвели на нее и событія въ Португаліи, гдѣ король поплатился трономъ за пренебрежительное отношеніе къ голосу народа. Словомъ, всѣ тогда стали либералами и демократами. Лишь члены Верховнаго Совѣта принцъ Цинъ, На Тунъ и еще кое-кто изъ крайнихъ реакціонеровъ высказывались за оставленіе прежде назначеннаго срока для открытія парламента.

Вскорѣ вопросомъ о конституціи занялось и Національное Собраніе, которому регентъ передалъ петицію, полученную имъ отъ провинціальныхъ делегатовъ; это историческое засѣданіе происходило 22 октября. «Легкая, но вполнѣ опредѣленная перемѣна замѣтна въ настроеніи Собранія», писалъ тогда одинъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ. «Прежде была просто важная дѣловитость, теперь на всѣхъ лицахъ отпечатокъ спокойной и нѣсколько мрачной рѣшимости. Сразу видно, что депутаты смотрятъ на вопросъ о парламентѣ, какъ на своего рода «быть или не быть». Уже первый ораторъ въ горячей, возбужденной рѣчи заявилъ, что успѣхъ или крушеніе стремленій народа къ конституціи обозначаетъ жизнь или смерть имперіи. «Что главнымъ образомъ побуждаетъ насъ настаивать на немедленномъ открытіи парламента, это—политическая и финансовая опасность со стороны иностранцевъ, дѣйствія которыхъ за послѣднее время становятся все болѣе агрессивными. Безъ парламента никто не справится съ финансовыми затрудненіями, безъ парламента ничего не будетъ сдѣлано для охраны цѣлости имперіи, да и не можетъ быть сдѣлано, потому что царящая теперь въ администраціи неспособность и испорченность не могутъ быть уничтожены при настоящей системѣ правленія. Съ

другой стороны, если народъ не имѣетъ голоса при рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, на него нельзя возлагать и отвѣтственность за задолженность страны. Необходимъ парламентъ, а также отвѣтственный передъ народомъ кабинетъ министровъ; пока мы требуемъ только перваго, но за то требуемъ немедленно». Много ораторовъ выступало въ этотъ вечеръ и всѣ они развивали почти однѣ и тѣ же основныя мысли. Возбужденіе все возрастало. И вотъ, когда подошло время ставить вопросъ на баллотировку, поднимается одинъ изъ депутатовъ и спрашиваетъ, есть ли хоть одинъ оппонентъ. Никто не отзывается. Собраніе заявляетъ, что голосовать не для чего, вопросъ рѣшенъ единогласно. Предсѣдатель пробуетъ напомнить, что по правиламъ необходимо все-таки баллотировать вопросъ. «Не надо! Не надо!» слышатся крики съ разныхъ сторонъ, а одинъ изъ членовъ вскакиваетъ и возбужденно говоритъ предсѣдателю: «Если вы настаиваете на баллотировкѣ, то, значитъ, вы за одно съ нашими противниками. Встаньте тѣ, кто за одно съ нами!» Мгновенно встаютъ всѣ члены, какъ одинъ человѣкъ. Залъ задрожалъ отъ взрыва рукоплесканій и привѣтственныхъ кликовъ всей публики, въ рядахъ которой было много принцевъ и высшихъ сановниковъ. Сцена была потрясающая, полная неописуемаго энтузіазма. Когда возбужденіе нѣсколько улеглось, палата выбрала коммиссію для редактированія доклада трону о немедленномъ введеніи конституціи. Этотъ докладъ былъ разсмотрѣнъ и принятъ въ засѣданіи 26 октября, причемъ послѣ спокойныхъ, полныхъ сдержанности и достоинства дебатовъ была отвергнута предложенная кѣмъ-то поправка объ открытіи парламента черезъ 3 года. Рѣшено было присоединить къ докладу и всѣ петиціи, полученныя отъ провинціальныхъ собраній, отъ народныхъ митинговъ и даже отъ китайскихъ обществъ въ Америкѣ, Австраліи и Европѣ.

Такъ логика исторіи еще разъ разорвала хитроумныя сплетенія, сотканныя творцами китайской конституціи. Старая императрица, издавая манифесты о введеніи парламента въ 1917 году, была твердо увѣрена, что ей удастся руководить постепенной подготовкой народа и придать конституціонному движенію желательные ей окраску и размѣры. Но, разъ вызванное, народное движеніе быстро освободилось отъ всѣхъ связывавшихъ его путъ. Никто не могъ предвидѣть, что провинціальныя собранія такъ смѣло заявятъ о своихъ правахъ и съ такимъ умѣньемъ и настойчивостью будутъ отстаивать ихъ. Но еще менѣе могъ кто-либо предполагать что полу-бюрократическое Національное Собраніе проявитъ такую политическую зрѣлость и такой демократизмъ.

Вся страна съ безпредѣльнымъ восторгомъ отнеслась къ событіямъ 22 октября. Привѣтственнымъ телеграммамъ Собранію не было конца. Пресса рисовала самыя радужныя перспективы. И дѣйствительно, шагъ, сдѣланный Собраніемъ, рѣшалъ судьбу конституціи, казалось, безповоротно. Казалось, что, если правитель-

ство согласится съ докладомъ палаты, то дѣло реакціонеровъ проиграно рѣшительно и безнадежно. Если же не согласится, то всему народу будетъ до очевидности ясно, что правительство его врагъ. И борьба съ этимъ врагомъ, съ этой маленькой кучкой, казалась такой легкой, разъ у народа имѣлся такой могущественный союзникъ въ лицѣ Цечень-юаня.

Реакціонеры поняли положеніе дѣлъ и уступили, но уступили не цѣликомъ. 4-го ноября появился императорскій манифестъ, объявлявшій, что парламентъ будетъ открытъ въ концѣ 1913 года, и доказывавшій, что ранѣе это невозможно, такъ какъ необходимо до этого закончить предварительныя реформы, въ числѣ которыхъ были особенно подчеркнуты: образованіе кабинета, реорганизація административнаго строя, окончательная выработка конституціоннаго закона и закона о выборахъ.

II.

Нельзя сказать, чтобы этотъ отвѣтъ трона удовлетворилъ народъ. Въ Пекинѣ втеченіе нѣсколькихъ вечеровъ происходили процессіи съ флагами и фонарями, но народъ отнесся къ нимъ равнодушно: знали, что демонстранты шествуютъ по приказу начальства. Провинціальныя собранія и «Лига Сторонниковъ Конституціи» («младокитайцы») продолжали высказываться за немедленное открытіе парламента. Даже среди высшихъ администраторовъ нашлось нѣсколько человѣкъ (во главѣ съ вице-королемъ Манчжуріи Силяномъ), которые рекомендовали открыть парламентъ въ 1911 году, чтобы обезоружить крамолу. Принцъ Цинъ совѣтовалъ регенту наказать этихъ сановниковъ за неповиновеніе эдикту. Въ самомъ Цечень-юанѣ умѣренное меньшинство помирилось съ эдиктомъ, но остальные встрѣтили его рѣзкой критикой и постановили снова требовать немедленнаго открытія парламента; правда, это требованіе, по предложенію предсѣдателя, было рѣшено адресовать не трону, а правительству въ лицѣ Верховнаго Совѣта, чѣмъ острота вопроса нѣсколько сглаживалась. Впрочемъ, на сцену вскорѣ выступили другія дѣла и этотъ вопросъ былъ заброшенъ.

8 ноября изданъ былъ, въ отвѣтъ на докладъ Національнаго Собранія, императорскій эдиктъ, порицавшій дѣйствія губернатора провинціи Хунань, который сдѣлалъ для нуждъ провинціи довольно крупный заемъ безъ вѣдома провинціальнаго собранія. Эдиктъ на будущее время рекомендовалъ всѣмъ губернаторамъ вносить подобнаго рода вопросы на предварительное разсмотрѣніе провинціальныхъ собраній. Національное Собраніе осталось очень недовольно эдиктомъ, потому что онъ не содержалъ въ себѣ ни слова порицанія по адресу Верховнаго Совѣта и министерства путей сообщенія, санкціонировавшихъ заемъ. И вотъ, въ засѣданіи 9 ноября де-

путаты обрушились на правительство съ гнѣвной, негодующей критикой. Прорвалась копившаяся много лѣтъ и долго сдерживаемая ненависть къ бюрократіи. Одинъ ораторъ въ пламенной рѣчи подвергъ безпощадному порицанію всю администрацію. Верховный Совѣтъ, это—корпорація развращенныхъ и неспособныхъ людей, не имѣющихъ ни достаточнаго образованія, ни опыта, ни честности для того, чтобы управлять дѣлами великой страны, особенно въ такое время, когда на правительствѣ лежитъ задача осуществить столь сложныя и серьезныя реформы. Министры? Не всѣ они негодны, но достоинства немногихъ лишь рѣзче оттѣняютъ чудовищную неспособность остальныхъ. Столь же суровымъ и презрительнымъ нападкамъ подверглись въ свою очередь и вице-короли и губернаторы. Не забыты были, наконецъ, и мелкіе чиновники и творимыя ими беззаконія и хищенія дали матеріалъ для мѣткой, образной и ядовитой характеристики. Вѣроятно, никогда еще за всю тысячелѣтнюю исторію Китая его правительство не слыхало по своему адресу подобныхъ рѣчей отъ частнаго лица. «Словно пламенная струя била изъ его устъ, его взоръ горѣлъ огнемъ вдохновенія или, пожалуй, безумія»,—отзывается объ этой рѣчи одинъ корреспондентъ. Толпа китайцевъ на галлереѣ забыла даже изумляться отчаянной смѣлости оратора. Лишь, когда онъ спустился съ трибуны, публика пришла въ себя, и среди общаго грома аплодисментовъ можно было замѣтить немало испуганныхъ, робко озирающихся по сторонамъ лицъ. «Почему Верховный Совѣтъ далъ санкцію займу, который не былъ представленъ на обсужденіе провинціальнаго собранія?»—говорили другіе ораторы. «Это—беззаконіе! Какъ можемъ мы ожидать честнаго отношенія къ дѣлу со стороны низшихъ властей, если высшія подаютъ имъ столь дурной примѣръ! Мы должны вернуть Верховный Совѣтъ на путь законности. Этимъ мы принесемъ пользу народу и защитимъ тронъ отъ нападокъ». Это послѣднее заявленіе очень характерно. Депутаты, какъ истые конституціоналисты и парламентаристы, совсѣмъ не задѣвали трона, даже выгораживали его и направляли всю тяжесть своей критики на правительство, на власть исполнительную.

Послѣ горячихъ рѣчей было единогласно рѣшено требовать, чтобы Верховный Совѣтъ явился для объясненій. Предсѣдатель обращался по телефону къ тому, другому, третьему изъ членовъ Совѣта,—никто не могъ явиться: заняты или нѣтъ дома. Поставленъ былъ вопросъ о перерывѣ сессіи до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ нихъ не дастъ удовлетворительныхъ объясненій. Это предложеніе было отвергнуто лишь ничтожнымъ большинствомъ. Предсѣдателю удалось, наконецъ, успокоить собраніе тѣмъ, что онъ взялся уговорить Верховный Совѣтъ исполнить просьбу Собранія. Отложивъ объясненіе съ Совѣтомъ до слѣдующаго засѣданія, депутаты перешли къ очереднымъ дѣламъ.

Слѣдующее засѣданіе было 12-го ноября. Галлерея была бит-

комъ набита публикой, съ замираніемъ сердца ожидавшей развязки. Но что сталось съ депутатами? Вмѣсто грознаго призыва центральнаго правительства къ отчету—робкій вопросъ: почему губернаторъ Хунаня оставленъ безнаказаннымъ. Вмѣсто рѣзкаго требованія—мягкая петиція. Наиболѣе горячіе сторонники реформъ сидятъ сгорбившись на своихъ мѣстахъ, головы опущены на грудь, на лицахъ—горечь пораженія. Нѣсколько блѣдныхъ, вымученныхъ рѣчей—и только. Оказывается, правительство частнымъ образомъ заявило нѣкоторымъ членамъ, что, если Собраніе будетъ продолжать въ такомъ духѣ, то будетъ немедленно распущено. Депутаты на частномъ совѣщаніи обсудили положеніе дѣлъ и пришли къ выводу, что не наступило еще время для рѣшительной битвы съ правительствомъ и что въ настоящій моментъ имъ остается одно: покориться. Представители народа почувствовали. что подъ ногами у нихъ нѣтъ твердой почвы, и пали духомъ; въ палатѣ подняла голову правительственная партія, которая до этого молчала или подлаживалась къ общему хору.

Вскорѣ Собраніе приступило къ обсужденію бюджета. Матеріалъ, представленный министерствомъ финансовъ, заключалъ въ себѣ лишь голые выводы. Депутаты потребовали деталей, въ особенности относительно провинціальныхъ расходовъ на образованіе, военное дѣло и общія реформы. На слѣдующій день было доставлено 6 большихъ ящиковъ съ матеріаломъ. Позднѣе было прибавлено еще, въ общемъ оказалось около 3280 брошюръ. Министерство въ объяснительной запискѣ заявило, что лучшей статистики, чѣмъ эта, оно не могло извлечь изъ массы провинціальныхъ отчетовъ; оно надѣется, что члены Собранія, какъ люди исключительно талантливые, сдѣлаютъ дѣло лучше. Дѣйствительно, оказалось, что провинціальные отчеты изобиловали такими выраженіями, какъ «нѣсколько болѣе», «почти», «приблизительно», «не менѣе, чѣмъ» и т. п. При такомъ количествѣ и качествѣ матеріала 48 человѣкъ проработали надъ нимъ 40 дней безъ перерыва, не разгибая спины, чтобы хоть кое-какъ разобраться въ этихъ грудахъ мусора. Отчетъ коммиссіи былъ представленъ лишь въ концѣ декабря и безъ большихъ преній былъ принятъ. Собраніе, по сравненію съ министерствомъ, увеличило смѣту доходовъ почти на 5 милл. тэлей и уменьшило расходную болѣе, чѣмъ на $7^1/_2$ милл. тэлей. Такъ работали депутаты.

Недолго однако шла спокойная и дѣловая жизнь въ Цечень-юанѣ. Верховный Совѣтъ рѣшилъ поднять налогъ на соль въ провинціи Юнань и произвести какія-то измѣненія въ постановкѣ школьнаго дѣла въ провинціи Кванси. Національное Собраніе потребовало, чтобы эти вопросы были предварительно переданы на его разсмотрѣніе. Верховный Совѣтъ не передалъ этого доклада палаты регенту, а отослалъ заинтересованнымъ министерствамъ. Этотъ поступокъ вызвалъ въ депутатахъ такую бурю негодо-

9*

ванія, что забыта была угроза разгона, забыто было рѣшеніе покориться. И вотъ какія рѣчи раздавались снова въ засѣданіи 22 ноября. «Въ правительствѣ что-то мало замѣтно стремленія дѣйствовать конституціонно. Палата третируется имъ, какъ подчиненное учрежденіе. Верховный Совѣтъ несомнѣнно нарушилъ наши права... Онъ является прямой угрозой для народа, онъ подвергаетъ опасности и тронъ, потому что такая же кучка бездарныхъ чиновниковъ была причиной гибели династіи Миновъ». «Или Національное Собраніе—или Верховный Совѣтъ, вмѣстѣ работать мы не можемъ». Болѣе умѣренные говорили: «мы не хотимъ возбуждать непріязнь между народомъ и правительствомъ. Мы лишь хотимъ защитить достоинство страны. Мы протестуемъ противъ нарушенія нашихъ правъ. Мы требуемъ, чтобы голосъ представителей народа доходилъ до трона. Мы хотимъ поддержать тронъ, но не можемъ исполнить этотъ долгъ, потому что поперекъ дороги стоитъ Верховный Совѣтъ, и мы обязаны указать на это, мы обязаны на него возложить отвѣтственность за нашу неудачу».

Одинъ изъ присутствующихъ членовъ правительства пожелалъ сдѣлать сообщеніе о Верховномъ Совѣтѣ. «Говорите-ли вы отъ его лица?»—«Не совсѣмъ такъ».—«Въ такомъ случаѣ мы не можемъ тратить время съ вами».—«Если такъ, то я готовъ говорить за Верховный Совѣтъ».—«О, выступайте, выступайте!» Ораторъ сталъ доказывать, что напрасно Собраніе требуетъ точнаго опредѣленія правъ Совѣта. Это вѣдь—исполнительный органъ, образованный еще императоромъ Chien-Lung'омъ (въ 1732 г.), который во время своихъ постоянныхъ походовъ оставлялъ для управленія государствомъ этотъ совѣтъ и облекалъ его всей полнотой власти, какую имѣлъ. И въ настоящее время совѣтъ имѣетъ столько власти, сколько угодно императору. Онъ помогаетъ трону, но не имѣетъ никакой отвѣтственности. Всѣ его указы утверждаются, если не прямо диктуются, трономъ. Быть можетъ, онъ и плохъ, но въ настоящее время замѣнить его некѣмъ.

Смыслъ правительственнаго отвѣта былъ, стало быть, таковъ: «Мы поступаемъ противозаконно, но это—не мы, это—приказъ трона. Вы хотите ограничить наши права, но этимъ вы посягаете на прерогативы монарха, которому благоугодно было облечь насъ своимъ довѣріемъ и полнотой власти». Депутаты Цечень-юаня встрѣтили рѣчь представителя правительства остроумными насмѣшками, которыя заставили чиновнаго оратора сойти съ трибуны и удалиться изъ собранія съ видомъ оскорбленнаго достоинства. Съ своей стороны депутаты выдвинули въ своихъ рѣчахъ конституціонный принципъ неприкосновенности монарха и, какъ логическое слѣдствіе отсюда, отвѣтственности правительства. Въ концѣ концовъ собраніе почти единогласно постановило доложить трону свой протестъ противъ Верховнаго Совѣта и потребовать немедленнаго учрежденія отвѣтственнаго министерства, отвѣтственнаго

и передъ трономъ, и передъ народомъ, смѣняемаго по рѣшенію палаты.

«Какъ ни горячи были нападки на правительство, тѣмъ не менѣе собраніе ни на минуту не вышло изъ границъ лойяльности. Ни слѣда революціоннаго духа, и при упоминаніи о паденіи династіи Миновъ на лицахъ всѣхъ членовъ выразился нѣкоторый испугъ, нѣкоторая боязнь, что ораторъ зашелъ черезчуръ далеко»,—писалъ въ своемъ отчетѣ объ этомъ засѣданіи корреспондентъ «North—China Daily News».

23 ноября появился эдиктъ о передачѣ вопросовъ о соляномъ налогѣ въ Юнанѣ и о школьномъ дѣлѣ въ Кванси соотвѣтствующимъ провинціальнымъ собраніямъ. Такимъ образомъ протестъ противъ поступка Верховнаго Совѣта потерялъ смыслъ. Но сохранилъ все значеніе поднятый ораторомъ-чиновникомъ принципіальный вопросъ объ отвѣтственности правительства. Поэтому 25 ноября собраніе выбрало коммиссію для составленія новаго доклада трону исключительно по этому вопросу. 30 ноября этотъ докладъ былъ принятъ въ первомъ чтеніи. А въ началѣ декабря былъ назначенъ недѣльный перерывъ общихъ засѣданій, чтобы дать возможность финансовой коммиссіи разсмотрѣть бюджетъ.

Той порой вопросъ о кабинетѣ занялъ и правительство. Еще въ концѣ октября китайскія газеты передавали, какъ слухъ, что Tsai Tse, Tsai Hsun (морской министръ, братъ регента), Силянъ, Sun Pao-chi (губернаторъ Шаньдуна) и нѣкоторые другіе высказываются за немедленное образованіе кабинета. Теперь правительство занялось этимъ вопросомъ вплотную. Были запрошены всѣ провинціальные администраторы, было нѣсколько собраній высшихъ сановниковъ въ Пекинѣ. Стало извѣстно, что правительство склоняется къ мысли о кабинетѣ, но о кабинетѣ по японскому образцу, т. е. отвѣтственномъ только передъ верховной властью, а не передъ палатой депутатовъ. Хотя этотъ оборотъ дѣла не вполнѣ совпадалъ съ желаніемъ депутатовъ, тѣмъ не менѣе они были настроены очень оптимистично и надѣялись, что еще до окончанія сессіи (назначеннаго первоначально на конецъ декабря) будетъ дано нѣчто вродѣ конституціи.

10 декабря петиція трону о кабинетѣ была окончательно принята въ національномъ Собраніи. Объ ея содержаніи и тонѣ даютъ понятіе слѣдующія выдержки: «Обязанности Верховнаго Совѣта не поддаются ясному опредѣленію. Трудно ожидать, чтобы онъ могъ принести существенную пользу государству. Принцъ (Цинъ) и остальные члены его боятся, какъ бы не оказаться послѣдними въ полученіи жалованья и наградъ и первыми въ полученіи выговоровъ и порицаній... Ихъ участіе въ обсужденіи и рѣшеніи государственныхъ дѣлъ чисто фиктивное, потому что они не оказали правительству никакой реальной помощи въ дѣлахъ управленія. Они смотрятъ на засѣданія Совѣта, какъ на пустую фор-

мальность; прочитываютъ доклады и петиціи, какъ вздорныя басни. Ихъ умъ занятъ мыслью объ удержаніи за собою высокихъ должностей и связанныхъ съ этимъ щедрыхъ окладовъ... Равнодушные къ народному благу, но ревнивые къ своимъ собственнымъ интересамъ, они причинили Вашему Высочеству много горя, трудовъ и скорби, а народъ ввергли въ нищету, болѣзни и бѣдствія. Мы выражаемъ надежду, что мудрый умъ Вашего Высочества найдетъ надлежащій выходъ изъ этого положенія дѣлъ, что Вы подтвердите манифестъ 3-го дня 10-й луны (4.XI.10) и категорически постановите, что до учрежденія отвѣтственнаго кабинета Верховный Совѣтъ долженъ быть отвѣтствененъ за политику правительства. Это помѣшаетъ имъ придумывать себѣ извиненія и перелагать тяжесть своихъ поступковъ на другія плечи. А намъ это дастъ надежду на оздоровленіе основъ нашей администраціи и на пробужденіе въ ней энергіи и духа законности».

Около этого же времени Собраніе по своей собственной иниціативѣ возбудило вопросъ объ амнистіи участниковъ реформистскаго движенія 1898 г. *) и о разрѣшеніи и даже предписаніи чиновникамъ, дипломатамъ, солдатамъ, полиціи, матросамъ и учащимся снять косу, этотъ «свиной хвостъ, напоминающій о подчиненіи нашей націи болѣе грубой расѣ» **).

Въ отвѣтъ на меморіалъ Національнаго Собранія, критиковавшій Верховный Совѣтъ, 18-го декабря появился императорскій эдиктъ такого содержанія: «Установленіе той или иной системы государственной службы, а равно и размѣровъ вознагражденія за нее, и власть назначать и смѣщать всѣхъ Нашихъ должностныхъ лицъ—является неотъемлемымъ правомъ трона, какъ это установлено въ качествѣ одного изъ главныхъ принциповъ конституціи, выработанной въ

---

*) Напомню читателямъ, что то была первая попытка двинуть государственный корабль Китая по пути современной цивилизаціи. Покойный императоръ Кванъ Су подпалъ подъ вліяніе группы молодыхъ и просвѣщенныхъ сановниковъ во главѣ съ кантонцемъ Канъ Ю-вей. Было предположено реорганизовать административный строй (министерства европейскаго типа, упраздненіе многихъ синекуръ и т. д.), армію, но, что всего важнѣе, народное образованіе и включить въ программу экзаменовъ на чины всеобщую исторію и госуд. право европейскихъ странъ, равно какъ и нѣкоторыя другія науки. Это вызвало естественный переполохъ среди мандариновъ старой школы, чѣмъ воспользовалась императрица Цу Сы, которая и произвела coup d'état 22 сентября 1898 г. Императора заставили подписать актъ отреченія, шестерыхъ реформистовъ казнили, остальныхъ сослали. Канъ Ю-вей бѣжалъ за-границу. Реформаторскіе эдикты были отмѣнены.

**) Первоначально китайцы носили длинные волосы, связанные на макушкѣ въ пучокъ. Манчжуры заставили ихъ брить всю переднюю часть головы, а длинные волосы, оставшіеся на затылкѣ, заплетать въ косу, которая и сдѣлалась эмблемой подчиненія завоевателямъ. Этотъ обычай съ теченіемъ времени однако такъ укоренился, что отсутствіе косы стало считаться признакомъ позора; косу отрѣзали, напр., преступникамъ.

предшествующее царствованіе. Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса объ отвѣтственности Верховнаго Совѣта и объ учрежденіи отвѣтственнаго кабинета по праву принадлежитъ одному только трону, такъ что предсѣдатель и прочіе члены Цечень-юаня не должны вмѣшиваться въ это дѣло». Изъ этого же эдикта публика узнала, что Верховный Совѣтъ in corpore подавалъ въ отставку, ссылаясь на неспособность вывести страну изъ критическаго положенія, и что тронъ этой отставки не принялъ, такъ какъ призналъ ихъ вѣрными и способными слугами престола.

Этотъ рѣзкій отвѣтъ короны показалъ, что депутаты Собранія задѣли самый чувствительный нервъ правительства. Правительство помирилось съ мыслью объ участіи народа въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ, но оно никакъ не могло допустить своей отвѣтственности передъ народомъ и даже критики своихъ дѣйствій народными представителями. Эдиктъ, защищающій эту позацію правительства, лишь показалъ, что монархъ или является игрушкой въ рукахъ бюрократіи (что всего вѣрнѣе) или совсѣмъ не дорожитъ народнымъ мнѣніемъ, не боится брать на свою особу всю отвѣтственность за дѣйствія милой его сердцу бюрократіи.

Вполнѣ естественно, что Собраніе было поражено несправедливостью брошеннаго ему въ такой рѣзкой, вызывающей формѣ обвиненія. Увлеченное раздраженіемъ и логикой борьбы, оно приняло этотъ вызовъ и 19-го декабря рѣшило обратиться къ трону съ новымъ меморіаломъ, настаивающимъ на необходимости сдѣлать Верховный Совѣтъ отвѣтственнымъ. На этотъ разъ ясно имѣлась въ виду отвѣтственность передъ Собраніемъ, какъ представителемъ народа, и предполагалось добавить, что, если мнѣніе Собранія не будетъ уважено, то депутаты разъѣдутся по домамъ. Ораторы этого дня впервые задѣли своей критикой и особу регента. 21-го Собраніе заслушало выработанный особой коммиссіей текстъ меморіала, но нашло его тонъ недостаточно рѣшительнымъ и отвергло. Въ измѣненной редакціи меморіалъ былъ заслушанъ 24-го и принятъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, причемъ предсѣдателя обязали представить его трону не позднѣе 26-го.

Между тѣмъ тронъ все яснѣе и яснѣе выказывалъ свое неудовольствіе тѣмъ направленіемъ и окраской, какія приняло общественное движеніе. На просьбу объ амнистіи дѣятелей 1898 года не послѣдовало никакого отвѣта, хотя положительный отвѣтъ, казалось, былъ обязателенъ: вѣдь вся вина этихъ «политическихъ преступниковъ» заключалась въ томъ, что они были первыми, не во-время прилетѣвшими ласточками весны, которая теперь наступила оффиціально; вѣдь теперешнія правительственныя обѣщанія далеко превзошли то, о чемъ мечтали эти радикалы.

Что касается вопроса о косѣ, то вотъ какой эдиктъ появился 21-го декабря:

«Министерство земледѣлія, торговли и промышленности увѣ-

домляетъ насъ о полученіи имъ петиціи пекинской торговой палаты. Какъ видно изъ этой петиціи, всѣ купеческія гильдіи въ Пекинѣ и въ провинціяхъ сильно встревожены упорными и громкими слухами о снятіи косы и реформѣ одежды. Петиціонеры доказываютъ, что такая мѣра грозитъ опасностью торговлѣ и промышленности и ставитъ ихъ въ критическое положеніе, почему они убѣдительно просятъ Насъ о защитѣ и поддержкѣ. Мы такъ долго проводимъ опредѣленное различіе въ одеждѣ, приличествующей различнымъ классамъ общества, что никогда не допустимъ легкомысленныхъ перемѣнъ. За исключеніемъ арміи, флота и полиціи, для которыхъ въ настоящее время необходима особая форма, одобренная въ видахъ удобства и по предложенію подлежащихъ властей, всѣ остальныя должностныя лица, какъ занятыя въ школьномъ дѣлѣ, такъ и всѣ прочія, обязаны покорно и съ уваженіемъ относиться къ установленному Нами закону и не давать легкой вѣры праздной болтовнѣ, ведущей къ заблужденіямъ».

Еще опредѣленнѣе реакціонный духъ сказался въ отношеніи правительства къ агитаціи за немедленный созывъ парламента. Послѣ эдикта 4 ноября эта агитація въ странѣ не прекращалась. До поры до времени правительство продолжало смотрѣть на нее сквозь пальцы. Но вотъ въ декабрѣ регентъ получилъ меморіалъ манчжурскаго вице-короля, присоединявшагося къ петиціи митинга въ Мукденѣ, на которомъ были представители разныхъ торговыхъ корпорацій, а также делегаты отъ 46 округовъ южной Манчжуріи. Подобный митингъ былъ и въ Тяньзинѣ. Делегаты обоихъ митинговъ прибыли въ Пекинъ, чтобы лично просить регента, принца Цина и др. высшихъ сановниковъ. Провинціальное собраніе Чжили съ такой же просьбой обратилось къ регенту черезъ вице-короля своей провинціи. Ни тономъ, ни содержаніемъ эти петиціи не отличались отъ предыдущихъ. Но отношеніе къ нимъ верховной власти было уже не то. Эдиктъ 24 декабря, ссылаясь на то, что рѣшеніе по вопросу о срокѣ для открытія парламента уже состоялось и не подлежитъ отмѣнѣ, приказалъ арестовать манчжурскихъ делегатовъ и немедленно выслать ихъ на родину.

«Тронъ не разъ относился къ такимъ поступкамъ снисходительно и прощалъ. Но, къ Нашему великому безпокойству, Мы видимъ, что есть злонамѣренные люди, которые интригуютъ среди темнаго населенія и возбуждаютъ нашихъ подданныхъ, разсказывая имъ всякія небылицы, въ надеждѣ произвести смуту. На бунтовщиковъ мы не можемъ смотрѣть, какъ на своихъ любящихъ миръ подданныхъ».

Между тѣмъ вотъ какъ описывалъ этихъ бунтовщиковъ мукденскій корреспондентъ: «Митингъ показалъ, что населеніе Манчжуріи совсѣмъ переродилось. Никогда небывалое единеніе... Главная мысль ихъ петицій та, что парламентъ спасетъ страну и

объединить народъ. Вице-король при пріемѣ депутаціи заплакалъ; заплакали и пали ницъ и сами депутаты. Огромная (больше 20.000 человѣкъ) и соблюдавшая образцовый порядокъ толпа, которой пришлось простоять больше 10 часовъ на рѣзкомъ морозѣ, разразилась громомъ рукоплесканій и криками: «Ван Шуй, Ван Шуй» (да здравствуетъ императоръ!)». Такимъ же духомъ патріотизма и вѣрноподданничества проникнуты были и всѣ другіе митинги и петиціи.

Какое же впечатлѣніе произвелъ на общество эдиктъ 24 декабря? Вотъ выдержки изъ статьи «Шень Пао», давнишней и умѣренной газеты (другіе говорили то же, но болѣе рѣзко): «Почему тронъ безжалостно попралъ интересы страны, столь немилостиво и въ столь грубомъ тонѣ отказавшись принять четвертую петицію народа о парламентѣ,—это свыше нашего пониманія. Правительство взглянуло на патріотовъ, какъ на враговъ, и вмѣсто того, чтобы понять ихъ стремленія и восхищаться ими, оно снова растоптало ихъ безъ малѣйшаго состраданія... Не говорите, что петиціонеры, «надоѣдаютъ и безпокоятъ» васъ. Придетъ время, когда вы будете искать хоть одного изъ такихъ «невѣжественныхъ и глупыхъ» людей, но поиски ваши будутъ тщетны... Вспомните аннексію Кореи, вспомните раздѣлъ Польши. И та, и другая страна жила бы и до сихъ поръ независимой жизнью, если бы только ихъ монархи слушались совѣтовъ своихъ вѣрноподданныхъ и патріотовъ».

Старожилы Пекина, не забывшіе еще режима старой императрицы, увѣряли, что правительство нарочно дѣлало до сихъ поръ поблажку Національному Собранію, чтобы провоцировать его на какой-нибудь необдуманный шагъ, что собраніе само себѣ повредило неумѣренными нападками на правительство и что эдиктъ 24 декабря предвѣщаетъ ему близкую смерть. Но депутаты отвѣчали на это, что такъ же правительство запугивало и прежде, но въ концѣ концовъ уступало. Многіе не вѣрили, что правительство будетъ на самомъ дѣлѣ преслѣдовать дальнѣйшую агитацію за парламентъ, и всѣ были согласны въ томъ, что суровыя мѣры грозили бы опасностью только династіи.

Оптимизмъ депутатовъ до нѣкоторой степени оправдался. 25 декабря, прежде, чѣмъ меморіалъ Собранія, требовавшій отвѣтственнаго министерства, былъ представленъ трону, былъ опубликованъ императорскій эдиктъ, предписавшій «коммиссіи по подготовкѣ конституціи» поспѣшить съ ея работой и между прочимъ «выработать и какъ можно скорѣе представить трону проектъ кабинета». Хотя этимъ эдиктомъ правительство не сказало по существу ничего новаго, такъ какъ и кабинетъ, и ускореніе реформъ были обѣщаны уже раньше, но въ атмосферѣ тѣхъ дней повтореніе этихъ обѣщаній не могло не звучать примирительной нотой.

И совокупное дѣйствіе угрозы 24 декабря и примиренія 25-го

оказалось именно такимъ, какое было желательно и выгодно правительству. Умѣренные элементы удовлетворились, общество разслоилось. 26 декабря Національное Собраніе, большинствомъ 85 противъ 40, постановило взять свой меморіалъ обратно. Это была уступка умѣреннымъ слоямъ общества, въ средѣ которыхъ уже начали поговаривать, что на депутатскихъ скамьяхъ сидятъ завзятые революціонеры.

Но не вся страна состояла изъ умѣренныхъ. Прежде всего, преобладающее настроеніе провинціи было не въ пользу уступокъ правительству. По словамъ пекинскаго корреспондента «Таймса», депутаты еще въ ноябрѣ заявляли ему, что для нихъ опасно одобрять новую программу правительства (послѣ эдикта 4 ноября), такъ какъ это можетъ быть понято страною въ томъ смыслѣ, что они за правительство и противъ народа; правительству нельзя довѣрять, оно можетъ двигаться впередъ только при постоянномъ давленіи со стороны провинціи: «мы должны гнать правительство на аршинъ, чтобы заставить его шагнуть на вершокъ». Радикальныя пекинскія газеты набросились на Цечень-юань послѣ 26 декабря съ ядовитой критикой, обвиняя его въ ребяческой трусости передъ правительствомъ. «Куя Лунь Ше Пао» («Общественное Мнѣніе») помѣстила каррикатуру, въ которой Національное Собраніе было изображено въ видѣ стаи грызущихся между собою собакъ. Эта каррикатура настолько задѣла депутатовъ за живое, что они измѣнили своимъ принципамъ и потребовали административной кары для газеты.

Подъ вліяніемъ этой критики Собраніе уже 28 декабря, т. е. всего лишь черезъ два дня, снова рѣшило напасть на Верховный Совѣтъ, обвиняя его членовъ каждаго въ отдѣльности, но не упоминая больше о кабинетѣ. Конечно, это метаніе изъ стороны въ сторону не увеличило числа сторонниковъ Собранія, а лишь показало, что оно, очутившись между двухъ огней, потеряло самообладаніе и твердую почву подъ ногами, упустило изъ рукъ опредѣленную руководящую нить и сдѣлалось игрушкой случайныхъ настроеній. Вмѣстѣ съ этимъ оно перестало быть силой, съ которой стоило бы считаться. Прежде всего поняли это сами депутаты. Чувствуя, что ихъ дѣло проиграно, они потеряли всякій интересъ къ засѣданіямъ. Не слышно стало горячихъ рѣчей. Быстро, почти безъ преній, проходили одинъ за другимъ разсматривавшіеся законопроекты. А многіе члены прямо стали манкировать.

Одинъ эпизодъ вывелъ ихъ было изъ этого состоянія апатіи. Ректоръ пекинскаго университета представилъ регенту пасквиль на Національное Собраніе, въ которомъ, на ряду съ обвиненіями въ захватѣ власти, въ демагогіи, въ надругательствѣ надъ священными обычаями страны и т. п.,—заявлялъ, что, наружно презирая правительство, депутаты тайно стараются снискать его расположеніе путемъ подкупа, а съ другой стороны вошли въ соглашеніе

съ печатью съ цѣлью монополизировать общественное мнѣніе. Съ чувствомъ горькой обиды встрѣтили это обвиненіе депутаты. Ихъ, такъ самоотверженно боровшихся съ испорченнымъ подкупами до мозга костей правительствомъ, ихъ самихъ теперь обвиняютъ въ подкупѣ! Они, протестовавшіе противъ безконтрольнаго хозяйничанія бюрократіи, сами повинны въ своеволіи! «Незачѣмъ намъ оставаться здѣсь»,—заявилъ при общемъ сочувствіи одинъ депутатъ.—«Если мы не должны проводить своихъ взглядовъ, если мы здѣсь лишь затѣмъ, чтобы одобрять все, что намъ преподносятъ, какъ думаетъ Ліу (авторъ пасквиля), то не стоило и вызывать насъ сюда. Если таковы наши права, то намъ остается только просить о роспускѣ». Собраніе рѣшило настаивать на немедленномъ разслѣдованіи обвиненій, брошенныхъ ему ректоромъ, съ тѣмъ, чтобы привлечь его къ отвѣтственности, если эти обвиненія не будутъ удостовѣрены. Но это постановленіе было лишь послѣдней вспышкой угасавшей энергіи Собранія. Съ большимъ трудомъ можно было набрать даже достаточный для засѣданій кворумъ.

Правительство не сочло нужнымъ даже отвѣчать на нападки своего явно побѣжденнаго врага. Вмѣсто этого провинціальнымъ властямъ было предложено высказать, что онѣ имѣютъ противъ Національнаго Собранія, и послать эти сообщенія въ Пекинъ по телеграфу, такъ, чтобы центральное правительство могло получить ихъ до закрытія сессіи Собранія. Вице-короли и губернаторы, большинство которыхъ вначалѣ было такъ либерально, теперь оказались тоже противъ Цечень-юаня и многіе изъ нихъ присоединились къ общему хору нападавшихъ на него.

Но всего ярче проявились вражда и презрѣніе правительства къ народу въ эдиктѣ 9 января, объявлявшемъ съ злораднымъ издѣвательствомъ о наказаніи вѣчной ссылкой одного изъ организаторовъ Тяньзинскаго митинга. «Извѣстный бродяга... человѣкъ низкаго происхожденія... много лѣтъ былъ лакеемъ... избѣгаемый всѣми порядочными людьми... пользовался агитаціей за парламентъ, какъ предлогомъ для скопищъ и для вымогательства денегъ... основалъ «Женское Патріотическое Общество» и именовалъ себя предсѣдателемъ его... подстрекалъ учащихся къ забастовкамъ... его цѣлью было вызвать возстаніе», — вотъ какую характеристику даетъ этому человѣку эдиктъ. А между тѣмъ населеніе Тяньзиня устроило этому «бродягѣ» торжественные проводы въ ссылку и поднесло много подарковъ.

10 января кончилась сессія Собранія и 11-го оно было оффиціально закрыто. Такое блестящее, многообѣщающее начало, и такой скромный, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже позорный конецъ! Чѣмъ объясняется это? Конечно, если отвѣчать на этотъ вопросъ коротко, то надо сказать: «политической незрѣлостью страны». Но, чтобы придать этому отвѣту болѣе точный и ясный смыслъ, необходимъ нѣкоторый анализъ общественныхъ силъ.

III.

Трудовую массу населенія, самые низы народа, пока надо совсѣмъ почти выкинуть изъ счета. Она слишкомъ еще невѣжественна и забита и потому пассивна.

Современное общественное движеніе въ Китаѣ возникло не на почвѣ классовой борьбы, а на почвѣ національной,—даже націоналистической, если хотите. Китай началъ просыпаться подъ вліяніемъ самыхъ недвусмысленныхъ стремленій иностранцевъ къ захвату въ свои руки не только всей торговли и финансовъ, но и территоріи Китая. Пораженіе въ войнѣ съ японцами въ 1894—5 гг., а въ особенности рядъ территоріальныхъ уступокъ Россіи, Германіи и Англіи въ 1897—9 гг. вызвалъ первое реформистское движеніе Канъ Ю-вея. Но тогда еще явно преобладали консервативныя силы, которыя въ 1900 году попробовали спасти Китай отъ европейцевъ «своими средствіями», боксерскимъ движеніемъ. Полная неудача этой попытки, такъ дорого обошедшейся Китаю, впервые обратила взоры правительства и широкихъ круговъ общества къ европейской матеріальной и духовной культурѣ, къ европейскому политическому строю. Побѣда маленькой, но конституціонной Японіи надъ великой, но автократической и невѣжественной Россіей окончательно убѣдила Китай, что его спасеніе—въ европейскихъ формахъ жизни. Въ начавшемся послѣ этого общественномъ движеніи и приняли участіе лишь тѣ слои общества, которые въ той или иной степени имѣли представленіе о Европѣ, т.-е. главнымъ образомъ интеллигенція, въ частности студенчество, и до нѣкоторой степени торговый классъ. Цѣль движенія—спасеніе Китая отъ иностранцевъ, защита территоріи и правъ Китая. Идеалъ—свободный и могущественный Китай, полный хозяинъ въ своей странѣ.

Низы населенія понемногу втягиваются въ это движеніе благодаря школамъ, просвѣтительнымъ обществамъ и широко развившейся прессѣ. Въ низахъ происходитъ своя, бытовая революція, коренная ломка всего строя жизни, замѣна устарѣвшихъ обычаевъ болѣе культурными. Постороннему взгляду этотъ процессъ трудно замѣтить. Мы видимъ однако, что Китай борется и успѣшно борется съ куреніемъ опіума, съ азартными играми, съ уродованіемъ ногъ женщинъ и т. д. Недавняя эпидемія чумы дала намъ великолѣпный случай познакомиться съ результатами культурнаго движенія въ массахъ. Низы уже не противятся новшествамъ и все рѣже и рѣже проявляютъ свою вражду къ иностранцамъ въ традиціонной формѣ бунтовъ и избіеній. Все чаще европейцы отмѣчаютъ, что въ безпорядкахъ, вспыхивающихъ и теперь постоянно на почвѣ голода и т. п. причинъ, недовольство массы направлено

исключительно на допускающихъ преступныя злоупотребленія чиновниковъ и на эксплуататоровъ-торговцевъ. Конечно, извѣстное политическое значеніе имѣютъ и эти стихійные, разрозненные и случайные бунты, но въ общемъ роль массы въ политической жизни страны пока пассивная: масса не препятствуетъ, и только.

Быть-можетъ нѣкоторымъ исключеніемъ является Югъ, гдѣ въ массахъ сильна непріязнь къ манчжурамъ, къ правящей династіи. Но, во-первыхъ, трудно судить, насколько эта непріязнь оплодотворена конституціонными стремленіями, а, во-вторыхъ, недавняя попытка возстанія показала, что и антидинастическому движенію не достаетъ и сильно недостаетъ какъ интенсивности, такъ и организованности. Какъ будетъ вести себя масса, если правительство станетъ натравливать ее на конституціоналистовъ—а зародышъ такой тактики можно, пожалуй, видѣть въ эдиктѣ 9 января—судить, конечно, мудрено, хотя мудрено предсказывать и успѣхъ правительству: слишкомъ ужъ плохо зарекомендовали себя его чиновники въ глазахъ народа.

Болѣе активная часть населенія въ своихъ митинговыхъ резолюціяхъ и петиціяхъ многократно, опредѣленно и настойчиво высказывалась за конституцію. Но является вопросъ, насколько глубока потребность въ ней. Легко было заявлять о ней, когда правительство не препятствовало этому, когда митинги происходили при попустительствѣ, а часто и при благосклонномъ содѣйствіи вице-королей, при сочувствіи регента. Какъ поведутъ себя конституціоналисты теперь, когда правительство увидѣло, какъ далеко простираются притязанія народныхъ представителей, и запретило дальнѣйшую агитацію за парламентъ? Будутъ ли они требовать конституціи вопреки желанію правительства и трона, будутъ ли они бороться съ правительствомъ? Этотъ вопросъ получилъ живое, реальное значеніе въ моментъ конфликта Національнаго Собранія съ Верховнымъ Совѣтомъ. Для того момента отвѣтъ получился отрицательный.

Провинціальныя собранія выполнили выпавшія на ихъ долю общественныя задачи блестяще. Они не только серьезно и умѣло разрѣшали тѣ вопросы мѣстной, провинціальной жизни, которые входили въ сферу ихъ компетенціи, но съ достоинствомъ и честью защищали свои права отъ посягательствъ администраціи, а свою непреклонность въ этой борьбѣ не разъ доказали своими «забастовками». Они вмѣшались и въ сферу общегосударственныхъ дѣлъ, присоединивъ свой голосъ къ требованіямъ народа о немедленномъ введеніи конституціи и взявъ на себя задачу довести объ этомъ до свѣдѣнія трона. Большаго отъ нихъ по условіямъ момента нельзя было и требовать.

Гораздо болѣе сложная задача предстала передъ Національнымъ Собраніемъ. Неизбѣжный ходъ обстоятельствъ поставилъ его лицомъ къ лицу съ задачей дальнѣйшаго развитія конституціоннаго

принципа. Собраніе вступило въ борьбу съ правительствомъ,—и эта борьба оказалась для него непосильной: надлежащей поддержки за депутатами не было.

Слѣдовало ли имъ начинать при такихъ условіяхъ борьбу? Не было ли это съ ихъ стороны ошибкой, которой они могли и, стало быть, обязаны были не допускать, или этотъ шагъ былъ неизбѣженъ? Объ этомъ люди разныхъ политическихъ лагерей могутъ судить различно. Не забудемъ только, что Собраніе пробовало отказаться отъ этого шага, готово было покориться. И если рискованный шагъ тѣмъ не менѣе былъ сдѣланъ, такъ была, значитъ, какая-то сила, которая толкала на него депутатовъ помимо ихъ воли. Этой силой отчасти было вызывающее поведеніе правительства, но главнымъ образомъ обязанность борьбы съ нимъ, возложенная на депутатовъ пославшимъ ихъ народомъ, который не могъ понять всей тяжести этой задачи, невыполнимости ея безъ непосредственнаго вмѣшательства самого народа. Вспомнимъ столь же наивныя требованія, предъявлявшіяся русскимъ народомъ къ депутатамъ первыхъ двухъ Думъ...

Какъ бы то ни было, шагъ былъ сдѣланъ и положилъ начало новой стадіи конституціоннаго движенія въ Китаѣ и новому распредѣленію борющихся за конституцію силъ Либеральные элементы правительства и умѣренно-либеральные элементы общества отдѣлились отъ радикаловъ. Какую позицію займетъ теперь Національное Собраніе? Этотъ крайне интересный вопросъ разрѣшится лишь осенью, во время второй очередной сессіи. Одно можно сказать съ увѣренностью, что событія конца 1910 года многое уяснили китайскому обществу, наглядно показали ему, насколько невозможно возлагать надежды на правительство. Многознаменательнымъ симптомомъ является отмѣчаемое всѣми обновленіе революціонныхъ обществъ за послѣдніе мѣсяцы. Тревожные слухи о ростѣ революціонной пропаганды идутъ отовсюду, а въ Кантонѣ апрѣль мѣсяцъ ознаменовался террористическимъ актомъ и даже попыткой возстанія. Все это не предвѣщаетъ правительству безмятежнаго будущаго.

Пока же оно твердо стоитъ на занятой имъ реакціонной позиціи и упорно игнорируетъ голосъ народа. Вся бюджетная работа Національнаго Собранія пошла на смарку. Сначала регентъ призналъ правильными сокращенія, сдѣланныя палатой по статьямъ расходовъ, и разрѣшилъ администраціи превышать расходную смѣту лишь въ крайнихъ случаяхъ, да и то не иначе, какъ съ предварительнаго согласія верховной власти и послѣ представленія ей подробныхъ доказательствъ необходимости такой мѣры. Потомъ одинъ изъ эдиктовъ уже прямо призналъ, что всѣ перерасходы вызываются необходимостью. Наконецъ, эдиктъ 17-го мая заявляетъ, что бюджетъ, надъ которымъ столько трудовъ потратило Собраніе, былъ лишь предварительнымъ и, если не осуществятся

пожеланія депутатовъ, это—не бѣда, такъ какъ вся ихъ работа имѣетъ лишь значеніе опыта, который будетъ использованъ въ дальнѣйшемъ; а теперь превышенія въ расходной смѣтѣ тронъ призналъ необходимыми и одобрилъ, и Національному Собранію нечего опасаться за бюджетъ: тронъ вверху и министерство финансовъ внизу слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не было ненужныхъ расходовъ.

Точно такъ же не допускаетъ правительство вмѣшательства Національнаго Собранія и въ дипломатическія дѣла и въ политику займовъ у иностранцевъ, настаивая на томъ, что оно само умѣетъ заботиться объ интересахъ страны. Въ силу этого печати строго запрещено касаться этихъ вопросовъ. Въ силу этого Національное Собраніе, которое, при поддержкѣ всѣхъ провинціальныхъ собраній, печати и частныхъ союзовъ и собраній, добивалось созыва внѣочередной сессіи съ самаго начала конфликта съ Россіей, получало нѣсколько разъ отказъ отъ Верховнаго Совѣта, а теперь и отъ регента, къ которому оно обращалось съ петиціей, подписанной гораздо больше, чѣмъ половиной всего числа депутатовъ. Такъ правительство забыло золотыя, но въ его устахъ наивныя или лицемѣрныя слова: «Если масса страстно желаетъ чего-нибудь, дай ей это; если она недовольна, устрани причину недовольства» (изъ одного изъ эдиктовъ, обѣщавшихъ конституцію).

Было бы несправедливымъ не оговориться, что правительство можетъ въ недалекомъ будущемъ и вспомнить эти слова. Какъ ни какъ, въ его средѣ есть и либералы, которые до нѣкоторой степени отстаиваютъ права народа. И хотя въ настоящее время побѣда на сторонѣ консерваторовъ, но не надо забывать, что и раньше не разъ бывала смѣна либеральныхъ и реакціонныхъ теченій въ правительствѣ. По доброй волѣ, конечно, и либералы не уступятъ народу своей власти, но они, по крайней мѣрѣ, способны дать надлежащую оцѣнку надвигающейся опасности и во-время уступить. Манчжурская династія и такъ не чувствуетъ себя очень прочно. А на сторонѣ конституціи, помимо растущаго, но пока еще слабаго революціоннаго движенія, находится могущественная сила, которая и до сихъ поръ помогала конституціоналистамъ. «Что станется за это время съ Манчжуріей?»—вотъ одинъ изъ самыхъ главныхъ и наиболѣе убѣдительныхъ аргументовъ въ ихъ устахъ при агитаціи за немедленный созывъ парламента. Возможно, что и въ дальнѣйшемъ аггрессивная политика иностранцевъ и внѣшній политическій кризисъ Китая помогутъ утвержденію народовластія безъ особеннаго обостренія внутренняго кризиса.

М-нъ.

Новыя книги.

Литературно - художественные альманахи издательства „Шиповникъ“. Книга XV.—Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Въ жизни много красоты, если не подходить къ ней ни съ масштабомъ заранѣе надуманныхъ требованій, ни съ суевѣріями человѣческой логики и человѣческой морали. Вотъ общее настроеніе, присущее XV сборнику—въ цѣломъ. Этому настроенію ничуть не мѣшаютъ мрачные бытовые анекдоты изъ помѣщичьяго быта, собранные А. Н. Толстымъ въ повѣсти «Двѣ жизни». Разсказаны эти анекдоты «сочно» и «вкусно», какъ сейчасъ выражаются, съ несомнѣнною любовью разсказчика къ своему собственному разсказу. Когда читаешь г. Толстого только мимоходомъ, чуть не зависть беретъ: вотъ человѣкъ, который натолкнулся на диковинные образчики какой-то музейной человѣческой психологіи. Но, когда прочтешь нѣсколько вещей подрядъ, да еще цѣлую повѣсть, какъ въ данномъ случаѣ, получается впечатлѣніе интересно разсказанныхъ (въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ) анекдотовъ. Но для общаго суммарнаго интереса всей повѣсти—ихъ, этихъ анекдотовъ, слишкомъ много: чрезмѣрно много для того, чтобы ихъ принять, какъ бытовыя картины, какъ «отображеніе» не самого автора, а жизни далекихъ угловъ помѣщичьей Россіи.

Если располагать участниковъ XV сборника по радостности ихъ тона, первое мѣсто принадлежитъ, несомнѣнно, г. Пришвину. Ни у кого восторгъ передъ жизнью не подчеркнутъ съ такой истерической искренностью, какъ у автора «Крутоярскаго звѣря». Въ финалѣ разсказа—дикая смерть героя, разорваннаго собаками во время такъ называемой «собачьей свадьбы», но это, конечно, не мѣшаетъ г. Пришвину пѣть ликующіе гимны жизни, даже въ лицѣ погибшаго героя разсказа. Что нужно имѣть для такого ликованія въ душѣ, разсказываетъ авторъ въ примѣненіи къ Павлику, своему простодушному герою, который «весь сіяетъ». И не потому сіяетъ, что онъ «глупый», а потому что «сіяніе» сущность его души:

Павликъ любилъ видѣть хорошее, а плохое,—Богъ съ нимъ. И за это хозяину (Павлику) хорошо во всемъ.

Послѣднее, впрочемъ, требуетъ, какъ мы уже знаемъ, оговорки, такъ какъ Павлика въ концѣ-концовъ разорвали собаки и едва-ли ему было въ это время «хорошо во всемъ».

Но долгое время ему, дѣйствительно, жилось хорошо и просто. Герой даже удивляется, до какой степени ему хорошо жить на свѣтѣ:

Отчего это, Полюша, люди чего-то боятся, говорятъ о врагахъ, а я ничего не боюсь и никто меня не трогаетъ: какъ-то чудно!

— Ты, Павликъ, дите, – отвѣчаетъ Полюша,—ты живешь, какъ птушечка, вотъ за что тебя всѣ такъ и любятъ.

И все было хорошо, пока Павликъ жилъ «какъ птушечка», не вмѣшиваясь въ порядки мірозданія. Но на свою бѣду онъ однажды вмѣшался въ эти порядки. У героя разсказа была самка-собака, своего рода равноправная героиня разсказа, за которой ухаживаютъ другіе герои разсказа—собаки-самцы. Павликъ въ качествѣ собственника собаки впервые попытался измѣнить предустановленный міровой порядокъ, вмѣшавшись въ обиходъ «собачьей свадьбы». Сначала это удалось, пока на сторонѣ Павлика была его собственная собака: самцы, окружившіе Павлика, «кроткими рабскими глазами смотрѣли, *признавая въ немъ старѣйшаго и сильнѣйшаго между всѣми*». Павлику удалось даже увести самку въ домъ. Но ночью она выскочила въ окно; Павликъ вышелъ въ садъ вновь увести свою собаку и, къ несчастью, ударилъ по стаѣ возжами. На этотъ разъ самцы не признали въ Павликѣ «старѣйшаго и сильнѣйшаго между всѣми», и онъ погибъ. Нѣтъ надобности повторять, что онъ погибъ только отъ того, что вмѣшался—впервые—въ жизнь, въ порядки этой жизни, измѣнивъ правилу, которое раньше признавалъ не логикой, а чутьемъ: все въ природѣ имѣетъ одинаковое право жить по своему, какъ хочется, и Павликъ этому мѣшать не долженъ.

Если отбросить благодушную философію разсказа и пройти мимо нея, то приходится отмѣтить, что «Крутоярскій звѣрь» написанъ живо и своеобразно, хотя и портится искусственно простоватымъ тономъ, въ которомъ выдержанъ авторскій разсказъ отъ имени какого-то третьяго лица, вѣрующаго въ мирное сожительство человѣка съ природой, на единственномъ условіи полнаго равноправія со всѣми звѣрями. (Вѣроятно, не исключая ни волковъ, ни тигровъ?).

Разсказъ г. Чапыгина «Лѣсной пѣстунъ» очень подходитъ къ тону сборника. Если г. Пришвинъ образами и вставками отъ себя и самымъ тономъ, языкомъ разсказа, старается подчеркнуть радость жизни при сліяніи природы съ человѣкомъ, то г. Чапыгинъ, не задаваясь никакой проблемой, разсказываетъ о жизни Михѣйки, въ качествѣ маленькаго клочка отъ природы, и такъ радостно разсказываетъ при этомъ о природѣ въ глухомъ сѣверномъ лѣсу, что на самомъ дѣлѣ забываешь и Михѣйку и обманутаго имъ мальчика,—забываешь почти какъ мелочь въ природѣ.

Драма г. Зайцева резюмируетъ философскіе итоги сборника:

Евгеній. Всѣ мы—точки гигантской ткани. Кто-то ее прядетъ, а мы образуемъ узоры, складываемся такъ, вотъ этакъ, набѣгаемъ другъ на друга, перекрещиваемся.

Ксенія. Но хотимъ же мы все-таки направлять свою жизнь.

Евгеній. Ну, конечно. До извѣстной степени. Но въ насъ сидитъ опять же эта жизнь, независящая отъ насъ стихія, и въ одномъ она такая—свѣтлая, положимъ, какъ въ тебѣ,—а въ другомъ—иная.

Б. Зайцевъ одинъ изъ первыхъ ставилъ человѣка въ одну плоскость съ природой въ своихъ разсказахъ. Но въ XV сборникѣ онъ занимаетъ менѣе боевое мѣсто. Въ драмѣ «Усадьба Ланиныхъ» характерно настроеніе болѣе пассивное: драма опредѣляется путаницей условій, независящихъ отъ воли человѣка.

Л. Андреевъ тоже пишетъ о зависимости человѣка отъ чего-то и кого-то. Но Л. Андреевъ *не* примиряется съ этой подневольностью; то протестуетъ, призывая и Анатэму, и Океанъ, и Бога, и дьявола, то становится въ позу человѣка-побѣдителя; то признаетъ себя побѣжденнымъ, готовый плакать, чтобы получить неизвѣстный никому отвѣтъ: кто и почему такъ расправляется съ человѣкомъ и человѣчествомъ. Борисъ Зайцевъ принимаетъ спокойно свою человѣческую долю—маленькой безсильной частицы природы, и спокойно разсказываетъ. Драма его въ началѣ даже кажется интересной, не смотря на шаблонность выведеннаго разсѣяннаго *ученаго*, не видящаго, что дѣлается у него подъ носомъ, и такую же шаблонность жены ученаго, жаждущей настоящей жизни. Но въ дальнѣйшемъ узелъ драмы оказывается основаннымъ на психической упрощенности его героевъ; волей автора, они не знаютъ никакихъ осложненій въ чувствѣ любви (хотя бы—самолюбіемъ) и отъ самыхъ сложныхъ отношеній освобождаются съ такой легкостью, какъ будто все дѣло было въ общей квартирѣ, которую они до сей поры занимали. Это сразу понижаетъ интересъ къ разсказу («Усадьба Ланиныхъ», во всякомъ случаѣ, не драма) и дѣлаетъ этотъ разсказъ психологически непріемлемымъ. Эти недостатки «Усадьбы Ланиныхъ» скрашиваются, однако, мягкимъ тономъ — душевной мягкостью, которой обвѣяны вообще всѣ драмы и очерки г. Зайцева.

Л. Ѳ. Достоевская. Больныя дѣвушки. Современные типы. Спб. 1911. Стр. 150. Ц. 1 р.

Посвятивъ свою книжку своему великому отцу, г-жа Достоевская въ предисловіи напередъ отказывается отъ всякихъ художественныхъ притязаній. Въ трехъ разсказахъ, нынѣ опубликованныхъ ею, она желаетъ только дать сырые матеріалы тѣмъ ученымъ, которые «современемъ начнутъ серьезнѣе изучать ненормальность женщинъ, чѣмъ это дѣлали до сихъ поръ». По наблюденіямъ автора, число больныхъ дѣвушекъ увеличивается съ каждымъ годомъ и причиной этому служитъ «ненормальное положеніе женщинъ въ обществѣ». Печальное явленіе это вызываетъ слишкомъ мало вниманія, а между тѣмъ душевно больныя дѣвушки сплошь и рядомъ становятся матерями и заражаютъ своимъ недугомъ цѣлыя поколѣнія.

Мы имѣемъ, стало быть, дѣло съ чѣмъ-то распространеннымъ, типичнымъ. Между тѣмъ именно типичности недостаетъ женскимъ судьбамъ, обрисованнымъ г-жей Достоевской. Исторія Елены Мильтопеусъ заключается въ томъ, что любимый ею человѣкъ женился на другой, а она вышла за милаго, добродушнаго Дмитрія Петровича, къ которому чувствуетъ мягкую нѣжность, далекую отъ большой любви. Какъ извѣстно—das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu. Нова она для того, кто ее переживаетъ, нова и для читателя, когда ему разсказываютъ ее съ той художественной полнотой, которая есть раскрытіе новаго въ жизни. Шаблонъ—еще не типичность. И не только въ судьбѣ, но и въ фигурѣ героини разсказа «Чары» нѣтъ ничего своеобразнаго; ее, правда, обвинили было въ нелѣпомъ убійствѣ чужого ребенка, но вѣдь это обвиненіе только несчастная случайность, не мотивированная ея характеромъ: каждаго изъ насъ, когда онъ идетъ по улицѣ, можетъ задавить взбѣсившаяся лошадь; но это не трагедія, не естественный выводъ изъ нашей предшествующей жизни, не ключъ къ нашему существу. Есть, правда, въ разсказѣ «Чары» и дѣйствительно ненормальная дѣвушка, подлинная убійца невиннаго ребенка, его бонна Мери Холмогорская; она любитъ дѣтей, безумно ласкаетъ ихъ—и въ этихъ безумныхъ ласкахъ приходитъ моментъ, когда она не можетъ удержаться и въ безсознательномъ порывѣ должна убить ребенка. Случай для психопатолога, пожалуй, интересный; но у каждаго психіатра такихъ случаевъ десятки, нуженъ ли ему разсказъ г-жи Достоевской? Вѣдь для того, чтобы онъ могъ служить матеріаломъ для какихъ бы то ни было научныхъ построеній, необходимо, чтобы онъ былъ изображенъ совершенно объективно, подробно, точно; тогда онъ будетъ и типичнымъ, не смотря ни на какую исключительность. Между тѣмъ разсказъ г-жи Достоевской, хотя, весьма вѣроятно, добросовѣстно списанъ съ самой подлинной дѣйствительности, производитъ впечатлѣніе какого то отвлеченнаго сочинительства. И другіе ея разсказы страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ. Романтически настроенная дѣвушка, которая не чувствуетъ ни къ кому настоящей любви, а проникнута идеей жалости, перешедшей въ безсильное чувство, или «вампиръ»-мать, подъ ненужной самоотверженностью которой скрывается мучительница, доводящая безсмысленными душевными истязаніями своихъ дочерей до сумасшествія: эти фигуры были бы, пожалуй, любопытны, еслибы были не только названы, но и созданы. Ихъ не видно въ разсказахъ г-жи Достоевской—и едва-ли эти разсказы пригодятся будущимъ ученымъ. Авторъ говоритъ: «Я медицины совсѣмъ не знаю, да и таланта литературнаго у меня нѣтъ». Одно изъ этого слѣдуетъ съ несомнѣнностью: не слѣдовало давать своимъ наблюденіямъ форму, необходимо требующую не только литературнаго, но и художественнаго таланта. Надо было безъ беллетристическихъ попытокъ изло-

жить свои жизненныя впечатлѣнія въ формѣ сухой протокольной прозы: мы знали бы, по крайней мѣрѣ, что имѣемъ дѣло съ правдивыми показаніями добросовѣстнаго наблюдателя. Такія показанія могутъ быть цѣнны для науки; художественныя же произведенія могутъ ей сообщить что-либо лишь въ томъ случаѣ, если они дѣйствительно талантливы.

Борисъ Садовскій. Узоръ чугунный. Разсказы. Изд. «Альціона». Москва. 1911. Стр. 131. Ц. 1 р.

Г. Садовскій стилизуетъ; онъ разсказываетъ о прошломъ такъ, какъ разсказывали въ прошломъ; онъ старается изобразить не только чужую намъ судьбу и обстановку, но и чужую манеру разсказа. Пріемъ какъ пріемъ; въ разсказѣ историческомъ онъ особенно умѣстенъ; воспроизведеніе чужой устной рѣчи неизбѣжно въ драматическомъ и обычно въ повѣствовательномъ искусствѣ, а подражанія старому литературному или приказному или эпистолярному стилю эпизодически встрѣчаются не разъ у нашихъ классиковъ.

Вопросъ только въ томъ, какъ пользуются этимъ пріемомъ. Опасность его заключается въ томъ, что онъ выдвигаетъ въ сознаніи читателя на первый планъ форму изложенія. Здѣсь, въ манерѣ разсказа, въ стилѣ повѣствованія заключается и источникъ эстетическаго удовольствія для читателя. Стало быть, читатель долженъ быть съ одной стороны подготовленъ къ оцѣнкѣ этой тонкости подражанія, съ другой стороны онъ долженъ видѣть въ воскрешенной формѣ нѣчто самостоятельное, новое. Наконецъ, форма должна быть оправдана содержаніемъ, слиться съ нимъ, войти въ него, какъ неизбѣжный и неотторжимый его элементъ.

Менѣе всего удовлетворяютъ послѣднему условію разсказы г. Садовскаго. Они перегружены формой, которая душитъ ихъ смыслъ въ сознаніи читателя. Читаешь «Памятныя записки гвардіи капитана А. И. Лихутина, писанныя имъ въ городѣ Курмышѣ, въ 1807 году» и все время думаешь не о капитанѣ Лихутинѣ, не о его фигурѣ, о его судьбѣ, о его эпохѣ, а о томъ, какъ г. Садовскій воспроизводитъ стиль мемуаровъ XVIII столѣтія. Получается въ лучшемъ случаѣ искусство для того, чтобы показать свое искусство: мастерство искусника, а не искусство художника. Нельзя отрицать и послѣдняго: формально оно на лицо; но именно тамъ, гдѣ оно должно проявить свое дѣйствіе и торжествовать свою побѣду—въ сознаніи читателя—оно отодвинуто на третій планъ вопросомъ о ловкости воспроизведенія. Удалось или не удалось?—точно предъ нами не художникъ, а жонглеръ, въ искусствѣ котораго умѣлость ловкаго есть единственный результатъ.

Умѣнье есть у г. Садовскаго, правда, не Богъ вѣсть какое, есть и соотвѣтственныя знанія, но у него нѣтъ искусства скрыть эти знанія въ своей мастерской и показать только ихъ отблескъ. Ли-

тературная начитанность его грубо лѣзетъ впередъ; хочется провѣрить его образы не въ области художественной убѣдительности, а съ точки зрѣнія исторической документальности: точно или не точно, нѣтъ ли анахронизма, не выписано ли изъ старыхъ бумагъ слишкомъ дословно, не сочинена ли манера. Эти антикварные интересы неминуемо охватываютъ читателя, потому что слишкомъ очевидно владѣютъ авторомъ. Стилизація близка пародіи, которая утрируетъ особенности чужого стиля, и оттого стилизовать можно лишь съ особеннымъ вкусомъ, не впадая въ элементарность и педантство. Когда Кузьма Прутковъ весело пародировалъ анекдотическую и афористическую мудрость, собранную Кургановымъ, его смѣхъ, его божественная легкость сообщали какую-то серьезность его головоломнымъ бутадамъ, его откровеннымъ нелѣпостямъ. А г. Садовскій безъ тѣни насмѣшки, лишь, пожалуй, съ улыбкой умиленнаго юмора находитъ въ «Бумагахъ князя Г.» такія глубокомысленныя «наставленія моему племяннику»: «Состояніе лошади подобно. Однажды надорвавъ, послѣ уже ничѣмъ его не возстановить».—«Человѣкъ безъ разсужденій есть именно тотъ, кто имѣть оныя не стыдится».—«Любезный племянникъ! Прекрасныхъ люби, самъ же любви женской остерегайся пуще заразы». Совершенно очевидно: пародіи г. Садовскій не имѣлъ въ виду, а читатель думаетъ, что его хотятъ насмѣшить, или, въ лучшемъ случаѣ, только спроситъ себя—ловкая подделка это или настоящіе «листки изъ семейнаго альбома», гдѣ писали Пушкинъ и Крыловъ, гдѣ въ *Е. Б.* хочется узнать Баратынскаго и т. п. Увы, гелертеръ сидитъ въ г. Садовскомъ и подмигиваетъ читателю, и раскрываетъ ухищренія его «творчества». Вотъ Петербургъ при Николаѣ I; поручикъ Матрадуровъ вышелъ на Невскій проспектъ; здѣсь, конечно «прогуливаются знаменитые писатели, Гречъ и Булгаринъ, чиновникъ изъ департамента, Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, камеръ-юнкеръ Пушкинъ съ женой, княгиня Лиговская съ мужемъ и дочерьми, князь Петръ Мещерскій, графъ Владиміръ Сологубъ, тамбовскій помѣщикъ Евгеній Онѣгинъ,—все одни и тѣ же изо дня въ день надоѣвшія, примелькавшіяся лица». Поручикъ Бенедиктовъ, рядовой Полежаевъ, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ Денисъ Давыдовъ смѣняются Гоголемъ въ нечистомъ бѣльѣ подъ темнокраснымъ жилетомъ, юнымъ Баратынскимъ въ поношенномъ вицмундирѣ, Пушкинымъ въ шелковомъ плащѣ, Крыловымъ въ низкихъ съ желтыми отворотами сапогахъ. Удивительно малымъ довольствуется г. Садовскій.

На биржевой набережной пробуютъ свѣжихъ устрицъ. Привезъ ихъ вчерашній день съ отмели старикъ-голландецъ... Въ лавочкѣ, за накрытыми столиками, у самой воды столичные любители съ утра глотаютъ жирныхъ морскихъ наложницъ...

— Такъ вечеромъ опять на Крестовскій.—Сверчокъ брызнулъ въ раскрытую сырую раковину лимоннымъ сокомъ. -Послушаемъ Танюшу. Не знаю, правда ли, будто Каталани подарила ей шаль.

Курсивъ нашъ. Онъ понятенъ всякому, кто знаетъ и любитъ подлиннаго Пушкина. Какой бѣдной, какой механической должна казаться ему эта выдумка; какъ ясенъ процессъ этого сочинительства. И далеко ли это ушло отъ Авенаріуса? Но тотъ, по крайней мѣрѣ, зналъ свое мѣсто—и печаталъ «Дѣтскіе годы Пушкина» въ «Родникѣ».

Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей **Н. Д. Носкова.** Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. СПБ. 1911. Стр. XXXII+1766+IX. Цѣна въ пер. 3 руб.

Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей **Иванова-Разумника** (Библіографія русскихъ критиковъ. Т. I. Стр. CXXIV+1040; Т. II. Стр. 1139. Т. III. Стр. 1020. Ц. за три тома 3 руб. 50 коп., въ пер. 5 руб.

Къ сожалѣнію, столѣтняя годовщина со дня рожденія великаго рускаго критика не ознаменована даже такимъ сравнительно малымъ событіемъ, какъ завершеніе дѣйствительно полнаго собранія его сочиненій. Изданіе, редактируемое С. А. Венгеровымъ и представляющее собой по истинѣ новый шагъ къ изученію Бѣлинскаго, давно застряло на девятомъ томѣ и ко дню юбилейнаго торжества не обогатилось новымъ томомъ. Это было бы не такъ ужъ существенно, еслибы въ дальнѣйшихъ томахъ должны были заключаться лишь печатныя сочиненія Бѣлинскаго, уже извѣстныя. Но послѣдній томъ изданія, согласно обѣщанію редактора, долженъ былъ явиться первымъ собраніемъ писемъ Бѣлинскаго, и всякій, кто знаетъ, какой громадный психологическій и литературный интересъ представляютъ эти письма, съ какой полнотой высказывался въ нихъ Бѣлинскій, можетъ лишь съ нетерпѣніемъ ждать появленія этого драгоцѣннаго матеріала, извѣстнаго почти исключительно въ отрывкахъ, приведенныхъ у Пыпина.

Вмѣсто заключенія полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго мы получаемъ ко дню юбилея два неполныхъ. Изъ нихъ изданіе г. Иванова-Разумника удовлетворяетъ насущную потребность. Оно не называетъ себя полнымъ, да и обращается по преимуществу къ широкой публикѣ, не нуждающейся въ библіографической полнотѣ. Но все существенное, все характерное для міровоззрѣнія, для исторической позиціи Бѣлинскаго вошло въ эти объемистые томы, вмѣщающіе отъ шести до восьми томовъ обыкновеннаго формата. Текстъ изданія свѣренъ съ печатнымъ (журнальнымъ) подлинникомъ, что особенно важно въ третьемъ томѣ, охватывающемъ матеріалъ, еще не появившійся въ изданіи С. А. Венгерова; такимъ образомъ здѣсь мы впервые находимъ исправленный —сравнительно съ знаменитымъ восьмымъ томомъ Солдатенковскаго изданія— текстъ статей о Пушкинѣ, возстановленныя или отмѣченныя цензурныя купюры, новую обширную часть статьи о Булгаринѣ и т. п. Особенностью изданія г. Иванова-Разумника являются его

обширныя вступительныя статьи, связующія всѣ сочиненія Бѣлинскаго въ одно цѣлое. «Появленіе въ сознаніи Бѣлинскаго новыхъ проблемъ; новое рѣшеніе старыхъ вопросовъ; перемѣна философскихъ, критическихъ и историко-литературныхъ сужденій; обстоятельства, сопровождавшія появленіе статей Бѣлинскаго; библіографическія указанія—все это составляетъ содержаніе вступительныхъ замѣтокъ... Во вступительномъ біографическомъ очеркѣ намѣчена та общая связующая нить, которая проходитъ черезъ всѣ три тома». Редакторъ называетъ поэтому свою работу «одной *книгой о Бѣлинскомъ,»* — и это, конечно, цѣнно. Но все же болѣе существеннымъ намъ кажется то, что мы имѣемъ предъ собою хорошо проредактированную *книгу Бѣлинскаго.*

Этого нельзя сказать о работѣ г. Носкова, которою извѣстное издательство Вольфа почтило юбилей Бѣлинскаго. Вѣрное своимъ услужливымъ пріемамъ, недавно съ такимъ блескомъ примѣненными къ г. Мережковскому, издательство поспѣшило въ своемъ журналѣ «Вѣстникъ литературы» возвести г. Носкова въ званіе «глубокаго знатока русской литературы». Этой глубины познаній, конечно, никакъ нельзя было усмотрѣть въ единственной работѣ г. Носкова, на которую ссылается журналъ, въ справочномъ «Словарѣ литературныхъ типовъ», объ одномъ изъ выпусковъ котораго былъ данъ отзывъ въ нашемъ журналѣ. Нѣтъ ея и въ новой работѣ г. Носкова, въ которой бросается въ глаза недостатокъ койчего болѣе элементарнаго, чѣмъ глубокія познанія. «Предлагаемое изданіе—говорится въ предисловіи «отъ редакціи и издательства»—заключаетъ въ себѣ полное собраніе тѣхъ сочиненій Бѣлинскаго, которыя представляютъ интересъ какъ для широкихъ массъ, такъ и для школъ. Въ этомъ отношеніи, смѣемъ думать, въ немъ нѣтъ пропусковъ». Мы не знаемъ, смѣетъ ли это думать г. Носковъ, но мы удивляемся, какъ онъ смѣетъ это заявлять. Какъ было уже отмѣчено въ печати, въ его изданіи нѣтъ статей послѣднихъ двухъ лѣтъ жизни Бѣлинскаго, нѣтъ важнѣйшей біографической статьи о Кольцовѣ, которую самъ редакторъ въ одномъ подстрочномъ примѣчаніи обѣщаетъ дать въ концѣ тома, нѣтъ обширной статьи «Взглядъ на русскую литературу 1847 года», чрезвычайно интересной для широкой публики. Такимъ образомъ, вопреки прямому утвержденію г. Носкова, въ его изданіи есть пропуски, и непростительные. При такихъ условіяхъ можно было бы быть скромнѣе. Между тѣмъ г. Носковъ полемизируетъ въ предисловіи съ кѣмъ-то издавшимъ Бѣлинскаго съ сокращеніями; «отыскивать длинноты и повторенія въ произведеніяхъ писателя — не задача редактора. Подвергать сокращеніямъ и поправкамъ эти произведенія—значитъ не понимать самаго главнаго: историческаго значенія самихъ произведеній». Вотъ какъ торжественно. То ли дѣло помочь издательству Вольфъ выдать неполное собраніе сочиненій Бѣлинскаго за полное: тогда и «задача редактора» исполнена, и «историческое

значеніе» понято, и титулъ глубокаго знатока русской литературы полученъ.

В. Герье. „Французская революція" 1789—95 г. въ освѣщеніи. И. Тэна. СПБ. 1911.

Знаменитое «Происхожденіе современной Франціи» Ипполита Тэна появилось въ свѣтъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и проф. В. И. Герье оказалъ тогда несомнѣнную услугу русскому обществу, познакомивъ его съ сочиненіемъ Тэна въ рядѣ очерковъ, появлявшихся на страницахъ «Вѣстника Европы» по мѣрѣ выхода въ свѣтъ отдѣльныхъ томовъ работы Тэна и дававшихъ обстоятельное изложеніе и разборъ этого замѣчательнаго произведенія. Теперь авторъ собралъ свои очерки въ одну книгу. Можно было бы привѣтствовать это изданіе, снабженное вдобавокъ рядомъ иллюстрацій съ современныхъ событіямъ гравюръ и эстамповъ, еслибы авторъ перепечаталъ свои очерки безъ измѣненія. Къ сожалѣнію, онъ сократилъ критическую часть своихъ очерковъ и снабдилъ ихъ характерными предисловіемъ и добавленіями. Дѣло въ томъ, что съ момента появленія статей проф. Герье въ «Вѣстникѣ Европы» прошло много времени и русское революціонное движеніе 1905—6 гг. такъ же сильно отразилось на міровоззреніи автора, какъ въ свое время Французская Коммуна 1871 г. на міросозерцаніи Тэна. Болѣе или менѣе спокойный историкъ обратился въ партійнаго публициста консервативнаго лагеря, и «Французская революція въ освѣщеніи Тэна» оказалась пересыпанной рядомъ полемическихъ выпадовъ по адресу русскихъ «лѣвыхъ» партій.

Въ предисловіи авторъ даже прямо заявляетъ, что сочиненіе Тэна является превосходнымъ освѣщеніемъ событій, недавно пережитыхъ Россіей, такъ какъ и у насъ «уже намѣчалась сила, собравшаяся опутать Россію своими сѣтями на подобіе якобинской организаціи». И этими русскими якобинцами, по увѣренію г. Герье, были не кто иные, какъ «кадеты». Авторъ приводитъ въ пользу своего открытія то соображеніе, что сейчасъ же послѣ 17 октября «кадеты» пытались создать по всей Россіи мѣстныя организаціи подъ руководствомъ своего центральнаго комитета. Но надо думать, что всякая партія, консервативная ли или радикальная, неизбѣжно стремится создать соотвѣтственную мѣстную организацію, если вообще желаетъ играть политическую роль, и отсюда какъ будто еще далеко до якобинства.

Сравнительно недавно вышла въ свѣтъ небольшая книжка извѣстнаго знатока исторіи революціи профессора Парижскаго университета Олара, посвященная Тэну, какъ историку этой эпохи. Читатели «Русскаго Богатства» имѣли случай познакомиться съ ея содержаніемъ изъ посвященной ей статьи проф. Н. И. Карѣева. Проф. Герье тоже счелъ необходимымъ откликнуться

на книгу Олара и прибавилъ къ своимъ очеркамъ особую главу подъ названіемъ «Якобинскій судъ надъ Тэномъ», задачей которой служитъ опровергнуть безпощадную критику Олара, этого, какъ его называетъ г. Герье, «оффиціальнаго представителя господствующей якобинской легенды» въ дѣлѣ изученія исторіи французской революціи. Однако въ своемъ опроверженіи г. Герье ограничивается только краткимъ пересказомъ брошюры молодого французскаго ученаго Кошена, выпущенной въ отвѣтъ на книгу Олара, и принимаетъ безъ критики всѣ выводы этой брошюры. Но, во-первыхъ, Кошенъ занятъ въ своей брошюрѣ не столько провѣркой работы Олара надъ источниками Тэна, сколько анализомъ вопроса, насколько вообще достовѣрны архивные источники исторіи революціи. Во вторыхъ, сравненіе аргументаціи Тэна съ аргументаціей «Исторіи революціи» самого Олара, которое дѣлаетъ Кошенъ, не убѣдительно, такъ какъ Тэнъ и Оларъ ставятъ въ своихъ исторіяхъ совершенно различныя задачи. Въ-третьихъ, Кошенъ провѣрилъ только разборъ Оларомъ одной книги Тэна («Самопроизвольная анархія»), и, если бы даже согласиться съ нимъ, что большая часть возраженій Олара противъ этой книги необоснована, то отсюда никакъ нельзя выводить, что всѣ его возраженія необоснованы, такъ какъ разборъ «Самопроизвольной анархіи» составляетъ лишь небольшую часть книги Олара. Основное возраженіе Олара—крайняя односторонность представленія и искусственный подборъ свидѣтельствъ о состояніи Франціи въ эту эпоху—остается въ силѣ и послѣ защиты Кошена. У Тэна весь періодъ 1789—95 гг. представляется какимъ-то періодомъ сплошного безумія, овладѣвшаго всей страной, періодомъ, въ которомъ нельзя разобрать отдѣльныхъ моментовъ, въ которомъ нѣтъ никакого естественнаго хода событій, никакой эволюціи. Учредительное собраніе, Законодательное собраніе, Конвентъ, Мирабо, Сійесъ, жирондисты, Дантонъ, Робеспьеръ, все это сливается въ господство демагогическаго якобинизма, тиранизирующаго ни въ чемъ неповинную страну и звѣрски расправляющагося со всѣмъ, что можетъ очутиться поперекъ дороги. Вдобавокъ, изображеніе террора и всѣхъ его ужасовъ безъ упоминанія о главныхъ причинахъ, его порождавшихъ — борьбѣ за національную независимость и внутренней междоусобной войнѣ,—совершенно искажаетъ пониманіе этой страшной страницы французской исторіи. Быть можетъ, анализъ критики Олара на основаніи архивныхъ данныхъ и внесетъ еще современемъ нѣкоторыя поправки въ его оцѣнку книги Тэна, но отъ **такихъ** аргументовъ, какіе приводятъ Кошенъ, а за нимъ г. Герье, авторитетъ критики Олара не страдаетъ.

Великая реформа. 19 февраля 1861—1911 гг. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Историческая Коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1911. Т. IV. Стр. 279. Т. V. Стр. 308. Т. VI. Стр. 352. Цѣна по подпискѣ за шесть томовъ 25 р.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, отмѣчая появленіе первыхъ трехъ томовъ «Великой Реформы», мы высказывали мнѣніе, что эта книга должна будетъ занять первое мѣсто въ ряду многочисленныхъ и разнообразныхъ изданій, вызванныхъ въ свѣтъ пятидесятилѣтіемъ крестьянской реформы 1861 г. Теперь, съ выходомъ трехъ послѣднихъ томовъ «Великой Реформы», намъ остается только повторить то же самое. Дѣйствительно, эти три тома названной книги такъ же удачно составлены, такъ же богаты содержаніемъ и, наконецъ, такъ же роскошно иллюстрированы, какъ и первые три тома, въ которыхъ изложеніе было доведено до конца Николаевской эпохи.

Четвертый томъ «Великой Реформы» открывается интересной статьей Н. А. Бродскаго о крѣпостномъ правѣ въ народной поэзіи. За нею слѣдуютъ три небольшія статьи, гг. Гнѣвушева, Игнатова и Нелидова, посвященныя изображенію крѣпостного права въ произведеніяхъ Шевченка, Некрасова и Салтыкова, и двѣ статьи, П. Д. Боборыкина и П. А. Зеленаго, заключающія въ себѣ отрывки воспоминаній о послѣднихъ временахъ крѣпостного права. Статья Н. П. Василенка: «Крестьянскій вопросъ въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ при Николаѣ I и введеніе инвентарей» заключаетъ собою серію статей, трактующихъ о крѣпостной эпохѣ. Слѣдующую серію—статей, посвященныхъ реформѣ 19 февраля,—начинаетъ собою статья А. А. Кизеветтера, озаглавленная «Русское общество и реформа 1861 г.». За этой статьей, имѣющей общій характеръ, идутъ три спеціальныхъ очерка, изъ которыхъ въ двухъ, принадлежащихъ г. Вишнякову, излагаются начало законодательныхъ работъ правительства Александра II въ крестьянскомъ вопросѣ и исторія Главнаго Комитета и редакціонныхъ коммиссій, а въ третьемъ, написанномъ г. Корниловымъ, повѣствуется о губернскихъ дворянскихъ комитетахъ 1858—9 гг. Двѣ послѣднія статьи этого тома посвящены двумъ наиболѣе крупнымъ борцамъ за крестьянство въ русской литературѣ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Въ статьѣ г. Ч. Вѣтринскаго «Колоколъ и крестьянская реформа» дается изложеніе—правда, довольно краткое и поверхностное—основныхъ взглядовъ и тенденцій Герценовскаго журнала въ сферѣ крестьянскаго вопроса. Съ своей стороны Н. Ѳ. Анненскій въ статьѣ «Чернышевскій и крестьянская реформа» обстоятельно излагаетъ и анализируетъ взгляды Чернышевскаго на крестьянскую реформу, какъ нельзя болѣе ярко вскрывая въ этомъ анализѣ глубокую ошибочность выдвинутаго въ послѣднее время нѣкоторыми либеральными историками представленія о Чернышев-

скомъ, какъ о писателѣ, въ своихъ статьяхъ по крестьянскому вопросу руководившемся исключительно отвлеченными соображеніями и совершенно не считавшемся—пожалуй, даже незнакомомъ—съ конкретными условіями русской сельско-хозяйственной жизни.

Пятый томъ «Великой Реформы» по содержанію своему распадается на три неравныя по объему части. Первую изъ нихъ образуютъ 15 небольшихъ статей, занимающихъ въ цѣломъ около половины тома и посвященныхъ отдѣльнымъ дѣятелямъ крестьянской реформы, начиная съ имп. Александра II, в. кн. Елены Павловны и в. кн. Константина Николаевича, продолжая министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ и наиболѣе видными дѣятелями редакціонныхъ коммиссій и кончая К. Д. Кавелинымъ и митрополитомъ Филаретомъ. Эти статьи принадлежатъ различнымъ авторамъ, подчасъ довольно сильно расходящимся между собой во взглядахъ, и это различіе сказалось и въ тонѣ ихъ статей, и въ характерѣ заключающихся въ послѣднихъ выводовъ. Сама редакція изданія нашла нужнымъ въ предисловіи къ этому тому оговориться, что «здѣсь больше, чѣмъ въ предыдущихъ томахъ, выступаетъ индивидуальность авторовъ отдѣльныхъ статей». Но — продолжаетъ то же предисловіе — «редакція не считала себя въ правѣ просить авторовъ о какихъ-либо измѣненіяхъ въ этомъ направленіи», такъ какъ «характеристика человѣка всегда носитъ въ себѣ нѣкоторый творческій элементъ и потому должна быть абсолютно свободна». Послѣдній аргументъ едва-ли можно считать въ данномъ случаѣ употребленнымъ вполнѣ правильно. Въ самомъ дѣлѣ, «нѣкоторый творческій элементъ» въ такой же мѣрѣ присущъ характеристикѣ отдѣльнаго событія или цѣлаго историческаго процесса, какъ и характеристикѣ человѣка. И, конечно, не обращенными къ отдѣльнымъ авторамъ просьбами объ измѣненіи статей могло и должно было быть обезпечено отсутствіе разногласій въ оцѣнкѣ дѣятелей крестьянской реформы. Какъ бы то ни было, сейчасъ такія разногласія въ разбираемомъ изданіи на лицо и это одинъ изъ немногихъ сравнительно случаевъ, когда въ немъ рѣзко выступило наружу различіе исходныхъ точекъ зрѣнія его участниковъ. Тѣмъ не менѣе большинство тѣхъ характеристикъ дѣятелей крестьянской реформы, о которыхъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ признать удачными и отвѣчающими своей главной цѣли. Особенно выдаются въ этомъ отношеніи блестящія характеристики Н. А. Милютина и гр. В. Н. Панина, написанныя А. К. Дживелеговымъ. Вторую часть этого тома составляютъ статьи, повѣствующія объ объявленіи воли и проведеніи крестьянской реформы. Здѣсь за интересной статьей С. П. Мельгунова («Александровъ день»), заключающей въ себѣ яркую характеристику тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ объявлялся манифестъ 19 февраля 1861 г., идутъ двѣ статьи г-жи Игнатовичъ («Встрѣча на мѣстахъ» и «Бездна»), двѣ статьи г. Попельницкаго («Первые шаги крестьянской реформы» и «Дневникъ крестьянина 1861 г.»),

статья А. Ѳ. Кони о К. К. Гротѣ и В. А. Арцимовичѣ, статья г. Вѣтринскаго о роли А. Н. Муравьева и другихъ декабристовъ во время крестьянской реформы и, наконецъ, статья г. Корнилова о дѣятельности мировыхъ посредниковъ. Послѣднюю часть этого тома составляютъ четыре статьи, посвященныя спеціальнымъ темамъ: г. Бончъ-Бруевича—«Сектантство въ освободительную эпоху», г. Линда—«Московское студенчество и его отношеніе къ освобожденію крестьянъ», г. Обнинскаго—«Послѣ освобожденія» и г. Корнилова—«Реформа 19 февраля 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ».

Шестой томъ изданія посвященъ оцѣнкѣ тѣхъ результатовъ, какіе принесла съ собою реформа 19 февраля для крестьянскаго населенія Россіи. Въ него вошло меньше статей,—всего 12,—но за то по объему своему эти статьи въ общемъ значительно больше, чѣмъ статьи предъидущихъ томовъ. Первыя пять статей шестого тома представляютъ собою какъ бы подведеніе итоговъ самой реформы 19 февраля. А. Э. Вормсъ даетъ обстоятельный анализъ Положеній 19 февраля, попутно сравнивая ихъ съ соотвѣтствующимъ законодательствомъ Австріи, А. А. Мануиловъ въ своей статьѣ говоритъ о реформѣ 19 февраля и общинномъ землевладѣніи, В. И. Анисимовъ—о крестьянскихъ надѣлахъ, кн. Д. И. Шаховской—о выкупныхъ платежахъ и А. А. Корниловъ—о крестьянскомъ самоуправленіи по Положенію 19 февраля. Затѣмъ слѣдуютъ статьи, посвященныя положенію крестьянъ послѣ реформы въ различныхъ его сторонахъ. Таковы статьи А. А. Леонтьева о пореформенномъ законодательствѣ о крестьянахъ, А. В. Пѣшехонова объ экономическомъ положеніи крестьянъ въ пореформенное время и И. И. Попова о переселеніи крестьянъ и землеустройствѣ Сибири. Сюда же относятся статьи С. Н. Прокоповича о крестьянствѣ и пореформенной фабрикѣ, В. Д. Кузьмина-Караваева о крестьянствѣ и земствѣ и И. П. Бѣлоконскаго о крестьянствѣ и народномъ образованіи. Заключительная статья этого тома принадлежитъ В. П. Кранихфельду и посвящена пореформенному крестьянству въ беллетристикѣ. По первоначальному плану редакціи въ этотъ последній томъ изданія должны были войти еще двѣ статьи, В. Г. Тана и С. Н. Прокоповича, которыя однако не попали въ него «по причинамъ, отъ авторовъ не зависящимъ». Сверхъ того, редакціи пришлось подчиниться «настоятельной просьбѣ издательства» объ устраненіи статьи Н. С. Русанова: «Крестьяне въ міровоззрѣніи передовой интеллигенціи послѣ 19 февраля». «Рѣшиться пожертвовать такой важной и съ точки зрѣнія научнаго плана и съ точки зрѣнія идейнаго построенія книги статьей—говорится въ предисловіи редакціи къ VI тому—было не легко», «но при современныхъ условіяхъ печати редакція не видѣла другого выхода». Во всякомъ случаѣ и при наличности этихъ пробѣловъ шестой томъ изданія, какъ и всѣ предъидущіе, заключаетъ въ себѣ богатый и разносторонній матеріалъ. Съ окончаніемъ «Великой Реформы» русская

литература обогатилась прекрасно составленной и художественно изданной книгой, полной глубокаго интереса, и редакція этой книги можетъ по справедливости гордиться удачно выполненнымъ грандіознымъ трудомъ.

Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы. Изданіе „Научнаго Слова". М. 1911. Стр. XXXII+342. Ц. 3 р.

«Участники настоящаго сборника—какъ заявляютъ они въ своемъ предисловіи—въ тотъ знаменательный и радостный моментъ, когда Россія празднуетъ пятидесятилѣтіе крестьянской реформы, сочли умѣстнымъ воздать добровольную дань исторической благодарности дѣятелямъ нашего прошлаго и напомнить русскимъ читателямъ не только о дѣлѣ великомъ, но и о тѣхъ, кто его совершилъ,—помянуть признательнымъ словомъ не только освобожденіе, но и освободителей» (VI). Сообразно такой задачѣ сборника изъ одиннадцати составляющихъ его статей лишь одна, принадлежащая г. Корнилову, посвящена общей характеристикѣ «основныхъ теченій правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы», остальныя же десять представляютъ собою характеристики отдѣльныхъ дѣятелей реформы. Таковы именно двѣ статьи г. Кизеветтера—о роли имп. Александра II въ реформѣ 19 февраля 1861 г. и объ Н. А. Милютинѣ, статья г. Готье—о гр. П. Д. Киселевѣ, г. Любавскаго—о в. кн. Константинѣ Николаевичѣ, г. Бахрушина—о в. кн. Еленѣ Павловнѣ, г. Сыромятникова—о К. Д. Кавелинѣ, г. Богословскаго—объ Я. И. Ростовцевѣ, г. Бочкарева—объ Ю. Ѳ. Самаринѣ, кн. Трубецкой—о кн. В. А. Черкасскомъ и, наконецъ, г. Богоявленскаго—объ Я. А. Соловьевѣ. Такой подборъ именъ «освободителей» можетъ, пожалуй, показаться нѣсколько одностороннимъ. Какъ будто и странно въ самомъ дѣлѣ вводить въ ряды дѣятелей реформы Кавелина и одновременно исключать изъ числа этихъ дѣятелей Герцена, роль котораго въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія была несравненно крупнѣе и серьезнѣе. Но дѣло въ томъ, что, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, большинство участниковъ настоящаго сборника, повидимому, раздѣляютъ тотъ взглядъ, согласно которому крестьянская реформа въ Россіи не только въ силу историческихъ условій данной минуты, но и въ силу болѣе общихъ соображеній была возможна лишь въ той приблизительно формѣ, въ какую она вылилась 19 февраля 1861 г., и сообразно этому реформаторскіе планы Герцена, Огарева и Чернышевскаго представляются имъ «слишкомъ отвлеченными» и «слишкомъ далекими отъ дѣйствительнаго сельскаго быта тогдашней Россіи», чтобы имѣть какое-либо реальное значеніе. Такимъ взглядомъ, какъ можно думать, и опредѣлились имена тѣхъ «освободителей», которыхъ «сочли умѣстнымъ помянуть» участники изданнаго «Научнымъ Словомъ» сборника. Быть можетъ, въ нѣкоторой связи съ этимъ же взглядомъ стоитъ

и еще одна особенность настоящаго сборника—тотъ условно-торжественный, свойственный скорѣе панегирику, чѣмъ научному изслѣдованію, тонъ, въ какомъ написана большая часть вошедшихъ въ составъ сборника статей. Особенно рѣзко даетъ себя чувствовать этотъ тонъ въ статьяхъ гг. Кизеветтера, Любавскаго и Богословскаго, которыхъ стремленіе выдержать манеру и тонъ панегирика подчасъ заставляетъ даже впадать въ разительное противорѣчіе съ фактами. Странно, напр., читать въ посвященной Я. И. Ростовцеву статьѣ г. Богословскаго такія строки: «Если вообще вѣрно то положеніе, что коммерческіе классы общества отличаюгся прогрессивнымъ, тогда какъ землевладѣльческіе консервативнымъ характеромъ, то на характерѣ Ростовцева сказалось его происхожденіе. Съ ранней молодости и до конца дней его натурѣ свойственно прогрессивное направленіе; онъ не замыкается въ традиціонныя рамки и во всѣ виды своей дѣятельности вноситъ, можетъ быть, и не особенно широкіе, но все же новые и свѣжіе взгляды» (201). Не говоря уже о томъ, что общее «положеніе», выдвигаемое г. Любавскимъ, имѣетъ весьма отдаленное отношеніе къ Ростовцеву, всею своею жизнью несравненно тѣснѣе связанному съ бюрократіей, чѣмъ съ «коммерческими классами», стоитъ лишь припомнить крупнѣйшіе факты біографіи Ростовцева,—въ молодости своей предупредившаго Николая Павловича о заговорѣ декабристовъ, а позднѣе, въ 1848 г., явившагося авторомъ знаменитаго «Наставленія для преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ»,—чтобы въ изумленіи остановиться передъ попыткой изобразить его, какъ человѣка, всю жизнь бывшаго прогрессистомъ. Случаи столь рѣзкаго расхожденія съ фактами, вызываемаго стремленіемъ возможно болѣе возвеличить «поминаемаго» дѣятеля и тѣмъ самымъ приблизить характеристику къ панегирику, встрѣчаются, повторяемъ, не у одного г. Любавскаго. Но, отмѣчая эти частные дефекты настоящаго сборника, необходимо все же наряду съ этимъ сказать, что большая часть вошедшихъ въ его составъ статей представляетъ собою результатъ обстоятельнаго изученія обильнаго и свѣжаго матеріала и будетъ, несомнѣнно, съ интересомъ прочитана всѣми, кто захочетъ ближе познакомиться съ конкретной обстановкой освобожденія крестьянъ въ Россіи. Остается еще прибавить, что къ сборнику приложены художественно выполненные портреты тѣхъ «дѣятелей реформы», о которыхъ въ немъ идетъ рѣчь.

Сергѣй Булгаковъ. Два града. Изслѣдованія о природѣ общественныхъ идеаловъ. Въ 2-хъ томахъ. Книг-ство «Путь». М. 1911 г. Ц. 3 р. за оба тома.

Въ «Двухъ градахъ» собраны статьи и этюды, напечатанные С. Булгаковымъ въ періодѣ 1904—1910 гг. Читатель, который знакомился съ ними по мѣрѣ ихъ появленія въ разныхъ изда-

ніяхъ, не найдетъ въ вышедшихъ томахъ ничего новаго. Но въ качествѣ документа, характеризующаго съ извѣстной стороны эпоху пережитаго и еще не изжитаго лихолѣтья, когда общественное напряженіе достигало максимума, когда побѣды чередовались съ пораженіями, а надежды смѣнялись разочарованіями и обратно,—«Два града» Булгакова представляютъ немалый интересъ. Они освѣщаютъ тотъ уклонъ, по которому покатилась мысль одной группы русскихъ публицистовъ, выступившихъ впослѣдствіи съ покаянно-обличительными «Вѣхами». Эта группа явилась выразительницей общественнаго, политическаго и философскаго декаданса. Къ ней принадлежалъ г. Булгаковъ. И его «Два града» представляютъ любопытную и очень замѣтную «вѣху» въ упомянутомъ декадансѣ.

Прежде всего—что обозначаетъ заглавіе «Два града»? И въ какой связи стоитъ оно съ подзаголовкомъ, который заставляетъ предполагать, что трудъ г. Булгакова посвященъ раскрытію объективныхъ соціологическихъ истинъ? Двѣ души, говоритъ г. Булгаковъ, живутъ и развиваются, стремясь къ достиженію зрѣлости, въ европейской исторіи, въ нашей культурѣ, единой въ своемъ овеществленіи, но двойственной въ своихъ потенціяхъ. *Два града* строятся въ ней: градъ земной, отъ міра сего, и градъ неземной, не отъ міра сего, потусторонній, исполненный чудесъ. Не понимайте «чудесъ» въ иносказательномъ смыслѣ. Мы, напр., пренебрежительно относимся къ понятію «вѣчная жизнь». А между тѣмъ оно только предполагаетъ «новый *качественно-отличный* способъ воспріятія бытія, въ отличіе отъ разорванности временной». Ничего больше... Это очень просто, такъ просто, что г. Булгаковъ и не думаетъ пояснять, почему этотъ качественно-отличный способъ будетъ одаренъ признакомъ непремѣнно вѣчности, а не новой временности или неизвѣстной намъ прерывности. Христосъ воскресъ—вотъ «*абсолютный* фактъ», который возвѣщаетъ міру христіанство. А разъ это такъ, то «мы» свободно «утверждаемъ необходимость» другого чуда, именно чуда «всеобщаго воскресенія и преображенія, какъ заключительнаго звена космической эволюціи». Ясно, полагаетъ г. Булгаковъ, какъ таблица умноженія.

Г. Булгакову, правда, слышится «хриплый, скрипучій, мертвенный голосъ» научности, протестующей противъ этой таблицы. Но безпомощный хрипъ такой научности легко заглушается у него звучной ссылкой на ученіе объ эволюціи. Что это за ученіе? Оно, увѣряетъ г. Булгаковъ, «отголосокъ забытаго Откровенія». Эволюція вѣдь принимаетъ, «что изъ грязнаго безобразнаго кокона вылетаетъ чудная бабочка». Развѣ это не чудо? И развѣ тѣмъ самымъ эволюціонное ученіе не подтверждаетъ косвенно «абсолютнаго факта», лежащаго въ основаніи христіанства, даже болѣе—развѣ не кладетъ на него штемпеля «естественной необходимости»?

Но г. Булгаковъ, увы, не замѣчаетъ, что ссылкой на благожела-

тельный для него, хотя и «скрипучій», голосъ науки онъ опорочиваетъ все свое построеніе. Тотъ порядокъ идей, въ которомъ движется мысль г. Булгакова, знаетъ единственный верховный принципъ: credo quia absurdum. Малѣйшее прикосновеніе къ этому порядку идей какой бы то ни было научной теоріи, долженствующей что-то *доказать* или *подтвердить*, губительно для безтѣлеснаго неземного града, какъ факта реальнаго бытія, дѣлаетъ этотъ градъ неустойчивымъ, сомнительнымъ, призрачнымъ. Въ «мертвенной» эволюціи гаснетъ тотъ «свѣтъ новаго Іерусалима», который г. Булгаковъ хочетъ зажечь въ нашихъ сердцахъ. Абсурдность—вотъ лучшее доказательство истинности, реальности второго града. А естественная необходимость—это же орудіе бичуемаго г. Булгаковымъ «мѣщанскаго тупого самодовольства»! Это—щитъ самого Антихриста, вѣрующаго въ себя, въ сочиненные имъ законы, но не вѣрящаго въ мудрость Провидѣнія, которую онъ, Антихристъ, отрицаетъ.

Антихристъ и сатана занимаютъ не послѣднее мѣсто въ размышленіяхъ г. Булгакова о природѣ общественныхъ идеаловъ. Конечно, г. Булгаковъ пишетъ не сказку для дѣтей, а родъ нѣкотораго научнаго изслѣдованія. И посему подъ страшными терминами—сатанинствомъ и пр.—онъ разумѣетъ не нелѣпую чертовщину, а просто противоположный христіанству пантеизмъ въ разныхъ его видахъ, какъ-то: матеріализмъ энциклопедистовъ, спиритуалистическій позитивизмъ Гартмана и Шопенгауэра, экономическій матеріализмъ Маркса, позитивизмъ Конта и Спенсера. «Человѣкобожіе»—вотъ Антихристъ; строительство земного града—вотъ путь Сатаны. И кто только не грѣшенъ въ этомъ строительствѣ, кого только не соблазняли чары Антихриста, кто не увлекался мечтой земныхъ идеаловъ? Не говоря уже объ античномъ мірѣ,—іудаизмъ, католическій папизмъ и современный соціализмъ, по г. Булгакову, проникнуты ядовитой мечтой о земномъ градѣ. Всѣ эти воззрѣнія по существу религіозны, но это религіозность земной церкви, не заботящейся о вѣчномъ спасеніи. Только одно православіе убереглось отъ примѣси іудейскаго хиліазма; оно не связано съ опредѣленнымъ идеаломъ земного града, и вотъ почему оно «внутренне независимѣй, свободнѣе, чѣмъ папизмъ». Православіе, если освободить его отъ ученія о мистическомъ самодержавіи,—которое никогда, впрочемъ, не получало характера догмата,—остается царствомъ не отъ міра сего.

Общій характеръ міровоззрѣнія г. Булгакова выясняется изъ приведеннаго выше сопоставленія одного града съ другимъ. Автора привлекаетъ градъ ортодоксальнаго православія, именно ортодоксальнаго, а не сектантскаго, которое оторвано отъ «единой лозы», отъ питающей почвы. Проповѣдь такого града и составляетъ душу, главный нервъ вышедшихъ двухъ томовъ. Мы имѣемъ въ нихъ дѣло не столько съ изслѣдованіями о природѣ общественныхъ идеаловъ, сколько съ разоблаченіемъ человѣкобожія

и возвеличеніемъ чистаго теизма,—правильнѣе православія. Отсюда ясно, почему и въ чемъ грѣшна русская революція, въ чемъ повинна руководившая ею русская интеллигенція. Послѣдняя отнеслась высокомѣрно-покровительственно къ «народной, исторической и церковной стихіи». Не будь этого отношенія... Вѣхисты, и г. Булгаковъ въ ихъ числѣ, увѣряли, что мы были бы тогда уже у тихой пристани правового строя. Наивные чудаки!

Остается отмѣтить одно основное положеніе г. Булгакова. Въ бытность свою марксистомъ г. Булгаковъ полагалъ, что основа общественности лежитъ въ экономикѣ: экономика есть базисъ, все прочее—надстройки. Теперь г. Булгаковъ далеко отошелъ отъ марксизма, который въ своемъ человѣкобожіи хочетъ строить земной градъ «антихриста». Но вкусъ къ гегелевской универсальности, какъ она была воспринята экономическимъ матеріализмомъ, у него остался. Не выходя изъ тѣхъ же рамокъ универсальности, г. Булгаковъ ищетъ первое начало общественности. Раньше за primum movens ея онъ принималъ экономику. Теперь онъ почитаетъ «аксіомой, имѣющей аподиктическую достовѣрность, что истинную основу общественности надо видѣть въ религіи». Религія есть ферментъ общественности, тотъ «базисъ», на которомъ воздвигаются различныя «надстройки». Но что аксіоматично, то не требуетъ ни доказательствъ, ни изслѣдованія. Г. Булгаковъ охотно освобождаетъ себя и отъ одного, и отъ другого. И его соціологическое или историческое утвержденіе остается произвольнымъ, ничѣмъ необоснованнымъ, оно виситъ въ воздухѣ. Это не научное положеніе, а богословская мечта. Можно стремиться доказать, какъ это и дѣлаетъ г. Булгаковъ въ статьяхъ о Фейербахѣ, Марксѣ, соціализмѣ и т. д., что природа культурно-общественнаго *идеала* въ основѣ своей религіозна. Но отсюда еще очень далеко до утвержденія, что религія есть базисъ всей многогранной общественности, всѣхъ бывшихъ и настоящихъ соціальныхъ отношеній. Въ основу общественности можно положить и право, и экономику, и мораль, и религію, и антропогеографію, и всякую исторически данную конкретность, и любую абстрактную схему. Но ни одно такое основоположеніе не можетъ само по себѣ претендовать на безусловную истинность, на аксіоматическую достовѣрность. Какой элементъ нашей общественности является первоначальнымъ и опредѣляетъ собой силу и направленіе другихъ? Если это вопросъ и не чисто схоластическій, то во всякомъ случаѣ онъ можетъ быть рѣшенъ путемъ изученія и анализа фактовъ, а не соображеніями о томъ, что человѣкъ есть существо религіозное, что помимо воли Вседержителя творца міръ вообще, а, слѣдовательно, и общественность, держаться не можетъ. Въ такомъ анализѣ, который будетъ имѣть характеръ научнаго изслѣдованія, а не христіанской—точнѣе, православной—проповѣди, работа «антихриста» найдетъ себѣ не порицаніе, а правильную оцѣнку. Въ «Двухъ градахъ» нѣтъ такого изслѣдованія и

нѣтъ такой оцѣнки. Здѣсь ученый все время уступаетъ мѣсто ревнителю «церкви».

М. Л. Усовъ. Евреи въ арміи. Издательство „Разумъ". Спб. 1911. Стр. 84+179. Ц. 3 р.

Недостаточно освѣдомленный читатель, пожалуй, съ недоумѣніемъ остановится предъ толстымъ in-quarto г. Усова. Неужто нужны еще такія книги, неужто нужны еще серьезныя научныя статистическія, историческія, соціологическія изслѣдованія для того, чтобы доказать, что русскіе евреи могутъ быть русскими солдатами, и бываютъ ими въ достаточномъ количествѣ? Но евреи вынуждены это доказывать, какъ вынуждены убѣждать, что среди нихъ нѣтъ сектъ, нуждающихся въ крови христіанскихъ младенцевъ для своего культа. Приходится ворошить археологію и экзегетику тамъ, гдѣ достаточно было бы здраваго смысла. И иногда кажется, что вся энергія аргументаціи тратится то на тѣхъ, кого ничѣмъ не убѣдишь, то на тѣхъ, кто уже ни въ какихъ доказательствахъ не нуждается, ибо убѣжденъ безъ нихъ.

Послѣднее, несомнѣнно, ошибочно. Когда четверть вѣка тому назадъ Салтыковъ въ пламенныхъ строкахъ, посвященныхъ еврейской тяготѣ, призывалъ читателей прежде всего къ знанію, къ конкретному знакомству съ положеніемъ евреевъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду *своихъ* читателей, а не тѣхъ, кого надо убѣждать, что погромы—дѣло неподходящее. Именно предъ его читателями, предъ людьми, для которыхъ нѣтъ вопроса о еврейскомъ равноправіи, каждая новая страница изслѣдованія еврейской жизни въ Россіи раскрываетъ такія бездны государственной безсмыслицы и бытового злопыхательства, что даже онъ, ко всему привычный русскій обыватель, чувствуетъ, какъ мало онъ знаетъ, зная вообще, а не въ подробностяхъ.

Такія подробности даетъ въ изобиліи книга г. Усова, а о значеніи ихъ сможетъ судить всякій, кто захочетъ добросовѣстно провѣрить, какъ далеко идутъ его знанія, какимъ оружіемъ онъ смогъ бы бороться противъ извѣтовъ, ежедневно обновляемыхъ—не фактами, конечно, а новыми выкриками—и успѣвшихъ стать обиходными. Что можетъ сказать прогрессивный обыватель въ отвѣтъ на указаніе, что евреи, какъ это общеизвѣстно, уклоняются отъ воинской повинности? Благожелательный и безпомощный, онъ ежится, онъ говоритъ, что евреевъ жмутъ, и оттого они уклоняются, что въ свободной Россіи этого не будетъ, онъ говоритъ, плохо этому вѣря, что евреи могутъ быть хорошими солдатами и т. д. Такому читателю, очевидно, нуждающемуся въ фактахъ и не имѣющему ихъ, работа г. Усова сообщитъ много цѣннаго. Онъ узнаетъ изъ нея прежде всего, что русской арміи евреи даютъ относительно больше солдатъ, чѣмъ остальное населеніе: у евреевъ берутъ приблизительно 12%, у прочихъ—10%; еврейскихъ солдатъ должно бы быть

въ арміи сорокъ восемь тысячъ, а ихъ тамъ пятьдесятъ три тысячи. Другими словами: еврейскаго недобора нѣтъ. Каждый годъ правительственныя изданія объявляютъ, что такое-то—обыкновенно очень большое—количество евреевъ не явилось къ призыву; формально это правда. Но оказывается, что вслѣдствіе неправильности записей, вслѣдствіе эмиграціи, которую власти не желаютъ принимать во вниманіе при составленіи призывныхъ списковъ,—евреевъ призываютъ больше, чѣмъ ихъ есть на самомъ дѣлѣ: среди нихъ нѣтъ и не можетъ фактически быть такого количества мужчинъ въ возрастѣ 21 года, какое ежегодно должно явиться къ призыву. Правительство возлагаетъ на евреевъ коллективную отвѣтственность: за неявившагося—хотя бы существующаго только на бумагѣ, семья его платитъ штрафъ, а единовѣрцы даютъ солдата, хотя бы въ этомъ случаѣ пришлось пойти льготному; онъ можетъ быть единственнымъ сыномъ и единственнымъ кормильцомъ матери-вдовы; другихъ въ этомъ случаѣ не берутъ—его возьмутъ, потому что онъ еврей; и это не теоретическая возможность: ежегодно такихъ евреевъ льготныхъ перваго разряда берутъ около тысячи человѣкъ. Объ условіяхъ, въ которыхъ отбываютъ службу евреи-солдаты, говоритъ книга г. Усова, о высокой оцѣнкѣ, которую давали ихъ военной пригодности не только европейскіе государственные люди, не только высшіе чины арміи, даже русской, но и антисемитскіе публицисты вплоть до «Новаго Времени», когда во время войны надо было изображать единую дружную Россію. Списокъ евреевъ, убитыхъ и раненыхъ въ русско-японскую войну, приведенный г. Усовымъ, далеко не полонъ, но занимаетъ шестьдесятъ большихъ страницъ. И чудовищное впечатлѣніе производятъ эти безконечные ряды именъ всякихъ Мееровъ Срулевичей и Хацкелей Прозументовъ, отдавшихъ жизнь за то, чтобы имъ нельзя было жить въ Портъ-Артурѣ: ибо этихъ русскихъ подданныхъ не трогаютъ въ японскомъ Портъ-Артурѣ и высылаютъ изъ русской Манчжуріи. Дикое противорѣчіе—и нельзя отказать въ послѣдовательности тѣмъ изъ чемпіоновъ современной русской реакціи, которые агитируютъ за полное исключеніе евреевъ изъ арміи съ замѣной натуральной повинности личною. Тогда и сорвать можно будетъ, какъ слѣдуетъ, и упрекъ въ безсмыслицѣ отпадетъ. Недостающихъ 50 тысячъ солдатъ дастъ мужикъ, а на полученныя съ евреевъ деньги можно много сдѣлать по указаніямъ объединеннаго дворянства. Отвѣтомъ на эту невѣроятную агитацію должна служить интересная книга г. Усова – и нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что «въ горячей полемикѣ, поднявшейся вокругъ вопроса объ отбываніи евреями воинской повинности, чувствуется политическій азартъ; и не забота объ интересахъ арміи,—ощущается стремленіе уязвить елико возможно еврейскую народность, но совершенно не замѣчается желанія разобраться въ томъ, дѣйствительно ли предлагаемая мѣра обѣщаетъ какія-либо выгоды государству, и не

11*

слѣдуетъ ли, напротивъ, ждать отъ нея весьма серьезнаго ущерба не только еврейскимъ, но и общерусскимъ интересамъ».

Авторъ, очевидно, забылъ, что есть на свѣтѣ интересы не только общерусскіе, но и «истинно-русскіе».

Хавкина. Л. Б. Библіотеки, ихъ организація и техника. Спб. 1911.

Библіотековѣдѣніе—ученіе о библіотекахъ—на Западѣ давно уже завоевало себѣ положеніе самостоятельной отрасли знанія и имѣетъ громадную литературу, въ видѣ монографій, руководствъ и періодическихъ изданій. У насъ эта литература въ зачаткѣ, хотя русскія библіотеки—академическія—служатъ дѣлу просвѣщенія уже второе столѣтіе.

Въ полѣдніе годы количество библіотекъ у насъ сильно возросло, не взирая на всѣ неблагопріятныя условія русской общественности. Сельскія библіотеки считаются уже тысячами, городскихъ публичныхъ библіотекъ—635. Библіотечное дѣло, на посторонній взглядъ, казалось бы, простое, доступное каждому интеллигентному человѣку, скрываетъ въ себѣ массу трудностей—правда, не крупныхъ, но все-таки требующихъ спеціальныхъ познаній и навыковъ. Съ ростомъ книжнаго запаса и оборотовъ возрастаютъ и эти трудности, Достаточно сказать, что въ руководствахъ по библіотековѣдѣнію довольно значительное мѣсто занимаетъ отдѣлъ «книжной гигіены», трактующій о книжныхъ бактеріяхъ, о температурѣ въ книжныхъ помѣщеніяхъ и т. п. Изъ восьми руководствъ по библіотековѣдѣнію, имѣющихся на русскомъ языкѣ (Собольщикова, Фреймана, Томачинскаго, Балобановой, Племмеръ Мери въ переводѣ Поверника, Васильева, проф. Вѣхова и Л. Хавкиной), лучшими считаются два послѣднихъ—кіевскаго профессора С. Вѣхова и Л. Б. Хавкиной, которая нынѣ выпустила второе, переработанное и значительно дополненное изданіе своей книги. По содержанію книга эта охватываетъ всѣ стороны библіотековѣдѣнія; по полнотѣ въ русской спеціальной литературѣ она должна быть поставлена на первомъ мѣстѣ. Историческій очеркъ, служащій введеніемъ къ книгѣ, выясняетъ эволюцію различныхъ типовъ библіотекъ и даетъ возможность сравнить наши библіотеки съ лучшими иностранными. Значительная часть книги посвящена обозрѣнію иностранной и русской литературы по библіотековѣдѣнію, причемъ перечень статей, разсыпанныхъ по русскимъ журналамъ и газетамъ, носитъ исчерпывающій характеръ,—упомянуты даже небольшія газетныя замѣтки объ открытіи какой-нибудь читальни. Обиліе и полнота подробностей порою даже подавляетъ читателя,—напримѣръ, обстоятельный трактатъ о переплетѣ книгъ или о способахъ записей въ матеріальной книгѣ. Но... «сей порокъ еще не столь большой руки». Спеціальная критика указываетъ нѣкоторые недочеты въ

разработкѣ вопросовъ о разстановкѣ книгъ, о вспомогательныхъ знакахъ или символахъ десятичной системы классификаціи, но для огромнаго большинства лицъ, которымъ придется пользоваться обстоятельнымъ руководствомъ г-жи Хавкиной, эти маленькіе недочеты серьезнаго практическаго значенія имѣть не будутъ. Книга снабжена многими рисунками, планами, таблицами и алфавитнымъ указателемъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Кн-во „Освобожденіе". Спб. 1911.— ***И. Василевскій*** (Не-Буква). Нервные люди. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.— ***А. Свирскій.*** Разсказы. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.—Современная русская литература: ***Ив. Бунинъ.*** Астма. Ц. 10 к.—***Гусевъ-Оренбургскій.*** Пастырь добрый. Ц. 10 к.—***Его же.*** Могила. Недоумѣніе. Ц. 10 к.—***Вл. Кохановскій.*** Студентъ Ивановъ. Ц. 10 к.—***М. Арцыбашевъ.*** Рабочій Шевыревъ. Ц. 30 к.—***Ан. Каменскій.*** На дачѣ. Ц. 20 к.—***А. Кранліевская.*** У свѣжей могилы. Ц. 20 к.

Кн-во „Путь". М. 1911.—***Вл. Эрнъ.*** Борьба за логосъ. Опыты философскіе и критическіе. Ц. 2 р.—Сборникъ первый. О Владимірѣ Соловьевѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во „Современныя Проблемы". М. 1911.—***Бласко Ибаньесъ.*** Полн. собр. соч. Т. XI. Луна Бенаморъ. Печальная весна. Ц. 1 р.—***Бьернстерне Бьернсонъ.*** Полн. собр. сочин. Т. IV. Единобрачіе и многобрачіе. Марія Шотландская. Банкротство. Ц. 1 р. 25 к.—***Вл. Реймонтъ.*** Полн. собр. соч. Т. V. Земля обѣтованная. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во А. Сухова. Спб. 1911.—Дешевая избранная библіотека для семьи и школы: ***М. Комменсъ.*** Фонарщикъ. Ц. 60 к.—***С. Смайльсъ.*** Неутомимый работникъ Томасъ Эдвардъ. Ц. 20 к.—***Эд. де-Амичисъ.*** За матерью. Ц. 15 к.—***Л. Кормчій.*** На каникулахъ. Ц. 10 к.

Кн-во „Сфинксъ". М. 1911.—***Камиллъ Лемонье.*** Полн. собр. соч. Т. I. Адамъ и Ева. Романъ. Ц. 1 р.— ***Пьеръ Луисъ.*** Женщина и паяцъ. Ц. 75 к.

Кн-ское Т-во „Просвѣщеніе". Спб. 1911.—***Я. Тугендхольдъ.*** Французское искусство и его представители. Ц. 2 р. 25 к.—***Вас. Ив. Немирович-Данченко.*** Сторожевые огни. Романъ. Ч. III. Ц. 1 р. 25 к.—***Н. М. Осиповичъ.*** Собр. соч. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.—***В. В. Муйжель.*** Собр. соч. Т. II. Ц. 1 р.—***В. Г. Танъ.*** Собр. сочиненій. Т. VIII. На родинѣ. Ц. 1 р.—***Гюи де-Мопассанъ.*** Полн. собр. соч. Т. XV. Посмертные разсказы и письма. Ц. 1 р.

Изд. „Посредникъ". М. 1911.—***Л. Н. Толстой.*** Исповѣдь. 3-е изд. Ц. 15 к.—***Его же.*** Ученіе Христа, излож. для дѣтей. Ц. 18 к.—***Х. Уильямсъ.*** Этика пищи. Со ст. Л. Н. Толстого. Ц. 75 к.—***Л. Штейертъ***, проф. Какъ помогать скотинѣ въ несчастныхъ случаяхъ. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1911.— ***М. А. Рейснеръ.*** Государство. Ч. 1-я. Культурно-историческія основы. Ц. 1 р. 50 к.—***М. Баженовъ.*** Хронологія всеобщей и русской исторіи. Ц. 25 к.—***В. Вахтеровъ.*** Предметный методъ обученія. Ц. 80 к.—***В. Акимовъ.*** Технологія дерева. Ц. 80 к.— ***І. Штеклинъ.*** Методика ариѳметики. Ч. I. Ц. 1 р.—***Н. Платоновъ.*** Практ. занятія по начальной астрономіи. Ц. 60 к.—***В. Нечаевъ.*** Чума въ 1771 г. въ Москвѣ. Ц. 15 к.—На-

родная энциклопедія. Т. VII. Языкознаніе и исторія литературы. Т. XII. Политическая экономія.—***Сем. Юшкевичъ***. Очерки дѣтства. Ц. 1 р. 50 к.—***Кл. Лукашевичъ***. Школьный праздникъ древонасажденія. Ц. 75 к.

Московское кн-во. М. 1911.—***А. М. Өедоровъ***. Природа. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.—***Вл. Реймонтъ***. Вампиръ. Ц. 1 р. 25 к.—***С. Юшкевичъ***. Улица. Ц. 75 к.—***З. Гиппіусъ***. Чортова кукла. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во „Скорпіонъ". М. 1911. — ***К. Бальмонтъ***. Полн. собр. стихотвореній. Т. V. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.— ***Вячеславъ Ивановъ***. Cor Ardens. Ч. 1-я. Ц. 2 р. 40 к.

Изд. I. Кнебель. М. 1911.—***Игорь Грабарь***. Исторія русскаго искусства. В. 9-й.—***Его же***. Монографіи. Русскіе художники. В. I. М. А. Врубель. Жизнь его и творчество.—***А. П. Ненашевъ***. Германія.

Е. Руссатъ. Стихотворенія. Спб. 1911. Ц. 80 к.

С. Тартановеръ. Нѣсколько стихотвореній. Ростовъ на Дону. 1911. Ц. 50 к.

Ан. Соронинъ. Золото. Драма. Ц. 40 к.

Ромэнъ Ролланъ. Жанъ - Кристофъ. 1. Заря. М. 1911. Ц. 80 к.

Д. Линевъ. По этапу. Разсказы изъ тюремнаго быта. 2-е изд. Спб. 1911. Ц. 80 к.

Эд. Штильгебауеръ. Столпы школы. Романъ. Спб. 1911. Ц. 90 к.

Гнат Хоткевич. Камінна душа. Чернівці. 1911.

Постоянная коммиссія народныхъ чтеній. Спб. 1911.—***М. А Бенетова***. Англія. Истор. очеркъ. Ц. 20 к.— ***А. Ф. Бардовскій***. В. Г. Бѣлинскій. Ц. 10 к.—***О. Петерсонъ***. П. А. Лонгфелло. Ц. 12 к.

М. В. Бернацкій. Теоретики государственнаго соціализма въ Германіи и соціально-политическія воззрѣнія кн. Бисмарка. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

B. Wasniewsky. Byt i warunki pracy robotnikow w przemysle cukrowniczym Krolestwa Polskiego. Warszawa. 1911.

M. Silberfarb. Die Verwaltung d. judischen Gemeinden in Russland. Pressburg. 1911.

К. Вейдемюллеръ. Проснувшійся Китай. Спб. 1911. Ц. 20 к.

Н. Макаровъ. Новая кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ. Кострома. 1911. Ц. 75 к.

С. А. Новосельскій. О различіяхъ въ смертности городского и сельскаго населенія Евр. Россіи. М. 1911. Ц. 25 к.

А. П. Мещерскій. Цѣны на землю и Крестьянскій банкъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Его же. Не воюйте съ природою. Вопросъ о лѣсахъ Сѣвера Россіи. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Ф. Энриквесъ. Проблемы науки. Пер. подъ ред. пр.-доц. А. Балинскаго и г. Шпетта. М. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

Г. Челла. Іонизація газовъ корпускулы. Пер. подъ ред. П. А. Булгакова. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Д-ръ ***С. Столлъ***. Что небходимо знать каждому мальчику? Спб. 1911. Ц. 1 р.

И. Бѣлецкій. Методика земледѣлія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

А. Я. Ефименко. Элементарный учебникъ русской исторіи. Изд. Я. Башмакова. 1911. Ц. 75 к.

Я. Д. Фризеръ. Желѣзнодорожные варіанты отъ сибирской магистрали въ Ленскій бассейнъ. Иркутскъ. 1911. Ц. 1 р.

Альманахъ молодыхъ писателей. Хмель. Кн. 1. М. 1911. Ц. 75 к.

Свободное воспитаніе №№ 6 и 7. Маякъ №№ 2 и 3.

Матеріалы по киргизскому землепользованію, собранные и разработанные экспедиціей по изслѣдованію степныхъ областей Акмолинской обл. Т. III. ч. 1 и 2. Акмолинскій уѣздъ, т. XII. Петропавловскій уѣздъ. Черниговъ. 1907—1909 гг.

Труды секціи гигіены воспитанія и образованія въ Н.-Новгородѣ за 1910 г. Н.-Новгородъ. 1910.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118001905

СТОЛОВАЯ
ВОДА
Столовая Вода
Калинкинъ
Идеальный
МИНЕРАЛЬНЫЙ
ОСВѢЖАЮЩІЙ
ПРЕКРАСНАГО ВКУСА
НАПИТОКЪ
„КАЛИНКИНЪ“